РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 6 (июнь) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

*Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в **Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.*

*Журнал включён в **Science Index**, индексируется в **Google Scholar**, каждой статье присваивается **DOI (Digital Object Identifier)**.*

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***,
академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***,
доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Usanov Vladimir Evgenievich**,
Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selirovich**,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Российский научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Российский научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

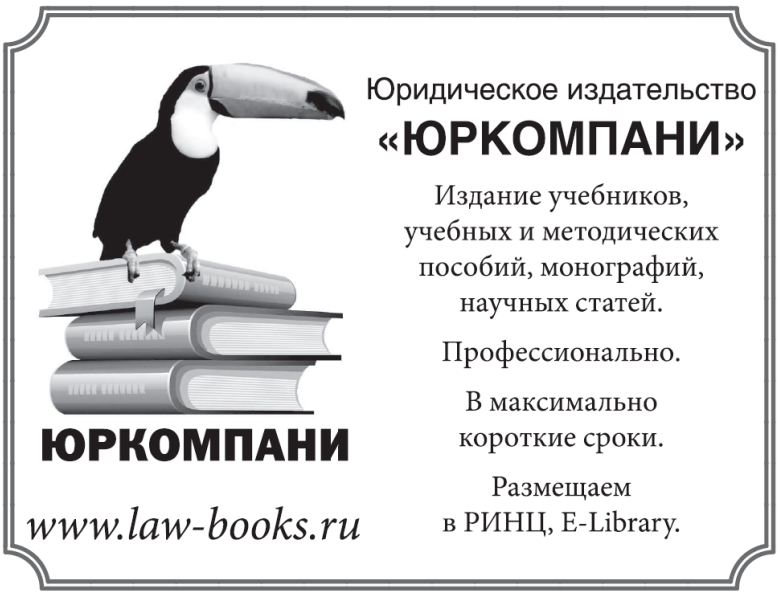
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки

рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов). Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: *mail@law-books.ru* или через форму на Главной странице сайта *«Опубликовать статью РИНЦ»*.

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC *(Library of Congress)*. Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры). Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

– фамилия и инициалы автора (авторов) – в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

– заглавие статьи / монографии – в транслитерации;

– заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

– название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

– название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

– выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») – в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

– указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], – обязательно!

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

– в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

– необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Виноградова Е.В. * Роль «законоискусства» в становлении юридического образования и укреплении правового суверенитета России: забытая страница отечественной педагогики 21

Бондаренко И.А., Горских Д.А. * Анализ условий национализации иностранных активов в Российской Федерации в свете развития угроз конфискации резервов ЦБР в Европе 25

Майстренко Г.А. * Характеристика терроризма в уголовном праве России на основе законодательной базы 30

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Натаева З.А., Муртазаева А.А. * Самозащита в гражданском праве России 33

Загалаева Ж.А. * Договор розничной купли-продажи: понятие, публичный характер и защита прав потребителей 36

Хабиева З.Д. * Правовое регулирование бесхозяйных земельных участков 39

Ильясов О.Р., Смирнова Е.С., Быкова О.А., Кошеленко Л.В., Барыкина Е.С., Копарулина А.Е. * Основные принципы управления охраной труда 43

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Патюлин Г.С. * Конституционный принцип доверия и государственный суверенитет: от веры в право к правовой легитимности 52

Зохрабян Р.П. * Конституционно-правовое регулирование института референдума о праве народов на самоопределение 58

Барикаева А.Ф. * Конституционные основы развития экономической функции местного самоуправления в Российской Федерации 64

Гуров И.О. * Конституционно-правовые основы участия молодёжи в управлении делами государства: роль молодёжных парламентов 69

Аношина А.Я. * Конституционно-правовые пределы цифровизации конкурентных отношений: баланс между технологическими инновациями и защитой добросовестной конкуренции 74

Патюлин Г.С. * Принцип доверия и государственный суверенитет в современном государствоведении: теория и конституционная практика 80

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Горбунова О.С., Кот Е.М., Стахеева Л.М., Радионова С.В., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В. * Необходимость внедрения бюджетирования на предприятиях АПК 87

Блинов А.Е. * Банковский надзор за деятельностью банковских групп и холдингов: особенности и правовые неопределенности 94

Алиева Е.С., Шахабасова Ф.Р. * Банковские системы: размышления о двойственной природе финансового посредничества и границах ответственности (субъективный взгляд на скрытые механизмы экономического благополучия) 97

Подзорова А.Р. * Введение пятиступенчатой шкалы НДФЛ: последствия для налоговой нагрузки физических лиц и бюджетной системы 102

Кротов М.И., Дудина О.И., Малькова Ю.В., Пильников Л.Н., Пильникова И.Ф., Радионова С.В. * Анализ формирования затрат в сфере аудиторской деятельности (на примере «Юникон» АО) 109

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Абрамов Г.О. * Генезис института налогового омбудсмена в зарубежных правопорядках и перспективы его имплементации в Российской Федерации 116

Майстренко А.Г., Майстренко Г.А. * Международно-правовой и отечественный режим охраны здоровья и медико- санитарное обеспечение лиц находящихся в местах лишения свободы 122

Антонова Н.В., Басангов Д.А., Хьеу Б.Д. * Трансформация культуры правотворчества в России и Вьетнаме: взаимодействие правовых традиций и цифровых технологий 128

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Пеленицына М.В., Драган А.И. * Особая роль арбитражных судов в судебной системе Российской Федерации 139

Толстолуцкий В.Ю., Погодина Т.Г. * Метод посмертной судебно-экспертной оценки дееспособности на основе ретроспективного исследования динамики диагностических коэффициентов 146

Маказиева З.Д., Ахтаева Э.А. * Проблемные вопросы назначения и производства судебно-баллистической экспертизы Российской Федерации 156

Андреева С.Е., Дробот С.А., Воронцова И.В. * Судебная защита прав участников специальной военной операции и членов их семей: процессуальные льготы и особенности исчисления сроков 160

Мамедова М.К., Ибичаева С.Ш. * Специализированные исполнительные суды в Российской Федерации: теоретическое обоснование и перспективы институционализации 167

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Магомадова Э.И. * Нотариальные действия в контексте наследственного и семейного права 171

Хабиева З.Д. * Современные механизмы защиты права собственности 178

Гетте Е.М. * Правовое регулирование авторских прав в новых медиа: теоретико-правовой аспект . . . 181

Борзенков П.Е. * Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта в отечественной правовой системе 187

Ильясов О.Р., Быкова О.А., Смирнова Е.С., Кошеленко Л.В., Барыкина Е.С., Копарулина А.Е. * Проблемы предупреждения электротравматизма на предприятии железнодорожного транспорта . . . 192

Спылаев О.Д. * Внесудебное банкротство гражданина: анализ преимуществ и рисков упрощённой процедуры 198

Бегичева Е.В. * Ответственность без субъекта: границы и перспективы правового вменения в условиях машинной автономии 204

Григорьев О.Е., Костина Е.С. * Регулирование способов распоряжения исключительными правами на примере договора коммерческой концессии и лицензионного договора по управлению авторскими и смежными правами 209

Хабиева З.Д. * Актуальные проблемы земельного законодательства 213

Мартынова О.О., Шемельфейнинг М.Д. * Соотношение географического указания и наименования места происхождения товара с товарным знаком 216

Клубничкин А.С. * Правовое регулирование государственных закупок: вопросы теории и практики . .220

Ильясов О.Р., Смирнова Е.С., Быкова О.А., Кошеленко Л.В., Барыкина Е.С., Копарулина А.Е. * Статистика несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на предприятии нефтегазовой отрасли 223

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Азиева П.З., Абдулкадыров М.Д. * Патриархальная теория происхождения государства и права . . . 230

Жёлобов М.В. * К вопросу о финансово-правовой природе института предоставления государственных и муниципальных преференций в российском праве 234

Калинин А.Ю. * Свобода воли и волеизъявление как условия действительности сделки 238

Иванов А.В. * Правовая природа соглашения об оказании юридической помощи 245

Маказиева З.Д., Дадашов М.М. * Теоретические и правовые основы цифровой криминалистики . . . 251

Алхастова М.В., Абдулкадырова М.А., Буев Ю.А. * Система принципов предварительного расследования: теоретико-правовая интерпретация и проблемы практической реализации 255

Азиева П.З., Абдулкадыров М.Д. * Теологическая теория происхождения государства и права 258

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Натаева З.А., Муртазаева А.А. * Посредничество в гражданском праве России 262

Хабиева З.Д. * Виндикационный иск в гражданском праве России 265

Загалаева Ж.А. * Договор поставки как правовая форма оптовой торговли: заключение, исполнение и ответственность 268

Кирсанова Е.В. * Сделкоспособность и порок воли при нотариально удостоверенной сделке: научный комментарий к делу № А40-304649/18 271

Хабиева З.Д. * Правовое регулирование кадастровой оценки земельных участков 281

Магомадова Э.И. * Сущность и правовое значение нотариального удостоверения сделок 284

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Тепсуев М.С., Хаджиев У.К., Альтемирова Э.Р. * Судимость как правовое состояние и межотраслевой институт: проблемы теории и правовых последствий 289

Акапьев В.Л., Борисенко А.В., Ковалева Е.Г., Пироженко Ю.А. * Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы квалификации 293

Бажанов С.А. * Институт личного поручительства и залога: почему альтернативные меры пресечения редко заменяют заключение под стражу? 300

Царькова Е.Г. * Правовые основы и перспективы применения больших языковых моделей при подготовке деловых и правовых документов в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 309

Мальцагов И.Д. * Отсутствие события преступления как основание для отказа в возбуждении уголовного дела 314

Цечоев А.Т. * Уголовно-правовое регулирование оборота гражданского оружия: опыт отдельных зарубежных стран и возможности его адаптации в России 317

Бурханова С.Д., Мисник И.В. * Цифровизация в уголовном судопроизводстве 322

Айсханова Е.С., Тепсуев М.С. * О принципах уголовного судопроизводства на досудебной стадии . . 327

Фиалковская Е.В. * Адаптация и ресоциализация осужденных после освобождения 331

Копылова О.П., Медведева С.В., Стрельникова А.А. * Телефонное мошенничество: современные схемы и психологические аспекты 335

Зорина Н.С. * Психологические особенности несовершеннолетних осужденных, склонных к аутоагрессивным действиям 342

Исаева Е.Д., Богданов М.Н., Теренков И.Е. * К вопросу о понятии и структуре методики расследования мошенничества в сфере потребительского кредитования на современном этапе развития криминалистической науки 346

Майстренко Г.А. * Использования исторического опыта в отечественной пенитенциарной практике 354

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Свистунов А.А. * Принципы административно-правового обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации 358

Маказиева З.Д., Хаджиев У.К. * Технологии мониторинга цифрового пространства в целях предупреждения правонарушений 365

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Неверова О.П., Шаравьев П.В., Ильясов О.Р., Горелик А.С., Копарулина А.Е., Пашук Е.Ю. * Цели и задачи производственной практики в аграрных вузах 368

Павлова Я.С., Неверова О.П., Ильясов О.Р., Степанов А.В., Горелик А.С., Укроженко Д.С. * Формирование бренда образовательной организации 372

Гофман А.А., Пожималин В.Н., Кучмук В.И. * Психолого-педагогические условия формирования стрессоустойчивости у курсантов вузов ФСИН России в процессе профессиональной подготовки 378

Неверова О.П., Шаравьев П.В., Ильясов О.Р., Горелик А.С., Копарулина А.Е., Пашук Е.Ю. * Внеучебная деятельность как фактор формирования профессионально значимых качеств студентов СПО . . 384

ИННОВАЦИИ В МИРЕ

Натаева З.А., Муртазаева А.А. * Современные вызовы защиты частных интересов 388

Хабиева З.Д. * Проблемные аспекты регулирования интернет-отношений 391

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Трудотерапия как неотъемлемая часть процесса реабилитации 394

Шарапова В.М., Шарапова Н.В., Турсунхужаев С.К., Попов А.Ю., Шарапов Ю.В. * Совершенствование учёта, анализа и аудита основных средств на основе опыта развитых стран: адаптационная модель для государственных высших образовательных организаций Узбекистана 398

Гофман А.А., Пожималин В.Н. * Дистанционное обучение курсантов правоохранительных вузов: риски и перспективы (постпандемийный опыт) 406

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ

Павлова Я.С., Галушина П.С., Неверова О.П., Ильясов О.Р., Лопаева Н.Л., Укроженко Д.С. * KPI в образовании: возможности и ограничения 412

Ражина Е.В., Смирнова Е.С., Неверова О.П., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Ильясов О.Р. * Особенности использования технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности 418

Зорина Н.С. * Физическое воспитание как направление воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях 423

Неверова О.П., Харлап С.Ю., Шаравьев П.В., Ильясов О.Р., Галушина П.С., Горелик А.С. * Дополнительное образование в вузе: актуальность, функции, преимущества 427

Неверова О.П., Шаравьев П.В., Ильясов О.Р., Горелик А.С., Копарулина А.Е., Ненахов В.В. * Мастер-класс по производству мороженого как форма ранней профориентации обучающихся общеобразовательных организаций 431

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Быкова О.А., Степанов А.В., Ильясов О.Р., Смирнова Е.С., Ражина Е.В., Шиловцев А.В. * Гидрохимический анализ поверхностных вод в районе расположения ГРЭС 435

Смирнова Е.С., Неверова О.П., Ильясов О.Р., Павлова Я.С., Шиловцев А.В., Синько В.Н. * Факторы антропогенного загрязнения поверхностных водных объектов 441

Кравцов Д.Д. * Некоторые проблемы юридической ответственности в сфере правовой охраны атмосферного воздуха 444

Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Егоров С.Г., Зарубина Е.В., Кошеленко Л.В., Петрова Л.Н. * Особенности правового режима земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации 451

Смирнова Е.С., Быкова О.А., Лопаева Н.Л., Укроженко Д.С., Шиловцев А.В., Кошеленко Л.В. * Влияние сельскохозяйственной техники на окружающую природную среду 459

Мусаев У.А., Фогель А.А. * Особенности правового регулирования вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот 462

Быкова О.А., Степанов А.В., Ильясов О.Р., Смирнова Е.С., Ражина Е.В., Шиловцев А.В. * Экологическое воздействие предприятия железнодорожных грузовых перевозок на состояние атмосферного воздуха населенного пункта 468

Смирнова Е.С., Ражина Е.В., Быкова О.А., Лопаева Н.Л., Укроженко Д.С., Кошеленко Л.В. * Молочная сыворотка как ценный ресурс в перерабатывающей промышленности 474

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Шиловцев А.В., Синько В.Н., Быкова О.А., Кошеленко Л.В., Ильясов О.Р., Смирнова Е.С. * К вопросу об истории памятника «Комсомолу Урала» (г. Екатеринбург) 477

Синько В.Н., Шиловцев А.В., Егоров С.Г., Ильясов О.Р., Ражина Е.В., Кошеленко Л.В. * К вопросу о состоянии сферы услуг парикмахеров и цирюльников г. Екатеринбурга (конец XIX – начало XX вв.) . . . 481

Шиловцев А.В., Синько В.Н., Смирнова Е.С., Ильясов О.Р., Канев П., Кошеленко Л.В. * К вопросу об истории строительства исторического сквера (г. Екатеринбург) 486

Шиловцев А.В., Синько В.Н., Кошеленко Л.В., Ильясов О.Р., Егоров С.Г., Ражина Е.В. * Свердловский парк - стадион «Химмаш»: к истории появления и развития (по материалам периодической печати) . . 492

CONTENTS:

POLICY AND LAW

Vinogradova E.V. * The role of “lawmaking” in the development of legal education and strengthening Russia’s legal sovereignty: a forgotten page of Russian pedagogy 21

Bondarenko I.A., Gorskikh D.A. * Analysis of the conditions for the nationalization of foreign assets in the Russian Federation in the light of the development of threats of confiscation of the reserves of the Central Bank in Europe 25

Maystrenko G.A. * Characteristics of terrorism in Russian criminal law based on the legislative framework . . 30

HUMAN RIGHTS

Nataeva Z.A., Murtazaeva A.A. * Self-defense in Russian civil law 33

Zagalaeva Zh.A. * The retail sales contract: concept, public nature and consumer rights protection 36

Khabieva Z.D. * Legal regulation of unowned land plots 39

Ilyasov O.R., Smirnova E.S., Bykova O.A., Koshelenko L.V., Barykina E.S., Koparulina A.E. * Occupational health management philosophy 43

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Patyulin G.S. * Constitutional principle of trust and state sovereignty: from faith in law to legal legitimacy . . . 52

Zohrabyan R.P. * Constitutional and legal regulation of the institution of the referendum on the right of peoples to self-determination 58

Barikaeva A.F. * Constitutional foundations for the development of the economic function of local self-government in Russia 64

Gurov I.O. * Constitutional and legal foundations of youth participation in public governance: the role of youth parliaments 69

Anoshina A.Ya. * Constitutional and legal limits of digitalization of competitive relations: balance between tecjnological innovations and protection of fair competition 74

Patiulin G.S. * The principle of trust and state sovereignty in modern state studies: theory and constitutional practice 80

LAW AND ECONOMICS

Gorbunova O.S., Kot E.M., Stakheeva L.M., Radionova S.V., Pilnikova I.F., Petryakova S.V. * The need to implement budgeting at agricultural enterprises 87

Blinov A.E. * Banking supervision of the activities of banking groups and holdings: features and legal uncertainties 94

Alieva E.S., Shakhabasova F.R. * Banking systems: thinking about the dual nature of financial intermediation and the boundaries of responsibility (a subjective view of hidden mechanisms of economic well-being) 97

Podzorova A.R. * Introduction of a five-step scale of personal income tax: implications for the tax burden of individuals and the budget system 102

Krotov M.I., Dudina O.I., Malkova Yu.V., Pilnikov L.N., Pilnikova I.F., Radionova S.V. * Analysis of cost formation in the field of auditing (using the example of Unicon JSC) 109

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Abramov G.O. * Genesis of the tax ombudsman institution in foreign legal systems and prospects for its implementation in the Russian Federation 116

Maystrenko A.G., Maystrenko G.A. * International and domestic legal regime for the protection of health and medical care for persons in places of detention 122

Antonova N.V., Basangov D.A., Hieu B.D. * Transforming lawmaking culture in Russia and Vietnam: the interaction of legal traditions and digital technologies 128

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Pelenitsyna M.V., Dragan A.I. * Special role of arbitrage courts in the Russian Federation's court system . . . 139

Tolstolutsky V.Yu., Pogodina T.G. * A method of post-mortum forensic assessment of legal capacity based on a retrospective study of the dynamics of diagnostic coefficients 146

Makazieva Z.D., Akhtaeva E.A. * Issues of appointment and production of forensic ballistic expertise in the Russian Federation 156

Andreeva S.E., Drobot S.A., Vorontsova I.V. * Judicial protection of the rights of participants in a special military operation and members of their families: procedural benefits and specifics of calculating terms 160

Mamedova M.K., Ibichaeva S.Sh. * Specialized executive courts in the Russian Federation: theoretical background and prospects of institutionalization 167

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Magomadova E.I. * Notary actions in the context of inheritance and family law 171

Khabieva Z.D. * Modern mechanisms for the protection of property rights 178

Gette E.M. * Legal regulation of copyright in new media: theoretical and legal aspect 181

Borzenkov P.E. * Problems of legal personality of artificial intelligence in the domestic legal system 187

Ilyasov O.R., Bykova O.A., Smirnova E.S., Koshelenko L.V., Barykina E.S., Koparulina A.E. * Problems of preventing electrical injuries in railway transport enterprises 192

Spylaev O.D.* Out-of-court bankruptcy of a citizen: analysis of the advantages and risks of the simplified procedure 198

Begicheva E.V. * Responsibility without a subject: the boundaries and prospects of legal imputation in the context of machine autonomy 204

Grigoriev O.E., Kostina E.S. * Regulation of methods of disposing of exclusive rights on the example of a commercial concession agreement and a license agreement for the management of copyright and related rights 209

Khabieva Z.D. * Actual problems of land legislation 213

Martynova O.O., Shemelfeining M.D. * Correlation between the geographical indication and the name of the product's origin with a trademark 216

Klubnichkin A.S. * Legal regulation of public procurement: theory and practice 220

Ilyasov O.R., Smirnova E.S., Bykova O.A., Koshelenko L.V., Barykina E.S., Koparulina A.E. * Statistics of industrial accidents and occupational diseases in the oil and gas industry 223

PROBLEMS OF LEGAL THEORY

Azieva P.Z., Abdulkadyrov M.D. * Patriarchal theory of state origin and law 230

Zhelobov M.V. * On the issue of the financial and legal nature of the institution of granting state and municipal preferences in Russian law 234

Kalinin A.Yu. * Free will and expression of will as conditions for the validity of the transaction 238

Ivanov A.V. * Legal nature of the legal assistance agreement 245

Makazieva Z.D., Dadashov M.M. * Theoretical and legal foundations of digital criminology 251

Alkhastova M.V., Abdulkadyrova M.A., Buev Yu.A. * System of principles of preliminary investigation: theoretical and legal interpretation and problems of practical implementation 255

Azieva P.Z., Abdulkadyrov M.D. * The theological theory of the origin of the state and law 258

CIVIL AND BUSINESS LAW

Nataeva Z.A., Murtazaeva A.A. * Mediation in Russian civil law 262

Khabieva Z.D. * A claim for recovery in Russian civil law 265

Zagalaeva Zh.A. * The supply contract as a legal form of wholesale trade: conclusion, execution, and liability 268

Kirsanova E.V. * Dealability and vice of will in a notarized transaction: scientific commentary on the case no. A40-304649/18 271

Khabieva Z.D. * Legal regulation of cadastral assessment of land plots 281

Magomadova E.I. * The essence and legal significance of notarization of transactions 284

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Tepsuev M.S., Khadzhiev U.K., Altemirova E.R. * Criminal record as a legal status and an intersectoral institution: theoretical issues and legal consequences 289

Akapyev V.L., Borisenko A.V., Kovaleva E.G., Pirozhenko Yu.A. * Internet fraud (phishing): qualification issues 293

Bazhanov S.A. * Personal surety and bail: why alternative preventive measures rarely replace pre-trial detention 300

Tsarkova E.G. * Legal foundations and prospects for the use of large language models in the preparation of business and legal documents in the activities of the penal system of the Russian Federation 309

Maltsagov I.D. * Absence of a crime event as grounds for refusal to initiate criminal proceedings 314

Tsechoev A.T. * Criminal law regulation of civilian weapons circulation: the experience of selected foreign countries and the possibilities of its adaptation in Russia 317

Burkhanova S.D., Misnik I.V. * Digitization in criminal legal proceedings 322

Ayskhanova E.S., Tepsuev M.S. * On the principles of criminal justice at the pre-trial stage 327

Fialkovskaya E.V. * Adaptation and re-socialization of convicts after release 331

Kopylova O.P., Medvedeva S.V., Strelnikova A.A. * Phone scamming: modern schemes and psychological aspects 335

Zorina N.S. * Psychological features of juvenile convicts prone to autoaggressive actions 342

Isaeva E.D., Bogdanov M.N., Teryenkov I.E. * On the concept and structure of the methodology for investigating consumer credit fraud at the current stage of development of forensic science 346

Maistrenko G.A. * Using historical experience in domestic penitentiary practice 354

ADMINISTRATIVE LAW

Svistunov A.A. * Principles of administrative and legal support for innovative activities in the Russian Federation 358

Makazieva Z.D., Khadzhiev U.K. * Digital space monitoring technologies for crime prevention 365

EDUCATION MANAGEMENT

Neverova O.P., Sharaviev P.V., Ilyasov O.R., Gorelik A.S., Koparulina A.E., Pashuk E.Yu. * Goals and objectives of the production practice in agricultural universities 368

Pavlova Ya.S., Neverova O.P., Ilyasov O.R., Stepanov A.V., Gorelik A.S., Ukrozhenko D.S. * Branding an educational organization 372

Gofman A.A., Pozhimalin V.N., Kuchmuk V.I. * Psychological and pedagogical conditions for forming stress resistance in university students of the Russian federal penitentiary in the process of professional training . . 378

Neverova O.P., Sharaviev P.V., Ilyasov O.R., Gorelik A.S., Koparulina A.E., Pashuk E.Yu. * Extracurricular activities as a factor in the formation of professionally significant qualities of SPO students 384

INNOVATION IN THE WORLD

Nataeva Z.A., Murtazaeva A.A. * Modern challenges of private interests protection 388

Khabieva Z.D. * Problematic aspects of regulating internet relations 391

Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Occupational therapy as an integral part of the rehabilitation process . . . 394

Sharapova V.M., Sharapova N.V., Tursunkhuzhayev S.K., Popov A.Yu., Sharapov Yu.V. * Improvement of accounting, analysis and audit of fixed assets based on the experience of developed countries: an adaptation model for state higher educational organizations of Uzbekistan 398

Gofman A.A., Pozhimalin V.N. * Distance learning for law enforcement students: risks and prospects (post-pandemic experience) 406

EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD

Pavlova Ya.S., Galushina P.S., Neverova O.P., Ilyasov O.R., Lopaeva N.L., Ukrozhenko D.S. * KPIS in education: possibilities and limitations 412

Razhina E.V., Smirnova E.S., Neverova O.P., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Ilyasov O.R. * Features of using artificial intelligence technologies in educational activities 418

Zorina N.S. * Physical education as a direction of educational work with juvenile convicts serving sentences in educational colonies 423

Neverova O.P., Kharlap S.Yu., Sharaviev P.V., Ilyasov O.R., Galushina P.S., Gorelik A.S. * Additional education at the university: relevance, functions, advantages 427

Neverova O.P., Sharaviev P.V., Ilyasov O.R., Gorelik A.S., Koparulina A.E., Nenakhov V.V. * Ice cream production master class as a form of early career guidance for students educational organizations 431

ENVIRONMENTAL LAW

Bykova O.A., Stepanov A.V., Ilyasov O.R., Smirnova E.S., Razhina E.V., Shilovtsev A.V. * Hydrochemical analysis of surface water in the area of the hydroelectric power station 435

Smirnova E.S., Neverova O.P., Ilyasov O.R., Pavlova Ya.S., Shilovtsev A.V., Sinko V.N. * Factors of anthropogenic pollution of surface water bodies 441

Kravtsov D.D. * Some problems of legal responsibility in the field of legal protection of atmospheric air 444

Simachkova N.N., Chupina I.P., Egorov S.G., Zarubina E.V., Koshelenko L.V., Petrova L.N. * Peculiarities of the legal regime of agricultural lands in the Russian Federation 451

Smirnova E.S., Bykova O.A., Lopaeva N.L., Ukrozhenko D.S., Shilovtsev A.V., Koshelenko L.V. * Impact of agricultural machinery on the environment 459

Musaev U.A., Fogel A.A. * Features of the legal regulation of the involvement of production and consumption waste in economic turnover 462

Bykova O.A., Stepanov A.V., Ilyasov O.R., Smirnova E.S., Razhina E.V., Shilovtsev A.V. * Environmental impact of railway freight transportation enterprises on the state of the atmospheric air of a settlement 468

Smirnova E.S., Razhina E.V., Bykova O.A., Lopaeva N.L., Ukrozhenko D.S., Koshelenko L.V. * Milk whey as a valuable resource in the processing industry 474

BACKGROUND

Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Bykova O.A., Koshelenko L.V., Ilyasov O.R., Smirnova E.S. * On the history of the Komsomol of the Urals monument (Yekaterinburg) 477

Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Egorov S.G., Ilyasov O.R., Razhina E.V., Koshelenko L.V. * On the issue of the state of the hairdressing and barbers' services in Yekaterinburg (late 19th – early 20th centuries) 481

Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Smirnova E.S., Ilyasov O.R., Kanev P.N., Koshelenko L.V. * On the history of the construction of the historical park (Yekaterinburg) 486

Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Koshelenko L.V., Ilyasov O.R., Egorov S.G., Razhina E.V. * Sverdlovsky park - Khmash stadium: to the history of its appearance and development (based on periodical press materials) . . 492

- ПОЛИТИКА И ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-21-24

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
доктор юридических наук,
профессор, главный научный сотрудник,
Институт государства и права
Российской академии наук
Россия, г. Москва,
e-mail: evsfrf@gmail.com

РОЛЬ «ЗАКОНОИСКУССТВА» В СТАНОВЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИИ ПРАВОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Аннотация. *Актуальность статьи обусловлена возрастающим интересом к историко-педагогическим основам правового воспитания в России. В статье обращается внимание на малоизвестное в сегодняшних юридико-педагогических концепциях понятие «законоискусство». Рассмотрение его не только как суммы юридических знаний, но и как специфической образовательной практики, сочетающей теорию закона с риторическим искусством его толкования и применения, позволит создать новые конструкты приобщения к праву, имеющие традиции в отечественных юридических школах.*

Цель работы не реконструировать этапы становления и трансформации «законоискусства» как учебной дисциплины в отечественных учебных заведениях (от духовных академий XVIII века до университетских реформ XIX - начала XX века), а в предложении исследования и комплексного анализа дидактических методов «законоискусства»: казуистики, комментирования источников (Кормчая книга, Соборное уложение) и судебной риторики. Практическая значимость исследования видится в возможности использования исторических моделей «законоискусных» упражнений (анализ казусов, диспуты) в современном юридическом образовании, формирующем суверенную российскую государственность на основе традиций отечественного обучения праву.

Ключевые слова: *законоискусство, отечественные правовые тракдиции, правовой суверенитет, юридическое образование.*

VINOGRADOVA Elena Valeryevna,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher,
Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

THE ROLE OF "LAWMAKING" IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION AND STRENGTHENING RUSSIA'S LEGAL SOVEREIGNTY: A FORGOTTEN PAGE OF RUSSIAN PEDAGOGY

Annotation. *The relevance of this article stems from the growing interest in the historical and pedagogical foundations of legal education in Russia. The article draws attention to the concept of "lawmaking," a little-known concept in current legal and pedagogical concepts. Viewing it not only as a sum total of legal knowledge but also as a specific educational practice that combines legal theory with the rhetorical art of its interpretation and application will allow for the creation of new frameworks for introducing students to the law, with traditions established in Russian law schools. This paper does not aim to reconstruct the stages of the development and transformation of "law-making" as an academic discipline in Russian educational institutions (from the theological academies of the 18th century to the university reforms of the 19th and early 20th centuries). Rather, it proposes a study and comprehensive analysis of the didactic methods of "law-making": casuistry, commentary on sources (the Kormchaya Kniga, the Cathedral Code), and judicial rhetoric. The prac-*

tical significance of this study lies in the potential for using historical models of "law-making" exercises (case analysis, disputes) in modern legal education, which fosters sovereign Russian statehood based on the traditions of Russian legal education.

Key words: *Law-making, Russian legal traditions, legal sovereignty, legal education.*

«Законоискусство» в истории российского образования представляло собой самобытный педагогический феномен на стыке логики, этики и юриспруденции. Его наследие прослеживается в современных дискуссиях о соотношении правовых знаний и навыков правового мышления.

«Законоискусство» выполняло двойную функцию: с одной стороны, оно формировало сословие грамотных администраторов и судей, знакомых с нормами права, а с другой — служило инструментом идеологического обоснования власти через акцент на божественном происхождении законов.

Причины упадка «законоискусного» подхода во второй половине XIX века связаны с судебной реформой 1864 г. и переходом к изучению позитивного права. Можно проследить, как схоластическая традиция «искусства спора о законе» постепенно уступала место практическому правоведению в духе западноевропейских университетов, не сохраняя при этом уникальные черты отечественной правовой ментальности.

Говоря об отечественных традициях, следует напомнить, что начало высшего юридического образования в России связано с утверждением Сенатом 28 января 1724 г. Положения об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. Согласно этому документу при Академии учреждался университет, который «есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают» [6, с. 31]. При этом на юридическом факультете за постижение «прав искусства» отвечал «академик третьего класса, который науки практики, яко политику, этику и право натуры, учит быть может» [6, с.35].

Это отражает убежденность Петра I в необходимости изучения права в том, что «надлежит законы и указы писать явно, чтоб их не перетолковать. Правды в людях мало, а коварства много. Под них такие же подкопы чинят, как и под фортецию» Указ от 17 апреля 1722 года «О хранении прав гражданских» определял штраф в размере 100 рублей в пользу богаделен за произвольное толкование чиновниками законодательства и отсутствие на рабочих местах («служилых местах») свода законов [7. с. 162].

Через тридцать лет и три года был создан императорский Московский университет, с тремя факультетами: философским, юридическим и медицинским[1]. Желающие обучаться на юридическом факультете студенты сначала были обязаны учиться на философском для изучения исторических, филологических и естественных наук. После трех лет обучения в Москве предусматривалось продолжение обучение за границей для освоения специализации по отдельным отраслям права в Кенигсберге, Берлине, Глазго и др. европейских городах, в которых существовали университеты.

В 1761 г. для продолжения обучения (вместе с однокурсником И.А. Третьяковым) в Глазго был направлен С.Е. Десницкий. В 1765 г. он получили степень магистра свободных наук, а в 1767 г. – ученую степень доктора гражданского и церковного права. Именно Десницкий сыграл колоссальную роль как педагог и организатор науки. С его именем связано начало преподавания в России права на русском языке.

Нужно сказать, что куратор университета Адодуров, согласившись с мнением иностранных профессоров, 23 июля 1767 г. издал распоряжение, предписывающее русским правоведам «лекции иметь им на латинском языке» [8, с. 146]. По меткому замечанию княгини Е.Р. Дашковой «Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян» [2, с. 122].

Благодаря усилиям Десницкого отечественное юридическое образование стало происходить исключительно на русском языке. Он добился разрешения читать лекции по-русски, а не на латыни, что сделало право доступным для понимания. Это потребовало ни много ни мало вмешательства самой Российской Императрицы. Именно она поддержала инициативу С.Е.Десницкого о чтении лекций на русском языке.

В письме Хераскова Адодурову 19 ноября 1767 г. обращено внимание на то, что Ее Императорское Величество «всемилостивейше указать соизволила, что в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию, что де неоднократно повторяя, соизволила всевысочайше повелеть, дабы о том старатца» [3, с. 426]. Чтение лекций на русском языке в Московском университете началось 15 января 1768 г. [4, с. 148]. Сообщение об этом было напечатано в тот же день в газете «Московские

[1] Указом от 24 января 1755 года «Об учреждении Московского университета и двух гимназий», в основу которого легло «Доношение в Сенат» И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова.

Ведомости». В нем говорилось: «С сего 1768 году в Императорском Московском университете, для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах природными Россиянами на Российском языке.» [9, с. 141].

Н.М. Коркунов акцентировал внимание на том, что «Доказательству необходимости научного, систематического изучения русского права Десницкий посвятил особое «Рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, 1778 года». В нем подробно доказывается польза научной юридической подготовки для дворян и разночинцев, для секретарей и судей, уездных заседателей и самих депутатов уложенной комиссии или участников законоположения, как он их называет [5, с. 29].

Создавая отечественную программу обучения юриспруденции, Десницкий настаивал на том, что юрист должен изучать четыре обязательные науки: нравоучительную философию (этику), натуральную юриспруденцию, римское право и, главное – **отечественное законоискусство**. Он создавал отечественную юридическую терминологию, переводя на родной язык сложные понятия. Как член Российской академии, участвовал в составлении толкового словаря, формулируя правовые термины.

Сегодня для любого уровня подготовки специалистов очевидна необходимость обеспечения реализации теоретических знаний в форме практикоориентированнных курсов. Эта модель для российского преподавания права основана на осознании разделения обучения между теоретической и практической площадками. В свое время Десницкий относил доктрины, исследования догмы, историю права и юридические древности вместе с систематизацией к функциям кафедры теоретических дисциплин. Практическое законоведение по его идее предполагало занятия по «разбору решенных тяжебных дел», так чтобы студенты проходили последовательно различные должности: повытчиков, секретарей, судей. По его мысли в Москве действительно была устроена кафедра практического законоискусства, которую последовательно занимали его ученики, которые «вполне следовали тому плану практических занятий, какой был намечен Десницким» [5, с. 30].

Начало XIX ознаменовано утверждением в 1804 г. нового университетского Устава и открытием ряда университетов в империи. Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804 г.) предусматривали в качестве «стандарта» преподавания на нравственно-политических отделениях следующий круг дисциплин: 1) богословие догматическое и нравоучительное; 2) толкование Священного писания и церковной истории; 3) умозрительная и практическая философия; 4) право естественное, политическое и народное; 5) право гражданского и уголовного судопроизводства в Российской Империи; 6) право знатнейших древних и нынешних народов; 7) дипломатика и политэкономия.

В 1803 году в Ярославле учреждено Высших наук училище (Демидовский лицей), впоследствии названное Училищем правоведения. В соответствии с Уставом 1805 г. преподавались в нем Закон Божий, юридические, экономические, историко-филологические, математические, естественно-исторические науки и новые языки. В 1862 году по предложению К.Д. Кавелина в связи планированием судебной реформы и острой необходимостью подготовки юристов Александром II училище было преобразовано в лицей.

В 1811 г. дисциплина «наука о государстве и праве» была включена в программу Царскосельского лицея. Во многом судьбоносным для развития юридического образования стало письмо принца П.Г. Ольденбургского к Николаю I от 26 октября 1834 г. В нем принц обозначил, что «***Учебные заведения, существующие ныне, не удовлетворяют потребности государства…»*** Письмо П.Г. Ольденбургского император передал М.М. Сперанскому. В итоге на свет появилась записка «Специальные училища». Устав и штат училища, разработанные М.М. Сперанским и принцем П.Г. Ольденбургским, 29 мая 1835 г. рассмотрел и одобрил Государственный Совет. Контрольно - методическое руководство училищем было возложено на главноуправляющего Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии М.М. Сперанского и министра юстиции России, генерал-прокурора Сената Д.М. Дашкова.

В позднеимперской России сформировалась целая сеть юридических учебных заведений, которые готовили высококвалифицированных специалистов. Прежде всего к ним следует отнести юридические факультеты Московского, Санкт-Петербургского, Новороссийского, Харьковского, Казанского, Киевского университетов. Императорское Училище правоведения и Аудиторское училище в качестве ведомственных учебных заведений обеспечивали подготовку юристов для Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Военного министерства. Юридические лицеи (Александровский, Катковский (цесаревича Николая), Демидовский, Нежинский (князя Безбородко)) выпускали специалистов с юридической подготовкой в большей степени для промышленности и торговли.

В 1906 г. были открыты Московские высшие женские историко-филологические и юридические курсы В.А. Полторацкой и Петроградские

высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н.П. Раева [4, с.542-543.]. В 1915 г. начал подготовку юристов Московский частный юридический институт, что свидетельствовало о существовании потребности в кадрах юридического профиля.

Развитие высшего юридического образования в России за период с 1724 по 1917 годы представляет собой социальные феномен, оказавший существенное влияние на стратификацию общества, политическую, экономическую и культурную жизнь страны. Юридическое образование было одновременно составной частью сословной иерархии и силой, разрушавшей самодержавие. Потенциал обновления, накопленный высшей юридической школой, оказался преобладающим. Юридическое образование предопределило создание российской юридической науки, обусловило формирование правовой идентичности. Это позволило создать в дальнейшем юридические школы, которые несмотря на неоднозначность некоторых подходов к изучению права вообще и российского права, в частности, создали основу для формирования современной эффективной российской правовой государственности [1].

Сегодня преподавание права сталкивается с новыми вызовами, среди которых и активные попытки унификации права, содержащие подчас ограничение правовой идентичности, утрату суверенитета, и неизбежное наступление новых технологий, и размывание системы ценностей. Вероятно, пора возвращаться к отечественным традициям, и обучая праву, помнить, что кроме научной и практической составляющей, в них еще и «прав искусство» и «законоискусство».

Список литературы:

[1] Виноградова Е.В., Раттур М.В. «Прав искусство» в истории российского образования (1724-1917 г.г.). // Право и управление. 2022. №10. С. 38-43.

[2] Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание» // Народное образование в России. Второе тысячелетие. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 121–125.

[3] Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / под общ. ред. М. Н. Тихомирова: в 3 т. М.: Изд-во Московского университета, 1963. Т. 3. 518 с.

[4] Жуков В.И. Высшая школа России: исторические и современные сюжеты. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. 625 с.

[5] Коркунов Н.М. С. Е. Десницкий, первый русский профессор права. СПб.: типография Правительствующего сената, 1894. 31 с.

[6] Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г.К. Скрябин. М.: Наука, 1975. С. 31–39.

[7] Раттур М.В. Формирование правовой политики в сфере общественного призрения подданных в Российской империи: исторические уроки // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №1. С. 162-169.

[8] Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества: в 3 т. М.: Зерцало-М, 2015. Т. 1. 468 с.

[9] Шевырев С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: Университетская типография, 1855. 582 с.

References:

[1] Vinogradova E.V., Rattur M.V. “Law Art” in the History of Russian Education (1724-1917). // Law and Management. 2022. No. 10. Pp. 38-43.

[2] Dashkova E.R. On the Meaning of the Word “Education” // Public Education in Russia. The Second Millennium. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2001. Pp. 121-125.

[3] Documents and Materials on the History of Moscow University in the Second Half of the 18th Century / edited by M.N. Tikhomirov: in 3 volumes. Moscow: Moscow University Publishing House, 1963. Vol. 3. 518 p.

[4] Zhukov V.I. Higher Education in Russia: Historical and Modern Subjects. Moscow: MGSU “Soyuz” Publishing House, 2000. 625 p.

[5] Korkunov, N.M.; S.E. Desnitsky, the First Russian Professor of Law. St. Petersburg: Governing Senate Printing House, 1894. 31 p.

[6] Draft Regulations on the Establishment of the Academy of Sciences and Arts, 1724 // Statutes of the Academy of Sciences / ed. G.K. Skryabin. Moscow: Nauka, 1975. pp. 31–39.

[7] Rattur, M.V. Formation of Legal Policy in the Sphere of Public Welfare of Subjects in the Russian Empire: Historical Lessons // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 1. pp. 162–169. [8] Tomsinov V. A. Russian legal scholars of the 18th – 20th centuries: Essays on life and work: in 3 volumes. Moscow: Zertsalo-M, 2015. Vol. 1. 468 p.

[9] Shevyrev S. P. History of Moscow University, written for its centenary. Moscow: University Printing House, 1855. 582 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-25-29

БОНДАРЕНКО Ирина Алексеевна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры бизнес-процессов и
экономической безопасности,
e-mail: bonir55@mail.ru

ГОРСКИХ Дарья Алексеевна,
студентка кафедры бизнес-процессов и
экономической безопасности,
e-mail: daragorskih2@gmail.com

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ УГРОЗ КОНФИСКАЦИИ РЕЗЕРВОВ ЦБР В ЕВРОПЕ

Аннотация. *В статье исследуется трансформация правовых режимов национализации и экспроприации в условиях геополитического противостояния России и западных государств. Анализируются два параллельных процесса: ужесточение условий выхода иностранного бизнеса из Российской Федерации и расширение практики обращения имущества в доход государства, а также формирование Европейским союзом механизмов конфискации суверенных резервов Центрального банка России. Рассматривается эволюция разрешительного порядка для сделок с активами недружественных стран: повышение обязательного дисконта до 60% и взноса в бюджет до 35% к началу 2026 года. Уделяется внимание Регламенту ЕС 2025/2600, вводящему бессрочную блокировку активов ЦБР на 210 миллиардов евро. Также в статье рассматриваются ответные меры России, такие как иски в Арбитражный суд Москвы к Euroclear на сумму 18,7 трлн. рублей. Отмечается проблема «no claims clause» в европейском регламенте, блокирующего исполнение решений российских судов. Делается вывод о переходе взаимных экспроприаций в разряд штатной политики и окончательном демонтаже глобальной системы защиты инвестиций.*

Ключевые слова: *национализация, экспроприация, иностранные инвестиции, зарубежные активы, Euroclear, Центральный банк РФ, бессрочная блокировка, Регламент ЕС 2025/2600.*

BONDARENKO Irina Alekseevna,
Doctor of Economics, Professor of the Department
of Business Processes and Economic Security

GORSKIKH Darya Alekseevna,
student of the Department
of Business Processes and Economic Security

ANALYSIS OF THE CONDITIONS FOR THE NATIONALIZATION OF FOREIGN ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF THE DEVELOPMENT OF THREATS OF CONFISCATION OF THE RESERVES OF THE CENTRAL BANK IN EUROPE

Annotation. *The article examines the transformation of the legal regimes of nationalization and expropriation in the context of the geopolitical confrontation between Russia and Western states. Two parallel processes are analyzed: the tightening of conditions for the exit of foreign businesses from the Russian Federation and the expansion of the practice of converting property into state revenue, as well as the formation by the European Union of mechanisms for the confiscation of sovereign reserves of the Central Bank of Russia. The evolution of the permissive procedure for transactions with assets of unfriendly countries is considered.: increase the mandatory discount to 60% and the contribution to the budget to 35% by the beginning of 2026. Attention is being paid to the*

EU Regulation 2025/2600, which introduces the indefinite blocking of assets of the Central Bank for 210 billion euros. The article also discusses Russia's retaliatory measures, such as lawsuits in the Moscow Arbitration Court against Euroclear in the amount of 18.7 trillion. rubles'. The problem of the "no claims clause" in the European regulation, which blocks the execution of decisions of Russian courts, is noted. The conclusion is made about the transition of mutual expropriations to the category of regular policy and the final dismantling of the global investment protection system.

Key words*: nationalization, expropriation, foreign investments, foreign assets, Euroclear, Central Bank of the Russian Federation, indefinite blocking, EU Regulation 2025/2600.*

В российской правовой доктрине понятия «национализация» и «экспроприация» зачастую используются как синонимичные, хотя имеют различные исторические и содержательные акценты. Национализация традиционно понимается как переход имущества из частной собственности в государственную, осуществляемый, как правило, в масштабах всей экономики или отдельных отраслей. Экспроприация же чаще ассоциируется с изъятием конкретных объектов в публичных интересах. В международном инвестиционном праве указанные термины часто используются как взаимозаменяемо, поскольку ключевое значение имеют не столько масштабы изъятия, сколько соблюдение условий его правомерности.

Международное право не запрещает государству проводить национализацию (экспроприацию) иностранных инвестиций. Однако такое изъятие признается правомерным лишь при соблюдении определенных условий: оно должно осуществляться в общественных (публичных) целях, в установленном законом порядке, недискриминационным образом и с предоставлением компенсации. Требования к компенсации в международной практике сформулированы как «быстрая, адекватная и эффективная» компенсация. При отсутствии этих условий экспроприация признается незаконной и влечет ответственность государства-экспроприатора в полном объеме причиненного ущерба.

Особую значимость в современных условиях приобретает разграничение прямой и косвенной экспроприации. Прямая экспроприация предполагает формальный одномоментный переход права собственности. Косвенная (ползучая) экспроприация представляет собой ситуацию, когда государство не отбирает активы формально и одномоментно, а постепенно, серией последовательных действий лишает инвестора контроля над собственностью. Согласно международному праву, такая экспроприация рассматривается как составное деяние в смысле статьи 15(1) Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссии международного права ООН [1].

Для квалификации действий государства как ползучей экспроприации не требуется установления намерения государства экспроприировать — достаточно установления фактического результата в виде лишения инвестора существенных прав в отношении инвестиции. Как подчеркивается в арбитражной практике, «намерение государства экспроприировать должно отличаться от цели экспроприации; намерение не является определяющим для установления факта экспроприации»

Фундаментальным принципом международного права является суверенное равенство государств и вытекающий из него суверенный иммунитет. Как подчеркивал Международный суд ООН, государства не могут обращать взыскание на собственность друг друга. Активы центральных банков обладают особым статусом суверенных активов, защищенных иммунитетом. Статья 21 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года (хотя и не вступившая в силу, но являющаяся кодификацией обычных норм) относит к особой категории собственности, пользующейся иммунитетом от принудительных мер, «собственность центрального банка или иного финансового органа государства».

Национальное законодательство ведущих государств также закрепляет иммунитет активов иностранных центральных банков. § 1611 Акта США об иммунитетах иностранного государства 1976 года наделяет иммунитетом имущество иностранного центрального банка [2]. Суды США неоднократно приходили к выводу, что этот Акт запрещает применение принудительных мер по отношению к любому имуществу центрального банка, даже если оно используется не в суверенных, а в коммерческих целях. Аналогичные законы приняты в Канаде, Австралии, Великобритании, Франции, Японии и ряде других стран

До 2022 года даже в условиях острых геополитических конфликтов активы центральных банков считались неприкосновенными именно потому, что их заморозка подрывает доверие ко всей системе международных резервов.

С марта 2022 года в России действует особый порядок совершения сделок с резидентами недружественных стран, установленный Указом Президента РФ от 01.03.2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [3]. Этот порядок

постоянно ужесточается. По состоянию на март 2026 года минимальный дисконт при продаже активов иностранными инвесторами из недружественных стран повысился с 50% до 60%, а взнос в российский бюджет — с 15% до 35%.

Указанные меры формально не являются национализацией — иностранный инвестор сохраняет право на продажу актива. Однако жесткие условия такой продажи (дисконт, бюджетный взнос, необходимость получения разрешения правительственной комиссии) фактически ограничивают право собственности и могут рассматриваться как элемент косвенной экспроприации. Принудительный характер этих мер подчеркивается тем, что в случае отказа от продажи на предложенных условиях инвестор фактически лишается возможности распоряжаться своим активом на рыночных условиях.

С 2022 года в России зафиксировано значительное количество случаев принудительной потери контроля над бизнесом со стороны российских и иностранных лиц, в результате которой право собственности перешло государству [4]. Сложившуюся практику можно классифицировать по нескольким категориям.

Первая категория — передача под временное управление Росимущества активов иностранных компаний на основании указов Президента РФ. Вторая — национализация предприятий по искам Генеральной прокуратуры РФ, основаниями для которых выступают выявление фактов незаконной приватизации, коррупционные схемы или незаконное иностранное влияние. Третья — обращение имущества в доход государства по коррупционным основаниям. Четвертая — так называемая «деприватизация» — изъятие имущества, незаконно находившегося в частной собственности.

В рамках политики по возвращению капитала в российскую юрисдикцию принимаются меры по деофшоризации экономики. Созданы специальные административные районы (САР) на островах Русский и Октябрьский, предоставляющие налоговые льготы и административные преференции для международных холдинговых компаний.

С 1 января 2023 года введен запрет на предоставление субсидий и бюджетных инвестиций иностранным юридическим лицам, а также российским компаниям с долей офшорного участия более 25%. В декабре 2025 года упрощенная процедура редомициляции в САР продлена на 2026 год. Указанные меры дополняют систему «принуждения к локализации», создавая стимулы для перевода активов в российскую юрисдикцию.

В 2022 году в рамках санкционных пакетов стран ЕС, G7 и их союзников были заморожены международные резервы Банка России. Общий объем замороженных российских суверенных активов составил порядка 315–350 миллиардов долларов, из которых около 260 миллиардов приходится на юрисдикцию ЕС. Ключевым элементом этой конструкции стал крупнейший международный депозитарий Euroclear, базирующийся в Бельгии. В отличие от коммерческих банков, Euroclear — элемент критической финансовой инфраструктуры, обеспечивающий нейтральное хранение и учет ценных бумаг.

В декабре 2025 года Совет ЕС принял Регламент № 2600, который закрепил статус замороженных активов Фонда национального благосостояния и Центрального банка РФ [5]. В частности, было установлено, что эти активы нельзя выводить за пределы ЕС, пока действует этот регламент. Кроме того, ЕС запретил удовлетворять любые требования России и российских лиц и признавать и исполнять любые судебные решения, которые касаются таких активов.

Эволюция действий ЕС демонстрирует последовательное движение от временной заморозки к ползучей экспроприации. Первый этап — арест активов с подчеркиванием временного характера мер. Второй этап — использование доходов от арестованных средств на цели, определяемые ЕС без согласия России. Третий этап — разработка механизмов окончательного изъятия.В международном праве отсутствуют законные основания для изъятия суверенных резервов Центрального банка России. Создается опаснейший прецедент, который больно ударит по всей мировой финансовой системе, начиная с МВФ, Всемирного банка, Уолл-стрит, ЕЦБ и т.д.

Если инфраструктурный узел (центральный депозитарий) может быть использован как инструмент политического давления, то рушится базовый принцип доверия, на котором строилась система трансграничных расчетов. Для центральных банков, суверенных фондов и институциональных инвесторов это означает необходимость пересмотра представлений о рисках хранения резервов.

В ответ на возможную конфискацию российских резервов в ЕС российские власти прорабатывают механизмы зеркального финансового воздействия. Поскольку объем замороженных средств Центрального банка велик, для полной компенсации может потребоваться комбинация мер: не только списание платежей по счетам, но и использование прямых инвестиций недружественных структур, чьи капиталы прямо или косвенно адресованы государству.

Важным фактором, влияющим на расчет ответных мер, является наличие активов Euroclear в России. Euroclear хранит в Российской Федера-

ции активы на 16 миллиардов евро и рискует потерять их в случае изъятия замороженных средств ЦБ России по плану Еврокомиссии.

Вопрос о судьбе замороженных российских активов на Западе за последние два года прошел долгий путь от политических деклараций до конкретных юридических механизмов и практических действий. На данный момент можно выделить три основные юрисдикции, где этот процесс развивается по-разному: Соединенные Штаты, Европейский союз и Великобритания. При этом важно понимать, что ключевая масса средств – около 210 миллиардов евро – находится в зоне ответственности ЕС, тогда как на долю США приходится порядка 5-6 миллиардов долларов. Именно это распределение во многом определяет различия в подходах: Америка движется к прямой конфискации, Европа ищет обходные пути через использование доходов и «вечную» блокировку, а Великобритания сосредоточена на расширении санкционных сетей и совершенствовании контроля.

Соединенные Штаты стали первопроходцем в создании законодательной базы для прямого изъятия российских суверенных активов. Отправной точкой здесь стал принятый в апреле 2024 года REPO Act (законопроект, позволяющий правительству США конфисковать замороженные государственные активы России и передавать средства Украине). Однако этот закон лишь разрешал, но не обязывал администрацию действовать. Ситуация кардинально изменилась в 2025 году, когда был представлен двухпартийный «Закон о реализации REPO» (REPO Implementation Act of 2025). Этот документ ввел механизм принудительной поэтапной передачи средств: не менее 250 миллионов долларов каждые 90 дней должны направляться на помощь Украине. Таким образом изъятие из дискреционного стало обязательным, что создает постоянное давление на российскую экономику и одновременно служит стимулом для других стран последовать данному примеру.

Однако, в ответ на эти действия, Россия развернула масштабную юридическую контр-атаку, которая ведется на двух фронтах. Во-первых, в феврале 2026 года Центральный банк РФ подал иск в Общий Суд Европейского Союза, находящийся в Люксембурге, оспаривая законность Регламента №2025/2600, который устанавливает бессрочную блокировку российских активов в Европейском союзе [6]. Основная аргументация строится на нарушении базовых прав, гарантированных хартиями ЕС (право собственности, доступ к правосудию), а также на нарушении принципа суверенного иммунитета государства. Истцы указывают, что решение о бессрочной блокировке было принято квалифицированным большинством голосов, а не консенсусом, ч то подрывает легитимность процедуры.

Во-вторых, для обеспечения «зеркальности» и демонстрации симметричного подхода, ЦБР подал иск в Арбитражный суд города Москвы к бельгийскому депозитарию Euroclear на сумму 18,17 триллиона рублей. Логика этого иска проста: если европейские суды отказываются признавать незаконность блокировки и защищают бессрочное удержание активов, то российские суды вправе взыскать стоимость этих активов с оператора хранения как с лица, причинившего убытки. Однако, Европа заранее застраховалась от подобного сценария. Регламент 2025/2600 содержит специальный пункт «no claims clause» (положение об отказе рисков), который прямо запрещает исполнение любых решений российских судов на территории ЕС, если эти решения связаны с замороженными активами ЦБР [6]. Таким образом, правовой спор зашел в тупик: Европа не исполняет российские решения, а Россия игнорирует юрисдикцию Европейского суда.

Тем не менее, экономический эффект от бессрочной блокировки резервов ЦБ в Европе носит двойственный, во многом парадоксальный характер для внутренней политики РФ. С одной стороны, Россия лишилась доступа к валютной «подушке безопасности», что снижает ее способность интервенциями поддерживать рубль. С другой стороны, наличие фактов заморозки суверенных резервов за рубежом автоматически снимает с российской власти обязательства по разблокировке средств нерезидентов внутри страны. Огромная рублевая масса, скопившаяся на счетах типа «С» и ожидающая конвертации в валюту при разблокировке, остается находиться внутри финансовой системы. Принудительное удержание этой массы в рублях искусственно поддерживает курс национальной валюты выше его фундаментальных значений, то есть фактически блокировка Западом резервов дает России карт-бланш на заморозку активов западных инвесторов внутри страны, что поддерживает рубль.

Анализ текущей ситуации позволяет сделать однозначный вывод: национализация активов с обеих сторон конфликта перестала быть исключительной мерой и перешла в разряд постоянной, штатной экономической политики. Европейский союз, стремясь наказать Россию, создал опаснейший прецедент бессрочной блокировки суверенных активов Центрального банка, что противоречит доктрине суверенного иммунитета государства и концепции неприкосновенности частной собственности, даже находящейся в собственности иностранного государства. Это решение наносит удар по самим осно-

вам западной экономической модели, которая десятилетиями зиждилась на защите прав инвесторов.

Россия, в свою очередь, используя внешний вызов, конструирует внутренний правовой режим, позволяющий тотальный контроль над активами, которые формально принадлежат иностранцам, но экономически связаны с враждебными юрисдикциями. Прогноз развития событий таков: возврат к «нормальности» в обозримом будущем невозможен. Механизмы бессрочной заморозки, введенные ЕС, и компенсационные национализации, проведенные в РФ, останутся предметом судебных тяжб на десятилетия вперед. Европа уже нарушила принцип неприкосновенности резервов, а Россия легализовала экспроприацию частного имущества по геополитическим мотивам.

Список литературы:

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. №56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» // [Электронный ресурс].URL https://base.garant.ru/2565571/

[2] 28 U.S. Code § 1611 - Certain types of property immune from execution // [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1611

[3] Указом Президента РФ от 01.03.2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // [Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/

[4] Маглинова, Т. Г. Национализация активов иностранных компаний в России в условиях санкционного давления / Т. Г. Маглинова, Д. А. Горских // Вектор экономики. – 2025. – № 4(106). – EDN UPRWVA.

[5] Council Regulation (EU) 2025/2600 of 12 December 2025 on emergency measures addressing the serious economic difficulties caused by Russia's actions in the context of the war of aggression against Ukraine // [Электронный ресурс].URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202502600

[6] Council Regulation (EU) 2025/2600 of 12 December 2025 on emergency measures addressing the serious economic difficulties caused by Russia's actions in the context of the war of aggression against Ukraine // [Электронный ресурс].URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2025/2600/oj/eng

References:

[1] UN General Assembly Resolution No. 56/83 of December 12, 2001 "Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts "//[Electronic Resource] .URL https://base.garant.ru/2565571/

[2] 28 U.S. Code § 1611 - Certain types of property immune from execution//[Electronic resource]. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1611

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2022 No. 81 "On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation "//[Electronic resource] .URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/

[4] Maglinova, T. G. Nationalization of assets of foreign companies in Russia under sanctions pressure/T. G. Maglinova, D. A. Gorsky//Economic vector. – 2025. – № 4(106). – EDN UPRWVA.

[5] Council Regulation (EU) 2025/2600 of 12 December 2025 on emergency measures addressing the serious economic difficulties caused by Russia's actions in the context of the war of aggression against Ukraine // [Электронный ресурс].URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202502600

[6] Council Regulation (EU) 2025/2600 of 12 December 2025 on emergency measures addressing the serious economic difficulties caused by Russia's actions in the context of the war of aggression against Ukraine // [Электронный ресурс].URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2025/2600/oj/eng

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-30-32

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ НА ОСНОВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ

Аннотация. *Автор на основе анализа законодательной базы рассматриваются в статье вопросы правовой и юридической характеристики терроризма. В ходе рассмотрения материала по данному вопросу автор показывает объект посягательства и его объективную сторону преступления, как самого опасного преступного деяния в современном мире. Преступные деяния, осуществляемые террористами в виде террористических актов направлены охраняемые законом человеческие ценности. В статье частично проведен анализ отечественной законодательной базы в сфере преступной деятельности терроризма научного подхода к понятию терроризма.*

Ключевые слова: *закон, терроризм, идеология, цель, террористический акт, население, страх.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher,
Federal State Budgetary Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

CHARACTERISTICS OF TERRORISM IN RUSSIAN CRIMINAL LAW BASED ON THE LEGISLATIVE FRAMEWORK

Annotation. *Based on an analysis of the legislative framework, the article examines the legal and juridical characteristics of terrorism. In the course of examining this issue, the author highlights the object of the crime and its objective aspect as the most dangerous criminal act in the modern world. The criminal acts committed by terrorists in the form of terrorist acts are directed against human values protected by law. The article provides a partial analysis of the domestic legislative framework in the field of criminal terrorism and a scientific approach to the concept of terrorism.*

Key words: *law, terrorism, ideology, the purpose of a terrorist act, the population, fear.*

Рассмотрение данного вопроса достаточно часто осуществляется учеными юристами на различных научных мероприятиях и достаточно широко освещается в научной литературе и в прессе.

Раскрывая правовую и юридическую характеристику терроризма в уголовном праве России, мы проведем частичный анализ отечественной законодательной базы.

Конституция Российской Федерации гарантирует безопасность граждан в любых условиях [1]. Для осуществления безопасности в стане вышел в свет Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», который определяет деятельность государственных органов по проведению мероприятий безопасности в стране [2]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» определяется, что международной правовой базой определения терроризма является:

–конвенции Организации Объединенных Наций (например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма),

–Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом,

–Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма и др.

В Российской Федерации правовую основу противодействия терроризму составляют:

Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской

Федерации, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и другие нормативные правовые акты, направленные на противодействие терроризму.

В целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 [7].

Устанавливая правовую и юридическую характеристику терроризму, мы осуществим определение объекта и объективную сторону данного вида преступления.

Преступные деяния, осуществляемые террористами в виде террористических актов, направлены одновременно на разнообразные охраняемые законом человеческие ценности, и на основании этого, определяются признаки объекта преступления в составе терроризма.

В настоящее время в ходе выполнения задач в СВО многими исследователями рассматривается террористические действия ВСУ с использованием дронов в разных местах нахождения промышленных объектов и проживание людей.

Объектом во всех преступлениях террористической направленности, всегда выступает общественная безопасность. Основные принципы и содержание общественной безопасности и ее деятельность, устанавливает Федеральный закон «О безопасности» [2]. Основным видом терроризма является террористический акт. Рассматривая состав данного вида преступления, мы в частности остановимся на одном из них - это объективной стороне преступления. Объективная сторона террористического акта представляет собой сложную конструкцию, так как состоит из двух альтернативных форм совершения преступления и заключается в следующих деяниях:

1) совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступление иных тяжких последствий;

2) угроза совершения указанных действий.

В статье Мальцев В.Е. «Терроризм и проблемы, связанные с его квалификацией» указывает на проблемные вопросы квалификации понятия терроризма и его характеристике [5, с.40].

Для юридической характеристики состава террористического акта большое значение имеют признаки, являющиеся неотъемлемой частью действий, составляющих объективную сторону преступления. В первую очередь, к таким признакам относится то, что эти действия обладают устрашающим для населения характером.

Устрашение населения объективная категория, характеризующая террористический акт в связи с его посягательством на основные объекты, которые включает в себя безопасность.

Следующий признак, характеризующий террористический акт, заключается в создании опасности «гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий [7, с.5].

Необходимо отметить, что опасность должна быть реальной. На это могут указывать различные обстоятельства: место, время, орудия, способ совершения преступления и ряд других фактических обстоятельств дела, что необходимо определить в каждом конкретном случае. Например, совершая взрыв в метро, преступник осознает реальную опасность своих действий, то есть он совершает подрыв места, где наибольшее скопление людей и его действия приведут к большому количеству жертв. Этому способствуют и знания о поражающем действии взрывного устройства. Но для квалификации по данному составу достаточно создания угрозы жизни хотя бы одному человеку.

Значительный имущественный ущерб также оценивается в зависимости от конкретных условий и обстоятельств. Учитываются такие критерии, как размер, характер вреда, значимость утраты для конкретного региона и последствия.

«Иные тяжкие последствия» - категория оценочная, как и другие вышеперечисленные факторы, требующая учета всех обстоятельств дела. К таким последствиям можно отнести дестабилизацию обстановки, нарушение нормальной деятельности организаций и учреждений, угрозу причинения вреда здоровью людей и т.д. У данной категории нет исчерпывающего перечня, закрепленного законодателем, так как невозможно предвидеть весь масштаб последствий.

Действительность угрозы террористических актов проявляется в способности вызвать у отдельного человека, группы людей или органов власти опасений по поводу того, что угроза превратится в действия, а ущерб, причиненный этими действиями, окажется значимым. Как уже было сказано выше, угроза должна быть обоснована действиями, иначе теряется признак реальности. При его отсутствии, есть только ничем не подкрепленное высказывание намерения совершить какое-либо действие (взрыв). В данном случае образуется иной состав, предусмотренный ст. 207 УК РФ – «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма».

Для квалификации каких-то поступков в качестве угрозы не имеет значения, действи-

тельно ли ее намеривались исполнить или нет, поскольку главным является то, что она была высказана для достижения тех целей, которые запрещены законом.

Угроза является одной из форм объективной стороны террористического акта. И по поводу того, правильно ли законодатель включил ее в ст. 205 УК РФ или же ее нужно было выделить в самостоятельный состав, в юридическом сообществе ведутся дискуссии, отражая, те или иные положения.

Сам состав террористического акта формальный. При совершении акта терроризма в виде взрыва, поджога, иных действий, преступление считается оконченным с момента их совершения. Но для того, чтобы квалифицировать деяние по ст. 205 УК РФ [4, с.270] необходимо доказать реальность угрозы наступления общественно опасных последствий, указанных в законе. Нельзя, например, осуществляя взрыв в безлюдной местности, при отсутствии опасности гибели людей, и расценивать его как террористический акт.

Террористический акт в виде угрозы то же является формальным составом преступления. Деяние считается оконченным с момента доведения содержания угрозы до сведения других лиц. Однако, как и предыдущая форма террористического акта, состав преступления в виде угрозы будет иметь место при возможности виновным реально осуществить ее.

Таким образом, давая характеристику террористическому преступлению, мы определяем, что это наиболее опасное преступление в современном мире и имеет многоуровневый объект преступления со сложной объективной стороной преступления.

Список литературы:

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 19.05.2026).

[3] Федеральный закон от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ «О безопасности» с изм. от 9 ноября 2020 года N 365-ФЗ. // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187121/ (дата обращения: 19.05.2026).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г № 64- ФЗ в ред. от 21.01.2018 г. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.05.2026).

[5] Мальцев В.Е. Терроризм и проблемы, связанные с его квалификацией // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. 2017. С. 40.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 19.05.2026).

[7] Белоус В.Г., Гневашев Е.А. Проблемы квалификации терроризма // Вестник международного Института управления. 2017. № 3 (145). С. 5.

References:

[1] “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS “Consultant-Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date accessed: 19.05.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // SPS “Consultant-Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of access: May 19, 2026).

[3] Federal Law of December 28, 2010 No. 390-FZ “On Security”, as amended on November 9, 2020 No. 365-FZ. // SPS “Consultant-Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187121/ (date of access: May 19, 2026).

[4] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 64- Federal Law as amended on 21.01.2018. Criminal Code of the Russian Federation” of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 09.04.2026) // SPS “Consultant-Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 19.05.2026).

[5] Maltsev V.E. Terrorism and problems associated with its qualification // Humanitarian and legal problems of modern Russia. 2017. P. 40.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 “On certain issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of a terrorist nature”. // SPS “Consultant-Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (date accessed: 19.05.2026).

[7] Belous V.G., Gnevashev E.A. Problems of qualification of terrorism // Bulletin of the International Institute of Management. 2017. No. 3 (145). P. 5.

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-33-35
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НАТАЕВА Залина Амадиевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова», г.Грозный,
e-mail: mail@law-books.ru

МУРТАЗАЕВА Айшат Асвадовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция»
ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова,
e-mail: mail@law-books.ru

САМОЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. *Рассматриваются теоретические подходы к определению самозащиты, её правовая природа, способы реализации и пределы допустимости. Анализируются нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 12, 14), судебная практика и доктринальные позиции российских учёных. Особое внимание уделено проблемам злоупотребления правом на самозащиту и противоречиям в толковании критерия соразмерности. Обоснована необходимость совершенствования законодательства и унификации судебной практики.*

Ключевые слова: *самозащита, гражданское право, способы защиты, необходимая оборона, крайняя необходимость, злоупотребление правом.*

NATAEVA Zalina Amadievna,
Senior Lecturer at the Department
of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University, Grozny

MURTAZAEVA Aishat Asvadovna,
Assistant of the Department of Jurisprudence,
State National Technical University
named after Academician M.D. Millionshchikov

SELF-DEFENSE IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *It examines theoretical approaches to defining self-defense, its legal nature, methods of implementation, and limits of admissibility. The analysis includes provisions of the Civil Code of the Russian Federation (Articles 12, 14), judicial practice, and doctrinal positions of Russian scholars. Special attention is paid to the problems of abuse of the right to self-defense and contradictions in interpreting the proportionality criterion. The necessity of improving legislation and unifying judicial practice is substantiated.*

Key words: *self-defense, civil law, remedies, necessary defense, extreme necessity, abuse of rights.*

Система охраняемых государством прав и свобод человека и гражданина достаточно широка и охватывает не только конституционные права и свободы, но и права и свободы, установленные законами и другими нормативно-правовыми актами.

Так, нормами гражданского законодательства устанавливается свобода поведения для управомоченных субъектов, предполагающая, в том числе, возможность защищать свои нарушенные права. В рамках гражданского права (ст. 14 ГК РФ) самозащита представляет собой возможность субъектов самостоятельно реагировать на противоправные действия другой стороны [5]. Использование такого способа защиты освобождает от ответственности за причиненный вред лицу, нарушившему или нарушающему права и интересы защищающегося.

Однако отсутствие чётких критериев её применения порождает дискуссии в науке и противоречия в судебной практике. «Как отмечает Е.А. Суханов, самозащита — это палка о двух концах: она может как восстановить справедливость, так и стать инструментом произвола» [1]. Цель статьи — выявить пробелы правового регулирования и предложить пути их устранения.

Самозащита представляет собой действия лица, направленные на защиту его прав и интересов без участия судебных органов, что закреплено в ст. 14 Гражданского кодекса РФ. Согласно данной норме, самозащита возможна в случае нарушения прав, когда немедленное обращение в суд невозможно или затруднительно. «М.И. Брагинский в своей работе отмечает, что самозащита — это исключительный способ защиты, допустимый только при невозможности оперативного получения судебной помощи» [2].

Важно учитывать, что действия, предпринимаемые в рамках самозащиты, должны соответствовать принципам разумности и пропорциональности, что означает, что ущерб, причиненный в процессе самозащиты, не должен превышать вреда, предотвращенного её применением. Это создает правовые ограничения для лиц, использующих данный способ защиты, предотвращая злоупотребления. В противном случае, нарушитель самозащиты может быть привлечен к ответственности за незаконное использование силы. Применение самозащиты не должно нарушать общественный порядок, и любые чрезмерные меры могут быть признаны незаконными.

В дореволюционном праве самозащита трактовалась гораздо шире, чем в современном российском законодательстве. «Согласно учению Шершеневича, в дореволюционной России самозащита включала не только действия по защите прав, но и насильственные меры» [3]. Эти действия не всегда считались противоправными, если они происходили в условиях, требующих немедленного вмешательства. В тех условиях, когда обращения в суд не представлялось возможным, самозащита выступала как правомерный способ предотвращения вреда, и такие действия нередко одобряли судебные инстанции.

Советское законодательство значительно сузило рамки самозащиты. В Гражданском кодексе РСФСР 1964 года самозащита была ограничена принципом крайней необходимости, который предусматривал её применение исключительно в тех случаях, когда другое вмешательство было невозможно или неэффективно. Крайняя необходимость означала, что действия, направленные на защиту своих прав, могли выходить за пределы обычных норм, если это было необходимо для предотвращения более значительного вреда. Тем не менее, даже в этих случаях самозащита не могла быть бесконтрольной и должна была соответствовать ограничениям, установленным законом.

Таким образом, историческое развитие самозащиты прошло через несколько этапов: от широкого признания её допустимости до строгих ограничений в советский период, с фокусом на необходимость соблюдения рамок крайней необходимости. Это эволюционное изменение обусловлено развитием правовых систем и стремлением обеспечить баланс между свободой личности и необходимостью регулирования её действий в рамках закона.

Необходимая оборона представляет собой способ самозащиты, направленный на отражение противоправных посягательств. Согласно ст. 1066 Гражданского кодекса РФ, действия по защите от незаконного вмешательства в права лица считаются правомерными, если они направлены на предотвращение ущерба от противоправных действий. Примером необходимой обороны является ситуация, когда лицо уничтожает контрафактную продукцию для защиты своих прав на товарный знак или авторское право. В деле № 4-КГ21-12, рассмотренном Верховным Судом РФ в 2021 году, суд признал действия по уничтожению контрафактной продукции правомерными, так как они пресекали нарушение интеллектуальных прав (Постановление ВС РФ № 4-КГ21-12, 2021). Важно отметить, что действия, совершенные в рамках необходимой обороны, должны быть соразмерны угрозе и не выходить за пределы необходимых мер защиты.

Крайняя необходимость, как способ самозащиты, применяется в случаях, когда причинение вреда необходимо для предотвращения большего ущерба. Статья 1067 Гражданского кодекса РФ регламентирует этот способ, утверждая, что действия по устранению угрозы могут включать причинение ущерба, если они направлены на сохранение более значимых интересов. Примером крайней необходимости является повреждение имущества при тушении пожара, когда действия по спасению имущества или жизни людей требуют разрушения другого объекта.

Удержание вещи, предусмотренное ст. 359 ГК РФ, является законным способом самозащиты гражданских прав, направленным на обеспечение исполнения обязательств. Оно допустимо только при соблюдении следующих условий:

1. Экстренность ситуации — отсутствие иных способов предотвратить ущерб.
2. Прямая связь между удерживаемой вещью и неисполненным обязательством (например, неуплата долга).
3. Минимальная необходимость — действия должны быть соразмерны угрозе и не причинять избыточного вреда.

Удержание не может использоваться как инструмент давления или мести, а служит исключительно для защиты интересов кредитора. Этот механизм применяется, когда другие способы принуждения к исполнению обязательств недоступны или недостаточны. Таким образом, ст. 359 ГК РФ балансирует между защитой прав кредитора и предотвращением злоупотреблений, обеспечивая справедливость в гражданско-правовых отношениях.

Согласно п. 2 ст. 14 Гражданского кодекса РФ, способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению прав. Это означает, что действия лица по защите своих интересов не могут выходить за пределы, необходимые для пресечения нарушения. Применение принципа соразмерности призвано предотвратить чрезмерное причинение вреда и обеспечить баланс между интересами сторон. «Однако, как отмечает В.В. Витрянский, суды часто игнорируют субъективную оценку угрозы», что порой приводит к излишне жестким или, наоборот, чрезмерно мягким решениям» [4]. Важно учитывать, что субъективная оценка ситуации, а также обстоятельства, при которых происходит защита, играют ключевую роль в правильной трактовке соразмерности. В противном случае защита прав может привести к ненужным и разрушительным последствиям.

Запрет злоупотребления правом является важным аспектом в применении самозащиты. Данный принцип предполагает, что лицо, защищающее свои интересы, не должно злоупотреблять правом и использовать средства самозащиты для нарушения прав других лиц. Примером такого злоупотребления является дело № А40-12345/2020, когда собственник, пытаясь защитить свои интересы, снес часть здания соседа, действуя вне рамок крайней необходимости. Суд признал его действия недобросовестными, так как они выходили за пределы того, что было необходимо для защиты своих прав. Этот случай наглядно демонстрирует важность соблюдения принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом, который помогает предотвратить произвольное и незаконное использование средств самозащиты.

Самозащита в гражданском праве требует чёткой законодательной регламентации. Для минимизации рисков злоупотреблений целесообразно:

1. Закрепить в ГК РФ исчерпывающий перечень допустимых способов.
2. Разработать методические рекомендации ВС РФ, по оценке соразмерности.
3. Ввести презумпцию добросовестности при применении крайней необходимости.

Список литературы:

[1] Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. Том 1. Москва: Норма, 2020. 912 с.

[2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 1. Москва: Статут, 2005. 847 с.

[3] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Москва: Бр. Башмаковы, 1912. 720 с.

[4] Витрянский В.В. Проблемы защиты гражданских прав // Вестник ВАС РФ. 2018. № 5. С. 40-52.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 12, 14, 359, 1066, 1067.

References:

[1] E.A. Sukhanov. Civil law: textbook. Volume 1. Moscow: Norma, 2020. 912 p.

[2] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book 1. Moscow: Statute, 2005. 847 pp.

[3] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. Moscow: Br. Bashmakov, 1912. 720 s.

[4] Vitryansky V.V. Problems of civil rights protection//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2018. № 5. S. 40-52.

[5] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ. Art. 12, 14, 359, 1066, 1067.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-36-38

ЗАГАЛАЕВА Жанета Алхазуровна,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А.Кадырова», г. Грозный, ассистент кафедры гражданского права и процесса, e-mail: zagalaevag@gmail.com

ДОГОВОР РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ: ПОНЯТИЕ, ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. *В статье рассматривается договор розничной купли-продажи. Раскрывается понятие, публичный характер договор. Также анализируется особенности правового регулирования защиты прав потребителей по договору прав потребителей.*

Ключевые слова: *договор, розничная купля-продажа, потребитель, защита прав потребителей.*

ZAGALAEVA Zhaneta Alkhazurovna,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny Assistant of the Department of Civil Law and Procedure

THE RETAIL SALES CONTRACT: CONCEPT, PUBLIC NATURE AND CONSUMER RIGHTS PROTECTION

Annotation. *The article discusses the retail sales contract. The concept and public nature of the contract are revealed. The features of legal regulation of consumer rights protection under the consumer rights contract are also analyzed.*

Key words*: contract, retail purchase and sale, consumer, consumer protection.*

Соглашение о розничной купле-продаже представляет собой наиболее массовую юридическую форму удовлетворения личных, семейных, бытовых и иных аналогичных запросов физических лиц, лежащих за рамками предпринимательской активности. Законодательная дефиниция данного договорного типа зафиксирована в ст. 492 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), согласно которой в силу договора розничной купли-продажи продавец, ведущий коммерческую деятельность по реализации товаров в розницу, принимает на себя обязанность вручить приобретателю вещь, предназначенную для личного, семейного, домашнего либо иного подобного употребления, не сопряжённого с извлечением предпринимательского дохода.

Ключевой отличительной чертой розничной купли-продажи выступает публичный характер деятельности реализатора. В соответствии со ст. 426 ГК РФ коммерческая организация не вправе отдавать предпочтение одному обратившемуся лицу перед другим применительно к заключению публичного договора, за исключением казусов, прямо оговорённых в законе. Стоимостные параметры товаров, а равно прочие договорные условия, подлежат установлению в единообразном виде для всей совокупности потребителей, за изъятием ситуаций, когда нормативные акты допускают предоставление преференций отдельным категориям приобретателей. Изложенное означает, что торговое предприятие, функционирующее в розничном сегменте, не наделено правомочием ответить отказом потребителю в оформлении сделки при условии фактического присутствия товара на прилавке (в витринном пространстве).[4, с. 190 .].

Исключительную роль в регламентации розничной купли-продажи играет Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — ЗоЗПП). Названный нормативный акт учреждает дополнительные правовые гарантии для приобретателя, каковые не могут быть нивелированы или аннулированы посредством договорных оговорок. К числу наиболее значимых из них причисляются:

1. Право на информацию о товаре (ст. 8–10 ЗоЗПП). На продавца возлагается обязанность своевременно доводить до сведения потребителя необходимые и соответствующие действительности данные о реализуемой продукции, создающие предпосылки для компетентного выбора. В корпус обяза-

тельной информации непременно включаются: указание на технический регламент либо иное идентифицирующее обозначение, сведения о ключевых потребительских характеристиках изделия, его цена в российской валюте, продолжительность гарантийного периода (если таковой предусмотрен), предписания и условия результативного и неопасного использования товара.

2. Право на обмен и возврат товара. По генеральному правилу (ст. 502 ГК РФ, ст. 25 ЗоЗПП) приобретатель управомочен произвести замену непродовольственного изделия надлежащего качества на аналогичное в пределах четырнадцатидневного срока, не учитывая день совершения покупки, при условии, что вещь не эксплуатировалась, сохранены её внешний товарный облик и функциональные свойства. В ситуации, когда равноценная замена невозможна, покупатель вправе настаивать на возврате уплаченной денежной суммы (исключение составляют товары, включённые в Перечень, не подпадающие под процедуру обмена).[5, с.156].
3. Права при продаже товара ненадлежащего качества (ст. 18–24 ЗоЗПП). Потребитель наделяется возможностью по собственному усмотрению истребовать: замены на изделие тождественной марки; замены на аналогичный продукт иной марки с соответствующим ценовым перерасчётом; пропорционального урезания покупной стоимости; незамедлительного безвозмездного устранения выявленных изъянов; компенсации издержек, понесённых в связи с самостоятельным исправлением дефектов. Касательно технически сложных товаров действуют особые предписания: требование о замене либо возврате уплаченных средств может быть заявлено на протяжении пятнадцати суток с момента вручения изделия или же в пределах гарантийного периода при обнаружении неустранимых или повторяющихся недостатков.
4. Ответственность продавца за несоблюдение временных рамок удовлетворения законных притязаний потребителя (пеня в объёме одного процента от стоимости изделия за каждые сутки задержки), а также компенсация морального вреда.

Отдельного аналитического рассмотрения заслуживают специфические разновидности розничной купли-продажи, а именно — дистанционный формат реализации и продажа по образцам. Руководствуясь ст. 497 ГК РФ, соглашение о розничной купле-продаже может быть заключено на базе ознакомления приобретателя с образчиком товара (его текстовым или визуальным описанием, каталожным представлением) либо с задействованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе глобальной сети Интернет). Своеобразие подобных контрактов заключается в том, что покупатель лишён физической возможности подвергнуть товар непосредственному осмотру вплоть до момента его фактического получения. Ввиду этого законодатель предоставляет приобретателю дополнительные обеспечительные механизмы: правомочие на отказ от товара в любой момент до его вручения, а после получения — на протяжении семи календарных дней (если письменное уведомление о регламенте возврата не было предоставлено — в течение трёх месяцев).[6, с. 276]. Из данного правила существуют изъятия для изделий надлежащего качества, обладающих уникальными, индивидуально-определёнными свойствами, которые могут быть использованы исключительно конкретным приобретателем. Нормативная база дистанционной коммерции детализирована в Правилах продажи товаров по договору розничной купли-продажи, введённых в действие Постановлением Правительства РФ № 2463.

Таким образом, правовая регламентация розничной купли-продажи зиждется на симбиозе генеральных предписаний ГК РФ и специализированного потребительского законодательства, нацеленного на обеспечение охраны интересов экономически более уязвимого участника — гражданина-покупателя.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.

[3] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140.

[4] Васильчикова, Н.В. Как потребителю защитить свои интересы: рекомендации и примеры / Н.В. Васильчикова.– М.: Омега-Л, 2016. – 190 с.

[5] Горина, И.Е. Защита прав потребителей: часто задаваемые вопросы, образцы документов: сам себе адвокат, № 4 [Текст] / И.Е. Горина – М.: Юрайт-Издат, 2015. - 156 с.

[6] Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2015. – 276 с.

[7] Еналеева, И.Д. Защита прав потребителей: часто задаваемые вопросы, образцы документов / И.Д. Еналеева. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2016. – 144 с.

[8] Комментарий к гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) (издание пятое, исправленное и дополненное с использованием судебно-арбитражной практики) / Под ред. Садикова О.Н. – М.: Контракт, 2014. – 213 с.

[9] Парций, Я.Е. Правила торговли. Комментарий законодательства / Я.Е. Парций – М.: Юнити, 2016. – 342 с.

[10] Парций Я.И. Комментарий к Закону «О защите прав потребителей». – М.: Юнити, 2014. – С. 78.

[11] Романова, Е.В. Правила торговли и защита прав продавца / Е.В. Романова.– М.: Альфа-Пресс, 2015. – 316 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 N 6-FKZ, dated December 30, 2008 N 7-FKZ, dated February 5, 2014 N 2-FKZ, dated July 21, 2014 N 11-FKZ)//Legislation Bulletin of the Russian Federation, 04.08.2014, No. 31, Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 28.03.2017) //Collection of Legislation of the Russian Federation, 29.01.1996, No. 5, Art. 410.

[3] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 “On Protection of Consumer Rights” (as amended on 03.07.2016) //Collection of Legislation of the Russian Federation, 15.01.1996, No. 3, Art. 140.

[4] Vasilchikova, N.V. How to protect your interests: recommendations and examples/N.V. Vasilchikova. - M.: Omega-L, 2016. - 190 s.

[5] Gorina, I.E. Consumer protection: frequently asked questions, sample documents: his own lawyer, No. 4 [Text]/I.E. Gorina - M.: Yurayt-Izdat, 2015. - 156 s.

[6] Gribanov, V.P. Exercise and protection of civil rights/V.P. Gribanov. - M.: Statute, 2015. - 276 p.

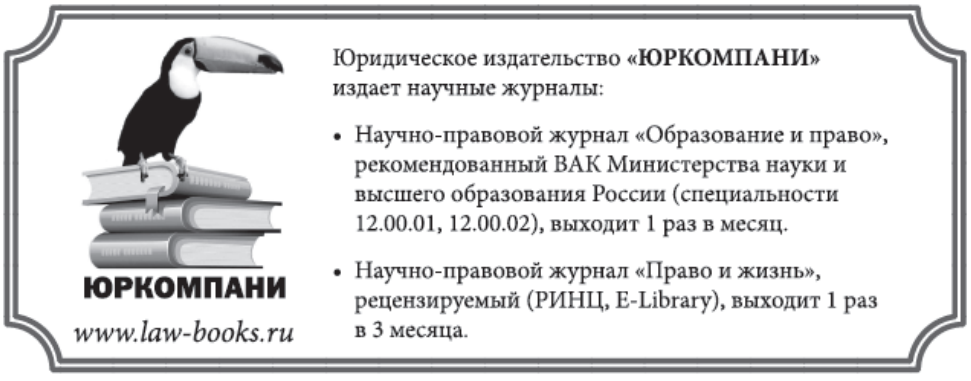
[7] Enaleeva, I.D. Consumer protection: frequently asked questions, sample documents/I.D. Enaleeva. - M.: Dashkov & K Publishing and Trading Corporation, 2016. - 144 s.

[8] Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part two (article-by-article) (fifth edition, amended and supplemented using judicial arbitration practice)/Ed. Sadikova O.N. - M.: Contract, 2014. - 213 s.

[9] Partius, J.E. Rules of Commerce. Legislative Commentary/Y.E. Partius - M.: Unity, 2016. - 342 s.

[10] Partiy Y.I. Commentary on the Consumer Protection Act. - M.: Unity, 2014. - S. 78.

[11] Romanova, E.V. Trade Rules and Protection of Seller’s Rights/E.V. Romanova. - M.: Alfa-Press, 2015. - 316 s.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-39-42
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ХАБИЕВА З.Д.,
Доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А.Кадырова»,
г.Грозный,
e-mail: zeka0708@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕСХОЗЯЙНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Аннотация. *В данной анализируются актуальные проблемы бесхозности земельных участков, рассматриваются причины ее возникновения. Уделяется внимание юридическим аспектам, связанным с правовым регулированием бесхозяйной недвижимости.*

Ключевые слова: *земля, земельный участок, бесхозяйный земельный участок, признаки, право собственности.*

KHABIEVA Z.D.,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov,
Grozny

LEGAL REGULATION OF UNOWNED LAND PLOTS

Annotation. *This article analyzes the current problems of land plots being unowned and examines the reasons for their occurrence. Attention is paid to the legal aspects related to the legal regulation of unowned real estate.*

Key words: *land, plot of land, unowned plot of land, features, ownership.*

Такой земельный участок подлежит постановке на учет органом местного самоуправления в качестве бесхозного недвижимого имущества в Едином государственном реестре недвижимости, и если в течение года с момента постановки на учет никто не заявит о своих правах, муниципальное образование может обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на этот участок, и только после признания его муниципальной собственностью граждане или юридические лица могут приобрести его в собственность в установленном законом порядке (например, через аренду с последующим выкупом или выкуп без торгов в определенных случаях). [15, с.303].

В то же время, если лицо добросовестно, открыто и непрерывно владеет земельным участком как своим собственным в течение пятнадцати лет, оно может приобрести право собственности на него в силу приобретательной давности, но для этого необходимо, чтобы участок не был брошенным, не был изъят из оборота и не относился к государственной или муниципальной собственности, и владелец должен доказать факт давностного владения в судебном порядке, после чего на основании решения суда регистрируется его право собственности; однако важно отметить, что в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, приобретательная давность не применяется, и такие участки переходят в собственность только через процедуры, установленные земельным кодексом, включая торги или предоставление без торгов для определенных категорий лиц, а бесхозные участки сначала становятся муниципальными и лишь затем могут быть переданы частным лицам.

Порядок перехода права собственности на бесхозный земельный участок или его приобретение третьими лицами по давности владения регулируется гражданским и земельным законодательством и осуществляется в административном или судебном порядке в зависимости от правового статуса участка. Законодательно регулируется процедура признания земельного участка бесхозяйным, включая порядок его постановки на учет органом местного самоуправления, сроки,

необходимые для выявления собственника или отказа от него, а также последующий возможный переход права собственности на такой участок к муниципальному образованию или его приобретение третьими лицами по давности владения.

Правовое регулирование процедуры признания земельного участка бесхозяйным в России в настоящее время сталкивается с рядом актуальных проблем, коренящихся в коллизиях гражданского, земельного и административного законодательства. Основной сложностью является неопределенность правового статуса таких участков: с одной стороны, Земельный кодекс РФ допускает существование бесхозяйных земель, с другой — процедура их выявления и постановки на учет регламентирована Гражданским кодексом и Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости», что создает разрыв между публичным и частноправовым подходами. [16, с.410].

Ключевая проблема — отсутствие у органов местного самоуправления эффективных механизмов для установления собственника, особенно если участок не имеет межевания, его границы не определены или он фактически используется, но права на него не зарегистрированы.

Из-за пробелов в законодательстве муниципалитеты часто не могут инициировать процедуру признания участка бесхозяйным, поскольку для этого требуется доказать отсутствие правопритязаний, однако длительное неиспользование земли или отсутствие сведений в ЕГРН не всегда является достаточным основанием.

Кроме того, остро стоит проблема «смешанного» правового режима: участок может быть одновременно бесхозяйным как объект гражданского оборота, но при этом относиться к землям, ограниченным в обороте (например, лесной фонд или особо охраняемые территории), что требует сложной межведомственной координации.

Серьезным препятствием является и судебная практика:

– суды нередко отказывают в признании права муниципальной собственности на бесхозяйные земли, если заявитель не предоставил исчерпывающих доказательств отказа собственника от прав или его отсутствия, что практически невозможно в отношении «старых» участков, права на которые возникли до введения современной системы регистрации.

Дополнительные трудности создает отсутствие единого порядка инвентаризации бесхозяйных земель, что приводит к их самозахвату, хаотичной застройке и налоговым потерям для бюджетов, а также к невозможности привлечь правообладателей к ответственности за порчу земель.

По итогу, несмотря на наличие правовых инструментов, процедура признания участка бесхозяйным остается громоздкой, затратной и малоэффективной, требуя комплексного рефор-

мирования законодательства в части упрощения доказывания «брошенности» земли и введения механизмов принудительного изъятия неиспользуемых участков.[20, С. 38-42.].

В соответствии с положениями Земельного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», порядок постановки на учет бесхозяйного земельного участка органом местного самоуправления включает несколько этапов:

- сначала орган местного самоуправления выявляет или получает заявление о земельном участке, который не имеет собственника или собственник которого неизвестен, после чего проводит его инвентаризацию и направляет в орган регистрации прав (Росреестр) заявление о постановке на учет в качестве бесхозяйного недвижимого имущества с приложением кадастрового паспорта и документов, подтверждающих отсутствие зарегистрированных прав;
- Росреестр в течение 15 рабочих дней вносит запись в Единый государственный реестр недвижимости, после чего участок считается поставленным на учет;
- далее орган местного самоуправления обязан по истечении года с даты такой постановки обратиться в суд с заявлением о признании права муниципальной собственности на данный участок, если в течение этого года никто не заявит о своих правах на него.

Список литературы:

[1] Трифонов, А. С. Гражданско - правовой режим земель промышленности: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : на правах рукописи / А. С. Трифонов; науч. рук. А. Е. Черноморец; Волгоград. гос. ун-т. - Волгоград, 2006. - 24 с.

[2] Волков, Г. А. Принципы земельного права России / Г. А. Волков. - М. : Городец, 2005. - 333 с.

[3] Попов, М. В. Приобретение публичных земель для строительства коммерческой недвижимости / М. В. Попов. - М. : Статут, 2006. - 250 с.

[4] Уткин, Б. И. Государственная регистрация прав на земельные участки и сделок с ними / Б. И. Уткин. - М. : Альфа-Пресс, 2005. - 235 с.

[5] Болтанова, Е. С. Права на земельные участки : теория, законодательство и практика его применения / Е. С. Болтанова. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. - 380 с.

[6] Оглобина, О. М. Защита прав на землю : комментарии, судеб. практика, образцы исковых заявлений / О. М. Оглобина, Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. - 2-е изд., с изм. и доп. - М. : Тихомиров М. Ю., 2007. - 125 с.

[7] Трифонов, А. С. Правовой режим земель промышленности / А. С. Трифонов. - М. : Волтерс Клувер, 2007. - 156 с.

[8] Документы для оформления и защиты прав на земельные участки : образцы правовых документов / под ред. М. Ю. Тихомирова. - 2-е изд., изм. и доп. - М. : Тихомиров М. Ю., 2007. - 122 с.

[9] Земля и другие природные ресурсы : правовые проблемы использования и защиты: науч.-практ. сборник / под общ. ред. А. А. Гольцблата. - М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. - 121 с.

[10] Попов, М. В. Приобретение публичных земель для строительства коммерческой недвижимости / М. В. Попов. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Статут, 2008. - 268 с.

[11] Вахаев, М. Х. Теория и практика регулирования земельных отношений в условиях рынка / М. Х. Вахаев. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. - 362 с.

[12] Сухова, Е. А. Упрощенный порядок оформления в собственность земельных участков, садовых домов, гаражей и других бытовых построек : комм. к ФЗ от 30 июня 2006г. №93-ФЗ / Е. А. Сухова. - М. : ГроссМедиа, 2007. - 54 с.

[13] Кузьмин, Г. В. Земельный налог: особенности исчисления и уплаты / Г. В. Кузьмин. - М. : Бух. учет, 2009. - 110 с.

[14] Жогов, Д. Ю. Земельные участки и иные объекты недвижимости: упрощенный порядок оформления прав / Д. Ю. Жогов, С. Е. Малета, С. В. Малета ; Рос. академия правосудия. - 2-е изд. - М. : Эксмо, 2009. - 240 с.

[15] Щелоков, В. В. Инвестиции в землю / В. В. Щелоков. - М. : Эксмо, 2010. - 303 с.

[16] Анисимов, А. П. Земельное право России : учебник для вузов по спец. «Юриспруденция» / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец ; под ред. А. П. Анисимова. - 2-е изд., перераб. - М. : Юрайт, 2010. - 410 с.

[17] Бриксов, В. В. 250 актуальных вопросов практики применения земельного законодательства / В. В. Бриксов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2009. - 710 с.

[18] Земельное право : учебник для вузов / под ред. С. А. Боголюбова. - 2-е изд. - М. : Проспект, 2009. - 395 с.

[19] Абузярова, Д. Ф. Изъятие земель для размещения автомобильных дорог: проблемы правоприменения и судебная практика / Д. Ф. Абузярова // Юридический мир. - 2011. - N 9. - С. 30-31.

[20] Авдонина, О. Г. Принудительное изъятие земельного участка для олимпийских нужд / О. Г. Авдонина// Юридический мир. - 2011. - № 12. - С. 38-42.

References:

[1] Trifonov, A. S. Civil law regime of industrial lands: ref. dis. to the nipple. learned. step. cand. jurid. Sciences: as a manuscript/A. S. Trifonov; scientific. hands. A.E. Chernomorets; Volgograd. state. un-t. - Volgograd, 2006. - 24 s.

[2] Volkov, G. A. Principles of Land Law of Russia/G. A. Volkov. - M.: Gorodets, 2005. - 333 p.

[3] Popov, M.V. Acquisition of public lands for the construction of commercial real estate/M.V. Popov. - M.: Statute, 2006. - 250 s.

[4] Utkin, B. I. State registration of rights to land plots and transactions with them/B. I. Utkin. - M.: Alfa-Press, 2005. - 235 s.

[5] Boltanova, E. S. Rights to land plots: theory, legislation and practice of its application/E. S. Boltanova. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. - 380 s.

[6] Oglobin, O. M. Protection of land rights: comments, destinies. practice, samples of claims/O. M. Oglobin, L. V. Tikhomirova, M. Yu. Tikhomirov. - 2nd ed., With rev. and add. - M.: Tikhomirov M. Yu., 2007. - 125 s.

[7] Trifonov, A. S. Legal regime of industrial lands/A. S. Trifonov. - M.: Wolters Kluver, 2007. - 156 s.

[8] Documents for registration and protection of rights to land plots: samples of legal documents/ ed. M. Yu. Tikhomirova. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Tikhomirov M. Yu., 2007. - 122 s.

[9] Land and other natural resources: legal problems of use and protection: scientific-practical. collection/under the general. ed. A. A. Goltsblat. - M.: Alpina Business Books, 2008. - 121 s.

[10] Popov, M.V. Acquisition of public lands for the construction of commercial real estate/M.V. Popov. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Statute, 2008. - 268 p.

[11] Vakhaev, M. Kh. Theory and practice of regulating land relations in market conditions/M. Kh. Vakhaev. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2006. - 362 p.

[12] Sukhova, E. A. Simplified procedure for registration of ownership of land plots, garden houses, garages and other household buildings: comm. to Federal Law dated June 30, 2006 No. 93-FZ/E. A. Sukhova. - M.: GrossMedia, 2007. - 54 s.

[13] Kuzmin, G.V. Land tax: features of calculation and payment/G.V. Kuzmin. - M.: Bukh. accounting, 2009. - 110 s.

[14] Zhogov, D. Yu. Land plots and other real estate: simplified procedure for registration of rights/D. Yu. Zhogov, S. E. Maleta, S. V. Maleta; Grew. academy of justice. - 2nd ed. - M.: Eksmo, 2009. - 240 s.

[15] Shchelokov, V.V. Investments in land/V.V. Shchelokov. - M.: Eksmo, 2010. - 303 p.

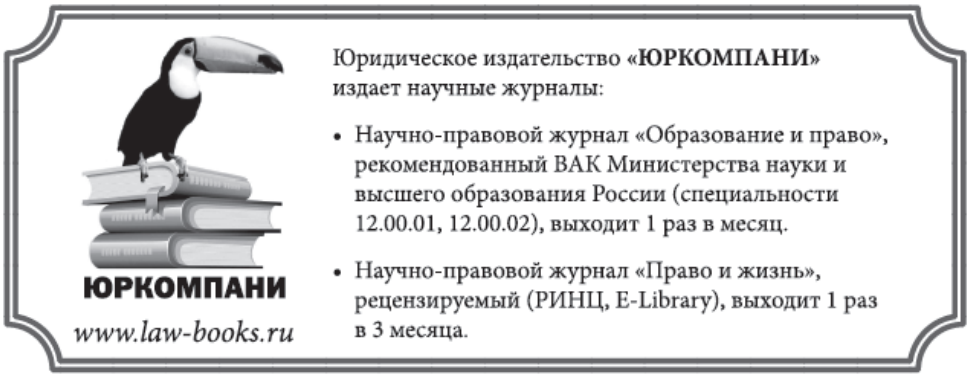
[16] Anisimov, A.P. Land Law of Russia: a textbook for universities on special. “Jurisprudence “/A. P. Anisimov, A. Ya. Ryzhenkov, A. E. Chernomorets; ed. A.P. Anisimov. - 2nd ed., Revised - M.: Yurayt, 2010. - 410 s.

[17] Brixov, V.V. 250 topical issues of the practice of applying land legislation/V.V. Brixov. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Yurayt, 2009. - 710 s.

[18] Land law: a textbook for universities/ed. S. A. Bogolyubova. - 2nd ed. - M.: Prospect, 2009. - 395 p.

[19] Abuzyarova, D.F. Seizure of land for the placement of highways: problems of law enforcement and judicial practice/D.F. Abuzyarova//Legal world. - 2011. - N 9. - S. 30-31.

[20] Avdonin, O. G. Compulsory seizure of a land plot for Olympic needs/O. G. Avdonin//Legal world. - 2011. - № 12. - S. 38-42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-43-51

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского ветеринарного
института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: barykina_10@mail.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ТРУДА

Аннотация. *В современных условиях развития промышленного производства вопросы охраны труда приобретают особую актуальность. Это особенно актуально для предприятий промышленной отрасли, где производственный процесс связан с высокими рисками и потенциально опасными условиями труда. В условиях интенсификации производства и внедрения новых технологий возрастает необходимость совершенствования системы управления охраной труда для обеспечения безопасности работников.*

Ключевые слова: *охрана труда, система управления, производственная безопасность, управление рисками, производственные факторы.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,

Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
PhD in Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer, Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,
Senior Lecturer,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University

OCCUPATIONAL HEALTH MANAGEMENT PHILOSOPHY

Annotation. *In today's rapidly developing industrial environment, occupational safety issues are becoming increasingly important. This is especially true for industrial enterprises, where the production process is associated with high risks and potentially hazardous working conditions. With the intensification of production and the introduction of new technologies, the need to improve occupational safety management systems to ensure worker safety is growing.*

Key words: *occupational safety, management system, industrial safety, risk management, production factors.*

Цель – исследование и совершенствование системы управления охраной труда на предприятии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– Изучить теоретические основы охраны труда и нормативно-правовую базу.
– Исследовать организацию управления охраной труда.
– Разработать мероприятия по совершенствованию системы управления охраной труда.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

В течение многих десятилетий стандарты по охране труда постоянно изменялись — их дополняли новыми положениями и требованиями, отражающими актуальные вызовы времени. Методы оценки рисков становились всё более точными, в практику внедрялись усовершенствованные рекомендации по профилактике профессиональных заболеваний. Динамика этой эволюции наглядно прослеживается на схематических материалах, представленных в научной документации, где проанализированы этапы развития стандартов: от исторических предпосылок до современных подходов.

После того как был принят ключевой нормативный акт в области охраны труда, предприятия начали последовательно внедрять реальные механизмы защиты работников. Специалисты разрабатывали стратегии управления опасностями, интегрировали принципы безопасной рабочей среды в корпоративную культуру — всё это укрепило систему охраны труда на практике.

Принятое постановление о здоровье и безопасности труда не только определило основные векторы развития, но и стало отправной точкой для последующих реформ, оставаясь одним из важнейших элементов правовой базы этой сферы.

В современных трудовых отношениях вопросы охраны труда занимают центральное место, поскольку напрямую связаны с обеспечением безопасности и сохранением здоровья работников. Законодательство, регулирующее эту область, строится на четко выстроенной иерархии нормативных актов — от Конституции Российской Федерации до внутренних регламентов отдельных организаций.

На уровне регионов и предприятий правовое регулирование осуществляется через решения органов местного самоуправления и внутренние нормативы, позволяющие учитывать специфику конкретных производств или территорий и выстраивать систему охраны труда в зависимости от их особенностей.

В настоящий момент в России правила функционирования системы управления охраной труда (СУОТ) закреплены множеством нормативно-правовых документов [1, 2].

Процессы специальной оценки условий труда и оценка профессиональных рисков являются базовыми процессами СУОТ организации.

Основными процессами по охране труда являются:

- специальная оценка условий труда (далее - СОУТ);
- оценка профессиональных рисков (далее - ОПР);
- проведение медицинских осмотров и освидетельствований работников;
- проведение обучения работников;
- обеспечение работников средствами индивидуальной защиты (далее - СИЗ);
- обеспечение безопасности работников при эксплуатации зданий и сооружений;
- обеспечение безопасности работников при эксплуатации оборудования;
- обеспечение безопасности работников при осуществлении технологических процессов;
- обеспечение безопасности работников при эксплуатации применяемых инструментов;
- обеспечение безопасности работников при применении сырья и материалов;
- обеспечение безопасности работников подрядных организаций;
- санитарно-бытовое обеспечение работников;
- выдача работникам молока или других равноценных пищевых продуктов;
- обеспечение работников лечебно-профилактическим питанием;
- обеспечение соответствующих режимов труда и отдыха работников в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права;
- обеспечение социального страхования работников;
- взаимодействие с государственными надзорными органами, органами исполнительной власти и профсоюзного контроля;
- реагирование на аварийные ситуации;
- реагирование на несчастные случаи;
- реагирование на профессиональные заболевания.

Специальная оценка условий труда (СОУТ) играет ключевую роль на каждом предприятии, задавая основу для функционирования всей системы охраны труда. Выстраивание эффективной СУОТ требует от специалистов не только высокого уровня профессиональных навыков, но и активного применения современных управленческих технологий. Поддержание такой системы — процесс сложный, требующий глубокого понимания механизмов совершенствования рабочих процессов [3].

В центре проектирования СУОТ находится последовательный, структурный подход, основу которого составляет цикл PDCA — цикл Деминга-Шухарта. В международном стандарте ГОСТ Р ИСО 45001-2020 эта модель формирует теоретическую и практическую базу для постоянного повышения уровня безопасности труда за счёт непрерывных преобразований как всей структуры управления, так и отдельных её элементов [4].

Цикл PDCA включает четыре стадии, каждая из которых необходима для устойчивого развития системы. На этапе «Планирование» (P) формулируются задачи и намечается стратегия по их достижению. В стадии «Выполнение» (D) запланированные мероприятия реализуются на практике. За этим следует фаза «Проверка» (C), когда специалисты анализируют достигнутые результаты и соотносят их с ранее установленными критериями. Наконец, на этапе «Действие» (A) корректируют текущие процессы и внедряют изменения, если система не соответствует поставленным целям или нормативам [5].

Методика PDCA позволяет формировать не просто замкнутую, а динамично развивающуюся управленческую структуру, в которой улучшения становятся постоянной практикой. Поэтому специалисты по охране труда должны обладать не только профильными знаниями, но и навыками стратегического анализа и внедрения инноваций.

Стандарты, регулирующие СУОТ, строятся именно на принципах, заложенных в цикле PDCA. Его этапы и логика наглядно отражены на *рисунке 1.*

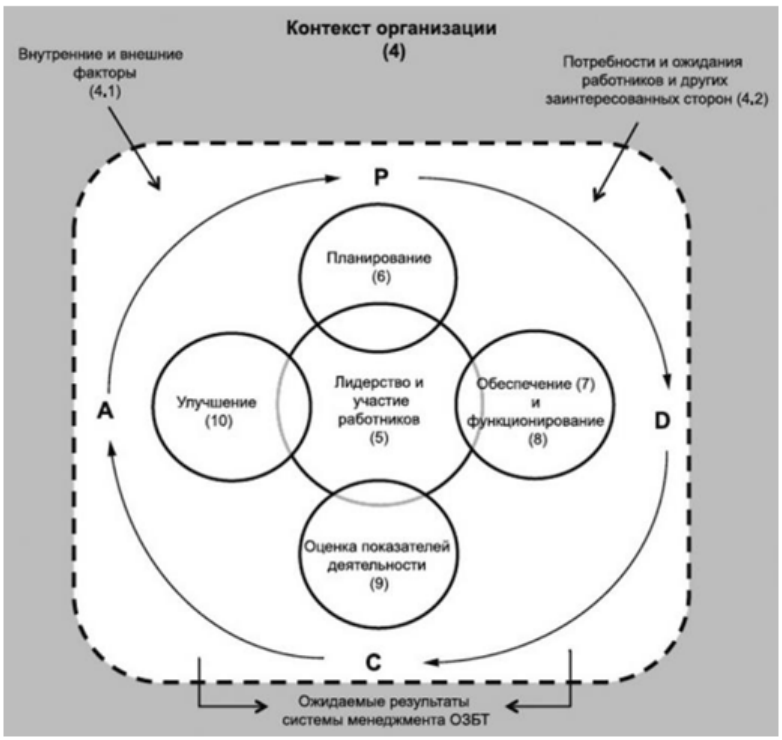

Рисунок 1. Структура стандарта, основанная на PDCA

Внедрение системы управления охраной труда (СУОТ) на предприятии начинается с тщательной подготовки. Этот процесс требует разработки конкретного проекта, учитывающего все специфические аспекты и потребности организации. Ключевым этапом является создание документа, который будет регламентировать действия по внедрению и последующее функционирование системы.

Внедрение СУОТ требует структурированного подхода. Мы можем визуализировать этот процесс в виде детальной схемы, которая поможет системно отслеживать все этапы, начиная от первичного анализа условий труда и заканчивая реализацией разработанных мероприятий. Схематическое представление также иллюстрирует взаимосвязи между различными компонентами системы и помогает в координации их работы.

Следует отметить, что центральной частью успешного внедрения СУОТ на предприятии является глубокий анализ рисков для здоровья сотрудников и идентификация потенциальных угроз. Только на основе этих данных можно разработать эффективные меры по предотвращению несчастных случаев и профессиональных заболеваний [6].

Затем, на основании собранных данных, разрабатывается план действий, который включает в себя подбор необходимого оборудования для обеспечения безопасности, профессиональное обучение персонала, а также внедрение и совершенствование процедур контроля и мониторинга.

Важным аспектом при внедрении СУОТ является адаптация системы под конкретные параметры и задачи предприятия, чтобы обеспечить гибкость и эффективность функционирования системы, а также её соответствие нормативно-правовым требованиям.

Финальный этап – это анализ результатов внедрения и корректировка проекта СУОТ, что предполагает циклический процесс совершенствования системы в зависимости от изменений условий труда и других факторов. Эта постоянная работа по улучшению позволяет создать на предприятии эффективную систему, которая будет обеспечивать не только юридическое соответствие, но и реальное снижение уровня производственных рисков.

Таким образом, проект СУОТ состоит из предварительного анализа, реализации плана внедрения и постоянной оптимизации системы. Профессионализм и систематический подход на всех этапах – ключ к успешному функционированию систем управления охраной труда.

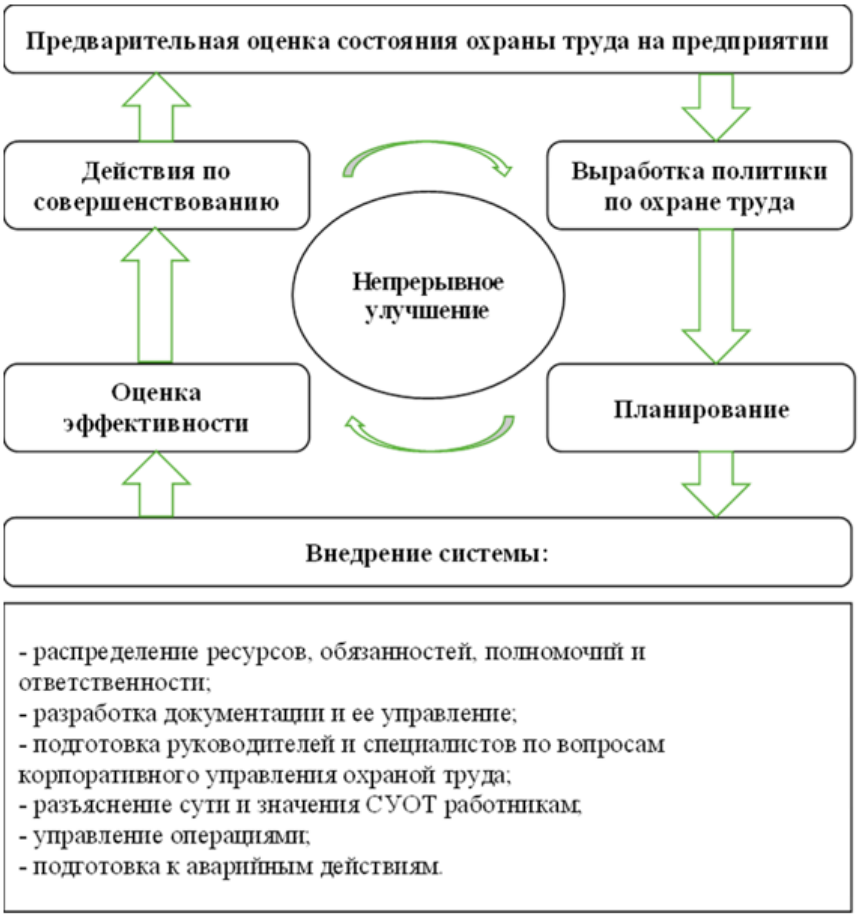

Рисунок 2. Этапы внедрения и функционирования СУОТ

Реализация системы управления охраной труда (СУОТ) на предприятии требует внимательного и структурированного подхода. Разделение процесса на три основных этапа обеспечивает эффективность и безопасность внедрения [7].

На первом же этапе ключевую роль играет основательная диагностика существующих условий работы. Эксперты в сфере охраны труда анализируют текущее состояние, начиная с проверки соблюдения нормативных актов и законодательства. Важной частью является оценка уровней опасностей, рисков на производстве, а также действующих и планируемых мероприятий по их минимизации.

Проводится также мониторинг состояния здоровья работников, что включает регулярные медицинские осмотры. Они необходимы для предупреждения заболеваний и оценки эффективности вводимых мер безопасности. Отслеживается выполнение ранее установленных производственных стандартов и планов, проверяется состояние оборудования и рабочих зон.

На втором этапе стратегическое планирование обеспечивает четкую навигацию по процессу внедрения. Определяются конкретные цели, критерии эффективности и сроки реализации мероприятий.

Завершает процесс активное внедрение СУОТ. Здесь важно не только применение планированных мер, но и их корректировка в соответствии с полученной обратной связью в результате наблюдения и анализа. Принимаемые работодателем решения постоянно совершенствуют процедуры обеспечения безопасности, что ведет к повышению уровня охраны труда на предприятии [8].

При этом должна быть обеспечена полная соответствие действующим нормативным и законодательным требованиям, включая коллективные соглашения и стандарты предприятия. На каждом этапе ключевое внимание уделяется рабочей среде и здоровью сотрудников, что является залогом их продуктивности и обеспечения высоких показателей безопасности.

Процесс оценки охраны труда на предприятии представляет собой ключевую компоненту безопасности рабочего процесса, причём результаты данного анализа необходимо оформлять в письменном виде. Аудит включает в себя оценку таких аспектов, как стратегия и задачи компании в сфере охраны труда, вовлечение в эти процессы сотрудников и их представителей, а также уточнение обязанностей, ответственности и уровня квалификации персонала.

Не менее важно уделить внимание документации системы управления охраной труда (СУОТ), обеспечению информационного обмена и наладке эффективной коммуникации в этой сфере. Неотъемлемой частью проверки являются оценка функционирования, планирования и развития самой СУОТ.

После рассмотрения общих принципов переходим к вопросам превентивных и мониторинговых мер, которые составляют основу подготовки предприятия к любым нештатным ситуациям. Организация учится не только быстро реагировать на угрозы, но и устранять их последствия, обеспечивая устойчивость своей работы в сложных условиях. Существенную роль здесь играет своевременное материальное обеспечение, грамотное ресурсное планирование при участии подрядчиков и регулярный анализ достигнутых результатов в сфере охраны труда.

Когда на предприятии происходят аварии, нарушения безопасности или фиксируются случаи профессиональных заболеваний, специалисты детально разбирают причины каждого инцидента. Они используют полученные данные для оптимизации методик безопасности, оперативного предотвращения повторных ошибок и постоянного пересмотра рабочих процедур. Такой подход обеспечивает динамичное усовершенствование всей системы и ведёт к снижению операционных рисков [9].

Оценивая уровень охраны труда, предприятие оформляет результаты по установленным формам — это не просто бюрократическая процедура, а финальный этап анализа, позволяющий обозначить ключевые задачи системы СУОТ. Четкое определение целей становится платформой для дальнейшего создания здоровой и производительной среды.

Практика показывает, что интеграция СУОТ требует поэтапного внедрения: на первом этапе специалисты адаптируют документацию и стандарты под специфику деятельности, затем тестируют отдельные сегменты системы в реальных условиях, а завершает процесс комплексный переход к полностью интегрированной модели обеспечения безопасности.

Эффективная СУОТ строится на ряде структурных элементов:

Четкая политика, в которой отражены приоритеты компании в области защиты персонала;

Организационная схема, учитывающая особенности каждого подразделения;

Продуманное распределение ресурсов и последовательное планирование;

Постоянное наблюдение за процессами и своевременное реагирование на выявленные недочеты;

Системный анализ результатов для корректировки дальнейшей работы;

Настойчивая работа над модернизацией процедур и инструментов.

Документированные внутренние правила закрепляют как общие стратегические ориентиры, так и конкретные оперативные задачи по снижению рисков для работников. Для эффективности необходимо разграничить ответственность между различными управленческими уровнями, начиная с линейных бригад и заканчивая руководством служб или филиалов. Такая структура делает систему управления гибкой и прозрачной.

Реализация всех вышеперечисленных принципов позволяет не только формировать безопасное производственное пространство, но и способствует увеличению общей эффективности человеческого труда — за счёт предотвращения потерь, связанных с несчастными случаями и профессиональными рисками.

Чтобы СУОТ функционировала на должном уровне, руководители должны мотивировать сотрудников активно участвовать в мерах по улучшению условий работы, одновременно контролируя выполнение установленных стандартов каждым членом коллектива. Только совместная вовлечённость всех уровней персонала обеспечивает реальную безопасность и минимизирует вероятность нарушений [10].

Важным аспектом в этой системе является разработка и внедрение комплекса мероприятий:

Первый этап заключается в анализе профессиональных рисков, подразумевающий выявление опасностей, а также их оценку. Затем следует разработка и внедрение стратегии для их снижения и предотвращения, с обязательным последующим мониторингом и актуализацией рисков.

Второй этап — составление плана по охране труда. Необходимо включать в него не только перечень мероприятий, их цели и ожидаемые результаты, но и чётко обозначить сроки исполнения, ответственных исполнителей и источники финансирования.

Также крайне важен третий этап — постановка целей в сфере охраны труда. Они должны быть конкретными и измеримыми, чтобы их

достижение можно было оценить. Это позволит корректировать деятельность в процессе выполнения.

И, наконец, средства обеспечения предполагают наличие ресурсов, чёткое определение сроков и показателей для оценки уровня достижения целей. Кроме того, следует учитывать, как поставленные цели повлияют на бизнес-процессы предприятия.

Всё это создаёт основу для эффективного функционирования СУОТ, при котором взаимодействие работодателя и сотрудников превращается в инструмент повышения безопасности и улучшения условий труда на предприятии [11].

Обеспечение функционирования СУОТ включает в себя:

1. Определение компетенций работников.
2. Подготовка работников в области выявления опасностей в ходе трудовой деятельности.
3. Непрерывная подготовка и повышение квалификации работников в области охраны труда.
4. Документирование информации по обучению работников.

К основным процессам по охране труда относятся:

1. Специальная оценка условий труда (далее – СОУТ).
2. Оценка профессиональных рисков (далее – ОПР).
3. Проведение медицинских осмотров и освидетельствований работников [10].
4. Проведение обучения работников.
5. Обеспечение работников средствами индивидуальной защиты (далее – СИЗ).
6. Обеспечение безопасности работников при эксплуатации зданий и сооружений.
7. Обеспечение безопасности работников при эксплуатации оборудования.
8. Обеспечение безопасности работников при осуществлении технологических процессов.
9. Обеспечение безопасности работников при эксплуатации применяемых инструментов.
10. Обеспечение безопасности работников при применении сырья и материалов.
11. Обеспечение безопасности работников подрядных организаций.
12. Санитарно-бытовое обеспечение работников.
13. Выдача работникам молока или других равноценных пищевых продуктов.
14. Обеспечение работников лечебно-профилактическим питанием.
15. Обеспечение соответствующих режимов труда и отдыха работников в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.
16. Обеспечение социального страхования работников.
17. Взаимодействие с государственными надзорными органами, органами исполнительной власти и профсоюзного контроля.
18. Реагирование на аварийные ситуации.
19. Реагирование на несчастные случаи.
20. Реагирование на профессиональные заболевания.

Таким образом, для обеспечения функционирования СУОТ, необходимо выполнение следующих процессов:

1. Планирование мероприятий по охране труда.
2. Выполнение мероприятий.
3. Контроль планирования и выполнения, а также анализ результатов.
4. Формирование корректирующих действий по совершенствования СУОТ.
5. Управление документами.
6. Информирование работников и взаимодействие с ними.
7. Распределение обязанностей.

Для достижения эффективной работы предприятия критически важно управление охраной труда (СУОТ) [12]. На первом этапе стоит обратить внимание на систематический мониторинг, точное измерение, анализ и значимую оценку результатов. Второй важный компонент - это проведение внутренних аудитов, которые помогают выявить потенциальные уязвимости и области для улучшения. Помимо этого, крайне важен тщательный анализ со стороны руководства, который позволяет находить индивидуальные подходы к развитию системы охраны труда.

Процесс совершенствования СУОТ начинается с корректирующих мероприятий. Такие действия возникают в ответ на произошедший инцидент и выявленное несоответствие стандартам безопасности работы. Примерная последовательность действий заключается в разработке мер после происшествий - это может быть установление защитных барьеров и организация обучения сотрудников [13].

Далее следует процесс внедрения постоянных улучшений. Это может включать в себя использование инновационных технологий, обновление материальной базы, расширение обмена опытом, как внутри компании, так и за ее пределами. Кроме того, стоит уделить внимание предложениям от заинтересованных сторон, повышать компетенции сотрудников и обеспечивать их возможности для развития. В качестве результатов таких усилий ожидаются упрощение процессов, их оптимизация и, как следствие, повышение эффективности работы [14].

Выводы:

В заключение, надлежащее внимание к системе управления охраны труда - это сложная, но решаемая задача для работодателей. Система управления охраной труда требует мудрого руководства и непрестанной работы по ее совершенствованию, что, в последствии, сокращает производственные риски, повышает производительность и способствует созданию конкурентных преимуществ предприятия.

Список литературы:

[1] Новоселова Л.Ф. Сравнительный анализ нормативно-правовых документов в области системы управления охраной труда // Обеспечение безопасности: производственной, пожарной, экологической : Материалы I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов - на-Дону, 12–13 декабря 2023 года. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович. – 2023. – С. 51-53.

[2] Сайт Политех Инженерно-строительный институт [Электронный ресурс]. – URL: https://ice.spbstu.ru/ice_science_week_2024/ (дата обращения: 05.04.2025).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024), КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[4] Ковалева А.В., Бужинская В.А., Милованова Л.В., Легкая Д.В. Всеобщее управление качеством // Экономика и эффективность организации производства. – 2012. – № 17. – С. 72-75.

[5] Сайт SRG ECO [Электронный ресурс]. – URL: https://srg- eco.ru/article/the-development-of-the-system-of-labour-protection-management- why-is-it-needed/ (дата обращения: 15.04.2025).

[6] Кольцова К.С., Симонов С.В. Всеобщее управление качеством // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – №7 (49). – С. 73-79.

[7] Звонилкин, Д. А. Принципы всеобщего управления качеством // Молодой ученый. – 2015. – №17 (97). – С. 448-451.

[8] Сайт ECO Standard Group [Электронный ресурс]. – URL: https://journal.ecostandard.ru/news/vnii-truda-mintruda-rossii-podelilsya-analizom-narusheniy-privedshikh-k-neschastnym-sluchayam-so-sme/ (дата обращения: 12.04.2025).

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024), КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9832856c9030e766fa ac1edc516e2a61648e7711/ (дата обращения: 14.04.2025).

[10] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023), КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/651d8ec0bc6209d48 b7ee854c22d5f62baa35239/ (дата обращения: 15.04.2025).

[11] Файнбург Г.З. О чем и почему молчат цифры // Безопасность и охрана труда. – 2015. – № 1 (62). – С. 4-13.

[12] Файнбург Г. З. Проблемы сбора и использования данных по охране труда // Безопасность и охрана труда. – 2017. – № 1 (70). – С. 32-43.

[13] ГОСТ 12.0.230.1-2015 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Системы управления охраной труда. Руководство по применению ГОСТ 12.0.230-2007», Кодекс [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200136073?section=status (дата обращения: 27.03.2025).

[14] Сайт StudFiles [Электронный ресурс]. – URL: https://studfile.net/preview/2277365/page:70/ (дата обращения: 15.04.2025).

References:

[1] Novoselova L.F. Comparative analysis of regulatory documents in the field of occupational health and safety management systems // Ensuring safety: industrial, fire, environmental: Proceedings of the I All-Russian (national) scientific and practical conference, Rostov-on-Don, December 12-13, 2023. - Rostov-on-Don: Individual entrepreneur Bespamyatnov Sergey Vladimirovich. - 2023. - P. 51-53.

[2] Website of the Polytechnic Institute of Civil Engineering [Electronic resource]. – URL: https://ice.spbstu.ru/ice_science_week_2024/ (date of access: 05.04.2025).

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 22.04.2024), ConsultantPlus [Electronic resource].

[4] Kovaleva A.V., Buzhinskaya V.A., Milovanova L.V., Legkaya D.V. Total quality management // Economy and efficiency of production organization. - 2012. - No. 17. - P. 72-75.

[5] SRG ECO website [Electronic resource]. – URL: https://srg-eco.ru/article/the-development-of-the-system-of-labour-protection-management-why-is-it-needed/ (date of access: 15.04.2025).

[6] Koltsova K.S., Simonov S.V. Total quality management // Innovative economy: prospects for development and improvement. - 2020. - No. 7 (49). - P. 73-79.

[7] Zvonilkin, D. A. Principles of total quality management // Young scientist. - 2015. - No. 17 (97). - P. 448-451.

[8] ECO Standard Group website [Electronic resource]. – URL: https://journal.ecostandard.ru/news/vnii-truda-mintruda-rossii-podelilsya- analizom-narusheniy-privedshikh-k-neschastnym-sluchayam-so-sme/ (date of access: 04/12/2025).

[9] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 06.04.2024), ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9832856c9030e766fa ac1edc516e2a61648e7711/ (date of access: 14.04.2025).

[10] Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 04.08.2023, as amended on 24.10.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2023), ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/651d8ec0bc6209d48 b7ee854c22d5f-62baa35239/ (date of access: 15.04.2025).

[11] Fainburg G.Z. What the numbers are silent about and why // Occupational Safety and Health. - 2015. - No. 1 (62). - P. 4-13.

[12] Fainburg G. Z. Problems of collecting and using data on occupational safety // Occupational Safety and Health. - 2017. - No. 1 (70). - P. 32-43.

[13] GOST 12.0.230.1-2015 “Occupational Safety Standards System (OSSS). Occupational Safety Management Systems. Guidelines for the Application of GOST 12.0.230-2007”, Code [Electronic resource]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200136073?section=status (date of access: 03/27/2025).

[14] StudFiles website [Electronic resource]. – URL: https://studfile.net/preview/2277365/page:70/ (accessed: 15.04.2025).

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-52-57

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,
младший научный сотрудниксектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук,
e-mail: g.patulin@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ДОВЕРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ОТ ВЕРЫ В ПРАВО К ПРАВОВОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируется концепция доверия граждан к закону и действиям государства как конституционно значимый принцип, раскрываемый через парадигму веры в право в контексте обеспечения государственного суверенитета. Автор разграничивает категории «вера в право» (мировоззренческая, ценностно-эмоциональная установка) и «доверие к праву» (рационально-операциональная категория). Показана роль принципа поддержания доверия в обеспечении легитимности конституционного строя, стабильности правового регулирования, защиты приобретенных прав и укрепления государственного суверенитета (внутреннего и внешнего). Рассматриваются механизмы реализации данного принципа в условиях современных вызовов. Обосновывается вывод о необходимости системного укрепления веры в право через повседневное поддержание доверия как ключевой задачи конституционно-правовой науки и государственной политики в суверенном государстве.*

Ключевые слова: *право, закон, доверие, государственный суверенитет, народный суверенитет, конституционный принцип, правовая определенность, Конституционный Суд Российской Федерации, легитимность государственной власти, правовой нигилизм, взаимное доверие государства и общества.*

PATIULIN Georgii Sergeevich,
Junior Research Fellow at the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF TRUST AND STATE SOVEREIGNTY: FROM FAITH IN LAW TO LEGAL LEGITIMACY

Annotation. *The article analyzes the concept of citizens' trust in the law and actions of the state as a constitutionally significant principle, examined through the paradigm of faith in law in the context of ensuring state sovereignty. The author distinguishes between the categories of "faith in law" (a worldview-based, value-emotional attitude) and "trust in law" (a rational-operational category). The role of the principle of maintaining trust in ensuring the legitimacy of the constitutional order, the stability of legal regulation, the protection of acquired rights, and the strengthening of state sovereignty (both internal and external) is demonstrated. The mechanisms for implementing this principle in the face of contemporary challenges are examined. The author substantiates the conclusion that the systematic strengthening of faith in law through the consistent maintenance of trust constitutes a key task for constitutional legal scholarship and state policy in a sovereign state.*

Key words: *law, legislation, trust, state sovereignty, popular sovereignty, constitutional principle, legal certainty, Constitutional Court of the Russian Federation, legitimacy of state power, legal nihilism, mutual trust between the state and society.*

В современных условиях цифровизации общественных отношений, глобальных геополитических вызовов, внутренних социально-экономических трансформаций и ускоренного нормотворчества доверие к праву перестает быть исключительно социально-психологическим феноменом и превращается в самостоятельный конституционно значимый принцип, без реализации которого невозможно обеспечить подлинную легитимность государственной власти, устойчивость правопорядка, эффективную защиту прав и свобод человека, а также укрепление государственного суверенитета Российской Федерации.

Государственный суверенитет как высшее проявление независимости и верховенства власти на всей своей территории (ст. 4 Конституции РФ) неразрывно связан с внутренним доверием общества к правовой системе. Согласно конституционной доктрине, суверенитет Российской Федерации является единым и неделимым, распространяясь как на внутреннюю (народный суверенитет через демократические институты), так и на внешнюю сферу (независимость от иностранного вмешательства). Без глубокой веры граждан в право и устойчивого доверия к действиям суверенного государства невозможно реализовать конституционные цели построения правового, демократического и социального государства. Как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства вытекает из фундаментальных положений Конституции Российской Федерации, включая преамбулу, статьи 1 (правовое государство), 2 (человек, его права и свободы как высшая ценность), 7 (социальное государство), 10 (разделение властей), 18 (непосредственное действие прав и свобод), 55 (ограничение прав только федеральным законом) и, после конституционной реформы 2020 года, – ст. 75.1, прямо закрепляющую создание условий для взаимного доверия государства и общества [6].

Особую остроту принцип приобретает в эпоху, когда правовой нигилизм, отчуждение граждан от государства и формальное отношение к закону становятся реальной угрозой основам конституционного строя и суверенитету Российской Федерации. Кризис доверия проявляется в различных формах: от снижения уровня участия граждан в публично-правовых отношениях до роста числа обращений в КС РФ по вопросам стабильности правового регулирования. Многолетний практический опыт убедительно показывает, что даже самые совершенные правовые нормы остаются «мертвой буквой», если у граждан отсутствует глубокая вера в их справедливость и уверенность в последовательной реализации.

Принцип доверия не только обеспечивает предсказуемость правового регулирования, но и выступает необходимым условием реализации конституционных ценностей – верховенства права, равенства, справедливости и достоинства личности в рамках суверенного государства. Его нарушение приводит к эрозии правосознания, росту социального отчуждения и ослаблению государственной стабильности, что в конечном итоге угрожает самому суверенитету. Как отмечает В.Д. Зорькин, принцип поддержания доверия является одним из важнейших, сформулированных Конституционным Судом на основе положений Конституции, и напрямую связан с обеспечением суверенитета как внутренней легитимности власти [3, с. 175]. В этой связи актуальность темы обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления концепции доверия именно в парадигме веры в право в контексте обеспечения и укрепления государственного суверенитета.

Более того, в условиях современных вызовов, таких как цифровизация общественных отношений и глобальные трансформации, принцип доверия приобретает новое измерение – цифрового суверенитета. Цифровые технологии, с одной стороны, повышают прозрачность государственного управления, а с другой – создают риски алгоритмического произвола, потери контроля над персональными данными и внешнего влияния на информационное пространство, что может подорвать веру граждан в справедливость правового регулирования и ослабить суверенные возможности государства. Санкционное давление и экономические ограничения требуют от суверенного государства повышенной стабильности нормативной базы, чтобы не допустить дальнейшего отчуждения общества и сохранить независимость. Таким образом, суверенная концепция доверия в парадигме веры в право становится не только теоретической конструкцией, но и практическим инструментом обеспечения конституционной стабильности и независимости в долгосрочной перспективе.

Актуальность исследования усиливается и тем обстоятельством, что после внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году принцип взаимного доверия государства и общества получил прямое конституционное закрепление в ст. 75.1, а нормы о суверенитете (ст. 4) были усилены положениями о защите территориальной целостности, запрете отчуждения территорий и приоритете положений Конституции над решениями межгосударственных органов, принятыми на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ. Это открывает новые горизонты для доктринального развития данного института,

позволяя интегрировать его в систему конституционных ценностей на более высоком уровне. В итоге, без системного укрепления доверия в контексте суверенитета невозможно реализовать конституционные цели построения правового и социального государства, что делает заявленную тему одной из центральных в современной конституционно-правовой науке.

Для правильного понимания исследуемой проблемы необходимо четко разграничить две тесно связанные, но не тождественные категории – «вера в право» и «доверие к праву», рассматривая их через призму государственного суверенитета как внутреннего (народного) и внешнего.

Вера в право представляет собой мировоззренческую, ценностно-эмоциональную установку личности и общества на право как на высшую форму справедливости, порядка и гармонии общественных отношений. Она носит преимущественно иррациональный характер, имеет глубокие трансцендентные корни и предшествует конкретному жизненному опыту. В этом смысле вера в право близка к религиозному или квазирелигиозному восприятию права. Классическим выражением этой идеи является концепция Г.Дж. Бермана, подчеркивавшего в работе «Вера и закон: примирение права и религии», что право и религия разделяют общие элементы – ритуал, традицию, авторитет и универсальность. Западная правовая традиция во многом сформирована именно религиозной верой, а право воспринимается как часть сакрального порядка [1, с. 19-25].

В русской философско-правовой традиции вера в право получила глубокое развитие у В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева и И.А. Ильина, рассматривавших право как нравственно-духовную ценность, связанную с идеей абсолютного добра и человеческого достоинства в рамках суверенного государства [4; 8]. Вера в право выступает не просто эмоциональной установкой, но и основой правосознания, определяющей отношение индивида к правовой системе как к воплощению высших моральных и духовных идеалов, обеспечивающих суверенитет. Без этой веры право теряет свою легитимность и превращается в инструмент принуждения, лишенный внутренней мотивации для соблюдения, что подрывает суверенные основы государства – как народный суверенитет (внутренний), так и внешнюю независимость.

Доверие к праву (или доверие граждан к закону и действиям государства) – это рационально-операциональная категория, основанная на осознанном ожидании предсказуемого, справедливого и ответственного поведения суверенного государства, его органов и должностных лиц. Доверие предполагает наличие риска и опирается на прошлый опыт взаимодействия. В социологическом плане это положение блестяще разработано Н. Луманом, рассматривавшим доверие как механизм редукции социальной сложности в условиях высокой неопределенности современного общества [7, с. 180-182].

Таким образом, вера в право выступает глубинной мировоззренческой основой, а доверие – ее повседневной, операциональной реализацией в конкретных правовых институтах и отношениях суверенного государства. Доверие можно рассматривать как «практическую объективацию» веры в право. Разграничение этих категорий позволяет избежать смешения иррационального и рационального измерений правовой жизни, что особенно важно при анализе конституционно-правовых механизмов обеспечения суверенитета. Принцип поддержания доверия неразрывно связан с достоинством личности и является предпосылкой уважения к закону в суверенном государстве [13, с. 207].

Логическое соотношение этих понятий в контексте суверенитета выстраивается следующим образом: вера в право формирует фундаментальную ценностную ориентацию, которая затем конкретизируется в доверительных ожиданиях по отношению к конкретным правовым нормам и действиям суверенной власти. В случае нарушения доверия (например, через непредсказуемые изменения законодательства) происходит разрушение не только операционального уровня, но и глубинной веры, что приводит к системному кризису правосознания и ослаблению суверенитета – внутреннего (утрата народной поддержки) и внешнего (уязвимость перед иностранным влиянием). Это разграничение позволяет последовательно перейти к анализу исторических корней концепции, где вера и доверие проявлялись в различных культурно-исторических контекстах, способствуя укреплению суверенной государственности.

Парадигма веры в право имеет глубокие исторические корни, тесно связанные с формированием и укреплением государственного суверенитета. Она восходит к античной естественно-правовой традиции (Аристотель, рассматривавший право как воплощение справедливости в рамках полиса-суверена), средневековому синтезу права и теологии (Фома Аквинский) и особенно ярко проявилась в русской философии права XIX–XX вв. (В.С. Соловьев с идеей права как минимума морали, П.И. Новгородцев, подчеркивавший нравственные основания права, И.А. Ильин, видевший в праве духовную ценность, обеспечивающую суверенитет и противостоящую тоталитаризму) [14].

В советский период эта парадигма была существенно деформирована классовым подходом и государственным правовым нигилизмом.

Право рассматривалось преимущественно как инструмент классового господства, что привело к отчуждению граждан от правовой системы и ослаблению идей суверенитета. Постсоветское возрождение веры в право связано с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, которая закрепила приоритет прав и свобод человека, принципы правового и социального государства, а также незыблемость суверенитета. Однако практика последних десятилетий убедительно показала: одного формального закрепления конституционных ценностей недостаточно. Без восстановления и поддержания доверия граждан к закону и действиям власти вера в право быстро разрушается, уступая место скепсису и отчуждению, что угрожает суверенным основам государства.

Теоретико-правовые истоки концепции доверия также связаны с работами западных социологов и философов права. Н. Луман подчеркивал, что доверие снижает социальную сложность, позволяя действовать в условиях неопределенности в рамках суверенных систем [7]. Г.Дж. Берман развивал идею интеграции веры и права как основы западной традиции [1]. В российской науке эти идеи получили развитие в трудах современных конституционалистов, анализирующих доверие как конституционный принцип, обеспечивающий суверенитет [5].

Последовательный анализ исторического развития показывает, что вера в право всегда предшествовала рациональному доверию: от античных представлений о естественном праве как божественном порядке до русской религиозно-философской традиции, где право воспринималось как нравственный минимум, укрепляющий суверенитет. В постсоветский период произошел переход от формальной легитимности к необходимости восстановления глубинного доверия, что нашло отражение в практике Конституционного Суда и способствовало укреплению суверенной государственности. Это историческое преемство подчеркивает логическую связь между философскими истоками и современным конституционным регулированием в интересах суверенитета.

Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, хотя и не имел прямого текстуального закрепления до 2020 года (кроме общих положений), прочно вошел в российскую конституционную доктрину благодаря последовательной позиции КС РФ. Суд выводит этот принцип из преамбулы и статей 1, 2, 7, 10, 18, 55 Конституции РФ, а после поправок – и из ст. 75.1, прямо предусматривающей создание условий для взаимного доверия государства и общества в рамках суверенного государства [12].

КС РФ последовательно развивает эту доктрину, начиная с Постановления от 24 мая 2001 г. № 8-П, где подчеркивается необходимость сохранения разумной стабильности правового регулирования, недопустимости произвольных изменений норм и предоставления переходного периода для адаптации граждан [12]. Аналогичные положения содержатся в Постановлении от 19 июня 2002 г. № 11-П, от 14 января 2016 г. № 1-П, от 15 февраля 2019 г. № 10-П, и многих других [11; 9; 10].

Доверие выступает важнейшим критерием конституционности нормативных актов и действий публичной власти суверенного государства. Нарушение принципа доверия влечет признание акта неконституционным или требует компенсационных механизмов. Принцип доверия исходит из признания и уважения человеческого достоинства и является основой правового государства [13]. В.Д. Зорькин подчеркивает, что это один из важнейших принципов, сформулированных Судом, напрямую связанный с суверенитетом как внутренней легитимностью и внешней независимостью государственной власти [3].

Эволюция доктрины демонстрирует последовательность: от первоначального формулирования в 2001 году как требования стабильности регулирования до интеграции с принципом достоинства личности и суверенитета в более поздних решениях. Это логически обосновывает конституционную природу принципа и его применение в различных сферах — от социальных прав до налогового регулирования в интересах суверенного развития.

Вера в право обеспечивает легитимность конституционного строя в целом, а доверие – его повседневную операциональную поддержку и эффективность в суверенном государстве. КС РФ в своих решениях последовательно требует предоставления разумного переходного периода при изменении правового статуса, защиты приобретенных прав и предсказуемости политики [11]. Игнорирование фактора доверия (непредсказуемые изменения «правил игры», коррупционные проявления, чрезмерный формализм или бюрократизм) приводит к быстрому разрушению веры в право и порождению нигилизма, что ослабляет суверенитет. Правовое поведение приобретает конформистский или откровенно негативный характер.

Напротив, последовательная политика поддержания доверия – через максимальную публичность нормотворчества, открытую обратную связь, защиту прав добросовестных участников и предсказуемость действий власти — многократно повышает эффективность правового регулирования, укрепляет легитимность государ-

ства и способствует формированию активной правовой культуры, необходимой для суверенного развития.

Современные вызовы требуют новых конституционно-правовых механизмов: усиления транспарентности правотворчества, регулярного мониторинга уровня доверия, развития конституционного правового образования и воспитания правовой культуры с раннего возраста в интересах суверенитета [2]. Практический опыт подтверждает, что в сферах, где доверие поддерживалось (например, через публичные обсуждения законопроектов), эффективность норм возрастала, укрепляя суверенитет. Современные вызовы требуют адаптации: в цифровой среде – через прозрачные алгоритмы и защиту цифрового суверенитета; при санкциях – через компенсаторные меры. Логическая последовательность преодоления вызовов включает диагностику (мониторинг), профилактику (образование) и коррекцию (компенсации) для сохранения суверенной независимости.

Суверенная концепция доверия в парадигме веры в право позволяет преодолеть опасный разрыв между идеальным (вера в право как высшую ценность) и реальным (доверие как повседневная практика) измерениями правовой жизни в рамках независимого государства. Она превращает право из преимущественно инструмента государственного принуждения в подлинно ценностно-легитимный фундамент конституционного строя и государственного суверенитета Российской Федерации – как внутреннего (народного), так и внешнего.

Укрепление этой концепции – важнейшая теоретическая и практическая задача современной конституционно-правовой науки, законодателя и органов публичной власти. Только при условии восстановления глубокой веры граждан в право и повседневного поддержания доверия к закону и действиям государства (включая взаимное доверие по ст. 75.1 Конституции) можно обеспечить устойчивое развитие России как подлинно правового, демократического, социального и суверенного государства. Перспективы развития доктрины связаны с дальнейшей конституционализацией принципа доверия и его интеграцией во все отрасли права в интересах суверенитета.

В заключение следует подчеркнуть, что системное укрепление доверия требует комплексного подхода: от философского осмысления веры в право до практической реализации механизмов в повседневной деятельности суверенного государства. Это не только теоретическая конструкция, но и путь к гармоничному развитию общества и власти, обеспечивающий реальный суверенитет в условиях глобальных вызовов.

Список литературы:

[1] Берман, Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.

[2] Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Вестник Московского государственного юридического университета. – 2025. – № 1. – С. 45–60.

[3] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2016. 592 с.

[4] Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.

[5] Комарова В.В. Доверие как правовая категория: конституционные аспекты // Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 18–22.

[6] Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[7] Луман Н. Доверие: механизм редукции социальной сложности // Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 178–192.

[8] Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. С. 89–112.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // СЗ РФ. 2016. № 4. Ст. 551.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2019 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой» // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 820.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты

труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев» // СЗ РФ. 2002. № 27. Ст. 2779.

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

[13] Семитко А.П. Человек и власть: принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: материалы XXI российской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2019. С. 199–212.

[14] Фомина, И.Р. Ценностные основания права в философии «русского зарубежья» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 12–25.

References:

[1] Berman, G.J. Faith and Law: Reconciling Law and Religion. Moscow: Ad Marginem, 1999. 431 p.

[2] Volodina, S.V. Interpretation of the Principle of Trust by the Constitutional Court of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Law University. - 2025. - No. 1. - Pp. 45-60.

[3] Zorkin, V.D. Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice. Moscow: Norma, 2016. 592 p.

[4] Ilyin, I.A. On the Essence of Legal Consciousness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p.

[5] Komarova, V.V. Trust as a Legal Category: Constitutional Aspects // Education and Law. - 2023. - No. 11. - Pp. 18-22.

[6] Constitution of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Article 4398.

[7] Luhmann, N. Trust: A Mechanism for Reducing Social Complexity // Luhmann, N. Social Systems. Outline of a General Theory. St. Petersburg: Nauka, 2007. pp. 178–192.

[8] Novgorodtsev, P.I. The Idea of Law in the Philosophy of Vl. S. Solovyov // Vekhi. A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia. Moscow: Type. V.M. Sablina, 1909. pp. 89–112.

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.01.2016 No. 1-P “In the case of verifying the constitutionality of Part One of Article 13 of the Law of the Russian Federation “On Pension Provision for Persons Who Served in the Military, Service in the Internal Affairs Bodies, the State Fire Service, Bodies for Control over the Circulation of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, Institutions and Bodies of the Penal System, and Their Families” in Connection with the Complaint of Citizen S.V. Ivanov” // SZ RF. 2016. No. 4. Art. 551.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.02.2019 No. 10-P “In the case of verifying the constitutionality of Article 402 of the Tax Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen O.F. Nizamova” // SZ RF. 2019. No. 8. Art. 820.

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.06.2002 No. 11-P “On the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of the Law of the Russian Federation of 18 June 1992 ‘On the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant’ (as amended on 24 November 1995 and 12 February 2001), the Federal Laws of 12 February 2001 ‘On Amendments and Supplements to the Law of the Russian Federation ‘On the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant’, of 19 June 2000 ‘On the minimum wage’ and of 7 August 2000 ‘On the procedure for establishing the amounts of scholarships and social payments in the Russian Federation’ in connection with inquiries of the Supreme Court of the Russian Federation and the Oktyabrsky District Court of the city of Krasnodar, complaints from citizens and public Chernobyl Victims’ Organizations” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 27. Article 2779.

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 24, 2001 No. 8-P “On the Case Concerning the Verification of the Constitutional Validity of the Provisions of Part One of Article 1 and Article 2 of the Federal Law “On Housing Subsidies to Citizens Leaving the Regions of the Far North and Equivalent Localities” in Connection with the Complaints of Citizens A.S. Stakh and G.I. Khvalova” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 22. Article 2276.

[13] Semitko A.P. Man and Power: The Principle of Maintaining Citizens’ Trust in the Law and the Actions of the State // Russian Man and Power in the Context of Radical Changes in the Modern World: Proceedings of the XXI Russian Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, 2019. pp. 199–212.

[14] Fomina, I.R. Value foundations of law in the philosophy of the “Russian diaspora” // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2010. No. 4. P. 12–25.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-58-63

ЗОХРАБЯН Рафаэль Петросович,
преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА РЕФЕРЕНДУМА О ПРАВЕ НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация. *Конституцией Российской Федерации подчеркивается факт принятия ее положений, основываясь на общепризнанных принципах равноправия и самоопределения народов, которые также отмечены основным документом России в качестве принципов федеративного устройства страны. Народ, в свою очередь, единственный источник власти в Российской Федерации, высшим непосредственным выражением власти которого является в том числе референдум. Актуальность исследования института референдума в контексте права народов на самоопределение обусловлена его значимостью как инструмента, способствующего мирному разрешению конфликтов и укреплению политической стабильности.*

Ключевые слова: *институт референдума, право народа на самоопределение, конституция, государственная власть, политическая стабильность.*

ZOHRABYAN Rafael Petrosovich,
Lecturer, Department of Constitutional and International Law
VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF THE REFERENDUM ON THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION

Annotation. *The Constitution of the Russian Federation emphasizes the adoption of its provisions based on the universally recognized principles of equality and self-determination of peoples, which are also enshrined in Russia's founding document as the principles of the country's federal structure. The people, in turn, are the sole source of power in the Russian Federation, the highest direct expression of which is, among other things, the referendum. The relevance of studying the institution of referendum in the context of the right of peoples to self-determination is determined by its importance as a tool for facilitating peaceful conflict resolution and strengthening political stability.*

Key words: *institution of referendum, right of people to self-determination, constitution, state power, political stability.*

В условиях глобализации и усиления межнациональных противоречий, референдумы становятся важным механизмом, позволяющим народам выражать свои политические и культурные устремления. Однако, как отмечает А.А. Клишас, «право народа на самоопределение, возникшее как правовое средство борьбы с колониализмом, не может быть использовано с целью разрушения уже устоявшихся государственных границ, а также с целью подрыва государственного суверенитета» [1].

Существующая степень научной разработанности темы включает разнообразные подходы к интерпретации права на самоопределение. Исследователи, такие как А.Н. Пономаренко и А.И. Анисимов, подчеркивают важность учета как международных, так и внутригосударственных правовых норм при проведении референдумов. А.Н. Пономаренко отмечает, что «референдум как высшая форма прямого народовластия в системе институтов конституционного права рассматривается в качестве способа решения территориальных вопросов, имеющих не только внутригосударственное, но и международно-правовое значение» [2].

Противоречия, связанные с темой, включают конфликт между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности,

а также различия в интерпретации международных норм. Политические манипуляции при проведении референдумов также представляют собой значительную проблему, требующую разработки правовых механизмов, обеспечивающих справедливое и легитимное проведение таких мероприятий. Проблема, решаемая в данной работе, заключается в создании правовых основ, которые позволят проводить референдумы в соответствии с демократическими принципами и международными стандартами, минимизируя риски политической нестабильности и конфликтов.

Референдум по праву можно считать одним из наиболее успешных форм реализации власти, так как такая форма может задействовать сразу весь народ, а право народа на самоопределение — одним из основополагающих прав, реализация которых необходима не только как инструмент гарантирования прав и свобод человека, но и как инструмент обеспечения государственной безопасности. Вместе с тем в настоящее время в Российской Федерации отсутствует определенность в вопросах применения единого подхода к формам и способам реализации права народов на самоопределение, а также в вопросах возможности применения референдума в качестве способа реализации права народа на самоопределение. Поэтому представляется актуальным рассмотреть существующие подходы к понятию, содержанию института референдума в контексте прав народов на самоопределение, а также существующее конституционно-правовое регулирование указанных вопросов.

Для анализа применимости и значимости института референдума в аспекте реализации права народа на самоопределение целесообразно рассмотреть сущностные характеристики права народа на самоопределение в международной плоскости и в плоскости конституционного регулирования и применения в Российской Федерации.

Первая характеристика, выражающая сущность рассматриваемого права, - определение тех лиц, которые относятся к народу, имеющему право на самоопределение. Как правило, для их определения используется наднациональный подход, что означает ориентировку на конкретную территорию проживания лиц. Иные факторы, ориентированные на религиозные, этические признаки, второстепенны. Тем самым народ, имеющий право на самоопределение, — круг лиц различной национальности, исторически проживающий на определенной территории совместно.

Вторая характеристика, необходимая для рассмотрения, — пределы реализации права на самоопределение. В плоскости международного регулирования пределы осуществления права на самоопределение регламентированы в Декларации принципов международного права [3], согласно положениям которой указанное право выражается в возможности создания отдельного государства или присоединения к государству при условии, если такие действия не подрывают и не разрушают безопасность государства, а также если исчерпаны все внутренние способы самоопределения.

Например, в 1919 г. американский президент В. Вильсон популяризировал идею самоопределения, подчеркивая в основном ее внутригосударственный аспект и имея в виду демократию в американском смысле, например, консенсус населения и правительства. Позднее был предложен и внешний аспект самоопределения, подразумевающий некоторую независимость одних групп от других, однако на этом этапе дискуссия оставалась достаточно неопределенной. Конец Первой мировой войны потребовал перекройки границ, и Вильсон попытался предотвратить включение малых государств в состав больших. В конце концов, Лига Наций включила в свои документы понятие «территориальные изменения», выделив при этом три условия: территориальная целостность; наличие политического органа для утверждения подобных изменений; самоопределение допустимо только при условии, если оно не угрожает миру [4].

Понятие «равноправие и самоопределение народов», таким образом, на данном историческом этапе не подразумевало концепцию создания определенными этническими группами своих государств [5]. Лига Наций ограничилась лишь введением системы мандатов для колоний государств, проигравших Первую мировую войну, с целью не допустить их чрезмерной эксплуатации. В целом большинство идей Вильсона Лига Наций не приняла.

В дальнейшем, вплоть до Второй мировой войны, политическая и научная дискуссия о значении принципа равноправия и самоопределения народов продолжалась. Основным прецедентом здесь стала проблема Аландских островов — территории, оспариваемой в конце 20-х гг. Швецией и Финляндией. Международный экспертный комитет, который рассматривал данную проблему, пришел к довольно определенному заключению: «международное право не признает права национальных групп как таковых на отделение от государства, частью которого они являются, посредством простого выражения такого намерения… Вообще говоря, предоставление или отказ в праве части населения определить свою политическую судьбу плебисцитом или каким-либо другим методом является исключительно атрибутом суверенитета каждого государства…

Предоставить меньшинствам, языковым либо религиозным, или любой части населения право на выход из общества, к которому они принадлежат, из-за их желания или добрых намерений означало бы разрушение порядка и стабильности внутри государств и поощрение анархии в международной жизни; это означало бы поддержание теории, несовместимой с самой идеей государства как территориальной и политической целостности» [6].

В плоскости нормативного правового регулирования в Российской Федерации некоторые исследователи (например, С. С. Стариков) выделяют следующие аспекты пределов реализации права на самоопределение:

– право на культурное определение;
– право на территориальное определение;
– самоопределение осуществляется исключительно на территории Российской Федерации, не предусматривая возможность выхода из состава государства [7].

Согласно регламентированному в федеральном конституционном законе порядку инициатором внешнего преобразования может быть иностранное государство. Еще одним субъектом может являться народ. В случае принятия Российской Федерации решения о возможности вхождения в состав Российской Федерации народа, инициировавшего данную процедуру, между Российской Федерацией и «народом» (определенным иностранным субъектом) заключается договор, где подробно определяются все условия вхождения в состав Российской Федерации нового субъекта и его дальнейший статус.

Инициатором образования нового субъекта в составе Российской Федерации может выступать заинтересованный субъект. Именно для данного способа самоопределения на законодательном уровне закреплена необходимость проведения референдума. Особенности в процедуре проведения референдума предусмотрены для случаев, при которых возможно признание референдума несостоявшимся или недействительным на территориях, которые занимают меньшую часть заинтересованных сторон. При указанных обстоятельствах и при одобрении на большей части территории заинтересованных сторон вопроса об образовании нового субъекта допускается повторное проведение референдума на территориях, занимающих меньшую часть заинтересованных сторон.

Как уже было отмечено ранее процесс проведения референдума в Российской Федерации подробно регламентирован Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [8], а также Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [9].

Референдумом в контексте данных законов называется всенародное голосование граждан по вопросам государственного значения. Законом о референдуме не обозначен точный перечень по вопросам, в отношении которых он может проводиться. Отмечено, что такие вопросы не должны приводить к нарушению общепризнанных прав и свобод человека. Вместе с тем приведен закрытый перечень вопросов, по которым не допускается проведение референдума, в том числе отмечено, что на референдум не может выноситься вопрос об изменении статуса субъекта Российской Федерации, а также вопрос, разрешение которого отнесено к компетенции федерального органа власти. Первую формулировку можно считать своего рода ограничением в реализации права на самоопределение посредством референдума: нельзя поднять вопрос в указанной форме об изменении статуса субъекта. Последняя формулировка представляется некоторым исследователям (например, В. Е. Шевченко) довольно размытой, позволяющей безгранично расширить перечень вопросов, по которым невозможно провести референдум, что впоследствии может стать основанием отказать народу в проведении любого референдума, невыгодного для власти [10].

Дополнительно следует отметить, что закон о референдуме содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых исключается возможность проведения референдума. Перечень таких обстоятельств представлен на *рис. 1*.

Из обстоятельств, приведенных на *рис. 3* можно сделать вывод об исключении в Российской Федерации возможности проведения референдума в потенциально нестабильные периоды: последний год полномочий, а также в военное и чрезвычайное положение, что, в свою очередь, является определенным гарантом обеспечения государством стабильности общественных отношений и безопасности всего государственного устройства.

Вместе с тем следует отметить, что референдум как институт в настоящий период является нераспространенной формой народовластия. Согласно официальной статистике Центральной избирательной комиссии Российской Федерации за период с 01.01.2022 по 30.11.2023 на региональном уровне выделено всего 74 референдума *(табл. 2)* [11], которые в большинстве своем проводились по одному вопросу: самообложения граждан.

Обстоятельства, исключающие назначение и проведение референдума
в условиях военного или чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях
в течение трех месяцев со дня отмены военного или чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях
в последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Рисунок 1. Обстоятельства, исключающие назначение и проведение референдума

Таблица 2.

2022			2023
Февраль	Март	Сентябрь	Сентябрь
27	20	11	10

Актуальной причиной низкой популярности такой формы волеизъявления народа, как референдум, особенно на федеральном уровне, является сложность (многочисленные этапы) проведения данной процедуры. Если отдельно рассматривать федеральный уровень проведения референдума, первым осложняющим обстоятельством выступают короткие сроки сбора подписей — всего 45 дней. Увеличение сроков, в свою очередь, позволило не только бы сделать процесс сбора подписей более простым, но и уменьшить финансовые затраты на проведение референдума, сделать его более транспарентным, понятным для населения.

Тем самым вышеприведенный анализ реализации института референдума в Российской Федерации позволяет сделать вывод о необходимости его реформирования для повышения популярности данной формы народовластия.

В контексте рассмотрения вопросов конституционно-правового регулирования института референдума о праве народов на самоопределение важно отдельно упомянуть такой способ реализации права на самоопределение, как право на выход из состава государства.

Одним из наиболее ярких исторических примеров реализации права на самоопределение таким способом являются референдум 2014 г. — референдум о независимости Крыма и его вхождении в состав Российской Федерации.

В 2014 г. в Крыму и Севастополе были проведены референдумы с вопросами о самоопределении Крыма и воссоединении его с Российской Федерацией на правах субъекта Российской Федерации. Тем самым на указанных территориях народ воспользовался правом на самоопределение, провозгласил свою автономность и вошел в состав Российской Федерации. Причем большинством государств мирового сообщества реализацию права на самоопределение в конкретном случае, как пишет Л. Л. Бунецкий, считают нарушением, а такое народное движение за освобождение — сепаратистским [12]. Напротив, в российском научном сообществе признается легитимность данного референдума, так как референдум позволил реализовать гражданам Крыма право на самоопределение.

В этом проявляется одна из наиболее остро стоящих проблем мирового сообщества: политический подход к вопросу реализации права на самоопределение посредством проведения референдума. Так, в выгодных для стран случаях реализации права на самоопределение, результаты самоопределения засчитываются, в невыгодных не признаются.

В конституционном регулировании России за последнее столетие подход к возможности выхода из состава страны, в том числе посредством проведения референдума исторически трансформировался. Конституция СССР 1977 г. содержала для каждой союзной республики право на свободный выход из состава СССР, однако до 1990 г. отсутствовал механизм реализации такого права. Также в конституциях союзных республик содержались и положения о референдуме, но такой институт до 1991 г. ни разу не

использовался. Проведенный в 1991 г. референдум был первым и последним в истории СССР, результаты которого так и не смогли повлиять на исход событий (3/4 населения высказывались за сохранения СССР).

В Конституции Российской Федерации до внесения в нее поправок в 2020 г. отсутствовало упоминание о механизмах самоопределения путем выхода из состава Российской Федерации, также о такой возможности не упоминалось и в других нормативных правовых актах, принятых для реализации положений Конституции Российской Федерации. В 2020 г. ст. 67 Конституции Российской Федерации была дополнена [13] пунктом о недопущении действий по отчуждению части территории страны и призывы к таким действиям, тем самым установлен прямой запрет на выход из состава Российской Федерации каких-либо субъектов (сецессия).

Существует две основные теории сецессии: общее право отделения по любой причине (Теория выбора) и отделение для исправления грубой несправедливости (Теория справедливой причины) [14]. Например, в 1861 г. сецессию из Соединенных Штатов осуществили шесть южных штатов, которые образовали Конфедеративные Штаты Америки. Это привело к гражданской войне, а также ознаменовало закрепление конфедератами нового термина — secession — в качестве юридического, с отсылкой к термину cession (уступка, цессия), являющемуся юридическим термином в значении уступка прав и характеризующему взаимоотношения штатов и федерального правительства с момента окончания Войны за независимость: это касается как отказа ряда штатов в пользу федерального правительства от прав на территории между бывшими 13 колониями и французской Луизианой, так и уступки ряда полномочий, что превратило США из временного союза в федеративное государство.

Как верно пишет В. В. Гошуляк, воля народа является абсолютной, ничем не ограниченной. Отсюда принцип народного суверенитета первичен, а территориальная целостность государства в кризисных и дестабилизирующих ситуациях вторична. Она может быть ограничена волей народа [15]. Это возможно в тех случаях, когда выход какой-либо территории из состава одного государства и присоединение его к другому государству приобретает характер вооруженного конфликта.

Это можно объяснить направленностью конституционного права на сохранение территориальной целостности государства, что с указанной точки зрения делает институт референдума при выражении права на самоопределение чужеродным конституционному праву.

Таким образом, существующая практика реализации права на самоопределение позволяет сделать вывод о том, что право на самоопределение путем выхода из состава государства должно быть проявлено в ситуациях, при которых существующая власть отказывается проводить политику, поддерживающую ценности и свободы народа [16], а наиболее демократичным способом такого проявления является проведение референдума. Причем применение именно такой формы самоопределения возможно лишь в случаях, когда исчерпаны иные средства достижения защиты народом своих прав и не удается найти иного компромиссного решения вопроса. В остальных случаях институт референдума может быть применим в иных формах реализации права народа на самоопределение, не нарушающих конституционных положений (например, референдум по вопросу объединения нескольких субъектов государства в один). Основная же цель реализации права на самоопределение — расширение прав народа, улучшение условий его проживания.

Список литературы:

[1] Клишас А.А. Сепаратизм вне права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. №1. С. 9-10.

[2] Пономаренко А.Н. Роль референдума о самоопределении в конституционно-правовом механизме реализации народовластия в Великобритании // Актуальные проблемы российского права. 2023. №9 (154). С. 171.

[3] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

[4] Курбанов Э. Международное право о самоопределении и конфликт в Нагорном Карабахе // Этнополитические конфликты в Закавказье: их истоки и пути решения : сб. ст. Мериленд, 1997. URL: https://www.oocities.org/capitolhill/senate/5521/self-determination.htm (дата обращения: 20.09.2024).

[5] Aroney N., Kincaid J. Courts in Federal Countries: Federalists or Unitarists? University of Toronto Press, 2017. 600 p.

[6] Report of the International Committee of Jurists entrusted by the Council of the League of Nations with the task of giving an advisory opinion upon the legal aspects of the Aaland Islands question, League of Nations // OfficialJournal. Spec. Supp. 1920. № 3. URL: https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup10/basicmats/aaland1.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

[7] Стариков С. С. Указ. соч. С. 468–476.

[8] СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

[9] СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[10] Шевченко В. Е. Референдум как институт прямого волеизъявления граждан: эффективность реализации в национальной и международной практике // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46). С. 84–88.

[11] Центральная избирательная комиссия Российской Федерации : сайт. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 08.08.2024).

[12] Бунецкий Л. Л. Особенности массового политического менталитета граждан в условиях самоопределения Крыма и Севастополя: историко-политологический аспект // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 21–22. С. 45–56.

[13] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

[14] Hepburn E. Using Europe: Territorial Party Strategies in a Multi-level System. Manchester : Manchester University Press, 2010. 288 p.

[15] Гошуляк В. В. Право народов на самоопределение и территориальная целостность государств в интерпретации венецианской комиссии // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 1 (25). URL: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 20.09.2024).

[16] Толстых В. Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 135–151.

References:

[1] Klishas A.A. Separatism outside the law // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2019. No. 1. Pp. 9-10.

[2] Ponomarenko A.N. The role of the referendum on self-determination in the constitutional and legal mechanism for the implementation of popular sovereignty in the UK // Current problems of Russian law. 2023. No. 9 (154). P. 171.

[3] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations (adopted on 24.10.1970 by Resolution 2625 (XXV) at the 1883rd plenary meeting of the UN General Assembly).

[4] Kurbanov E. International Law on Self-Determination and the Conflict in Nagorno-Karabakh // Ethnopolitical Conflicts in Transcaucasia: Their Origins and Solutions: Coll. Articles. Maryland, 1997. URL: https://www.oocities.org/capitolhill/senate/5521/self-determination.htm (accessed: 20.09.2024).

[5] Aroney N., Kincaid J. Courts in Federal Countries: Federalists or Unitarists? University of Toronto Press, 2017. 600 p.

[6] Report of the International Committee of Jurists entrusted by the Council of the League of Nations with the task of giving an advisory opinion upon the legal aspects of the Aaland Islands question, League of Nations // Official Journal. Spec. Supp. 1920. No. 3. URL: https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup10/basicmats/aaland1.pdf (date accessed: 20.09.2024).

[7] Starikov S. S. Op. cit. pp. 468–476.

[8] Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 27. Art. 2710.

[9] Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.

[10] Shevchenko V. E. Referendum as an Institution of Direct Expression of the Will of Citizens: Effectiveness of Implementation in National and International Practice // Eurasian Advocacy. 2020. No. 3 (46). pp. 84–88.

[11] Central Election Commission of the Russian Federation: website. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (date accessed: 08.08.2024).

[12] Bunetsky L. L. Features of the mass political mentality of citizens in the context of self-determination of Crimea and Sevastopol: historical and political aspect // Paradigms of history and social development. 2021. No. 21–22. pp. 45–56.

[13] Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 11. - Art. 1416.

[14] Hepburn E. Using Europe: Territorial Party Strategies in a Multi-level System. Manchester: Manchester University Press, 2010. 288 p.

[15] Goshulyak V. V. The Right of Peoples to Self-Determination and the Territorial Integrity of States as Interpreted by the Venice Commission // Science. Society. State. 2019. Vol. 7, No. 1 (25). URL: http://esj.pnzgu.ru (accessed: 20.09.2024).

[16] Tolstykh V. L. Recognition and Unrecognized States at the Beginning of the 21st Century // Russian Law Journal. 2020. No. 5. pp. 135–151.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-64-68

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются конституционные основы развития экономической функции местного самоуправления в Российской Федерации. Обосновывается, что данная функция выражает способность муниципального образования обеспечивать жизнедеятельность населения на основе муниципальной собственности, местного бюджета, местных налогов и механизмов территориального развития. Особое внимание уделяется балансу самостоятельности местного самоуправления и его включения в единую систему публичной власти.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, экономическая функция, муниципальная собственность, местный бюджет, местные налоги, публичная власть, финансовая самостоятельность.*

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences, Researcher
at the International Research Center for
Forensic Science and Research

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC FUNCTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Annotation. *This article examines the constitutional foundations for the development of the economic function of local self-government in the Russian Federation. It is argued that this function expresses the ability of a municipality to support the livelihoods of its population through municipal property, local budget, local taxes, and territorial development mechanisms. Particular attention is paid to the balance between the autonomy of local self-government and its integration into the unified system of public authority.*

Key words: *local self-government, economic function, municipal property, local budget, local taxes, public authority, financial autonomy.*

Экономическая функция местного самоуправления относится к числу тех категорий муниципально-правовой науки, которые прямо не названы в Конституции Российской Федерации, но непосредственно вытекают из ее норм о местном самоуправлении, собственности, бюджетной самостоятельности и единстве публичной власти. Конституционная модель местного самоуправления исходит из того, что население самостоятельно решает вопросы местного значения, а органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы [1, ст. 130, 132]. Следовательно, экономическая функция не является факультативным направлением деятельности муниципального образования: она составляет материально-организационную сторону самой идеи местного самоуправления.

Экономическую функцию местного самоуправления следует понимать как нормативно обеспеченную деятельность населения, органов и должностных лиц местного самоуправления по формированию, использованию и развитию имущественных, финансовых, налоговых, инфраструктурных и инвестиционных ресурсов муниципального образования для решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. В таком понимании она имеет

не только хозяйственный, но и конституционно-правовой характер, поскольку опирается на признание местного самоуправления одной из форм осуществления народовластия. Конституционная природа данной функции проявляется прежде всего в статье 12 Конституции Российской Федерации, закрепляющей признание и гарантированность местного самоуправления, его самостоятельность в пределах полномочий и организационное невхождение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Эти положения не могут толковаться изолированно от главы 8 Конституции Российской Федерации, где местное самоуправление связывается с владением, пользованием и распоряжением муниципальной собственностью, а также с самостоятельным формированием и исполнением местного бюджета [1, ст. 12, 130–133].

Именно поэтому экономическая функция местного самоуправления отличается от обычной административно-хозяйственной деятельности. Муниципалитет не просто содержит здания, заключает договоры, закупает товары или собирает доходы бюджета. Он обеспечивает территориальную инфраструктуру публичной жизни: водоснабжение, теплоснабжение, благоустройство, местные дороги, муниципальные учреждения, земельно-имущественное планирование, поддержку локальной предпринимательской среды, развитие социальной и коммунальной инфраструктуры. В отсутствие такой функции местное самоуправление превращалось бы в процедурную оболочку без реального содержания.

Конституция Российской Федерации закрепляет равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности [1, ст. 8]. Для местного самоуправления эта норма имеет особое значение: муниципальная собственность является не вторичной разновидностью государственной собственности, а самостоятельной формой публичной собственности, юридически связанной с интересами населения муниципального образования. Экономическая функция местного самоуправления начинается с признания того, что муниципальное имущество принадлежит муниципальному образованию как публично-правовому субъекту, а органы местного самоуправления реализуют правомочия собственника в пределах компетенции.

Федеральный закон № 33-ФЗ развивает этот подход, указывая, что экономическую основу местного самоуправления составляет находящееся в муниципальной собственности имущество, в том числе имущественные права муниципальных образований, а также средства местных бюджетов [2, ст. 62]. Тем самым законодатель подтверждает комплексный характер экономической основы: она не сводится ни к вещам, ни к денежным средствам, ни к правам требования, а представляет собой систему ресурсов, обеспечивающих муниципальную компетенцию.

Местный бюджет выступает финансовым выражением экономической функции. В бюджетном праве каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет, предназначенный для исполнения расходных обязательств муниципального образования [3, ст. 15]. Формирование, утверждение и исполнение местного бюджета является не только технической процедурой публичных финансов, но и способом определения приоритетов территориального развития. Через бюджет муниципалитет переводит политико-правовые решения о благоустройстве, коммунальной инфраструктуре, социальных объектах, транспортной доступности, ремонте дорог и поддержке учреждений в юридически обязательные расходные обязательства.

После внесения изменений в Конституцию Российской Федерации особое значение приобрела норма о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения соответствующей территории [1, ст. 132, ч. 3]. Эта формула изменила язык конституционного регулирования, но не устранила самостоятельность местного самоуправления как конституционную гарантию. Самостоятельность теперь должна пониматься не как изоляция муниципального уровня, а как компетенционная автономия внутри координируемой системы публичного управления.

В экономической сфере такой баланс особенно сложен. С одной стороны, муниципальные образования объективно зависят от федеральных и региональных решений о межбюджетных трансфертах, налоговых отчислениях, государственных программах, инфраструктурных субсидиях, тарифном регулировании и передаче имущества. С другой стороны, чрезмерная зависимость от вышестоящих уровней публичной власти подрывает смысл местного самоуправления, поскольку лишает муниципалитет реальной возможности определять экономические приоритеты территории.

Федеральный закон № 33-ФЗ закрепляет новую систему общих принципов организации местного самоуправления в единой системе публичной власти и одновременно сохраняет главу об экономической основе местного самоуправления. Это имеет принципиальное значение: законодатель не растворяет муниципальную экономическую базу в региональной или федеральной системе, а признает ее отдельным структурным элементом муниципального статуса. Отсюда

следует важный вывод: единство публичной власти должно обеспечивать согласование полномочий и ресурсов, а не механическое перераспределение муниципальных активов и доходов.

Бюджетно-налоговое измерение экономической функции местного самоуправления связано с конституционным полномочием органов местного самоуправления формировать, утверждать и исполнять местный бюджет, а также вводить местные налоги и сборы. На уровне конституционной конструкции это означает, что муниципальное образование не может быть лишено финансовой основы своей деятельности. На уровне текущего законодательства это выражается в правилах Бюджетного кодекса Российской Федерации, Налогового кодекса Российской Федерации, законодательства о межбюджетных отношениях и муниципальных правовых актов.

Проблема состоит в том, что формальная самостоятельность местного бюджета не всегда означает его фактическую достаточность. Многие муниципальные образования обладают ограниченной налоговой базой, зависят от дотаций, субсидий и субвенций, несут значительные расходы на содержание инфраструктуры и выполнение переданных полномочий. В результате экономическая функция местного самоуправления нередко реализуется в условиях структурного дефицита ресурсов, когда органы местного самоуправления отвечают перед населением за качество повседневной среды, но не имеют достаточного финансового инструментария для ее устойчивого развития.

Особенно важно различать собственные доходы местного бюджета и целевые межбюджетные трансферты. Трансферты необходимы для выравнивания бюджетной обеспеченности и реализации государственных программ, однако они не могут полностью заменить собственную доходную базу муниципального образования. Если значительная часть муниципальных решений зависит от целевых средств, сформированных вне муниципального уровня, местная экономическая политика становится производной от региональных и федеральных приоритетов. Это не всегда неправомерно, но требует специальных гарантий участия муниципалитетов в планировании, распределении и оценке эффективности таких средств [4, ст. 9].

Экономическая функция местного самоуправления имеет выраженное имущественно-инфраструктурное содержание. Муниципальная собственность используется для обеспечения коммунальных услуг, размещения учреждений образования, культуры, спорта, социального обслуживания, содержания дорог, организации благоустройства, создания общественных пространств, эксплуатации объектов инженерной инфраструктуры. Иными словами, муниципальное имущество является материальной формой доступности публичных благ на территории.

Федеральный закон № 33-ФЗ определяет состав муниципального имущества через его целевое назначение: оно может быть предназначено для решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, осуществления переданных государственных полномочий, обеспечения деятельности органов и организаций местного самоуправления, а также участия в иных публичных полномочиях в предусмотренных законом случаях [2, ст. 63]. Такой подход делает целевое назначение ключевым критерием правомерности сохранения имущества в муниципальной собственности.

Из этого вытекает важное последствие для экономической функции: муниципалитет должен управлять не просто объектами, а функциональными активами. Реестр муниципального имущества должен отвечать не только на вопрос о наличии права собственности, но и на вопрос о том, какую публичную задачу выполняет каждый объект, каковы расходы на его содержание, имеются ли инвестиционные потребности, возможно ли концессионное использование, сохраняется ли социальная необходимость объекта. Без такой аналитики муниципальная собственность превращается в пассивный перечень объектов, а не в инструмент развития.

Экономическая функция местного самоуправления предполагает наличие у муниципальных органов определенного экономического усмотрения: они выбирают приоритеты расходов, формы использования имущества, параметры муниципальных программ, условия аренды, концессий и муниципально-частных проектов. Однако такое усмотрение имеет публично-правовую природу и потому ограничено Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, уставом муниципального образования, бюджетными правилами, антимонопольными требованиями и принципом целевого использования публичных ресурсов [5; 6].

Особое значение получают концессионные соглашения, муниципально-частное партнерство, долгосрочная аренда с инвестиционными обязательствами и иные формы привлечения частного капитала в коммунальную, транспортную и социальную инфраструктуру. Эти инструменты не должны восприниматься как скрытая приватизация: публичный собственник обязан сохранять контроль над целевым назначением объекта, качеством услуг и исполнением инвестиционных обязательств. Иначе экономическая функция местного самоуправления утрачивает социальную направленность и превращается в механизм отчуждения муниципальных активов [7].

Судебная защита экономической функции местного самоуправления имеет несколько уров-

ней. На гражданско-правовом уровне муниципальное образование защищает имущество, взыскивает задолженность, оспаривает сделки, требует возврата объектов, защищает права на землю и недвижимость. На административно-правовом уровне органы местного самоуправления и заинтересованные лица оспаривают акты, действия и бездействие публичных органов, влияющие на бюджетные и имущественные права муниципального образования. На конституционном уровне проверяются нормы, способные нарушить самостоятельность местного самоуправления или лишить его необходимых материально-финансовых гарантий.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что местное самоуправление является необходимым элементом конституционного механизма народовластия и не может быть произвольно устранено либо сведено к административному исполнению решений иных уровней публичной власти [8; 9]. Для экономической функции это означает, что муниципальная собственность и местный бюджет подлежат защите не только как имущественные категории, но и как гарантии самостоятельного решения вопросов местного значения.

Особое значение имеет позиция о необходимости материального и финансового обеспечения передаваемых органам местного самоуправления государственных полномочий. Конституционная норма прямо связывает передачу полномочий с передачей необходимых средств, а реализацию переданных полномочий — с государственным контролем [1, ст. 132, ч. 2; 10]. Если полномочия передаются без достаточного обеспечения, происходит скрытое перераспределение финансовой нагрузки на местный бюджет, что способно нарушить баланс публичной власти и снизить способность муниципалитета выполнять собственные задачи.

Первая проблема развития экономической функции местного самоуправления состоит в несоответствии объема муниципальной ответственности и объема реально доступных ресурсов. Население воспринимает муниципальный уровень как ближайший к повседневным нуждам, однако многие ключевые финансовые решения принимаются выше. Возникает парадокс: политико-социальная ответственность за качество среды часто локализована в муниципалитете, а финансовые возможности распределены в пользу регионального и федерального уровней. Устранение этого разрыва требует более точного правового механизма соотнесения полномочий, имущества и доходов.

Вторая проблема — недостаточная стратегичность муниципального имущественного управления. Муниципальные активы нередко учитываются формально, без оценки жизненного цикла, инвестиционной потребности и социальной отдачи. Представляется целесообразным закрепить обязанность муниципальных образований принимать среднесрочные стратегии управления муниципальным имуществом, включающие классификацию активов по степени публичной необходимости, перечень объектов, не подлежащих отчуждению без специальной процедуры, планы вовлечения неиспользуемого имущества в оборот, показатели эффективности и механизм общественного обсуждения.

Третья проблема — слабая налоговая автономия муниципального уровня. Развитие местных налогов и сборов должно осуществляться осторожно, чтобы не ухудшить положение граждан и малого бизнеса, но муниципалитетам необходимы более гибкие инструменты настройки налоговой политики в пределах федеральных рамок. Речь может идти о расширении возможностей дифференциации ставок, налоговых льгот, стимулирования использования земельных участков и объектов недвижимости, а также о более тесной связи между налоговой базой и муниципальной инфраструктурной политикой.

Наиболее перспективным, на наш взгляд, представляется введение в законодательный и доктринальный оборот категории *«ресурсная достаточность местного самоуправления».* Под ней следует понимать такое состояние имущественной, бюджетной и организационной базы муниципального образования, при котором оно способно устойчиво решать вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и участвовать в реализации переданных полномочий без разрушения собственных муниципальных приоритетов. Этот критерий может применяться при преобразовании муниципальных образований, передаче имущества, оценке эффективности органов местного самоуправления и разработке региональной межбюджетной политики.

Современный этап развития местного самоуправления характеризуется переходом к модели единой системы публичной власти. Этот переход не должен толковаться как отказ от муниципальной экономической самостоятельности. Напротив, в условиях координации публичной власти экономическая функция местного самоуправления нуждается в более четких гарантиях: соразмерности полномочий и ресурсов, сохранения муниципальной собственности как самостоятельной формы публичной собственности, прозрачности межбюджетных отношений, стратегического управления муниципальными активами и участия населения в экономических решениях. Конституционно оправданная модель развития экономической функции местного самоуправления должна соединять три начала: самостоятель-

ность муниципального образования, координацию в единой системе публичной власти и ресурсную достаточность для решения задач местного значения. Именно такая модель способна превратить местное самоуправление из административно-бюджетного уровня в реальный институт территориального развития [11; 12].

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 19.05.2026).

[3] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 19.05.2026).

[4] Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20361/ (дата обращения: 19.05.2026).

[5] Шугрина Е. С. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 408 с.

[6] Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2010. 669 с.

[7] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 19.05.2026).

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ (дата обращения: 19.05.2026).

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29452/ (дата обращения: 19.05.2026).

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2018 г. № 33-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302658/ (дата обращения: 19.05.2026).

[11] Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с.

[12] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 864 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on May 19, 2026).

[2] Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (accessed on May 19, 2026).

[3] Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed: 19.05.2026).

[4] European Charter of Local Self-Government (Strasbourg, 15 October 1985) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20361/ (accessed: 19.05.2026).

[5] Shugrina E. S. Municipal Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 408 p.

[6] Kutafin O. E., Fadeev V. I. Municipal Law of the Russian Federation: Textbook. 3rd ed. Moscow: Prospect, 2010. 669 p.

[7] Federal Law of July 13, 2015 No. 224-FZ “On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (accessed: May 19, 2026).

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 24, 1997 No. 1-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ (accessed: May 19, 2026).

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 30, 2000, No. 15-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29452/ (date of access: May 19, 2026).

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2018, No. 33-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302658/ (date of access: May 19, 2026).

[11] Bondar, N.S. Local Self-Government and Constitutional Justice: Constitutionalization of Municipal Democracy in Russia. Moscow: Norma, 2008. 592 p.

[12] Avakyan S. A. Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes. M.: Norma: INFRA-M, 2021. 864 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-69-73
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ГУРОВ Илья Олегович,
студент 1 курса аспирантуры направления подготовки
5.1.2. «Публично-правовые (юридические) науки»
ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»
(Ханты-Мансийск),
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЁЖИ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА: РОЛЬ МОЛОДЁЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ

Аннотация. *На фоне интенсивной трансформации публично-властных институтов особое значение приобретает качество политической социализации новых демографических когорт. По сути, именно этим продиктована актуальность представленного исследования: суверенное государство остро нуждается в надежных каналах взаимодействия с юношеством, нивелирующих риски электорального абсентеизма. Между тем, в академическом дискурсе обнаруживается серьезное противоречие. С одной стороны, на уровне федерального законодательства закреплен статус молодых граждан как стратегического ресурса развития. С другой, фиксируется глубокая фрагментарность реальных механизмов наделения их властными компетенциями. Из-за этого региональные консультативные площадки нередко приобретают откровенно декоративный характер. Цель в статье заключается в аудите конституционно-правовой «архитектуры», которая регламентирует работу молодежных парламентов; в поиске инструментов преодоления их статусной диспропорции. Резюмировано, что результативность подобных представительных структур всецело детерминирована объемом предоставленных им юридических прерогатив. В частности, обосновано, что совещательные органы, обладающие легитимным правом прямого внесения законопроектов, демонстрируют принципиально иной, более высокий уровень экспертной проработки профильных нормативных актов. Авторский вклад проявляется в концептуальном обосновании необходимости перехода от рекомендательной парадигмы политического участия к практике полноправного нормотворческого вовлечения (через принятие рамочного федерального закона). Предложен инновационный механизм мониторинга посредством «цифрового портфолио». Он призван объективизировать кадровый отбор и оценку эффективности начинающих деятелей.*

Ключевые слова: *государственное управление, конституционное право, молодежная политика, молодежный парламентаризм, нормотворческая инициатива, политическая социализация, правовой статус.*

GUROV Ilya Olegovich,
1st year postgraduate student in the field of training 5.1.2.
“Public legal (legal) sciences” FSBEI HE “Ugra State University”
(Khanty-Mansiysk)

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF YOUTH PARTICIPATION IN PUBLIC GOVERNANCE: THE ROLE OF YOUTH PARLIAMENTS

Annotation. *Amid the intensive transformation of public authority institutions, the quality of political socialization of emerging demographic cohorts acquires particular significance. In essence, this underpins the relevance of the present study: a sovereign state has an acute need for reliable channels of interaction with young people that mitigate the risks of electoral absenteeism. Meanwhile, a substantial contradiction is observed within academic discourse. On the one hand, federal legislation enshrines the status of young citizens as a strategic resource for development. On the other hand, there is a pronounced fragmentation of actual mechanisms for endowing them with governmental competences. As a result, regional consultative platforms often assume a largely sym-*

bolic character. The aim of the article is to audit the constitutional and legal "architecture" regulating the functioning of youth parliaments and to identify instruments for overcoming their status-related disproportions. It is concluded that the effectiveness of such representative structures is entirely determined by the scope of legal prerogatives granted to them. In particular, it is substantiated that advisory bodies vested with the legitimate right of direct legislative initiative demonstrate a fundamentally different, higher level of expert elaboration of relevant regulatory acts. The author's contribution lies in the conceptual substantiation of the need to transition from a consultative paradigm of political participation to the practice of full-fledged law-making involvement (through the adoption of a framework federal law). An innovative monitoring mechanism based on a "digital portfolio" is proposed, aimed at objectifying personnel selection and assessing the effectiveness of emerging political actors.

Key words: *public administration, constitutional law, youth policy, youth parliamentarism, legislative initiative, political socialization, legal status.*

Введение

Значимость обращения к теме продиктована стремительной перестройкой механизмов взаимодействия институтов публичной власти и гражданского общества в условиях современной политической реальности. По сути, молодое поколение является не просто объектом патерналистской заботы со стороны государственных структур, а рассматривается в качестве важнейшего стратегического ресурса, который определяет вектор будущего устойчивого развития нации.

Как представляется, результативное функционирование демократического правового строя нереально без инкорпорации новых демографических когорт в процессы принятия властных решений. Конституция Российской Федерации гарантирует гражданам право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Между тем, практическая реализация данной нормы требует создания специализированных институциональных каналов, которые адаптируются к специфике политической социализации юношества. Вероятно, именно отсутствие системных механизмов вовлечения ранее приводило к абсентеизму и снижению электоральной активности среди начинающих избирателей.

С учетом отмеченного выше важно обратиться к анализу конституционно-правовых основ, регламентирующих включение молодых граждан в государственное администрирование, с особым акцентом на феномен молодежного парламентаризма. Подобные совещательные структуры стали ключевым инструментом артикуляции интересов данной социальной группы. В рамках работы будут исследованы нормативные предпосылки формирования представительных органов нового типа, проанализирована их текущая эффективность, предложены пути оптимизации правового статуса соответствующих структур для преодоления существующих диспропорций в системе публичного управления.

Материалы и методы

Анализ корпуса современной литературы дает возможность выделить несколько взаимодополняющих исследовательских подходов к осмыслению конституционно-правовых основ участия молодежи в управлении делами государства и роли соответствующих парламентов.

Так, в работе А.В. Агафонова акцентируется институционально-управленческий и цифровизационный аспекты и ракурсы рассмотрения, в рамках которых молодежное политическое лидерство позиционируется как объект государственного администрирования в условиях цифровых преобразований [1]. У. Бажанова и источники практико-ориентированного характера [2, 5, 6] репрезентируют эмпирико-описательный подход – фиксируются текущие практики функционирования молодежных парламентов и их инициативная активность. В.О. Гашков развивает критико-элитологический вектор, проблематизируя роль характеризуемых парламентов как каналов рекрутирования политической элиты и выявляя дилемму между символическим и реальным участием [3]. Это концептуально дополняется Д.О. Прохоренко, который подчеркивает институциональную эффективность данной формы участия при наличии системных ограничений [7]. Н.В. Грицких, Н.С. Рыбак расширяют анализ за счет социокультурного подхода; авторы связывают молодежную политическую активность с механизмами формирования культурных трендов [4]. В свою очередь, А.Н. Тесленко обосновывает нормативно-политический контекст: гражданское участие молодежи трактуется в качестве условия результативной госполитики [8]. Е.Е. Тонков, И.Г. Хмелевская используют сравнительно-правовой и институционально-юридический подходы, анализируя процесс становления правового статуса молодежного парламентаризма и вариативность его региональных моделей [9, 10].

Выбор упомянутых материалов объясняется комплексным охватом проблемы (от теоретико-правовых оснований и институциональных механизмов до эмпирических кейсов, критиче-

ского осмысления эффективности молодежных парламентов). Это предоставляет возможность реконструировать многомерную картину исследуемого явления. Вместе с тем, в литературе выявляются существенные пробелы, в том числе, недостаточная проработанность конституционно-правового статуса характеризуемых парламентов на федеральном уровне, ограниченность сравнительных международных исследований, слабая операционализация критериев эффективности их функционирования.

Методологическую основу данной статьи составляют системный и институциональный подходы. Они позволяют рассматривать молодежные парламенты как элемент политико-правовой системы. Задействован сравнительно-правовой метод в целях фиксации региональных особенностей. Проведены анализ и синтез научной литературы. Это обеспечило выявление ключевых теоретических подходов и расхождений, что обосновано междисциплинарным характером исследуемой проблематики.

Результаты и обсуждение

Фундаментальной базой для конструирования механизмов гражданского участия является статья 32 Основного закона страны, в которой закрепляются универсальные политические права. Между тем, на протяжении длительного времени правовое поле характеризовалось высокой степенью фрагментации, когда инициативы реализовывались, главным образом, на уровне подзаконных актов либо региональных хартий. Переломным моментом стала масштабная конституционная модернизация и последующее принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». В составлении с предшествующими подходами, которые носили больше декларативный характер, новый нормативный акт четко структурировал систему. Статья 6 упомянутого закона прямо постулирует, что в «архитектуру» участия входят:

– органы государственной власти;
– институты местного самоуправления;
– органы молодежного самоуправления;
– делегаты при законодательных палатах.

Одновременно с этим, исследователи отмечают сдвиг парадигмы – от простой социальной поддержки к формированию условий для полноценной политической субъектности [4, 9]. По существу, законодатель признал потребность в интеграции юношества в социально-экономическую и культурную жизнь (через обеспечение учета мнения молодежи при принятии управленческих решений). Впрочем, невзирая на кодификацию базовых дефиниций, механизм наделения совещательных структур действительными властными полномочиями остается дискуссионным. Предположительно, федеральный центр осознанно оставил субъектам Федерации пространство для маневра, позволив им самостоятельно определять глубину делегирования нормотворческих компетенций в зависимости от региональной специфики.

Важнейшим звеном описываемой системы служат молодежные парламенты, которые эволюционировали из локальных дискуссионных клубов в полноценные субъекты общественно-политического процесса. На федеральном уровне «флагманом» предстает Молодежный парламент при Государственной Думе РФ, объединяющий порядка 245 представителей со всей страны, в том числе, делегатов от политических партий, студенческих союзов [3, 7]. Примечательно, что подобная «архитектура» помогает консолидировать региональную повестку и выводить ее на национальный уровень. В связи с этим подчеркнем, что выстроена многоуровневая вертикаль. Она обеспечивает непрерывность политической социализации и фильтрацию кадрового резерва для органов госуправления.

Для наглядной визуализации текущего состояния институциональной среды обратимся к данным, которые отражают многоуровневый характер исследуемого явления (*см. таблицу 1*).

Таблица 1. Институционализация молодежных консультативно-совещательных органов в РФ (составлено на основе [1, 8, 10])

Уровень публичной власти	Наименование институциональной формы	Ключевые конституционно-правовые функции
Федеральный	Молодежный парламент при Государственной Думе РФ	Экспертиза проектов федеральных законов; консолидация, продвижение региональных инициатив
Региональный	Парламенты (палаты) при законодательных органах субъектов	Участие в региональном нормотворчестве, в 11 субъектах – прямое право законодательной инициативы

Муниципальный	Советы и палаты при органах местного самоуправления	Локальная нормотворческая активность. Вовлечение юношества в решение вопросов местного значения

Эмпирические сводки подтверждают, что результативность деятельности рассматриваемых органов напрямую коррелирует с объемом предоставленных им юридических прав. В регионах, где они наделены правом законодательной инициативы (например, в Республике Дагестан, Ставропольском крае, Волгоградской области), наблюдается более высокий уровень проработки профильных нормативных актов. Так, Молодежный парламент при Народном Собрании Республики Дагестан, который состоит из 75 членов (часть из них делегируется пропорционально представительству политических партий), деятельно участвует в формировании республиканских госпрограмм [6].

По-видимому, отсутствие прямого права нормотворчества не всегда блокирует политическую активность, но заставляет искать обходные пути. Например, в Иркутской области молодые делегаты инициировали поправки об увеличении возрастного ценза категории «молодежь» до 35 лет, действуя через старших коллег-депутатов Законодательного Собрания [5]. В Пермском крае упор сделан на экстенсивное развитие: в 2025 году там успешно функционировали новые составы палат уже в 40 муниципалитетах, вовлекая тысячи местных жителей в проектную деятельность [2].

Опираясь на проведенный анализ, перед переходом к общим выводам необходимо сформулировать ряд конкретных рекомендаций. Они ориентированы на преодоление правовых лакун.

Во-первых, предлагается разработка и принятие рамочного федерального закона «О молодежном парламентаризме в Российской Федерации». В нем уместно закрепить императивное требование о наделении региональных молодежных парламентов правом законодательной инициативы. Назначение описываемой меры – устранение правового неравенства субъектов РФ и превращение совещательных площадок в полноценных акторов законотворческого процесса. Новизна подхода проявляется в переходе от рекомендательной модели к схеме прямого делегированного участия. Это решает хроническую проблему формализма и «бутафорности» многих подобных структур.

Во-вторых, целесообразно внедрить единую государственную метрику («Цифровое портфолио молодого парламентария») на базе портала Госуслуг. Суть – объективная, data-driven-оценка KPI каждого представителя (количество предложенных поправок, реализованных проектов). Новшество в этом предложении заключается в цифровизации политической карьеры на ранних этапах. В итоге нивелируется непрозрачность социальных лифтов, позволяя формировать кадровый резерв госслужбы на основе верифицированных цифровых следов эффективности, а не субъективных оценок.

Заключение

Конституционно-правовые основы участия новых поколений в управлении делами государства претерпели существенную качественную эволюцию. Транзитный период, который характеризовался хаотичным поиском форматов взаимодействия, завершился формированием структурированной, многоуровневой системы молодежного парламентаризма.

Проведенный анализ демонстрирует, что данные институты обладают колоссальным потенциалом – как площадки для ранней политической социализации, так и полноправных участников нормотворческого процесса, способных генерировать экспертные решения в профильных сферах. Уместно предположить, что в среднесрочной перспективе успешность государственного менеджмента будет все сильнее зависеть от скорости, качества «абсорбции» инициатив, исходящих от молодежных представительных органов.

Предложенные в статье авторские рекомендации, в частности, по унификации права законодательной инициативы и внедрению цифрового мониторинга результативности, обладают практической значимостью. Их имплементация поможет окончательно преодолеть рудименты декларативного подхода, превратив молодежные парламенты в высокоэффективный инструмент прямого демократического транзита.

В научном плане данная работа вносит вклад в систематизацию знаний о конституционных механизмах представительства, открывая широкие горизонты для последующих междисциплинарных исследований на стыке конституционного права, политологии, теории государственного управления.

Список литературы:

[1] Агафонов А.В. Государственное управление молодежным политическим лидерством в условиях цифровизации // Рефлексия. – 2023. – № 6. – С. 30-33.

[2] Бажанова У. Молодежный парламент Прикамья подвел итоги работы за 2025 год // URL: https://v-kurse.ru/2025/11/21/404378 (дата обращения: 19.03.2026).

[3] Гашков В.О. Роль молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты: символическое участие или реальные возможности? // Via in Tempore. История. Политология. – 2025. – Т. 52. – № 2. – С. 491-499.

[4] Грицких Н.В., Рыбак Н.С. Современные механизмы формирования культурных трендов молодежи в России и ее регионах // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2023. – Т. 1. – № 12. – С. 73-88.

[5] Депутаты Молодежного парламента предложили увеличить до 35 лет возрастной критерий категории «молодежь» // URL: https://irzs.ru/events/news/detail.php?ID=29279&SHOWALL_3=0&SHOWALL_2=1 (дата обращения: 19.03.2026).

[6] Молодежный парламент при Народном Собрании Республики Дагестан // URL: https://dobro.ru/organizations/1397908/about?ysclid=mmxdbz8rf1521626054 (дата обращения: 19.03.2026).

[7] Прохоренко Д.О. Молодежный парламент как эффективная форма участия молодежи в управлении государством: проблемы и успехи // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 1 (79). – С. 165-169.

[8] Тесленко А.Н. Гражданское участие молодёжи как условие эффективной молодёжной политики // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2023. – Т. 6. – № 3 (20). – С. 50-57.

[9] Тонков Е.Е., Хмелевская И.Г. Молодежный парламентаризм: тернистый путь обретения правового статуса // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2023. – Т. 48. – № 1. – С. 73-81.

[10] Хмелевская И.Г. Организационно-правовой формат молодёжного парламентаризма в России: сравнительный анализ регионального опыта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 114-123.

References:

[1] Agafonov A.V. State management of youth political leadership in the context of digitalization// Reflection. – 2023. – № 6. - S. 30-33.

[2] Bazhanova U. Youth Parliament of Prikamye summed up the results of work for 2025//URL: https://v-kurse.ru/2025/11/21/404378 (date of appeal: 19.03.2026).

[3] Gashkov V.O. The role of youth parliaments in recruiting the political elite: symbolic participation or real opportunities ?//Via in Tempore. History. Political science. – 2025. - T. 52. – № 2. - S. 491-499.

[4] Gritskikh N.V., Rybak N.S. Modern mechanisms of forming cultural trends of young people in Russia and its regions//Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space. – 2023. - VOL. 1. – № 12. - S. 73-88.

[5] Deputies of the Youth Parliament proposed to increase the age criterion of the category “youth” to 35 years//URL: https://irzs.ru/events/news/detail.php?ID=29279&SHOWALL_3=0&SHOWALL_2=1 (date of appeal: 19.03.2026).

[6] Youth Parliament at the People’s Assembly of the Republic of Dagestan//URL: https://dobro.ru/organizations/1397908/about?ysclid=mmxdbz8rf1521626054 (date of appeal: 19.03.2026).

[7] Prokhorenko D.O. Youth Parliament as an Effective Form of Youth Participation in Government: Problems and Successes//Bulletin of the Transnistrian University. Series: Humanities. – 2025. – № 1 (79). - S. 165-169.

[8] Teslenko A.N. Civic participation of youth as a condition for effective youth policy//Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological sciences. Pedagogical sciences. – 2023. - VOL. 6. – № 3 (20). - S. 50-57.

[9] Tonkov E.E., Khmelevskaya I.G. Youth parliamentarism: a thorny path to gaining legal status// Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. – 2023. - T. 48. – № 1. - S. 73-81.

[10] Khmelevskaya I.G. Organizational and legal format of youth parliamentarism in Russia: a comparative analysis of regional experience//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2024. - T. 10. – № 4. - S. 114-123.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-74-79

АНОШИНА Анна Яковлевна,
Аспирант, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
Кафедра публичного и международно-правового
обеспечения национальной безопасности,
e-mail: anna.anoshina@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: БАЛАНС МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ИННОВАЦИЯМИ И ЗАЩИТОЙ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация*. В статье исследуются конституционно-правовые аспекты трансформации принципа добросовестной конкуренции в условиях цифровизации экономических отношений. Автор анализирует противоречия между традиционным конституционным пониманием свободы экономической деятельности и новыми цифровыми практиками, включая алгоритмическое ценообразование, доминирование цифровых платформ и использование технологий искусственного интеллекта. Выявлены основные проблемы правового регулирования: отсутствие четких конституционных критериев оценки добросовестности в цифровой среде, правовая неопределенность статуса алгоритмов как инструментов конкуренции, недостаточность существующих механизмов защиты конкурентной среды. Предложена концепция «цифровой добросовестности» как развития конституционного принципа, разработаны критерии конституционно-правовой оценки цифровых конкурентных практик. Научная новизна исследования заключается в комплексном конституционно-правовом анализе влияния цифровизации на фундаментальные принципы рыночной экономики.*

Ключевые слова*: Конституция Российской Федерации, добросовестная конкуренция, цифровизация, цифровые платформы, свобода экономической деятельности, цифровая экономика.*

ANOSHINA Anna Yakovlevna,
Graduate student at Gubkin University
Department of Public and International Law
Support of National Security

CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS OF DIGITALIZATION OF COMPETITIVE RELATIONS: BALANCE BETWEEN TECJNOLOGICAL INNOVATIONS AND PROTECTION OF FAIR COMPETITION

Annotation*. The article examines constitutional and legal aspects of the transformation of the principle of fair competition in the context of digitalization of economic relations. The author analyzes contradictions between the traditional constitutional understanding of freedom of economic activity and new digital practices, including algorithmic pricing, dominance of digital platforms and the use of artificial intelligence technologies. The main problems of legal regulation are identified: the absence of clear constitutional criteria for assessing good faith in the digital environment, legal uncertainty of the status of algorithms as competition tools, insufficiency of existing mechanisms for protecting the competitive environment. The concept of "digital good faith" is proposed as a development of the constitutional principle, criteria for constitutional and legal assessment of digital competitive practices are developed. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive constitutional and legal analysis of the impact of digitalization on the fundamental principles of a market economy. The practical significance of the work consists in formulating recommendations for improving the constitutional and legal regulation of digital competition in the Russian Federation.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, competition, digitalization, digital platforms, freedom of economic activity, digital economy.*

Конституция Российской Федерации в статье 8 закрепляет единство экономического пространства, свободу экономической деятельности и поддержку конкуренции как основополагающие принципы конституционного строя [1]. Данные нормы формируют конституционно-правовой фундамент рыночной экономики, обеспечивая баланс между свободой предпринимательства и необходимостью защиты конкурентной среды. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что поддержка конкуренции и ограничение монополистической деятельности относятся к основным гарантиям конституционного строя [4].

Однако современные процессы цифровой трансформации экономики создают принципиально новые вызовы для конституционно-правового регулирования конкурентных отношений. Цифровые платформы, алгоритмическое принятие решений, технологии больших данных и искусственного интеллекта радикально изменяет структуру рынков, механизмы конкуренции и само содержание понятия добросовестная конкуренция [5, с.4]. По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, доля цифровой экономики в ВВП России к 2025 году достигла 5,8%, а цифровые платформы обеспечивают более 38% всех онлайн-транзакций [12, с. 18].

Проблематика исследования заключается в том, что традиционные конституционно-правовые подходы к пониманию добросовестной конкуренции, сформированные в эпоху индустриальной экономики, не адаптированы к реалиям цифровой среды. Возникает фундаментальное противоречие между конституционным принципом свободы экономической деятельности, который предполагает максимальную автономию хозяйствующих субъектов, и необходимостью установления специальных правил для цифровых рынков, характеризующихся высокой концентрацией и сетевыми эффектами.

Целью настоящего исследования является определение конституционного-правовых пределов цифровизации конкурентных отношений и разработка концептуальных основ правового регулирования, обеспечивающего баланс между стимулированием технологических инноваций и защитой добросовестной конкуренции.

Конституционные принципы поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности находятся в сложном диалектическом взаимодействии. С одной стороны, статья 34 Конституции Российской Федерации гарантирует право на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. С другой стороны, часть 2 статьи 34 прямо запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [1].

Как отмечает Г.А. Гаджиев, конституционное регулирования экономических отношений основывается на принципе пропорциональности, требующем соразмерности ограничений экономической свободы целям защиты конституционно значимых ценностей [5, с. 6]. Применительно к цифровой экономике это означает необходимость поиска баланса между инновационным развитием и предотвращением злоупотреблений доминирующим положением.

Цифровизация создает специфические конституционно-правовые проблемы. Во-первых, цифровые платформы часто занимают положение цифровых привратников, контролирующих доступ к рынкам и потребителям [13, с. 89]. Это создает новые формы экономической власти, не укладывающиеся в традиционные конституционно-правовые категории. Во- вторых, использование алгоритмов и искусственного интеллекта для принятия экономических решений ставит вопрос о субъективности и ответственности в конституционно-правовом смысле.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 июня 2009 года № 11-П указал, что свобода предпринимательства не является абсолютной и может ограничиваться федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей [4]. Однако в условиях цифровизации возникает вопрос: являются ли существующие законодательные ограничения достаточными и адекватными новым угрозам конкуренции?

Одной из наиболее актуальных проблем является конституционно-правовая оценка алгоритмического ценообразования. Хозяйствующие субъекты все чаще используют алгоритмы для динамического изменения цен в зависимости от спроса, действий конкурентов и других факторов. С точки зрения экономической эффективности такие практики могут быть оправданы, поскольку обеспечивают более точное соответствие цен рыночным условиям [6, с. 12].

Однако алгоритмическое ценообразование создает риски картелизации рынков без явного сговора между конкурентами. Исследования показывают, что алгоритмы могут самостоятельно обучаться поддержанию высоких цен, что фактически эквивалентно антиконкурентному соглашению [10, с. 24]. При этом традиционные конституционно-правовые подходы к определению вины и ответственности оказываются неприменимыми, поскольку отсутствует субъективный элемент правонарушения в классическом понимании.

Федеральная антимонопольная служба России в 2023 году возбудила первое дело о предпо-

лагаемом алгоритмическом сговоре в отношении агрегаторов такси [14]. Это дело продемонстрировало методологические трудности в доказывании нарушения антимонопольного законодательства при использовании алгоритмов. Конституционно-правовая проблема заключается в том, что привлечение к ответственности за действия алгоритма может противоречить принципу правовой определенности и презумпции невиновности, если хозяйствующий субъект не имел намерения совершить правонарушение.

Цифровые платформы характеризуются сильными сетевыми эффектами и экономией от масштаба, что приводит к естественной тенденции к монополизации [7, с. 156]. Ведущие платформы занимают доминирующее положение на своих рынках, что создает риски для конкуренции и равенства экономической возможностей.

Конституционный принцип равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации) распространяется и на экономическую сферу, предполагая равные условия для хозяйствующих субъектов [1]. Однако цифровые платформы создают асимметрию власти: они устанавливают правила доступа к рынку, определяют условия торговли и контролируют данные о пользователях и транзакциях. Малые и средние предприятия оказываются в зависимости от платформ, что может рассматриваться как нарушение конституционного принципа равенства экономических возможностей.

Федеральная антимонопольная служба России в 2022-2025 годах инициировала несколько дел против крупных цифровых платформ по обвинению в злоупотреблении доминирующим положением [15]. Однако действующее законодательство не содержит специальных норм, учитывающих особенности цифровых рынков, что затрудняет правоприменение и создает правовую неопределенность.

Цифровые платформы аккумулируют огромные массивы данных о пользователях, что создает конкурентное преимущество и одновременно затрагивает конституционные права граждан. Право на неприкосновенность частной жизни (статья 23 Конституции Российской Федерации) включает право на информационное самоопределение, признанное Конституционным Судом Российской Федерации [3].

Использование больших данных для создания барьеров входа на рынок и укрепления доминирующего положения ставит вопрос о конституционных пределах экономического пользования персональной информации. Возникает конфликт между правом хозяйствующих субъектов на свободу экономической деятельности и конституционными правами граждан на защиту персональных данных.

В современной российской правовой доктрине формируется концепция данных как конкурентного актива, требующая специального регулирования для предотвращения злоупотреблений [9, с.19]. Российское конституционное право находится в процессе выработки четких подходов к разрешению этого конфликта ценностей.

Для преодоления выявленных проблем автор предлагает концепцию цифровой добросовестности как специального конституционно-правового института, развивающего принцип добросовестной конкуренции применительно к условиям цифровой экономики.

Цифровая добросовестность должна включать следующие элементы:

1. Алгоритмическая прозрачность – обязанность хозяйствующих субъектов, использующих алгоритмы для принятия экономических решений, обеспечивать возможность проверки соответствия этих алгоритмов требованиям антимонопольного законодательства. Это не означает публичного раскрытия коммерческой тайны, но предполагает создания регуляторного аудита алгоритмов.
2. Платформенная нейтральность – запрет для цифровых платформ на дискриминацию участников рынка и необоснованное предпочтение собственных сервисов. Этот принцип развивает конституционный принцип равенства применительно к цифровым экосистемам.
3. Соразмерность использования данных – требование пропорциональности между объемом собираемых персональных данных и законными целями экономической деятельности. Использование данных для создания необоснованных конкурентных преимуществ должно рассматриваться как нарушение принципа цифровой добросовестности.
4. Интероперабельность – обязанность доминирующих платформ обеспечивать техническую возможность взаимодействия с конкурирующими сервисами для предотвращения замкнутости экосистем и обеспечения конкуренции.

Конституционно-правовое обоснование концепции цифровой добросовестности основывается на развитии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о балансе конституционных ценностей. В Постановлении от 18 июля 2008 года № 10-П Суд указал, что конституционные принципы экономической свободы и поддержки конкуренции должны применяться с учетом конкретных социально-экономических условий [2]. Цифровизация создает именно такие новые условия, требующие развития конституционно-правовых принципов.

Для практического применения концепции цифровой добросовестности необходимы конкретные критерии оценки правомерности цифровых конкурентных практик с точки зрения конституционного права. Автор предлагает следующую систему критериев:

1. Критерий пропорциональности. Любое ограничение конкуренции, вызванное применением цифровых технологий, должно быть пропорциональным законной цели экономической деятельности. Этот критерий заимствован из практики Конституционного Суда Российской Федерации по оценке ограничений конституционных прав [8, с.234]. Применительно к цифровой конкуренции он означает, что технологическое преимущество может использоваться только в той мере, в какой это необходимо для достижения экономической эффективности, но не для устранения конкурентов.
2. Критерий недискриминации. Цифровые платформы, выполняющие функции инфраструктуры для других хозяйствующих субъектов, не должны допускать дискриминации участников рынка. Этот критерий развивает конституционный принцип равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации) и принцип единства экономического пространства (часть 1 статьи 8 Конституции Российской Федерации) [1]. Практическое применение критерия означает запрет на необоснованное ограничение доступа к платформе отдельных категорий участников, установление различных участников, находящихся в сопоставимых обстоятельствах, предоставление преимуществ собственным сервисам платформы в ущерб независимым участникам.
3. Критерий обратимости. Цифровые экосистемы не должны создавать эффект замкнутости, препятствующий пользователям и участникам свободы экономической деятельности, который предполагает свободы выбора контрагентов и условий экономического взаимодействия. Обеспечение обратимости требует от доминирующих платформ: предоставление пользователям возможности экспорта их данных в машиночитаемом формате, обеспечения совместимости с конкурирующими сервисами, отказа от практик, искусственно повышающих издержки переключения на альтернативные платформы.
4. Критерий прозрачности. Алгоритмы и системы искусственного интеллекта, используемые для принятия экономических решений, должны быть проверяемыми с точки зрения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. Критерий прозрачности не означает полного раскрытия технологических секретов, но предполагает возможность регуляторного аудита. Этот критерий связан с конституционным принципов правовой определенности, который требует предсказуемости правовых последствий экономической деятельности [5, с.11]. Если алгоритм принимает решения, влияющие на конкуренцию, но является полностью непрозрачным черным ящиком, что создает правовую неопределенность и препятствует эффективной защите конкуренции.

Анализ современных правовых систем показывает, что вопросы цифровой конкуренции становятся предметом активного внимания законодателей и регуляторов. Российская Федерации находится на этапе формирования специального регулирования цифровых рынком, и изучение подходов других юрисдикций может быть полезным для выработки собственных решений.

В настоящее время в российской научной литературе активно обсуждаются различные модели регулирования цифровых платформ [11, с.71]. Некоторые исследователи предлагают применение концепции существенных объектов инфраструктуры к доминирующим платформам, что повлекло бы установление специальных обязанностей по обеспечению доступа. Другие авторы указывают на необходимость развития института превентивного антимонопольного контроля за слияниями в цифровом секторе [13, с.101].

Важным элементом современного подхода к регулированию цифровой конкуренции является концепция специальных обязанностей для системно значимых платформ. Данная концепция основывает на признании того, что крупнейшие цифровые платформы выполняют функции, близкие к публичным, контролируя доступ к рынкам и информации.

В российском правовом дискурсе обсуждается возможность введения категории системно значимых информационных ресурсов, которая могла бы стать основой для установления специальных требований к крупнейшим цифровым платформам. Такой подход соответствовал бы конституционному принципу дифференциации правового регулирования в зависимости от объективных различий в положении субъектов.

На основе проведенного исследования автор формулирует следующие предложения по развитию российского конституционно-правового регулирования цифровой конкуренции:

1. Законодательный уровень. Необходимо дополнить Федеральный закон «О защите конкуренции» специальным разделом, регулирующим конкуренцию на цифровых рынках и основанным на конституционных

принципах. Раздел должен включать: определение категории значимая цифровая платформа на основе количественных критериев, специальные обязанности для значимых цифровых платформ, обеспечивающие соблюдение принципа цифровой добросовестности, механизмы превентивного контроля за слияниями и поглощениями в цифровом секторе с учетом не только текущей доли рынка, но и потенциального влияния на конкуренцию, правила использования алгоритмов и искусственного интеллекта в конкурентной среде.

2. Правоприменительный уровень. ФАС России следует разработать руководство по применению антимонопольного законодательства на цифровых рынках, содержащее разъяснения относительно: критериев определения доминирующего положения на цифровых рынках с учетом сетевых эффектов, оценки антиконкурентных соглашений с использованием алгоритмов, подходов к анализу слияний и поглощений в цифровом секторе.
3. Конституционно-правовой уровень. Автор полагает целесообразным рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации вопросов, связанных с конституционно-правовыми пределами регулирования цифровой экономики. Это может быть осуществлено в рамках рассмотрения конкретных дел или путем дачи официального толкования положений статей 8 и 34 Конституции Российской Федерации применительно к цифровым экономическим отношениям.

Внедрение концепции цифровой добросовестности и предложенных критериев конституционно-правовой оценки цифровых конкурентных практик сопряжено с рядом практических трудностей, которые необходимо учитывать: технологическая сложность, быстрый темп технологических изменений.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Цифровизация экономических отношений создает фундаментальные вызову для конституционного принципа добросовестной конкуренции, требующие концептуального переосмысления традиционных подходов к правовому регулированию. Традиционные конституционно-правовые категории, сформированные для индустриальной экономики, нуждаются в адаптации к условиям цифровой среды.
2. Основные проблемы конституционно-правового характера включают: правовую неопределенность статуса алгоритмов как инструментов конкуренции, конфликт между технологическим доминированием и конституционным принципом равенства, противоречие между использованием больших данных для конкурентных преимуществ и правом на информационное самоопределение. Эти проблемы требуют системного решения на уровне конституционного права.
3. Концепция цифровой безопасности как развития конституционного принципа должна включать требования алгоритмической прозрачности, платформенной нейтральности, соразмерности использования данных и интероперабельности. Данная концепция основывается на конституционных принципах пропорциональности, равенства и правовой определенности.
4. Критерии конституционно-правовой оценки цифровых конкурентных практик – пропорциональности, недискриминация, обратимость и прозрачность – должны обеспечивать баланс между стимулированием инноваций и защитой конкуренции. Эти критерии могут быть применимы как при законотворчестве, так и в правоприменительной практике.
5. Совершенствование российского правового регулирования должно осуществляться на законодательном, правоприменительном и конституционно-правовом уровнях на основе комплексного подхода. Необходимо сочетание нормативного регулирования, институционального развития и совершенствования правоприменительной практики.
6. Практическая реализация предложенных подходов сопряжена с трудностями, связанными с технологической сложностью, быстрым темпом изменений, международным характером цифровых платформ и необходимостью баланса между регулированием и инновациями. Эти трудности могут быть преодолена посредством междисциплинарного подхода и международного сотрудничества.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 Федерального закона «О защите конкуренции»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 5.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке

конституционности пункта 1 части 4 статьи 27 Федерального закона «О персональных данных»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 1.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 4 и статьи 13 Федерального закона «О защите конкуренции»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.

[5] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Кашенкин А.А. Экономические эффекты применения законодательства о конкуренции: проблемы квантификации // Вопросы экономики. 2021. № 6. С. 5-27.

[6] Гаджиев Г.А. Принцип пропорциональности и конкурентное право // Конкуренция и право. 2023. № 1. С. 4-12

[7] Еременко В.И. Правовое регулирование конкуренции на товарных рынках. М.: Статут, 2022. 448 с.

[8] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2018. 592 с.

[9] Кинёв А.Ю., Павлова Н.С. Большие данные как объект конкурентного права // Конкуренция и право. 2023. № 2. С. 15-28.

[10] Паращук С.А. Алгоритмический сговор: вызовы для антимонопольного регулирования // Законодательство и экономика. 2023. № 3. С. 18-31.

[11] Тенишев А.П. Цифровые платформы: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 67-81.

[12] Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2024. 112 с.

[13] Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Цифровые платформы и конкуренция: экономические и правовые аспекты // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 84-105.

[14] ФАС возбудила дело в отношении агрегаторов такси по признакам картеля // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/news/34567 (дата обращения: 15.01.2026).

[15] Обзор правоприменительной практики ФАС России по делам о нарушениях антимонопольного законодательства цифровыми платформами за 2022-2025 годы // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/687542 (дата обращения: 20.01.2026).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.

[2] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2008 No. 10-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph fourteen of Article 3 of the Federal Law “On Protection of Competition” “//Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2008. № 5.

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.10.2017 No. 25-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of part 4 of Article 27 of the Federal Law “On Personal Data” “//Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2018. № 1.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.06.2009 No. 11-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 4 and Article 13 of the Federal Law “On Protection of Competition” “//Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2009. № 4.

[5] Avdasheva S.B., Shastitko A.E., Kashenkin A.A. Economic effects of the application of competition law: problems of quantification//Economic issues. 2021. № 6. S. 5-27.

[6] G.A. Hajiyev. The principle of proportionality and competition law//Competition and law. 2023. № 1. S. 4-12

[7] V.I. Eremenko. Legal regulation of competition in commodity markets. M.: Statute, 2022. 448 p.

[8] Zorkin V.D. Constitutional Court of Russia: doctrine and practice. M.: Norma, 2018. 592 p.

[9] Kinev A.Yu., Pavlova N.S. Big data as an object of competition law//Competition and law. 2023. № 2. S. 15-28.

[10] Paraschuk S.A. Algorithmic collusion: challenges for antitrust regulation//Legislation and economics. 2023. № 3. S. 18-31.

[11] Tenishev A.P. Digital platforms: problems of legal regulation//Journal of Russian Law. 2023. № 4. S. 67-81.

[12] Digital economy: 2024: a short statistical collection/G.I. Abdrakhmanova, S.A. Vasilkovsky, K.O. Vishnevsky and others; Nat. †. University “Higher School of Economics.” M.: HSE, 2024. 112 s.

[13] Shastitko AE, Pavlova NS Digital Platforms and Competition: Economic and Legal Aspects// Economic Issues. 2022. № 5. S. 84-105.

[14] The FAS opened a case against taxi aggregators on the grounds of a cartel//Official website of the FAS Russia. URL: https://fas.gov.ru/news/34567 (access date: 15.01.2026).

[15] Review of law enforcement practice of the FAS Russia in cases of violations of antimonopoly legislation by digital platforms for 2022-2025//Official website of the FAS Russia. URL: https://fas.gov.ru/documents/687542 (access date: 20.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-80-86

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,
младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук,
e-mail: g.patulin@gmail.com

ПРИНЦИП ДОВЕРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ: ТЕОРИЯ И КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. *В статье исследуется место и роль принципа доверия в современном государствоведении как внутреннего механизма обеспечения устойчивости государственного суверенитета. Государственный суверенитет рассматривается не только в традиционном юридическом аспекте (как свойство государственной власти), но и как интегративная характеристика государства, включающая способность к самостоятельному нормативному регулированию, внутренней консолидации общества и воспроизводству общественных отношений. На основе анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается эволюция конституционно-правового содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Особое внимание уделяется государствоведческому измерению принципа доверия: он выступает не только юридическим инструментом защиты прав, но и фундаментальным условием реальной (а не декларативной) реализации государственного суверенитета, обеспечивая добровольное признание власти и снижая необходимость принуждения.*

Ключевые слова: *принцип доверия граждан к закону и действиям государства; государственный суверенитет; государствоведение; Конституционный Суд Российской Федерации; законные ожидания; стабильность правового регулирования; конституционная практика; легитимность государственной власти; правовая определенность; взаимное доверие государства и общества.*

PATIULIN Georgii Sergeevich
Junior Research Fellow at the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

THE PRINCIPLE OF TRUST AND STATE SOVEREIGNTY IN MODERN STATE STUDIES: THEORY AND CONSTITUTIONAL PRACTICE

Annotation. *The article examines the place and role of the principle of trust in modern state studies as an internal mechanism for ensuring the stability of state sovereignty. State sovereignty is considered not only in its traditional legal aspect (as a property of state power), but also as an integrative characteristic of the state, encompassing its capacity for independent normative regulation, internal societal consolidation, and the reproduction of social relations. On the basis of an analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article reveals the evolution of the constitutional and legal content of the principle of maintaining citizens' trust in the law and actions of the state. Particular attention is paid to the state-studies dimension of the principle of trust: it functions not merely as a legal instrument for the protection of rights, but as a fundamental condition for the real (rather than declarative) implementation of state sovereignty, securing the voluntary recognition of authority and reducing the need for coercion.*

Key words: *principle of citizens' trust in the law and actions of the state; state sovereignty; state studies; Constitutional Court of the Russian Federation; legitimate expectations; stability of legal regulation; constitutional practice; legitimacy of state power; legal certainty; mutual trust between the state and society.*

В рамках современного государствоведения государственный суверенитет рассматривается не только как юридическое свойство государственной власти, но как интегративная характеристика государства, отражающая его способность к самостоятельному нормативному регулированию, внутренней консолидации и воспроизводству общественных отношений. В этом контексте принцип доверия приобретает особое значение как внутренний механизм обеспечения устойчивости суверенной государственной организации. С позиций государствоведения принцип доверия выполняет ряд ключевых функций: обеспечивает легитимацию государственной власти; способствует устойчивости правового порядка; формирует предсказуемость государственного управления; выступает фактором внутренней консолидации общества. В совокупности эти функции обеспечивают реализацию государственного суверенитета не только в юридическом, но и в социальном измерении.

Судебная имплементация принципа поддержания доверия граждан закону и действиям государства наиболее развита в России благодаря усилиям Конституционного Суда Российской Федерации (далее - КС РФ, Суд), выступающим основным интерпретатором данного принципа. Суд устанавливает конституционно-правовой смысл норм, обеспечивая их соответствие сформировавшемуся в обществе доверию. С конца 1990-х гг. КС РФ все чаще обращается к категории «доверие» и непосредственно к самому принципу. Более того, была сформулирована позиция, согласно которой государство не может своими действиями подрывать доверие, т.к. это не совместимо «с основами конституционного строя Российской Федерации как правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства» [10]. Поддержание доверия граждан к закону и действиям государства является важнейшим принципом, который активно применяется в практике КС РФ, и который все чаще ложится в основу выносимых им актов.

Наиболее значимой деятельностью КС РФ, направленной на формирование стабильного правового пространства, которое поддерживает доверие граждан к закону и действиям государства, является формулирование правовых позиций, содержащих конституционные принципы. Основной целью этих принципов является реализация прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Конституция РФ закрепляет обязанность государства защищать основные неотчуждаемые права и свободы, принадлежащие каждому от рождения, определяя смысл, содержание и применение законов. Поэтому государство должно обеспечивать, чтобы законодатель при осуществлении своей деятельности соблюдал принципы справедливости, равенства, соразмерности, стабильности и гарантированности прав. Эти принципы образуют единую систему с принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, что является важным аспектом конституционной законодательной деятельности.

Нормативные акты, создаваемые в процессе законодательной деятельности, часто представляют собой результат согласования противоположных интересов. Для этого процесс согласования требует обращения к конституционным принципам, интерпретируемым КС РФ, что ограничивает деятельность законодателя соответствием правомерным ожиданиям граждан. В решениях Суда, касающихся нарушения государством доверия субъектов права, устанавливается правовое содержание института поддержания доверия. Элементы этого института включают:

1. Обеспечение возможности для всех участников правоотношений предвидеть последствия своего поведения.
2. Сохранение уверенности в постоянстве правового статуса и возможности реализации своих субъективных прав.
3. Запрет на произвольные изменения в действующей системе норм, и в случае необходимости таких изменений – установление переходного периода для адаптации.
4. Блокирование возможности придания обратной силы нормам, ухудшающим правовое положение лиц.

КС РФ также сформулировал принципы, обеспечивающие поддержание доверия, включая запрет наделять обратной силой нормы, ухудшающие правовое положение лиц при изменении норм, на основе которых они начали реализацию своих прав и обязанностей.

Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, сформулированный КС РФ и конкретизированный в его решениях, оказывает влияние на законодательный процесс. Он ограничивает законодателя конституционными предписаниями, обязывающими государство действовать в соответствии с правомерными ожиданиями граждан, основанными на положениях Конституции Российской Федерации [2].

Согласно позиции КС РФ, ключевым условием поддержания этого доверия является стабильность правового регулирования и недопустимость произвольных изменений в действующей системе норм. Конституционный Суд сформулировал ряд требований для обеспечения этого условия. Среди них выделяются:

1. Предоставление гражданам разумного переходного периода для адаптации к изменениям в законодательстве.
2. Исключение придания обратной силы законам, ухудшающим положение граждан, что по сути представляет отмену прав, приобретенных в соответствии с ранее действовавшим законодательством.
3. Поддержание законных ожиданий граждан, что приобретенные ими на основе действующего законодательства права будут уважаться властями и реализованы.
4. Обязательное официальное опубликование временно применяемых международных договоров Российской Федерации, которые затрагивают права, свободы и обязанности граждан, перед их непосредственной реализацией на территории России.

Важно отметить, что со временем понимание принципа поддержания доверия закону и действиям государства со стороны КС РФ претерпело эволюционные изменения.

Эволюция рассматриваемого принципа в актах КС РФ началась в 1990-е годы, когда Суд начал ссылаться на него в контексте перехода к рыночной экономике. Так в 1996 г. принцип был использован для оценки налоговых изменений, подчеркивая запрет на нарушение законных ожиданий налогоплательщиков именно в контексте исключения придания обратной силы законам, ухудшающим положение граждан [12].

В 2000-е годы принцип укрепился в социальной сфере. В 2006 г. КС РФ защитил ожидания от приватизации жилья, указав на необходимость поддержания стабильности правового регулирования для обеспечения и поддержания доверия граждан государству [8]. В 2010 г. КС РФ указал на то, что действия властей, направленные на восполнение потерь от действий публичной власти, на практике реализуют принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путем восстановления их нарушенных прав [9].

2010-е годы отметились расширением действия принципа на экономику. В 2020-е годы, в результате конституционной реформы 2020 г., принцип поддержания доверия интегрирован в ст. 75.1 и ст.75.5 Конституции РФ (в контексте социальных гарантий). В Постановлении от 26.03.2024 № 12-П КС РФ подчеркнул значимость его учета при принятии административных решений [13].

Прослеженная эволюция содержания принципа поддержания доверия к закону и действиям государства и статистика частоты обращения к нему подтверждают переход от эпизодического применения принципа к его восприятию в качестве системного критерия вынесения решений.

Доверие граждан к различным государственным и общественным институтам также является важным аспектом принципа доверия. Этот аспект можно проиллюстрировать правовыми позициями Конституционного Суда РФ относительно доверия граждан к судам, судьям и кредитно-банковской системе.

КС РФ указывает, что в демократическом обществе участники судебного разбирательства должны испытывать доверие к суду. Это доверие, основанное на конституционных принципах независимости и самостоятельности судебной власти, может быть поставлено под сомнение только на основании достоверных и обоснованных доказательств. Личная беспристрастность судьи должна презюмироваться, пока не доказано обратное. Доверие к судам и государству в целом подрывается неисполнением или ненадлежащим исполнением судебных решений, обязательность которых имеет конституционно-правовое основание. КС РФ обращает внимание на необходимость исполнения своих решений.

Доверие к компетентности, независимости и беспристрастности судей обуславливает регулирование, согласно которому конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод. Общество и государство, предъявляя к судье высокие требования, обязаны обеспечивать ему дополнительные гарантии для надлежащего осуществления правосудия, включая предоставление особого статуса судьи в отставке.

Так, рассмотрев вопрос о конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» [18] и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» [17] в связи с жалобами граждан, КС РФ акцентировал внимание на важности поддержания доверия граждан к кредитно-банковской системе. Суд подчеркнул, что из Конституции, гарантирующей охрану прав граждан, в том числе закрепленных статьей 35 (часть 1), вытекает обязанность государства обеспечивать защиту прав конкретного собственника. Вкладчик, размещая свои денежные средства во вкладах, несет определенный риск, что делает его действия значимыми не только в личном, но и в публичном контексте, поскольку сбережения населения являются устойчивым источником ресурсной базы, необходимой для инвестиций и долгосрочного кредитования.

Для достижения этих целей предназначено создание системы гарантирования вкладов физических лиц. Эта система нацелена на формирование механизмов защиты вкладчиков при разме-

щении их сбережений в кредитных организациях. Она также отвечает потребностям банковской системы, способствуя восстановлению доверия к ней и привлечению дополнительных вкладов населения, что должно обеспечиваться посредством специального правового регулирования [3].

Проведенный анализ практики КС РФ позволяет говорить о следующих сферах реализации принципа поддержания доверия[1].

Чаще всего КС РФ интерпретирует рассматриваемый принцип как стабильность законодательной и правовой политики, используя концепцию защиты законных ожиданий и недопустимости отмены приобретенных прав [19]. Так, в одном из первых дел, в которых этот принцип был прямо сформулирован, он был применен в отношении приобретенных, но не реализованных прав [11]. Принцип чаще используется в делах о социальных выплатах, таких как пенсии и пособия [7].

В практике КС РФ принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства также используется как средство аргументации при оценке дискреционных полномочий органов публичной власти при издании или внесении изменений в нормативные акты, предполагая предсказуемость и стабильность регулирования. Основная практика связана с проверкой конституционности актов, изменяющих права и льготы, но потенциал принципа защиты доверия не полностью раскрыт, с усеченным пониманием, сводимым к качеству нормы закона [1, с. 137].

Практика КС РФ способствует нормативно-интерпретационной конституционализации принципа защиты доверия, и благодаря этому он воспринят Верховным Судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции. В отечественной практике можно выделить два способа осуществления рецепции: использование правовых позиций КС РФ, в которых упоминается принцип, и формулировка принципа судами без ссылок на КС РФ, как в пунктах 17 и 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21, в последнем, в частности, прослеживается восприятие теории благоприятствующих и неблагоприятствующих административных актов, подчеркивающей недопустимость произвольных изменений решений [14]. Так, Четвертый арбитражный суд апелляционной инстанции сослался на статью 75.1 Конституции РФ, придя к выводу о необходимости соблюдения принципов правовой определенности и законности для поддержания доверия хозяйствующих субъектов [15]. Можно выделить категорию споров, в которых суды используют принцип защиты доверия, указывая на наличие или отсутствие правомерных ожиданий у невластных субъектов.

При осуществлении правоприменительной деятельности сложно опираться на принцип без его позитивного закрепления. Судья может ссылаться на него исходя из правосознания или дискреции, но закрепление сделало бы использование принципа обязательным (и не только для судей), обеспечивая единообразную судебную практику как реализацию принципа равенства и равного доступа к правосудию [16, с. 31]. Формальное текстовое закрепление принципа необходимо для обеспечения единообразия, нормативности, обязательности и равного отношения, поэтому ему требуются свои формально закрепленные текст и пояснение [4].

Принцип защиты доверия обеспечивает стабильность и предсказуемость решений органов публичной администрации в отношениях с невластными субъектами.

Как было отмечено, часто КС РФ под принципом доверия к закону и действиям органов государственной власти понимает стабильность законодательной, а в широком смысле – правовой политики. Как правило, КС РФ использует сформулированную им концепцию о защите «законных ожиданий» и недопустимости отмены приобретенных прав [19, с. 76-84].

Так в одном из первых дел, в котором КС РФ применил данный принцип, речь шла о внесении изменений в Федеральный закон от 25.07.1998 № 131-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (в настоящее время утратил силу) [11].

Таким образом КС РФ в своей практике связывает принцип доверия прежде всего со стабильностью правовой политики и недопустимостью произвольного изменения законодательства. В государствоведческом аспекте данное положение отражает более глубокую закономерность: стабильность правового регулирования является необходимым условием устойчивости государственной системы и, следовательно, реализации государственного суверенитета. Концепция «законных ожиданий», используемая Конституционным Судом, по своей сути направлена на обеспечение предсказуемости поведения государства. В государствоведческом измерении это означает институционализацию доверия как элемента публичной власти, без которого невозможно устойчивое функционирование суверенного государства.

Принцип поддержания доверия к действиям законодателя чаще всего использовался Консти-

[1] Следует особо отметить, что, несмотря на заметное количество обращений к принципу поддержания доверия, он, обнаруживая себя в мотивировочной части решений, практически не фигурирует ни в резолютивной их части, ни в описательной (в которой обратившееся лицо указывает юридическое основание обращения).

туционным Судом в делах, касающихся изменения условий и порядка различных социальных выплат: пенсий, пособий и т.п. [7].

Основная практика, в которой КС РФ применяет указанный принцип, связана с проверкой конституционности нормативных правовых актов, которыми устанавливается, изменяется либо отменяется порядок реализации прав и обязанностей, льгот и мер поддержки, предоставляемых невластным субъектам. Однако в практике конституционного правосудия потенциал принципа защиты доверия в полной мере не раскрыт, на что обращается внимание в науке административного права. Практика КС РФ пока демонстрирует усеченное понимание принципа защиты доверия, сводимого преимущественно к качеству нормы закона, свидетельствует о недостаточном учете его государствоведческого потенциала. Между тем данный принцип имеет более широкое значение, выступая элементом институциональной устойчивости государства и фактором обеспечения его суверенитета.

Однако именно посредством практики КС РФ происходит нормативно-интерпретационная конституционализация принципа защиты доверия в отечественной правовой системе. Во многом благодаря практике органа конституционного правосудия принцип защиты доверия был воспринят Верховным Судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции [5].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что до недавнего времени КС РФ тщательно аргументировал применение и значимость принципа поддержания доверия относительно социальных прав граждан прав, и гораздо реже обращался к нему при рассмотрении вопросов, касающихся политических прав правах (и чаще делал это весьма формально). Однако в решениях, принимаемых со второй половины 2010-х гг. КС РФ, рассматривая вопросы о возможных ограничениях прав и свобод человека и гражданина, и о возможных пределах таких ограничений, все чаще обосновывает свои позиции с помощью данного принципа. Это предопределяет, что деятельность органов государственной власти должна базироваться на оказываемом им гражданами доверии и оправдывать его, доверять им, равно как и гражданам следует руководствоваться тем положением, что действия государства направлены на поддержание доверия общества к нему путем защиты прав и свобод человека и гражданина, а также базовых конституционных ценностей общества. Наблюдаемая в практике КС РФ трансформация принципа доверия в сторону взаимности (доверие граждан к государству и государства к гражданам) отражает развитие современной модели государственности, основанной на взаимодействии власти и общества. В государствоведческом аспекте это свидетельствует о переходе от одностороннего понимания суверенитета к его социально обусловленной модели.

В современном государствоведении государственный суверенитет не может рассматриваться изолированно от социального контекста его реализации. Его устойчивость определяется не только юридическими механизмами, но и уровнем доверия общества к государственной власти. В этом смысле принцип доверия выступает внутренним основанием суверенитета, обеспечивая его реальное, а не декларативное существование. Анализ практики КС РФ позволяет сделать вывод о том, что принцип доверия выходит за рамки частного юридического инструмента и приобретает системное значение. В государствоведческом измерении он выступает механизмом поддержания государственного суверенитета, обеспечивая добровольное признание публичной власти и снижая необходимость применения принуждения. Таким образом, принцип доверия в современном государствоведении следует рассматривать как элемент, обеспечивающий устойчивость государственного суверенитета. Он выполняет не только юридическую, но и социальную функцию, формируя основу легитимности государственной власти. Проанализированная практика КС РФ свидетельствует о постепенной институционализации данного принципа, что позволяет рассматривать его как один из ключевых механизмов взаимодействия государства и общества. В конечном счете устойчивость суверенного государства определяется не только объемом его властных полномочий, но и степенью доверия к нему со стороны граждан, что делает принцип доверия фундаментальной категорией современного государствоведения. Активизация исследований, предметом которых являлись бы указанные отношения, на наш взгляд, была бы весьма полезна для установления конструктивного диалога между государством, в лице его органов власти и должностных лиц, и институтами гражданского общества [6].

Список литературы:

[1] Васильева, А.Ф. Неосновательное обогащение как новая конструкция публичного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 9. – С. 127–141.

[2] Виноградова, Е.В. Влияние конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на законодательный процесс // Юридическая техника. – 2020. –№ 14. – С. 117–119.

[3] Кокотов, А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 5 (102). – С. 97–108.

[4] Нарутто, С.В., Никитина, А.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 13–18.

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.03.2018 № 308-КГ17-14457 (по делу № А53-18839/2016) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71793288/ (дата обращения 04.02.2026).

[6] Патюлин Г.С. Гражданское общество и власть в Российской Федерации: начало диалога? // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 6–13.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2009 N 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатовского городского суда Курской области и жалобами граждан А.В. Жестикова и П.У. Мягчило». // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5866.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобами граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой». // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2876.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество” в связи с жалобой гражданина А.А. Дудко». // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 154.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скибы и В.М. Ширяева». // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 N 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой». // СЗ РФ 2001, N 22, ст. 2276.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 N 17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»». // СЗ РФ. 1996. N 45. Ст. 5202.

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2024 N 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко». // СЗ РФ. 2024. N 14. Ст. 1957.

[14] Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 21 // Российская газета. 2022. № 149.

[15] Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2021 № 04АП-6397/2021 по делу № А19-1818/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/21e0b30b-b8d6-4611-b386-c09ab4f3a183/2a625d17-efdf-4a80-aa79-91c06448c7a7/A19-1818-2021_20211221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 04.02.2026).

[16] Степкин, С.П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 10 (155). – С. 30–44.

[17] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» от 25.02.1999 N 40-ФЗ // СЗ РФ. 2002. N 43. Ст. 4190.

[18] Федеральный закон от 8 июля 1999 г. N 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» // СЗ РФ. 1999. N 28. Ст. 3477.

[19] Ядрихинский, С.А. Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 4. – С. 76–84.

References:

[1] Vasil’eva, A.F. Neosnovatel’noe obogashchenie kak novaia konstruktsiia publichnogo prava [Unjustified Enrichment as a New Public-Law Construction] // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]. – 2020. – № 9. – P. 127–141. (In Russ.).

[2] Vinogradova, E.V. Vliianie konstitutsionnogo printsipa podderzhaniia doveriia grazhdan k zakonu i deistviiam gosudarstva na zakonodatel’nyi protsess [he Influence of the Constitutional Principle of Maintaining Citizens’ Trust in the Law and Actions of the State on the Legislative Process] // Iuridicheskaia tekhnika [Legal Technique]. – 2020. –№ 14. – P. 117–119. (In Russ.).

[3] Kokotov, A.N. Konstitutsionnyi printsip doveriia v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossi-

iskoi Federatsii [The Constitutional Principle of Trust in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation] // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]. – 2014. – № 5 (102). – P. 97–108. (In Russ.).

[4] Narutto, S.V., Nikitina, A.V. Konstitutsionnyi printsip doveriia v sovremennom rossiiskom obshchestve [The Constitutional Principle of Trust in the Modern Russian Society] // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo [Constitutional and Municipal Law]. – 2022. – № 7. – P. 13–18. (In Russ.).

[5] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.03.2018 № 308-KG17-14457 (Case № A53-18839/2016) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71793288/ (Accessed: 04.02.2026).

[6] Patiulin G.S. Grazhdanskoe obshchestvo i vlast' v Rossiiskoi Federatsii: nachalo dialoga? [Civil Society and Authority in Russia: the Beginning of a Dialogue?] // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. – 2012. – № 2. – P. 6–13. (In Russ.).

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 17-P dated 10.11.2009 "On the case of Checking the Constitutionality of Paragraph 2 of the first Part of Article 14 and paragraph 1 of the First Part of Article 15 of the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster" (as amended by Federal Law № 122 of August 22, 2004FZ) in connection with the request of the Kurchatov City Court of the Kursk region and the complaints of citizens A.V. Gestikov and P.U. Myagchilo." // SZ RF. 2009. № 48. Art. 5866.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/15/2006 № 6-P "On the case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Subparagraph 1 of Paragraph 2 of Article 2 of the Federal Law "On the Enactment of the Housing Code of the Russian Federation" and Part One of Article 4 of the Law of the Russian Federation "On the Privatization of Housing Stock in the Russian Federation" in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaints of citizens M.S. Orlov, H.F. Orlov and Z.H. Orlova." // SZ RF. 2006. № 26. Art. 2876.

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 20, 2010 № 21-P "On the case of checking the Constitutionality of the first Part of Article 2 of the Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the Improvement of the Foreclosure Procedure for Mortgaged Property" in connection with the complaint of citizen A.A. Dudko." // SZ RF. 2011. № 1. Art. 154.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/21/2003 № 6-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Skiba and V.M. Shiryaev." // SZ RF. 2003. № 17. Art. 1657.

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/24/2001 № 8-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of the first part of Article 1 and Article 2 of the Federal Law "On Housing Subsidies to Citizens Leaving the Far North and equivalent areas" in connection with the complaints of citizens A.S. Stakh and G.I. Khvalova." // SZ RF. 2001. № 22. Art. 2276.

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.10.1996 № 17-P "In the case of checking the constitutionality of the first part of Article 2 of the Federal Law of March 7, 1996 "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Excise Taxes". // SZ RF. 1996. № 45. Art. 5202.

[13] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/26/2024 N 12-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 1224 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Statsenko." // NW RF. 2024. № 14. Art. 1957.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2022 № 21 // Rossiyskaya gazeta. 2022. № 149.

[15] Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal dated December 21, 2021 № 04AP-6397/2021 in case № A19-1818/202// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/21e0b30b-b8d6-4611-b386-c09ab4f3a183/2a625d17-efdf-4a80-aa79-91c06448c7a7/A19-1818-2021_20211221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Accessed: 04.02.2026).

[16] Stepkin, S.P. Doktrina «doverie» v sovremennom konstitutsionnom prave: vozniknovenie, perspektivy ee razvitiia i otsenki [The Doctrine of «Trust» in Modern Constitutional Law: Emergence, Prospects for Development and Evaluation] // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Current Issues of Russian Law]. – 2023. – T. 18, № 10 (155). – P. 30–44. (In Russ.).

[17] Federal Law "On the insolvency (bankruptcy) of credit institutions" dated 02/25/1999 N 40-FZ // SZ RF. 2002. N 43. Art. 4190.

[18] Federal Law № 144-FZ of July 8, 1999 "On the Restructuring of Credit institutions" // SZ RF. N 28. Art. 3477.

[19] Iadrikhinskii, S.A. Doktrina zakonnykh ozhidanii v nalogovykh otnosheniiakh [The Doctrine of Legitimate Expectations in Tax Relations] // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii [Russian Journal of Legal Studies]. – 2018. – № 4. – P. 76–84. (In Russ.).

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-87-93

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета;
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
ФГБОУ ВО Уральского государственного экономического университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук,
доцент, заведующая кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ktekaterina@rambler.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: uprkadr@mail.ru

НЕОБХОДИМОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АПК

Аннотация. *Преобразования, осуществляемые в отечественной экономике, направлены на формирование эффективной экономической системы. В данном аспекте особо актуальным является вопрос создания системы бюджетирования на микроуровне, то есть на уровне деятельности отечественных предприятий.*

Агропромышленный комплекс (АПК) является одной из ключевых отраслей российской экономики, обеспечивающей продовольственную безопасность страны и формирующую значительную часть валового регионального продукта во многих субъектах РФ. Однако, несмотря на свою стратегическую важность, многие сельскохозяйственные предприятия, особенно

малые и средние, продолжают функционировать в условиях низкой финансовой дисциплины, опираясь на интуитивные решения и устаревшие методы планирования. Внедрение современной системы бюджетирования — это не просто инструмент финансового контроля, а необходимое условие для повышения устойчивости, прозрачности и конкурентоспособности предприятий АПК.

Цель исследования – на основе анализа современного состояния и перспектив развития аграрной отрасли сформировать концепцию создания системы бюджетирования на предприятиях АПК.

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс, бюджетирование, планирование, бюджет, денежные средства, ликвидность, доходы, расходы.*

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University;
Associate Professor, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

THE NEED TO IMPLEMENT BUDGETING AT AGRICULTURAL ENTERPRISE

Annotation. *Transformations carried out in the domestic economy are aimed at forming an effective economic system. In this aspect, the issue of creating a budgeting system at the micro level, that is, at the level of activities of domestic enterprises, is especially relevant.*

The agro-industrial complex (AIC) is one of the key sectors of the Russian economy, which ensures the country's food security and forms a significant part of the gross regional product in many constituent entities of the Russian Federation. However, despite their strategic importance, many agricultural enterprises, especially small and medium-sized ones, continue to operate in conditions of low financial discipline, relying on intuitive solutions and outdated planning methods. The

introduction of a modern budgeting system is not just an instrument of financial control, but a necessary condition for increasing the stability, transparency and competitiveness of agricultural enterprises.

The purpose of the study is to form a concept for creating a budgeting system at agricultural enterprises based on an analysis of the current state and prospects for the development of the agricultural industry.

Key words: *agro-industrial complex, budgeting, planning, budget, cash, liquidity, income, expenses.*

Одна из важнейших задач руководителя любого предприятия — с максимальной отдачей использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Для этого необходима информация о наличии таких ресурсов. Детализация стратегического плана деятельности предприятия осуществляется с помощью бюджетирования, которое определяет краткосрочные задачи в пределах общей стратегии [2].

Бюджетирование — это процесс планирования, учёта, анализа и контроля всех доходов и расходов предприятия в разрезе статей, центров ответственности и временных периодов (обычно помесячно или поквартально). Установлено, что в научной отечественной и зарубежной литературе бюджетирование изучается и выстраивается как система или как процесс [1].

Планирование и бюджетирование отличаются уровнем детализации и целями. Эти понятия часто ошибочно используются как синонимы, но у них есть различия.

Планирование — это общее стратегическое направление, в рамках которого формулируются цели, определяются ключевые показатели эффективности (KPI) и разрабатывается последовательность действий для достижения поставленных задач. Некоторые особенности планирования:

Включает анализ рыночной конъюнктуры, оценку внутренних возможностей компании и разработку комплексной стратегии развития.

Задаёт общий вектор развития бизнеса и служит основой для принятия управленческих решений на всех уровнях организации.

Может быть стратегическим и долгосрочным (например, выход на новый рынок, запуск крупного продукта).

Бюджетирование — это процесс, на котором стратегические цели, сформулированные в ходе планирования, переводятся в конкретные финансовые показатели. Некоторые особенности бюджетирования:

Включает разработку смет расходов, распределение бюджета по различным направлениям деятельности и контроль за исполнением этих планов.

Позволяет оценивать, как именно будут расходоваться финансовые ресурсы, и оперативно корректировать денежные потоки при необходимости.

Бюджет составляется на конкретный период, чаще всего год [3].

Таким образом, роль планирования — задать направление, а бюджетирования — построить детальную карту движения к цели.

Деятельность сельскохозяйственных предприятий имеет ряд особенностей, которые делают управление ими сложной задачей:

Сезонность производства: Основные затраты (посевная кампания, закупка кормов) и поступления (реализация урожая, продукции животноводства) сосредоточены в определённые периоды года, что создаёт значительные колебания денежных потоков [5].

Высокая зависимость от внешних факторов: Урожайность и продуктивность животных напрямую зависят от погодных условий, эпизоотической ситуации, что вносит существенную неопределённость в планирование [6].

Длительный производственный цикл: От посева до реализации зерновых культур проходит 4–6 месяцев, а в животноводстве цикл может составлять годы. Это требует долгосрочного планирования и управления запасами.

Значительная доля переменных затрат: Расходы на семена, удобрения, средства защиты растений, корма, ГСМ составляют большую часть себестоимости и подвержены рыночным колебаниям.

Необходимость постоянных инвестиций: Поддержание и обновление парка техники, модернизация животноводческих комплексов требуют значительных капитальных вложений.

Эти особенности делают классическое годовое планирование недостаточным. Требуется гибкий, детализированный и оперативный инструмент управления, который позволяет адаптироваться к меняющимся условиям и принимать своевременные управленческие решения [4].

Внедрение бюджетирования на предприятиях АПК решает несколько критически важных задач, представленных в *таблице1.*

Таблица 1.

Задача бюджетирования	Результат
Повышение финансовой устойчивости и ликвидности	Бюджет движения денежных средств (БДДС) позволяет заранее спрогнозировать «кассовые разрывы» и принять меры: оформить краткосрочный кредит, скорректировать график закупок или найти дополнительные источники финансирования, что позволит избежать нехватки денежных средств в сезон.
Контроль затрат и роста себестоимости	Бюджет затрат по культурам или видам продукции позволяет точно отслеживать фактические расходы и их отклонение от плановых, что позволит руководству оперативно выявлять статьи, где расходы превышают нормативы (например, перерасход ГСМ или удобрений), и принимать управленческие решения по снижению себестоимостих[7]
Обоснованное принятие управленческих решений.	Бюджетирование предоставляет руководству достоверную информацию. Например, при имеющихся двух альтернативных вариантах производства бюджетирование позволяет определить их влияние на будущую себестоимость и принять соответствующее решение.
Делегирование ответственности и мотивация персонала.	Бюджеты разрабатываются для каждого центра ответственности (растениеводческое подразделение, механизаторы, животноводческая ферма). Это чётко распределяет ответственность за результат и мотивирует работников на достижение наилучших показателей.
Повышение прозрачности для контрагентов.	Наличие внедренной системы бюджетирования демонстрирует профессиональный подход к управлению, что значительно повышает доверие со стороны банков при получении кредитов и инвесторов при привлечении капитала.

В условиях высокой волатильности цен на сырьё и продукцию, зависимости от климатических факторов и жёсткой конкуренции на внутреннем и внешнем рынках, традиционные подходы к управлению становятся неэффективными.

Для успешного внедрения бюджетирования на предприятии АПК следует придерживаться следующего алгоритма:

1. Первым шагом должно стать внедрение бюджета движения денежных средств. Он решает самую острую проблему — управление ликвидностью.

2. Обеспечение поддержки руководства: Без личной заинтересованности и участия собственника или генерального директора проект обречён на провал.

3. Обучение для ключевых сотрудников (финансистов, агрономов, главных инженеров) основам бюджетирования и управленческого учёта.

4. Использование специализированные IT-решений: Внедрение ERP-системы или даже специализированного модуля бюджетирования значительно упрощает сбор данных, расчёты и анализ.

Не нужно пытаться сразу создать идеальную модель. Можно начать с базовых бюджетов (доходов, расходов, ДДС) и постепенно усложнять систему, добавляя бюджеты по культурам, фермам, инвестициям.

Важно регулярно анализировать отклонения. Главная ценность бюджетирования — не в самом плане, а в анализе причин отклонений факта от плана и принятии мер по их устранению.

Примерная структура бюджета движения денежных средств представлена в *таблице 2.*

Таблица 2. Фрагмент БДДС аграрного предприятия.

Доходы плюс субсидии	отрасль	Факт текущего гола	План будущего года
Субсидии			
Доходы всего			

Доходы от реализации продукции животноводства			
Молоко	жив		
Коровы - основные средства	жив		
Доходы от реализации продукции растениеводства			
Рапс	раст		
Пшеница	раст		
Семена пшеницы	раст		
Доходы от сада			
Ягоды	раст		
Фрукты	раст		
Прочие поступления			
Аренда хранилища (НИР)	раст		
Транспортные услуги	раст		
Субсидии			
в т.ч. Молоко	жив		
Содержание плем.скота	жив		
Субсидия на приобретение техники	раст		
Расходы всего			
Оплата труда	штат		
Платежи по обязательным страховым взносам	штат		
Уплата налогов, сборов и иных платежей	общ		
Расходы на закупку товаров, работ, услуг	общ		
- услуги связи и интернет	общ		
- транспортные услуги	общ		
- коммунальные услуги	общ		
- услуги аренды	общ		
Расходы на содержание имущества			
- ТО тракторов	раст		
- Аварийное и техническое обслуживание ОПО	энерг		
прочие работы, услуги	общ		
Услуги СЭС	жив		
Страхование			
- Страхование ОСАГО	раст		
-Страхование ОПО	энерг		
Приобретение основных средств			

Приобретение материальных запасов			
- ГСМ	раст		
- Запчасти	раст		
- Семена	раст		
- Удобрения	раст		
- Корма	жив		
- Ветпрепараты	жив		
Госпошлина	общ		
Прочие	общ		
Финансовый результат			

Тем не менее, существую проблемы и барьеры внедрения бюджетирования в АПК. Несмотря на очевидные преимущества, многие предприятия сталкиваются с трудностями при внедрении бюджетирования:

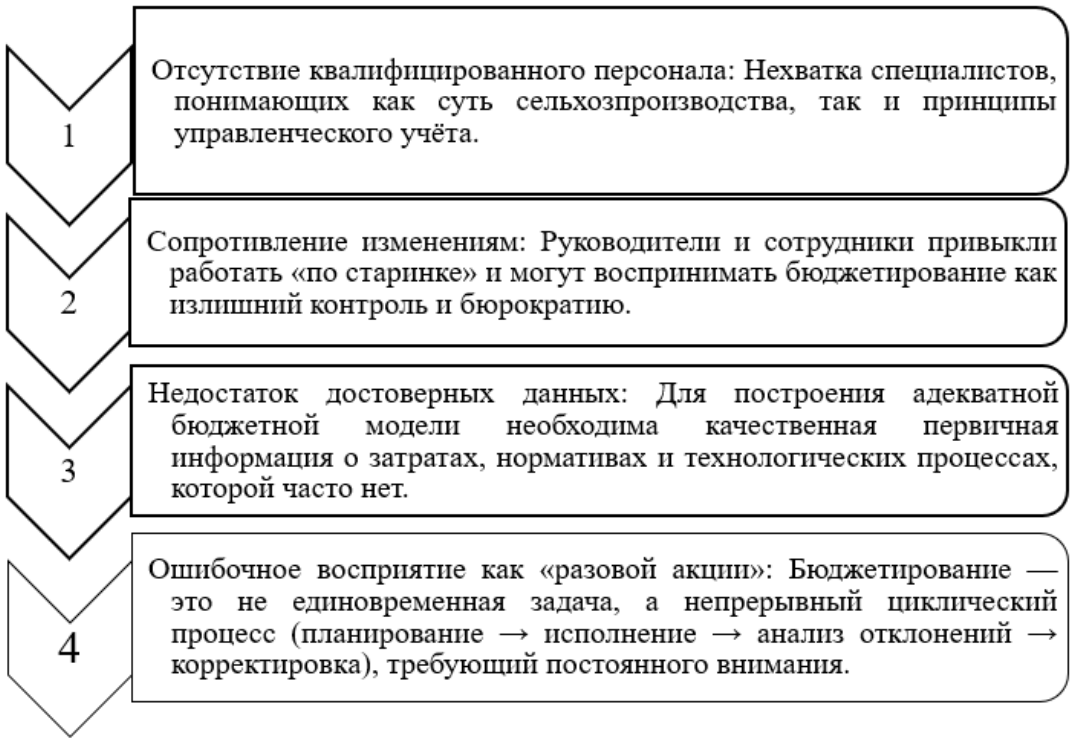

Рисунок 1. Проблемы внедрения бюджетирования на предприятиях АПК.

Заключение

В современных экономических условиях бюджетирование перестаёт быть прерогативой крупных холдингов и становится жизненно необходимым инструментом для любого предприятия АПК, стремящегося к устойчивому развитию и прибыльности. Оно позволяет перевести управление из области догадок и интуиции в плоскость точных расчётов и обоснованных решений. Внедрение бюджетирования — это инвестиция в будущее предприятия, которая окупается за счёт снижения издержек, оптимизации денежных потоков и повышения общей эффективности хозяйственной деятельности. В условиях глобальной конкуренции и вызовов продовольственной безопасности, предприятия АПК, освоившие этот инструмент, получат значительное конкурентное преимущество.

Список литературы:

[1] Акулович К. Бюджетирование в АПК: цели, задачи, функции / К. Акулович // Конкурентоспособность и эффективность АПК в контексте оптимизации материально-технического и финансового обеспечения : материалы XV Международной научно-практической конференции, Минск, 13–14 октября 2022 года. – Минск: Республиканское научное унитарное предприятие «Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси», 2023. – С. 15-16.

[2] Осипов В. И. Бюджетирование деятельности сельскохозяйственных предприятий / В. И. Осипов, В. М. Нарватова, Т. В. Мирошкина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 21 (80). — С. 93-95.

[3] Семина Л.А. Бюджетирование как инструмент устойчивого развития организаций АПК / Л. А. Семина, И. В. Ковалева, П. А. Неверов [и др.] // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 11(172). – С. 556-560.

[4] Стахеева Л.М. Формирование бюджета производства (производственной программы) / Л. М. Стахеева, Е. В. Зарубина, Л. В. Кошеленко [и др.] // Международный научный вестник. – 2025. – № 10. – С. 169-176.

[5] Тимофеев В. И. Финансовое планирование и бюджетирование в организациях АПК : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.04.02 Менеджмент / В. И. Тимофеев. – Улан-Удэ : Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, 2021. – 98 с.

[6] Официальный сайт: Министерство агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области URL: https://mcxso.midural.ru/ (дата обращения: 05.06.2026).

[7] АПК готовят к росту через снижение издержек // Российская газета. URL: https://rg.ru/2026/05/29/apk-gotoviat-k-rostu-cherez-snizhenie-izderzhek.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 05.06.2026).

References:

[1] Akulovich K. Budgeting in the agro-industrial complex: goals, objectives, functions / K. Akulovich // Competitiveness and efficiency of the agro-industrial complex in the context of optimization of material, technical and financial support: materials of the XV International scientific and practical conference, Minsk, October 13-14, 2022. - Minsk: Republican Scientific Unitary Enterprise “Institute for System Research in the Agro-Industrial Complex of the National Academy of Sciences of Belarus”, 2023. - Pp. 15-16.

[2] Osipov V. I. Budgeting of the activities of agricultural enterprises / V. I. Osipov, V. M. Narvatova, T. V. Miroshkina. - Text: direct // Young scientist. - 2014. - No. 21 (80). - Pp. 93-95.

[3] Semina L.A. Budgeting as a Tool for Sustainable Development of Agricultural Organizations / L. A. Semina, I. V. Kovaleva, P. A. Neverov [et al.] // Economy and Entrepreneurship. - 2024. - No. 11 (172). - P. 556-560.

[4] Stakheeva L. M. Formation of the Production Budget (Production Program) / L. M. Stakheeva, E. V. Zarubina, L. V. Koshelenko [et al.] // International Scientific Bulletin. - 2025. - No. 10. - P. 169-176.

[5] Timofeev V. I. Financial Planning and Budgeting in Agricultural Organizations: A Study Guide for Students in the Field of Training 38.04.02 Management / V. I. Timofeev. – Ulan-Ude: Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov, 2021. – 98 p.

[6] Official website: Ministry of Agro-Industrial Complex and Consumer Market of the Sverdlovsk Region URL: https://mcxso.midural.ru/ (date of access: 05.06.2026).

[7] The agro-industrial complex is being prepared for growth through cost reduction // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2026/05/29/apk-gotoviat-k-rostu-cherez-snizhenie-izderzhek.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of access: 05.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-94-96

БЛИНОВ Антон Евгеньевич,
студент 2-го курса магистратуры
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: anblinov@mail.ru

БАНКОВСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ БАНКОВСКИХ ГРУПП И ХОЛДИНГОВ: ОСОБЕННОСТИ И ПРАВОВЫЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. *Цель исследования. В статье анализируется правовое регулирование банковского надзора за деятельностью банковских групп и холдингов в условиях современной консолидации финансового сектора. В ходе исследования проведен комплексный анализ нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность банковских групп и холдингов, изучены особенности механизма банковского надзора, выявлены ключевые проблемы в сфере его осуществления. Особое внимание уделяется исследованию временных несоответствий между фактическим образованием объединений и началом осуществления Банком России надзорных функций. Вывод. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования осуществления надзора за деятельностью банковских групп и холдингов.*

Ключевые слова: *банковская группа, банковский холдинг, банковский надзор, Центральный банк Российской Федерации (Банк России).*

BLINOV Anton Evgenyevich,
2st year Master's student of the Faculty of Law
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

BANKING SUPERVISION OF THE ACTIVITIES OF BANKING GROUPS AND HOLDINGS: FEATURES AND LEGAL UNCERTAINTIES

Annotation. *The purpose of the study. The article analyzes the legal regulation of banking supervision over the activities of banking groups and holdings in the context of modern consolidation of the financial sector. In the course of the study, a comprehensive analysis of the regulatory framework governing the activities of banking groups and holdings was carried out, the features of the banking supervision mechanism were studied, and key problems in its implementation were identified. Special attention is paid to the study of temporal discrepancies between the actual formation of associations and the beginning of the Bank of Russia's supervisory functions. Conclusion. The results of the study indicate the need to improve the legal regulation of supervision over the activities of banking groups and holdings.*

Key words: *banking group, bank holding company, banking supervision, Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia).*

Укрупнение банковских организаций и проникновение их капиталов в несвязанные напрямую с финансами сферы экономики не может не привлекать внимание государства. При этом в настоящее время также наблюдается зеркальная тенденция развития корпоративного сектора – когда крупные нефинансовые организации начинают участвовать в капиталах банков. В обоих случаях подобная интеграция приводит к аккумулированию ресурсов финансового и нефинансового секторов экономики, одновременно укрепляя их и делая более чувствительными к неудачам друг друга. Современный банковский сектор характеризуется высокой степенью консолидации: банковские группы и холдинги формируют сложные структуры с разветвлённой

сетью дочерних и аффилированных организаций. Это создаёт специфические риски – от трансграничных операций до внутригрупповых сделок, искажающих реальную финансовую устойчивость. В этих условиях банковский надзор за деятельностью банковских групп и банковских холдингов выступает ключевым инструментом обеспечения стабильности финансовой системы.

С учетом продолжающейся быстроразвивающейся интеграции финансовых и нефинансовых секторов экономики возможно предположить, что текущее правовое регулирование надзора за деятельностью банковских холдингов и банковских групп в должной мере не отвечает на проблемы, складывающиеся в правоприменительной практике, и нуждается в корректировке.

Важным элементом механизма правового регулирования является правоприменение, то есть применение права уполномоченным лицом с определенной целью и в регламентированной последовательности. В публичных правоотношениях правоприменение нередко ассоциируется с понятиями «контроль» и «надзор».

Федеральный закон от 10 июня 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон № 86-ФЗ) наделяет Банк России широким спектром полномочий в отношении участников финансового рынка. Глава X закона отведена банковскому регулированию и банковскому надзору и закрепляет объем полномочий Банка России в отношении кредитных организаций. Согласно статье 56 Закона № 86-ФЗ Центральный банк Российской Федерации осуществляет надзор на постоянной основе за соблюдением кредитными организациями, филиалами иностранных банков и банковскими группами обязательных требований и (или) установленных предельных значений обязательных нормативов. Банковский надзор осуществляется в целях поддержания стабильности банковской системы, а также защиты прав кредиторов.

Банковскому надзору как правовому процессу предшествует образование субъекта права, в отношении которого указанный надзор должен осуществляться. При этом сроки возникновения субъектов права зависят от их правового статуса. Банковские холдинги и банковские группы образуются и, как следствие, приобретают правоспособность с момента начала соответствия объединения юридических лиц предусмотренным банковским законодательством признакам существования банковских холдингов и банковских групп (В соответствии с статьей 4 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности»). Закон обязывает головные организации банковских холдингов и головные кредитные организации банковских групп уведомлять Банк России о возникновении соответствующих объединений. Но как самостоятельно определить момент начала соответствия объединений юридических лиц признакам банковских холдингов и банковских групп? Исходя из предусмотренных законом признаков банковских холдингов и банковских групп и порядку их установления это возможно сделать на основании данных отчетности их участников. Рассмотрим частный случай установления момента признания образования банковского холдинга. На основании промежуточной отчетности за девять месяцев 2020 года на первое октября 2020 года доля банковской деятельности в объединении юридических лиц составила 40 процентов. В указанном случае датой образования банковского холдинга будет признаваться первое октября 2020 года.

Банковский надзор в отношении банковских холдингов и банковских групп ограничен по времени, указанное ограничение детерминировано нормативным установлением даты образования банковского холдинга и банковской группы – день составления отчетности за период, в котором было выявлено соответствие объединений признакам существования банковского холдинга или банковской группы. Любая отчетность носит ретроспективный характер. Анализ отчетности помогает установить, что было с ее составителем в прошлом. Банковский надзор осуществляется в том числе для предотвращения реализации рисков в хозяйственной деятельности поднадзорных субъектов или минимизации последствий от их реализации. Риски при осуществлении поднадзорными субъектами хозяйственной деятельности бывают разными, но существенным признаком всех их является объективность, которая выражается в невозможности полностью устранить их, поскольку такова сама сущность риска как вероятностного события. Риск существует вне зависимости от составления и представления отчетности, в том числе для целей установления факта образования банковского холдинга или банковской группы. Указанная проблема может проявляться следующий образом: объединение юридических лиц с участием кредитной организации фактически соблюли условие для получения статуса банковского холдинга или банковской группы, однако формально установить факт образования новых субъектов можно только после завершения отчетного периода.

Таким образом, возникает отставание по времени между фактическим образованием нового субъекта и началом осуществления надзора за ним. В отношении кредитной организации указанное отставание по времени не возникает, потому что момент возникновения кредитной организации как субъекта с правом осуществлять

банковские операции и момент начала осуществления банковского надзора в отношении нее совпадает и связан с принятием решения Банком России о выдачи банковской лицензии.

Представляется, что решить обозначенную проблему без качественного и комплексного изменения правового режима банковских холдингов и банковских групп невозможно. Схожая проблема возникает объединения юридических лиц утрачивают статус банковских холдингов и банковских групп. На момент фактического окончания соблюдения условий банковские холдинги и банковские группы не имеют формальной возможности отказаться от исполнения обязанностей, налагаемых на них в соответствии с установленным статусом. Утрата статуса должна произойти с даты составления отчетности за период, в котором объединения перестали соответствовать условиям признания их банковским холдингом или банковской группой. В данном случае можно говорить, что таким образом для субъектов создается избыточная надзорная нагрузка, которая не имеет под собой существенных обоснований. Однако, по мнению автора, с публичной стороны рассматриваемого вопроса указанное положение может быть полезным и носить профилактический характер.

Подводя итог исследования, можно отметить, что действующее регулирование, отраженное в Законе № 86-ФЗ не в полной мере отвечает современным вызовам в деятельности банковских групп и банковских холдингов. Механизм надзора за деятельностью банковских групп и банковских холдингов ориентирован на формальные критерии возникновения объединений и связан с ведением ими отчетности. Указанная ситуация создает риски для финансовой стабильности, поскольку надзор может не успевать за фактическими изменениями в структуре банковских групп и банковских холдингов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»;

[2] Федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности»;

[3] Курбатов, А.Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования, содержание и проблемы реализации. - М.: Юриспруденция, 2010. – 280 с.

[4] Письмо Департамента банковского регулирования и аналитики Банка России от 4 мая 2018 года № 41-3-2-ОЭ/11679 «О рассмотрении обращения».

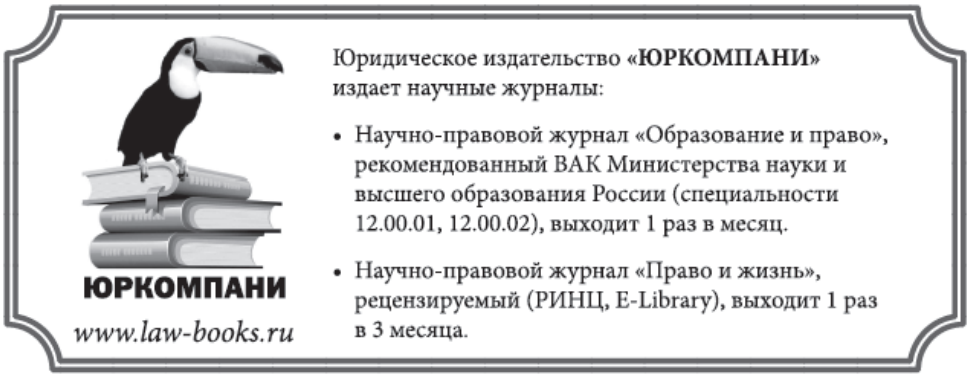
References:

[1] Federal Law No. 86-FZ dated 10 July 2002 “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”

[2] Federal Law No. 395-1 of 2 December 1990 “On Banks and Banking Activities”

[3] Kurbatov, A.Ya. Legal personality of credit institutions: theoretical foundations of formation, content and implementation problems. - M.: Jurisprudence, 2010. - 280 s.

[4] Letter of the Banking Regulation and Analytics Department of the Bank of Russia No. 41-3-2-OE/11679 “On Consideration of the Appeal” dated May 4, 2018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-97-101

АЛИЕВА Елизавета Султановна,
Студентка первого курса ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Махачкала,
e-mail: ealieva759@gmail.com

ШАХАБАСОВА Фатима Раджабовна,
Студентка первого курса ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
АТАЕВА Вазипат Хизриевна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Философия и гуманитарные дисциплины» ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ФИНАНСОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА И ГРАНИЦАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ)

Аннотация. *В статье представлен личностный взгляд на банковские системы как институциональное ядро современной экономики, обладающее парадоксальной двойственностью. Автор размышляет о фундаментальном конфликте между созидательной ролью кредита и разрушительным потенциалом финансовых дисбалансов. Прослеживается эволюция банковского дела — от простейших депозитарных операций до многоуровневых трансграничных конгломератов, порождающих риски «финансовой ятрогении». Особое внимание уделяется морально-этическим аспектам кредитования, проблеме асимметрии информации, феномену «токсичных» активов и дилемме «too big to fail». На основе анализа литературы предлагаются реалистичные пути минимизации системных угроз через трансформацию регуляторной культуры, повышение финансовой грамотности и воспитание ответственности у всех участников рынка.*

Ключевые слова: *банковская система, финансовое посредничество, кредит, системный риск, финансовая ятрогения, моральный риск, банковское регулирование, финансовая стабильность, асимметрия информации, финансовая грамотность, этика банковского дела, долговой кризис, макропруденциальная политика.*

ALIEVA Elizaveta Sultanovna,
First-year student,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Dagestan State Medical University”
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Russia, Makhachkala

SHAKHABASOVA Fatima Radzhabovna,
First-year student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Dagestan State Medical University”
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Russia, Makhachkala

Scientific supervisor:
ATAEVA Vazipat Khizrievna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities
Dagestan State Medical University Russia, Makhachkala

BANKING SYSTEMS: THINKING ABOUT THE DUAL NATURE OF FINANCIAL INTERMEDIATION AND THE BOUNDARIES OF RESPONSIBILITY (A SUBJECTIVE VIEW OF HIDDEN MECHANISMS OF ECONOMIC WELL-BEING)

Annotation. *The article offers a personal perspective on banking systems as the institutional core of the modern economy, characterized by a paradoxical duality. The author reflects on the fundamental conflict between the creative role of credit and the destructive potential of financial imbalances. The evolution of banking is traced — from simple depositary operations to multi level cross border conglomerates that generate risks of "financial iatrogenesis." Special attention is paid to the moral and ethical aspects of lending, the problem of information asymmetry, the phenomenon of "toxic" assets, and the "too big to fail" dilemma. Based on a literature analysis, realistic ways to minimize systemic threats are proposed through the transformation of regulatory culture, the enhancement of financial literacy, and the cultivation of responsibility among all market participants.*

Key words*: banking system, financial intermediation, credit, systemic risk, financial iatrogenesis, moral hazard, banking regulation, financial stability, information asymmetry, financial literacy, banking ethics, debt crisis, macroprudential policy.*

Слово «банк» у большинства людей ассоциируется с надёжностью, стабильностью и рациональностью — своего рода экономическим фундаментом, на котором возводится здание повседневного благосостояния.

Однако по мере знакомства с историей финансовых кризисов и внутренней логикой кредитных институтов становится ясно, что банковская система представляет собой нечто гораздо более сложное и противоречивое. Это не просто нейтральный посредник, а мощный генератор деловой активности, одновременно способный, подобно лекарству с узким терапевтическим индексом, вызывать тяжелейшие «побочные эффекты» в масштабах целых государств. На мой взгляд, осмысление данной двойственности — важнейшая часть формирования зрелого экономического мировоззрения, а также ключ к пониманию многих драматических страниц современной истории. 2,82,8 Понимание сущности банковского дела прошло долгий путь.

Первоначально, в эпоху менял и ростовщиков, банки воспринимались как простые хранилища ценностей и источники ссуд под залог. Я полагаю, что подлинная трансформация началась с осознания способности банков создавать деньги через механизм частичного резервирования и мультипликации депозитов. Именно этот, казалось бы, технический момент превратил банковскую систему в активного участника экономического роста, но одновременно заложил основу для периодических крахов. В XIX–XX веках, особенно после Великой депрессии и глобального финансового кризиса 2008 года, пришло отрезвление: банки — не просто зеркало экономики, а её мощнейший модулятор, способный усиливать как подъёмы, так и спады. 1,6,111,6,11

Мне представляется, что ключевой мировоззренческий конфликт здесь лежит в противоречии между микроэкономической рациональностью отдельного банка и макроэкономической стабильностью всей системы. Каждый банк, действуя в рамках здравого смысла, стремится максимизировать прибыль, наращивать кредитный портфель и снижать резервы. Но совокупность таких индивидуально разумных решений в определённый момент создаёт критическую массу долгов, обесцененных залогов и синхронизированных рисков, которая обрушивается кризисом. Я убеждена, что именно этот феномен — своеобразная «финансовая ятрогения» — лежит в основе большинства разрушительных рецессий. В медицине ятрогения означает вред, нанесённый самим лечением; в экономике мы видим нечто аналогичное: институт, призванный сглаживать шоки и финансировать развитие, сам становится источником шока. 3,5,103,5,10

Анализируя структуру банковских систем, я выделяю несколько уровней, где зарождаются и мультиплицируются риски. Первый уровень — депозитно-кредитные операции, сопряжённые с трансформацией сроков: короткие пассивы (вклады до востребования) фондируют длинные активы (ипотека, инвестиционные кредиты). Второй уровень — межбанковские отношения и производные финансовые инструменты, создающие

запутанные сети взаимозависимости, где банкротство одного узла угрожает всей сети. Третий уровень — взаимодействие с теневым банкингом и небанковскими финансовыми посредниками, выводящими значительную часть рисков из-под регуляторного надзора. Мне кажется, именно третий уровень стал катализатором кризиса 2008 года, когда сложноструктурированные продукты превратили низкокачественные ипотечные ссуды в токсичные активы глобального масштаба. 4,12,144,12,14

Особую тревогу вызывает проблема морального риска (moral hazard), порождаемая уверенностью крупных банков в неизбежности государственной поддержки в случае краха. Доктрина «too big to fail» (слишком велик, чтобы обанкротиться) искажает рыночную дисциплину: менеджмент, зная о спасательном круге, склонен принимать избыточные риски, поскольку потенциальные убытки национализируются, а прибыли приватизируются. Я полагаю, что данный феномен является одной из самых глубоких этических деформаций современного капитализма, сравнимой с порочной врачебной практикой, когда доктор, не опасаясь ответственности, назначает опасные манипуляции. Разрешить эту дилемму без кардинального пересмотра принципов корпоративного управления и систем стимулирования, на мой взгляд, невозможно. 3,7,103,7,10

Ещё одним слабо освещённым, но критически важным аспектом является асимметрия информации между кредитором и заёмщиком, банком и вкладчиком, регулятором и поднадзорным институтом. Банковские продукты становятся всё более сложными, договоры — многостраничными и малопонятными, а реальные риски — завуалированными. В результате потребитель финансовых услуг часто оказывается в положении пациента, подписывающего информированное согласие, смысла которого он до конца не осознаёт. Я считаю, что данная ситуация порождает «ятрогению молчания» — вред, проистекающий из непрозрачности коммуникации, когда формальная полнота раскрытия информации сочетается с фактической невозможностью её осмысления неподготовленным человеком. 5,9,135,9,13

Рассматривая эволюцию регулирования, я прихожу к выводу, что надзорные органы часто действуют в режиме «запаздывающей реакции», ужесточая нормы после случившегося кризиса, но оказываясь бессильными предвидеть следующую уязвимость. Внедрение стандартов Базель I, II, III, безусловно, повысило качество управления рисками, однако финансовый инжиниринг неизменно находит обходные пути. Я полагаю, что корень проблемы — не в недостатке нормативов, а в отсутствии действенной культуры риск-менеджмента, пронизывающей всю организацию сверху донизу. Без изменения менталитета банкиров и регуляторов любая, самая совершенная формула достаточности капитала рискует остаться формальностью. 1,8,121,8,12

Отдельного внимания заслуживает этическое измерение кредитования. Предоставление заведомо неподъёмных ссуд социально уязвимым слоям населения, практика «грабительского кредитования» (predatory lending), навязывание дополнительных услуг, штрафных санкций и скрытых комиссий — всё это, с моей точки зрения, формы прямой финансовой агрессии, облечённой в юридически безупречную форму. Я убеждена, что подобные действия, даже если они не нарушают букву закона, подрывают общественное доверие к банковской системе в целом, превращая её из партнёра в антагониста. Неосторожное или циничное отношение к клиенту способно нанести глубокий психологический и материальный ущерб — ситуация, поразительно напоминающая ятрогению в медицине. 7,9,137,9,13

Размышляя о путях минимизации системных рисков, я всё больше склоняюсь к мысли, что центральную роль здесь должны играть не столько технические инновации, сколько гуманитарные факторы. Финансовая грамотность населения, формируемая со школьной скамьи, способна создать критическую массу ответственных заёмщиков и вкладчиков, менее подверженных паническим настроениям и мошенническим схемам. Прозрачность отчётности, подкреплённая независимым аудитом и стандартизированными форматами раскрытия, снижает информационную асимметрию. И, что самое важное, воспитание профессиональной этики у будущих банкиров, включающее осознание социальной миссии их деятельности, должно стать неотъемлемой частью экономического образования. 6,8,146,8,14

Мне представляется перспективной концепция макропруденциальной политики, ориентированной на сдерживание системных ригов, а не только на микроустойчивость отдельных банков. Контрциклические буферы капитала, ограничения на соотношение кредита и залога, стресс-тестирование — эти инструменты, подобно профилактическим прививкам в медицине, способны укрепить иммунитет финансовой системы. Однако я полагаю, что даже наилучшая макропруденциальная архитектура будет бесполезна без готовности властей применять её своевременно и без политического давления. История учит, что периоды экономического бума создают мощный соблазн ослабить «надоедливые» ограничения, и именно в этот момент закладываются семена будущих потрясений. 2,5,112,5,11

Особое значение, с моей точки зрения, приобретает международная координация регулирования. Глобализация финансов превратила национальные банковские системы в сообщающиеся сосуды; кризис в одной стране мгновенно передаётся по цепочкам ликвидности и кросс-валютного финансирования. Создание наднациональных механизмов мониторинга, таких как Совет по финансовой стабильности (FSB), и унификация стандартов — шаги в правильном направлении, но их эффективность ограничена суверенными амбициями. Я убеждена, что до тех пор, пока трансграничные банковские группы смогут выбирать юрисдикцию с наименее обременительным надзором (regulatory arbitrage), системные риски будут сохраняться. 1,14,151,14,15

Подводя итог этим размышлениям, я прихожу к убеждению, что банковская система — это не механический агрегат, а живой социальный организм со своими патологиями и адаптационными возможностями. Её стабильность зависит не столько от архитектуры нормативов, сколько от уровня доверия, этических стандартов и коллективной ответственности всех участников — от центрального банкира до рядового вкладчика. Кризисы обнажают не столько технические просчёты, сколько фундаментальные дефициты честности, дальновидности и способности к самоограничению. И, подобно тому как выздоровление больного требует не только лекарств, но и изменения образа жизни, оздоровление банковской среды невозможно без пересмотра ценностей и приоритетов. 3,9,153,9,15

Завершая, хочу подчеркнуть: проблема банковских систем не имеет окончательного решения. Это непрерывный процесс балансирования между инновацией и стабильностью, свободой и надзором, прибылью и социальной миссией. Только системный подход, интегрирующий экономическую теорию, право, этику и психологию, способен обеспечить устойчивое развитие. И начинаться он должен с воспитания в каждом финансисте, регуляторе и гражданине понимания того, что деньги — это не только средство обогащения, но и инструмент коллективной безопасности, требующий осторожного и ответственного обращения. 6,10,156,10,15

Список литературы:

[1] Алексашенко, С. В. Битва за рубль: взгляд очевидца на финансовую историю России / С. В. Алексашенко. — М. : Альпина Паблишер, 2019. — 480 с.

[2] Бернанке, Б. Эссе о Великой депрессии / Б. Бернанке; пер. с англ. — М. : Издательство Института Гайдара, 2013. — 368 с.

[3] Глазьев, С. Ю. Рывок в будущее: Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев. — М. : Книжный мир, 2018. — 768 с.

[4] Дэвидсон, П. Посткейнсианская теория денег и кредита / П. Дэвидсон; пер. с англ. — М. : Дело, 2015. — 304 с.

[5] Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс; пер. с англ. — М. : Гелиос АРВ, 2012. — 352 с.

[6] Кинг, М. Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики / М. Кинг; пер. с англ. — М. : Издательство Института Гайдара, 2017. — 408 с.

[7] Колодко, Г. В. Куда идёт мир: политическая экономия будущего / Г. В. Колодко; пер. с польск. — М. : Магистр, 2016. — 528 с.

[8] Мински, Х. Стабилизируя нестабильную экономику / Х. Мински; пер. с англ. — М. : Издательство Института Гайдара, 2017. — 624 с.

[9] Рейнхарт, К. На этот раз всё будет иначе: восемь столетий финансового безумия / К. Рейнхарт, К. Рогофф; пер. с англ. — М. : Карьера Пресс, 2014. — 544 с.

[10] Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2004. — 432 с.

[11] Стиглиц, Дж. Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц; пер. с англ. — М. : Эксмо, 2015. — 512 с.

[12] Тобин, Дж. Деньги, кредит и капитал / Дж. Тобин; пер. с англ. — М. : Дело, 2010. — 312 с.

[13] Фридмен, М. Капитализм и свобода / М. Фридмен; пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2016. — 240 с.

[14] Шиллер, Р. Иррациональный оптимизм: как безрассудное поведение управляет рынками / Р. Шиллер; пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2020. — 456 с.

[15] Юдаева, К. В. Макропруденциальная политика: опыт центральных банков / К. В. Юдаева // Деньги и кредит. — 2014. — № 6. — С. 3–11.

References:

[1] Aleksashenko, S.V. Battle for the ruble: an eyewitness's view of the financial history of Russia/S.V. Aleksashenko. - M.: Alpina Publisher, 2019. - 480 s.

[2] Bernanke, B. Essays on the Great Depression/B. Bernanke; per. From English - M.: Gaidar Institute Publishing House, 2013. - 368 p.

[3] Glazyev, S. Yu. Jerk to the future: Russia in new technological and world economic structures/S. Yu. Glazyev. - M.: Book World, 2018. - 768 s.

[4] Davidson, P. Postcainsian Theory of Money and Credit/P. Davidson; per. From English - M.: Case, 2015. - 304 s.

[5] Keynes, J.M. General Theory of Employment, Interest, and Money/J.M. Keynes; per. From English - M.: Helios ARV, 2012. - 352 s.

[6] King, M. The End of Alchemy: Money, Banking, and the Future of the Global Economy/M. King; per. From English - M.: Gaidar Institute Publishing House, 2017. - 408 s.

[7] Kolodko, G.V. Where the world goes: the political economy of the future/G.V. Kolodko; per. From Polish. - M.: Master, 2016. - 528 p.

[8] Minsky, H. Stabilizing a Volatile Economy/H. Minsky; per. From English - M.: Gaidar Institute Publishing House, 2017. - 624 s.

[9] Reinhart, K. This time it will be different: eight centuries of financial madness/K. Reinhart, K. Rogoff; per. From English - M.: Career Press, 2014. - 544 p.

[10] Sen, A. Development as Freedom/A. Sen; per. From English - M.: New Publishing House, 2004. - 432 s.

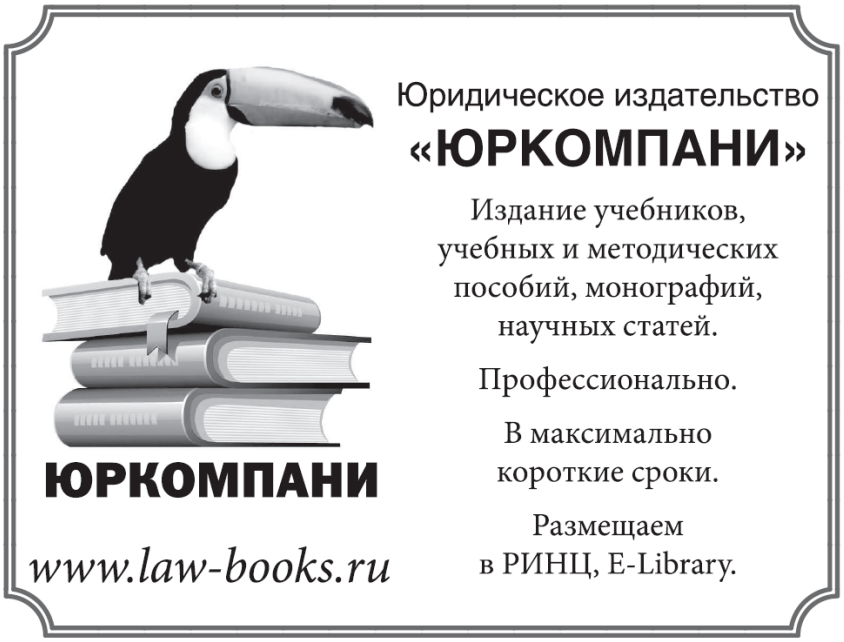
[11] Stiglitz, J. The price of inequality: how the stratification of society threatens our future/J. Stiglitz; per. From English - M.: Eksmo, 2015. - 512 s.

[12] Tobin, J. Money, Credit and Capital/J. Tobin; per. From English - M.: Case, 2010. - 312 s.

[13] Friedman, M. Capitalism and Freedom/M. Friedman; per. From English - M.: New Publishing House, 2016. - 240 s.

[14] Schiller, R. Irrational Optimism: How Reckless Behavior Drives Markets/R. Schiller; per. From English - M.: Alpina Publisher, 2020. - 456 p.

[15] Yudaeva, K.V. Macroprudential policy: the experience of central banks/K.V. Yudaeva//Money and credit. — 2014. — № 6. - S. 3-11.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-102-108

ПОДЗОРОВА Алёна Романовна,
магистр права,
налоговый юрист Финансовый университет
при Правительстве РФ;
Alpine Tax,
e-mail: podzorova-1997@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ ПЯТИСТУПЕНЧАТОЙ ШКАЛЫ НДФЛ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Статья посвящена последствиям введения пятиступенчатой шкалы налога на доходы физических лиц в Российской Федерации. Рассматривается правовая природа новой модели налогообложения доходов физических лиц, раскрывается механизм применения повышенных ставок НДФЛ и особенности разграничения налоговых баз. Особое внимание уделено влиянию реформы на налоговую нагрузку физических лиц, включая усиление принципа платежеспособности, сохранение различий в налогообложении трудовых и отдельных пассивных доходов, а также ограниченность компенсирующего значения налоговых вычетов. Отдельно исследуются фискальные и межбюджетные последствия реформы, выражающиеся в росте поступлений НДФЛ и усилении федеральной составляющей данного налога. Сделан вывод о том, что пятиступенчатая шкала НДФЛ стала значимым шагом к более дифференцированной модели подоходного налогообложения.*

Ключевые слова: *налог на доходы физических лиц, прогрессивная шкала, налоговая реформа, налоговая нагрузка, физические лица, бюджетная система, фискальная функция, налоговая справедливость.*

PODZOROVA Alena Romanovna,
Master of Law,
Tax Lawyer Financial University
under the Government of the Russian Federation;
Alpine Tax

INTRODUCTION OF A FIVE-STEP SCALE OF PERSONAL INCOME TAX: IMPLICATIONS FOR THE TAX BURDEN OF INDIVIDUALS AND THE BUDGET SYSTEM

Annotation. *The article is devoted to the consequences of the introduction of a five-step scale of personal income tax in the Russian Federation. The legal nature of the new model of taxation of personal income is considered, the mechanism of application of increased personal income tax rates and the specifics of the differentiation of tax bases are revealed. Special attention is paid to the impact of the reform on the tax burden of individuals, including strengthening the principle of solvency, maintaining differences in taxation of labor and individual passive income, as well as the limited compensatory value of tax deductions. The fiscal and inter-budgetary consequences of the reform, expressed in an increase in personal income tax revenues and an increase in the federal component of this tax, are separately investigated. It is concluded that the five-step personal income tax scale has become a significant step towards a more differentiated income tax model.*

Key words: *personal income tax, progressive scale, tax reform, tax burden, individuals, budget system, fiscal function, tax justice.*

Налог на доходы физических лиц занимает значимое место в системе налоговых доходов Российской Федерации (далее – «РФ»). Его роль определяется устойчивостью поступлений, широтой круга налогоплательщиков и прямой связью с доходами населения.

Долгое время российская модель налогообложения доходов физических лиц основывалась

на применении единой ставки. Введение с 2021 года повышенной ставки в отношении доходов свыше установленного порога стало первым этапом перехода к прогрессивному налогообложению. Однако такая модель имела ограниченный характер, поскольку затрагивала сравнительно узкий круг налогоплательщиков и не меняла общую конструкцию налогообложения большинства доходов физических лиц.

С 2025 года в РФ начала применяться пятиступенчатая шкала налога на доходы физических лиц (далее — «НДФЛ»), предусматривающая дифференциацию налоговых ставок в зависимости от размера налоговой базы. Эта реформа изменила подход к определению налоговой нагрузки граждан с различным уровнем доходов.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что введение пятиступенчатой шкалы НДФЛ стало одним из наиболее заметных изменений налоговой реформы 2025 года. Такая мера направлена на усиление фискальной функции налога и более дифференцированное распределение налогового бремени. Вместе с тем новая модель требует оценки с точки зрения ее влияния на налоговую нагрузку физических лиц, устойчивость бюджетных поступлений и соответствие принципам справедливости, экономической обоснованности и определенности налогообложения.

Степень научной разработанности темы характеризуется наличием значительного числа исследований, посвященных прогрессивному налогообложению доходов физических лиц, принципу справедливости налогообложения и налоговой нагрузке населения. В научной литературе рассматриваются вопросы правовой природы НДФЛ, соотношения плоской и прогрессивной шкалы, зарубежного опыта подоходного налогообложения, влияния налоговой реформы 2025 года на физических лиц и бюджетную систему. Отдельное внимание уделяется проблемам отсутствия необлагаемого минимума, ограниченной социальной роли налоговых вычетов, различиям в налогообложении трудовых и пассивных доходов, а также рискам роста налоговой оптимизации.

Вместе с тем последствия введения пятиступенчатой шкалы НДФЛ нуждаются в дальнейшей научной оценке. Это связано с тем, что реформа начала применяться недавно, а ее фактические результаты проявляются постепенно через динамику налоговых поступлений, изменение налоговой нагрузки и практику применения новых правил налоговыми агентами и налоговыми органами. Поэтому исследование данной темы сохраняет актуальность как для науки финансового права, так и для практики налогового регулирования.

Цель исследования состоит в определении последствий введения пятиступенчатой шкалы НДФЛ для налоговой нагрузки физических лиц и бюджетной системы РФ.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: раскрыть правовую природу пятиступенчатой шкалы НДФЛ; определить механизм применения новых налоговых ставок; оценить влияние реформы на налоговую нагрузку физических лиц; проанализировать значение прогрессивной шкалы для формирования доходов бюджетной системы; выявить основные проблемы и риски, связанные с применением новой модели налогообложения доходов физических лиц.

Правовая природа и механизм введения пятиступенчатой шкалы НДФЛ

НДФЛ по своей правовой природе относится к числу федеральных прямых налогов, поскольку объектом налогообложения выступает доход физического лица, а обязанность по уплате налога возникает в связи с получением налогоплательщиком экономической выгоды в денежной или натуральной форме. В соответствии со статьей 207 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — «НК РФ») налогоплательщиками НДФЛ признаются физические лица, являющиеся налоговыми резидентами РФ, а также физические лица, получающие доходы от источников в РФ и не являющиеся налоговыми резидентами РФ.

В научной литературе также подчеркивается, что НДФЛ занимает устойчивое место в системе публичных доходов, поскольку основная часть налога исчисляется, удерживается и перечисляется в бюджет налоговыми агентами, а сам налог играет значимую роль в формировании доходов регионов. [5]

С 1 января 2025 года пункт 1 статьи 224 НК РФ предусматривает пять ставок НДФЛ: 13 процентов — к части суммы налоговых баз, не превышающей 2,4 млн рублей; 15 процентов — к части суммы налоговых баз свыше 2,4 млн рублей до 5 млн рублей; 18 процентов — к части суммы налоговых баз свыше 5 млн рублей до 20 млн рублей; 20 процентов — к части суммы налоговых баз свыше 20 млн рублей до 50 млн рублей; 22 процента — к части суммы налоговых баз, превышающей 50 млн рублей.

Ключевое значение имеет механизм применения повышенных ставок. Прогрессивная шкала построена по маржинальному принципу: повышенная ставка применяется к части дохода, превышающей соответствующий порог, а не ко всей сумме годового дохода налогоплательщика. Такой подход снижает риск резкого увеличения налоговой обязанности при переходе через уста-

новленную границу дохода. ФНС России прямо разъясняет, что повышенный налог взимается только с суммы превышения соответствующих порогов [6].

Следовательно, правовой смысл новой модели заключается в установлении дополнительных уровней налоговой нагрузки для лиц с более высокой налоговой базой.

Прогрессивная шкала применяется к совокупности налоговых баз, указанных в пункте 2.1 статьи 210 НК РФ. В эту совокупность входят доходы, относящиеся к основной налоговой базе, включая оплату труда, выплаты по гражданско-правовым договорам, доходы в натуральной форме, материальную выгоду и иные доходы, формирующие основную базу по НДФЛ. В научной статье Е.А. Валуйских и Б.Г. Рысая также отмечается, что новая шкала применяется именно к совокупности налоговых баз резидента, указанных в пункте 2.1 статьи 210 НК РФ, а налоговую базу составляют, в частности, доходы по трудовым и гражданско-правовым договорам, доходы в натуральной форме и материальная выгода. [2]

При этом пятиступенчатая шкала не является универсальной для всех доходов физических лиц. Законодатель сохранил специальные режимы налогообложения для отдельных налоговых баз. По разъяснениям ФНС России, доходы от продажи имущества, дивиденды, проценты по вкладам, доходы от операций с ценными бумагами облагаются по иной двухступенчатой модели 13 и 15 процентов с порогом 2,4 млн рублей. Для отдельных выплат участникам специальной военной операции и выплат, связанных с районными коэффициентами и северными надбавками, сохраняется шкала 13 процентов в пределах 5 млн рублей и 15 процентов с суммы превышения.

Такое разграничение демонстрирует, что реформа построена не по принципу единой прогрессии для всех доходов, а через дифференциацию налоговых баз.

Из изложенного следует, что правовая конструкция пятиступенчатой шкалы НДФЛ имеет смешанный характер. Ее основа — прогрессивное налогообложение доходов, связанных преимущественно с трудовой и иной активной экономической деятельностью физического лица. Ее ограничение — сохранение специальных правил для отдельных видов доходов, включая дивиденды, операции с имуществом и финансовыми инструментами.

Такая модель позволяет законодателю усилить принцип платежеспособности налогоплательщика, однако одновременно усложняет систему исчисления НДФЛ, поскольку применение ставки зависит не только от размера дохода, но и от вида налоговой базы. В результате пятиступенчатая шкала выступает правовым механизмом адресного увеличения налоговой нагрузки на высокодоходные группы налогоплательщиков, сохраняя базовую ставку 13 процентов для большинства физических лиц с доходом в пределах 2,4 млн рублей в год.

Влияние новой шкалы на налоговую нагрузку физических лиц

Введение пятиступенчатой шкалы НДФЛ изменило характер налоговой нагрузки физических лиц дифференцированно. Для налогоплательщиков, чей годовой доход не превышает 2,4 млн рублей, базовая ставка 13 процентов сохраняется. Следовательно, для указанной категории граждан реформа не влечет прямого увеличения налоговой обязанности по основной налоговой базе.

Основное изменение налоговой нагрузки связано с тем, что порог применения повышенной ставки был снижен с 5 млн рублей до 2,4 млн рублей в год. До 2025 года повышенная ставка 15 процентов применялась к части дохода, превышающей 5 млн рублей. После реформы повышенная ставка начинает применяться уже при превышении 2,4 млн рублей, а при дальнейшем росте налоговой базы используются ставки 18, 20 и 22 процента. Фактически это означает расширение круга налогоплательщиков, доходы которых частично облагаются по повышенным ставкам. В научной литературе справедливо отмечается, что с 2025 года налоговое бремя варьируется от 13 до 22 процентов, а определяющим элементом модели является применение повышенной ставки к доходу, превышающему соответствующее пороговое значение. [1]

Однако увеличение нагрузки не является равномерным для всех физических лиц. По данным ФНС России, прогрессивная шкала затрагивает около 3 процентов трудоспособного населения страны с доходами свыше 2,4 млн рублей в год [7]. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что реформа ориентирована на налогоплательщиков с доходами выше среднего уровня, а не на массовое повышение налоговой нагрузки населения. Вместе с тем снижение порога с 5 млн до 2,4 млн рублей означает, что в сферу повышенного налогообложения попадает более широкий круг работников, включая высококвалифицированных специалистов, руководителей среднего и высшего звена, работников финансового, информационно-технологического, консалтингового и иных высокооплачиваемых секторов.

Особенность влияния новой шкалы на налоговую нагрузку состоит также в разграничении видов доходов. Пятиступенчатая шкала применяется к основной налоговой базе, к которой отно-

сятся, в частности, заработная плата и иные доходы, связанные с трудовой или иной активной экономической деятельностью. Для ряда доходов законодатель сохранил специальную двухступенчатую модель. Доходы от продажи имущества, дивиденды, проценты по банковским вкладам и доходы от операций с ценными бумагами облагаются по ставкам 13 и 15 процентов с порогом 2,4 млн рублей. Такой подход означает, что налоговая нагрузка зависит не только от общего размера дохода, но и от его правовой природы.

Данная конструкция имеет принципиальное значение для оценки справедливости реформы. Физическое лицо с высоким трудовым доходом может столкнуться с предельной ставкой 22 процента, тогда как отдельные пассивные доходы сохраняют более мягкий режим налогообложения. В научной литературе данное обстоятельство рассматривается как один из элементов, препятствующих полной реализации принципа справедливости подоходного налогообложения. А.А. Пугачев указывает, что налоговая реформа 2025 года способствует повышению справедливости НДФЛ, однако в конструкции налога сохраняются проблемные элементы: отсутствие необлагаемого минимума, регрессивный характер системы налоговых вычетов, а также пониженные ставки по пассивным доходам по сравнению с трудовыми доходами. [4]

С позиции принципа платежеспособности новая шкала выглядит более обоснованной по сравнению с плоской моделью. Налогоплательщик с более высоким доходом несет большую налоговую нагрузку, причем увеличение происходит через налогообложение суммы превышения, а не через перерасчет всей налоговой базы. Такая модель позволяет учитывать различие экономических возможностей налогоплательщиков и направлена на более справедливое распределение налогового бремени. Однако справедливость прогрессии ограничивается тем, что законодатель не ввел необлагаемый минимум.

В результате даже доход, необходимый для базового обеспечения налогоплательщика и членов его семьи, продолжает облагаться НДФЛ. Пугачев обоснованно отмечает, что социальные и стандартные налоговые вычеты даже с учетом их повышения не могут полноценно заменить необлагаемый минимум ввиду их ограниченного размера [4].

Налоговая нагрузка физических лиц после реформы должна оцениваться шире, чем изменение ставок НДФЛ по основной налоговой базе. Н.З. Зотиков указывает, что нагрузку на физических лиц усиливают сразу несколько изменений 2025 года: введение прогрессивной шкалы НДФЛ, налогообложение процентов по банковским вкладам, изменение ставок земельного налога и налога на имущество физических лиц, рост акцизов, введение туристического налога, увеличение отдельных государственных пошлин. [3]

Поэтому влияние пятиступенчатой шкалы на налоговую нагрузку следует рассматривать в контексте общей налоговой реформы, поскольку совокупное воздействие на располагаемые доходы граждан формируется за счет прямых и косвенных налоговых изменений.

Отдельное значение имеет социальная функция налоговых вычетов. Налоговые вычеты традиционно рассматриваются как инструмент снижения налоговой нагрузки с учетом личных и семейных обстоятельств налогоплательщика. Однако при сохранении сравнительно небольших размеров стандартных и социальных вычетов их компенсирующий эффект остается ограниченным. Н.З. Зотиков приходит к выводу о снижении социальной функции налоговых вычетов по НДФЛ и указывает, что вводимые изменения не устраняют различия в уровне заработной платы работников по отраслям и регионам. [3]

Практическое влияние новой шкалы проявляется и в сфере налогового администрирования. Для работников, получающих доход от одного налогового агента, применение шкалы является относительно понятным: налоговый агент исчисляет, удерживает и перечисляет НДФЛ по мере выплаты дохода. При наличии нескольких работодателей, гражданско-правовых договоров, доходов от инвестиций, процентов по вкладам и иных источников расчет становится сложнее. Налоговый агент видит только те выплаты, которые осуществляет сам, а полная совокупность доходов налогоплательщика определяется по итогам налогового периода на основании сведений, поступающих в налоговые органы. Это повышает значение корректного обмена данными, налоговых уведомлений и последующего контроля со стороны ФНС России.

Новая шкала может создавать и «поведенческие» эффекты. У налогоплательщиков с высокими доходами появляется стимул к изменению структуры выплат, переносу части доходов в иные формы, использованию специальных налоговых режимов при наличии правовых оснований, а в недобросовестных случаях — к сокрытию доходов. К.Р. Шугаибова указывает, что увеличение ставки по сверхдоходам усиливает направленность на их сокрытие, включая выплату заработной платы в конвертах, применение схем сокрытия доходов и вывод средств за рубеж. [5]

Схожий риск отмечают А.В. Болденков и соавторы, называя возможный рост «серых» и «черных» заработных плат главным негативным последствием внедрения прогрессивной шкалы. [1]

Эти риски показывают необходимость качественного налогового администрирования и правовой определенности при квалификации доходов. Чем сложнее структура ставок и налоговых баз, тем выше требования к разъяснительной работе ФНС России, программным средствам налоговых агентов и прозрачности правил для налогоплательщиков. В противном случае прогрессивная шкала может восприниматься гражданами не как механизм справедливого распределения налогового бремени, а как усложнение налоговой обязанности.

Таким образом, влияние пятиступенчатой шкалы НДФЛ на налоговую нагрузку физических лиц является неоднородным. Для большинства граждан с доходом до 2,4 млн рублей в год ставка сохраняется на уровне 13 процентов. Для лиц с доходами выше указанного порога налоговая нагрузка возрастает, причем ее увеличение зависит от размера и структуры налоговой базы. Наиболее заметное увеличение возникает у налогоплательщиков с высокими трудовыми доходами, поскольку именно основная налоговая база подпадает под пятиступенчатую модель с предельной ставкой 22 процента. При этом сохранение более мягкого режима для отдельных пассивных доходов, отсутствие необлагаемого минимума и ограниченный размер налоговых вычетов не позволяют рассматривать реформу как завершенное решение вопроса справедливого подоходного налогообложения.

Фискальные и межбюджетные последствия реформы для бюджетной системы Российской Федерации

Фискальное значение введения пятиступенчатой шкалы НДФЛ проявляется прежде всего в том, что повышенные ставки стали самостоятельным источником дополнительных доходов федерального бюджета. Если ранее НДФЛ традиционно рассматривался преимущественно как доходный источник регионального уровня, то после реформы 2025 года его федеральная составляющая приобрела более выраженное значение.

Такой подход отражает изменение межбюджетной роли НДФЛ. Реформа не изменила общий статус налога как федерального, однако усилила его значение как инструмента перераспределения доходов внутри бюджетной системы. Для субъектов РФ НДФЛ сохраняет функцию стабильного источника текущих доходов, связанного с занятостью населения, уровнем оплаты труда и экономической активностью на территории региона. Для федерального бюджета повышенная часть НДФЛ выполняет иную функцию — она концентрирует дополнительные поступления от наиболее высоких налоговых баз и позволяет использовать их для финансирования общегосударственных расходов.

Официальная статистика ФНС России подтверждает, что после введения новой шкалы федеральная составляющая НДФЛ заметно увеличилась. При этом сама ФНС России связывает рост поступлений не только с изменением шкалы, но и с иными факторами: ростом фонда оплаты труда, увеличением доходов по банковским вкладам и изменением состава налоговых баз [8].

Поэтому фискальный результат реформы нельзя оценивать изолированно от общей экономической динамики. Повышенные ставки обеспечили дополнительный бюджетный эффект, однако этот эффект сформировался в совокупности с ростом номинальных доходов населения и расширением отдельных облагаемых налоговых баз.

Межбюджетные последствия реформы имеют и территориальное измерение. Высокие доходы физических лиц распределены по территории РФ неравномерно. Они концентрируются преимущественно в крупнейших экономических центрах, где сосредоточены головные офисы компаний, финансовый сектор, высокооплачиваемые отрасли и инвестиционная активность. В результате налоговая база по повышенным ставкам объективно формируется неравномерно.

При этом такой механизм имеет неоднозначный межбюджетный эффект. Для федерального бюджета он создает дополнительный устойчивый источник доходов, связанный с высокодоходными группами налогоплательщиков. Для субъектов РФ он означает, что часть потенциального прироста от роста доходов населения централизуется на федеральном уровне.

Социально-бюджетное обоснование такой централизации связано с целевым использованием части дополнительных поступлений. ФНС России указывает, что дополнительная часть НДФЛ, превышающая налог, рассчитанный по базовой ставке, поступает в федеральный бюджет, в том числе для финансирования социально значимых направлений, включая поддержку фонда «Круг добра» [9]. Такая конструкция позволяет обосновывать реформу не только фискальными интересами государства, но и публичной целью перераспределения части доходов в пользу социально значимых расходов.

Вместе с тем устойчивость бюджетного эффекта зависит от нескольких факторов. Значение имеют динамика заработных плат, уровень доходов по вкладам, инвестиционная активность физических лиц, структура выплат работодателей и качество налогового администрирования. Если рост поступлений будет обеспечиваться преимущественно номинальным увеличением

доходов, а не расширением реальной налоговой базы, то долгосрочный эффект реформы потребует дополнительной оценки. Кроме того, чрезмерное усложнение налогообложения может создавать стимулы к изменению структуры доходов, что в перспективе способно повлиять на стабильность поступлений.

Таким образом, фискальные и межбюджетные последствия введения пятиступенчатой шкалы НДФЛ состоят в усилении федерального значения данного налога при сохранении его базовой роли для бюджетов субъектов РФ.

Реформа позволила сформировать дополнительный канал поступлений в федеральный бюджет и придать повышенным ставкам выраженную перераспределительную функцию. Однако такой результат не следует рассматривать как исключительно следствие изменения налоговой шкалы. Он обусловлен совокупным влиянием налоговых и экономических факторов. В межбюджетном аспекте новая модель усиливает централизацию дополнительной части НДФЛ, что делает дальнейшую оценку баланса интересов федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации особенно значимой.

Представление результатов работы

Введение пятиступенчатой шкалы НДФЛ стало одним из ключевых элементов налоговой реформы 2025 года и изменило правовой подход к распределению налоговой нагрузки между физическими лицами. Сохранение базовой ставки для доходов в пределах установленного порога позволяет говорить об адресном характере реформы: увеличение налогового бремени затрагивает преимущественно налогоплательщиков с более высоким уровнем дохода.

Правовая конструкция новой шкалы основана на маржинальном принципе, при котором повышенная ставка применяется к сумме превышения соответствующего порога. Такая модель снижает риск резкого увеличения налоговой обязанности и делает механизм прогрессии более юридически сбалансированным. Вместе с тем система НДФЛ стала сложнее, поскольку размер налоговой нагрузки зависит от суммы дохода, вида налоговой базы и применимого режима налогообложения конкретного дохода.

С точки зрения налоговой нагрузки физических лиц реформа усилила принцип платежеспособности, поскольку лица с более высокими доходами несут большую налоговую обязанность. Однако введение прогрессии не устранило все проблемы справедливости подоходного налогообложения. Сохраняются различия между трудовыми и отдельными пассивными доходами, отсутствует необлагаемый минимум, а налоговые вычеты имеют ограниченный компенсирующий эффект.

Фискальный результат реформы выражается в росте поступлений НДФЛ и усилении федеральной составляющей данного налога. Повышенные ставки стали дополнительным источником доходов федерального бюджета, при этом НДФЛ сохраняет значение одного из основных источников доходов бюджетов субъектов РФ. Такая модель усиливает перераспределительную роль налога внутри бюджетной системы.

Список литературы:

[1] Болденков А.В. Прогрессивная шкала НДФЛ в России — реалии и перспективы / А.В. Болденков, О.А. Лисутин, Е.В. Трусевич, Е.В. Романюк // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2025. — № 1. — С. 9–16.

[2] Валуйских Е.А., Б.Г Рысай. Изменения налогового законодательства 2025 года, касающиеся налога на доходы физических лиц / Е.А. Валуйских, Б.Г. Рысай // Вестник науки. — 2025. — № 1 (82). — Т. 2. — С. 75–81.

[3] Зотиков Н.З. Налоговая реформа 2025 г.: нагрузка на физических лиц / Н.З. Зотиков // Вестник университета. — 2025. — № 5. — С. 112–125.

[4] Пугачев А.А. Принцип справедливости подоходного налогообложения: ретроспектива экономической мысли и реализация в рамках налоговой реформы — 2025 / А.А. Пугачев // Налоги и налогообложение. — 2025. — № 5. — С. 54–69.

[5] Шугаибова К.Р. К вопросу о новой прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц / К.Р. Шугаибова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2025. — Т. 40. — Вып. 4. — С. 83–88.

[6] Федеральная налоговая служба. НДФЛ в 2025 году: как будет применяться прогрессивная шкала налогообложения [Электронный ресурс]: официальный сайт ФНС России – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn27/news/tax_doc_news/15693056/ (дата обращения 30.04.2026)

[7] Федеральная налоговая служба. НДФЛ в 2025 году: как будет применяться прогрессивная шкала налогообложения [Электронный ресурс]: официальный сайт ФНС России – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn27/news/tax_doc_news/15693056/ (дата обращения 30.04.2026)

[8] Федеральная налоговая служба. В 2025 году поступления НДФЛ выросли на 16% [Элек-

тронный ресурс]: Аналитический портал ФНС России – Режим доступа: https://analytic.nalog.gov.ru/news/104 (дата обращения 01.05.2026)

[9] Федеральная налоговая служба. Поступления НДФЛ в федеральный бюджет за первые три месяца 2025 года выросли на 40% [Электронный ресурс]: официальный сайт ФНС России – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16297496/ (дата обращения 01.05.2026)

References:

[1] Boldenkov A.V. Progressive scale of personal income tax in Russia - realities and prospects/A.V. Boldenkov, O.A. Lisutin, E.V. Trusevich, E.V. Romanyuk//Problems of socio-economic development of Siberia. — 2025. — № 1. - S. 9-16.

[2] Valuiskikh E.A., B.G. Rysay. Changes in the tax legislation of 2025 relating to personal income tax/E.A. Valuisky, B.G. Rysay//Bulletin of Science. — 2025. — № 1 (82). - VOL. 2. - S. 75-81.

[3] Zotikov N.Z. Tax reform of 2025: the burden on individuals/N.Z. Zotikov//Bulletin of the University. — 2025. — № 5. - S. 112-125.

[4] A.A. Pugachev. The principle of income tax fairness: retrospective of economic thought and implementation within the framework of tax reform - 2025/A.A. Pugachev//Taxes and taxation. — 2025. — № 5. - S. 54-69.

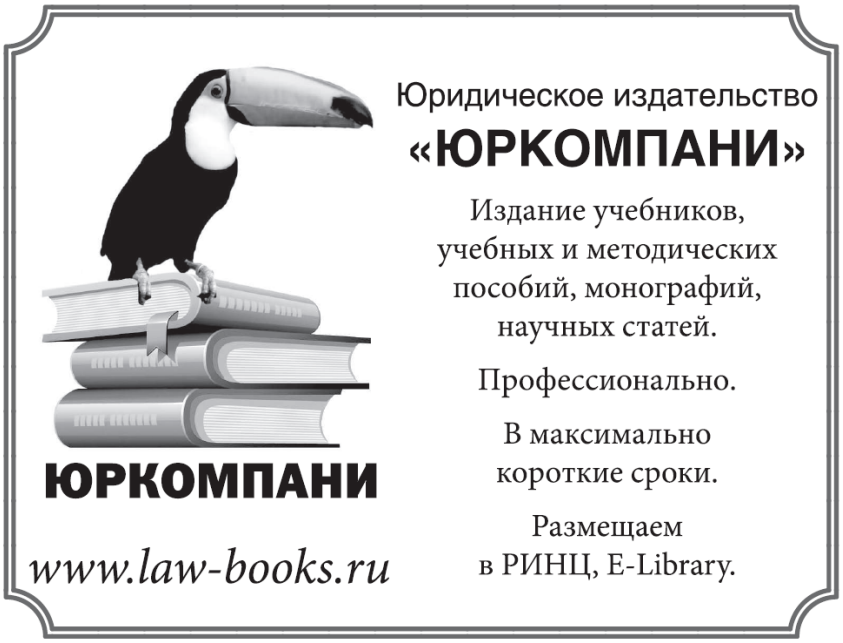
[5] K.R. Shugaibova. To the question of a new progressive scale of personal income tax/K.R. Shugaibova//Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. — 2025. - T. 40. - Issue 4. - S. 83-88.

[6] Federal Tax Service. Personal income tax in 2025: how the progressive taxation scale will be applied [Electronic resource]: official website of the Federal Tax Service of Russia - Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn27/news/tax_doc_news/15693056/ (date of appeal 30.04.2026)

[7] Federal Tax Service. Personal income tax in 2025: how the progressive taxation scale will be applied [Electronic resource]: official website of the Federal Tax Service of Russia - Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn27/news/tax_doc_news/15693056/ (date of appeal 30.04.2026)

[8] Federal Tax Service. In 2025, personal income tax revenues increased by 16% [Electronic resource]: Analytical portal of the Federal Tax Service of Russia - Access mode: https://analytic.nalog.gov.ru/news/104 (date of appeal 01.05.2026)

[9] Federal Tax Service. Personal income tax revenues to the federal budget for the first three months of 2025 increased by 40% [Electronic resource]: official website of the Federal Tax Service of Russia - Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16297496/ (date of appeal 01.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-109-115
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

КРОТОВ Михаил Иванович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: aktual111@mail.ru

ДУДИНА Ольга Игоревна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: almas-78@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАТРАТ В СФЕРЕ АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ «ЮНИКОН» АО)

Аннотация. *Аудиторская отрасль играет важную роль в эффективном развитии отечественной экономики. Отрасль позволяет качественно и достоверно дать оценку работы хозяйствующим субъектам экономики. Представленная научная работа посвящена анализу затрат организации при проведении аудиторских услуг и выявления тенденций их изменения в период сложных экономических условиях за период 2021-2024 годы. Для проведения анализа использовались данные исследуемой организации, научная литература и электронные ресурсы по теме исследования. Анализ затрат в аудиторской сфере деятельности является важным составляющим на фоне снижение деловой активности в отечественной экономике. Анализ затрат одного из ведущих предприятий в аудиторской отрасли позволил определить некоторые особенности отрасли и возможности адаптации исследуемого предприятия к изменяющимся современным условиям. Данные проведенного анализа показывают значительную долю в затратах аудиторской компании расходов на оплату труда более 88%. В период 2022 года отмечается значительные темпы роста за высвобождающие кадры иностранных компаний. Существенные расходы аудиторской деятельности связаны с технологическими решениями приобретением современной техники и оборудования, лицензий ПО. Важна частью бизнеса (непрофильная) исследуемой организации осуществляется с привлечением аут-*

сорсинговых организации, что позволяет оптимизировать бизнес-процессы организации. Все вышеперечисленные аспекты позволяют исследуемой организации получить конкурентные преимущества и обеспечить лидерские позиции в сфере аудиторских услуг.

Ключевые слова: *аудиторская деятельность, анализ, себестоимость продаж, управленческие расходы, структура затрат, аутсорсинг, бизнес-процессы, конкурентоспособность.*

KROTOV Mikhail Ivanovich,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Accounting and Auditing Department
Ural State University of Economics

DUDINA Olga Igorevna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Accounting and Auditing Department
Ural State University of Economics

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
Senior Lecturer at the Department
of Technosphere and Environmental Safety
Ural State Agrarian University,

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

ANALYSIS OF COST FORMATION IN THE FIELD OF AUDITING (USING THE EXAMPLE OF UNICON JSC)

Annotation. *The audit industry plays an important role in the effective development of the domestic economy. The industry allows for a high-quality and reliable assessment of the work of economic entities. The presented scientific work is devoted to the analysis of the organization's costs in conducting audit services and identifying trends in their change during difficult economic conditions for the period 2021-2024. The data of the organization under study, scientific literature and electronic resources on the research topic were used for the analysis. Cost analysis in the audit field is an important component against the background of a decline in business activity in the domestic economy. Cost analysis of one of the leading enterprises in the auditing industry allowed us to identify some of the industry's features and the possibilities of adapting the enterprise under study to changing modern conditions. The analysis data shows a significant share of labor costs in the audit company's expenses of more than 88%. In the period of 2022, there is a significant growth rate due to the release of personnel from foreign companies. Significant audit expenses are related to technological solutions, the purchase of modern machinery and equipment, and software licenses. The management of a part of the business (non-core) of the organization under study is carried out with the involvement of outsourcing organizations, which allows optimizing the business processes of the organization. All of the above aspects allow the organization under study to gain competitive advantages and secure leadership positions in the field of audit services.*

Key words: *auditing, analysis, cost of sales, management costs, cost structure, outsourcing, business processes, competitiveness.*

Для проведения анализа использовались данные исследуемой организации ОА «ЮНИКОН» за период с 2021-2024 годы, научная литература и электронные ресурсы по теме исследования. В рамках данного исследования был применен статистико-экономический метод. Научная статья ставит своей целью - анализ затрат организации при проведении аудиторских услуг и выявления тенденций их изменения в период сложных экономических условиях, в том числе влияния санкционного давления. Анализ затрат в аудиторской сфере деятельности является важным составляющим на фоне снижения деловой активности в отечественной экономике. Исследуемая организация «ЮНИКОН» - акционерное общество, по выручки занимает пятое место среди крупных игроков, оказывающих аудиторские услуги в России. Анализ затрат одного из ведущих предприятий в аудиторской отрасли позволяет определить некоторые особенности отрасли и возможности адаптации исследуемого предприятия к изменяющимся современным условиям.

Важная роль при оценке эффективности отдельных сфер деятельности отводится себестоимости продукции (услуг). С этой целью представим анализ себестоимости продаж по статьям анализируемой организации (*таблица 1*).

Таблица 1. Анализ себестоимости продаж по статьи затрат организации, тыс. руб.

Статьи затрат	2021 г.	2022 г.	2023 г	2024 г.	Изменение 2024 к 2021 гг.	
					абсолютное, +-	относительное, %
Расходы на оплату труда	1177082	1318853	1460114	1492388	315306	126,8
Субподрядные работы	50430	24938	27362	4680	-45750	9,3
Амортизация права пользования активом	0	64082	65966	64858	64858	-
Приобретение лицензий на ПО	13826	21537	21699	17480	3654	126,4
Командировочные расходы	18078	17434	17895	18850	772	104,3
Аренда основных средств	81638	13136	20617	23512	-58126	28,8
Прочие	58099	55027	49889	59970	1871	103,2
Сумма затрат всего	1399153	1515007	1663542	1681738	282585	120,2
Темп роста затрат год к году, %	104,3	108,3	109,8	101,1	-	-

Источник: составлено авторами на основе данных организации

Данные таблицы 1 показывают, что за период 2021-2024 годы себестоимость продаж «Юникон» выросла на 20,2 процента с 1,40 до 1,68 млрд руб. Основной рост затрат на предприятии отмечается по статьям на оплату труда на 26,8% (или на 315,3 млн. руб.), приобретение лицензий на ПО на 26,4% с 18,1 до 18,9 млн. руб.

Необходимо отметить появление дополнительной статьи затрат на амортизацию права пользования активом начиная с 2022 года. Данные затраты остаются относительно устойчивыми и варьируют от 64 до 66 млн. руб.

В 2024 году по сравнению с 2021 годом отмечается существенное снижение затрат на субподрядные работы почти на 90% с 50,4 до 4,7 млн. руб., что связано с существенным увеличением предоставлением услуг компаниям напрямую, субъектам хозяйственной деятельности. За анализируемый период значительно снизились затраты на аренду основных средств на 71,2% с 81,6 до 23,5 млн. руб., за счет выкупа значительной части данных основных средств организацией в собственность. Анализ темпов роста себестоимости продаж (год к году) показывает, что в 2022 и 2023 годах расходы увеличились соответственно на 8,3 и 9,8 процентов. Тогда как в 2021 году темп роста себестоимости продаж составлял 4,3% (до усиления санкционного давления), а в 2024 году 1,1% (в замедляющейся экономике).

Таким образом, видно, что при уходе иностранных компаний из отрасли, исследуемая организация увеличила расходы, занимая освободившиеся рыночные ниши, а в 2023 году при росте экономики (вследствие бюджетного импульса) рынок расширился, что привело не только к росту выручки, но и росту затрат аудиторской организации [5; 6]. Существенное изменение себестоимости продаж по статьям затрат в абсолютных данных организации, привело к структурным движениям себестоимости (*таблица 2*).

Таблица 2. Анализ структуры себестоимости продаж по статьи затрат организации, %

Статьи затрат	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение, +-	
					2024 к 2021 гг.	2024 к 2023 гг.
Расходы на оплату труда	84,13	87,05	87,77	88,74	4,61	0,97
Субподрядные работы	3,60	1,65	1,64	0,28	-3,33	-1,37
Амортизация права пользования активом	0,00	4,23	3,97	3,86	3,86	-0,11
Приобретение лицензий на ПО	0,99	1,42	1,30	1,04	0,05	-0,26
Командировочные расходы	1,29	1,15	1,08	1,12	-0,17	0,05
Аренда основных средств	5,83	0,87	1,24	1,40	-4,44	0,16
Прочие	4,15	3,63	3,00	3,57	-0,59	0,57
Сумма затрат всего	100,00	100,00	100,00	100,00	-	-

Источник: составлено авторами на основе данных организации

Анализ структуры себестоимости продаж свидетельствует (таблица 2), что наибольший удельный вес в данных расходах приходится на оплату труда. В 2024 году по сравнению с 2021 годом доля расходов на оплату труда увеличилась на 4,61 процентных пункта с 84,13 до 88,74%. Второе и третье место в структуре затрат приходится на амортизацию права пользования активами и прочие, соответственно 3,86 и 3,57 процентов.

Значительное изменение себестоимости продаж по статьям затрат обусловлено ростом оплаты труда на высококвалифицированные кадры и внедрением современных технологий, применяемых в аудиторской отрасли, в условиях ухода иностранных компаний, работавших в данной отрасли. Существенные затраты в отрасли любой крупной компании приходятся на управление. В *таблице 3* представлены управленческие расходы «Юникон» в разрезе статей затрат.

Таблица 3. Анализ управленческих расходов по статьям затрат организации, тыс. руб.

Статьи затрат	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение 2024 к 2021 гг.	
					абсолютное, +-	относительное, %
Расходы на оплату труда	149083	192260	180851	192712	43629	129,3
Услуги аутсорсинговой организации	40481	40043	39832	48229	7748	119,1
Расходы на добровольное медицинское страхование	3049	12854	13447	14222	11173	466,4
Прочие	60171	22375	11068	10495	-49676	17,4
Сумма затрат всего	252784	267532	245198	265658	12874	105,1
Темп роста затрат год к году, %	105,5	105,8	91,7	108,3	-	-

Источник: составлено авторами на основе данных организации

В 2024 году по сравнению с 2021 годом управленческие расходы организации увеличились на 5,1% достигнув уровня в 265,66 млн. руб. Основной рост затрат пришелся на оплату труда 29,3% (или на 43,63 млн. руб.), услуги аутсорсинговой организации на 19,1% с 40,48 до 48,23 млн. руб.

За анализируемый период высокие темпы роста отмечаются по расходам на добровольное медицинское страхование в 4,7 раза с 3,05 до 14,22 млн. руб. При этом прочие затраты снизились почти в 5 раз с 60,17 до 10,50 млн. руб. Отмечается, что темпы роста управленческих расходов год к году имеют неоднозначную динамику. Так, в 2023 году по сравнению с 2022 годом затраты на управление снизились на 8,3% до 245,20 млн. руб. При этом до 2023 года темпы роста данных расходов составляли в пределах 5,5-5,8 процентов.

Данная динамика показателей затрат на управление свидетельствует, что как таковой управленческий персонал в отечественных компаниях сформирован, при этом за специалистов высшего и среднего звена, высвобождавшихся из иностранных компаний, шла борьба. Более того данные специалисты обладали компетенциями и работали с компаниями, которые работают на отечественном рынке, но обслуживались иностранными аудиторскими организациями. Это объясняется ростом затрат на оплату труда управленцев в 2022 году по сравнению с 2021 годом почти на 30%. За этот же период оплата труда в себестоимости продаж увеличилась на 12%. И это самые высокие темпы роста за период 2021-2024 годы [4]. Влияние отдельных факторов на организацию привело к изменению расходов на управление. В свою очередь, сказалось на структуре управленческих расходов по статьям затрат (*таблице 4*).

Таблица 4. Анализ структуры управленческих расходов по статьям затрат организации, %

Статьи затрат	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение, +-	
					2024 к 2021 гг.	2024 к 2023 гг.
Расходы на оплату труда	59,0	71,9	73,8	72,5	13,56	-1,22
Услуги аутсорсинговой организации	16,0	15,0	16,2	18,2	2,14	1,91
Расходы на добровольное медицинское страхование	1,2	4,8	5,5	5,4	4,15	-0,13
Прочие	23,8	8,4	4,5	4,0	-19,85	-0,56
Сумма затрат всего	100,0	100,0	100,0	100,0	-	-

Источник: составлено авторами на основе данных организации

В структуре управленческих расходов «Юникон» наибольший удельный вез занимают затраты на оплату труда и услуги аутсорсинговой организации, соответственно 72,5 и 18,2 процента в 2024 году. При этом за анализируемый период управленческие расходы существенно изменились, что связано с сокращением в них доли прочих затрат с 23,8 до 4,0 процентов, в пользу увеличения доли других расходов. За период 2021-2024 годы в управленческих расходах доля оплаты труда выросла с 59,0 до 72,5%, расходы на добровольное медицинское страхование с 1,2 до 5,4%, услуг аутсорсинговой организации с 16,0 до 18,2 процентов. Анализ расходов связанных с продажей услуг, управленческими расходами остается важным аспектом конкурентоспособности организации в современных условиях, на фоне воздействия внешних факторов, оказывающих негативное влияние на отечественную экономику [1; 3]. Проведенный анализ затрат в сфере аудиторских услуг конкретной организации показывает:

- значительную долю в затратах аудиторской компании занимают расходы на оплату труда более 88%. При этом в период 2022 года отмечается значительный темпы роста по данному направлению, что вызвано борьбой за рынки, высвобождаемые иностранными компаниями (персонал);

- существенные расходы аудиторской деятельности связаны с технологическими решениями, приобретением современной техники и оборудования, лицензий ПО. Отмечается, что исследуемая организация до 2022 года использовала лизинг в своей деятельности, в 2022 году большая часть арендуемого оборудования было выкуплено на баланс организации;

- важна частью бизнеса (непрофильная) исследуемой организации осуществляется с привлечением аутсорсинговых организации, что позволяет оптимизировать бизнес-процессы организации.

Все вышеперечисленные аспекты позволяют исследуемой организации получить конкурентные преимущества и обеспечить лидерские позиции в сфере аудиторских услуг.

Список литературы:

[1] Аудиторская деятельность в Российской Федерации: финансовые, правовые и международные аспекты / Н. В. Шарапова, В. М. Шарапова, О. В. Мустафина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «КОЛ ЛОК», 2023. – 339 с.

[2] Давлетгулова В. Д. Аудит финансовых результатов / В. Д. Давлетгулова, В. М. Шарапова // Актуальные проблемы социально-экономической статистики и цифровизации экономических расчетов : Сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 05 июня 2023 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. – С. 161-163.

[3] Сидоров Д. А. Учет, анализ и аудит финансовых результатов деятельности предприятия в соответствии с национальными и международными стандартами / Д. А. Сидоров, О. С. Горбунова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2025. – № 2. – С. 220-224.

[4] Сергиенко А. Н. О способах организации учета и анализа затрат на предприятии / А. Н. Сергиенко, М. А. Крылаткова // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: современное состояние и

перспективы развития : Материалы XV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15–16 мая 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2024. – С. 143-146.

[5] Федеральная налоговая служба. URL: https://bo.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 27.04.2026).

[6] Шарапова В. М. Развитие аналитических и аудиторских процедур оценки доходов и расходов организации для повышения достоверности финансовых результатов / В. М. Шарапова, А. Г. к. Каримова, Ю. В. Шарапов // Журнал прикладных исследований. – 2026. – № 2. – С. 261-26

References:

[1] Auditing activity in the Russian Federation: financial, legal and international aspects / N. V. Sharapova, V. M. Sharapova, O. V. Mustafina [et al.]. - Moscow: Limited Liability Company “KOL LOK”, 2023. - 339 p.

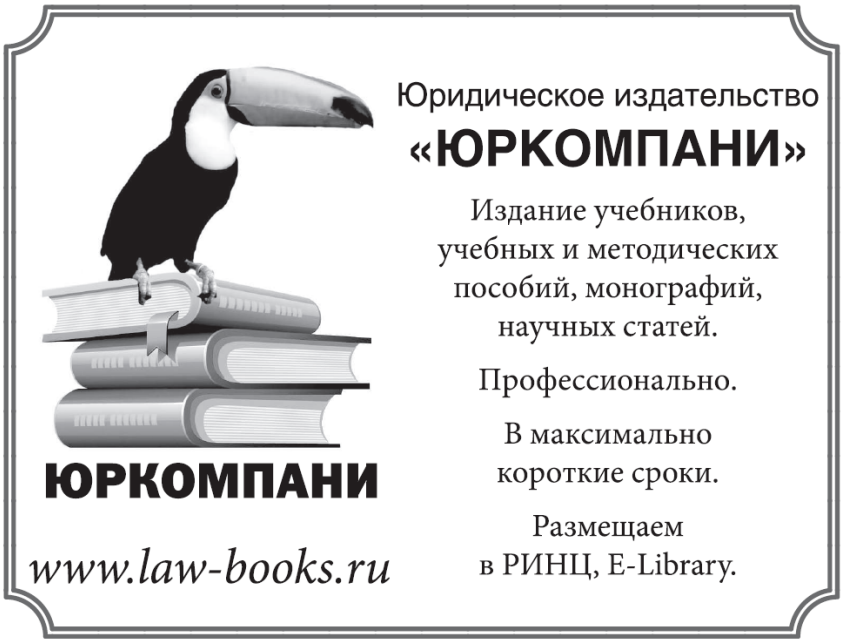
[2] Davletgulova V. D. Audit of financial results / V. D. Davletgulova, V. M. Sharapova // Actual problems of socio-economic statistics and digitalization of economic calculations: Collection of scientific articles of the III All-Russian scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, June 5, 2023. - Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2024. - P. 161-163.

[3] Sidorov D. A. Accounting, analysis and audit of the financial results of the enterprise in accordance with national and international standards / D. A. Sidorov, O. S. Gorbunova // Current issues of modern economics. - 2025. - No. 2. - Pp. 220-224.

[4] Sergienko A. N. On methods of organizing accounting and analysis of costs at the enterprise / A. N. Sergienko, M. A. Krylatkova // Accounting, analysis and audit: current state and development prospects: Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 15-16, 2024. - Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2024. - Pp. 143-146.

[5] Federal Tax Service. URL: https://bo.nalog.gov.ru/ (date of access: 04/27/2026).

[6] Sharapova V. M. Development of analytical and audit procedures for assessing the income and expenses of an organization to improve the reliability of financial results / V. M. Sharapova, A. G. K. Karimova, Yu. V. Sharapov // Journal of Applied Research. - 2026. - No. 2. - P. 261-266.

- ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН -

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-116-121
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

АБРАМОВ Гордей Олегович,
аспирант кафедры административного и финансового права
Юридического института РУДН имени Патриса Лумумбы,
SPIN-код: 6583-0358,
AuthorID: 1281225,
e-mail: 1042250430@rudn.ru

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА НАЛОГОВОГО ОМБУДСМЕНА В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется генезис налогового омбудсмена в зарубежных правопорядках и перспективы его имплементации в России. На примере Пакистана, Канады, США, Грузии и ЮАР показана эволюция от внутриведомственного обжалования к независимым посредническим институтам. Сделан вывод, что общий мандат российского бизнес-омбудсмена недостаточен для учёта сложности налоговых споров. Обосновывается необходимость создания специализированного налогового омбудсмена (по аналогии с финансовым уполномоченным) с полномочиями по рассмотрению жалоб, медиации, анализу системных проблем и вынесению рекомендаций, обязательных для мотивированного ответа со стороны ФНС.*

Ключевые слова: *налоговый омбудсмен, налоговые споры, досудебное урегулирование, зарубежный опыт, налоговая администрация, права налогоплательщиков, имплементация, Российская Федерация.*

ABRAMOV Gordey Olegovich,
Postgraduate student of the Department
of Administrative and Financial Law
Law Institute of RUDN University
named after Patrice Lumumba

GENESIS OF THE TAX OMBUDSMAN INSTITUTION IN FOREIGN LEGAL SYSTEMS AND PROSPECTS FOR ITS IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the genesis of the tax ombudsman institution in foreign legal systems and the prospects for its implementation in Russia. Using the examples of Pakistan, Canada, the United States, Georgia, and South Africa, the author demonstrates the evolution from intra-departmental appeals toward independent intermediary institutions. It is concluded that the general mandate of the Russian Business Ombudsman is insufficient to address the complexity of tax disputes. The need to establish a specialized tax ombudsman (modeled after the financial ombudsman) is substantiated, with powers to review complaints, conduct mediation, analyze systemic problems, and issue recommendations requiring a reasoned response from the Federal Tax Service.*

Key words: *tax ombudsman, tax disputes, pre-trial dispute resolution, foreign experience, tax administration, taxpayers' rights, implementation, Russian Federation.*

Развитие института налогового омбудсмена в зарубежных юрисдикциях демонстрирует эволюцию от классических административных жалоб к созданию независимых посреднических институтов. Мировая практика, особенно в странах с развитыми налоговыми системами, давно осознала, что даже хорошо отлаженная процедура обжалования внутри

фискального ведомства может порождать у налогоплательщиков сомнения в ее объективности, будучи, по сути, «судом над собой» [1; 2].

В ответ на эту проблему в ряде государств был апробирован и успешно внедрен принципиально иной подход – учреждение института налогового омбудсмена (Tax Ombudsman). Данный институт представляет собой логическое развитие идеи справедливого разрешения споров, выступая внешним, независимым от налоговой администрации арбитром, основная задача которого состоит не столько в формальной проверке законности, сколько в поиске справедливого, разумного и быстрого разрешения конфликта, часто через призму принципов добросовестности и надлежащего управления [3; 4]. В связи с этим изучение генезиса и функционирования налогового омбудсмена в различных юрисдикциях приобретает особую актуальность для оценки потенциальных путей дальнейшей эволюции механизмов внесудебного урегулирования, выходящих за рамки совершенствования внутренних административных процедур.

Именно история этого процесса, на текущим момент венчающим этапом которого стало появление института налогового омбудсмена, отражает глобальный поиск более гибких, эффективных и справедливых способов разрешения споров, возникающих в одной из самых конфликтных сфер публично-правовых отношений. Как уже указывалось в данной работе, эта эволюция обусловлена фундаментальным противоречием, заложенным в самой природе налогообложения – столкновением публичного интереса в пополнении казны и частного интереса в сохранении законно заработанного имущества, что требует выработки особых процедур, позволяющих эффективно разрешать данный конфликт без излишней судебной нагрузки.

Изначально досудебное урегулирование в налоговой сфере базировалось на логике иерархического администрирования и принципе субординации. Жалоба налогоплательщика рассматривалась тем же ведомством, которое выносило оспариваемое решение, пусть и на более высоком уровне. Эта модель, сохраняющаяся во многих юрисдикциях, включая Россию, коренится в классическом понимании государственного контроля и исходит из презумпции, что внутренний административный пересмотр, осуществляемый более опытными и компетентными сотрудниками, способен исправить возможные ошибки нижестоящих инстанций.

Однако практика повсеместно выявила системный изъян данного подхода. Ведомственная заинтересованность в результатах контрольной работы, оцениваемых нередко по ключевым показателям эффективности, связанным с объемами доначисленных платежей, пеней и штрафов, объективно препятствует беспристрастному и всестороннему анализу обстоятельств дела. Налогоплательщик, оставаясь в позиции функционально подчиненной стороны, вынужден апеллировать к системе, частью которой является его непосредственный оппонент, что порождает глубинное недоверие и закономерно ведет к переносу спора в судебную плоскость как к единственной воспринимаемой независимой инстанции. Именно это противоречие и стало катализатором глобального поиска альтернатив, приводящих в итоге к концепции специализированного налогового посредника, независимого от фискальной бюрократии.

Возникновение и распространение института омбудсмена в целом, как известно, восходит к шведскому опыту начала XIX века, где была учреждена должность парламентского контролера за соблюдением законов судами и чиновниками. Однако адаптация этой универсальной модели контроля за публичной администрацией к специфике налоговых правоотношений произошла значительно позднее и стала ответом на растущую сложность налогового законодательства, глобализацию экономических связей и обострение конфликта между необходимостью эффективного сбора доходов и обеспечением правовых гарантий для субъектов экономической деятельности [5].

Первые специализированные налоговые омбудсмены начали появляться на рубеже XX-XXI веков, причем в странах с самыми разными правовыми системами, уровнем экономического развития и политическим устройством, что свидетельствует об универсальном характере проблемы и поиске решений вне зависимости от национального контекста. Так, Пакистан учредил Федерального налогового омбудсмена еще в 2000 году, наделив его беспрецедентными для подобных институтов полномочиями, сходными с судебными, включая право проводить расследования, вызывать и допрашивать под присягой свидетелей, истребовать любые документы и даже присуждать компенсации ущерба, возникшего вследствие ненадлежащего администрирования. Эта модель представляла собой мощный внесудебный орган с элементами следственных функций [6].

Несколько иной, более сдержанный путь избрала Канада, где в 2007 году была создана должность Специального советника министра по государственным доходам (Taxpayers' Ombudsman), фактически встроенная в структуру налогового агентства, но сфокусированная на разрешении жалоб, связанных исключительно с качеством обслуживания и соблюдением «Билля о правах налогоплательщика». Этот подход

сознательно смещал акцент с карательного на сервисный аспект, оценивая действия агентства не только с точки зрения законности, но и с позиций справедливости, вежливости и профессионального отношения к гражданам [7; 8, с. 183].

В Великобритании схожие функции с 1996 года выполняет Адъюдикатор по налоговым и таможенным вопросам (Adjudicator), который действует как независимый посредник, рассматривая жалобы на работу налоговой службы после исчерпания ее внутренних процедур, но не являясь частью ее штатной структуры, что обеспечивает внешний взгляд. Параллельно, в 2000-х годах, аналогичные институты стали формироваться и в постсоветских государствах, стремящихся улучшить инвестиционный климат и построить более партнерские отношения с бизнесом [9].

Ярким примером является Грузия, где в 2011 году статус налогового омбудсмена был прямо закреплен в Налоговом кодексе. Грузинская модель предусматривает широкий мандат, включающий защиту прав и законных интересов налогоплательщиков, содействие досудебному разрешению споров, мониторинг системных проблем и право участия в работе Совета по налоговым спорам. При этом омбудсмен назначается премьер-министром по согласованию с парламентом и отчитывается перед ним, что обеспечивает определенную степень независимости от исполнительной власти и подотчетность перед законодательным органом [8, с. 182–183].

В США функции защиты прав налогоплательщиков исторически выполняет Служба защиты налогоплательщиков (Taxpayer Advocate Service), действующая в структуре Службы внутренних доходов, но с четко очерченной компетенцией по рассмотрению исключительных случаев, которые не могут быть разрешены через обычные каналы – таких как чрезвычайные финансовые трудности налогоплательщика, неоправданные задержки или действия, причиняющие значительный ущерб. Служба обладает правом представлять интересы граждан непосредственно перед Конгрессом, ежегодно публикуя отчет о наиболее серьезных проблемах в налоговом администрировании [8, с. 184].

В Австралии с 1990-х годов действуют комиссары по малому бизнесу на федеральном уровне и уровне штатов, которые сочетают функции альтернативного разрешения коммерческих и налоговых споров (через медиацию) с представительской деятельностью по учету интересов малого бизнеса в государственной политике, что делает их гибридным институтом, находящимся на стыке омбудсменской и медиаторской модели [8, с. 181–185]

Таким образом, историческое развитие института налогового омбудсмена демонстрирует его поразительную вариативность: от мощных независимых органов с квазисудебными полномочиями (Пакистан) до встроенных в ведомственную структуру «адвокатов налогоплательщика» (США, Канада) и гибридных моделей, совмещающих посреднические функции с представительскими и аналитическими (Грузия, Австралия).

Особый интерес представляет опыт Южно-Африканской Республики, где в 2012 году в рамках масштабной реформы налогового администрирования был создан институт Налогового омбудсмена (Tax Ombud). Его мандат, закрепленный в Законе о налоговом администрировании, включает рассмотрение жалоб на сервисные, процедурные и административные аспекты работы Налоговой службы (SARS), но при этом он не может рассматривать вопросы налоговой политики, законодательства или решения Налогового суда [10; 11]. Южноафриканский омбудсмен назначается министром финансов и подотчетен ему, а его офис первоначально формировался из сотрудников, временно переведенных из самой налоговой службы, что вызывало критику относительно недостаточной независимости. Однако последующие поправки в законодательство изменили порядок формирования аппарата, повысив его автономию [9]. Данный пример иллюстрирует сложный путь становления института, сопряженный с поиском баланса между независимостью и оперативной эффективностью, доступом к информации и необходимостью завоевания доверия налогоплательщиков.

Важнейшим этапом в легитимации и концептуализации этой роли на международном уровне стало «Руководство ООН по предотвращению и разрешению налоговых споров» [12], где институту налогового омбудсмена уделяется особое внимание [12, с. 101]. Документ, обобщающий лучшие мировые практики, рекомендует странам, где такой институт отсутствует, рассмотреть его создание, выделяя такие ключевые функции, как независимая проверка, сбор информации и содействие альтернативному урегулированию. В качестве успешных кейсов отмечается, например, опыт мексиканского «ПРОДЕКОНа» (Procuraduría de la Defensa del Contribuyente), который за несколько лет помог десяткам тысяч налогоплательщиков через посредничество, консультации и юридическое представительство [12, с. 102–103; 13].

Это свидетельствует о признании на глобальном уровне того, что налоговый омбудсмен перестает быть экзотическим инструментом, превращаясь в стандартный элемент современ-

ной системы налогового администрирования, нацеленный на превенцию конфликтов, снижение уровня конфронтации и создание климата сотрудничества. Отдельного упоминания заслуживает тенденция последних лет к специализации в рамках самого института омбудсменов, когда наряду с общими бизнес-омбудсменами появляются узкопрофильные – по вопросам государственных закупок (Канада), по телекоммуникациям или энергоснабжению (Австралия, Великобритания), что подчеркивает адаптивность модели к конкретным проблемным зонам взаимодействия бизнеса и государства.

Применительно к Российской Федерации история развития внесудебного урегулирования долгое время шла исключительно в русле традиционной административной модели с поэтапным обжалованием в вышестоящий налоговый орган. Осознание ее ограниченности и растущая статистика удовлетворенных судебных исков к ФНС, наглядно демонстрирующая, что суды часто занимают иную правовую позицию, нежели налоговое ведомство, привели к появлению в 2013 году института Уполномоченного по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмена) [14].

Хотя его мандат носит общий характер и распространяется на все сферы взаимодействия бизнеса с государством, именно в практике этого института начали накапливаться первые примеры успешного посредничества в налоговых конфликтах, подготовки правовых позиций и содействия в отмене неправомерных решений инспекций. Это подтвердило высокую востребованность подобного нейтрального функционала именно в налоговой сфере, которая традиционно генерирует значительный объем споров.

Однако, как справедливо отмечают исследователи, общая компетенция бизнес-омбудсмена не позволяет в полной мере учесть всю специфику, техническую сложность и детализацию налоговых правоотношений, требующих особой экспертизы. Этот факт, наряду с обозначенными государством целями снижения нагрузки на судебную систему и формирования комфортной бизнес-среды, актуализирует в российском экспертном и научном сообществе дискуссию о необходимости создания специализированного налогового омбудсмена по аналогии с успешно работающим с 2018 года институтом финансового уполномоченного в сфере финансовых услуг [15].

Предлагаемая для России модель, подробно обоснованная в научной литературе, предполагает учреждение независимого органа посредством принятия специального федерального закона «О налоговых омбудсменах» с внесением соответствующих изменений в Налоговый кодекс. Функционал такого института видится шире, чем просто рассмотрение жалоб; он должен включать проведение примирительных процедур (медиации), анализ и выявление системных проблем в налоговом администрировании с последующими рекомендациями для ФНС и Минфина, а также широкую просветительскую и консультационную деятельность [16].

При этом, следуя международным тенденциям, решения омбудсмена носят рекомендательный характер, однако за налоговыми органами представляется возможным закрепить обязанность мотивированного ответа в случае их отклонения, что придает рекомендациям значительный вес. Особый акцент делается на цифровизацию всех процессов взаимодействия для максимальной прозрачности и оперативности.

Проведённый анализ генезиса института налогового омбудсмена в зарубежных правопорядках позволяет сделать вывод о закономерной эволюции механизмов разрешения налоговых споров. От классической модели иерархического (внутриведомственного) обжалования, неизбежно порождающей у налогоплательщика ощущение «суда над собой», мировые налоговые системы последовательно движутся к созданию внешних, независимых посреднических институтов.

Как показано в работе, универсального образца налогового омбудсмена не существует: представленные модели варьируются от мощных квазисудебных органов (Пакистан) до встроенных в структуру налоговых служб «адвокатов налогоплательщика» (США, Канада) и гибридных образований, сочетающих медиацию с аналитическими функциями (Грузия, Австралия). При всём многообразии подходов их объединяет общая цель — снижение конфликтогенности в налоговой сфере, разгрузка судебной системы и переход от модели «государство-контролёр» к модели «государство-сервис», основанной на принципах справедливости и добросовестного администрирования.

Особую значимость в контексте поставленных задач приобретает международно-правовое признание данного института, в частности в Руководстве ООН по предотвращению и разрешению налоговых споров, что свидетельствует о его трансформации из экзотического инструмента в стандартный элемент современных налоговых систем.

Применительно к Российской Федерации, где долгое время доминировала традиционная административная модель досудебного урегулирования, появление в 2013 году института уполномоченного по защите прав предпринимателей стало важным, но лишь промежуточным этапом.

Общий мандат бизнес-омбудсмена, как справедливо отмечается в литературе, не позволяет в полной мере учесть всю техническую сложность и специфику налоговых правоотношений.

Таким образом, осмысление зарубежного опыта, включая как успешные кейсы, так и проблемные аспекты (например, недостаточная автономия южноафриканского омбудсмена на начальном этапе), подтверждает актуальность дискуссии о создании в России специализированного налогового омбудсмена. Предлагаемая модель – по аналогии с финансовым уполномоченным, но с учётом налоговой специфики – могла бы включать не только рассмотрение жалоб, но и примирительные процедуры, анализ системных проблем налогового администрирования и рекомендательные полномочия с обязательством мотивированного ответа со стороны ФНС. Реализация такого подхода, сопряжённая с цифровизацией процессов, способна вывести российскую систему досудебного урегулирования налоговых споров на качественно новый уровень – уровень, сочетающий фискальную эффективность с реальной гарантией прав добросовестного налогоплательщика.

Список литературы:

[1] Ильин А.Ю., Царева О.Е. К вопросу о досудебном урегулировании налоговых споров с налогоплательщиками // Евразийская адвокатура, 2022. № 2 (57). С. 51–55.

[2] Аджян С.В. Создание института налоговых омбудсменов как нового метода досудебного урегулирования налоговых споров // ЭНИГМА, 2021. № 30. С. 34–38.

[3] Ковалева Ю. Применение института налогового омбудсмена в качестве альтернативного способа разрешения налоговых споров // Legea şi Viaţa : Периодическое издание журнал «Legea si viata» Г.П. (государственное предприятие), 2016. № 10/2. С. 44–48.

[4] Normatov B. The legal nature of the ombudsman's activities to protect the rights and interests of taxpayers // Жамият ва инновациялар – Общество и инновации – Society and innovations, 2021. № 2. С. 201–207.

[5] Петрусев И.А. Формирования института уполномоченных по защите прав предпринимателей в отдельных зарубежных странах // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы XIV международной научно-практической конференции. Отв. редактор Е.Б. Гоголевская, 2020. С. 37–41.

[6] Эмих В.В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: мировой опыт и перспективы развития // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2013. Том 13. Вып. 3. С. 111–137.

[7] Тотурбиев А.А. Анализ практики обеспечения законности в системе государственного управления зарубежных стран / А. А. Тотурбиев // Вестник науки, 2025. № 6 (87). Том 2. С. 1198–1208.

[8] Эмих В.В. Уполномоченные по защите прав предпринимателей: зарубежный опыт и российская модель // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2014. Том 14. Вып. 3. С. 182-185.

[9] Moosa F. Will the Tax Ombud be an Effective Protector of Taxpayers' Rights? // Journal of Forensic, Legal & Investigative Sciences. 2017. Vol. 3, No. 1. P. 1–7.

[10] Новиков О.В. Особенности правового регулирования налога на добавленную стоимость в странах БРИКС на примере Южно-Африканской Республики // Современное общество и право, 2020. № 5 (48). С. 75–79.

[11] Янкевич С.В. Порядок разрешения налоговых споров в Южно-Африканской Республике // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2015. № 4. С. 174–185.

[12] Руководство ООН по предотвращению и разрешению споров ООН. // ООН. URL: https://desapublications.un.org/publications/united-nations-handbook-dispute-avoidance-and-resolution (дата обращения: 20.02.2026).

[13] Закон об адвокатской защите налогоплательщика от 04.09.2006. // Global-regulation.com. URL: https://www.global-regulation.com/translation/mexico/560316/law-organic-of-the-attorney-of-the-defense-of-the-taxpayer.html (дата обращения: 20.02.2026).

[14] Лиликова О.С., Сергеева В.Е. Сравнительная характеристика института уполномоченного по правам предпринимателей в России и зарубежных государствах // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. ИП Шелистов Денис Александрович (Издательский центр «Quantum»), 2019. № 5 (32). С. 812–816.

[15] Запольский С.В. Об административном и процессуально-правовом статусе службы финансового уполномоченного в РФ // Мониторинг правоприменения, 2025. № 4 (57). С. 16-20.

[16] Якушев Р.В. Альтернативное разрешение налоговых споров: современные подходы в странах СНГ и БРИКС // Экономика. Налоги. Право. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 2025. Том 18. № 4. С. 164–171.

References:

[1] Ilyin A.Yu., Tsareva O.E. On the Issue of Pre-Trial Settlement of Tax Disputes with Taxpayers // Eurasian Advocacy, 2022. No. 2 (57). Pp. 51–55.

[2] Adzhyan S.V. Creation of the Institute of Tax Ombudsmen as a New Method of Pre-Trial Settlement of Tax Disputes // ENIGMA, 2021. No. 30. Pp. 34–38.

[3] Kovaleva Yu. Application of the Institute of Tax Ombudsman as an Alternative Method of Resolving Tax Disputes // Legea şi Viaţa: Periodical Publication Journal "Legea si viata" G.P. (State Enterprise), 2016. No. 10/2. Pp. 44–48.

[4] Normatov B. The legal nature of the ombudsman's activities to protect the rights and interests of taxpayers // Jamiyat va innovatsiyalar - Society and innovations, 2021. No. 2. pp. 201–207.

[5] Petrusev I. A. Formation of the Institute of Commissioners for the Protection of Entrepreneurs' Rights in Certain Foreign Countries // Problems of Rights Protection: History and Modernity. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. Editor-in-Chief E. B. Gogolevskaya, 2020. pp. 37–41.

[6] Emikh V. V. Ombudsmen Promoting the Protection of Entrepreneurs' Rights: Global Experience and Development Prospects // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. Vol. 13. Issue 3. pp. 111–137.

[7] Toturbiev A. A. Analysis of the Practice of Ensuring the Rule of Law in the Public Administration System of Foreign Countries / A. A. Toturbiev // Vestnik nauki, 2025. No. 6 (87). Vol. 2. pp. 1198–1208.

[8] Emikh V.V. Commissioners for the Protection of Entrepreneurs' Rights: Foreign Experience and the Russian Model // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2014. Vol. 14. Issue 3. pp. 182–185.

[9] Moosa F. Will the Tax Ombud be an Effective Protector of Taxpayers' Rights? // Journal of Forensic, Legal & Investigative Sciences. 2017. Vol. 3, No. 1. pp. 1–7.

[10] Novikov O.V. Features of the legal regulation of value added tax in the BRICS countries: the example of the Republic of South Africa // Modern Society and Law, 2020. No. 5 (48). Pp. 75–79.

[11] Yankevich S.V. The procedure for resolving tax disputes in the Republic of South Africa // Law. Journal of the Higher School of Economics, 2015. No. 4. Pp. 174–185.

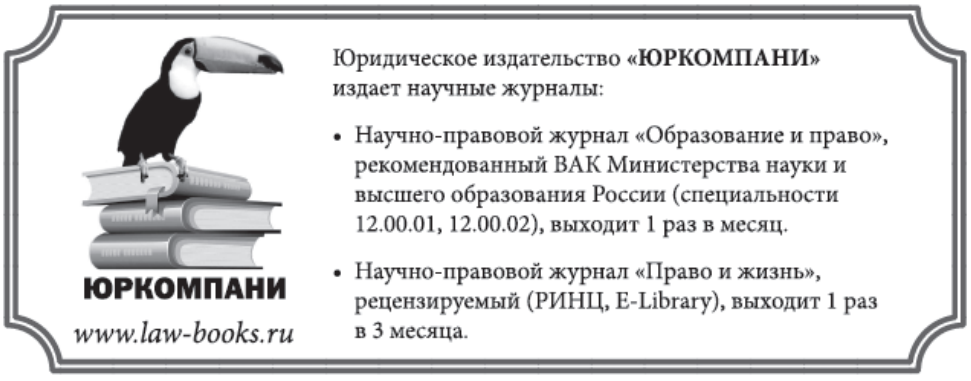
[12] UN Handbook on Dispute Prevention and Resolution. // UN. URL: https://desapublications.un.org/publications/united-nations-handbook-dispute-avoidance-and-resolution (date of access: 20.02.2026).

[13] Law on the Advocacy Protection of Taxpayers dated 04.09.2006. // Global-regulation.com. URL: https://www.global-regulation.com/translation/mexico/560316/law-organic-of-the-attorney-of-the-defense-of-the-taxpayer.html (accessed: 20.02.2026).

[14] Lilikova O.S., Sergeeva V.E. Comparative characteristics of the institution of the Commissioner for the Rights of Entrepreneurs in Russia and Foreign States // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. Individual Entrepreneur Denis Aleksandrovich Shelistov (Quantum Publishing Center), 2019. No. 5 (32). pp. 812–816.

[15] Zapolsky S.V. On the administrative and procedural-legal status of the financial ombudsman service in the Russian Federation // Monitoring of Law Enforcement, 2025. No. 4 (57). pp. 16–20.

[16] Yakushev R.V. Alternative resolution of tax disputes: modern approaches in the CIS and BRICS countries // Economy. Taxes. Law. Financial University under the Government of the Russian Federation. 2025. Vol. 18. No. 4. P. 164–171.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-122-127
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Анна Григорьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского государственного университета
нефти и газа имени И.М. Губкина,
e-mail: annamajstrenko@yandex.ru

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИКО- САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЦ НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. *Право на охрану здоровья и получения медицинской помощи, а при необходимости – и медико-санитарного обеспечения является одним из важнейших для человека, независимо от его правового статуса. В виду особой значимости оно обладает сложным многоуровневым характером, основу которого составляют предписания международных нормативных актов, договоров и иных документов, а также принятые в соответствие с ними законодательные и иные нормативные акты Российской Федерации. Для лиц, лишенных свободы, важно, чтобы имплементированные национальной правовой системой стандарты и принципы вписались в комплексный правообеспечительный режим.*

Ключевые слова: *здоровье, медицинское обеспечение, осужденные, лишение свободы, международные нормы, национальное законодательство, защита лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, международные договоры и документы, медико-санитарное обеспечение.*

MAISTRENKO Anna Grigoryevna,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Civil and Business Law,
All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry
of Economic Development of the Russian Federation,
Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

INTERNATIONAL AND DOMESTIC LEGAL REGIME FOR THE PROTECTION OF HEALTH AND MEDICAL CARE FOR PERSONS IN PLACES OF DETENTION

Annotation. *The right to health care and medical assistance, and, if necessary, to medical and sanitary support, is one of the most important rights for every individual, regardless of their legal status. Due to its significance, this right has a complex and multi-level structure, which is based on the provisions of international regulations, treaties, and other documents, as well as the legislative*

and other regulatory acts of the Russian Federation that are in line with them. For individuals who are deprived of their freedom, it is important that the standards and principles implemented by the national legal system fit into a comprehensive legal framework.

Key words: *health, medical care, convicts, imprisonment, international norms, national legislation, protection of persons serving sentences in places of deprivation of liberty, international treaties and documents, medical and sanitary care.*

Одним из важнейших благ и состояний личности, наряду с правом на жизнь, защиту чести, достоинства, является право на охрану здоровья, поскольку именно оно «представляет особую ценность, непосредственно связанную со всеми сферами жизнедеятельности» [17, с. 3].

Право на охрану здоровья обладает межотраслевым правовым характером регулирования, поскольку, оно, прежде всего, базируется на нормах международного права, наряду с одноименными принципами представляющими собой необходимый минимум социальных прав [15, с. 397], а затем на реципировавших их основные предписания межотраслевых нормах внутригосударственного законодательства.

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [2], не содержит непосредственного упоминания о праве на охрану здоровья и медицинскую помощь, но при этом устанавливает комплекс иных прав, ориентированных на достижение оптимально благоприятного результата в этой области, в частности: право на осуществление необходимых для развития личности в социальной области прав (а именно к ней относится здравоохранение – примечание автора) через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства (ст. 22); право на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния самого человека и его семьи (ст. 25), право каждого на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в Декларации, могут быть полностью осуществлены (ст. 28).

Достойное развитие право на охрану здоровья получило в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [3], закрепившем право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, включающее обеспечение сокращения мертворождаемости; улучшение всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности; предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними; создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни (ст. 12).

Международно-правовой режим охраны здоровья человека в силу своего универсального характера воплощается в национальном режиме медицинского обеспечения лиц, лишенных свободы.

В.С. Маличенко в докторском диссертационном исследовании отмечает: «Характерной особенностью международно-правового регулирования сферы охраны здоровья является межсекторальный и межотраслевой подход, подразумевающий системное вовлечение различных субъектов международных отношений, включая негосударственные организации, а также использование международных договоров и документов международных организаций, формирующих различные отрасли международного права» [16].

Международные нормы выступают вектором и методологической основой, практическим руководством формирования законодательства государств о правовом положение осужденных, а также лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, подозреваемых и обвиняемых, которым в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу.

Перечисленные лица не утрачивают своей правосубъектности по причине их социального положения, особенно, когда речь идет о статусе неосужденных лиц (обвиняемых и подозреваемых), которые в силу принципов осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности, несмотря на проводимое в отношении них уголовное преследование, не являются признанными виновными в совершении преступления.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (правила Нельсона Манделы), принятые Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2015 г. (пересмотренный текст) [4] устанавливают в качестве обязательных комплекс санитарных требований к помещениям, в которых содержатся заключённые (правила 13–18). Проветривание, освещение (с целью исключения безопасности для зрения при чтении), отопление и вентиляция таких помещений, проводимые регулярно и в оптимальном для возможного комфорта заключенных режиме – конструктивные мероприятия, направленные на поддержание физического благополучия и охрану здоровья этих лиц.

Правила Нельсона Манделы включают раздел о медико-санитарном обслуживании заклю-

ченных, которое должно исключать какую-либо дискриминацию по признаку их правового статуса и включать в себя: непрерывность лечения и ухода, в том числе в связи с ВИЧ, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями, а также наркозависимостью (правило 24).

Правило 26 устанавливает порядок функционирования медико-санитарной службы, а 27 – режим незамедлительного доступа к экстренной медицинской помощи, в том числе требующей хирургического вмешательства, включая перевод в специализированные учреждения и гражданские больницы, где осужденным должны быть обеспечены необходимый уход и лечение.

Особое внимание в Правилах Нельсона Манделы уделено оборудованию помещений для необходимого лечения и ухода за беременными женщинами и роженицами (правило 29).

Международным нормативным документом, в определенной степени сфокусированным, помимо иных прав, на охрану здоровья лиц, лишенных свободы, является также Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме от 9 декабря 1988 г. [5], в частности, в нем содержится предписание о том, что ни одно задержанное или находящееся в заключении лицо не должно даже с его согласия подвергаться каким-либо медицинским или научным опытам, могущим повредить его здоровью (принцип 22), и о том, что задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется возможность пройти надлежащее медицинское обследование в возможно кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания или заключения; впоследствии ему предоставляется медицинское обслуживание и лечение всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Обслуживание и лечение предоставляются бесплатно. (принцип 24).

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [1], содержит программное положение о праве каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) [1].

Право каждого – значит, право любого человека, независимо от того, в каком статусе и в какой ситуации правового характера он оказался в конкретный момент, в том числе в ситуации отбывания наказания за совершенное преступление, то есть включенного в определенную социальную общность лишенных свободы, ограниченных в правах, но не утративших эти права полностью, лиц. В этой связи как никогда убедительно звучит утверждение И.В. Лесковой и Д.А. Лушникова: «… в качестве определения проблемного поля стоит сказать, что если кризис в России ухудшил социальное положение большинства граждан, то для осужденных к лишению свободы многие социальные изменения могли носить фатальный характер» [14].

Значимость государственной заботы о физическом и психическом здоровье осужденных к лишению свободы, по мнению А.А. Истомина, может быть истолкована в качестве одного из компонентов, влияющих на формирование системы ценностных ориентаций этих лиц, поскольку интрапсихические взаимосвязи этой системы определяются не только уровнем адаптированности к условиям исправительного учреждения, но и с состоянием здоровья [13, с. 8].

В известной степени можно вести речь о том, что оказание медицинской помощи и медико-санитарное обеспечение осужденных к лишению свободы является проявлением принципов законности и гуманизма, заложенных в уголовно-исполнительном законодательстве, в частности, в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [6].

УИК РФ содержит отдельную норму (ст. 101), посвященную медико-санитарному обеспечению осужденных к лишению свободы [6].

Прежде всего, следует отметить, что в ч. 1 ст. 101 УИК РФ, носящей отсылочный характер, указывается, что профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений и законодательством РФ. В данной норме речь идет о Правилах, утвержденных приказом Минюста РФ от 4 июля 2022 г. № 110 [10] (далее – Правила).

Примечательно, что медицинская помощь осужденным к лишению свободы оказывается медицинской организацией уголовно-исполнительной системы (далее –УИС) в соответствии с Федеральным законом РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» [7] (то есть в правовом режиме, установленном в равной степени для всех граждан) и Приказом Минюста от 28 декабря 2017 г. № 285 [11] (п. 154 Правил).

При невозможности оказания медицинской помощи в медицинских организациях УИС осужденные к лишению свободы имеют право на оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также на приглашение для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций (п. 155 Правил).

Оказание осужденным к лишению свободы медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем

здравоохранения, а также приглашение для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы в медицинских организациях УИС производится за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели ФСИН России, и в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 1466 [8].

В УИС, согласно ч. 2 ст. 101 УИК РФ, для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения.

Приведенное предписание признано постановлением Конституционного Суда РФ от 8 июня 2021 г. № 27-П [11] не противоречащим Конституции РФ и свидетельствует о гуманном отношении к осужденным к лишению свободы, а также является формой, обеспечивающей функционирование правореализационного механизма, основанного не только на всеобщем характере медицинской помощи, исключающем ограничение (о лишении речь не идет) права на медицинскую помощь в зависимости от специального правового статуса, возникающего в связи с вынесением обвинительного приговора.

Администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных (ч. 3 ст. 101 УИК РФ), в частности, в случаях отказа осужденного от приема пищи и возникновения угрозы его жизни допускается принудительное питание осужденного по медицинским показаниям (ч. 4 ст. 101 УИК РФ), поскольку подобный отказ создает угрозу не только для здоровья, но и жизни осужденного.

В ст. 101 УИК РФ, также в силу отсылочного характера данной нормы, содержится указание на нормативный порядок оказания осужденным медицинской помощи, организация и проведения санитарного надзора, порядок и сроки направления на освидетельствование и переосвидетельствование осужденных, являющихся инвалидами; обеспечения условий для проведения реабилитационных мероприятий, пользования техническими средствами реабилитации и услугами, предусмотренными индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида, и на иные мероприятия медико-санитарного характера.

Анализ содержания ст. 101 УИК РФ и принятых в целях ее реализации подзаконных актов позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации действует эффективная система охраны здоровья и медико-социального обеспечения лиц, лишенных свободы. В то же время следует отметить, что в указанной норме и соответствующих подзаконных актах не содержится предписаний об ежегодной диспансеризации лиц, привлеченных к труду в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Удовлетворительное состояние их здоровья предполагается либо считается установленным при отсутствии обращения за медицинской помощью. При этом отдельные, в том числе неизлечимые и инфекционные, заболевания на первоначальной (скрытой) стадии и при длительной ремиссии могут протекать бессимптомно. Следовательно, требуется конкретизация правовых оснований охраны здоровья и оказания медико-санитарной помощи осужденным к лишению свободы посредством включения в ст. 101 УИК РФ указания на порядок проведения диспансеризации осужденных, привлекаемых к труду.

Особое внимание в процессе оказания медицинской помощи осужденным уделяется при диагностировании у них социально-значимых заболеваний (СЗЗ), перечень которых утвержден постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 [9] (далее – Перечень № 715).

В перечень № 715, в частности, включены такие заболевания как: болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), гепатит В, гепатит С, лепра, малярия, туберкулез, чума и другие.

У осужденных, больных СЗЗ, потребность в медицинской помощи возрастает по мере ухудшения их состояния здоровья и возникновения осложнений. Лечение таких осужденных осуществляется путем привлечения дополнительных средств и укрепления материально-технической базы учреждений УИС [18, с. 4].

Таким образом, следует признать, что Российская Федерация в полной мере признает и включает в национальную правовую систему в целом и уголовно-исполнительное законодательство – в частности комплекс основополагающих предписаний международных нормативных актов об охране здоровья, медицинской помощи и медико-санитарном благополучии осужденных к лишению свободы. Трудности экономического, финансового и организационного плана возможны в силу непростой ситуации в стране, вызванной санкциями Запада и Европейского Союза, это явление неизбежное, но преодолимое и временное.

На сегодняшний день особым содержанием необходимо наполнить воспитательную работу с осужденными в контексте ориентирования их не только на законопослушное поведение, но и здоровый образ жизни.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 04.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 03.03.2014. № 9. Ст. 851.

[2] Всеобщая декларация прав человека. Принята Резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. № 67, 05.04.1995.

[3] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966. Вступил в силу 03.01.1976 // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.

[4] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (правила Нельсона Манделы), принятые резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 17.12.2015 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/1305346/ (дата обращения: 30.05.2026).

[5] Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме / Принят 09.12.1988 Резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН // Советская юстиция. 1992. № 6. С. 20.

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, и изм от 17.12.2025) // Российская газета. № 9-10, 16.01.1997.

[7] Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

[8] Постановление Правительства РРФ от 28.12.2012 № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 61.

[9] Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (ред. 31.01.2020) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12137881/ (дата обращения 31.05.2026).

[10] Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 30.09.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 №69157) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). Номер опубликования 0001202207060002.

[11] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 9 февраля 2018 г., регистрационный N 49980) с изменениями, внесенными приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 6 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 13 февраля 2020 г., регистрационный № 57494) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). Номер опубликования .0001202512260008.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2021 № 27-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Яковлева» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). Номер опубликования 0001202106100001.

[13] Истомин А.А. Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы: автореф. дис. … канд. психолог. наук. Рязань, 2011. 26 с.

[14] Лескова И.В., Лушников Д.А. Ценностные ориентации осужденных в условиях закрытого учреждения пенитенциарной системы // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. № 1. URL: ttps://sfk-mn.ru/PDF/28KLSK125.pdf?ysclid=mpu0l8xdp-9612527075 (дата обращения 31.05.2026).

[15] Лушников А.М., Лушникова М.В., Турусина Н.Н. Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения. М.: Проспект, 2010. 432 с.

[16] Меличенко В.С. Международно-правовой режим передачи и доступа к технологиям здравоохранения: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2024. 496 с.

[17] Нечаев С.В. Правовое регулирование медицинской помощи по международному и российскому праву: комплексный анализ: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2020. 223 с.

[18] Нистратова И.С. Исполнение наказаний в отношении осужденных, больных социально значимыми заболеваниями: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Грозный, 2019. 30 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended on 04.10.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 03.03.2014. No. 9. Article 851.

[2] Universal Declaration of Human Rights. Adopted by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10.12.1948 // Rossiyskaya Gazeta. No. 67, 05.04.1995.

[3] International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly on 16.12.1966. Entered into force on 03.01.1976 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 28.04.1976. No. 17. Art. 291.

[4] Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules), adopted by the UN General Assembly resolution on 17.12.2015 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/1305346/ (date of access: 30.05.2026).

[5] Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment / Adopted on 09.12.1988 by Resolution 43/173 of the UN General Assembly // Sovetskaya yustitsiya. 1992. No. 6. P. 20.

[6] Criminal Executive Code of the Russian Federation / Federal Law of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 31.07.2025, and amended on 17.12.2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 9-10, 16.01.1997.

[7] Federal Law of the Russian Federation of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens of the Russian Federation" (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 28.11.2011. No. 48. Art. 6724.

[8] Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.12.2012 No. 1466 "On approval of the Rules for the provision of medical care to persons detained or serving a sentence of imprisonment in medical organizations of the state and municipal healthcare systems, as well as inviting specialist doctors from the said medical organizations to consult when it is impossible to provide medical care in institutions of the penal system" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 1. Art. 61.

[9] Resolution of the Government of the Russian Federation of 1 December 2004 No. 715 "On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others" (as amended on 31.01.2020) // SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/12137881/ (accessed 31.05.2026).

[10] Order of the Ministry of Justice of Russia dated 04.07.2022 No. 110 (as amended on 30.09.2025) "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal System, the Internal Regulations of Correctional Institutions, and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal System" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 05.07.2022 No. 69157) // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). Publication number 0001202207060002.

[11] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 28, 2017 No. 285 "On Approval of the Procedure for Organizing the Provision of Medical Care to Persons Detained or Serving a Sentence of Imprisonment" (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on February 9, 2018, registration No. 49980) as amended by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of January 31, 2020 No. 6 (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on February 13, 2020, registration No. 57494) // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). Publication number .0001202512260008.

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.06.2021 No. 27-P "On the case of verifying the constitutionality of parts one and eight of Article 74, part two of Article 101 and paragraph "c" of part one of Article 115 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.V. Yakovlev" // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru). Publication number 0001202106100001.

[13] Istomin A.A. The system of value orientations of persons sentenced to imprisonment: author's abstract. diss. … candidate of psychological sciences. Ryazan, 2011. 26 p.

[14] Leskova I.V., Lushnikov D.A. Value orientations of convicts in a closed institution of the penitentiary system // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2025. Vol. 16. No. 1. URL: ttps://sfk-mn.ru/PDF/28KLSK125.pdf?ysclid=mpu0l8xdp9612527075 (accessed 31.05.2026).

[15] Lushnikov A.M., Lushnikova M.V., Turusina N.N. Agreements in the Sphere of Family, Labor, and Social Security. Moscow: Prospect, 2010. 432 p.

[16] Melichenko V.S. International Legal Regime of Transfer of and Access to Health Technologies: Diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2024. 496 p.

[17] Nechaev S.V. Legal Regulation of Medical Care Under International and Russian Law: A Comprehensive Analysis: Dis. ... Cand. jurid. sciences. Yaroslavl, 2020. 223 p.

[18] Nistratova I.S. Execution of punishments for convicts suffering from socially significant diseases: author's abstract. diss. … candidate of legal sciences. Grozny, 2019. 30 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-128-138

АНТОНОВА Наталья Владиславовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
отдела социального законодательства
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Ответственный секретарь
Комиссии по юридической науке АЮР,
e-mail: natalli_an@mail.ru

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории правового мониторинга
и социологии права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: report.izak@yandex.ru

ХЬЕУ Буй Данг,
доктор юридических наук, доцент, старший советник
Юридического факультета Nguyen Tat Thanh University,
Хошимин, Вьетнам,
e-mail: bdhieu@ntt.edu.vn

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ И ВЬЕТНАМЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена сравнительно-правовому анализу взаимодействия двух ключевых детерминант развития современной культуры правотворчества: исторически сложившихся правовых традиций и стремительно внедряемых цифровых технологий. На примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам авторы исследуют, как традиционные элементы правотворческой культуры (субъектный состав, стадии, источники права, ценностные ориентиры, роль обычая) трансформируются под воздействием цифровизации. Выделяются четыре модели взаимодействия (конфликт, адаптация, синергия, замещение) и на основе эмпирического анализа делается вывод о преобладании в России конфликтно-адаптационной модели с низкой синергией, а во Вьетнаме – адаптивно-синергийной модели при сохранении партийно-государственного контроля. Формулируются практические рекомендации по гармонизации традиций и цифровых новаций, а также направления двустороннего сотрудничества.*

Ключевые слова: *правотворческая культура, правовые традиции, цифровизация, сравнительное правоведение, Российская Федерация, Социалистическая Республика Вьетнам, трансформация правотворчества, искусственный интеллект, электронная демократия, правовой нигилизм.*

ANTONOVA Natalia Vladislavovna,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Department of Social Legislation,
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation,
Executive Secretary,
Commission on Legal Science, Russian Academy of Law

BASANGOV Denis Anatolyevich,
Candidate of Law,
Senior Researcher, Laboratory of Legal Monitoring
and Sociology of Law,
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation

HIEU Bui Dang,
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Advisor,
Faculty of Law, Nguyen Tat Thanh University,
Ho Chi Minh City, Vietnam

TRANSFORMING LAWMAKING CULTURE IN RUSSIA AND VIETNAM: THE INTERACTION OF LEGAL TRADITIONS AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Annotation. *This article provides a comparative legal analysis of the interaction between two key determinants of the development of modern lawmaking culture: historically established legal traditions and rapidly implemented digital technologies. Using the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam as examples, the authors examine how traditional elements of lawmaking culture (subject composition, stages, sources of law, value orientations, the role of custom) are transformed under the influence of digitalization. Four models of interaction are identified (conflict, adaptation, synergy, substitution). Based on the empirical analysis, it is concluded that the conflict-adaptation model with low synergy prevails in Russia, while the adaptive-synergy model, while maintaining party-state control, prevails in Vietnam. Practical recommendations for harmonizing traditions and digital innovations are formulated, as well as areas for bilateral cooperation.*

Key words: *lawmaking culture, legal traditions, digitalization, comparative law, Russian Federation, Socialist Republic of Vietnam, lawmaking transformation, artificial intelligence, e-democracy, legal nihilism.*

Культура правотворчества, понимаемая как совокупность ценностных ориентиров, процедурных правил, профессиональных навыков и этических норм, сопровождающих процесс создания, изменения и отмены нормативных правовых актов, находится в состоянии глубокой трансформации. Эта трансформация обусловлена действием двух разнонаправленных, но одновременно присутствующих факторов. Первый, – это правовые традиции, которые представляют собой исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение стереотипы правового мышления, поведения и оценки, придающие правотворчеству стабильность, предсказуемость и легитимность. Второй, – это цифровые технологии, вторгающиеся в правовую сферу с требованиями открытости, оперативности, автоматизации, вовлеченности широких масс и универсализации процедур.

Как отмечается в юридической науке, российская и вьетнамская правотворческие культуры, несмотря на общее социалистическое прошлое, имеют существенные различия, коренящиеся в несовпадении культурно-цивилизационных оснований [6; 13]. В то же время обе страны активно внедряют цифровые инструменты в законотворческий процесс, хотя и с разной степенью системности и эффективности. Однако вопрос о том, как именно взаимодействуют традиции и цифровизация, дополняют ли они друг друга, вступают в конфликт или порождают качественно новую правотворческую реальность, остается открытым и требует специального сравнительно-правового исследования.

В настоящей статье предлагается выявить основные формы, механизмы и последствия взаимодействия правовых традиций и цифровых технологий в процессе трансформации культуры правотворчества в России и во Вьетнаме. Для достижения этой цели представляется значимым: 1) определить теоретическую рамку правового анализа; 2) выделить ключевые элементы правотворческой культуры, наиболее чувствительные к такому взаимодействию; 3) провести сравнительный анализ опыта двух стран по каждому из выделенных элементов; 4) охарактеризовать типы взаимодействия и их проявления; 5) сформулировать прогноз и рекомендации по гармонизации.

При этом важно подчеркнуть, что на сегодняшний день представителями юридической науки и смежных областей научного знания пока

еще не проведено комплексного сравнительного анализа взаимодействия правовых традиций и цифровых технологий в правотворческой культуре России и Вьетнама, не предложена типология такого взаимодействия (конфликт, адаптация, синергия, замещение), как и не сформулированы практические рекомендации для обеих стран.

1. Теоретическая основа исследования: понятие и уровни взаимодействия правовых традиций и цифровых технологий.

Прежде всего необходимо разграничить ключевые понятия. Под правовыми традициями в данной статье понимаются устойчивые, исторически обусловленные элементы правовой культуры, обеспечивающие преемственность в развитии права [15; 16; 17; 24; 26]. Они включают в себя: а) представления о роли закона и государства в обществе; б) устоявшиеся процедуры принятия правовых решений; в) иерархию источников права; г) ценностные ориентиры (справедливость, гуманизм, коллективизм); д) отношение к обычаю и неформальным практикам [1; 3; 18; 23; 28]. Правовые традиции выполняют консервативную, стабилизирующую функцию, препятствуя радикальным и непродуманным реформам.

Цифровые технологии в правотворчестве – это совокупность информационно-коммуникационных, аналитических и автоматизированных инструментов (электронный документооборот, платформы для общественного обсуждения, системы искусственного интеллекта, базы данных, цифровая идентификация), используемых на всех стадиях правотворческого процесса. Они несут в себе инновационный потенциал, направленный на повышение прозрачности, оперативности, доступности и эффективности [7, с. 68; 26, с. 8].

Взаимодействие этих двух факторов может принимать различные формы. В теоретической части можно выделить четыре модели:

– конфликт, когда цифровые процедуры разрушают или игнорируют устоявшиеся традиционные нормы, что вызывает сопротивление субъектов правотворчества, снижает легитимность принимаемых актов или приводит к формальному, неработающему внедрению технологий;

– адаптация, когда традиционные институты и процедуры изменяются, чтобы включить цифровые инструменты, но при этом сохраняют свою сущность и иерархию (цифровизация «подстраивается» под традицию);

– синергия, когда цифровые технологии усиливают и реализуют потенциал, заложенный в правовых традициях, позволяя достичь целей, которые ранее были недостижимы (например, реальное народное участие при сохранении централизованного руководства);

– замещение, когда традиционные элементы полностью вытесняются цифровыми аналогами, меняется сама природа правотворческой деятельности (например, автоматизированное принятие нормативных решений вместо коллегиального обсуждения) [7; 26].

Критериями оценки трансформации культуры правотворчества выступают: степень сохранения традиционных ценностей, уровень цифровизации (глубина проникновения технологий), эффективность (скорость, качество, соблюдение сроков) и легитимность (доверие граждан, восприятие законов как справедливых).

2. Правовые традиции России и Вьетнама как базовый контекст цифровой трансформации.

Для понимания того, как цифровизация изменяет правотворческую культуру, необходимо кратко охарактеризовать исходное состояние правовых традиций в сравниваемых странах.

Российская правовая традиция характеризуется следующими чертами. Во-первых, этатизмом – приоритетом государства и его интересов над личностью и обществом, уходящим корнями в византийское наследие и советский период [10, с. 28]. Во-вторых, правовым нигилизмом – устойчивым недоверием к формальному закону, привычкой обходить или нарушать правовые предписания при отсутствии неблагоприятных последствий [5, т. 7, с. 251; 11, с. 103]. В-третьих, приоритетом кодификации – стремлением охватить все сферы общественных отношений подробными, иерархически выстроенными нормативными актами. В-четвертых, слабой ролью обычая – местные традиции и обыкновения редко признаются источниками права [1]. В-пятых, закрытостью процедур – традиционно правотворчество было делом узкого круга профессионалов (депутатов, правительства, экспертов), а участие граждан носило эпизодический и формальный характер [15; 16].

Вьетнамская правотворческая культура представляет собой многослойный синтез [6; 31], его ключевые черты: 1) конфуцианское уважение к писаным правилам и иерархии, когда закон воспринимается как легитимное выражение воли верховной власти; 2) французское колониальное наследие, выразившееся в допустимости обычая как источника права и в развитой кодификационной технике (Гражданский кодекс Тонкина 1931 г. прямо отсылал к обычаю [30, p. 1]); 3) социалистическая модель, закрепившая ведущую роль Коммунистической партии, принципы «социалистической законности» и «демократического централизма» [14, с. 133]; 4) партийно-централизованное руководство правотворчеством, при котором стратегические направления определяются партийными документами, а Национальное собрание оформляет их в законы.

Важное отличие от России заключается в более высокой степени правовой дисциплины населения и уважения к официальным нормам, что связано с конфуцианским воспитанием. Кроме того, во Вьетнаме традиционно сильнее роль общественного обсуждения законопроектов (через Фронт Отечества), хотя это обсуждение организуется и контролируется партией [27, с. 5; 29].

Таблица 1. Сравнительная таблица традиционных параметров

Параметр	Россия	Вьетнам
Отношение к закону	Нигилистическое, инструментальное	Уважительное, дисциплинированное
Приоритет ценностей	Государственный интерес, коллективизм	Партийно-государственный интерес, коллективизм, иерархия
Роль обычая	Минимальная, преимущественно в гражданском обороте	Заметная, допускается законом (особенно в семейном и земельном праве)
Субъекты правотворчества	Формально широкие, реально – узкий круг	Централизованные, партийно-государственная вертикаль
Открытость процедур	Низкая, формальные обсуждения	Средняя, организованное обсуждение через Фронт Отечества
Правовая дисциплина	Низкая	Высокая (конфуцианское наследие)

3. Цифровые технологии в правотворчестве России и Вьетнама: современное состояние. Важно подчеркнуть, что цифровая трансформация имеет национальную специфику.

В России была создана базовая инфраструктура цифрового правотворчества, которая включает: систему обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) для электронного документооборота между субъектами права законодательной инициативы; федеральный портал regulation.gov.ru для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов; портал «Российская общественная инициатива» (РОИ) для сбора подписей под предложениями граждан; эксперименты по использованию искусственного интеллекта для правовой экспертизы и прогнозирования последствий законов [7, с. 5–6].

Однако, как отмечается в правовой доктрине, «полноценного регулирования цифровизации правотворчества в России пока не сформировано» [7, с. 6]. Общественные обсуждения часто носят формальный характер: ведомства размещают проекты в последний момент, содержательные замечания не всегда учитываются. Цифровое неравенство регионов ограничивает участие граждан из отдаленных территорий. Нет единых стандартов использования ИИ.

Вьетнам, напротив, демонстрирует более системный и централизованный подход. В декабре 2025 года был принят Закон о цифровой технологической индустрии (цифровой трансформации), закрепляющий стандарты открытых данных, цифровой идентичности и электронных транзакций [32]. Ключевой элемент – это Национальный правовой портал (phapluat.gov.vn), интегрированный с системой цифровой идентификации VNeID. Портал объединяет Вьетнамский правительственный вестник, базу административных процедур, портал Министерства юстиции и профессиональные ресурсы. Граждане, авторизовавшись через VNeID, могут направлять замечания по проектам актов, отслеживать их рассмотрение и получать официальные ответы. Ответы и статистика публикуются, что создает новую практику публичной отчетности [28; 29].

Министерство юстиции развивает приложения искусственного интеллекта для автоматизированного выявления коллизий, проверки терминологии, определения дублирующих норм. Одновременно создаются 11 национальных отраслевых баз данных (земля, финансы, образование, гражданское состояние и др.), которые служат эмпирической основой для мониторинга эффективности законодательства [28; 29].

При этом цифровизация вписывается в партийно-государственную модель, где окончательные решения остаются за партийной вертикалью, а цифровые инструменты работают как каналы обратной связи, не подрывая централизации.

Таблица 2. Сравнительный уровень цифровизации

Критерий	Россия	Вьетнам
Наличие закона об электронном правотворчестве	Нет (только стратегии)	Да (Закон о цифровой технологической индустрии, 2025 [32])
Единый правовой портал	СОЗД (для документооборота) + regulation.gov.ru (обсуждение)	Единый Национальный правовой портал
Интеграция с цифровой идентификацией	Частичная (ЕСИА)	Полная (VNeID)
Публикация статистики по обращениям	Несистемная	Обязательная, с ответами
Использование ИИ в правотворчестве	Экспериментальное, фрагментарное	Системное, в Министерстве юстиции
Охват населения	Ограничен (цифровое неравенство)	Более равномерный, но низкий абсолютный уровень

4. Взаимодействие традиций и цифровых технологий в правотворчестве России и Вьетнама: эмпирический анализ.

Анализируя взаимодействие правовых традиций и цифровизации по ключевым элементам правотворческой культуры можно отметить следующее.

Традиционная модель в России представлена ограниченным кругом – это депутаты, правительство, президент и ведомства; во Вьетнаме – это партийно-государственная вертикаль, где реальные решения принимаются партийными органами, а Национальное собрание выполняет функцию легитимации.

Цифровое воздействие в странах в основном сосредоточено в области краудсорсинговых технологий, онлайн-петиций и электронных консультаций, что значительно расширяет круг участников до любого гражданина, имеющего доступ к интернету.

Результат взаимодействия для России во многом выражен в конфликте между традиционной закрытостью и декларируемой цифровой открытостью, поскольку портал regulation.gov.ru используется, но реального влияния граждан на содержание законопроектов не происходит. Российские ученые отмечают ситуацию, при которой наблюдается «формальное расширение субъектов при низкой реальной включенности» [8, с. 205]. Во Вьетнаме же имеет место адаптация: цифровые инструменты встроены в иерархическую систему, граждане могут высказывать мнения, но они не обязательны для учета. При этом публикация ответов и статистики создает механизм мягкого давления. Партийный контроль сохраняется, но прозрачность повышается.

Традиционные стадии правотворческого процесса в странах представлены законодательной инициативой, подготовкой проектов, согласованием, общественным обсуждением, экспертизой, принятием, подписанием и опубликованием.

К цифровым модификациям в данном случае можно отнести: электронное обсуждение (online), автоматизированную экспертизу с использованием ИИ, электронное опубликование с возможностью поиска и комментирования. При этом появляются новые стадии правотворческого процесса: «оценка искусственным интеллектом степени сложности текста законопроекта и прогноза качества правоприменительной практики», «оценка поправок, вносимых в процессе рассмотрения проекта» [9, с. 76–77].

Следует отметить, что в России эти нововведения внедрены фрагментарно: СОЗД автоматизирует документооборот, но ИИ-экспертиза пока представлена экспериментально. Во Вьетнаме ИИ-платформы Министерства юстиции используются для проверки коллизий и терминологии на постоянной основе. Таким образом, в России преобладает конфликт (бюрократия сопротивляется автоматизации, опасаясь потери контроля), а во Вьетнаме – синергия (цифровые инструменты усиливают традиционную для континентальной системы потребность в согласованности и иерархии актов).

Традиционно в обеих странах закон (нормативный правовой акт) является основным источ-

ником права, иерархия четко выстроена, кодексы доминируют. Цифровизация порождает электронные правовые системы, интерактивные кодексы, открытые данные. Во Вьетнаме, благодаря интеграции с VNeID, электронные обращения граждан признаются юридически значимыми, что фактически создает новый вид «цифрового источника» – официально зафиксированное мнение, на которое орган обязан ответить.

В России электронные петиции (РОИ) имеют силу только при сборе 100 тыс. голосов, но закон не обязывает парламент принимать предложение. Это фактический пример адаптации без синергии, когда традиционная иерархия сохранена, цифровой канал добавлен, но его эффективность низкая. Во Вьетнаме же наблюдается синергия, при которой цифровая идентификация укрепляет традиционную дисциплину (каждый гражданин идентифицирован, его обращение отслеживается), а публикация ответов повышает доверие.

Традиционными ценностями выступают справедливость, гуманизм, стабильность, коллективизм, что наиболее сильно выражено во Вьетнаме. К цифровым ценностям можно отнести прозрачность, оперативность, эффективность и универсальность.

Однако цифровое взаимодействие порождает напряжения. В России цифровые ценности воспринимаются как внешнее заимствование, что усиливает конфликт, где «прозрачность» часто подменяется формальной публикацией, а «оперативность» приводит к принятию непродуманных законов. Во Вьетнаме цифровые ценности адаптируются под социалистическую идеологию, где «прозрачность» означает открытость информации для контроля партии и государства, а «эффективность» – достижение плановых показателей. Так возникает адаптивно-синергийный тип, при котором цифровые ценности не противопоставляются традиционным, а служат инструментом их реализации.

Во Вьетнаме обычай традиционно признается вспомогательным источником права (ст. 5 ГК Вьетнам 2015 г., современное земельное и семейное законодательство). Цифровизация создает возможность для оцифровки обычаев: их фиксации, систематизации и включения в базы данных. В России роль обычая минимальна, поэтому цифровизация здесь скорее вытесняет обычай, унифицируя правовое регулирование. Это пример замещения (в России) и потенциальной синергии (во Вьетнаме, если обычаи будут оцифрованы и легитимированы).

5. Типология и сравнительный анализ моделей цифрового взаимодействия в России и Вьетнаме.

На основе эмпирического анализа можно охарактеризовать национальные модели цифрового взаимодействия в странах следующим образом.

В России преобладает конфликт между традиционной закрытостью, бюрократической инерцией и требованиями цифровой открытости. Адаптация происходит медленно, преимущественно на уровне отдельных ведомств и под давлением внешних обстоятельств (например, пандемия COVID-19 ускорила электронный документооборот). Синергия проявляется локально: ускорение прохождения документов, автоматическая проверка формальных требований. Замещение традиционных элементов незначительно. Ключевая причина – это правовой нигилизм и недоверие как к традиционным, так и к новым институтам.

Во Вьетнаме конфликт сглаживается за счет того, что цифровизация инициируется и контролируется самой партийно-государственной вертикалью. Адаптация традиционных процедур к цифровой среде происходит системно, в рамках законодательно утвержденных программ. Синергия достигается там, где цифровые инструменты усиливают традиционные ценности: иерархию (прозрачность подотчетности), дисциплину (цифровая идентификация укрепляет контроль) и коллективизм (публикация статистики создает социальное давление). Замещение частичное (электронный документооборот вместо бумажного), оно не затрагивает политическую суть.

Таблица 3. Сравнительная таблица моделей взаимодействия

Критерий	Россия	Вьетнам
Преобладающий тип взаимодействия	Конфликт	Адаптация и синергия
Степень конфликта	Высокая	Низкая (управляемая)

Критерий	Россия	Вьетнам
Глубина адаптации традиций	Низкая, фрагментарная	Высокая, системная
Наличие синергии	Локальная, неустойчивая	Устойчивая, встроенная в политику
Риски замещения традиций	Низкие (традиции сильны)	Средние (частичное замещение процедур)
Роль партии/государства в цифровизации	Опосредованная	Прямая, руководящая

6. Вызовы и риски взаимодействия для правотворческой культуры.

Во-первых, наблюдается «эрозия» традиционных процедурных гарантий. Под видом «цифровой эффективности» могут нивелироваться публичные слушания, коллегиальное обсуждение и право на апелляцию. Во-вторых, возрастает цифрового неравенства, когда граждане без доступа к интернету или с низкой цифровой грамотностью исключаются из правотворчества. В-третьих, имеет место манипуляция общественным мнением через организованные «накрутки» голосов, ботов, фейковые аккаунты. В-четвертых, наблюдается утрата уникальности национальной правовой культуры под давлением универсальных цифровых стандартов (например, заимствование иностранных платформ и решений без учета местной специфики).

В России к рискам можно отнести такие, как: усиление правового нигилизма из-за формальности цифровых обсуждений (граждане убеждаются, что их мнение не влияет на результат), технологическая зависимость от иностранного ПО (риски наложения санкций и кибератак), дисбаланс между федеральным и региональным уровнями, когда цифровые сервисы могут еще больше централизовать правотворчество.

Во Вьетнаме риском является конфликт между «демократическим централизмом» и реальной открытостью цифровых платформ. Например, если граждане увидят, что их критические замечания публикуются, но не учитываются, доверие к системе может снизиться. Использование цифровой идентификации (VNeID) для тотального контроля создает риск превращения правового портала в инструмент слежки, что подрывает саму идею открытости. Технологическое отставание от мировых лидеров может привести к цифровому суверенитету лишь на бумаге.

7. *Перспективы гармонизации: как обеспечить продуктивное взаимодействие?* Для того чтобы цифровизация не разрушала, а обогащала правотворческую культуру, необходимо следовать ряду принципов.

К общим принципам относится: приоритет человека и его прав над технологической целесообразностью, при котором цифровые решения не должны ущемлять конституционные гарантии; сохранение традиционных ценностей (справедливости, гуманизма и законности) в качестве критерия оценки цифровых новаций; инклюзивность цифровых платформ или обязательное дублирование электронных процедур традиционными для граждан способами без доступа к интернету; прозрачность алгоритмов, когда любые решения, принятые с помощью ИИ, должны быть объяснимы и обжалуемы.

В качестве рекомендаций целесообразно предложить для России: 1) принять федеральный закон «Об электронном правотворчестве», который закрепил бы стандарты открытости, верификации участников, сроки рассмотрения замечаний и ответственность за игнорирование мотивированных предложений; 2) расширить использование ИИ для правовой экспертизы, прогнозирования последствий законов и выявления коллизий, создав единую платформу на базе СОЗД; 3) обеспечить реальную обратную связь на портале regulation.gov.ru, где появится возможность публиковать сводки учтенных и отклоненных замечаний с обоснованием; 4) разработать программы повышения цифровой грамотности населения и обеспечить доступ к интернету в отдаленных регионах.

Во Вьетнаме в качестве рекомендаций можно было бы предложить при сохранении партийного контроля: 1) повысить прозрачность реакции со стороны государства на предложения граждан, когда появляется возможность публиковать не только статистику, но и краткие обоснования отказа; 2) развивать программы цифровой грамотности, особенно для сельского населения, чтобы расширить реальное участие; 3)

интегрировать в Национальный правовой портал модуль для сбора и систематизации местных обычаев (особенно в сфере землепользования и семейных отношений), что позволит легитимировать их в цифровой форме; 4) усилить кибербезопасность и гарантировать, что данные VNeID используются только для заявленных целей.

Россия и Вьетнам могут обмениваться позитивным опытом, где России могут быть интересны вьетнамские практики интеграции цифровой идентификации и публикации статистики по обращениям, а Вьетнаму – российские наработки в области автоматизированной правовой экспертизы и моделирования правовых последствий. Совместные семинары, стажировки и публикации по проблематике «традиции и цифра» могли бы сформировать общее понимание стандартов цифровой правотворческой культуры для стран с социалистическим наследием. В данном случае представляется весьма перспективной разработка модельного закона о цифровом правотворчестве в рамках БРИКС или ШОС [25].

8. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Взаимодействие правовых традиций и цифровых технологий в правотворческой культуре России и Вьетнама носит принципиально разный характер. В России преобладает конфликтно-адаптационная модель с низкой синергией, обусловленная правовым нигилизмом, инерцией бюрократии и фрагментарностью цифровой политики. Во Вьетнаме сложилась адаптивно-синергийная модель при сохранении партийно-государственного контроля, где цифровые инструменты органично вписаны в иерархическую систему и служат усилению традиционных ценностей дисциплины и подотчетности.

Цифровые технологии не отменяют правовые традиции, но требуют их переосмысления и модификации [2; 4; 12; 19; 20; 21; 22; 27; 28; 29]. Наиболее уязвимыми элементами традиционной культуры правотворчества являются закрытость, неоперативность и ограниченный субъектный состав. Именно эти элементы цифровизация стремится трансформировать в первую очередь.

Ключевой вызов для обеих стран заключается в том, чтобы избежать ситуации, при которой цифровизация становится самоцелью и приводит к утрате фундаментальных правовых ценностей: справедливости, гуманизма и учета культурной специфики. Технологическая эффективность не должна подменять содержательную легитимность права.

Перспективы гармонизации связаны с выработкой сбалансированных правовых стандартов, сочетающих инновации и традиции, а также с активным двусторонним и многосторонним сотрудничеством. Россия и Вьетнам, несмотря на различия, могут взаимно обогатить друг друга опытом, формируя новую, более справедливую и эффективную культуру правотворчества в цифровую эпоху.

Список литературы:

[1] Антонова Н. В. Правовой обычай в отношениях по социальному обеспечению: вопросы теории и практики / Н. В. Антонова, О. А. Чирикова // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9, № 1(37). – С. 43-49.

[2] Басангов Д. А. Риски реализации прав человека в условиях развития цифровых технологий / Д. А. Басангов // Формы и методы публичного управления: сборник статей: в 2 томах. Том 1. – Москва: ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2026. – С. 107-113.

[3] Басангов Д. А. Развитие высоких технологий в соотношении с обеспечением конституционных прав личности / Д. А. Басангов // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : Материалы VI Международной научно-практической конференции , Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 20-24.

[4] Басангов Д. А. Цифровизация в праве Евразийского экономического союза: правовой мониторинг и вопросы методологии / Д. А. Басангов // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 118-127.

[5] Герцен А.Г. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1966.

[6] Есаева Е. А. Право Вьетнама в условиях дихотомии Запада и Востока / Е. А. Есаева // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 3(8). – С. 35-42.

[7] Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности / М. В. Залоило // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4(92). – С. 65-73.

[8] Залоило М. В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 196-209.

[9] Процедурные пределы цифровизации законодательного процесса / С. С. Зенин, Д. Л. Кутейников, И. М. Япрынцев, О. А. Ижаев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 72-80.

[10] Исаев И.А. Правовая культура России [Текст]: учебное пособие / И. А. Исаев. – Москва: Проспект, 2014. – 95 с.

[11] Мецгер А. А. Правовой анализ законодательства некоторых зарубежных стран о гарантиях прав граждан в правоприменительной деятельности / А. А. Мецгер // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 102-107.

[12] Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. – 8-е издание переработанное и дополненное. – Москва : Норма, 2024. – 656 с.

[13] Нгуен Хыу Конг. Кодекс Ле – выдающийся памятник права в истории вьетнамского общества: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. – 232 с.

[14] Нгуен Ш. Н. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме с 1945 Г. По 1975 г / Ш. Н. Нгуен // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – Т. 22, № 1. – С. 131-141.

[15] Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции / Д. А. Пашенцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6(293). – С. 168-173.

[16] Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2018. – № 8(260). – С. 5-13.

[17] Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации / Д. А. Пашенцев // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 29-32.

[18] Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического прогресса: формирование, реализация, защита : научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 200 с.

[19] Степанов О. А. О цифровизации судебной деятельности в Китайской Народной Республике / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2024. – № 7. – С. 50-56.

[20] Степанов О. А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрового профилирования / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2024. – № 1. – С. 59-69.

[21] Степанов О. А. Обзор возможностей использования цифровых технологий в целях противодействии коррупции / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 49-54.

[22] Степанов О. А. Цифровая трансформация управленческой сферы деятельности в регионах Российской Федерации / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 50-58.

[23] Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции / Т. Я. Хабриева. – Москва : Норма, Инфра-М, 2025. – 144 с.

[24] Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2015. – № 8(224). – С. 5-13.

[25] Хабриева Т. Я. БРИКС – цивилизационный феномен в координатах права и юридической доктрины / Т. Я. Хабриева // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций : Материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений, Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2025. – С. 197-200.

[26] Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16.

[27] Цифровая трансформация – ключ к уверенному вступлению Вьетнама в новую эру: 1-я статья: Распознавание возможностей и вызовов в процессе цифровой трансформации во Вьетнаме // Vietnam+ (VietnamPlus), URL: https://ru.vietnamplus.vn/tsifrovaja-transformatsija-kljuch-k-uverennomu-vstupleniju-v-etnama-v-novuju-eru-1-ja-stat-ja-raspoznavanie-vozmozhnostei-i-vizovov-v-protsesse-tsifrovoi-transformatsii-vo-v-etname-post81113.vnp (дата обращения: 18.05.2026).

[28] Юридическая концепция роботизации / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, А. А. Головина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 240 с.

[29] Юрист ХОАНГ ХА, Коллегия адвокатов Хошимина // Цифровая трансформация во вьетнамской правовой системе. URL: https://www.sggp.org.vn/chuyen-doi-so-trong-he-thong-phap-luat-viet-nam-post837489.html (дата обращения: 18.05.2026).

[30] Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine. Impr. d'extrême orient, 1931. Hanoi, 1931.

[31] Vũ Văn Mẫu. Cổ luật Việt Nam thông khảo và tư pháp sử. Quyển thứ nhất, Tập nhất. Sài Gòn, 1974.

[32] Закон об индустрии цифровых технологий: Важный стимул для прорыва Вьетнама // Vietnam. URL: https://ru.vietnamplus.vn/zakon-ob-industrii-tsifrovih-tehnologii-vazhnii-stimul-dlja-proriva-v-etnama-post82300.vnp (дата обращения: 18.05.2026).

References:

[1] Antonova N. V. Legal custom in social security relations: issues of theory and practice / N. V. Antonova, O. A. Chirikova // Economy. Law. Society. - 2024. - Vol. 9, No. 1 (37). - P. 43-49.

[2] Basangov D. A. Risks of realizing human rights in the context of the development of digital technologies / D. A. Basangov // Forms and methods of public administration: collection of articles: in 2 volumes. Volume 1. – Moscow: OOO “Izdatelskiy dom “Yurisprudence”, 2026. – Pp. 107-113.

[3] Basangov D. A. Development of high technologies in relation to ensuring the constitutional rights of the individual / D. A. Basangov // Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Krasnodar, June 19, 2021. – Krasnodar: Kuban State University, 2021. – Pp. 20-24.

[4] Basangov D. A. Digitalization in the law of the Eurasian Economic Union: legal monitoring and methodology issues / D. A. Basangov // Education and law. – 2025. – No. 5. – Pp. 118-127.

[5] Gertsen A. G. Collected works: In 30 volumes. Moscow: Publishing house of the Academy Sciences of the USSR, 1954–1966.

[6] Yesaeva E. A. Law of Vietnam in the Context of the Dichotomy of West and East / E. A. Yesaeva // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2024. – No. 3(8). – P. 35–42.

[7] Zaloilo M. V. Post-industrial Culture of Lawmaking: A New Image of Reality / M. V. Zaloilo // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2022. – No. 4(92). – P. 65–73.

[8] Zaloilo M. V. National Legal Order of Russia in the Context of Digitalization / M. V. Zaloilo, D. A. Pashentsev // Bulletin of the St. Petersburg University. Law. – 2019. – Vol. 10, No. 2. – P. 196-209.

[9] Procedural Limits of Digitalization of the Legislative Process / S. S. Zenin, D. L. Kuteynikov, I. M. Yapryntsev, O. A. Izhaev // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. - 2019. - Vol. 19, No. 3. - Pp. 72-80.

[10] Isaev I. A. Legal Culture of Russia [Text]: a textbook / I. A. Isaev. - Moscow: Prospect, 2014. - 95 p.

[11] Metzger A. A. Legal Analysis of the Legislation of Some Foreign Countries on Guarantees of Citizens’ Rights in Law Enforcement Activities / A. A. Metzger // Education. Science. Scientific Personnel. - 2021. - No. 4. - Pp. 102-107.

[12] Scientific Concepts development of Russian legislation / T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, V. R. Avkhadeev [et al.]. - 8th edition, revised and supplemented. - Moscow: Norma, 2024. - 656 p.

[13] Nguyen Huu Cong. The Le Code - an outstanding legal monument in the history of Vietnamese society: Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 1998. - 232 p.

[14] Nguyen Sh. N. Legal regulation of state-confessional relations in Vietnam from 1945 to 1975 / Sh. N. Nguyen // Asian-Pacific region: economics, politics, law. - 2020. - Vol. 22, No. 1. - P. 131-141.

[15] Pashentsev D. A. The role of religion in the formation of Russian legal tradition / D. A. Pashentsev // News of higher educational institutions. Jurisprudence. - 2010. - No. 6 (293). - P. 168-173.

[16] Pashentsev D. A. Russian legislative tradition: ontology of the process / D. A. Pashentsev // Journal of Russian Law. - 2018. - No. 8 (260). - P. 5-13.

[17] Pashentsev D. A. Russian legal tradition facing the challenge of globalization / D. A. Pashentsev // Legal science. - 2016. - No. 1. - P. 29-32.

[18] Legal status of an individual at the present stage of scientific and technological progress: formation, implementation, protection: a scientific and practical manual / N. V. Antonova, Kh. I. Gadzhiev, S. A. Gracheva [et al.]. - Moscow: INFRA-M, 2024. – 200 p.

[19] Stepanov O. A. On the digitalization of judicial activity in the People’s Republic of China / O. A. Stepanov, D. A. Basangov // Russian Justice. – 2024. – No. 7. – Pp. 50-56.

[20] Stepanov O. A. On the legal features and risks of implementing digital profiling / O. A. Stepanov, D. A. Basangov // Russian Justice. – 2024. – No. 1. – Pp. 59-69.

[21] Stepanov O. A. Review of the possibilities of using digital technologies to combat corruption / O. A. Stepanov, D. A. Basangov // Russian Journal of Legal Research. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – Pp. 49-54.

[22] Stepanov, O. A. Digital Transformation of the Administrative Sphere of Activity in the Regions of the Russian Federation / O. A. Stepanov, D. A. Basangov // Russian Justice. - 2023. - No. 7. - Pp. 50-58.

[23] Khabrieva, T. Ya. Legal Essays on the Technological Revolution / T. Ya. Khabrieva. - Moscow: Norma, Infra-M, 2025. - 144 p.

[24] Khabrieva, T. Ya. Modern Lawmaking and the Tasks of Legal Science / T. Ya. Khabrieva // Journal of Russian Law. - 2015. - No. 8 (224). - Pp. 5-13.

[25] Khabrieva, T. Ya. BRICS - a Civilizational Phenomenon in the Coordinates of Law and Legal Doctrine / T. Ya. Khabrieva // BRICS as a New Space dialogue of cultures and civilizations: Proceedings of the XXII International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, April 12–13, 2024. – St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2025. – Pp. 197–200.

[26] Khabrieva T. Ya. Law facing the challenges of digital reality / T. Ya. Khabrieva // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 9 (261). – P. 5-16.

[27] Digital Transformation – The Key to Vietnam’s Confident Entry into a New Era: Article 1: Recognizing Opportunities and Challenges in the Process of Digital Transformation in Vietnam // Vietnam+ (VietnamPlus), URL: https://ru.vietnamplus.vn/tsifrovaja-transformatsija-kljuch-k-uverennomu-vstupleniju-v-etnama-v-novuju-eru-1-ja-stat-ja-

raspoznavanie-vozmozhnostei-i-vizovov-v-protsesse-tsifrovoi-transformatsii-vo-v-etname-post-81113.vnp (Accessed: 18.05.2026).

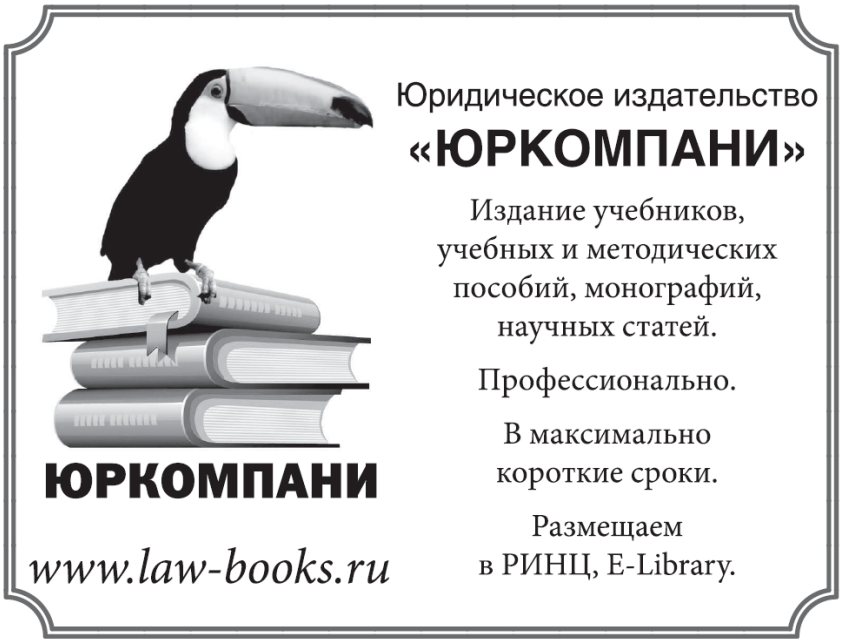
[28] Legal Concept of Robotization / Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba, A. A. Golovina [et al.]. - Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2023. - 240 p.

[29] Lawyer HOANG HA, Ho Chi Minh City Bar Association // Digital Transformation in the Vietnamese Legal System. URL: https://www.sggp.org.vn/chuyen-doi-so-trong-he-thong-phap-luat-viet-nam-post837489.html (accessed: 18.05.2026).

[30] Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine. Impr. d'extrême orient, 1931. Hanoi, 1931.

[31] Vũ Văn Mẫu. Cổ luật Việt Nam thông khảo và tư pháp sử. Quyển thứ nhất, Tập nhất. Sai Gòn, 1974.

[32] Digital Technology Industry Law: An important incentive for Vietnam's breakthrough // Vietnam. URL: https://ru.vietnamplus.vn/zakon-ob-industrii-tsifrovih-tehnologii-vazhnii-stimul-dlja-proriva-v-etnama-post82300.vnp (access date: 05/18/2026).

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-139-145

ПЕЛЕНИЦЫНА Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

ДРАГАН Алина Игоревна,
юрисконсульт ООО «СЗ «Рич-Плюс»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБАЯ РОЛЬ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу положения арбитражных судов в системе судов России. Система арбитражных судов претерпела значимых трансформации, но была сохранена, как относительно самостоятельная. Исследование статуса арбитражных судов сохраняет особую актуальность в свете повышения уровня детализации процессуального законодательства и сохранения проблематики разграничения подсудности по отдельным категориям дел. По результатам исследования сделаны авторские выводы относительно той роли, которую играют арбитражные суды в системе судов России, а также в отношении самостоятельности арбитражных судов.*

Ключевые слова*: арбитражные суды; судебная система Российской Федерации; принцип единства судебной системы; экономические споры; цифровизация правосудия.*

PELENITSYNA Marina Valentinovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Crimean Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”

DRAGAN Alina Igorevna,
legal adviser, LLC “SZ “Rich-Plus”

SPECIAL ROLE OF ARBITRAGE COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION’S COURT SYSTEM

Annotation. *This article analyzes the position of arbitration courts within the Russian judicial system. The arbitration court system has undergone significant transformations but has remained relatively independent. Research into the status of arbitration courts remains particularly relevant in light of the increasing level of detail in procedural legislation and the persistence of issues related to the delimitation of jurisdiction for certain categories of cases. Based on the study’s findings, the authors draw conclusions regarding the role arbitration courts play within the Russian judicial system, as well as regarding the independence of arbitration courts.*

Key words*: arbitration courts; judicial system of the Russian Federation; the principle of unity of the judicial system; economic disputes; digitalization of justice.*

В условиях трансформации российской экономики и усложнения хозяйственных связей возрастает значение эффективных механизмов судебной защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Арбитражные суды в системе России появились уже в постсоветский период. Существовавшая до этого времени система Госарбитража не являлась в полной мере судебной, относясь к исполнительной ветви власти. Изначально была

создана Высшая Арбитражная Комиссия и местные арбитражные комиссии, подведомственные Экономическому Совещанию Р.С.Ф.С.Р. [1]. Впоследствии система государственных органов изменялась, но неизменным оставался статус Госарбитража, как органа исполнительной власти, наделенного полномочиями рассмотрения споров с участием предприятий.

Необходимо принимать во внимание то, что в советский период вплоть до начала «Перестройки» и последовавшего за ней распада союзного государства все предприятия были государственными и острой необходимости в создании именно судебной системы арбитражных судов не было. В определенные периоды, как, например, период Новой экономической политики, появлялись арендные, а позднее – кооперативные предприятия, но все они функционировали на базе государственного имущества и не были столь же самостоятельны, как современные субъекты предпринимательской деятельности. Необходимость создания арбитражных судов появилась уже в постсоветский период и была обоснована при проведении реформы судебной системы.

В настоящее время система арбитражных судов в аспекте наличия инстанционности унифицирована, но именно она послужила прообразом для проведения реформы судов общей юрисдикции и в целом судебной системы, когда была проработана, а затем и внедрена система судов различных инстанций – первой, апелляционной, кассационной и надзорной. Ранее существовавшая система, когда судьи одного и того же арбитражного суда выполняли функции судов первой и апелляционной инстанции, подвергалась критике по причине непрозрачности и зависимости, потому что неизбежно судьи пересматривали постановленные иными судьями этого же суда решения. После проведения реформы создания самостоятельных судов разных инстанций вопрос о зависимости судей стал неактуальным, так как пересмотр осуществляется не просто иным судьей, а иным судом.

Помимо этого, следует отметить, что изначально именно в арбитражных судах была внедрена электронного документооборота, появился сайт с картотекой арбитражных дел и возможность подачи документов в электронной форме. При этом система, несмотря на ее раннее, по сравнению с судами общей юрисдикции, внедрение была и остается стабильно функционирующей, обеспечивающей дистанционное взаимодействие между судами и участниками арбитражного судопроизводства.

О том, что система арбитражных судов востребована и необходима, свидетельствует рост количества рассматриваемых арбитражными судами экономических споров и иных категорий дел, а также увеличение нагрузки на арбитражные суды Российской Федерации. Как справедливо отмечает В.А. Черепанова, «в современных условиях арбитражные суды выступают важным инструментом обеспечения правовой определенности и стабильности гражданского оборота» [16].

Только за 2024 год в арбитражные суды поступило на рассмотрение около 2 млн 64 тыс. исковых заявлений и иных дел, что на 1,7 % больше по сравнению с 2023 годом, когда данный показатель составлял 2 млн 30 тыс. дел. В свою очередь, в 2023 году количество поступивших дел увеличилось на 3,9 % по сравнению с 2022 годом, а в 2022 году – примерно на 4 % по сравнению с 2021 годом [12]. Указанная динамика свидетельствует о возрастающем значении арбитражных судов в системе защиты прав участников экономической деятельности в Российской Федерации, а также о востребованности такого способа защиты нарушенного права, как обращение в арбитражный суд.

Рост нагрузки на арбитражные суды оценивается исследователями, как проблема [12]. Представляется, что утверждение справедливо лишь отчасти. Проблемой является чрезмерная нагрузка, когда избыточный поток поступающих дел при водит к нарушению сроков рассмотрения, затрудняя доступ к правосудию [12]. В отсутствие системного нарушения сроков увеличение потока поступающих в арбитражные суды исков – это признание востребованности судебного способа защиты.

Переходя к анализу положения, которое занимают арбитражные суды в системе судов России, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом [3]. Конкретизация данного положения осуществлена на уровне Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», где определено, что правосудие осуществляется только судами, учреждаемыми в соответствии с Конституцией РФ и указанным законом [2].

Одним из ключевых принципов российского правосудия выступает принцип единства судебной системы. Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» определяют, что судебная система России является единой [3], что гарантирует равные возможности доступа к правосудию всех субъектов, защиту прав и свобод на одинаковом уровне. Данный принцип предполагает наличие общих организационных основ функционирования судов, единый статус судей, обязательность судебных актов на всей территории страны, финансирование судеб-

ной системы из федерального бюджета, а также действие единых процессуальных гарантий правосудия. Реализация указанного принципа направлена на обеспечение целостности судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти.

Следовательно, отправление правосудия осуществляется в рамках четко организованной институциональной системы, где правовой статус судов определяется на высшем уровне.

Каждый суд занимает определенное место в структуре судебной власти, обладает установленной компетенцией и осуществляет свою деятельность в предусмотренных законом процессуальных формах. Определение места арбитражных судов в данной системе имеет важное значение для обеспечения единообразия судебной практики и повышения эффективности разрешения экономических споров.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» арбитражные суды в Российской Федерации являются федеральными судами и входят в судебную систему Российской Федерации. В литературе отмечается, что «арбитражные суды являются неотъемлемой частью судебной системы, но занимают в ней обособленное место» [9].

Подобная особенность обусловлена прежде всего их функциональной специализацией, выражающейся в рассмотрении экономических споров и иных дел, возникающих из предпринимательских и иных экономических отношений. Подобное определение понятия арбитражных судов представляется в верным, в отличие от некоторых иных, встречающихся в научной литературе. В частности, неверным представляется определение, предлагаемое Е.Ю. Пелиховой, с точки зрения которой «арбитражные суды являются важным инструментом в обеспечении правового режима для сделок и споров» [13].

Правовой режим сделки – это само по себе не совсем корректное определение. Указание на то, что арбитражные суды обеспечивают соблюдение данного режима, противоречит нормативно закрепленным положениям об арбитражных судах, как о государственных органах, единственной функцией которых является отправление правосудия по особым категориям дел, прямо или косвенно вытекающих из экономических и связанных с ними правоотношений, что несколько обособляет арбитражные суды от судов общей юрисдикции.

Вместе с тем, необходимо отметить, что обособленность арбитражных судов не следует толковать, как их отделение от судебной системы. Наличие прямого указания на то, что арбитражные суды – часть судебной системы России даже при наличии особой компетенции данных судов, как ориентированных на рассмотрение экономических и вытекающих из экономических правоотношений споров не позволяет утверждать, что арбитражные суды выделены, полностью самостоятельны. Своего рода выделение и отграниченность от общей судебной системы присутствовала в тот период, когда существовал Высший Арбитражный Суд РФ, который являлся для арбитражных судов высшей инстанцией. В тот период времени Верховный Суд РФ не пересматривал решения, постановленные арбитражными судами. Даже разъяснения законодательства для целей правоприменения предоставлялись не Верховным Судом РФ, а Высшим Арбитражным Судом РФ.

Представляется допустимым утверждать, что значительное влияние на развитие судебной системы и изменение статуса арбитражных судов оказала судебная реформа 2014 года, в следствие которой был упразднен Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, а его полномочия переданы Верховному Суду Российской Федерации [1], что как отмечается в научной литературе, было ориентировано на повышение централизации судебной системы России [10], а также как постепенное преобразование судебной системы «в более демократичный и независимый институт» [7].

В тоже время в структуру Верховного Суда была включена Судебная коллегия по экономическим спорам. Данные изменения позволили сосредоточить высший судебный контроль в рамках одного органа и тем самым укрепить принцип единства судебной системы, одновременно сохранив необходимую специализацию при рассмотрении экономических споров.

Отказ от сохранения прежней системы, где арбитражные суды были деятельно выделены в отдельную самостоятельную подсистему судов, подвергается критике в научной литературе. Например, Ю.Д. Токарева считает, что слияние двух систем в единую сомнительно и его не следует толковать, как направленные на повышение качества отправления правосудия [14].

Распространенной в доктрине является позиция, согласно которой арбитражные суды рассматриваются как специализированные суды, ориентированные на разрешение определенной категории споров – экономических. В частности, подобная точка зрения излагается в работе Ю.Н. Вахиной и А.А. Росляковой [4], Р.Б. Булатова [2].

Арбитражные суды, как представляется, не могут считаться специализированными судами. Признание суда специализированным требует прямого нормативного закрепления его статуса. Федеральный конституционный закон «О судебной системе» предусматривает возможность соз-

дания в Российской Федерации специализированных судов, посредством внесения соответствующих изменений и дополнений в федеральный конституционный закон, а создание чрезвычайных и иных судов, которые прямо не предусмотрены законодательством, определяющим построение судебной системы, прямо запрещено на уровне Конституции РФ. При этом важно отметить, что порядок формирования, функционирования и полномочиях таких судов должны быть прямо определены в федеральном конституционном законе.

Следовательно, для признания суда специализированным требуется прямое нормативное закрепление его статуса и четкое определение категории дел, отнесенных к его подведомственности. «В действующем законодательстве арбитражные суды закреплены как составная часть судебной системы наряду с конституционным судом и судами общей юрисдикции» [6]. Следовательно, законодатель рассматривает их не как специализированные суды в узком юридическом смысле, а как самостоятельную подсистему федеральных судов.

Как имеющий статус специализированного допустимо рассматривать Суд по интеллектуальным правам, входящий в систему арбитражных судов. Некоторые авторы даже полагают, что данный суд обладает некой самостоятельностью, как особо выделенный непосредственно на уровне закона [8].

Согласиться можно только с тем, что Суд по интеллектуальным правам обладает уникальной специализацией по той причине, что к его компетенции отнесен узкий круг дел. Кроме того, непосредственно в законе, определяющем статус данного суда, присутствует указание на то, что данный суд – это специализированный арбитражный суд в силу того, что он рассматривает в качестве суда первой и кассационной инстанций дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав [1].

Вместе с тем, Суд по интеллектуальным правам включен в систему арбитражных судов, а арбитражные суды – в судебную систему России. Следовательно, не стоит утверждать, что речь идет о выделенной системе или подсистеме судов, наделенной полной самостоятельностью и независимостью,

Некоторые авторы, в частности, В.А. Черепанова, полагают, что в рамках формально единой системы фактически функционируют две относительно самостоятельные подсистемы: «суды общей юрисдикции и арбитражные суды» [16]. Их разграничение обусловлено прежде всего предметом рассматриваемых дел и характером правоотношений.

Арбитражные суды Российской Федерации занимаются разрешением экономических споров и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Стоит сказывать, что круг дел, находящихся в их компетенции достаточно обширен. К ним относятся споры по различным предпринимательским договорам (купли-продажи, аренды и т.п.), дела о банкротстве (несостоятельности), связанные с налогами и сборами, страховыми правоотношениями и многие другие. Также они рассматривают дела, связанные с административными правоотношениями, в частности, при производстве по делам об административных правонарушениях или административного обжалования. Их компетенция обеспечивает правовую стабильность хозяйственного оборота в стране, а также способствует формированию единообразной судебной практики в сфере применения норм корпоративного, налогового и иных отраслей законодательства. Однако, всегда должно учитываться, что эти правоотношения связаны с экономической сферой.

Наличие системы инстанций и специального процессуального регулирования, закрепленного в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ), свидетельствует о высокой степени институциональной самостоятельности арбитражных судов. В АПК РФ закреплены ключевые процессуальные основы деятельности арбитражных судов. Данный кодифицированный акт определяет подведомственность, регламентирует процедуру судебного разбирательства, «включая порядок возбуждения производства по делу, подготовку дела к судебному разбирательству, исследование доказательств, судебные прения принятие судебного акта. АПК РФ был разработан и принят с учетом задач и особенностей российской судебной системы, в частности, специфики арбитражных судов» [16].

Изменение положений АПК РФ и законодательства, определяющего построение судебной системы за счет введения самостоятельных инстанций, а также разделения функций, который выполняют разные инстанции, в научной литературе оценивается положительно. При этом выделяются особенности, а именно: сохранение апелляционной инстанции, как суда, рассматривающего дело по существу, и изменение функций судов кассационной и надзорной инстанций, как не предполагающих оценку фактической составляющей, ориентированных на соблюдение законности при рассмотрении арбитражными судами дел [15].

Роль арбитражных судов в судебной системе Российской Федерации определяется не только их предметной специализацией, но и

институциональным лидерством в сфере цифровизации правосудия. Одним из ключевых элементов технологической модернизации стало создание в 2010 году специализированной информационной системы «Мой арбитр», на чем заострено внимание выше. Указанная система была внедрена в рамках развития электронного правосудия и обеспечила возможность подачи процессуальных документов в арбитражные суды в электронном виде значительно раньше, чем аналогичные механизмы были реализованы в судах общей юрисдикции.

Внедрение системы «Мой арбитр», как отмечает Е.В. Маркушина, позволило повысить доступность и эффективность отправления правосудия в рамках арбитражного судопроизводства [9].

Утверждение представляется абсолютно правильным, потому что возможность доступа участников судебного разбирательства к документам в электронном виде круглосуточно, возможность подачи документов в электронном виде существенно ускоряют саму процедуру и снижают риски недобросовестного поведения со стороны участников арбитражного судопроизводства. Данная система – это образец для той системы, которая позднее была создана у судов общей юрисдикции и, несмотря на прошествие многих лет, так и не функционирует в полной мере.

Важным этапом развития системы отправления правосудия, в том числе в рамках арбитражного судопроизводства, стало внедрение системы проведения судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи и веб-конференции. «Впервые в России система онлайн-заседаний посредством использования систем видео-конференц-связи и веб-конференции была внедрена именно арбитражными судами, после чего и другие ветви судебной системы подключились к ее использованию» [1].

Стоит отметить, что арбитражные суды в России занимают лидирующие позиции в сфере электронного документооборота. «Они стали первыми судами, в которых в полном объеме реализован не только механизм электронной подачи процессуальных документов, но и получение судебных актов в электронном виде через систему «Мой арбитр», а также электронное судебное извещение участников процесса» [1]. Такой подход свидетельствует о формировании полноценной цифровой модели арбитражного судопроизводства, которая может служить примером для других судебных органов России.

Итак, арбитражные суды целесообразнее характеризовать не как специализированные суды в узком смысле, а как самостоятельную подсистему федеральных судов, обладающую предметной специализацией. Они осуществляют правосудие на равных началах с судами общей юрисдикции, но имеют высокий уровень институциональной автономии. Особое место арбитражных судов в судебной системе Российской Федерации подтверждается не только их предметной специализацией, но и безусловным лидерством в сфере цифровизации правосудия.

Анализ имевшей место реформы системы судов России, в рамках которой произошел отказ от системного отграничения арбитражных судов под руководством Высшего Арбитражного Суда РФ с упразднением последнего, позволяет утверждать, что она имеет двойственное значение. С одной стороны, централизация судебной власти и реальное объединение судебной системы объективно необходимо, а, с другой стороны, подобное разделение в определенной мере отрицательно сказывается на специализации данных судов. Судебная практика арбитражных судов специфична, имеет свои особенности, сохранение Высшего Арбитражного Суда РФ позволяло создавать уникальную систему с высоким уровнем проработанности судебной практики, при наличии четкого и определенного ее разнообразия.

Список литературы:

[1] Алехина, Е.Е. О цифровизации судопроизводства в арбитражных судах / Е.Е. Алехина // Актуальные проблемы отраслей частного права в цифровой среде (Аристаковские чтения): Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 8-11.

[2] Булатов, Р.Б. О роли арбитражных судов в решении экономических споров / Р.Б. Булатов // Закон. Право. Государство. – 2024. – № 1 (41). – С. 57-59.

[3] Бушуев, Д.В. Понятие и особенности Арбитражного суда как одного из основных правовых институтов в РФ / Д.В. Бушуев // Молодежь и наука: I сборник статей студенческого научного общества ВятГУ. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2023. – С. 214-218.

[4] Вахина, Ю.Н. Арбитражные суды в системе органов судебной власти в России / Ю.Н. Вахина, А.А. Рослякова // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам III международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 декабря 2023 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 625-629.

[5] Горшкова, П.А. Признаки высокой судебной нагрузки в арбитражных судах Российской

Федерации / П.А. Горшкова // Бизнес, менеджмент и право: Материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 21-23 ноября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 335-339.

[6] Денисов, А.А. Арбитражный суд в судебной системе России / А.А. Денисов // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 69-4. – С. 42-45.

[7] Иванов, И.В. Судебная система в Российской Федерации / И.В. Иванов // Многополярный мир в фокусе новой действительности: материалы XIII Евразийского экономического форума молодежи, Екатеринбург, 24-28 апреля 2023 года / Уральский государственный экономический университет. Том 4. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2023. – С. 117-118.

[8] Козеев, В.В. Арбитражные суды в системе судебной власти Российской Федерации / В.В. Козеев, Э.Р. Кучаева // X юридические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 27-28 ноября 2024 года. – Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. – С. 176-180.

[9] Маркушина, Е.В. Открытая юстиция: доступность арбитражных судов как залог справедливости / Е.В. Маркушина // Актуальные проблемы национального и международного права: Материалы VII научно-теоретической конференции студентов магистратуры, Санкт-Петербург, 11 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 200-206.

[10] Миннахметова, Л.А. Современная система арбитражных судов в России / Л.А. Миннахметова // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы IX Национальной научно-практической конференции. В 2-х частях, Казань, 27-28 февраля 2025 года. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2025. – С. 205-212.

[11] Морозов, А.Б. К вопросу об автономности арбитражных судов в судебной системе / А.Б. Морозов // Право и правосудие в современном мире: Сборник научных статей молодых исследователей XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей, Санкт-Петербург, 24-25 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. – С. 62-65.

[12] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2024 году // https://cdep.ru/userimages/Obzor_po_vsem_AS__2024__s_grafikami.doc (дата обращения 02.02.2026).

[13] Пелихова, Е.Ю. Система арбитражных судебных органов: компаративистский анализ / Е.Ю. Пелихова // Российское право онлайн. – 2023. – № 3. – С. 33-36.

[14] Токарева, Ю.Д. Правовое положение арбитражных судов в современной судебной системе / Ю.Д. Токарева // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5. – № 11. – С. 42-47.

[15] Хрисанова, Е.Н. Различия между инстанциями по пересмотру судебных актов арбитражных судов / Е.Н. Хрисанова, А.А. Синичкин // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого, Чебоксары, 09 ноября 2021 года. – Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2023. – С. 361-366.

[16] Черепанова, В.А. Роль арбитражных судов в судебной системе Российской Федерации / В.А. Черепанова, Т.А. Зайцева // Политика и право: Ученые записки. Том Выпуск 22. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2022. – С. 146-152.

References:

[1] Alekhina, E.E. On the digitalization of legal proceedings in arbitration courts/E.E. Alekhina// Actual problems of private law industries in the digital environment (Aristakov readings): Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 18, 2024. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 8-11.

[2] Bulatov, R.B. On the role of arbitration courts in resolving economic disputes/R.B. Bulatov//Law. Right. State. – 2024. – № 1 (41). - S. 57-59.

[3] Bushuev, D.V. The concept and features of the Arbitration Court as one of the main legal institutions in the Russian Federation/D.V. Bushuev//Youth and Science: I collection of articles of the student scientific society of Vyatka State University. - Kirov: Raduga-PRESS Publishing House LLC, 2023. - S. 214-218.

[4] Vakhina, Yu.N. Arbitration courts in the system of judicial authorities in Russia/Yu.N. Vakhina, A.A. Roslyakova//Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: a collection of articles based on the results of the III international scientific and practical conference, Simferopol,

December 15, 2023. - Simferopol: Limited Liability Company “Publishing House “Arial,” 2024. - S. 625-629.

[5] Gorshkova, P.A. Signs of a high judicial burden in the arbitration courts of the Russian Federation/P.A. Gorshkova//Business, Management and Law: Materials of the III International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, November 21-23, 2024. - Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2024. - S. 335-339.

[6] Denisov, A.A. Arbitration Court in the Judicial System of Russia/A.A. Denisov//Trends in the development of science and education. – 2021. – № 69-4. - S. 42-45.

[7] Ivanov, I.V. Judicial system in the Russian Federation/I.V. Ivanov//Multipolar world in the focus of a new reality: materials of the XIII Eurasian Economic Forum of Youth, Yekaterinburg, April 24-28, 2023/Ural State Economic University. Volume 4. - Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2023. - S. 117-118.

[8] Kozeev, V.V. Arbitration courts in the judicial system of the Russian Federation/V.V. Kozeev, E.R. Kuchaeva//X legal readings: Materials of the National Scientific and Practical Conference, Saransk, November 27-28, 2024. - Saransk: RIC MGPU, 2024. - S. 176-180.

[9] Markushina, E.V. Open justice: the availability of arbitration courts as a guarantee of justice/E.V. Markushina//Current problems of national and international law: Materials of the VII scientific and theoretical conference of graduate students, St. Petersburg, October 11, 2024. - St. Petersburg: All-Russian State University of Justice, 2024. - S. 200-206.

[10] Minnakhmetova, L.A. The modern system of arbitration courts in Russia/L.A. Minnakhmetova// Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: Materials of the IX National Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Kazan, February 27-28, 2025. - Kazan: University of Management “TISBI,” 2025. - S. 205-212.

[11] Morozov, A.B. On the autonomy of arbitration courts in the judicial system/A.B. Morozov//Law and justice in the modern world: Collection of scientific articles by young researchers of the XI All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Students, Undergraduates and Applicants, St. Petersburg, March 24-25, 2023. - St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion,” 2023. - S. 62-65.

[12] Review of judicial statistics on the activities of federal arbitration courts in 2024// https://cdep.ru/userimages/Obzor_po_vsem_AS__2024__s_grafikami.doc (date of appeal 02.02.2026).

[13] Pelikhova, E.Yu. The system of arbitration judicial bodies: comparative analysis/E.Yu. Pelikhova//Russian law online. – 2023. – № 3. - S. 33-36.

[14] Tokareva, Yu. D. Legal status of arbitration courts in the modern judicial system/Yu. D. Tokareva//Stolypinsky Bulletin. – 2023. - VOL. 5. – № 11. - S. 42-47.

[15] Khrisanova, E.N. Differences between instances for revising judicial acts of arbitration courts/E.N. Khrisanova, A.A. Sinichkin//Actual problems of criminal, penal law and criminology: Collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of the Chuvash Republic Arkady Sizogo, Cheboksary, November 09, 2021. - Cheboksary: Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the autonomous non-profit educational organization of higher education of the Central Union of the Russian Federation “Russian University of Cooperation,” 2023. - S. 361-366.

[16] Cherepanova, V.A. The role of arbitration courts in the judicial system of the Russian Federation/V.A. Cherepanova, T.A. Zaitseva//Politics and law: Scientific notes. Volume Issue 22. - Blagoveshchensk: Amur State University, 2022. - S. 146-152.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-146-155
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ТОЛСТОЛУЦКИЙ Владимир Юрьевич,
доктор медицинских наук, профессор,
Юридический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: tolvlad@yandex.ru

ПОГОДИНА Татьяна Григорьевна,
доктор медицинских наук,
Юридический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
член-корреспондент Российской Академии Естествознания,
e-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

МЕТОД ПОСМЕРТНОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НА ОСНОВЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ КОЭФФИЦИЕНТОВ

Аннотация. ***Введение.*** *В судебно-психиатрической практике актуальна ретроспективная оценка способности лица понимать значение своих действий и руководить ими в момент юридически значимого события, особенно при наличии в анамнезе острого транзиторного психотического расстройства (F23 по МКБ-10).*

Цель *– разработать и апробировать метод количественной оценки диагностических коэффициентов (ДК) на основе последовательного анализа Вальда применительно к каждому временному срезу (без кумулятивного суммирования) для ретроспективного заключения о дееспособности.*

Материал и методы. *Проанализирован клинический случай Гоголевой Г.А. (69 лет), представлены 7 ключевых дат, отражающих динамику от полного психического здоровья через острую психотическую симптоматику к полной ремиссии. Для каждой даты на основе заданных экспертных вероятностей p(А) (гипотеза здоровья) и p(Б) (гипотеза расстройства) вычислен ДК = 10·lg(p(А)/p(Б)). Использованы пороги принятия решений α=β=0,05: А=+12,79 (принимается гипотеза здоровья), В=–12,79 (принимается гипотеза расстройства).*

Результаты. *На момент составления оспариваемого завещания (08.12.2004) ДК составил +17,0, что достоверно превышает порог А и подтверждает полную дееспособность. В период острого психоза (25.10–09.11.2004) ДК опускался ниже –12,79 (минимальное значение –20,0), свидетельствуя о неспособности понимать значение своих действий. Разработанный подход позволяет визуализировать динамику состояния на графике (Рис. 1).*

Обсуждение. *Предложенный метод исключает ошибку «накопления» диагностических коэффициентов, свойственную классическому последовательному анализу, и даёт корректную оценку на каждый момент времени.*

Выводы. *Вероятностный метод с вычислением ДК на отдельные даты может быть рекомендован как вспомогательный инструмент при производстве судебно-психиатрических экспертиз в случаях временных психических расстройств. Требуется дальнейшая валидизация на репрезентативных выборках.*

Ключевые слова: *диагностические коэффициенты, последовательный анализ Вальда, судебно-психиатрическая экспертиза, транзиторное психотическое расстройство, дееспособность, ретроспективная оценка.*

TOLSTOLUTSKY Vladimir Yuryevich,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Faculty of Law, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Faculty of Law, N.I. Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod

POGODINA Tatyana Grigoryevna,
Doctor of Medical Sciences,
Faculty of Law, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Faculty of Law, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

A METHOD OF POST-MORTUM FORENSIC ASSESSMENT OF LEGAL CAPACITY BASED ON A RETROSPECTIVE STUDY OF THE DYNAMICS OF DIAGNOSTIC COEFFICIENTS

Annotation. ***Introduction.*** *In forensic psychiatric practice, a retrospective assessment of a person's ability to understand the meaning of their actions and control them at the time of a legally significant event is relevant, especially in cases with a history of acute transient psychotic disorder (ICD-10 F23).*

Objective: *Develop and test a method for quantitatively assessing diagnostic coefficients (DC) based on sequential Wald analysis for each time point (without cumulative summation) for the purpose of making a retrospective determination of legal capacity.*

Material and methods. *The clinical case of G.A. Gogoleva (69 years old) was analyzed, presenting seven key dates reflecting the dynamics from full mental health through acute psychotic symptoms to complete remission. For each date, based on the specified expert probabilities p(A) (health hypothesis) and p(B) (disorder hypothesis), the DC = 10•lg(p(A)/p(B)) was calculated. Decision thresholds α=β=0.05 were used: A=+12.79 (health hypothesis accepted), B=–12.79 (disorder hypothesis accepted).*

Results. *At the time of drawing up the contested will (December 8, 2004), the DC was +17.0, which reliably exceeds threshold A and confirms full legal capacity. During the period of acute psychosis (October 25–November 9, 2004), the diagnostic coefficient dropped below -12.79 (minimum value -20.0), indicating an inability to understand the meaning of one's actions. The developed approach allows for visualization of the dynamics of the condition on a graph (Fig. 1).*

Discussion. *The proposed method eliminates the "accumulation" error of diagnostic coefficients, inherent in classical sequential analysis, and provides an accurate assessment for each point in time.*

Conclusions. *The probabilistic method with the calculation of the diagnostic coefficients for individual dates can be recommended as an auxiliary tool in forensic psychiatric examinations of transient mental disorders. Further validation on representative samples is required.*

Key words: *diagnostic coefficients, Wald sequential analysis, forensic psychiatric examination, transient psychotic disorder, legal capacity, retrospective assessment.*

Введение

Проблема установления способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими при удостоверении завещания является одной из наиболее дискуссионных в современной нотариальной, экспертной и судебной практике. При возникновении вопроса о дееспособности завещателя на этапе судебного решения, оценка его психического состояния проводится на основании результатов двух предшествующих этапов: при удостоверении сделки нотариусом и при проведении судебно-психиатрической экспертизы, принципиально различных как п используемым методам, так и по правовым последствиям.

Известно, что в соответствии со статьями 43 и 57 Основ законодательства о Российской Федерации о нотариате, нотариус обязан проверять дееспособность граждан, обратившихся за совершением нотариального действия, и может удостоверить завещание только дееспособного лица. Однако сам закон не содержит детального описания процедуры проверки, предоставляя нотариусу значительную свободу усмотрения. «Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров» (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол N 03/21) содержат пункт 1.7.1., в котором указывается, что «способность завещателя понимать значение своих действий или руководить

ими проверяется путем проведения нотариусом беседы с обратившимся лицом. В ходе беседы нотариус анализирует адекватность поведения и ответов на задаваемые вопросы и делает вывод о способности гражданина понимать сущность и значение совершаемых им действий, руководить ими и осознавать их правовые последствия» [11].

Таким образом, единственный инструмент нотариуса — беседа, во время которой он оценивает адекватность ответов, связность речи, логику рассуждений, но эти критерии носят субъективный и относительно поверхностный характер. Он может фиксировать состояние только во время визита, выполняя точечную оценку психического состояния в ходе наблюдения длительностью 15–20 минут. Полученные сведения ограничиваются оценкой бытовой ориентированности и не могут содержать анализ когнитивных сторон познавательной деятельности в виде понимания юридического значения выполняемого действия.

При этом нотариус вынужден действовать в режиме правовой презумпции дееспособности, и его отказ возможен только при наличии очевидных, грубых отклонений, которые не вызывают сомнений даже у неспециалиста.

Вторая фундаментальная проблема первого этапа — невозможность оценить динамику психического состояния завещателя. Нотариус фиксирует только состояние в момент подписания завещания, не имея доступа к истории болезни, предшествующим эпизодам или прогнозу. Как справедливо отмечает Н.А. Тришин, нотариус проводит визуальную и вербальную оценку, которая по определению не может заменить ретроспективного анализа, проводимого в рамках посмертной судебно-психиатрической экспертизы. В связи с чем, Т.В. Ярошенко предлагает расширить набор средств и методов определения состояния гражданина для нотариусов, через внедрение стандартизированных опросников. Самих опросников автор не предлагает.

Следует отметить, что в практике психиатрии и нейропсихологии диагноз никогда не ставится на основе одного визита, если это не острый психоз. Используется динамическое наблюдение, позволяющее отметить, как менялось состояние за месяцы и годы; исследуется анамнез жизни и болезни. Неоднократное нейропсихологическое исследование позволяет выявить темп изменения когнитивных функций.

Таким образом, у нотариуса, на первом этапе, выполняющим функцию основного первичного фильтра, могут отсеиваться лишь очевидные случаи (выраженное опьянение, агрессивное поведение, явная спутанность сознания). На втором – проводится углубленное исследование психического состояния с использованием специальных знаний специалистами, проводящими судебно-психиатрическую экспертизу.

Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза (ПСПЭ) исследует медицинские документы за длительный период — амбулаторная карта, истории госпитализаций, заключения невролога, психиатра, гериатра, результаты МРТ/ЭЭГ, лекарственные назначения. Оцениваются показания свидетелей — родственники, сиделки, сослуживцы описывают, как человек менялся с течением времени, например, указывают, что «за последний год стал забывать имена, путать даты, терять вещи».

Отметим, что подход, основанный на анализе динамики психического состояния, безусловно, является методологически более информативным, чем точечная оценка. Однако, до сих пор не предложено к использованию доступных формализованных методик, позволяющих в процессе проведения судебно-психиатрической экспертизы объективно принимать решения о том, мог ли в действительности завещатель понимать значение своих действий и руководить ими.

Суды, принимая окончательное решение, в качестве доказательств рассматривают как те сведения, которые были получены без использования специальных знаний в области психиатрии (опрос родственников и соседей, проводившиеся адвокатами), так и результаты КППЭ, в процессе которой эксперты не только выявляют психопатологические признаки, но и реконструируют психическое состояния завещателя.

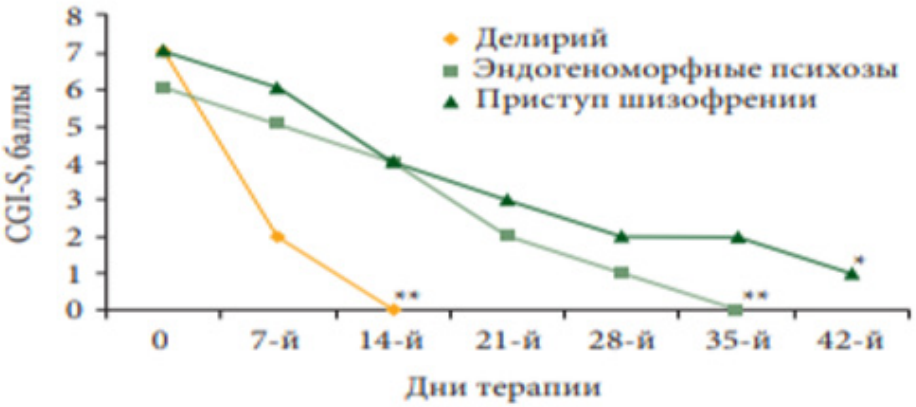
С нашей точки зрения, для каждого этапа целесообразно предложить объективные методики оценки психического состояния наследодателя. При этом, особенностью методики для первого этапа является, то, что с одной стороны, она должна быть научно обоснована, а с другой – не должна включать специальные знания в области психиатрии. Вторая – должна быть предназначена для экспертов, компетентных в области психиатрии. При этом они должны иметь единую логику принятия решений и первый метод должен непосредственно раскрываться на основе специальных знаний при использовании второго метода.

Цель исследования: разработать и клинически апробировать метод ретроспективной оценки способности понимать значение своих действий с использованием диагностических коэффициентов, вычисляемых для отдельных временных точек (без накопления), и продемонстрировать его на примере конкретного судебно-психиатрического случая.

Методы исследования

В случае отсутствия возможности использования специальных знаний для оценки состояния пациента в литературе предлагается метод клинической оценки по шкале тяжести (Clinical Global Impressions-Severity, CGI-S). Данная шкала отражает субъективное мнение, основанное на наблюдаемых и сообщаемых пациентом симптомах, поведении и уровне функционирования. Использование метода CGIS представляет собой комплекс ответов на вопросы, ориентируясь на субъективную оценку тяжести пациента в данный момент. Шкала представлена 7-ю оценками: 0 = не оценивалось; 1 = в норме, здоров; 2 = пограничное состояние; 3 = легкое недомогание; 4 = умеренное недомогание; 5 = выраженное недомогание; 6 = тяжелое недомогание; 7 = крайне тяжелое состояние.

Так, например, в работе Д.Е. Выборных с соавторами на рисунке показана динамика психического состояния при применении психотропных препаратов у больных с соматогенными психозами, оцениваемая при помощи шкалы общего клинического впечатления [10, с. 43].

Достоверность различий от начального значения:
* $p < 0,05$, ** $p < 0,001$.

Рисунок. Динамика психического состояния при применении психотропных препаратов у больных с соматогенными психозами

Рисунок 1.

По оси ординат указаны Баллы CGI-S, по оси абсцисс – дни терапии. График показывает, что состояние пациента при делирии первоначально оценивается на уровне 7 баллов и линейно снижается до нуля на 14 день. Эндогеноморфные психозы представлены линейной зависимостью от 7 баллов в начале и нормой на 42 день, приступ шизофрении – характеризовался 6 баллами в начале терапии и нормой на 35 день.

Оценивая данную публикацию в контексте нашего исследования, полагаем, что авторы используют субъективную (и очень обобщенную, доступную для использования оценки психического состояния лицами, не обладающими специальными знаниями в области психологи и психиатрии. Например, соседями, коллегами. А также следователями (нотариусами) и судьями, от которых требуется принятия решения о состоянии завещателя. Эти сведения могут быть представлены в материалах дела, переданных экспертам, «на входе» экспертного исследования. Они позволяют оценить динамику психического состояния без использования специальных знаний.

Использование специальных знаний может углубить уже полученные ранее данные. Дополнением к данной шкале может служить диагностический коэффициент (ДК) Кульбака, который позволяет принять решение при необходимости выбора одной из альтернативных гипотез.

В судебной психиатрии для оценки вероятности наличия психического расстройства традиционно используются клинико-катамнестический метод и структурированное клиническое интервью (SCID) [4]. Однако эти инструменты ориентированы на текущее или прижизненное обследование, но не на ретроспективную оценку с интервалом в несколько месяцев. За рубежом применяются методы «оценки компетенции»

(competence assessment), такие как MacArthur Competence Assessment Tool [5], однако они требуют личного интервью с лицом.

Математические методы в судебной психиатрии представлены, главным образом, логистической регрессией для прогнозирования общественной опасности [6], но не для ретроспективного определения дееспособности.

В связи с этим актуальной является разработка вероятностного метода, позволяющего рассчитывать диагностические коэффициенты (ДК) для каждого временного среза с использованием последовательного анализа Вальда [3], но с модификацией, исключающей кумулятивное накопление признаков

Последовательный анализ Вальда, предложенный для решения диагностических задач при бинарном выборе (наличие/отсутствие расстройства), использовался в психиатрии ограниченно [7]. Традиционно он предполагает накопление ДК по мере поступления признаков до пересечения порога. Однако при ретроспективной оценке временных расстройств признаки из разных периодов не должны суммироваться, так как состояние может радикально меняться (например, психоз – ремиссия). Это принципиальное ограничение классического подхода требует его модификации.

В предлагаемой статье мы впервые применяем **модифицированный последовательный анализ** без кумулятивного суммирования, когда на каждую интересующую дату вычисляется собственный ДК на основе признаков, непосредственно характеризующих состояние именно в этот момент. Применение методики расчёта ДК для изолированных дат на основе экспертно определённых вероятностей р(А) и р(Б) и демонстрируется на клиническом примере.

Материал исследования

Необходимо отметить, что в практике судебной психиатрии одной из наиболее сложных задач при производстве посмертной психолого-психиатрической экспертизы является ретроспективная оценка психического состояния лица в момент совершения юридически значимого действия (составление завещания). Сложность возрастает, когда в анамнезе завещателя имеются указания на временное психическое расстройство. Классическим примером служат острые транзиторные психотические состояния (F23 по МКБ-10), которые могут полностью редуцироваться с восстановлением критических способностей [1; 2]. Эксперту необходимо определить, страдало ли лицо расстройством, исключающим способность понимать значение своих действий и руководить ими, именно в интересующий юридический момент.

В качестве примера приводится распространенная ситуация, в которой ретроспективная оценка психического состояния завещателя потребовала анализа механизма развития психотического состояния и его связь с соматической патологией. Хотя оба состояния — F23 и соматогенный делирий — клинически проявляются психотической симптоматикой (бред, возбуждение), есть принципиальные отличия. Установление соматогенного делирия указывает на наличие четких временных рамок, что позволило обосновать вывод экспертов о полном восстановлении дееспособности к моменту завещания. Этот вывод явился краеугольным камнем в обосновании полного психического здоровья на момент составления завещания (08.12.2004).

В качестве модели использованы материалы судебного дела Гоголевой Г.А. (все данные деперсонализированы) [12]. Фабула дела. Третьякова Т.А. обратилась в городской суд г. Лесного Свердловской области с иском к Семеновой Л.П. о признании недействительным завещания, составленного 08.12.2004 их матерью Гоголевой Г.А. (15.03.1936 г.р.) в пользу Семеновой Л.П. на 1/2 долю в праве собственности на квартиру. Истица и ответчица являются сводными сестрами (общая мать — Гоголева Г.А., разные отцы). Ранее, 14.06.2000, Гоголева Г.А. завещала спорную долю внуку Семенову А.И. (сыну ответчицы). 28.05.2004 она составила новое завещание в пользу истицы Третьяковой Т.А.

После смерти отца истицы (Гоголев А.П., умер 14.11.2003) здоровье матери ухудшилось. 24.10.2004 Гоголева Г.А. была госпитализирована с крупноочаговым инфарктом миокарда. В период лечения у неё возникли психические нарушения: дезориентация, двигательное возбуждение, бессонница, она не узнавала родных. 09.11.2004 по настоянию врачей её перевели в психиатрическое отделение, откуда 11.11.2004 ответчица забрала её через 3 дня. После выписки Гоголева Г.А. проживала одна, вела хозяйство, общалась со знакомыми, узнавала их. 08.12.2004 Гоголева Г.А. составила новое завещание в пользу ответчицы Семеновой Л.П., отменив предыдущее. 07.03.2005 Гоголева Г.А. умерла.

Истица полагала, что ответчица, злоупотребив состоянием здоровья матери, путём обмана и из-за имущественного спора настроила мать против истицы, что привело к изменению завещания. Суд, допросив свидетелей, исследовав медицинские карты и заключение судебно-психиатрической экспертизы, установил, что после выписки из психиатрического отделения у Гоголевой Г.А. произошло обратное развитие психотической симптоматики без необратимых нарушений интеллектуально-волевой сферы. Эксперты при-

шли к выводу, что на 08.12.2004, а также в последующее время, Гоголева Г.А. могла отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. Соблюдение нотариальной формы завещания подтверждено. Суд не нашёл оснований для признания завещания недействительным и отказал в удовлетворении иска.

Использование метода

Для достижения цели ретроспективной оценки способности понимать значение своих действий в юридически значимый период необходимо решить следующие **задачи:**

1. Формализовать альтернативные гипотезы А (психическое здоровье, способность) и Б (психическое расстройство, неспособность).
2. Для каждой ключевой даты на основе имеющихся клинических и свидетельских данных определить экспертные вероятности p(А) и p(Б).
3. Рассчитать диагностический коэффициент ДК = 10·lg(p(А)/p(Б)).
4. Установить пороги принятия решений при ошибках первого и второго рода α=β=0,05.
5. Построить график динамики ДК и интерпретировать результат применительно к дате составления завещания.

В представленной фабуле выделены 7 временных точек, репрезентирующих динамику состояния (Таблица 1). Для каждой даты экспертами в ходе обсуждения определены условные вероятности:

- p(А) – вероятность того, что лицо находится в состоянии психического здоровья и способно понимать значение своих действий и руководить ими (гипотеза А)
- p(Б) – вероятность того, что лицо находится в психотическом состоянии и не способно понимать значение своих действий и руководить ими (гипотеза Б).

Оценка вероятностей осуществляется на основе шкал вербальных оценок вероятности [13]. рассчитывались диагностические коэффициенты ДК = 10·lg(p(А)/p(Б)), где p(А) – вероятность здоровья, p(Б) – вероятность расстройства. Положительные ДК свидетельствуют в пользу здоровья, отрицательные – в пользу расстройства.

Пороги принятия решений. Для α = β = 0,05 (вероятность ошибки первого и второго рода 5%) вычислены границы: A_порог = 10·lg((1-β)/α) = 10·lg(0,95/0,05) = 10·lg(19) ≈ +12,79; B_порог = 10·lg(β/(1-α)) = 10·lg(0,05/0,95) = –12,79. Если ДК ≥ +12,79 – принимается гипотеза А (здоровье). Если ДК ≤ –12,79 – принимается гипотеза Б (расстройство). При промежуточных значениях – зона неопределённости.

Процедура расчёта. Для каждой даты значение ДК вычисляется независимо от предыдущих дат. Это ключевое отличие от классического последовательного анализа Вальда. Такой подход позволяет корректно отразить динамику состояния, включая исчезновение симптоматики.

Статистическая обработка не проводилась, т.к. исследование представляет описание единичного случая.

Результаты исследования

В *Таблице 1* представлены рассчитанные диагностические коэффициенты для каждой из семи хронологических точек.

Таблица 1. Диагностические коэффициенты (ДК) и принятые решения на ключевые даты

Дата	Событие / состояние	p(А) (здоровье)	p(Б) (расстройство)	ДК = 10·lg(pA/pБ)	Решение
28.05.2004	Первое завещание (полное здоровье)	0,98	0,02	+16,90	Гипотеза А (здоровье)
24.10.2004	Инфаркт, госпитализация на фоне психического здоровья	0,80	0,20	+6,02	Неопределённость
25.10.2004	Начало острого психоза, обусловленного инфарктом миокарда (дезориентация, возбуждение)	0,03	0,97	–15,00	Гипотеза Б (расстройство)

Дата	Событие / состояние	p(А) (здоровье)	p(Б) (расстройство)	ДК = 10·lg(pA/pБ)	Решение
09.11.2004	Перевод в психиатрическое отделение (пик симптоматики)	0,01	0,99	–20,00	Гипотеза Б
11.11.2004	Выписка, (нормализация психики, без рекомендаций по психиатрическому лечению)	0,91	0,09	+10,00	Неопределённость
14.11.2004	Полное восстановление (проживание одной, ведение хозяйства, общение с соседями)	0,96	0,04	+14,00	Гипотеза А
08.12.2004	Составление нового завещания (оспариваемого)	0,98	0,02	+17,00	Гипотеза А

Примечание: p(А) и p(Б) установлены экспертами при оценке материалов дела.

График динамики ДК представлен на *Рисунке 1.*

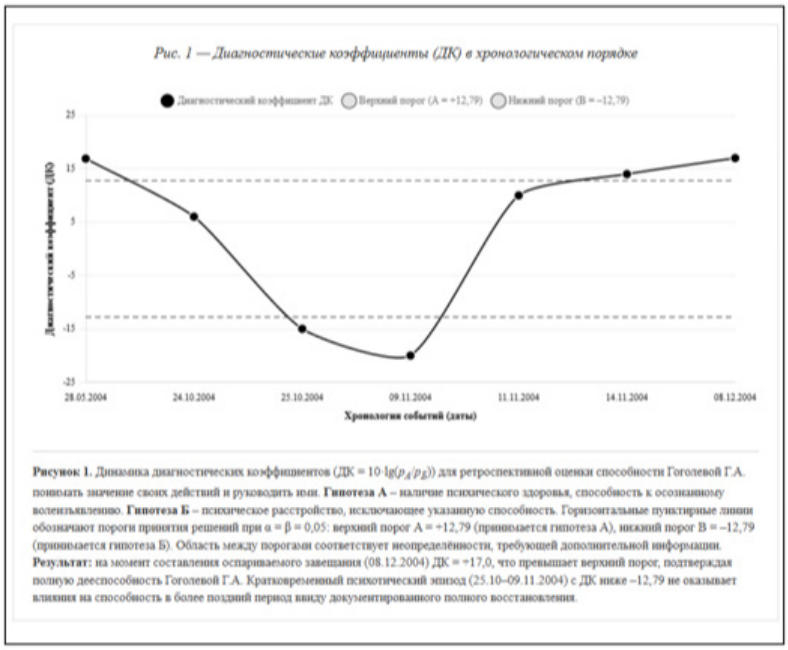

Рисунок 1. Динамика диагностических коэффициентов (ДК) для Гоголевой Г.А. Горизонтальные пунктирные линии – пороги принятия решений (+12,79 и –12,79). Положительные ДК – в пользу здоровья, отрицательные – в пользу расстройства.

Описание графического представления динамики психического состояния Гоголевой Г.А.

Как видно из графика, траектория ДК демонстрирует переход из «зелёной зоны» (психическая норма на 28.05.2004 и 24.10.2004) в «красную зону» (расстройство на 25.10 и 09.11.2004), затем возврат в «зелёную зону» начиная с 14.11.2004 и устойчивое психическая норма

на дату завещания 08.12.2004. Важно, что на момент выписки (11.11.2004) ДК = +10,0 находится в зоне неопределённости, что отражает начавшуюся, но ещё не завершённую ремиссию.

Таким образом, разработанный метод позволил количественно обосновать вывод о **полной дееспособности Гоголевой Г.А.** при составлении оспариваемого завещания 08.12.2004, несмотря на перенесённый за месяц до этого острый транзиторный психоз.

Обсуждение результатов

Ключевым для настоящего исследования является положение о том, что **делирий можно рассматривать как преходящее психическое расстройство**, отражающее острую недостаточность мозга вследствие различных патологических состояний. Обобщая данные литературы, можно констатировать, что острый инфаркт миокарда и другие критические состояния являются доказанным этиологическим фактором развития кратковременных (транзиторных) психотических расстройств – соматогенных делириев. Эти расстройства характеризуются полной обратимостью при условии стабилизации соматического статуса. Именно эта особенность – временный, преходящий характер – создаёт серьёзные трудности для судебно-психиатрической оценки: лицо может быть психически здоровым до и после психотического эпизода, но в острый период болезни страдать расстройством, исключающим способность понимать значение своих действий. Следовательно, для ретроспективного анализа необходимы формализованные количественные методы, позволяющие независимо для каждой временной точки (например, даты составления завещания) определить вероятность наличия или отсутствия психотического расстройства.

Настоящее исследование впервые предлагает формализованный вероятностный подход к ретроспективной оценке дееспособности при временных психотических состояниях с использованием диагностических коэффициентов в виде временной последовательности. Ключевым преимуществом метода является отказ от кумулятивного суммирования, которое недопустимо при динамически меняющемся состоянии. Если бы мы использовали классический последовательный анализ Вальда с накоплением ДК, то положительные значения от предыдущих здоровых периодов «затушевали» бы последующее ухудшение или, наоборот, отрицательные ДК психоза не позволили бы вернуться в зону здоровья после выздоровления. Предлагаемый подход позволяет полностью избежать этого эффекта.

В литературе известны попытки применения математических методов в судебной психиатрии, но они касаются в основном оценки риска повторных правонарушений или прогнозирования течения болезни [8]. Ретроспективная диагностика временных состояний остаётся слабо формализованной. Предлагаемый метод может служить полезным вспомогательным инструментом для эксперта, особенно при необходимости представить суду количественные аргументы.

В клиническом примере отчётливо видно, что даже при документированном тяжёлом психотическом эпизоде, потребовавшем госпитализации в психиатрический стационар, полное восстановление критических способностей в течение нескольких дней (к 14.11.2004) приводит к тому, что юридическое действие, совершённое через 3,5 недели после выписки, является осознанным. Это согласуется с позицией Высшего суда и психиатрической доктриной, согласно которой наличие в прошлом психотического расстройства само по себе не является основанием для признания лица недееспособным в более поздний период [9].

Ограничения исследования

1. Метод требует экспертного определения вероятностей p(А) и p(Б), что вносит элемент субъективизма. Для стандартизации необходима разработка нормативных таблиц частот признаков.
2. Исследование выполнено на одном клиническом случае, что не позволяет оценить чувствительность и специфичность метода.
3. Метод применим только при наличии временной привязки симптомов и чёткой хронологии.
4. Не учитываются возможные латентные или продромальные периоды.

Выводы

1. Разработан и апробирован метод количественной оценки способности понимать значение своих действий и руководить ими для ретроспективных юридических ситуаций, основанный на вычислении диагностических коэффициентов для отдельных дат без кумулятивного накопления.
2. На примере случая Гоголевой Г.А. показано, что ДК на дату составления завещания 08.12.2004 составил +17,0, что превышает порог принятия гипотезы психического здоровья (+12,79) и подтверждает дееспособность.
3. Метод позволяет наглядно визуализировать динамику состояния – переход из зоны здоровья в зону расстройства и обратно – что согласуется с клиническими данными и реконструированным временным интервалом.

4. Предлагаемый подход может быть рекомендован для включения в экспертный инструментарий как дополнительный формализованный критерий, повышающий обоснованность судебно-психиатрических заключений.

Дальнейшие направления исследований

1. Создание базы данных частот диагностических признаков (р(А) и р(Б)) для различных нозологических групп (транзиторные психозы, деменции, умственная отсталость) на основе репрезентативных выборок.
2. Валидизация метода в проспективных исследованиях с участием не менее 100 экспертных случаев.
3. Сравнительный анализ согласованности мнений экспертов при использовании традиционного клинического подхода и с применением расчёта ДК.
4. Разработка программного обеспечения для автоматизированного расчёта ДК по вводимым признакам.
5. Исследование возможности применения метода для динамической оценки дееспособности в гражданском процессе (например, при оспаривании сделок, совершённых в разное время).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи.

Финансирование: исследование выполнено без привлечения грантов или спонсорской поддержки.

Информированное согласие: все данные деперсонализированы, что соответствует этическим нормам.

Список литературы:

[1] Всемирная организация здравоохранения. (1994). *МКБ-10: Классификация психических и поведенческих расстройств*. СПб.: Адис. 303 с.

[2] Marneros, A., Pillmann, F. (2004). Acute and Transient Psychoses. Cambridge University Press. 263 p.

[3] Wald, A. (1947). Sequential Analysis. John Wiley & Sons. 212 p.

[4] First, M.B., Williams, J.B.W., Karg, R.S., Spitzer, R.L. (2015). *Structured Clinical Interview for DSM-5*. American Psychiatric Association. 103 p.

[5] Grisso, T., Appelbaum, P.S. (1998). MacArthur Competence Assessment Tool for Treatment. Professional Resource Press. 231 p.

[6] Monahan, J., Steadman, H.J. (1994). Violence and Mental Disorder. University of Chicago Press. 343 p.

[7] Шостакович Б.В., Кузнецова А.С. (2010). Применение последовательного анализа в судебно-психиатрической диагностике. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 110(4), С. 67-71.

[8] Fazel, S., Fiminska, Z., Cocks, C., Coid, J. (2016). Patient outcomes following psychiatric hospitalization: a systematic review. BMC Medicine, 14(1), P. 1-12.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 29.05.2012 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 23.04.2019). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 05.05.2026).

[10] Шкала общего клинического впечатления (Clinical Global Impression Scale, CGI). URL: https://rgnkc.ru/images/pdf_documets/Depreskraibing/Pril10.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

[11] «Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров» (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол N 03/21). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568/ (дата обращения: 05.05.2026).

[12] Зайцева Т.И. Судебная практика по наследственным делам // «Волтерс Клувер» - Сейчас.ру. URL: https://lawmix.ru/commlaw/905?page=18 (дата обращения: 05.05.2026).

[13] Witteman C.L., Renooij S., Koele P. Medicine in words and numbers: a cross-sectional survey comparing probability assessment scales. BMC Med Inform Decis Mak. 2007 Jun 11;7:13. 8 p.

References:

[1] World Health Organization. (1994). *ICD-10: Classification of Mental and Behavioral Disorders*. St. Petersburg: Adis. 303 p.

[2] Marneros, A., Pillmann, F. (2004). Acute and Transient Psychoses. Cambridge University Press. 263 p.

[3] Wald, A. (1947). Sequential Analysis. John Wiley & Sons. 212 p.

[4] First, M.B., Williams, J.B.W., Karg, R.S., Spitzer, R.L. (2015). *Structured Clinical Interview for DSM-5*. American Psychiatric Association. 103 p.

[5] Grisso, T., Appelbaum, P.S. (1998). MacArthur Competence Assessment Tool for Treatment. Professional Resource Press. 231 p.

[6] Monahan, J., Steadman, H.J. (1994). Violence and Mental Disorder. University of Chicago Press. 343 p.

[7] Shostakovich, B.V., Kuznetsova, A.S. (2010). Application of sequential analysis in forensic psychiatric diagnostics. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry, 110(4), pp. 67-71.

[8] Fazel, S., Fiminska, Z., Cocks, C., Coid, J. (2016). Patient outcomes following psychiatric hospitalization: a systematic review. BMC Medicine, 14(1), pp. 1-12.

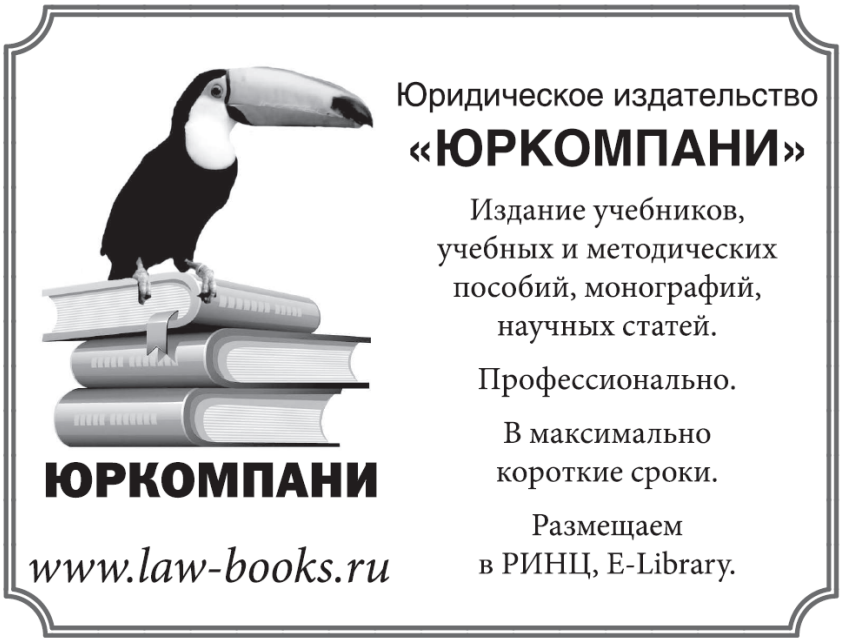
[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 of May 29, 2012 "On judicial practice in inheritance cases" (as amended on April 23, 2019). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (accessed: May 5, 2026).

[10] Clinical Global Impression Scale (CGI). URL: https://rgnkc.ru/images/pdf_documets/Depreskraibing/Pril10.pdf (accessed: May 5, 2026).

[11] "Methodological recommendations for the certification of wills and inheritance contracts" (approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber of 02.03.2021, protocol No. 03/21). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568/ (date of access: 05.05.2026).

[12] Zaitseva T.I. Judicial practice in inheritance cases // "Wolters Kluwer" - Segodnya.ru. URL: https://lawmix.ru/commlaw/905?page=18 (date of access: 05.05.2026).

[13] Witteman C.L., Renooij S., Koele P. Medicine in words and numbers: a cross-sectional survey comparing probability assessment scales. BMC Med Inform Decis Mak. 2007 Jun 11;7:13. 8 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-156-159
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАКАЗИЕВА Зара Даутовна,
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: zara6756@mail.ru

АХТАЕВА Э.А.,
старший преподаватель кафедры «Таможенное дело» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М.Д. Миллинщикова,
e-mail: eliza.mazhaeva@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена динамичным развитием технологий производства оружия и боеприпасов, что ставит перед правоохранительными органами и экспертным сообществом принципиально новые задачи. В условиях современной криминогенной обстановки в Российской Федерации судебно-баллистическая экспертиза выступает одним из ключевых инструментов доказывания по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом и применением огнестрельного оружия. Однако существующая нормативная база и методические рекомендации не всегда успевают адаптироваться к появлению новых видов поражающих устройств, включая оружие, изготовленное с применением аддитивных технологий, или переделанные образцы гражданского оружия. Сложность идентификации таких объектов и следов их функционирования требует глубокого научного осмысления и выработки новых подходов к организации экспертной деятельности.*

Ключевые слова: *оружие, боеприпасы, судебно-баллистическая экспертиза, аддитивные технологии, методология.*

MAKAZIEVA Zara Dautovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Chechen State University named after A. A. Kadyrov

AKHTAEVA E.A.,
Senior Lecturer, Department of Customs Affairs, Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millinshchikov

ISSUES OF APPOINTMENT AND PRODUCTION OF FORENSIC BALLISTIC EXPERTISE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The relevance of the research topic is due to the dynamic development of weapons and ammunition production technologies, which poses fundamentally new challenges for law enforcement agencies and the expert community. In the current criminal situation in the Russian Federation, forensic ballistic examination is one of the key tools for proving criminal cases related to the illegal circulation and use of firearms. However, the existing regulatory framework and methodological recommendations do not always keep up with the emergence of new types of destructive devices, including weapons made using additive technologies or modified civilian firearms. The complexity of identifying such objects and traces of their functioning requires a deep scientific understanding and the development of new approaches to the organization of expert activities.*

Key words: *weapons, ammunition, forensic ballistics, additive technologies, methodology.*

Проблема назначения и производства судебно-баллистических экспертиз также тесно связана с процессуальными аспектами взаимодействия органов следствия и экспертных подразделений. Нередко на практике возникают ситуации, когда некорректная постановка вопросов или несоблюдение правил изъятия вещественных доказательств на месте происшествия приводят к невозможности получения категорических выводов. Это создает существенные препятствия для установления истины по делу и требует детального анализа типичных ошибок, допускаемых на доэкспертной стадии. Кроме того, техническое оснащение региональных лабораторий и уровень подготовки специалистов в области исследования современных баллистических объектов нуждаются в постоянном совершенствовании для соответствия мировым стандартам криминалистики [2].

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе назначения и производства судебно-баллистической экспертизы в рамках уголовного судопроизводства. Предметом исследования выступают закономерности формирования доказательственной базы при исследовании огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их применения, а также правовые и методические нормы, регламентирующие данную сферу деятельности. Рассмотрение комплексного анализа проблемных вопросов, возникающих при проведении баллистических исследований, и разработка практических рекомендаций по повышению эффективности использования специальных знаний в раскрытии преступлений, вот что является целью данного исследования [3].

Исследуя данный вопрос необходимо изучение теоретической основы а так же современное состояние судебно-баллистической экспертизы в РФ. Немаловажным является выявление и систематизация основных проблем, возникающих на этапе назначения экспертизы и подготовки материалов для исследования. Необходимо произвести анализ методических трудностей идентификации специфических объектов, таких как самодельное и атипичное оружие и определить перспективные направления развития баллистических исследований, включая внедрение цифровых технологий и автоматизированных систем обработки данных [4].

Наиболее действенным способом позволяющим установить фактические обстоятельства происшествия, на основе объективного анализа материальных следов является судебно-баллистическая экспертиза. Но в связи с техническим прогрессом появляются все новые и новые виды гражданского и служебного оружия, идет процесс распространения технологий трехмерной печати и кустарной переделки из макетов в боевые единицы оружия, что является значимым вызовом для экспертного сообщества [1].

Сегодняшние методики не всегда успевают адаптироваться к изменениям происходящим в действительности и как следствие порождает правовые и технические недочеты в процессе судопроизводства.

Проблемы, с которыми сталкиваются эксперты касаются назначения и производства баллистических экспертиз, несовершенство нормативно-правового регулирования и организационные сложности взаимодействия следственных органов с экспертными подразделениями. Ошибки чаще всего начинаются на самом первом этапе, постановки задач перед специалистом, которые связанны с некорректными формулировками вопросов или неполным предоставлением сравнительных материалов. Такие ошибки приводят к затягиванию сроков расследования и снижению доказательственного значения экспертных заключений. Так же, касаемо вопроса идентификации оружия по следам на пулях и гильзах, имеющих значительные деформации, остаются предметом дискуссий в научной среде, требуя внедрения более совершенных алгоритмов автоматизированного поиска и сопоставления данных [2].

При работе с атипичным и модифицированном оружием, экспертам необходимо уделять внимание анализу практических трудностей, с которыми они сталкиваются, а также оценке достоверности выводов в условиях ограниченного объема исходной информации.

На основании проведенного исследования вопросов назначения и производства судебно-баллистической экспетризы нами было сформулировано ряд заключений имеющих значение для совершенствования криминалистической деятельности, такие как то, что, современное состояние судебно-баллистической экспертизы характеризуется переходом от традиционных механических методов исследования к высокотехнологичным цифровым технологиям. Этот процесс сопровождается возникновением новых правовых и методических вызовов, которые связанны с появлением атипичных объектов, таких как оружие, изготовленное с применением аддитивных технологий, и современные типы боеприпасов с полимерными компонентами. Идентификация и диагностика в таких условиях требует не только технического переоснащения лабораторий, но и глубокой переработки существующих экспертных методик.

В процессе исследования назначения экспертизы были выявлены пробелы касаемые

работы органов предварительного расследования, к которым мы можем отнести некорректную постановку вопросов и неточное описание объектов создают условия для оспаривания выводов экспертов в судебном порядке, сохранность улик на объектах баллистической экспертизы, нарушение правил изъятия и упаковки вещественных доказательств на месте происшествия становится решающим фактором, приводящим к потере микрообъектов и наслоений, необходимых для установления картины происшествия.

Для борьбы с данными пробелами необходимо укрепление взаимодействия между следователями и экспертами-криминалистами ещё на стадии осмотра места происшествия, что обеспечит грамотное изъятие доказательств.

Ликвидация технического разрыва между возможностями криминалитета и ресурсами следственных подразделений требует системного подхода к модернизации материальной базы. Ключевым вектором выступает создание централизованных аппаратно-программных комплексов, способных осуществлять высокоскоростную обработку данных в масштабах всей страны. Важно обеспечить переход от разрозненных инструментов к единым аналитическим платформам, которые интегрируют сведения из различных ведомственных реестров и открытых сетевых источников, минимизируя время на поиск релевантной информации [8].

Параллельно с техническим оснащением необходимо реформировать систему подготовки кадров, внедряя в образовательные программы профильных вузов дисциплины по углубленному изучению архитектуры компьютерных систем и методов криптографического анализа. Формирование корпуса специалистов, обладающих компетенциями на стыке юриспруденции и информационных технологий, позволит эффективно применять инновационные средства фиксации виртуальных следов. Только комплексное сочетание кадрового потенциала и передового инструментария обеспечит качественный рывок в результативности противодействия высокотехнологичной преступности [9].

Будущее цифровой криминалистики неразрывно связано с развитием алгоритмов, способных преодолевать современные методы анонимизации и шифрования. Прогнозируется внедрение систем квантовых вычислений, которые радикально изменят возможности по дешифровке данных, делая бесполезными текущие стандарты криптографической защиты, используемые злоумышленниками. Разработка предиктивных моделей на базе нейронных сетей позволит автоматически реконструировать удаленную информацию и выявлять скрытые каналы связи в даркнете еще до момента совершения активной фазы преступления [14].

Важным направлением станет автоматизация процесса верификации цифрового контента для борьбы с технологиями глубокой подделки (дипфейками). Создание систем, способных на лету определять аутентичность видео- и аудиоматериалов, станет необходимым условием обеспечения достоверности доказательств в суде. Таким образом, эволюция средств расследования будет направлена на создание интеллектуальной среды, где любой акт противоправного вмешательства в информационное пространство будет оставлять неизгладимый и легко идентифицируемый след [12].

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30 сент. 2022 г.). — Москва : Проспект, 2023. — 432 с.

[2] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 14 июля 2022 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31829/ (дата обращения: 15.02.2026).

[3] Кокин А. В. Заключение эксперта по судебно-баллистическим экспертизам в системе доказательств по уголовным делам // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 2-2. — С. 45–52.

[4] Коровкин Д. С. Современное состояние и перспективы развития ситуационной судебно-баллистической экспертизы / Д. С. Коровкин, А. С. Ягунов // Вестник СПбУ МВД России. — 2016. — № 2. — С. 112–118.

[5] Латышов И. В. Некоторые вопросы систематизации объектов судебно-баллистической экспертизы // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 4. — С. 53–59.

[6] Ментовский А. Э. О допустимости и пределах использования результатов судебно-баллистической экспертизы : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 256 с.

[7] Губанов А. В. Судебная баллистика : учеб. пособие для вузов. — Москва : Академия, 2020. — 368 с.

[8] К вопросу о классификации судебно-баллистических технологий / А. И. Иванов [и др.] // Вестник криминалистики. — 2021. — № 3. — С. 34–42.

[9] ГОСТ Р 71968-2025. Судебная баллистическая экспертиза. Термины и определения

[Электронный ресурс]. — URL: https://normadocs.ru/gost_r_71968-2025 (дата обращения: 12.01.2026).

[10] Проблемные вопросы производства судебной баллистической экспертизы : аналит. отчет / Минюст России. — Москва : Статут, 2023. — 120 с.

[11] Bell S. Forensic Ballistics : monograph. — London : Routledge, 2019. — 250 p.

[12] Smith J. Advances in Ballistic Imaging // Journal of Forensic Sciences. — 2020. — Vol. 65, No. 4. — P. 1125–1138.

[13] Interpol. Firearms and Ballistics Tracing Guide [Electronic resource]. — URL: https://www.interpol.int/en/Crimes/Firearms-trafficking (дата обращения: 08.03.2026).

[14] Rowe W. F. Modern Forensic Ballistics: Problems and Prospects // Forensic Science International. — 2021. — Vol. 325. — P. 110–120.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. Law No. 174-FZ of 18 December 2001 (as amended on 30 September 2022). - Moscow: Prospekt, 2023. - 432 s.

[2] Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ “On State Forensic Activity in the Russian Federation” (as amended on July 14, 2022) [Electronic Resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31829/ (access date: 15.02.2026).

[3] Kokin A.V. Conclusion of an expert on forensic ballistic examinations in the evidence system in criminal cases//Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. — 2015. — № 2-2. - S. 45-52.

[4] Korovkin D. S. Current state and prospects for the development of situational forensic ballistic examination/D. S. Korovkin, A. S. Yagunov//Bulletin of St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2016. — № 2. - S. 112-118.

[5] Latyshov I.V. Some issues of systematization of objects of forensic ballistic examination//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — № 4. - S. 53-59.

[6] Mentovsky A.E. On the admissibility and limits of using the results of forensic ballistic examination: monograph. - Moscow: Yurlitinform, 2019. - 256 s.

[7] Gubanov A.V. Judicial ballistics: students. allowance for universities. - Moscow: Academy, 2020. - 368 p.

[8] On the classification of forensic ballistic technologies/A. I. Ivanov [et al.]//Bulletin of Criminalistics. — 2021. — № 3. - S. 34-42.

[9] GOST R 71968-2025. Forensic ballistic examination. Terms and definitions [Electronic Resource]. - URL: https://normadocs.ru/gost_r_71968-2025 (access date: 12.01.2026).

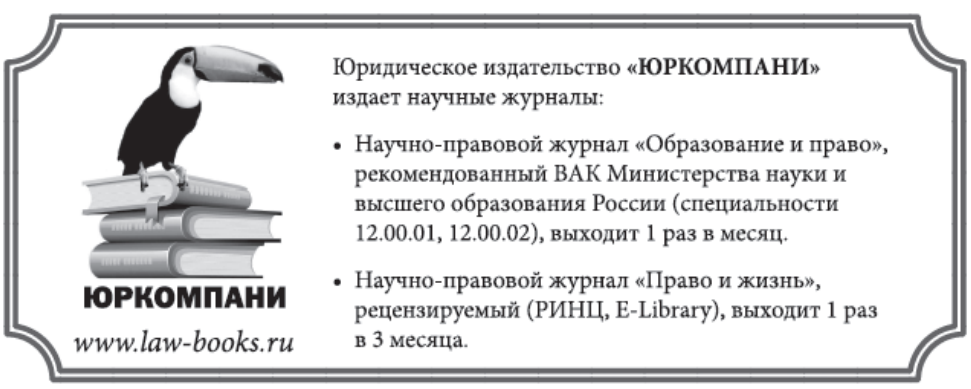
[10] Problematic issues of forensic ballistic examination: analyte. report/Ministry of Justice of Russia. - Moscow: Statute, 2023. - 120 s.

[11] Bell S. Forensic Ballistics : monograph. — London : Routledge, 2019. — 250 p.

[12] Smith J. Advances in Ballistic Imaging // Journal of Forensic Sciences. — 2020. — Vol. 65, No. 4. — P. 1125–1138.

[13] Interpol. Firearms and Ballistics Tracing Guide [Electronic resource]. — URL: https://www.interpol.int/en/Crimes/Firearms-trafficking (дата обращения: 08.03.2026).

[14] Rowe W. F. Modern Forensic Ballistics: Problems and Prospects // Forensic Science International. — 2021. — Vol. 325. — P. 110–120.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-160-166
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

АНДРЕЕВА Снежана Евгеньевна,
студентка 4 курса направления подготовки «Юриспруденция» КрФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», https://orcid.org/0009-0001-6916-4586, e-mail: snezhana.andreeva.19@mail.ru

ДРОБОТ София Андреевна,
студентка 4 курса направления подготовки «Юриспруденция» КрФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», https://orcid.org/0009-0000-8759-5593, e-mail: sofia-drobot@mail.ru

ВОРОНЦОВА Ирина Викторовна,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства КрФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», доцент, e-mail: odiv@mail.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ И ОСОБЕННОСТИ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу процессуальных гарантий участников СВО и членов их семей. Актуальность исследования обусловлена приоритетным характером государственной политики в данной сфере, ростом числа гражданских дел с участием указанной категории лиц, наличием правовых пробелов и фрагментарностью норм. Целью работы является выявление имеющихся гражданских процессуальных гарантий судебной защиты участников СВО и членов их семей в виде особых льгот и особенностей исчисления процессуальных сроков с последующей оценкой и выявлением тенденций развития. Для достижения цели авторами определены следующие задачи: сформулировать правовую дефиницию «участника СВО» на основе формально-юридического анализа; провести детальный разбор имеющихся процессуальных льгот и особенностей исчисления процессуальных сроков; выявить недостатки существующего механизма; разработать предложения по совершенствованию законодательства. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод и анализ судебной статистики и правоприменительной практики. Материалами исследования послужили нормы гражданского и гражданского процессуального кодексов, отраслевое федеральное законодательство. Результаты исследования продемонстрировали, что, несмотря на сформированный массив гарантий, существующие льготы носят ограниченный характер. Авторами выявлены проблемы отсутствия механизма квалифицированной юридической помощи в зоне боевых действий, неравномерность региональной поддержки и правовая неопределенность после завершения СВО. Итогом исследования стали конкретные предложения по совершенствованию указанных процессуальных гарантий: закрепление возможности продления льгот на период реабилитации, расширение категорий уважительных причин для неявки в суд (в рамках наличия посттравматических расстройств), разработка единого федерального стандарта защиты прав данной категории граждан.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, участник СВО, члены семьи участника СВО, процессуальные льготы, процессуальные сроки, отложенные последствия.*

ANDREEVA Snezhana Evgenyevna,
4th-year student, Jurisprudence, Crimean Branch of FSBEIHE «RSUJ named after V.M. Lebedev»

DROBOT Sofia Andreevna,
4th-year student, Jurisprudence,
Crimean Branch of FSBEIHE «RSUJ named after V.M. Lebedev»

VORONTSOVA Irina Viktorovna,
Doctor of Law, Professor,
Department of Civil and Arbitration Proceedings Crimean branch
of FSBEIHE RSUJ named after V.M. Lebedev,
Associate Professor

JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES: PROCEDURAL BENEFITS AND SPECIFICS OF CALCULATING TERMS

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the procedural guarantees for participants in the special military operation and their family members. The relevance of the study is due to the priority nature of state policy in this area, the growing number of civil cases involving this category of individuals, the existence of legal gaps, and the fragmented nature of regulations. The purpose of the study is to identify the existing civil procedural guarantees for the judicial protection of participants in the special military operation and their family members in the form of special benefits and peculiarities of calculating procedural deadlines, followed by an assessment and identification of development trends. To achieve the goal, the authors have set the following tasks: to formulate the legal definition of a "participant in the special military operation" based on formal legal analysis; to conduct a detailed analysis of the existing procedural benefits and the specifics of calculating procedural deadlines and to develop proposals for improving the legislation. The research methodology includes formal legal analysis, system analysis, comparative legal analysis, and analysis of judicial statistics and law enforcement practices. The research materials include the norms of the Civil Code and the Civil Procedure Code, as well as federal sectoral legislation. The results of the study demonstrated that, despite the existing array of guarantees, the existing benefits are limited. The authors identified the problems of the lack of a mechanism for qualified legal assistance in the combat zone, the unevenness of regional support, and the legal uncertainty after the end of the special military operation. The study resulted in specific proposals for improving these procedural guarantees: the possibility of extending benefits for the period of rehabilitation, expanding the categories of valid reasons for not appearing in court (within the framework of post-traumatic disorders), and developing a unified federal standard for protecting the rights of this category of citizens.*

Key words*: civil proceedings, SMO participant, family member of the SMO participant, procedural benefits, procedural terms, deferred consequences.*

Введение

На современном этапе значительно расширились категории и возрос объем гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства – по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за I полугодие 2025 года в суды общей юрисдикции поступило 10 541 169 гражданских дел, что бесспорно требует научного внимания и актуализации в соответствии со сложившимися историческими условиями [1; 7, с. 212].

Необходимо отметить, что одним из приоритетных направлений государственной политики РФ на данный момент является защита прав и интересов участников Специальной военной операции (далее также – «СВО») и членов их семей посредством предоставления социальных, трудовых, жилищных, образовательных, юридических и иных гарантий [9, С. 72-73].

При этом, важно процессуально подкреплять разработанные меры социальной поддержки, поскольку, во-первых, отправлением правосудия обеспечивается функционирование материально-правовых отношений, во-вторых – участники СВО, непосредственно терпящие лишения во имя Отечества, их семьи находятся в ситуации повышенной опасности и объективно нуждаются во внимании со стороны государства в лице судебной власти [2].

Упорядоченность прав, свобод и интересов, в том числе процессуальных, участников СВО и членов их семей, с одной стороны, восходит к конституционным принципам верховенства права, обеспечения юридической помощью, равенства перед законом и судом, доступности

правосудия, с другой – способствует укреплению национальной безопасности и стабильности гражданского общества [3, С. 13-15], что обуславливает актуальность рассмотрения вопроса достаточности процессуальных льгот для участников СВО и их семей.

Более того, значимость тематики фиксируется статистически – за тот же взятый за основу период (I полугодие 2025 года) в суды общей юрисдикции подано 25 600 исков только с требованием о признании участника СВО безвестно отсутствующем или об объявлении его умершим [5, С. 104-108].

Обращаясь к доктрине, в целом гражданско-процессуальный статус участников СВО и членов их семей не получил углубленного научного анализа в силу новизны сложившихся общественных отношений, лишь отдельные авторы, такие как В. М. Корякин, В. В. Федин, И. С. Ярыгин посвятили свои труды общим вопросам судебной защиты военнослужащих на СВО.

В этой связи, в данной работе ставится цель выявления имеющихся гражданских процессуальных гарантии судебной защиты участников СВО, членов их семей в виде особых льгот и особенностей исчисления процессуальных сроков с последующей оценкой, что реализуется посредством формально-юридического метода и метода системного анализа правовой основы, сравнительно-правового метода и анализа судебной статистики и правоприменительной практики.

Субъектный состав

Отмечается, что законодательством прямо не сформировано единообразное юридическое определение «участник СВО», что является правовым пробелом в контексте актуальности данного правового статуса.

Категория «участник СВО» упоминается в Указе Президента РФ от 3 апреля 2023 г. № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» (далее – «Указ № 232») и раскрывается в его пп. «в» п. 2, однако, перечисление носит общий характер и может порождать споры относительно наличия или отсутствия такого правового статуса.

Широкий, обобщенный характер также прослеживается в научной мысли – Д. А. Бистяйкина и Ю. В. Корноухова к участникам СВО отнесли в целом «военнослужащих (мобилизованных и проходящих военную службу по контракту) и добровольцев, принимающих участие в СВО» [4, с. 1773], однако, в целях надлежащего функционирования понятийного аппарата требуется разработка конкретного исчерпывающего перечня критериев отнесения лица к «участникам СВО».

Так, авторами предлагается под определяющими признаками отнесения лиц к данному правовому статусу понимать:

1) фактический критерий (выполнение служебных задач в рамках СВО);
2) территориальный критерий (статьями 24-25 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отграничены следующие: «территории Украины, ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области; прилегающая Государственная граница РФ; территории субъектов РФ, прилегающих к районам проведения СВО на территориях Украины, ДНР и ЛНР» – с учетом мобильности военных действий);
3) критерий легальности (соблюдение установленного надлежащего порядка привлечения к СВО).

В этой связи, на основе положений Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (далее – «ФЗ № 5») и Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (далее – «Указ № 647») в данной работе представляется надлежащим к участникам СВО относить:

– «лиц, заключивших контракт (или имевших иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на ВС РФ, в ходе СВО» (пп. 2.4. п. 1 ст. 3 ФЗ №5);
– «военнослужащих спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, принимавшие участие в ходе СВО в проведении работ по поиску, обезвреживанию и (или) уничтожению взрывоопасных предметов» (пп. 2.5. п. 1 ст. 3 ФЗ №5);
– «лиц, заключавших соглашения (имевших иные правоотношения) с Министерством обороны и выполнявших задачи в ходе СВО» (пп. 2.6. п. 1 ст. 3 ФЗ №5);
– «лиц, направлявшихся для обеспечения выполнения задач в ходе СВО» (пп. 9 п. 1 ст. 3 ФЗ №5);
– «граждан, призванных на военную службу по мобилизации на СВО» (п. 2 Указа № 647).

Важно отметить, что законодательство и правоприменительная практика последовательно движутся в сторону расширения понятия «участник СВО». Своим определением № 67-КГПР25-9-К8, вынесенным в ноябре 2025 года, Верховный Суд РФ подтвердил, что меры социальной поддержки распространяются и на граждан, проходивших службу в частных военных компаниях

(далее – «ЧВК»). Суд обосновал это тем, что «поскольку CDJ проводится для защиты интересов Российской Федерации, ЧВК, принимавшая участие в боевых действиях на стороне РФ, является организацией, содействовавшей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ; следовательно, гражданин, участвуя в СВО в рядах ЧВК, решал те же боевые задачи для достижения общих целей и находился в тех же условиях, что и лица, заключившие контракт с Министерством обороны». Таким образом, определение Верховного Суда РФ создает правовую предпосылку для того, чтобы бойцы ЧВК приравнивались в процессуальных преференциях с основными категориями участников СВО.

Членами семей участников СВО согласно ч. 1.2 ст. 12 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ч. 11 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» [9, с. 76]; подп. «г» п. 2 Указа № 232 являются «супруг (супруга); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; родители, проживающие совместно с указанными лицами, либо проживавшие совместно с указанными лицами на дату их гибели (смерти); лица, находящиеся на иждивении лиц, указанных лиц, либо находившиеся на иждивении указанных лиц на дату их гибели (смерти)».

Процессуальные льготы.

Под процессуальными льготами в гражданском процессе понимаются преимущества, дополнительные права, полное или частичное освобождение от обязательств в рамках процесса осуществления гражданского судопроизводства. Обращаясь к судебной практике, в Апелляционном определении Приморского краевого суда от 09 июля 2025 г. по делу № 33а-5917/2025 в частности, указано, что «поддержка участников СВО, а также членов их семей – один из главных приоритетов государственной политики РФ, в связи с чем на законодательном уровне выстроена комплексная система господдержки участников СВО и членов их семей, направленная, на освобождение их от финансовых издержек, связанных с реализацией права на судебную защиту».

Так, первоочередно, процессуальные льготы подразумевают освобождение от уплаты государственной пошлины. Применительно к участникам СВО, последние, а также приравненные к ним члены их семей, в соответствие с Федеральным законом от 20.02.2026 № 40-ФЗ (далее – ФЗ № 40) имеют право на освобождение от уплаты государственной пошлины при обращении в суд с заявлениями об установлении фактов, имеющих юридическое значение» (например, родственных отношений, отцовства) (п. 1 ч. 1 ст. 262 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – «ГПК РФ»); «о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим» (п. 3 ч. 1 ст. 262 ГПК РФ)) на основании справки, подтверждающей факт участия в СВО, , форма которой установлена Постановлением Правительства РФ от 9 октября 2024 г. № 1354.

Более того, судебными постановлениями высших инстанций обозначена позиция, поддерживавшая возможность освобождения участников СВО и членов их семей от уплаты госпошлины в целом (Апелляционное определение Верховного Суда Республики Калмыкия от 26 декабря 2024 г. по делу № 33а-1165/2024).

Также целесообразно рассмотрение льгот в рамках исполнительного производства, действующих относительно участников СВО и их семей. В этой связи, Федеральным законом от 29.12.2022 № 603-ФЗ предусмотрено право участника СВО на приостановку судебного и исполнительного производства (за исключением алиментарных обязательств и обязательств по возмещению вреда в связи со смертью кормильца). При этом, указанное становится не столько процессуальным правом участника СВО, сколько обязанностью судебных органов – так, Верховный суд РФ в своем Определении СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 24-КГ25-4-К4 отменил предыдущие судебные решения по делу о разделе имущества между супругами, поскольку ответчик (супруг) участвовал в СВО, подчеркнув, что данное обстоятельство является обязательным основанием для приостановки процесса даже в отсутствии соответствующего заявления, что суды обязаны были установить и учесть.

Особенности исчисления процессуальных сроков

Процессуальными сроками в гражданском процессе являются промежутки времени, с которыми связана необходимость субъектов совершить те или иные процессуально значимые действия [6, с. 104].

В целом, таким образом, при определении разумного срока судопроизводства должны учитываться различные факторы, включая статусы участников судебного процесса – применительно к ветеранам СВО и членам их семей, суды должны принимать во внимание их особое положение и

связанные с ним объективные и материальные трудности при оценке соблюдения разумных сроков.

В отношении участников СВО установлены некоторые особенности их исчисления, главенствующей из которых является особенность исчисления сроков признания лица безвестно отсутствующим и объявления умершим, что регламентировано Гражданским кодексом РФ (далее – «ГК РФ») и ст.ст. 23-24 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Так, участник СВО может быть признан заинтересованными лицами безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев отсутствуют сведения о его местонахождении; объявлен умершим – если имелись обстоятельства, угрожающие смертью гражданину, с момента которых прошло шесть месяцев, в течение которых отсутствуют сведения о его местонахождении. При этом, заинтересованные лица также могут обратиться с заявлением об объявлении умершим участника СВО по прошествии трех месяцев с момента вступления судебного решения о признании его безвестно отсутствующим в законную силу, что является преюдициальной новеллой в рамках института признания безвестно отсутствующим и объявления умершим.

Так, законодатель предусмотрел упрощенный порядок (по общему правилу, предусмотренному ч. 2 ст. 45 ГК РФ «гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее, чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий»), в отношении участников СВО в целях способствования социальной защиты их семей, не дожидаясь момента «окончания военных действий», в условиях отсутствия закрепления данного определения как в отечественном законодательстве, так и на международном уровне и необходимости обеспечить защиту прав участников СВО и членов их семей уже сейчас [5, с. 106].

Следующей особенностью является практическая возможность восстановления процессуальных сроков – признания факта участия в СВО, получения ранений уважительными причинами пропуска сроков. Так, к примеру, в Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2025 г. по делу № 8Г-12336/2025 участие супруга в СВО; в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2026 г. по делу № 8Г-35685/2025 нахождение в зоне СВО признаны уважительными причинами и основаниями для восстановления гражданских процессуальных сроков.

В этой связи, Верховный Суд РФ последовательно занимает позицию, направленную на максимальную защиту прав данной категории граждан, что имеет принципиальное значение для судебного процесса: в Обзоре практики № 1 за 2026 год (Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2026 г. № 2А/2026) он признал незаконными попытки регионов ставить право на льготы в зависимость от даты регистрации по месту жительства или от того, в каком именно подразделении служил боец, установив главным критерием сам факт участия в СВО и связанный с этим риск для жизни и здоровья. Таким образом, истцам достаточно подтвердить только участие в СВО и наличие риска, в то время как суды нижестоящих инстанций лишаются возможности отказывать в иске по формальным основаниям, а региональные органы соцзащиты вынуждены сами доказывать обоснованность отказа; кроме того, любые неясности законодательства должны толковаться в пользу ветеранов СВО, что создает для них дополнительные процессуальные преимущества.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет констатировать, что государством сформирован значительный объем процессуальных льгот для участников СВО и членов их семей, судебная практика демонстрирует гуманистический подход. Однако, несмотря на позитивную динамику и приведенные выше примеры процессуальных льгот, комплексный анализ позволяет сделать вывод о недостаточности и фрагментарности действующих процессуальных гарантий, что порождает риски нарушения права на доступ к правосудию для указанной категории лиц.

Так, авторами отмечается ограниченный характер освобождения от уплаты госпошлины. Действующая льгота (п. 1, 3 ч. 1 ст. 262 ГПК РФ во взаимосвязи с ФЗ № 40) распространяется исключительно на дела особого производства. В то же время, наиболее распространенные споры с участием данной категории лиц рассматриваются в порядке искового производства: расторжение брака, раздел совместно нажитого имущества и др. По этим делам участники СВО и их семьи вынуждены нести бремя уплаты госпошлины на общих основаниях, что противоречит принципу социальной справедливости.

Также особо острой представляется проблема отсутствия механизма оказания квалифицированной юридической помощи непосредственно в зоне боевых действий. Участник СВО, находясь на передовой или в местах временной дислокации, лишен физической возможности получить очную консультацию адвоката, составить исковое заявление, существующие дистанционные форматы часто недоступны из-за отсутствия устойчивой связи и специфики службы.

Члены семей, оставшиеся в тылу, также не всегда могут оперативно получить помощь в составлении сложных процессуальных документов.

Справедливо отметить, что представители государства признают наличие данных системных проблем и необходимость их скорейшего решения. Так, аудитор Счетной палаты Светлана Орлова еще в марте 2025 года официально заявляла, что в десяти регионах РФ есть проблемы с предоставлением бесплатной юридической помощи участникам СВО из-за недостатка финансирования, выступила с инициативой определения единого федерального стандарта помощи участникам СВО, поскольку возможности регионов сильно различаются, как и сам набор региональных и федеральных льгот [8].

Более того, правовая неопределенность, которая возникнет после официального завершения СВО, по мнению авторов, представляет собой одну из самых сложных проблем в области социальной защиты военнослужащих и ветеранов.

Наиболее остро стоит проблема «отложенных» последствий – психологические травмы, посттравматическое стрессовое расстройство («ПТСР»), последствия ранений и контузий могут долгие годы препятствовать полноценному участию в судебных процессах и иных юридически значимых действиях.

В то же время, применительно к процессуальным льготам, сохраняется высокая степень неопределенности. К примеру, законодательство об исполнительном производстве связывает приостановление взыскания с участием гражданина в боевых действиях, но не содержит ясных указаний на то, как долго сохраняется этот иммунитет после возвращения к мирной жизни, особенно если участник СВО находится в состоянии длительной реабилитации.

Предложения по усовершенствованию

Таким образом, для решения выявленных проблем необходима дальнейшая законодательная работа по нескольким направлениям:

1. Закрепление в процессуальных кодексах возможности продления льготного периода на время медицинской и психологической реабилитации, подтвержденной документально;
2. Создание механизма, позволяющего учитывать ПТСР и иные посттравматические состояния как уважительную причину для неявки в суд или для приостановления производства;
3. Разработка единого федерального стандарта, который обеспечит наиболее эффективный механизм защиты прав участников СВО, в том числе после окончания военной операции.

Внедрение указанных мер позволит усовершенствовать и процессуально обеспечить федеральную поддержку участников СВО и членов их семей во исполнение государственных преференций и гуманистического подхода судебной практики.

Список литературы:

[1] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: https://clck.ru/3Ry8eN (дата обращения: 22.02.2026).

[2] Защита прав участников Специальной военной операции и их семей // Федеральный комитет по противодействию коррупции и экстремизму РФ — URL: https://fkpke.ru/services/zashchita-prav-grazhdan/zashchita-prav-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-ikh-semey/ (дата обращения: 21.02.2026).

[3] Копылов А. В., Бельков О. А., Волох В. А. Гражданско-военные отношения в государстве: содержание, типология и тенденции развития // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – №. 11. – С. 13-24.

[4] Корноухова, Ю. В. Участники СВО и члены их семей как новая категория социальной защиты / Ю. В. Корноухова, Д. А. Бистяйкина // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : [материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года] – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. – С. 1773-1776.

[5] Корякин В. М. Упрощенный порядок признания участников Специальной военной операции безвестно отсутствующими и погибшими // Военное право. – 2023. – Т. 3. – №. 79. – С. 104-108.

[6] Лебедев, М. Ю. Гражданский процесс : учебник для вузов / М. Ю. Лебедев : [15-е изд., перераб. и доп.] – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 421 с. – URL: https://urait.ru/bcode/582258 (дата обращения: 25.02.2026).

[7] Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел : учебник для вузов / под общей редакцией И. В. Воронцовой : [2-е изд., перераб. и доп.] – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 212 с – URL: https://urait.ru/index.php/bcode/565185 (дата обращения: 22.02.2026).

[8] Счетная палата: Не все регионы обеспечили участников СВО бесплатной юрпомощью // Парламентская газета. — URL: https://www.pnp.ru/social/schetnaya-palata-ne-vse-regiony-obespechili-uchastnikov-svo-besplatnoy-yurpomoshhyu.html (дата обращения: 01.03.2026).

[9] Федин В. В., Ярыгин И. С. Реализация прав членов семей военнослужащих–участников Специальной военной операции на меры госу-

дарственной поддержки в судебном порядке // Вестник магистратуры. – 2025. – №. 7 (166). – С. 72-78.

References:

[1] Judicial Statistics//Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://clck.ru/3Ry8eN (access date: 22.02.2026).

[2] Protection of the rights of participants in the Special Military Operation and their families//Federal Committee for Combating Corruption and Extremism of the Russian Federation - URL: https://fkpke.ru/services/zashchita-prav-grazhdan/zashchita-prav-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-ikh-semey/ (date of appeal: 21.02.2026).

[3] Kopylov A.V., Belkov O.A., Volokh V.A. Civil-military relations in the state: content, typology and development trends//Society: politics, economics, law. – 2025. – №. 11. - S. 13-24.

[4] Kornoukhova, Yu. V. SVO participants and their families as a new category of social protection/ Yu. V. Kornoukhova, D. A. Bistyaykina//Russian society today: values, institutions, processes: [materials of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 16-18, 2023] - St. Petersburg: Publishing House LLC “Scientia, 2023. - S. 1773-1776.

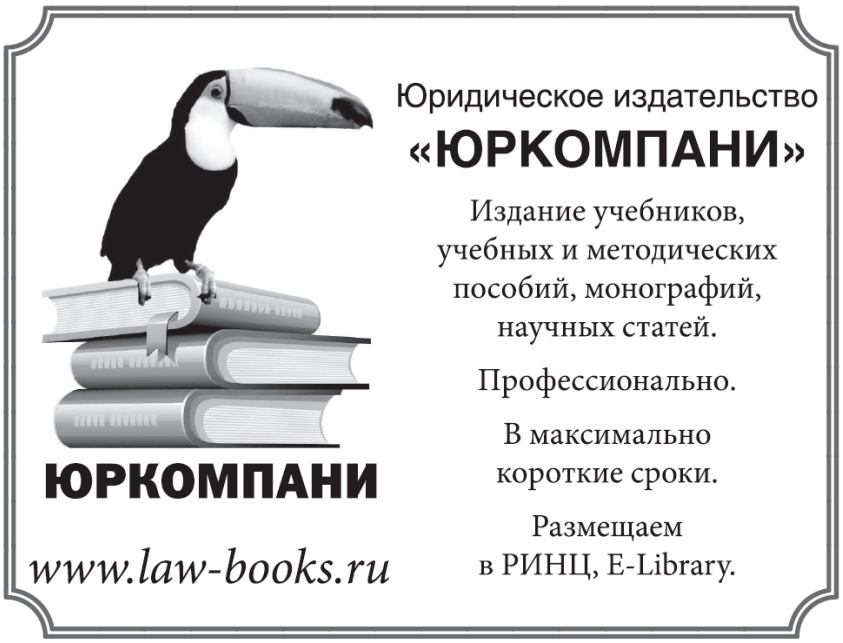
[5] Koryakin V.M. Simplified procedure for recognizing participants in the Special Military Operation as missing and dead//Military law. – 2023. - VOL. 3. – №. 79. - S. 104-108.

[6] Lebedev, M. Yu. Civil process: a textbook for universities/M. Yu. Lebedev: [15th ed., Revised. and add.] - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. - 421 p. - URL: https://urait.ru/bcode/582258 (access date: 25.02.2026).

[7] Procedural features of the consideration of certain categories of civil cases: a textbook for universities/under the general editorship of I.V. Vorontsova: [2nd ed., Revised. and add.] - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 212 s - URL: https://urait.ru/index.php/bcode/565185 (access date: 22.02.2026).

[8] Accounts Chamber: Not all regions provided the participants of the SVO with free legal aid//Parliamentary newspaper. — URL: https://www.pnp.ru/social/schetnaya-palata-ne-vse-regiony-obespechili-uchastnikov-svo-besplatnoy-yurpomoshhyu.html (дата обращения: 01.03.2026).

[9] Fedin V. V., Yarygin I. S. Implementation of the rights of family members of military personnel participating in the Special Military Operation to state support measures in court//Bulletin of the magistracy. – 2025. – №. 7 (166). - S. 72-78.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-167-170
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАМЕДОВА Майя Камзатовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: kamzatovna@mail.ru

ИБИЧАЕВА Сабина Шамсудиновна,
магистрант 1 курса юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: ibichayevasabina@mail.ru

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СУДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу концепции создания в Российской Федерации специализированных исполнительных судов как механизма повышения эффективности реализации судебных актов. Эта концепция предполагает выделение судов, чья компетенция ограничена рассмотрением споров, возникающих в ходе исполнительного производства, и контролем за деятельностью органов принудительного исполнения.*

Актуальность темы создания специализированных исполнительных судов обусловлена низкой эффективностью исполнения решений, выносимых судами, что приводит к «иллюзорности» судебной защиты без реального исполнения. Необходимость выделения исполнительной юстиции в специализированное звено связана с возможностью судов осуществить контроль за сферой принудительного исполнения.

На данный момент идея создания исполнительных судов ограничивается научными дискуссиями. Вместо создания полноценных отдельных судов государство чаще идет по пути внутренней специализации судей внутри существующих судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Ключевые слова*: исполнительные суды, исполнительная юстиция, специализированные суды, судебный пристав-исполнитель, эффективность правосудия.*

MAMEDOVA Maya Kamzatovna,
Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor at the Department of Civil Procedure,
Law Institute, Dagestan State University

IBICHAEVA Sabina Shamsudinovna,
Master's Student at the Law Institute,
Dagestan State University

SPECIALIZED EXECUTIVE COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL BACKGROUND AND PROSPECTS OF INSTITUTIONALIZATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the concept of creating specialized executive courts in the Russian Federation as a mechanism for improving the effectiveness of the implementation of judicial acts. This concept presupposes the allocation of courts whose competence is limited to the consideration of disputes arising during enforcement proceedings and control over the activities of enforcement authorities. The relevance of the topic of creating specialized executive courts is due to the low efficiency of the execution of decisions rendered by the courts, which leads to the "illusory" judicial protection without real execution. The need to separate executive justice into a specialized unit is related to the ability of courts to monitor the sphere of enforcement. At the*

moment, the idea of creating executive courts is limited to scientific discussions. Instead of creating full-fledged separate courts, the state more often follows the path of internal specialization of judges within existing courts of general jurisdiction and arbitration courts.

Key words: *executive courts, executive justice, specialized courts, bailiff, efficiency of justice.*

После создания в России системы арбитражных судов все чаще в юридическом сообществе поднимается вопрос о создании и других специализированных судов по рассмотрению наиболее значимых видов споров: трудовых, семейных, патентных, налоговых.

Относительно новой является поднятая тема создания исполнительных судов по подобию опыта Франции (Juge de l'exécution) и Германии (Vollstreckungsgericht), на которые российские ученые часто ссылаются как на успешные модели «судей по исполнению», способствующих эффективному принудительному исполнению судебных решений.

Французский институт судьи по исполнению решения в европейском праве считается уникальной фигурой, созданной для обеспечения судебного контроля на стадии исполнительного производства. Этот опыт часто изучается в мире как пример эффективного баланса между защитой прав должника и интересами кредитора.

До реформы 1991–1992 годов во Франции исполнением решений занимались преимущественно судебные приставы, а споры разрешались в общих судах, что сильно затягивало процесс. Juge de l'exécution — это специализированный единоличный судья, действующий в рамках Суда Большой Инстанции, который оперативно решает любые трудности и оспаривания, возникающие в процессе принудительного исполнения судебных актов.

При этом компетенция данного судьи строго ограничена стадией исполнения, и включает в себя рассмотрение жалоб должников на действия комиссаров юстиции (ранее судебных приставов), наложение обеспечительных мер, установление астрента (прогрессирующий денежный штраф за каждый день просрочки исполнения обязательства в натуре), предоставление отсрочек, осуществление контроля за выселением (только этот судья может санкционировать или приостанавливать принудительное выселение жильцов из жилых помещений).

Идея создания специализированных исполнительных судов в России строится на концепции «эффективного правосудия», которое не заканчивается провозглашением решения, а включает его реальное исполнение. Формальный процент оконченных производств часто достигается путем необоснованного возврата исполнительных листов взыскателям.

Это предполагает выделение вопросов исполнения из компетенции обычных судов общей юрисдикции и создание структуры, оперативно решающей споры, возникающие в процессе принудительного исполнения.

Необходимо признать, что существующая в России модель судебного контроля за исполнительным производством носит преимущественно фрагментарный характер, что не обеспечивает должной эффективности защиты прав взыскателей. Поэтому введение специализированных исполнительных судов позволило бы трансформировать роль суда из пассивного наблюдателя в активного арбитра исполнительного процесса, что обеспечило бы оперативное разрешение правовых конфликтов «внутри» взыскания.

Нынешняя модель контроля, при которой суд лишь точечно реагирует на жалобы, не способна преодолеть институциональную инерцию и коррупциогенность исполнительной службы. Создание исполнительных судов необходимо для изъятия квазисудебных полномочий у приставов (таких как самостоятельное распределение средств, оценка имущества и наложение санкций) и возвращения их в лоно судебной власти, что является единственным способом преодоления хронического неисполнения судебных актов.

Справедливости ради стоит указать, что не все ученые и практики поддерживают идею создания специализированных судов либо считают создание таких судов преждевременным, говоря о неприятных последствиях их введения при том состоянии, в котором находится в настоящее время судебная система. К любой реформе судебной системы, по их мнению, надо подходить осторожно, так как ее цена для правосудия может оказаться слишком велика. Вместо этого ученые ратуют за принятие мер к созданию надлежащих условий в осуществлении правосудия тем судам и тем судьям, которые уже действуют и очень в этом нуждаются.[1]

Опасения представителей ученого сообщества связаны и с тем, что неприятным эффектом введения такой специализации станет утрата судьями, рассматривающими лишь одну категорию дел, своей квалификации.

Данная точка зрения, на наш взгляд, имеет право на существование, поскольку узкая квалификация судьи в еще неустоявшейся судебной системе России может сказаться на качестве осуществляемого им правосудия, особенно когда речь идет о молодых судьях, которые до назначения судьей в специализированный суд не имели опыта судейской работы.

Бесспорно, судебная система должна состоять из широко образованных и высокопрофессиональных судей, и решением угрозы возникновения проблемы влияния узкоспециализированности судей на качество правосудия может стать назначение в специализированный суд судей, имеющих опыт судейства более 10 лет, чья квалификация и профессионализм позволит им сузить профессиональную компетенцию.

При этом необходимо отметить, что в той же Франции, где немалое количество судов является специализированными, в большинстве из них работают не судьи-профессионалы, а судьи, избранные или назначенные из сфер, где возникают споры, т.е. более глубоко понимающие сущность вопроса. [2] Такая практика представляется удачной и может быть перенята и в российской судебной системе.

На наш взгляд, формирование судебной системы по принципу специализации судов, а не судей, будет способствовать ее разрастанию и, как следствие, к усложнению доступа к правосудию для граждан, для которых неизбежно возникнут трудности в определении компетенции каждого учреждения судебной системы. В современных условиях функционирования судебной системы единственно верным способом осуществить на практике идею специализации судей по исполнению без значительных материальных затрат на строительство новых зданий для всех судов вводимой подсистемы видится выделение в арбитражных судах и судах общей юрисдикции судебных составов по рассмотрению дел, возникающих на стадии исполнения, то есть в виде узкой специализации судей в тех же судах без территориального выделения.

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день сложно однозначно ответить на вопрос о том, обосновано ли создание в России исполнительных судов. С одной стороны, судебный контроль является необходимым условием для снижения коррупционных рисков и волокиты в деятельности органов принудительного исполнения. Кроме того, создание специализированного судебного звена позволит консолидировать разрозненные полномочия судов (отсрочки, рассрочки, оспаривание оценки имущества) в рамках единой юрисдикции.

С другой стороны, с введением в действие Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.10.2019 N 328-ФЗ [3] служба судебных приставов стала полноценной силовой структурой, к представителям которой закон предусмотрел повышенные профессиональные требования и предоставил им необходимый правовой инструментарий для качественного выполнения своих задач по обеспечению соблюдения прав участников исполнительного производства.

Недопустим полный отрыв судей по исполнению от многосоставных судов с их разнообразием дел, возникающих в самых различных сферах, поскольку это может породить правовое невежество судей по исполнению по другим категориям дел в связи с отсутствием необходимости изучать законодательство и судебную практику в других отраслях права.

Сопоставительный опыт судебной системы, действующей в разных странах и действовавшей в России на протяжении всего периода существования этой ветви власти приводят к бесспорному выводу о том, что для эффективности правосудия и высокого качества работы судей необходимо не создавать новые судебные учреждения, а, учитывая имеющуюся колоссальную нагрузку на судей, увеличить количество судей и иных работников в судебной системе (помощников, секретарей). Параллельно с этим необходимо и развивать их навыки, опыт и профессионализм.

При введении в России такой специализации, в качестве фундаментальных преимуществ данной модели можно назвать следующее:

- Ускорение процесса исполнения решений за счет более оперативного реагирования на нарушения прав должников и взыскателей, а также за счет возможности предусмотреть в законе более короткие сроки для рассмотрения дел по сравнению с теми, которые предусмотрены для рассмотрения дел в судах общей юрисдикции. Это возможно в связи с тем, что судье по исполнению не нужно разрешать сложный спор о праве, он рассматривает сугубо технические и правовые вопросы исполнения, что делает возможным рассмотрение таких дел в кратчайшие сроки.
- позволит рассматривать дела, связанные с исполнением, судьям, экспертно разбирающимся в тонкостях исполнительного производства. Это включает рассмотрение жалоб на действия приставов, санкционирование обысков и арестов имущества, а также разрешение споров, возникающих непосредственно в процессе взыскания.
- судейский надзор может снизить уровень коррупции и волокиты в ФССП.
- разгрузка судов общей юрисдикции от чрезмерной нагрузки, которая сохраняется на протяжении многих лет, так как дела об оспаривании действий приставов уйдут в отдельную инстанцию.

– В качестве недостатка или сложности в реализации можно выделить:
– угрозу излишней бюрократизации, так как введение дополнительного звена может затянуть процесс окончательного получения средств взыскателем.
– высокую стоимость реализации данной идеи: потребуются огромные бюджетные средства на формирование нового штата судей и инфраструктуры.
– снижение оперативности доступа населения к правосудию в связи с дальностью места расположения суда. Даже в случае положительного решения вопроса о создании исполнительных судов откроется другой вопрос: будут ли они созданы в каждой административно-территориальной единице субъекта по подобию районных судов, по одному суду в каждом субъекте РФ либо из расчета один исполнительный суд в каждом федеральном округе. Очевидно, что второй и третий варианты порядка территориальной организации судебной власти приведут к снижению оперативности доступа к правосудию населения.

Таким образом, введение специализации судей по исполнению в рамках суда, разрешающего и другие дела, будет менее ущербна для профессионализма судьи.

Список литературы:

[1] Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 17-18.

[2] Лезина Е. П., Виляйкин А. В. Судебная система Франции // Вестник Мордовского университета. 2009. № 4.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.

References:

[1] Zhuikov V.M. Judicial reform: problems of access to justice. M., 2006. S. 17-18.

[2] Lezina E.P., Vilyaykin A.V. Judicial system of France//Bulletin of the Mordovian University. 2009. № 4.

[3] Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. № 40. Art. 5488.

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА-

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-171-177
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАГОМАДОВА Э.И.,
Старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А.Кадырова», г. Грозный,
e-mail: zeka0708@mail.ru

НОТАРИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Аннотация. *Нотариат в Российской Федерации представляет собой уникальный публично-правовой институт, призванный обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий. Его роль становится особенно значимой и ощутимой в таких чувствительных сферах частной жизни, как семейные и наследственные отношения. Именно здесь, на стыке личных переживаний, имущественных интересов и норм права, нотариус выступает в качестве независимого гаранта законности, правовой стабильности и предсказуемости.*

Ключевые слова: *Нотариат, нотариальное право, нотариальные действия, открытие наследства, наследство.*

MAGOMADOVA E.I.,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny

NOTARY ACTIONS IN THE CONTEXT OF INHERITANCE AND FAMILY LAW

Annotation. *The notary system in the Russian Federation is a unique public-law institution designed to protect the rights and legitimate interests of citizens and legal entities through the performance of notarial acts. Its role becomes particularly significant and tangible in sensitive areas of private life, such as family and inheritance relations. Here, at the intersection of personal experiences, property interests, and legal norms, the notary acts as an independent guarantor of legality, legal stability, and predictability.*

Key words: *Notary system, notary law, notarial acts, inheritance, inheritance opening.*

1 этап. Нотариальные действия в наследственном праве: от принятия до раздела.

Нотариат в Российской Федерации играет ключевую роль в реализации наследственных прав, обеспечивая законность, правовую определенность и защиту интересов участников наследственных правоотношений. Нотариальные действия в сфере наследственного права охватывают весь комплекс процедур - от открытия наследства до его раздела. Эти действия направлены на юридическое оформление перехода имущественных прав и обязанностей от наследодателя к наследникам, минимизацию споров и предотвращение нарушений закона.

1. Открытие наследства и принятие наследственных прав

Процедура наследования начинается с открытия наследства, которое происходит в день смерти гражданина или признания его умершим в судебном порядке. Нотариус, действующий в рамках нотариального округа по последнему месту жительства наследодателя, обеспечивает правовое сопровождение данного процесса.

Ключевые нотариальные действия на этапе принятия наследства:

– Прием заявлений о принятии наследства или об отказе от него. Нотариус разъясняет наследникам их права и обязанности, про-

веряет дееспособность и добровольность волеизъявления.
- Истребование документов, подтверждающих место открытия наследства, состав наследственного имущества и родственные связи (свидетельство о смерти, правоустанавливающие документы на имущество, паспорта, свидетельства о рождении, браке и др.).
- Установление круга наследников - как по закону, так и по завещанию. Нотариус проверяет наличие завещания в единой информационной системе нотариата (ЕИС) и уведомляет заинтересованных лиц.

2. Обеспечение сохранности наследственного имущества

Для защиты наследственной массы от расхищения или порчи нотариус вправе предпринять меры по охране наследственного имущества. Это особенно актуально при наличии споров между наследниками или при необходимости управления имуществом. [1, 87 с.]

Нотариальные действия по охране наследства:
- Составление описи имущества с участием двух свидетелей. В процессе описи нотариус оценивает характер и состояние имущества, фиксирует его на фото- или видеоносители.
- Передача имущества на хранение наследникам или другим лицам под обязательство о сохранности.
- Управление наследственным имуществом - при необходимости нотариус назначает доверительного управляющего (например, для предприятия или доли в ООО).

3. Легитимация наследников: выдача свидетельств о праве на наследство.

После истечения шестимесячного срока со дня открытия наследства нотариус выдает свидетельство о праве на наследство, подтверждающее переход прав на имущество к наследникам. Это основной документ, позволяющий наследникам зарегистрировать права на недвижимость, транспортные средства, ценные бумаги и иное имущество.

Условия выдачи свидетельства:
- Подтверждение факта принятия наследства (подача заявления, фактическое вступление во владение).
- Предоставление необходимых документов, подтверждающих права на имущество и родственные связи.
- Отсутствие споров между наследниками. При наличии спора нотариус приостанавливает выдачу свидетельства до разрешения дела в суде.

4. Удостоверение соглашений между наследниками

Наследники вправе самостоятельно определить порядок раздела имущества, не совпадающий с размерами долей, указанных в свидетельстве о праве на наследство. Для этого они заключают соглашение о разделе наследственного имущества, которое требует нотариального удостоверения, если объектом соглашения является недвижимость.

Значение нотариальной формы соглашения:
- Придание документу юридической силы и обязательности для всех сторон.
- Защита от оспаривания в суде, поскольку нотариус проверяет законность условий соглашения и добровольность волеизъявления наследников.
- Возможность изменения размера долей и порядка раздела имущества с учетом интересов всех участников.

5. Выдача свидетельств о праве на наследство на обязательную долю

Нотариус обеспечивает защиту прав обязательных наследников - несовершеннолетних детей, нетрудоспособных супругов, родителей и иждивенцев наследодателя. Они имеют право на долю в наследстве независимо от содержания завещания.

Действия нотариуса:
- Установление круга обязательных наследников.
- Расчет размера обязательной доли и уведомление заинтересованных лиц.
- Выдача свидетельства о праве на наследство на обязательную долю.

6. Ведение наследственных дел в электронной форме

Современный нотариат активно использует цифровые технологии. Единая информационная система нотариата (ЕИС) позволяет:
- Вести электронные реестры наследственных дел.
- Проверять наличие завещаний и иных распоряжений наследодателя.
- Направлять запросы в государственные реестры (ЕГРН, ГИБДД, ФНС) для установления состава наследственного имущества.

– Обеспечивать взаимодействие с наследниками через онлайн-сервисы.

Наследственное право - классическая сфера приложения нотариальной деятельности, где функция обеспечения доказательственной силы проявляется наиболее ярко.

Нотариальные действия в наследственном праве представляют собой стройную систему юридических процедур, обеспечивающих реализацию наследственных прав граждан. От этапа принятия наследства до раздела имущества нотариус выступает в качестве независимого и компетентного участника процесса, гарантирующего соблюдение закона, минимизацию рисков и правовую безопасность наследников. Цифровизация нотариата значительно повысила эффективность и прозрачность ведения наследственных дел, что способствует укреплению доверия к институту наследования в России. [2, 48 — 52. с.]

– Ведение наследственных дел и выдача свидетельств о праве на наследство

Ведение наследственных дел и выдача свидетельств о праве на наследство представляют собой центральный элемент нотариальной деятельности в сфере наследственного права. Эти процедуры обеспечивают легитимный переход имущественных прав от наследодателя к наследникам, гарантируют соблюдение требований законодательства и защищают интересы всех участников наследственных правоотношений. В условиях цифровой трансформации нотариата данные процессы приобретают новые форматы, сохраняя при этом свою юридическую значимость и социальную направленность.

1. Понятие и сущность наследственного дела

Наследственное дело - это совокупность документов, формируемых нотариусом в рамках процедуры оформления наследственных прав. Его ведение начинается с момента открытия наследства и продолжается до полного завершения всех необходимых юридических действий.

Ключевые характеристики наследственного дела:

– Индивидуальный номер в Единой информационной системе нотариата (ЕИС).
– Хронологический порядок включения документов.
– Строгая конфиденциальность на всех этапах ведения.
– Электронный формат в соответствии с современными требованиями.

2. Этапы ведения наследственного дела

2.1. Возбуждение наследственного дела

Основанием для возбуждения дела является:

– Получение нотариусом первого документа, свидетельствующего об открытии наследства (свидетельство о смерти, решение суда об объявлении умершим).
– Подача наследником заявления о принятии наследства или о выдаче свидетельства о праве на наследство.

Действия нотариуса:

– Проверка полномочий обратившегося лица.
– Установление места открытия наследства.
– Проверка наличия завещания через ЕИС.

2.2. Формирование комплекса документов

Нотариус истребует и принимает:

– Документы, подтверждающие право на наследство (завещание, доказательства родственных связей).
– Правоустанавливающие и правоподтверждающие документы на имущество.
– Документы об оценке наследственного имущества.
– Соглашения между наследниками, отказы от наследства и иные необходимые бумаги.

2.3. Обеспечение сохранности наследственного имущества

При необходимости нотариус принимает меры по охране наследства:

– Накладывает запрет на отчуждение имущества.
– Составляет опись наследственной массы.
– Передает имущество на хранение наследникам или третьим лицам.

2.4. Выдача свидетельства о праве на наследство

Завершающий этап ведения наследственного дела - выдача свидетельства, которое подтверждает право наследника на конкретное имущество.

Условия выдачи свидетельства:

– Истечение шестимесячного срока со дня открытия наследства.
– Предоставление всех необходимых документов.
– Отсутствие споров между наследниками.
– Уплата государственной пошлины.

3. Особенности выдачи свидетельства о праве на наследство

3.1. Виды свидетельств

– По закону - при наследовании в порядке очередности.
– По завещанию - при наличии действительного завещания.
– На обязательную долю - для социально защищаемых категорий наследников.

3.2. Содержание свидетельства
- Данные наследодателя и наследника.
- Основание наследования (закон или завещание).
- Описание унаследованного имущества.
- Размер доли (при наследовании в долевую собственность).

3.3. Юридическое значение свидетельства
- Является правоустанавливающим документом.
- Служит основанием для государственной регистрации прав на недвижимость.
- Подтверждает легитимность перехода права собственности.

4. Цифровизация ведения наследственных дел

Современные технологии кардинально изменили подход к ведению наследственных дел:

4.1. Электронный реестр наследственных дел
- Централизованный учет всех дел в ЕИС.
- Круглосуточный доступ для нотариусов из любой точки России.
- Возможность проверки статуса дела наследниками через онлайн-сервисы.

4.2. Межведомственное электронное взаимодействие
- Запросы в Росреестр, ГИБДД, ФНС, банки.
- Получение электронных выписок и справок.
- Сокращение сроков ведения наследственных дел.

4.3. Дистанционное взаимодействие с наследниками
- Подача заявлений через портал Госуслуг.
- Получение свидетельств в электронном формате.
- Онлайн-консультации и уведомления.

5. Проблемы и перспективы развития института ведения наследственных дел

5.1. Актуальные проблемы
- Несвоевременное обращение наследников.
- Сложности в получении документов на имущество.
- Споры между наследниками, замедляющие процедуру.
- Недостаточная правовая грамотность населения.

5.2. Направления совершенствования
- Расширение перечня органов, подключенных к системе межведомственного взаимодействия.
- Развитие системы электронной подачи заявлений и документов.
- Внедрение искусственного интеллекта для проверки документов.
- Повышение доступности нотариальных услуг для маломобильных граждан. [3, 3 — 7. с.]

Ведение наследственных дел и выдача свидетельств о праве на наследство остаются фундаментальными направлениями нотариальной деятельности. Эти процессы обеспечивают реализацию конституционных прав граждан на наследование, способствуют стабильности гражданского оборота и предотвращают правовые конфликты. Цифровая трансформация нотариата придает новое качество этим процедурам, делая их более эффективными, прозрачными и доступными для населения. Дальнейшее совершенствование законодательства и внедрение современных технологий будут способствовать оптимизации наследственных правоотношений в России.

1.3. Соглашение о разделе наследственного имущества

Нотариальное удостоверение данного соглашения придает ему особый правовой статус.
- Доказательственная сила: Нотариально заверенное соглашение является бесспорным доказательством достигнутой наследниками договоренности.
- Правопреемство: Такое соглашение может изменять размеры долей, установленные свидетельством о праве на наследство, и является основанием для последующей государственной регистрации прав на недвижимость.

2 этап. Нотариальные действия в семейном праве: оформление и защита семейных правоотношений.

Семейное право основано на лично-доверительных отношениях, однако их имущественная составляющая требует четкого юридического оформления.

2.1. Брачный договор. Нотариальная форма брачного договора является императивным требованием закона (ст. 40 СК РФ). Его отсутствие влечет ничтожность договора.
- Функция нотариуса: Помимо проверки законности содержания, нотариус выполняет разъяснительную функцию: доносит до сторон правовые последствия заключаемого договора, осознанность их волеизъявления. Это служит профилактикой будущих споров о кабальности договора или заключении его под влиянием обмана.
- Доказательственная сила: Нотариально удостоверенный брачный договор имеет силу исполнительного документа в части, касающейся обязательств по содержанию (алиментов).

2.2. Соглашение об уплате алиментов. Алиментное соглашение, удостоверенное нотариусом, приравнивается по своей силе к исполнительному листу (ст. 100 СК РФ).

- Правовая природа: Это уникальный документ, сочетающий в себе черты договора и исполнительного документа. Его нотариальная форма гарантирует:
- Соответствие закону (размер алиментов не может быть ниже предусмотренного СК РФ).
- Ясность и определенность условий.
- Возможность немедленного предъявления к принудительному исполнению через службу судебных приставов без дополнительного судебного разбирательства.

2.3. Соглашение о разделе общего имущества супругов. Нотариальная форма данного соглашения не всегда обязательна, но крайне желательна.

- Преимущества нотариальной формы:
- Доказательственная сила: Нотариальный акт является бесспорным доказательством раздела и не требует последующего доказывания в суде.
- Превенция споров: Процедура нотариального удостоверения, включающая проверку прав на имущество и разъяснение последствий, минимизирует риск оспаривания сделки.
- Основание для регистрации: Является непосредственным основанием для внесения изменений в ЕГРН при разделе недвижимости.

2.4. Удостоверение доверенностей в семейно-правовой сфере. Нотариус удостоверяет доверенности, связанные с семейными отношениями: на представление интересов детей, на ведение наследственных дел от имени других наследников, на управление общим имуществом супругов. Нотариальная форма обеспечивает высокую степень доверия к такому документу со стороны третьих лиц и государственных органов. [4, 35 — 46. с.]

3 этап. Современные вызовы и цифровая трансформация

Нотариат России находится в процессе глубокой цифровой трансформации, которая кардинально меняет традиционные подходы к осуществлению нотариальной деятельности. В 2024-2025 годах этот процесс столкнется с новыми вызовами, связанными с технологическими инновациями, изменением законодательства и повышением общественных ожиданий. Цифровизация нотариата направлена на повышение доступности, прозрачности и эффективности нотариальных услуг, а также на высокий уровень надежности и защиты прав граждан.

Нотариат, традиционно воспринимаемый как один из наиболее консервативных правовых институтов, сегодня стоит перед необходимостью фундаментальной трансформации. Цифровая революция, изменившая практически все сферы экономики и права, бросает вызов и нотариальной деятельности. Современные технологические этапы, изменившиеся ожидания граждан и бизнеса, а также глобальные процессы цифровизации государственных услуг требуют от нотариата адаптации к новым реалиям. В этом контексте цифровая трансформация становится не просто вопросом технологического обновления, а стратегической необходимостью для сохранения и эффективности нотариата в цифровую эпоху.

Первый и наиболее очевидный вызов связан с изменением потребительских ожиданий. В эпоху цифровых технологий граждане и бизнес привыкли к получению услуг быстро, онлайн, без необходимости личного посещения офисов и с минимальной бумажной волокитой. Традиционная модель нотариата, предполагающая обязательное личное присутствие, работу с бумажными документами и фиксированный график работы, все чаще воспринимается как неудобная и устаревшая.

Второй вызов исходит от новых технологических возможностей. Блокчейн, смарт-контракты, искусственный интеллект и биометрия создают альтернативные механизмы установления доверия и удостоверения юридически значимых фактов. Эти технологии бросают вызов монопольному положению нотариата в сфере удостоверения сделок и свидетельствования юридических фактов.

Третий вызов связан с глобализацией и кросс-граничными операциями. В условиях цифровой экономики все больше сделок заключаются между сторонами, находящимися в разных юрисдикциях. Традиционные нотариальные процедуры, привязанные к конкретной территории, оказываются недостаточно гибкими для обслуживания таких транзакций.

Четвертый вызов исходит от кибербезопасности. Цифровая трансформация нотариата создает новые риски, связанные с защитой персональных данных, обеспечением конфиденциальности нотариальных действий и предотвращением кибератак.

В ответ на эти вызовы нотариат активно развивается по нескольким ключевым направлениям:

Электронный нотариат становится центральным элементом трансформации. Речь идет

не просто о сканировании бумажных документов, а о создании полноценной цифровой экосистемы, включающей:

- Дистанционное удостоверение сделок через видеоконференцсвязь;
- Электронную цифровую подпись нотариуса;
- Цифровые реестры нотариальных действий;
- Автоматизированную проверку юридической чистоты сделок.

Внедрение технологий распределенных реестров позволяет создавать децентрализованные системы учета прав и сделок. Нотариусы могут выступать валидаторами в таких системах, обеспечивая юридическую значимость совершаемых операций. Технология блокчейн особенно перспективна для регистрации сделок с недвижимостью, удостоверения наследственных прав и фиксации времени создания документов.

Использование искусственного интеллекта меняет содержание нотариальной деятельности. AI-системы могут:

- Автоматически проверять документы на соответствие законодательству;
- Выявлять риски и потенциальные правовые проблемы;
- Анализировать большие данные для оценки добросовестности участников сделки;
- Генерировать типовые нотариальные документы.

Биометрическая идентификация решает проблему установления личности при дистанционном совершении нотариальных действий. Использование голосовой биометрии и других технологий позволяет надежно идентифицировать участников нотариального действия без их личного присутствия.

Интеграция с государственными информационными системами создает единое цифровое пространство для взаимодействия нотариата с реестрами недвижимости, юридических лиц, налоговыми органами. Это значительно ускоряет процедуры и повышает их надежность.

Проблемы и риски цифровой трансформации

Несмотря на очевидные преимущества, цифровая трансформация нотариата сталкивается с серьезными проблемами:

Нормативно-правовые барьеры - многие традиционные нормы нотариального права не адаптированы к цифровой реальности. Требуется масштабная реформа законодательства, чтобы придать электронным нотариальным действиям такую же юридическую силу, как и традиционным.

Цифровое неравенство - не все граждане имеют достаточные цифровые навыки и доступ к необходимым технологиям. Существует риск создания «двухскоростного» нотариата, где цифровые услуги будут доступны только технологически продвинутым слоям населения.

Сопротивление профессионального сообщества - часть нотариусов воспринимает цифровизацию как угрозу своей профессиональной идентичности и стабильности. Преодоление этого сопротивления требует масштабной работы по переподготовке и изменению менталитета.

Вопросы кибербезопасности - централизация цифровых нотариальных систем создает риски масштабных утечек данных и кибератак. Необходимо создание надежных систем защиты и резервного копирования.

Цифровая трансформация не означает исчезновение нотариата как института, но кардинально меняет его роль и функции. Нотариус будущего - это не просто свидетель подписания документов, а скорее «архитектор доверия» в цифровой среде, специалист по комплексному юридическому сопровождению сложных сделок, консультант по управлению цифровыми активами.

Нотариат должен эволюционировать в сторону предоставления «умных» услуг, сочетающих человеческий экспертиз и технологические возможности. Это предполагает:

Развитие предиктивного нотариата, способного предвидеть правовые риски;

- Создание систем юридического сопровождения на протяжении всего жизненного цикла сделки;
- Разработку стандартов для цифровых активов и смарт-контрактов;
- Участие в создании инфраструктуры цифрового доверия.

Цифровая трансформация нотариата - это сложный, но необходимый процесс. Успех этой трансформации зависит от способности нотариального сообщества сочетать сохранение своих традиционных ценностей (независимость, беспристрастность, профессиональная этика) с активным внедрением современных технологий. Только так нотариат сможет сохранить свою сущность в цифровую эпоху и продолжить эффективно выполнять свою главную функцию - обеспечение правовой определенности и защиту прав граждан и бизнеса.

Наиболее перспективной представляется модель «гибридного нотариата», сочетающего традиционные процедуры для сложных, уникальных случаев и цифровые сервисы для массовых, стандартизированных операций. Такой подход позволит максимально использовать преимущества цифровых технологий, сохраняя при этом человеческий экспертиз в тех ситуациях, где он действительно необходим.

Список литературы:

[1] Буштец Н.В. Российский нотариат: исторический путь и современное положение (часть вторая: современный период) // Нотариус. 2023. N 4. С. 48 — 52.

[2] Кузнецов Н.А., Ястребов Д.В. Системная характеристика функций нотариата: проблемные ситуации нотариальной теории и практики // Нотариус. 2022. N 8. С. 3 — 7.

[3] Тимофеева А.А. Развитие института нотариата в России: историко-правовой аспект // Нотариус. 2023. N 1. С. 55 — 60.

[4] Черемных Г.Г., Бочковенко В.А. О дальнейшем совершенствовании законодательства о нотариате и нотариальной деятельности // Нотариальный вестник. 2023. N 2. С. 35 — 46.

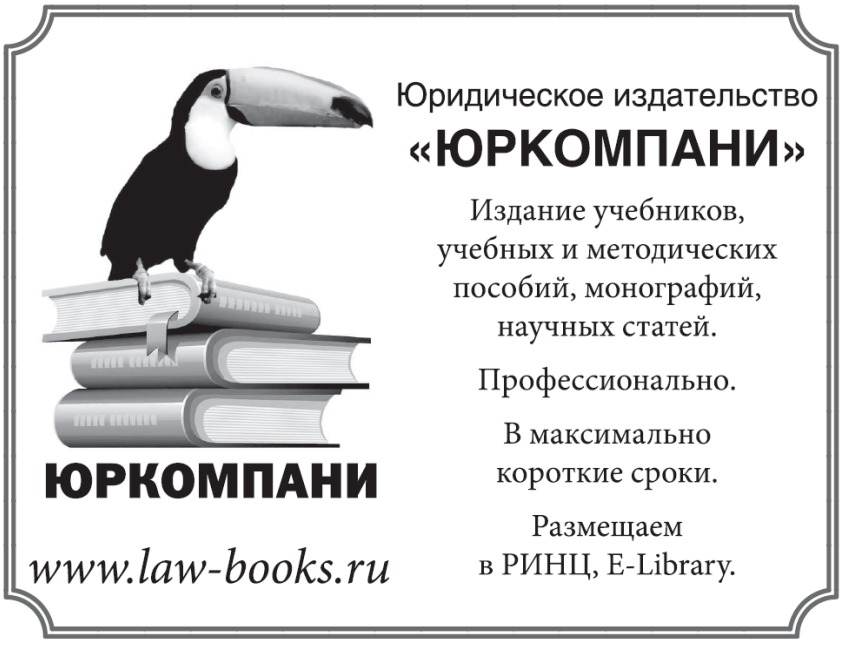
References:

[1] Bushtets N.V. Russian notary: historical path and current situation (part two: modern period)// Notary. 2023. N 4. S. 48-52.

[2] Kuznetsov N.A., Yastrebov D.V. Systemic characteristics of notary functions: problem situations of notarial theory and practice//Notary. 2022. N 8. S. 3-7.

[3] Timofeeva A.A. Development of the notary institute in Russia: historical and legal aspect// Notary. 2023. N 1. S. 55-60.

[4] Cheremnykh G.G., Bochkovenko V.A. On further improvement of legislation on notary and notarial activities//Notarial Bulletin. 2023. N 2. S. 35-46.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-178-180
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ХАБИЕВА З.Д.,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова», Россия, Грозный,
e-mail: xabieva.zaira@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию актуальных проблем защиты права собственности в современном гражданском праве. Анализируются традиционные вещно-правовые способы защиты (виндикационный и негаторный иски), а также новые вызовы, связанные с защитой цифровых активов и интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется проблеме конкуренции исков и отсутствию легального определения вещных прав в российском законодательстве. На основе анализа научных доктрин и судебной практики авторы формулируют предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования и правоприменительной практики в целях обеспечения реальной и эффективной защиты имущественных интересов.*

Ключевые слова: *право собственности, защита права собственности, вещные права, виндикационный иск, негаторный иск, конкуренция исков, цифровые активы, гражданско-правовые споры.*

KHABIEVA Z.D.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education "
A.A. Kadyrov Chechen State University",
Russia, Grozny

MODERN MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of current issues in the protection of property rights in modern civil law. It analyzes traditional property law methods of protection (vindication and negatory claims), as well as new challenges related to the protection of digital assets and intellectual property. Particular attention is paid to the problem of concurrence of claims and the lack of a legal definition of property rights in Russian legislation. Based on the analysis of legal doctrines and judicial practice, the authors formulate proposals for improving civil law regulation and law enforcement practices to ensure real and effective protection of property interests.*

Key words: *property rights, protection of property rights, property rights (in rem), vindication claim, negatory claim, concurrence of claims, digital assets, civil disputes.*

Актуальность темы защиты права собственности обусловлена ее фундаментальным значением для обеспечения стабильности гражданского оборота и реальной гарантированности имущественных интересов в правовом государстве. Несмотря на конституционное закрепление права частной собственности, теоретическое осмысление механизмов его защиты остается дискуссионным, что на практике приводит к проблемам в правоприменении. В условиях развития современных экономических отношений и появления новых форм имущества требуется четкое разграничение понятий правовой охраны и правовой защиты, а также определение юридической природы права на защиту как элемента субъективного права собственности.

Особую остроту проблеме придает отсутствие единого подхода к пониманию структуры субъективного права собственности и места в ней правомочия на защиту. В научной литературе сохраняется полемика между сторонниками традиционной концепции, рассматривающими право на защиту как неотъемлемый элемент субъективного права, и исследователями, трактующими его как самостоятельное субъективное гражданско-процессуальное право. Разрешение этой

теоретической дилеммы имеет важное практическое значение, поскольку от этого зависит эффективность механизма реализации и защиты имущественных прав граждан и юридических лиц.

Таким образом, комплексный анализ понятийного аппарата, исследование юридической природы права на защиту и его места в структуре правоотношения собственности представляются своевременными и научно значимыми. Целью настоящей статьи является теоретическое осмысление института защиты права собственности через призму разграничения охранительных и защитных механизмов, а также определение правомочия на защиту как структурного элемента субъективного права собственности, что будет способствовать совершенствованию гражданско-правового регулирования и судебной практики в данной сфере.

Как справедливо отмечает Д.И. Ракина, «собственник имущества имеет различные правовые способы разрешения ситуаций, связанных с нарушением его законных прав и интересов по владению, распоряжению и пользованию правом собственности» [1]. Данное положение подчеркивает практическую значимость систематизации способов защиты, среди которых особое место занимают вещно-правовые иски. Автор аргументированно разграничивает общие и специальные способы защиты, выделяя виндикационный и негаторный иски как ключевые инструменты восстановления нарушенных прав собственности. При этом важное значение приобретает дифференциация добросовестного и недобросовестного владения, определяющая специфику судебной практики при рассмотрении виндикационных требований.

Вывод из проведенного анализа свидетельствует о необходимости комплексного подхода к применению способов защиты права собственности, учитывающего как теоретические разработки в области структуры субъективного права, так и практические аспекты реализации вещно-правовых исков. Совершенствование гражданско-правового регулирования должно быть направлено на обеспечение сбалансированности интересов собственников и добросовестных приобретателей, а также на формирование единообразной судебной практики, что в конечном итоге будет способствовать укреплению стабильности гражданского оборота и повышению эффективности защиты имущественных прав.

Как отмечает А.А. Мартынов, «в России существует широкий спектр способов защиты права собственности, что позволяет собственникам эффективно отстаивать свои права и интересы» [2]. Автор не только систематизирует традиционные вещно-правовые иски, но и выделяет перспективные направления совершенствования защиты, включая цифровизацию регистрации прав собственности с использованием блокчейн-технологий. Особого внимания заслуживает предложение по модернизации механизмов принудительного исполнения судебных решений и оптимизации процедур государственной регистрации, что соответствует потребностям современного гражданского оборота.

Актуальным представляется анализ автором эволюции способов защиты, где наряду с классическими виндикационными и негаторными исками рассматриваются современные инструменты, такие как медиация и арбитраж. Предложенная дифференциация судебных и внесудебных механизмов создает основу для формирования гибкой системы защиты, адаптированной к различным правовым ситуациям. Особую значимость приобретает исследование владельческой защиты, которая обеспечивает охрану прав не только собственников, но и добросовестных владельцев, что способствует достижению баланса интересов в правоотношениях собственности.

Вывод из проведенного исследования свидетельствует о необходимости комплексного подхода к совершенствованию системы защиты права собственности, сочетающего традиционные институты вещно-правовых исков с современными технологическими решениями. Дальнейшее развитие гражданского законодательства должно быть направлено на создание сбалансированной системы, обеспечивающей эффективную защиту прав собственников через оптимизацию судебных процедур, внедрение цифровых технологий регистрации и развитие альтернативных способов разрешения споров. Это позволит не только усилить гарантии, но и повысить инвестиционную привлекательность российской экономики в целом.

Как отмечает А.С. Изосимов, «зарубежный опыт демонстрирует, что возможность в применении некоторых положений по защите права собственности на недвижимость - имеет место быть и в российском праве» [3]. Анализ английской системы регистрации прав на недвижимость, основанной на принципах зеркала, занавеса и гарантированного возмещения ущерба, выявляет значительный потенциал для совершенствования отечественного законодательства. Особого внимания заслуживает принцип гарантированного возмещения, обеспечивающий защиту прав собственников при ошибках в реестре, что могло бы существенно повысить доверие к системе государственной регистрации в России.

Сравнительный анализ американского подхода, основанного на экономической теории собственности Познера и концепции «связки

прутьев», демонстрирует важность баланса между принципами универсальности, эксклюзивности и оборотоспособности. Институциональные гарантии защиты прав собственности в США, включая эффективные механизмы возмещения ущерба и прозрачность регистрационных процедур, представляют особый интерес для модернизации российской системы. Цифровизация процесса уведомления собственников о регистрационных действиях, предложенная автором, соответствует современным тенденциям развития гражданского оборота.

Таким образом исследование свидетельствует о необходимости интеграции положительных элементов зарубежного опыта в российскую правовую систему. Перспективными направлениями совершенствования являются внедрение системы гарантированного государственного возмещения ущерба, причиненного ошибками регистрации, развитие цифровых механизмов информирования собственников и создание сбалансированной системы защиты, сочетающей традиционные вещно-правовые иски с современными превентивными механизмами. Это позволит не только усилить защиту прав собственников, но и повысить инвестиционную привлекательность российской экономики через создание прозрачной и надежной системы оборота

Список литературы:

[1] Ракина Д. И. Право собственности и способы его защиты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №5-3 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sobstvennosti-i-sposoby-ego-zaschity (дата обращения: 28.11.2025);

[2] Мартынов Аким Александрович Способы защиты права собственности в России // Образование и право. 2024. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-prava-sobstvennosti-v-rossii (дата обращения: 28.11.2025);

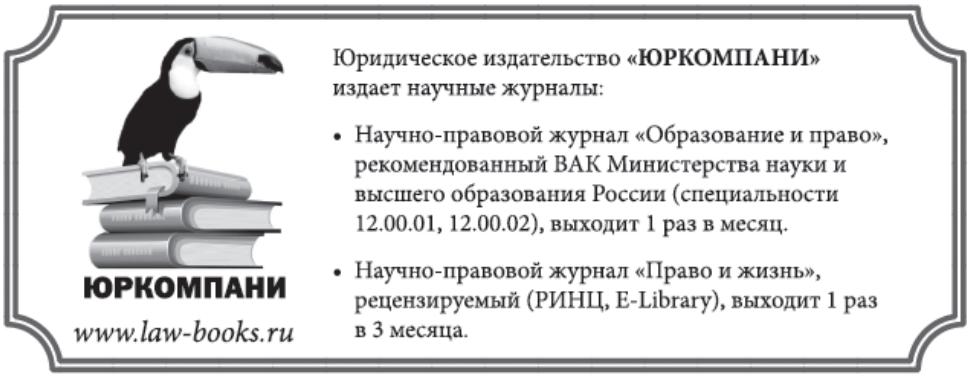
[3] Изосимов Александр Сергеевич Зарубежный опыт защиты права собственности // Научный журнал. 2019. №6 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-zaschity-prava-sobstvennosti (дата обращения: 28.11.2025).

References:

[1] Rakina D.I. Property Law and Ways to Protect It//International Journal of Humanities and Sciences. 2023. №5-3 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sobstvennosti-i-sposoby-ego-zaschity (дата обращения: 28.11.2025);

[2] Martynov Akim Aleksandrovich Ways to protect property rights in Russia//Education and law. 2024. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-prava-sobstvennosti-v-rossii (дата обращения: 28.11.2025);

[3] Izosimov Alexander Sergeevich Foreign experience in protecting property rights//Scientific journal. 2019. №6 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-zaschity-prava-sobstvennosti (дата обращения: 28.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-181-186
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ГЕТТЕ Елизавета Михайловна,
Студент 2 курса магистратуры Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: getteliza1990@mail.ru

Научный руководитель:
ДАНЬШИНА Наталья Анатольевна,
к.ю.н. доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: nat.danshina@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В НОВЫХ МЕДИА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье анализируются теоретико-правовые основы регулирования авторских прав в новых медиа с учётом положений Конституции Российской Федерации, части четвёртой Гражданского кодекса РФ и международных договоров. Рассматриваются критерии охраноспособности объектов авторского права в цифровой среде, особенности правового режима аккаунтов и публикуемого контента (фотоизображения, короткие видеоролики). На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов обосновывается вывод о необходимости сохранения принципа автоматической охраны при одновременной выработке критериев оценки творческого вклада. Особое внимание уделяется вопросу об информационных посредниках и пределах их ответственности.*

Ключевые слова: *авторское право, новые медиа, интеллектуальная собственность, правовая охрана, информационный посредник, творческий вклад, охраноспособность.*

GETTE Elizaveta Mikhailovna,
2nd-year Master's Student, Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Scientific Supervisor:
DANSHINA Natalya Anatolyevna,
PhD in Law, Associate Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

LEGAL REGULATION OF COPYRIGHT IN NEW MEDIA: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. *The article analyzes the theoretical and legal foundations of copyright regulation in new media, taking into account the provisions of the Constitution of the Russian Federation, Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, and international treaties. The criteria for the protectability of copyright objects in the digital environment are examined, as well as the specific legal regime of user accounts and published content (photographic images, short video clips). Based on an analysis of judicial practice and doctrinal approaches, the conclusion is substantiated that the principle of automatic protection should be maintained while simultaneously developing criteria for assessing creative contribution. Special attention is paid to the issue of information intermediaries and the limits of their liability.*

Key words: *copyright, new media, intellectual property, legal protection, information intermediary, creative contribution, protectability.*

Конституция Российской Федерации закрепляет единые основы свободы творчества и охраны интеллектуальной собственности. Создание результатов интеллектуальной деятельности определяется в качестве творческого процесса. Неслучайно положениями статьи 44 Конституции РФ каждому субъекту общества гарантируется свобода литературной, художественной, научной, технической и других видов творческой деятельности [1]. Международные акты, федеральные законы, а также иные нормативные правовые акты основываются на принципах, которые провозглашены Конституцией Российской Федерации. В контексте вопроса определения юридической силы Конституции и международно-правовых актов юридическая доктрина сформировала два основных подхода. Ряд авторов, стремясь обосновать приоритет международных актов над положениями Конституции РФ, приводят положения части 4 статьи 15 Конституции РФ, закрепляющей, что в случае, когда международный акт содержит иные правила, нежели определены в законе, то будут применимы правила международных актов [1].

В данном случае следует обратить внимание на Федеральный закон «О международных договорах», закрепляющий, что когда Конституционный суд признает положения международного акта не соответствующими Конституции РФ, они не подлежат введению в действие и последующему применению в Российской Федерации [5]. Исходя из этого, Конституция РФ обладает высшей юридической силой по отношению к положениям правовых актов международного характера.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном теоретико-правовом анализе регулирования авторских прав в новых медиа, выявлении критериев охраноспособности объектов авторского права в цифровой среде и определении правового статуса участников соответствующих правоотношений. Для достижения указанной цели в статье решаются следующие задачи: анализ конституционных и гражданско-правовых основ регулирования авторских прав, исследование судебной практики по вопросам охраны контента в социальных сетях, а также выявление особенностей правового режима аккаунтов и информационных посредников. Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, а также методы анализа и синтеза судебной практики и доктринальных источников.

Конституционно-правовые и гражданско-правовые основы регулирования авторских прав

Учитывая, что особый нормативный правовой акт определяет общие направления правового регулирования, более детальное регулирование реализуется уже отраслевым законодательством, конкретизирующим и развивающим существующие положения. Ключевым источником нормативного регулирования авторских правоотношений является Гражданский кодекс Российской Федерации, а именно его часть четвертая, посвященная правам субъектов на результаты интеллектуальной деятельности. Структура части четвертой ГК РФ демонстрирует проявление пандектной системы, что выражается в том, что каждый институт имеет собственную главу, при этом общие положения определены в первоначальной 69 главе ГК РФ [2]. Общие положения охватывают нормы, зачастую относящиеся не к каждому институту подотрасли одновременно, а к определенным. Так, право на вознаграждение за свободное воспроизведение результата творческой деятельности в личных целях определяется статьей 1245 ГК РФ в рамках общих положений, поскольку охватывает не только авторов, но и иных субъектов прав: исполнителя, изготовителя фонограмм и др. [2]. Закрепление норм об авторском праве в гражданском законодательстве свидетельствует о том, что в таких положениях не будут продублированы нормы, являющиеся общими для всех гражданско-правовых отношений, например, об обязательствах или о договорах.

Согласно норме статьи 1259 ГК РФ, в качестве объектов авторского права могут выступать следующие виды результатов творческой деятельности субъектов: произведения науки, литературы и искусства, независимо от того, каким способом они выражены. Положения статьи 1257 ГК РФ предоставляют возможность определить, что базисным критерием охраноспособности является творческая направленность результата интеллектуальной деятельности [2]. Как отмечено в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, само по себе отсутствие оригинальности, на которой преимущественно акцентируют внимание теоретики, стремясь через нее раскрыть критерий творчества, не свидетельствует о том, что результат был получен нетворческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права [10]. Известное юридической доктрине правило, представленное п. 4 статьи 1259 ГК РФ, указывает на то, что любое произведение может получить правовую охрану и защиту без какой-либо предварительной регистрации, что коррелирует с нормой п. 2 статьи 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, не требующей предварительной реализации нормативных формальностей [12]. Нормы данной статьи были имплементированы многими государствами, например, они представлены в п. 1 статьи

993 ГК Республики Беларусь, а также в п. 1 статьи 9 Закона Республики Казахстан № 6-I «Об авторском праве и смежных правах» [55; 56].

Критерии охраноспособности и правовой режим контента в новых медиа

Рассматривая актуальность такого положения, следует учитывать степень общественно-технического прогресса. В период закрепления данного правила на международном уровне, а также его интегрирования в гражданское законодательство, уровень развития общественных отношений был значительно иным, что подтверждается статистическими данными по числу пользователей сети: на сегодняшний день более пяти миллиардов человек активно используют сеть Интернет, при этом порядка 63% — именно для поиска информации, включая произведения. Повсеместное развитие сети выступило базисом для формирования такого многогранного феномена, как новые медиа, пользователями которых являются 72% мирового населения [88]. Цифровые технологии демонстрируют тенденцию к постоянному изменению перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в силу появления как новых объектов охраны, так и пересечения режимов правовой охраны. Указанное в наибольшей степени проявляется в авторском праве, поскольку законодатель не ограничивает такие объекты рамками закона (перечень статьи 1259 ГК РФ является открытым), а их охрана является автоматической ввиду действия презумпции авторства и творчества [2]. Сама природа объектов авторского права позволяет их использование в рамках новых медиа, что формирует новые возможности для правообладателей, но порождает и проблемы в виде неправомерного присвоения авторства, незаконного использования и др.

Доктринальный уровень, а также правоприменительная практика демонстрируют наличие дискуссии по вопросу определения правовой охраны результатов творческой деятельности, созданных в новых медиа. В научном исследовании Е.С. Гринь обращено внимание на то, что в правоприменительной практике не представлено единого подхода, позволяющего определить правовой режим объектов, которые являются потенциально охраноспособными в рамках авторского права [28, с. 109]. Теоретиком в качестве примера приводится отсутствие определенности по вопросу правового режима аккаунта в новых медиа, в рамках которого пользователем размещается различный материал: фотоизображения, короткие видеоролики и др. В данном случае авторы выдвигают следующие возможные вариации: аккаунты следует определять в качестве программ для ЭВМ по положениям статьи 1260 ГК РФ; аккаунт следует рассматривать как составное произведение; аккаунт рассматривается исключительно в качестве учетной записи, в рамках которой аккумулированы персональные данные; аккаунт — это сложный объект, являющийся мультимедийным продуктом, в случае, когда проявляется явная охраноспособность [2]. Анализ представленных подходов позволяет выявить, что объект, который охраняется авторским правом, должен располагать критериями охраноспособности с точки зрения их классического восприятия — творческим характером и наличием объективно выраженной формы результата интеллектуальной деятельности.

Как указывает Г.П. Ивлиев, исследуя правовые аспекты применения коротких видеороликов в контексте интеллектуальной собственности, не следует сосредотачиваться на вопросе выявления новизны или оригинальности результата, полученного в ходе интеллектуальной деятельности, так как даже при их отсутствии это не свидетельствует о нетворческом характере результата и, как следствие, невозможности его признания объектом авторского права [29, с. 67]. Автор приходит к выводу, что при возникновении спорных правоотношений обязательным является предварительное выявление творческого вклада субъекта, что не требует специальных знаний и возлагается на суд. Творческая составляющая результата деятельности может быть присуща объекту, но быть минимально выраженной, а в современных реалиях только человек может установить тонкую грань проявления творческого вклада автора [29, с. 68].

Судебная практика защиты авторских прав в социальных сетях

Отечественная судебная практика уже содержит примеры, подтверждающие наличие авторско-правового аспекта в рамках публикуемого материала в социальных сетях. Примером является решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-101804/2023 [85]. Согласно материалам дела, в суд поступило исковое заявление с требованием взыскать с субъекта, нарушающего право истца, компенсацию в размере трехсот тысяч рублей в рамках неправомерного использования опубликованного в социальной сети видеоролика. Истцом было обращено внимание, что в опубликованном ответчиком видеоролике были использованы оригинальные элементы произведения: структура, последовательность материала, содержание и само текстовое сопровождение [85]. Ответчик, возражая против удовлетворения иска, ссылался на то, что опубликованный видеоролик содержит алгоритм поведения субъектов в конкретной ситуации, который напрямую прописан

на законодательном уровне, что исключает наличие творческой деятельности. Суд отклонил доводы ответчика, указав, что представленные в оригинальном видео истца шаги не выступают единственным вариантом последовательности действий, следовательно, они выявлены автором именно в рамках его профессионального опыта. Суд обратил внимание именно на полное копирование элементов, а не простое использование тех или иных формулировок, и признал копирование структуры и содержания произведения нарушением права субъекта на аудиовизуальное произведение [85].

Значимость данного судебного разбирательства обусловлена признанием того, что распространенные на сегодня форматы коротких видеороликов, именуемых «рилс», являются охраноспособными и рассматриваются как аудиовизуальные произведения, а также подтверждением того, что правовая охрана аудиовизуального произведения напрямую коррелирует с фактом наличия творческого вклада автора, создавшего данное произведение. Определив существенность творческого вклада автора, следует учитывать наличие давно присущей области авторского права проблемы дихотомии идеи и формы ее выражения. Ввиду специфики творческой деятельности нередко возникают трудности в установлении границы между законодательно охраняемой формой объекта и вложенной в него неохраняемой идеей. В новых медиа необходимость установления данной границы проявляется чаще, так как быстрота распространения информационных потоков и свободный доступ к ресурсам формируют больше возможностей для переработки объекта авторского права [47, с. 45].

Параллельное творчество и информационные посредники

Теоретик И.В. Чувствинов указывает на возможность признания факта параллельного творчества [48, с. 46]. С точки зрения правоприменительной практики на основании анализа абз. 2 п. 95 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 допускается охрана двух творчески самостоятельных объектов, выпущенных различными субъектами [10]. В рамках второго подхода проводится аналогия с патентным правом, следовательно, базисом является идея о первенстве в разработке объекта авторского права, с отказом иным лицам в предоставлении правовой охраны объекту других авторов, которые получили данный результат параллельно [48, с. 46]. Позиция, согласно которой охраняется объект, обусловленный самостоятельностью и творческой направленностью усилий субъекта, прослеживается в п. 95 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10: разработка похожего, но творчески самостоятельного произведения не выступает нарушением исключительного права автора более раннего произведения [10].

Анализ положений статьи 1250 и 1252 ГК РФ обязывает автора произведения в случае подачи искового заявления доказать свое авторство, в свою очередь ответчику необходимо доказать соблюдение предписываемых требований по надлежащему использованию объекта авторского права [2]. Доктринальный уровень демонстрирует относительное единство мнений в вопросе определения условий защиты авторских прав на публикуемые материалы в социальных сетях. В.В. Ошуева выделила следующие условия: наличие критерия творчества, оценка цели использования спорного произведения (включая выявление коммерческой выгоды), выявление степени существенности заимствований и анализ воздействия спорного произведения на ценность оригинального труда [39, с. 30].

Характерная для новых медиа специфика обусловливает необходимость понимания особенностей установления субъекта, которому принадлежит право на опубликованный материал. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не содержит перечня прав пользователей социальных сетей, за исключением положений об особенностях распространения информации [6]. Порядок публикации материала определяется владельцем сети в пользовательском соглашении. Исходя из нормы статьи 1253.1 ГК РФ, обладатель социальной сети может быть признан информационным посредником, ответственность которого ограничена изъятиями, определенными в п. 3 и 4 указанной статьи [2]. В Определении Верховного Суда РФ по делу № 5-КГ20-96-К2 владельцем сайта было доказано наличие технических ограничений в случае размещения пользователями спорных материалов [59]. В свою очередь Определением по делу № 88-6617/2022 установлено, что ответчик извлекал прибыль посредством размещения спорных произведений, в силу чего подлежит ответственности [61].

Аккумулируя представленные данные, следует указать, что вопрос защиты авторских прав в новых медиа требует учета особенностей цифровых технологий, а также выявления наличия добросовестного использования объекта авторского права в каждом конкретном случае. Публикуемый в новых медиа материал может получить правовую охрану при его соответствии законодательно закрепленным критериям. Всевозможные видеоролики, фотоизображения, как и другие виды творчества, определяются действующим законодательством и судами в качестве результатов интеллектуальной деятельности, в силу чего к ним применимы положения части четвер-

той ГК РФ [2]. Правомерность использования объектов авторского права в новых медиа напрямую коррелирует с соблюдением правил, допускающих свободное использование в случаях, не предполагающих получения коммерческой выгоды, а также при условии надлежаще соблюденных требований к цитированию. Вопрос исковой давности в исследуемой области, согласно позиции Е.С. Гринь и судебной практике (дело № А60-50883/2020), следует исчислять с момента, когда правообладатель узнал о нарушении и о лице, его совершившем, что является положительным с точки зрения защиты нарушенного права автора в новых медиа [28, с. 109; 86]. Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью выработки единых критериев оценки творческого вклада в цифровой среде и адаптации института информационного посредника к реалиям новых медиа.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

[3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

[4] О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 18.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

[5] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

[6] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 (ред. от 23.12.2024) // Российская газета. – 2019. – № 96.

[7] Гринь Е.С. Правовая охрана объектов авторских прав и сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях: вопросы судебной практики // Lex Russica. – 2024. – № 9 (214). – С. 101–112.

[8] Ивлиев Г.П., Шахназаров Б.А. Правовые аспекты использования коротких видеороликов на видеохостингах (клипы, ТикТоки, рилс, шортс) в контексте интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 53–69.

[9] Ошуева В.В. Судебная практика защиты авторов в соцмедиа: рилсы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 1. – С. 27–32.

[10] Вербицкая Ю.В. Проблемы правовой квалификации блога как объекта права интеллектуальной собственности // Наука и образование как основа развития России. – 2023. – № 2. – С. 21–27.

[11] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 16.05.2026).

[12] Решение Арбитражного суда Московской области от 26.04.2024 по делу № А41-101804/2023. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16.05.2026).

[13] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14.12.2020 по делу № А60-50883/2020. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16.05.2026).

[14] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.12.2020 по делу № 5-КГ20-96-К2. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 16.05.2026).

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 № 88-6617/2022. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 16.05.2026).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. - Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part four): Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 30.01.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 52 (part 1). - Art. 5496.

[3] On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ (as amended by 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3448.

[4] On International Treaties of the Russian Federation: Federal Law of 15.07.1995 No. 101-FZ (as amended on 18.02.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 29. - Art. 2757.

[5] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 //Bulletin of International Treaties. – 2003. – № 9.

[6] On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 (as amended by 23.12.2024) //Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – № 96.

[7] Grin E.S. Legal protection of objects of copyright and complex objects of intellectual rights in social networks: issues of judicial practice//Lex Russica. – 2024. – № 9 (214). - S. 101-112.

[8] Ivliev G.P., Shakhnazarov B.A. Legal aspects of using short videos on video hosting (clips, TikToki, rils, shorts) in the context of intellectual property//IP. Copyright and related rights. – 2024. – № 5. - S. 53-69.

[9] Oshueva V.V. Judicial practice of protecting authors in social media: rils//Arbitration and civil proceedings. – 2025. – № 1. - S. 27-32.

[10] Verbitskaya Yu.V. Problems of legal qualification of a blog as an object of intellectual property law//Science and education as the basis for the development of Russia. – 2023. – № 2. - S. 21-27.

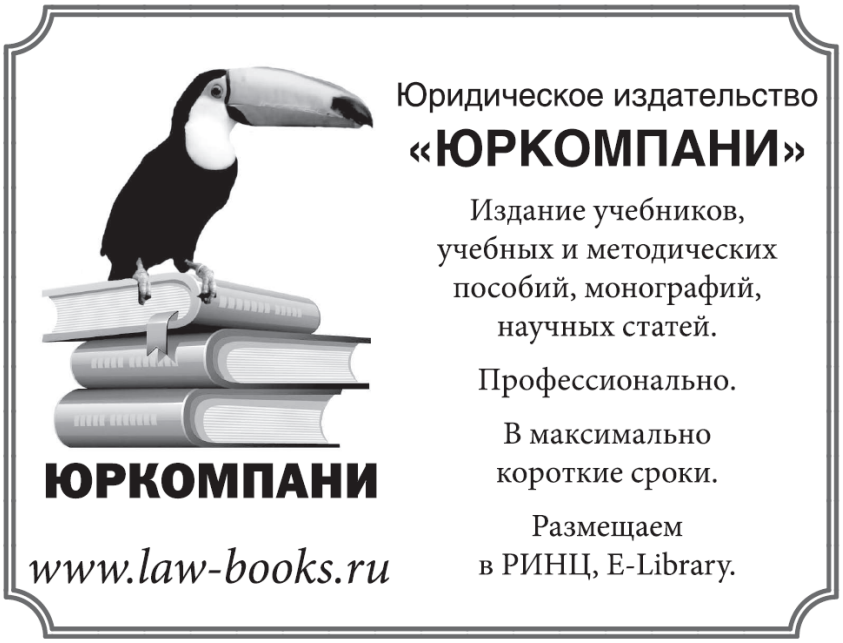
[11] Review of judicial practice in civil cases related to violation of copyright and related rights in the information and telecommunication network of the Internet: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.05.2024. - URL: https://www.consultant.ru (date of appeal: 16.05.2026).

[12] Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 26.04.2024 in case No. A41-101804/2023. - URL: https://kad.arbitr.ru (access date: 16.05.2026).

[13] Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region dated 14.12.2020 in case No. A60-50883/2020. - URL: https://kad.arbitr.ru (access date: 16.05.2026).

[14] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.12.2020 in case No. 5-KG20-96-K2. - URL: https://www.consultant.ru (access date: 16.05.2026).

[15] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction of 19.04.2022 No. 88-6617/2022. - URL: https://www.consultant.ru (access date: 16.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-187-191
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

БОРЗЕНКОВ Павел Евгеньевич,
Аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный Университет»,
e-mail: borzenkov.pash@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. *Сегодня искусственный интеллект (далее - ИИ) является важным инструментом в жизни и работе как отдельно взятых человек или компании, так и общества в целом. Становясь инструментом, не только помогающим человеку, но уже и во многом его полноценно заменяющим, актуальными остаются базисные вопросов: за кем закреплены права и обязанности, вытекающие из функционирования ИИ; кто несет ответственность за деятельность и кому принадлежат его результаты. Авторами данной статьи предпринята попытка разобраться в правовой природе ИИ, не только выяснив его место в системе отечественного правового регулирования на данный момент, но и попробовав определить его будущую модель.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность, гражданско-правовая ответственность, пользователь, разработчик, программное обеспечение, электронно-вычислительная машина.*

BORZENKOV Pavel Evgenievich,
Postgraduate student of the department of civil law
of the «Southwestern State University»

PROBLEMS OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DOMESTIC LEGAL SYSTEM

Annotation. *Today, artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) is an essential tool in the lives and work of individuals, companies, and society as a whole. As it evolves into a tool that not only assists humans but, in many ways, fully replaces them, fundamental questions remain relevant: who is vested with the rights and obligations arising from the functioning of AI; who is responsible for its activities; and who owns its results. The authors of this article attempt to understand the legal nature of AI, not only clarifying its place in the domestic legal system today but also attempting to define its future model.*

Key words: *artificial intelligence, legal personality, civil liability, user, developer.*

Развитие цифровых технологий, нейросетей и систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) стало одним из ключевых факторов трансформации современного общества. Искусственный интеллект уже активно применяется в банковской сфере, логистике, государственном управлении, медицине, промышленности, юриспруденции и иных областях общественной жизни. Российская Федерация официально признала стратегическое значение ИИ, закрепив его развитие в государственных программах и нормативных актах. В частности, Указ Президента Российской Федерации № 490 от 10 октября 2019 года утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, где искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека.

Одновременно с развитием технологий возникает фундаментальный правовой вопрос: может ли искусственный интеллект быть самостоятельным субъектом правоотношений? Иными словами, возможно ли признание ИИ носителем субъективных прав и юридических обязанностей в рамках российского гражданского законодательства?

Данный вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Уже сегодня нейросетевые системы самостоятельно формируют тексты, создают произведения искусства,

участвуют в финансовых операциях, принимают решения в автоматизированных системах управления. Возникают проблемы распределения ответственности, определения авторства, регулирования автономных решений и установления границ правоспособности цифровых систем.

Цель настоящей статьи — исследовать возможность признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом правоотношений в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации и иных нормативно-правовых актов России, а также определить перспективы развития российского законодательства в данной сфере.

Так, в российской правовой системе субъектами гражданских правоотношений признаются лица, обладающие правоспособностью и дееспособностью. Гражданский кодекс Российской Федерации прямо закрепляет, что субъектами гражданских прав являются: физические лица; юридические лица и публично-правовые образования.

Согласно статье 17 ГК РФ, гражданская правоспособность гражданина возникает с момента рождения и прекращается смертью.

Статья 49 ГК РФ устанавливает правоспособность юридических лиц как способность иметь гражданские права и нести обязанности, соответствующие целям деятельности организации.

Таким образом, российское гражданское право исходит из классической конструкции, в которой субъект права обязательно обладает: правоспособностью; дееспособностью; возможностью осознавать значение своих действий; имущественной обособленностью; способностью нести юридическую ответственность.

Искусственный интеллект в действующем российском законодательстве не отнесен ни к одной категории субъектов права. На сегодняшний день ИИ рассматривается исключительно как объект правового регулирования либо как инструмент, используемый человеком. [1]

Российское законодательство не содержит единого универсального закона об искусственном интеллекте. Однако определение ИИ закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года.

Согласно Указу Президента РФ № 490, искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и получение результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человека.

Из данного определения можно выделить несколько признаков ИИ: автономность функционирования; способность к обучению; обработка больших массивов данных; принятие решений без жестко заданного алгоритма; имитация человеческой интеллектуальной деятельности.

Однако даже наличие подобных признаков не означает автоматического признания ИИ субъектом права. Российский законодатель рассматривает ИИ прежде всего как технологический инструмент.

Отметим, что в современной юридической науке существует несколько основных подходов к вопросу правосубъектности искусственного интеллекта.

Согласно наиболее распространенной позиции, именуемой в науке традиционным подходом, искусственный интеллект является объектом права, а не субъектом. Данный подход основывается на следующих аргументах: отсутствие сознания, воли в юридическом смысле; возможности осмыслять и руководствоваться в своей деятельности возможными последствиями своей деятельности, невозможность самостоятельно нести ответственность.

В рамках этого подхода ответственность за действия ИИ несут: разработчики; владельцы; операторы; пользователи системы.

Подобная модель соответствует действующей конструкции российского гражданского права. Однако в последнее время данных подход все чаще подвергается научной критике, поскольку в отечественной юридической науке активно развивается теория так называемого «электронного лица». Исследователи предлагают рассматривать высокоавтономные системы ИИ как особый вид субъектов права. [2]

Сторонники данной концепции указывают, что современные ИИ-системы обладают признаками, отличающими их от обычных технических устройств: способностью к самообучению; непредсказуемостью поведения; автономностью принятия решений; возможностью взаимодействия с внешней средой без участия человека.

В рамках данной концепции предлагается создать новую юридическую категорию — «электронное лицо», аналогичную юридическому лицу.

Однако данная теория сталкивается с серьезными проблемами: отсутствие сознания у ИИ; невозможность применения традиционных категорий вины; отсутствие имущества у ИИ; невозможность самостоятельного исполнения обязанностей; отсутствие морально-этической составляющей поведения.

В связи с изложенным, среди ученых и исследователей, изучающих данный вопрос, достаточно распространен центристский - компромиссный подход. Указанная школа предполагает ограниченную правосубъектность ИИ.

Согласно представленному подходу ИИ не признается полноценным субъектом права, однако отдельные элементы правосубъектности могут быть ему делегированы. Вместе с тем, ответственность все равно сохраняется за человеком.

К примеру, ИИ может автоматически заключать сделки; участвовать в электронном документообороте; выполнять функции представителя; принимать технические решения в пределах алгоритма.

Однако итоговая юридическая ответственность остается за владельцем системы.

Таким образом, мы видим, что обилие теоретических подходов к определению правовой природы и места искусственного интеллекта в отечественной правовой системе обусловлены проблемой определения его правоспособности.

Российское законодательство связывает правоспособность физического лица с фактом рождения человека. Юридическое лицо приобретает правоспособность после государственной регистрации.

Возникает вопрос: возможно ли предоставить аналогичную правоспособность искусственному интеллекту?

С теоретической точки зрения существуют определенные препятствия

1. Отсутствие биологической природы. Физическое лицо — это человек как биосоциальное существо. ИИ не обладает человеческой природой.
2. Отсутствие организационной структуры. Юридическое лицо обладает: учредительными документами; органами управления; имущественной обособленностью; организационным единством. ИИ не соответствует данным критериям.
3. Отсутствие воли. В российской цивилистике воля является важнейшим элементом субъективного права. Искусственный интеллект не обладает собственной волей в философско-правовом смысле.

Даже самые современные нейросети функционируют на основе алгоритмов и обучающих выборок. [3]

Дееспособность представляет собой способность своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности.

В российском праве дееспособность предполагает: понимание характера действий; способность руководить поведением; осознание юридических последствий.

Современные системы ИИ не обладают самосознанием; не обременены моральным выбором и (или) свободой воли, а также не располагают эмоционально-этической оценкой поведения.

Следовательно, в классическом понимании дееспособность ИИ невозможна.

Даже если нейросеть способна самостоятельно принимать решения, она делает это в рамках программной архитектуры, изготовленной и спрогнозированной заранее разработчиком.

Наиболее сложным аспектом признания ИИ субъектом права является вопрос юридической ответственности.

Российское право базируется на принципе виновной ответственности. Для привлечения к ответственности необходимо установить: противоправность; вину; причинную связь; вред. ИИ не способен испытывать: умысел; неосторожность; мотив; цель в психологическом смысле.

Следовательно, применение классических категорий вины к ИИ вызывает серьезные трудности.

Особую проблему представляет интеллектуальная собственность, созданная ИИ. Российское законодательство исходит из того, что автором произведения может быть только человек.

Гражданский кодекс РФ связывает авторство с творческой деятельностью физического лица. Следовательно, нейросеть не может быть признана автором, а авторские права принадлежат либо непосредственно человеку, либо лицу, организовавшему создание произведения.

В настоящее время российское право не допускает признания ИИ обладателем интеллектуальных прав.

Однако, ИИ и как продукт стремительно развивающего научно-технического прогресса, и как элемент общественных отношений, являющегося в последнее время всё более от них неотъемлемым, не останавливается своём развитии и видоизменении. В этой связи представляется необходимым быть готовым к тому, что уже в ближайшее время искусственный интеллект, возможно, обретет какую-то из описанных выше функций, способную приблизить обретения им правосубъектности.

Какими же видятся возможные направления развития отечественного законодательства?

Наиболее оптимальным вариантом нам видится создание особого правового статуса высокоавтономных систем. Его основными отличительными чертами станут: обязательная регистрация и учет моделей ИИ в специальном реестре; сертификация алгоритмов; регулирование автономных решений; специальные правила ответственности определение уровней автономности ИИ; закрепление правил ответственности; страхование рисков.

В это же время, искусственный интеллект приобретет право автоматического заключения

сделок, подписи документов через доверенные системы; автономного участия в цифровом взаимодействии от лица представляемой стороны. [4]

Вместе с тем, действия ИИ, а самое главное, их последствия – продукты деятельность, будут рассматриваться как последствия, права и обязанности на которые принадлежат человеку или организации, от чьего лица и (или) в чьих интересах функционировал тот или иной ИИ.

Следующим, перспективным этапом, видится возможное введение ограниченной правоспособности для ИИ, применяемого в отдельно взятых сферах, таких как: автономные транспортные системы; финансовые алгоритмы; корпоративные ИИ-агенты.

Плюсы данного подхода заключаются в следующем:

1. Высокая автономность современных систем

Современные ИИ способны самостоятельно: обучаться; прогнозировать многочисленные варианты развития ситуации и, как следствия, алгоритмов действий при их наступлении; принимать решения в критических ситуациях быстрее человека; адаптироваться к быстро изменяющейся среде.

2. Практическая необходимость

С увеличением автономности ИИ возникает проблема распределения ответственности. Признание ИИ субъектом могло бы: упростить регулирование; создать отдельные имущественные фонды; обеспечить компенсацию вреда.

3. Аналогия с юридическим лицом

Юридическое лицо также является юридической фикцией. Следовательно, возможно создание аналогичной конструкции для ИИ.

Таким образом, считаем, что в будущем наиболее применимой является конструкция, при которой наряду с физическим, юридическими лицами, а также публично-правовыми образованиями появится «электронное лицо» – квазисубъект правоотношений, действующий от лица и (или) в интересах самостоятельных лиц, однако обладающий автономией подходов и действий к решениям поставленных задач.

Вместе с тем, реализация представленной концепции возможно при преодолении имеющихся в настоящее время в отечественной правовой системе фундаментальных препятствий, таких как отсутствие закрепления на законодательном уровне (в рамках Гражданского кодекса РФ, либо же отдельно взятого Федерального закона) дефиниции искусственного интеллекта, его характерных признаков, функций, областей разрешенного применения, видов и размера ответственности за его ненадлежащее применение и т.д.

В настоящее же время ни Гражданский кодекс РФ, ни иные федеральные законы не предусматривают возможности признания ИИ субъектом права.

Более того, действующее законодательство косвенно подтверждает обратный подход.

Так, Кодекс этики искусственного интеллекта в России исходит из приоритета ответственности человека (Актора) за использование технологий (алгоритмов) ИИ.

Резюмируя вышесказанное отметим, что вопрос о возможности признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом правоотношений является одним из наиболее острых и требующих скорейшего разрешения.

Анализ Гражданского кодекса Российской Федерации и иных нормативно-правовых актов показывает, что действующее российское законодательство не допускает признания ИИ субъектом гражданских правоотношений. Более того, само правовое определение искусственного интеллекта до настоящего времени не закреплено на законодательно на федеральном уровне. Система гражданского права России исходит из антропоцентрической модели, в которой субъектами права могут выступать только физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. [5]

На сегодняшний день искусственный интеллект рассматривается как объект права либо как технологический инструмент, используемый человеком.

Тем не менее, в будущем, при условии генезиса искусственного интеллекта, возможна его трансформация из объекта правоотношений в субъект. При подобном условии наибольший научный и практический интерес вызывает концепция, при которой ИИ будет признан электронным лицом.

Вместе с тем, наиболее реалистичным в настоящее время представляется развитие специальных механизмов регулирования ИИ без предоставления ему полноценной правосубъектности. Речь может идти о: специальных режимах ответственности; обязательном страховании ответственности; сертификации ИИ; регулировании автономных систем; развитии цифрового права.

Таким образом, в рамках действующего российского законодательства искусственный интеллект не может быть признан самостоятельным субъектом правоотношений. Однако дальнейшее развитие технологий и усложнение автономных систем может в будущем поставить вопрос о пересмотре традиционных представлений о субъекте права и формировании новых юридических конструкций в цифровую эпоху.

Список литературы:

[1] Отчет по индексу искусственного интеллекта за 2023 г. URL: https://ict.moscow/static/pdf/files/HAI_AI-Index_Report_2023.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

[2] Наумов В. Б., Камалова Г. Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН. 2020., Т. 15, № 1. С. 81–93.

[3] Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 6. С. 1094–1099.

[4] Панов О. В. Функциональная структура бессознательного и возможность формирования новых принципов искусственного интеллекта. Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. М., 2006. 448 с.

[5] Мохат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

References:

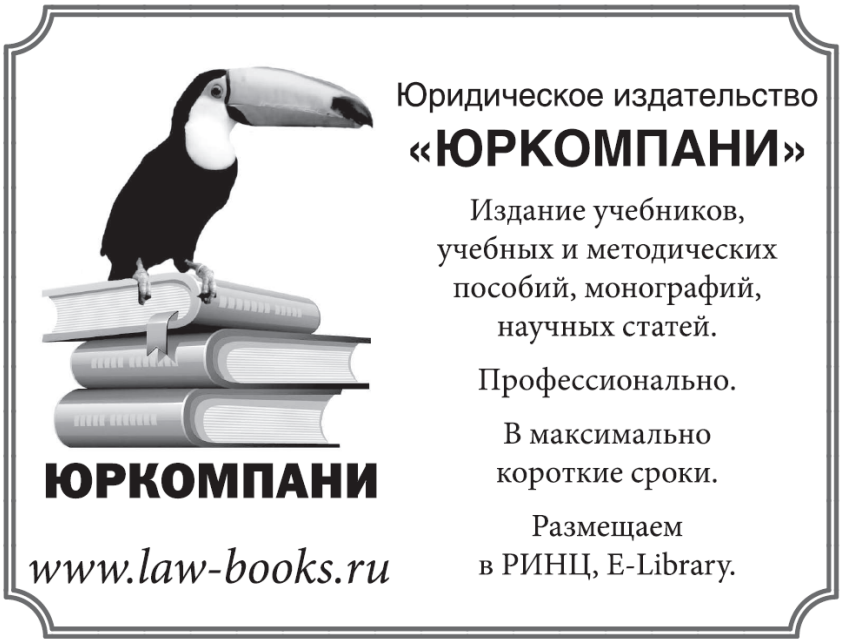
[1] Artificial Intelligence Index Report 2023 URL: https ://ict.moscow/static/pdf/files/HAI _ AI-Index _ Report _ 2023.pdf (Accessed: 21.07.2023).

[2] Naumov V. B., Kamalova G. G. Issues of building legal definitions in the field of artificial intelligence//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020., T. 15, NO. 1. S. 81-93.

[3] Minbaleev A. V. The concept of “artificial intelligence” in law//Bulletin of Udmurt University. “Economics and Law” series. 2022. T. 32, NO. 6. S. 1094-1099.

[4] Panov O. V. The functional structure of the unconscious and the possibility of forming new principles of artificial intelligence. Artificial intelligence: interdisciplinary approach/ed. D. I. Dubrovsky and V. A. Lektorsky. M., 2006. 448 p.

[5] Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2018. 420 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.20226 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-192-197
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского ветеринарного
института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук,
доцент, профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: barykina_10@mail.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭЛЕКТРОТРАВМАТИЗМА НА ПРЕДПРИЯТИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. *Поражения электрическим током относят к несчастным случаям на производстве, которые сопровождаются травмами различной тяжести, инвалидными и смертельными исходами. В статье рассмотрены проблемы предупреждения электротравматизма на предприятии железнодорожного транспорта.*

Ключевые слова: *дистанция электроснабжения, производственный электротравматизм, охрана труда, железнодорожный транспорт, условия труда.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,

Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution, Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
PhD in Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer, Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,
Senior Lecturer,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University

PROBLEMS OF PREVENTING ELECTRICAL INJURIES IN RAILWAY TRANSPORT ENTERPRISES

Annotation. *Electric shocks are considered industrial accidents, resulting in injuries of varying severity, disability, and even death. This article examines the challenges of preventing electrical injuries in railway transport.*

Key words: *Power supply distance, industrial electrical injuries, labor protection, railway transport, working conditions.*

Цель – является исследование проблемы предупреждения электротравматизма на предприятии железнодорожного транспорта.

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

– изучить теоретические аспекты: дать понятие электротравматизма, определить виды, причины возникновения электротравм;
– отразить систему показателей, характеризующих уровень электротравматизма.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

В современном мире все более возрастает роль использования различных видов ресурсов, в том числе энергетических. Энергетические установки, электрические сети занимают все большое место в производственной деятельность предприятий различных сфер деятельности.

Широкое использование энергетических ресурсов существенно повышает риски поражения электрическим током среди рабочего персонала.

В сравнении с другими рисками электрический ток отличается тем, что человек не может его обнаружить заранее с помощью органов чувств. Механизм поражения человека электрическим током чрезвычайно сложен и связан с нарушением биологических, физических, химических процессов в организме человека. При этом возможны необратимые нарушения функциональной деятельности жизненно важных органов человека.

Поражения электрическим током относят к несчастным случаям на производстве, которые сопровождаются травмами различной тяжести, инвалидными и смертельными исходами.

На сегодняшний день, несмотря на внедрение новых, более современных и безопасных для человека технологий, остается много отраслей, где травматизм являет собой значительную проблему, в числе этих отраслей и железнодорожный транспорт.

Несмотря на реализацию ряда программ в области охраны труда и обеспечения безопасных условий труда в последние годы, проблемы электротравматизма решить в полном объеме пока не удалось. В этой связи одной из перспективных целей в обеспечении охраны труда является минимизация рисков возникновения несчастных случаев на производстве и ориентация подразделений ОАО «РЖД» на максимально безопасные технологические процессы и оборудование.

Сокращение травматизма является актуальным вопросом в системе ОАО «РЖД» в связи с тем, что уровень электротравматизма остается достаточно высоким, невзирая на усиление требований электробезопасности и внедрение новейших методов и средств защиты от поражения электрическим током.

Электротравматизм представляет собой особую категорию производственных травм, возникающих при воздействии электрического тока на организм человека. Это поражение может быть вызвано как техническим, так и атмосферным электричеством, что делает проблему особенно актуальной для дистанции электроснабжения [1].

Электротравматизм в дистанции электроснабжения на железной дороге – это случаи поражения электрическим током, которые происходят из-за нарушения правил безопасности при нахождении в зоне железнодорожных путей [2].

Наиболее опасными местами на железной дороге являются:

– контактная сеть;
– трансформаторные подстанции;
– железнодорожные мосты и тоннели;
– районы проведения ремонтных работ.

Статистические данные свидетельствуют о значительной социальной значимости проблемы электротравматизма. В структуре производственных травм доля электротравм составляет 0,5-1%. При этом летальность при электротравмах достигает 15% от общего числа случаев.

В Российской Федерации разработана и действует нормативно-правовая база в области электробезопасности, которая включает ряд основополагающих документов. К ним относятся:

– Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»;
– Правила устройства электроустановок (ПУЭ);
– Правила технической эксплуатации электроустановок потребителей (ПТЭЭП);
– Правила по охране труда при эксплуатации электроустановок (утв. Приказом Минтруда России от 15.12.2020 № 903н).

Не менее важную роль играют инструкции по охране труда для электротехнического персонала.

В современной производственной среде электротравмы классифицируются на несколько основных видов.

К первой категории относятся травмы, связанные с нарушениями работы электроустановок, при которых возникает электрическая цепь через тело человека.

Вторая категория включает случаи, когда электрическая цепь не формируется, но происходит поражение в результате ожогов, ослепления электрической дугой или падений [2].

Также выделяются смешанные электротравмы, сочетающие различные виды поражений.

Проведя исследование динамики электротравматизма, причин электротравматизма в дистанции электроснабжения можно выявить следующие ключевые проблемы (*рисунок 1*).

Таким образом, предупреждению электротравматизма в дистанции электроснабжения мешает ряд проблем, которых решить пока не удалось.

Такие проблемы как неудовлетворительная организация производства работ и проблемы в обучении и проверке знаний в рамках требований охраны труда, а также нарушения в законодательной базе были выявлены по результатам проведенной проверки после наступления несчастных случаев.

Среди субъективных проблем можно назвать незначительные расходы на предупреждение производственного электротравматизма и низкая эффективность применяемых информационных материалов по предупреждению электротравматизма.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что расходы на предупреждение электротравматизма формируются по каждой дирекции по энергообеспечению отдельно.

Расходы на предупреждение производственного электротравматизма дирекции по энергообеспечению отражены на *рисунке 2.*

Рисунок 1. Проблемы предупреждения электротравматизма в Свердловской дистанции электроснабжения

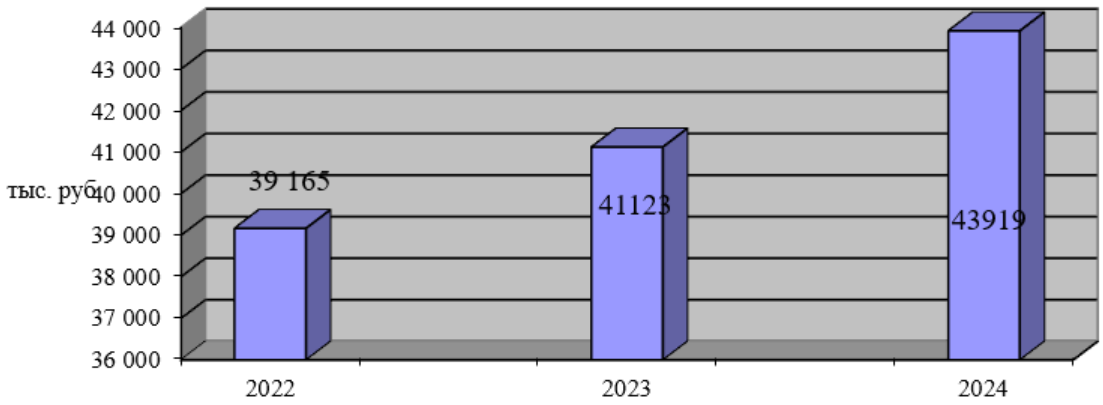

Рисунок 2. Расходы на предупреждение производственного электротравматизма дирекции по энергообеспечению

Важно отметить, что учета по выделенных средствам в разрезе дистанций электроснабжения не ведется, в связи с этим данные представлены в целом по Свердловской дирекции без разбивки по дистанциям.

Анализируя рисунок можно сделать следующий вывод. Расходы на предупреждение электротравматизма имеют ежегодную тенденцию к росту. Если в 2022 году на реализацию мероприятий было направлено 39 165 тыс. руб., то в 2023

году уже 41 123 тыс. руб., соответственно прирост составил 1958 тыс. руб., темп роста составил 5,0%. В 2024 году расходы на предупреждение электротравматизма составили 43 919 тыс. руб., соответственно, к прошлому году расходы выросли на 2796 тыс. руб., в процентном отношении 6,8%.

Несмотря на рост расходов на предупреждение электротравматизма они являются недостаточными.

Доля расходов на предотвращение электротравматизма в общей структуре затрат производственного травматизма не существенна. В 2022 году удельный вес расходов составил 1,5% в общей структуре затрат, в 2023 – 2024 по 1,6%. Соответственно прирост показателя в 2023 к 2022 году составил 0,1, в процентном отношении 6,7%. В 2024 году к 2023 году динамики зафиксировано не было.

Динамика удельного веса расходов по предупреждению электротравматизма дирекции по энергообеспечению отражена на *рисунке 3.*

Также в рамках анализа было выявлено, что расходы на обучение электрического персонала в общей структуре затрат на охрану труда невысокие.

Если в 2022 году они составляли 0,5%, то в 2023 году 0,54%, соответственно прирост составил 0,04, в процентном отношении 8%. В 2024 анализируемый показатель составил 0,6, что больше по отношению к прошлому году на 0,06, в процентном отношении 11,1%.

Динамика удельного веса расходов на обучение электрического персонала дирекции по энергообеспечению отражена на *рисунке 4*.

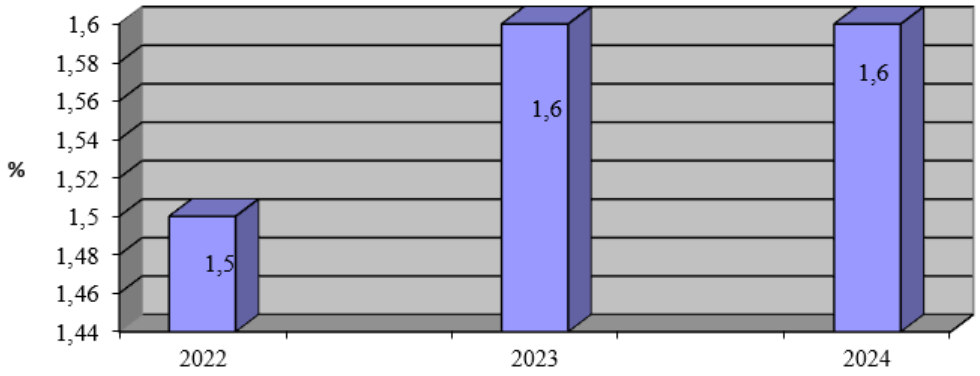

Рисунок 3. Удельный вес расходов на снижение производственного электротравматизма дирекции по энергообеспечению

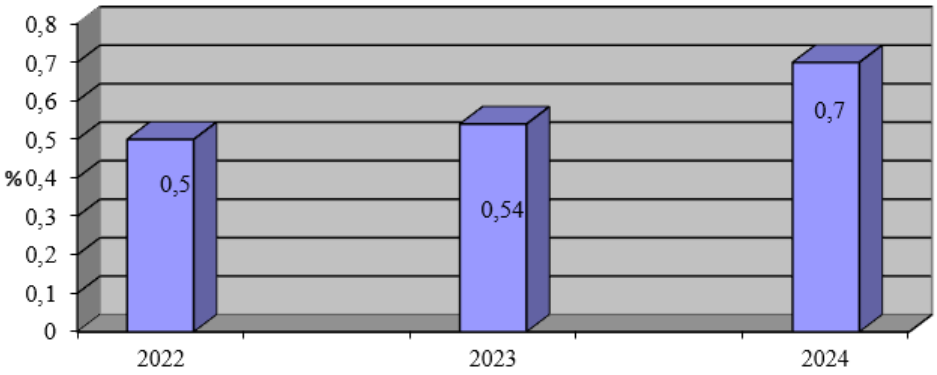

Рисунок 4. Удельный вес расходов на обучение электрического персонала дирекции по энергообеспечению

Низкая эффективность применяемых информационных материалов по предупреждению электротравматизма еще одна субъективная проблема. Данный вывод был сделан на основе опроса, проведенного среди сотрудников электрического персонала дистанции электроснабжения. Сотрудникам был задан вопрос о том, как они оценивают эффективность применения информационных материалов по предупреждению электротравматизма. На поставленный вопрос было предложено четыре ответа «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно».

Структура ответов представлена на *рисунке 5.*

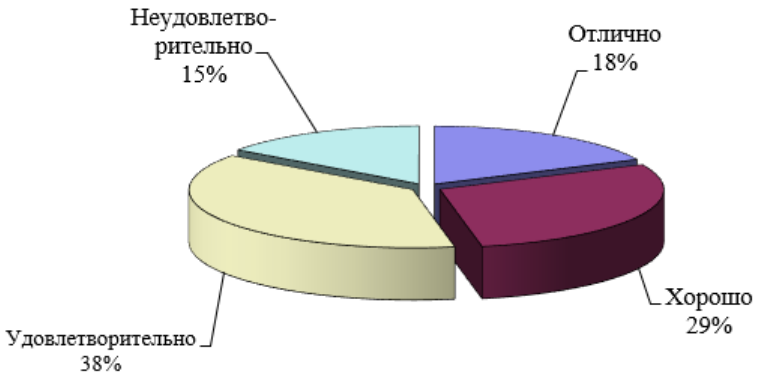

Рисунок 5.Оценка эффективности информационных материалов по предупреждению электротравматизма на дистанции электроснабжения

Из представленного рисунка видно, что 15% сотрудников, принявших участие в опросе, неудовлетворительно оценивают эффективность информационных материалов по предупреждению электротравматизма.

На фоне выявленных проблем важно выработать комплекс мероприятий, которые позволят не только предотвратить производственный электротравматизм, но и получить определенный экономический эффект.

Выводы:

Предупреждению электротравматизма в дистанции электроснабжения мешает ряд проблем, которых решить пока не удалось.

Такие проблемы как неудовлетворительная организация производства работ и проблемы в обучении и проверке знаний в рамках требований охраны труда, а также нарушения в законодательной базе были выявлены по результатам проведенной проверки после наступления несчастных случаев.

Среди субъективных проблем были названы такие проблемы как незначительные расходы на предупреждение производственного электротравматизма и низкая эффективность применяемых информационных материалов по предупреждению электротравматизма.

В дальнейшем важно минимизировать несчастные случаи, а в идеале свести их к полному отсутствию. Добиться этого поможет комплекс мероприятий, который из года в год должен совершенствоваться и отвечать современным требованиям безопасности.

На фоне выявленных проблем важно выработать комплекс мероприятий, которые позволят не только предотвратить производственный электротравматизм, но и получить определенный экономический эффект.

Список литературы:

[1] Электробезопасность: конспект лекций / К. Б. Кузнецов, А. Р. Закирова. – Екатеринбург: УрГУПС, 2021 – 96 с.

[2] Клочкова, Е.А. Охрана труда на железнодорожном транспорте: Учебник для техникумов и колледжей ж.-д. трансп. - М.: Маршрут, 2022 - 412 с.

References:

[1] Electrical safety: lecture notes / K. B. Kuznetsov, A. R. Zakirova. – Ekaterinburg: Ural State Transport University, 2021 – 96 p.

[2] Klochkova, E.A. Occupational safety in railway transport: Textbook for technical schools and colleges of railway transport. - M .: Route, 2022 - 412 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-198-203
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

СПЫЛАЕВ Олег Дмитриевич,
Аспирант, частное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
ORCID ID: 0009-0008-3472-568X,
e-mail: o.spylaev@mail.ru

ВНЕСУДЕБНОЕ БАНКРОТСТВО ГРАЖДАНИНА: АНАЛИЗ ПРЕИМУЩЕСТВ И РИСКОВ УПРОЩЁННОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Аннотация. *В статье рассматривается эффективность процедуры внесудебного банкротства граждан, анализируется такие проблемы как невозможность обжалования результатов процедуры после завершения, недостаточное информирование кредиторов о введении процедуры внесудебного банкротства, недостаточная компетентность многофункционального центра для принятия решения об освобождении от долгов и отсутствие механизма контроля за действиями должника. Целью исследования является выявление преимуществ и рисков упрощенной процедуры, а также разработка мер по совершенствованию механизма защиты прав кредиторов. В результате исследования выявлено, что процедура внесудебного банкротства частично решает задачу разгрузки арбитражных судов, но не обеспечивает достаточной защиты кредиторов в связи с формальным подходом к проверке должника и отсутствием полноценного контроля, что создает риск злоупотребления правом. В качестве решения указанной проблемы предлагается закрепить обязанность МФЦ собирать расширенные сведения об имуществе должника и передавать их кредиторам. Такое изменение будет эффективно в случае формирования кредиторов более активной позиции по делу о банкротстве.*

Ключевые слова: *банкротство, внесудебное банкротство, должник, кредиторы, злоупотребление правом, недобросовестность, защита прав, упрощенность.*

SPYLAEV Oleg Dmitrievich,
Postgraduate student,
Private educational institution of higher education “Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics”

OUT-OF-COURT BANKRUPTCY OF A CITIZEN: ANALYSIS OF THE ADVANTAGES AND RISKS OF THE SIMPLIFIED PROCEDURE

Annotation. *The article examines the effectiveness of the out-of-court bankruptcy procedure for individuals, and analyzes such issues as the inability to appeal the results of the procedure after its completion, insufficient information provided to creditors about the introduction of the out-of-court bankruptcy procedure, the lack of competence of the multifunctional center to make a decision on debt relief, and the absence of a mechanism for monitoring the actions of the debtor. The purpose of the study is to identify the advantages and risks of the simplified procedure, as well as to develop measures to improve the mechanism for protecting the rights of creditors. As a result of the study, it was revealed that the out-of-court bankruptcy procedure partially solves the problem of unloading arbitration courts, but does not provide sufficient protection for creditors due to the formal approach to the debtor’s verification and the lack of full-fledged control, which creates a risk of abuse of the right. As a solution to this problem, it is proposed to establish the obligation of the MFC to collect extended information about the debtor’s property and provide it to creditors. This change will be effective if creditors take a more active stance in the bankruptcy case.*

Key words: *bankruptcy, out-of-court bankruptcy, debtor, creditors, abuse of rights, unfairness, protection of rights, simplification.*

Процедура внесудебного банкротства, введенная в 2020 г., показала довольно скромные результаты по числу обращений, не став эффективным средством снижения нагрузки на арбитражные суды и освобождения от долгов. По данным статистического бюллетеня Федресурса за 2020 г. возбуждена 1 791 процедура, за 2021 г. – 4 661, за 2022 г. – 7 103, за 2023 – 15 892 [1].

Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 04.08.2023 N 474-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» существенно переработавшего процедуру в т.ч. повысив порог задолженности и добавив новые основания для обращения. В 2024 г. наблюдается значительный рост числа заявлений: 55 652, что составляет 350 % по сравнению с предыдущим годом [1]. Учитывая повысившуюся доступность и упрощенность, такой рост представляется вполне обоснованным.

Упрощенность процедуры внесудебного банкротства гражданина заключается в отсутствии субъектов контроля: суда и финансового управляющего, необходимости взаимодействия с ними (напр. подготовка пояснений, ответов на запросы, посещение судебных заседаний), меньшим объемом предоставляемых документов, меньшим по сравнению с судебными процедурами сроками проведения, отсутствии мероприятий по выявлению имущества и оценки поведения должника.

Упрощенность, с одной стороны, содержит в себе преимущества, с другой стороны несет риски для правопорядка и защиты интересов кредиторов. Целью исследования является выявление и анализ указанных аспектов, разработке предложений по снижению уровня риска.

Преимущества заключаются, главным образом, в бесплатности процедуры, что делает ее более доступной для граждан и в снижении нагрузки на арбитражные суды путем переноса дел, в которых потенциальная удовлетворённость требований кредиторов составляет 0%. При расчете доли внесудебного банкротства от общего количества банкротных дел с участием граждан за 2024 г. составляет 10,34 %, а за 2025 г. 10,12 %. Определенный результат, для которой предназначен институт внесудебного банкротства достигнут, однако на фоне 73% с «0» удовлетворением требований в 2024 г. и 73 % в 2025 году такой результат является достаточно скромным [1].

В научном сообществе активно обсуждаются вопросы, связанные с применением процедуры внесудебного банкротства и вытекающими из этого проблемами.

Невозможность обжалования результатов процедуры после завершения

На проблему обжалования уже завершённой процедуры внесудебной процедуры банкротства обращает внимание К.Д. Агатов [2, с. 363]. Основной механизм защиты прав кредиторов при внесудебном банкротстве установлен статьей 223.5 Закона о банкротстве предусматривает возможность обращения кредитора с заявлением о признании гражданина банкротом в судебном порядке. Однако после завершения шестимесячной процедуры и освобождения гражданина от обязательств механизмы оспаривания этих результатов прямо не урегулированы в параграфе, посвященному внесудебному банкротству.

Анализ судебной практики позволяет говорить о двух используемых способах защиты кредиторами своих прав.

Первый заключается в предъявлении требований о признании незаконными и необоснованными действия МФЦ в части введения/завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина [3,4]. Полагаем, что такой способ не является эффективным, поскольку МФЦ осуществляет проверку соответствие заявления и гражданина формальным требованиям, предъявляемым ст. 223.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и не наделен обязанности по выявлению имущества гражданина, оценке его поведения на предмет добросовестности. Соответственно, основанием для заявления о признании незаконными действий МФЦ должно является несоблюдение именно формальных требований, а не подозрение в сокрытии имущества, ином недобросовестном поведении. В связи этим, полагаем более предпочтительным второй способ защиты, заключающийся в предъявлении требования о неприменении положений об освобождении гражданина от обязательств по основаниям, указанным в п. 4 статьи 213.28 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5].

Недостаточное информирование кредиторов о введении процедуры внесудебного банкротства

Проблема отсутствия информирования кредиторов поднимается М.А. Гусейский, отмечая необходимость кредитору занимать активную позицию, отслеживая факты подачи должником заявления на банкротство, а также необходимость внесения изменений в действующего правовое регулирование посредством закрепления обязанности по направлению уведомлений должником или МФЦ [6, с.31].

Стоит согласиться с позицией М.А. Гусейским, уведомление кредитор имеет важную роль в возможности осуществления защиты прав и

интересов. Проводя аналогию с судебными процедурами банкротства гражданина, кредитор получает уведомление о процедуре от самого должника, при подаче заявления на банкротство, от арбитражного суда, при введении процедуры банкротства и финансовым управляющим. Отсутствие необходимости уведомления в рамках внесудебного банкротства на этом фоне кажется упущением законодателя. В этом можно усмотреть определенную логику, учитывая, что от кредитора не требуется совершения активного действия: подачи заявления о вступлении в реестр требований кредитора. При разрешении спора о включении в реестр требований кредиторов при пропуске срока ввиду неполучения уведомления правоприменительная практика также основывается на публичности сведений о банкротстве, возможности получить ее, обращаясь в том числе к Единому федеральному реестру сведений о банкротстве при должной степени заботливости и осмотрительности [7].

Упрощенность процедуры внесудебного банкротства в этой связи заключается в упрощении делопроизводства, отсутствии излишней обязанности по уведомлению в виду открытого реестра сведений. Подходя с позиции проявления должной степени заботливости и осмотрительности, кредитор будет проявлять все доступные средства для взыскания задолженности и получения необходимой информации в целях удовлетворения своих интересов.

Недостаточная компетентность многофункционального центра для принятия решения об освобождении от долгов

Проблему недостаточной компетенции многофункционального центра в вопросе освобождения от долгов поднимает А.В. Подпоркина, предлагая создать в рамках МФЦ «новое окно» со специалистом в сфере банкротства, который будет осуществлять анализ деятельности должника [8, с. 208].

При таком подходе, полагаем, что создание «нового окна» будет недостаточным шагом в решении проблемы. Необходимо также изменение системы норм, предусматривающих внесудебное банкротство гражданина, поскольку в настоящее время, она носит формальный характер, заключающийся в простом соответствии гражданина основаниям для обращения.

Формальный подход изначально и предусматривался законодателем, в правоприменительной практике неоднократно отмечается отсутствие в задачах МФЦ проверки недобросовестности поведения гражданина и выявления оснований для неосвобождения от обязательств [9;10;11].

Также, создание «нового окна» потребует дополнительного финансирования на создание рабочего места. Например, вакансия специалиста МФЦ в г. Вологде, предусматривает заработную плату в размере 35 000 до 47 000 рублей [12]. Вакансии юриста по банкротству, в качестве примера составляет 80 000 руб. [13] на момент проведения. Таким образом, наем специалиста по банкротству в МФЦ потребует большего финансирования, по сравнению с обычным специалистом, либо не вакансия не будет обладать конкурентными преимуществами на рынке труда.

В связи с этим, полагаем предпочтительным подход, в котором МФЦ выступает, как орган, собирающий информацию о гражданине, посредством запросов в органы государственной власти, в непосредственную работу по оценку поведения должника осуществляется кредиторов, который будет описан более детально далее.

Отсутствие механизма контроля за действиями должника

В рамках судебного производства по делам о банкротстве контроль за действиями должника реализуется тремя институциональными субъектами: финансовым управляющим, арбитражным судом и конкурсными кредиторами. К функциям финансового управляющего относится выявление имущества должника, в том числе посредством запросов в отношении активов супруги и детей, проведение комплексного анализа финансового состояния должника и выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства. Арбитражный суд разрешает вопросы о введении и прекращении процедуры банкротства, рассматривает обособленные споры, запрашивает необходимые пояснения у должника, (например, о целях расходования денежных средств), дает оценку поведения должника, в том числе о наличии признаков злоупотребления правом.

В отличие от судебного порядка, внесудебная процедура банкротства характеризуется отсутствием перечисленных субъектов и их функциональных полномочий. Это приводит к существенному ослаблению механизмов контроля над должником, что затрудняет объективную оценку его поведения как на этапе, предшествующем инициированию процедуры, так и в ходе её реализации, создаёт риски злоупотребления правами со стороны должника (например, сокрытие имущества, искажение сведений о доходах), снижает уровень защищённости законных интересов кредиторов.

Как отмечалось выше, многофункциональный центр проводит формальную оценку соответствия требованиям и не наделен функциями, по оценке поведения должника. В связи с чем

единственным субъектом осуществляющий контроль за должником является кредитор. Вместе с тем, он не обладает необходимыми полномочиями (например, как у финансового управляющего в судебной процедуре). для выявления имущества и направления запросов в государственные органы. Это приводит к существенному дисбалансу интересов кредиторов и должника, а также затрудняет защиту прав кредиторов от неправомерных действий со стороны должника.

Решение указанной проблемы видится либо в необходимости кредитору занимать более активную позицию, либо в предоставлении возможности для самостоятельного анализа поведения должника.

Примером первого подхода может служить дело № А76-21044/2021, в котором кредиторы выявили сокрытие должником значительных доходов от осуществления юридической деятельности при анализе сведений из открытых источников, исходя из количества дел, в которых должник участвовал в качестве представителя [14]. Данное дело, скорее демонстрирует исключение из правила, поскольку доходы от деятельности часто не распространяются в открытых источниках, например, при неофициальном трудоустройстве, от деятельности в качестве самозанятого при декларировании не всех доходов, при осуществлении расчетов в наличной форме. Однако, данное дело демонстрирует, что такая возможность выявления кредитором недобросовестного поведения должника существует при занятии действительно активной позиции.

Второй подход заключается в внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» направленными на закреплении обязанности Многофункционального центра в порядке межведомственного взаимодействия получать информацию о зарегистрированном за должником имуществе за 3-х летний период, предшествующих обращению гражданина с заявлением о банкротстве, о депозитных и брокерских счетах должника, с последующим запросом в банки о наличии остатков на депозитных счетах, и акциях, облигациях на брокерских счетах, и предоставлять указанную информацию кредиторам для ознакомления, обеспечив возможность для выявления имущества и оспаривания сделок. Данные изменения создадут возможность оценки для кредиторов, однако, как и при первом подходе решающее значение будет иметь интерес кредитора в анализе.

Такой подход позволит не перегружать регистрирующие органы запросами о зарегистрированном имуществе, как это наблюдается, например, в судебной процедуре банкротства, когда перед подачей заявления запрос направляет должник, затем финансовый управляющий в рамках своих полномочий и в некоторых случаях суд. При таком подходе орган вынужден отвечать на три однотипных запроса. С другой стороны, это позволит заинтересованным кредиторам самостоятельно проанализировать финансовое положение должника и защитить свои интересы.

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. В сравнении с судебным порядком, внесудебная процедура банкротства характеризуется следующими упрощениями: исключаются субъекты контроля (арбитражный суд, финансовый управляющий), сокращается объём представляемых документов и сроки реализации, не является обязательны проведение процедур выявления имущества и анализа поведения должника;
2. Преимущества процедуры заключаются в снижении нагрузки на арбитражные суды, упрощении документооборота, сокращении временных затрат повышении доступности для граждан;
3. Риски внесудебной процедуры банкротства связаны с отсутствием эффективного контроля за действиями должника, что влечет возможность сокрытия имущества и злоупотребления правом, недостатком условий для защиты прав и интересов кредиторов.
4. В целях обеспечения баланса интересов должника и кредиторов требуется совершенствование механизма контроля за действиями должника.

В настоящее время институт внесудебного банкротства гражданина не обеспечивает должного баланса между упрощенностью процедуры и защитой прав и интересов кредиторов. Формирование активной позиции кредитора, заключающейся в отслеживании опубликованных сведений о банкротстве граждан, выявлению имущества и анализе поведения на предмет добросовестности в сочетании с созданием условиям для этого, путем внесения законодательных изменений направленными на закреплении обязанности Многофункционального центра получать информацию о зарегистрированном за должником имуществе, позволит повысить эффективность института внесудебного банкротства гражданина.

Список литературы:

[1] Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025. [Электронный ресурс]: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (Дата обращения: 13.05.2026)

[2] Агатов К. Д. Актуальные проблемы процедуры внесудебного банкротства граждан // Образование и право. 2021. №9. С. 362-364.

[3] Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 22.04.2026 г. по делу № А07-2124/2026 [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c0320aaa-ddef-4095-b2c7-226e6ff618dd/33643c51-d967-43f5-86f9-5726dc823767/A07-2124-2026_20260422_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 13.05.2026)

[4] Решение Арбитражного суда Кировской области от 25.03.2026 г. по делу № А28-12501/2025 [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9495e704-5763-4e97-96aa-f955b6c0945e/e3e4702e-9cd7-487a-b0c0-5e5a8f169c03/A28-12501-2025_20260325_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 13.05.2026)

[5] Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 26.08.2025 г. по делу № А75-2210/2025. [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/37e8f028-c438-4382-a74d-d3e5f363eaa3/f320f535-1f05-4eb4-b859-48b7274c35bb/A75-2210-2025_20250826_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 13.05.2026).

[6] Гусевской М.А. Проблемы защиты прав кредиторов при внесудебном банкротстве гражданина // Право и управление. 2024. №7. С. 30-32.

[7] Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2022 г. по делу № А71-12384/2021. [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/arbitral/doc/TdTkqq5zhcUt/?ysclid=mp1ovdoysu9330170 (Дата обращения: 13.05.2026).

[8] Подпорина А.В. Проблемы внесудебной процедуры банкротства // Вопросы российской юстиции. 2025. №36. С. 202-211.

[9] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.04.2025 № Ф08-1689/2025. [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbcecec2-e590-4b10-a79f-c62be71ad19b/4fda9e9c-ef00-4ff8-a137-ea82fd5b010d/A32-55890-2024_20250429_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 13.05.2026).

[10] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2025 № 15АП-3957/2025. [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1fb3fea-8ea3-4de2-beca-c2b1200ba1c4/e99da5a8-6f97-40fb-8e85-65a1a0627a1e/A01-1547-2024_20250512_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 13.05.2026).

[11] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2025 № 18АП-4924/2025. [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c6b94ba3-8b4f-49a7-954c-cb2323d4fde0/10f492d4-aeca-4576-ba05-524e9f1d0b2b/A34-231-2025_20250827_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения: 13.05.2026).

[12] Вакансии. // МКУ «Вологодский городской МФЦ» [Электронный ресурс]: https://vologda.mfc35.ru/site/%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%B8/ (Дата обращения: 13.05.2026)

[13] Юрист по банкротству/ помощник арбитражного управляющего. // HH.ru [Электронный ресурс]: https://cherepovets.hh.ru/vacancy/132933238?query=%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&hhtmFrom=vacancy_search_list (Дата обращения: 13.05.2026).

[14] Определение Арбитражного суда Челябинской области по делу № А76-21044/2021 от 22.09.2022 г. [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f9add624-ffb9-4659-bc11-10e95298c751/23c311bc-f3f0-461e-abcc-6619fbd8e8df/A76-21044-2021_20220922_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения 13.05.2026).

References:

[1] Bankruptcy in Russia. Fedresurs statistical bulletin. Results 2025. [E-resource]: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (Accessed: 13.05.2026)

[2] Agatov K. D. Actual problems of the procedure of extrajudicial bankruptcy of citizens//Education and law. 2021. №9. S. 362-364.

[3] Decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated 22.04.2026 in case No. A07-2124/2026 [Electronic resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c0320aaa-ddef-4095-b2c7-226e6ff618dd/33643c51-d967-43f5-86f9-5726dc823767/A07-2124-2026_20260422_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Date of appeal: 13.05.2026)

[4] Decision of the Arbitration Court of the Kirov Region dated 25.03.2026 in case No. A28-12501/2025 [Electronic Resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9495e704-5763-4e97-96aa-f955b6c0945e/e3e4702e-9cd7-487a-b0c0-5e5a8f169c03/A28-12501-2025_20260325_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (Date of Appeal: 13.05.2026)

[5] Decision of the Arbitration Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra dated 26.08.2025 in case No. A75-2210/2025. [Electronic resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/37e8f028-c438-4382-a74d-d3e5f363eaa3/f320f535-1f05-4eb4-b859-48b7274c35bb/A75-2210-2025_20250826_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Accessed on: 13.05.2026).

[6] Gusevskaya M.A. Problems of protecting the rights of creditors in the out-of-court bankruptcy of a citizen//Law and management. 2024. №7. S. 30-32.

[7] Ruling of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated September 22, 2022 in case No. A71-12384/2021. [Electronic resource]: https://sudact.ru/arbitral/doc/TdTkqq5zhcUt/?ysclid=mp1ovdoysu9330170 (Accessed on: 13.05.2026).

[8] A.V. Podporina. Problems of out-of-court bankruptcy procedure//Issues of Russian justice. 2025. №36. S. 202-211.

[9] Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 29.04.2025 No. F08-1689/2025. [Electronic resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbcecec2-e590-4b10-a79f-c62be71ad19b/4fda9e9c-ef00-4ff8-a137-ea82fd5b010d/A32-55890-2024_20250429_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Accessed on: 13.05.2026).

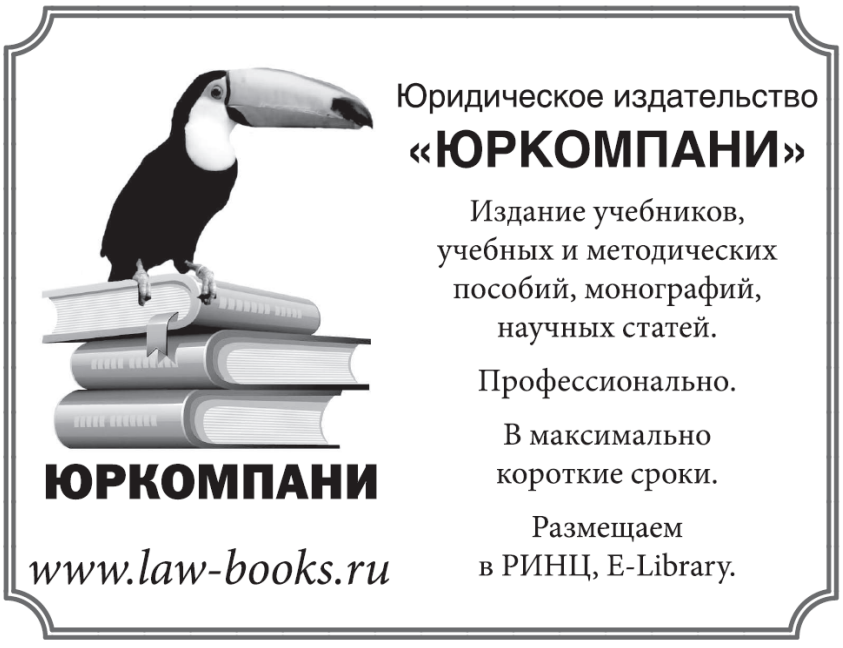
[10] Decision of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 12.05.2025 No. 15AP-3957/2025. [Electronic resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1fb3fea-8ea3-4de2-beca-c2b1200ba1c4/e99da5a8-6f97-40fb-8e85-65a1a0627a1e/A01-1547-2024_20250512_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Accessed on: 13.05.2026).

[11] Ruling of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated 27.08.2025 No. 18AP-4924/2025. [Electronic resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c6b94ba3-8b4f-49a7-954c-cb2323d4f-de0/10f492d4-aeca-4576-ba05-524e9f1d0b2b/A34-231-2025_20250827_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (Accessed on: 13.05.2026).

[12] Vacancies .//MKU “Vologda City MFC” [Electronic resource]: https://vologda.mfc35.ru/site/%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B-D%D1%81%D0%B8%D0%B8/ (Date of appeal: 13.05.2026)

[13] Bankruptcy Lawyer/Assistant Arbitration Manager .// HH.ru [Electronic Resource]: https://cherepovets.hh.ru/vacancy/ 132933238? query =%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&hhtmFrom = vacancy _ search _ list (Accessed on: 13.05.2026).

[14] Determination of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region in case No. A76-21044/2021 dated 22.09.2022 [Electronic Resource]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f9add624-ffb9-4659-bc11-10e95298c751/23c311bc-f3f0-461e-abcc-6619fbd-8e8df/A76-21044-2021_20220922_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Date of Appeal 13.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-204-208

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
Старший преподаватель МИРЭА –
Российский технологический университет,
e-mail: sherlen.new@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БЕЗ СУБЪЕКТА: ГРАНИЦЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ВМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МАШИННОЙ АВТОНОМИИ

Аннотация. *В статье раскрыта проблема кризиса понятия субъекта гражданско-правовой ответственности в условиях использования искусственного интеллекта. Предлагается два пути выхода из сложившейся коллизии. Первый связан с введением юридической фикции, аналогичной конструкции юридического лица, где ИИ будет рассматриваться как самостоятельный субъект с ограниченной правоспособностью, за которым закрепляется либо имущественная масса, либо страховочная конструкция. Второй подход к решению проблемы связан с отказом от институциональной модели ответственности, которая предполагает выстраивание механизмов оценки рисков, стандартов проектирования, процедур аудита и верификации ИИ, при несоблюдении которых ответственность распределяется между участниками цепочки.*

Ключевые слова: *правосубъектность, деликтоспособность, автономия воли, юридическая ответственность, правовое вменение, искусственный интеллект.*

BEGICHEVA Elena Vyacheslavovna,
Senior Lecturer,
MIREA - Russian Technological University

RESPONSIBILITY WITHOUT A SUBJECT: THE BOUNDARIES AND PROSPECTS OF LEGAL IMPUTATION IN THE CONTEXT OF MACHINE AUTONOMY

Annotation. *The article reveals the problem of the crisis of the concept of the subject of civil liability in the context of the use of artificial intelligence. Two ways out of the current conflict are proposed. The first is related to the introduction of a legal fiction, similar to the construction of a legal entity, where AI will be considered as an independent entity with limited legal capacity, which is assigned either a property estate or a safety net. The second approach to solving the problem involves abandoning the institutional model of responsibility, which involves building risk assessment mechanisms, design standards, and audit and verification procedures for AI, in case of non-compliance with which responsibility is distributed among the participants in the chain.*

Key words: *legal personality, delictability, autonomy of will, legal responsibility, legal imputation, artificial intelligence.*

Понятие субъекта ответственности складывалось в рамках развития категории правосубъектности как фундаментального института частного и публичного права. Первоначально право ориентировалось на непосредственное соотношение деяния и личности, обладающей как физическим телом, так и волей, на которую могло быть направлено правовое принуждение. В римском праве ответственность напрямую связывалась с деликтоспособностью, понимаемой как способность лица нести последствия за противоправное деяние.

В отечественной цивилистике правосубъектность традиционно рассматривается как совокупность правоспособности и дееспособности, а последняя, в свою очередь, включает способность к ответственности. Правоспособность и дееспособность в своей связи отражают предельную модель правового существования личности как субъекта права. Именно в рамках этой модели вырабатывались представления о вменяемости, волевой автономии и осознанности поведения как критериях юридического субъекта [1].

Развитие правового регулирования в XIX–XX веках привело к появлению юридических лиц как субъектов права, обладающих признаками правосубъектности без физического тела и личной воли. Юридическое лицо с самого начала понималось как фикция, созданная правом для обеспечения участия коллективных образований в гражданском обороте. Это стало первым шагом в сторону признания «неестественных» субъектов, к которым сегодня пытаются отнести и системы искусственного интеллекта [2].

При этом Е.Н. Мельникова справедливо указывает, что «даже в случае фиктивных субъектов критерии деликтоспособности оставались привязанными к человеческой воле: субъект действовал либо через своих агентов, либо в силу правовой презумпции вины»[3].

Если историко-правовое развитие привело к укоренению конструкции ответственности, основанной на персональной воле, то следующий логический шаг — рассмотреть внутренние параметры, определяющие допустимость правового вменения. Центральными здесь остаются три взаимосвязанных признака: воля, разум и автономия. Именно через эти категории право проводит разграничение между тем, кто может быть субъектом ответственности, и тем, кто остается в статусе объекта правового регулирования.

Традиционное правопонимание основывается на том, что ответственность возможна только при наличии субъекта, обладающего свободой выбора, способного действовать осознанно и предвидеть последствия своих поступков. Воля в этом контексте означает способность к самоопределению, разум — способность к пониманию значения совершаемых действий, а автономия — возможность действовать независимо от внешнего управления. Без совокупности этих признаков лицо не признается способным к правонарушению, а значит и к ответственности.

Вопрос о границах между субъектом и объектом, особенно в свете появления ИИ, рассматривается в работе Ю.В. Забайкина и Д.А. Лунькина, где подчеркивается, что «отсутствие воли и осознанности поведения у систем ИИ делает невозможным их признание в качестве деликтоспособных субъектов». Авторы поднимают проблему подмены категориального различия между субъектом и объектом функциональной аналогией: если ИИ действует как человек, это еще не значит, что он является субъектом [4].

Интересный сдвиг в понимании автономии как признака субъектности прослеживается в зарубежном нормативном регулировании. Так, указ Президента США№ 13960 от 2020 года закрепляет требование к федеральным системам ИИ быть «прозрачными, надежными и подотчетными». В контексте правового вменения это означает замену традиционного критерия автономной воли на критерии технической предсказуемости и управляемости. В таких условиях автономия перестает быть характеристикой внутренней способности к волевому выбору и превращается в свойство архитектуры системы, контролируемой извне [5].

В зарубежном исследовании акцент смещается с морального и психического измерения вины на институциональные и процедурные механизмы атрибуции: «в условиях множественности акторов и распределенного управления вменение требует переноса с индивидуальной фигуры на коллективную систему принятия решений». Таким образом, возникает ситуация, при которой юридическая ответственность привязывается не к внутреннему миру субъекта, а к внешним формам контроля, аудита и верифицируемости поведения [6].

Этот сдвиг подрывает устойчивость классической конструкции субъектности, поскольку право начинает вменять не за счет воли, а на основании связности поведения с нормативно признанной архитектурой. В результате возникают модели распределенной и конструктивной ответственности, в которых субъект, как автономный носитель вины, исчезает, а ответственность — остается в системе.

Если классическая теория субъектности основывалась на триаде воля — разум — автономия, то появление высоко автономных технических систем резко обнажило хрупкость этой конструкции. Право столкнулось с феноменом, который действует во внешнем мире подобно субъекту, но не содержит в себе ни воли, ни цели, ни сознания. Это и стало источником напряжения между категорией ответственности и технической природой действующего агента.

Современные ИИ-системы не обладают субъектной автономией в юридическом смысле. Их действия определяются архитектурой алгоритмов, входными данными и конфигурацией среды. Как отмечается в аналитическом обзоре, посвященном проблеме ответственности ИИ (agent-responsibility gap), «разрыв между действием системы и ответственностью ее создателя или пользователя возникает потому, что сама система не может быть носителем вины, но и единоличное вменение оператору часто лишено основания» [7].

При этом юридическая система не может отказаться от самой идеи ответственности — она необходима для стабилизации последствий, компенсации вреда, предупреждения новых нарушений. Это порождает стремление перенести ответственность либо на того, кто создавал ИИ, либо на того, кто его использовал. Однако такая трансляция вины не всегда правомерна. Как показано

в работе Н.И. Бурака, инженерная ответственность исходит из ошибки в проектировании, но не всегда соотносится с правовой моделью, где требуется наличие субъективной вины или хотя бы нарушения обязанности предвидения. Таким образом, происходит расслоение: технические и правовые системы пытаются приписывать ответственность в разных логиках [8].

Одним из решений, предложенных в научной литературе, стала идея распределенной ответственности, при котором ответственность не фиксируется на одном лице, а размазывается по всей цепи — от разработчика до пользователя, включая этапы конфигурации, обучения модели, поставки данных и т.д. Такая конструкция позволяет юридически охватить весь цикл функционирования ИИ, но одновременно подрывает центральный принцип индивидуального вменения, на котором традиционно строилось право [9].

Возникает ситуация, в которой ответственность уже не является следствием личного выбора, а становится элементом институциональной архитектуры. Субъект исчезает, но необходимость распределения правовых последствий остается. Тем самым рушится универсальность классических критериев субъектности: они оказываются неприменимыми в условиях машинной автономии, в которой воля заменена скриптом, а разум — эвристикой.

Поскольку классические критерии субъектности теряют универсальность в условиях технологической среды, возникает вопрос: можно ли выработать новые формы правового посредничества, которые позволят сохранять институциональный контур ответственности, не прибегая к натуралистическим основаниям? В этой связи особое внимание заслуживает исторический пример — правовая конструкция юридического лица.

Юридическое лицо с момента своего появления представляло собой искусственную категорию: оно не обладает сознанием, не принимает решений волевым путем и не действует физически. Однако право разработало механизмы, позволяющие наделить такую форму субъектностью — через фикции, презумпции и систему представительства. Это позволило интегрировать корпорации в гражданский оборот как полноправных участников, не требуя от них ни воли, ни морали.

На этом основании в литературе высказывается тезис о допустимости аналогичной конструкции в отношении высокоавтономных систем. Иными словами, право, уже имея опыт субъектов-фантазмов, может использовать эту модель повторно — на этот раз в отношении ИИ.

Анализ правовых систем различных стран подтверждает неоднородность подходов. В докладе, подготовленном коллективом под руководством Кутейникова А.В., указывается, что «в странах ЕС предложение о введении электронного лица вызвало резкую реакцию научного сообщества и в итоге было отозвано из проектов директив». Однако в КНР активно формируется институциональная модель, при которой ответственность за действия автономных систем возлагается на оператора в силу юридически установленной презумпции контроля. В США доминирует прагматический подход — субъектом считается лицо, наилучшим образом способное предотвратить вред или компенсировать его [10].

Такая практика показывает, что государственные системы склонны не к поиску философских оснований субъектности, а к функциональной эффективности моделей регулирования. Если юридическое лицо признается субъектом по признаку его правоспособности и необходимости регулирования, то и система ИИ может получить аналогичный статус в целях обеспечения предсказуемости и перераспределения рисков.

Тем не менее, следует учитывать, что в отличие от корпорации, ИИ не имеет ни цели сохранения себя, ни экономической ответственности. Поэтому концепция электронного лица нуждается не в механическом заимствовании, а в адаптации с учетом новых вызовов. Иначе возникает риск имитации субъектности, за которой не последует реального перераспределения вины и компенсации ущерба.

Анализ эволюции понятия субъекта ответственности в праве позволяет зафиксировать фундаментальное противоречие, с которым сталкивается современная юридическая мысль в условиях использования систем искусственного интеллекта. Если традиционная правовая конструкция исходила из предпосылки, что всякое вменение ответственности предполагает наличие субъекта, обладающего как минимум волей и разумом, то сегодня практика показывает иную картину: последствия наступают, ущерб возникает, общественные отношения дестабилизируются — но при этом отсутствует носитель, которому эти последствия можно без остатка приписать.

На протяжении веков юридическая доктрина развивалась в парадигме субъективизации: от физического лица — к юридическому, от вины — к риску, от факта — к норме. Тем не менее, даже в самых абстрактных формах, таких как ответственность юридического лица, сохранялась фикция существования автономной организационной воли, за которой стоял либо коллектив, либо репрезентативный орган. Системы искусственного интеллекта разрывают эту логику: они не являются ни продолжением воли конкретного лица, ни ее носителем, ни даже юри-

дической фикцией, за которой можно однозначно установить устойчивое представительство.

Это приводит к тому, что право оказывается в ситуации, где привычные механизмы атрибуции не работают. Попытка вменить ответственность разработчику оказывается несостоятельной в случае, если система обучалась на непредсказуемом массиве данных. Переложить вину на пользователя — невозможно, если он действовал в рамках нормативных инструкций. Привлечение владельца — лишь косвенная мера, не дающая онтологического обоснования вменения. Таким образом, вся правовая конструкция начинает опираться не на субъект, а на внешние факторы: инфраструктуру, цепочку взаимодействий, уровень предсказуемости и контроля. Это и есть переход к институциональной логике ответственности, в которой субъект уже не является первичным элементом, а замещается сетью функциональных ролей.

Проблема здесь не только в невозможности идентификации виновного. Системы ИИ подрывают саму аксиоматику субъектности как условия легитимного применения юридического санкционирования. Иначе говоря, если в праве изначально действует запрет на привлечение к ответственности того, кто не может быть субъектом, то в случае с ИИ это ограничение начинает работать против интересов правопорядка: вред есть, а субъект — отсутствует. Это создает пространство юридической неопределенности, которое с этической точки зрения представляется недопустимым. Современное право, во многом наследующее морально-религиозные представления о вине, не может долго функционировать в условиях, когда субъект исчезает, а необходимость санкционирования остается.

Отсюда возникают два возможных направления разрешения коллизии. Первое — сохранить субъектную парадигму, введя юридическую фикцию, аналогичную конструкции юридического лица. В рамках такого подхода ИИ будет рассматриваться как самостоятельный субъект с ограниченной правоспособностью, за которым закрепляется либо имущественная масса, либо страховочная конструкция. Этот подход нацелен на восполнение логического пробела и удержание вменения в рамках привычной догмы. Однако он сталкивается с серьезной критикой: отсутствуют основания для признания у ИИ воли, мотива, цели, а значит, и подлинной субъектности.

Альтернативное направление — отказаться от идеи универсального субъекта в пользу институциональной модели ответственности, которая предполагает выстраивание механизмов оценки рисков, стандартов проектирования, процедур аудита и верификации ИИ, при несоблюдении которых ответственность распределяется между участниками цепочки. Именно такой подход представляется наиболее реалистичным в условиях усложняющегося технологического взаимодействия, где границы между субъектом и объектом, действием и условием, умыслом и автоматизмом становятся все менее различимыми.

Таким образом, в настоящее время само понятие «субъект ответственности» требует пересмотра. Оно больше не может служить единственным критерием для вменения, если технические системы приобретают свойства действия, но не личности.

Список литературы:

[1] Правосубъектность граждан в российском праве / Под ред. О.А. Крашенинникова. М.: Статут, 2019.– С. 257.

[2] Филипова, И. А., Коротеев, В. Д. (2023). Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? Journal of Digital Technologies and Law, 1. – С.359.

[3] Мельникова Е.Н. Проблема «разрыва ответственности» в контексте применения искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 104.

[4] Забайкин Ю.В., Лунькин Д.А. Искусственный интеллект: правосубъектность или функциональный объект? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 48. – С. 79.

[5] Executive Order 13960 of December 3, 2020: Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government // Federal Register. Vol. 85, No. 235.

[6] Buiten M., de Streel A., Peitz M. The Law and Economics of AI Liability // Discussion Paper Series – CRC TR 224. – 2022. – No. 371. – Project B 05. – Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Universität. P. 3.

[7] Asaro P. The Liability Problem for Autonomous Artificial Agents // Proceedings of the Twenty-Fifth AAAI Conference on Artificial Intelligence. San Francisco: AAAI Press, 2011. P. 13.

[8] Н. И. Бурак // Правовое регулирование отношений, возникающих в связи развитием цифровой экономики : сб. ст. межвуз. круглого стола с междунар. участием, Минск, 27 октября 2022 г. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 29.

[9] Channon M. Automated and Electric Vehicles Act 2018: An Evaluation in light of Proactive Law and Regulatory // European Journal of Law and Technology. – 2019. – Т. 10, № 2. P. 4.

[10] Кутейников Д. Л. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского государственного университета. 2022. Том 8. № 1. – С. 11.

References:

[1] Legal personality of citizens in Russian law/ Ed. O.A. Krasheninnikov. M.: Statute, 2019.- S. 257.

[2] Filipova, I. A., Koroteev, V. D. (2023). The future of artificial intelligence: object or subject of law? Journal of Digital Technologies and Law, 1. - S.359.

[3] Melnikova E.N. The problem of “responsibility gap” in the context of the use of artificial intelligence//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. № 42. S. 104.

[4] Zabaykin Yu.V., Lunkin D.A. Artificial intelligence: legal personality or functional object ?//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 48. - S. 79.

[5] Executive Order 13960 of December 3, 2020: Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government // Federal Register. Vol. 85, No. 235.

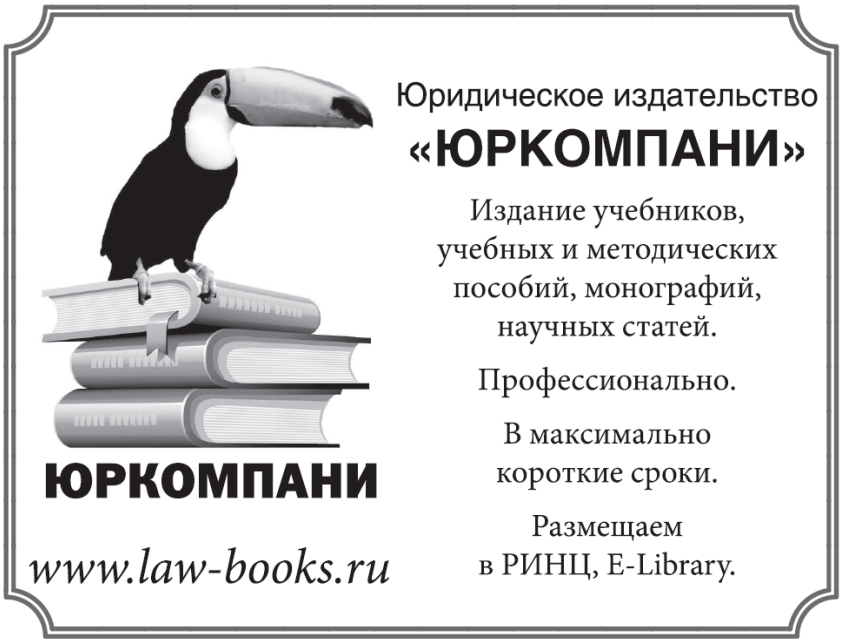
[6] Buiten M., de Streel A., Peitz M. The Law and Economics of AI Liability // Discussion Paper Series – CRC TR 224. – 2022. – No. 371. – Project B 05. – Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Universität. P. 3.

[7] Asaro P. The Liability Problem for Autonomous Artificial Agents // Proceedings of the Twenty-Fifth AAAI Conference on Artificial Intelligence. San Francisco: AAAI Press, 2011. P. 13.

[8] N.I. Burak//Legal regulation of relations arising in connection with the development of the digital economy: Sat. Art. inter-university. round table with international participation, Minsk, October 27, 2022 - Minsk: BGEU, 2022. - S. 29.

[9] Channon M. Automated and Electric Vehicles Act 2018: An Evaluation in light of Proactive Law and Regulatory // European Journal of Law and Technology. – 2019. - T. 10, NO. 2. P. 4.

[10] Kuteinikov D. L. Key approaches to the legal regulation of the use of artificial intelligence systems//Bulletin of Tyumen State University. 2022. Volume 8. № 1. - S. 11.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-209-212
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ГРИГОРЬЕВ Олег Евгеньевич,
студент 2 курса магистратуры ВШЮиСТЭ ГИ СбПУ,
e-mail: ole.grigoriew@yandex.ru

КОСТИНА Екатерина Сергеевна,
студентка 2 курса магистратуры ВШЮиСТЭ ГИ СбПУ,
e-mail: kostinakaterina7@inbox.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ СПОСОБОВ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ И ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА ПО УПРАВЛЕНИЮ АВТОРСКИМИ И СМЕЖНЫМИ ПРАВАМИ

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ двух ключевых институтов отечественного гражданского права, опосредующих оборот исключительных прав. На основе системного толкования норм части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации исследуется специфика индивидуального распоряжения интеллектуальной собственностью в рамках договора коммерческой концессии и особенности коллективной модели лицензирования через аккредитованные организации. Автор выявляет правовую природу дуализма этих механизмов, анализирует проблемы их пересечения в реальной правоприменительной практике сетевого бизнеса и предлагает подходы к минимизации коллизий между частноправовой автономией сторон и императивными правилами коллективного управления.*

Ключевые слова: *исключительное право, распоряжение исключительным правом, коммерческая концессия, лицензионный договор, коллективное управление правами, организация по коллективному управлению правами, товарный знак, авторское право.*

GRIGORIEV Oleg Evgenievich,
2nd year graduate student
at the Higher School of Economics, SbPU

KOSTINA Ekaterina Sergeevna,
2nd-year graduate student
at the Higher School of Economics, SbPU

REGULATION OF METHODS OF DISPOSING OF EXCLUSIVE RIGHTS ON THE EXAMPLE OF A COMMERCIAL CONCESSION AGREEMENT AND A LICENSE AGREEMENT FOR THE MANAGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Annotation. *The article conducts a comparative legal analysis of two key institutions of domestic civil law that mediate the turnover of exclusive rights. Based on a systematic interpretation of the norms of part four of the Civil Code of the Russian Federation, the specifics of individual disposal of intellectual property within the framework of a commercial concession agreement and the features of a collective licensing model through accredited organizations are investigated. The author reveals the legal nature of the dualism of these mechanisms, analyzes the problems of their intersection in the actual law enforcement practice of network businesses and proposes approaches to minimizing conflicts between the private law autonomy of the parties and the imperative rules of collective management.*

Key words: *exclusive right, disposal of exclusive right, commercial concession, license agreement, collective rights management, collective management organization, trademark, copyright.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена наличием глубинного правового дуализма между индивидуальным порядком распоряжения исключительными правами, лежащим в основе франчайзинга, и коллективным механизмом их реализации, осуществляемым аккредитованными организациями. В доктрине гражданского права и правоприменительной практике до сих пор остаются дискуссионными вопросы о границах ответственности сторон концессионного соглашения, правомерности включения объектов коллективного управления в периметр индивидуальных договоров и механизмах предупреждения правовых рисков.

Целью настоящей статьи является комплексный теоретико-практический анализ соотношения и взаимодействия индивидуального и коллективного способов распоряжения исключительными правами на примере договора коммерческой концессии и лицензионного договора, заключаемого организациями по коллективному управлению правами. Исходя из заявленной цели можно выделить следующие основные задачи статьи: исследовать специфику индивидуального распоряжения интеллектуальной собственностью в рамках договора коммерческой концессии; изучить особенности коллективной модели лицензирования, осуществляемой через аккредитованные организации по управлению авторскими и смежными правами; выявить правовую природу дуализма данных механизмов распоряжения исключительными правами; разработать и предложить подходы к минимизации коллизий, возникающих между автономией сторон по договору коммерческой концессии и императивными правилами коллективного управления.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частно-научных методов познания, а именно метод системно-структурного анализа, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, анализ актуальных позиций высших судебных инстанций, позволивший выявить реальные векторы развития правоприменения.

Основная часть

Модернизация экономических отношений и поступательное развитие гражданского оборота в Российской Федерации предопределяют усложнение правовых конструкций, направленных на коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. В условиях современного рынка субъекты предпринимательской деятельности всё чаще используют комплексные модели интеграции нематериальных активов, среди которых центральное место занимает договор коммерческой концессии. Данный правовой институт, урегулированный главой 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), выступает эффективным правовым инструментом для масштабирования бизнеса, позволяя пользователю выступать в гражданском обороте под маской правообладателя [5, с. 486]. Вместе с тем функционирование коммерческих сетевых структур неизбежно сталкивается с необходимостью использования объектов авторского и смежных прав, легальный оборот которых во многих случаях обеспечивается не напрямую их создателями, а через специализированные институты коллективного управления.

В соответствии со ст. 1027 ГК РФ, договор коммерческой концессии по своей юридической природе является взаимным, возмездным и консенсуальным соглашением, по которому одна сторона обязуется предоставить другой стороне комплекс принадлежащих ей исключительных прав [4, с. 769]. Ключевой доктринальной особенностью этой конструкции является ее комплексный характер и опора на классический принцип индивидуального распоряжения, закрепленный в ст. ст. 1229 и 1233 ГК РФ [1, с. 984]. Индивидуальный механизм предполагает, что конкретный правообладатель по своей воле и в своем интересе определяет параметры использования принадлежащих ему объектов, конструируя уникальные условия для каждого пользователя, что полностью соответствует принципу свободы договора и частноправовой автономии сторон.

Совершенно иную правовую природу демонстрирует институт коллективного управления авторскими и смежными правами, регламентируемый ст. 1242–1244 ГК РФ. Данный механизм создавался как правовой ответ на невозможность практического осуществления авторами и исполнителями своих прав в индивидуальном порядке при массовом использовании произведений, например, при их публичном исполнении в местах розничной торговли или общественного питания. В рамках этой модели организации по коллективному управлению правами (далее - ОКУП) наделяются полномочиями на заключение лицензионных договоров с пользователями от имени неопределенного круга правообладателей, включая тех, с кем у организации не заключены прямые договоры об управлении правами, если организация имеет государственную аккредитацию [3, с. 130]. Лицензионный договор, заключаемый ОКУП, по своему характеру приближается к договору присоединения, поскольку его условия и тарифы носят унифицированный характер и утверждаются самой организацией, что существенно ограничивает диспозитивность, свойственную индивидуальному лицензированию.

Точкой практического соприкосновения и потенциального конфликта этих двух моделей выступает деятельность конечного пользователя по договору коммерческой концессии. Открывая предприятие под известным товарным знаком правообладателя, пользователь получает детальные инструкции по оформлению интерьера, стандарты обслуживания и зачастую требования к музыкальному или видеосопровождению коммерческого пространства. С точки зрения предпринимательской логики, уплата вознаграждения правообладателю должна полностью легализовать функционирование бизнес-единицы. Однако системный анализ гражданского законодательства указывает на то, что правообладатель по договору коммерческой концессии не может уступить пользователю те права, которыми он сам не обладает в индивидуальном порядке. Если музыкальные произведения или фонограммы, используемые в заведении, находятся в сфере расширенной государственной аккредитации ОКУП, пользователь обязан заключить самостоятельный лицензионный договор с соответствующей организацией и выплачивать ей отдельное вознаграждение, независимо от наличия договора концессии.

Правоприменительная практика наглядно иллюстрирует риски, возникающие при игнорировании специфики коллективного управления в сетевых структурах. Невыполнение пользователем обязанности по оформлению отношений с ОКУП влечет за собой применение мер гражданско-правовой ответственности в виде взыскания компенсации за бездоговорное использование объектов интеллектуальной собственности [6, с. 10]. При этом наличие договора коммерческой концессии не освобождает пользователя от ответственности перед авторами и исполнителями, чьи интересы представляют аккредитованные ОКУП. Из этого вытекает важная доктринальная проблема обеспечения юридической чистоты передаваемого по концессионному договору комплекса прав. Правообладатель обязан гарантировать, что использование разработанной им бизнес-модели в строгом соответствии с условиями договора не приведет к нарушению прав третьих лиц.

Особое значение для устойчивости концессионных отношений имеет соблюдение регистрационных процедур. П. 2 ст. 1028 ГК РФ императивно устанавливает, что предоставление права использования комплекса исключительных прав по договору коммерческой концессии подлежит государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатенте). В случае несоблюдения требования о государственной регистрации договор не становится недействительным, он продолжает свое действие, но предоставление права считается несостоявшимся [2, с. 51]. Данный подход нашел отражение в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 41-КГ23-33-К4, где было подчеркнуто, что отсутствие государственной регистрации означает неисполнение правообладателем своей основной обязанности по договору, что порождает у пользователя право требовать расторжения сделки и возмещения убытков в соответствии со ст. 165 ГК РФ.

Разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10, дополняют эту картину, указывая в п. 37, что сам по себе договор коммерческой концессии сохраняет силу для сторон в части их взаимных обязательств и без регистрации, однако для третьих лиц, включая ОКУП и иных участников оборота, предоставление права использования считается несостоявшимся. Данное обстоятельство порождает ситуацию, существенно ослабляющую позицию пользователя. Если в структуре индивидуального управления регистрация служит абсолютным условием признания прав для третьих лиц, то в коллективном управлении действительность лицензионного договора ОКУП связывается исключительно с фактом его заключения и уплаты вознаграждения, не требуя внесения сведений в государственные реестры, что подчеркивает мобильность и массовый характер данного института.

Дополнительные экономические и юридические вызовы для участников франчайзинговых соглашений формируются под влиянием экономических факторов. Выгодность вознаграждения должна рассчитываться с учетом действующей фискальной и денежно-кредитной политики. Повышение основной ставки налога на добавленную стоимость, равно как и удержание ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации на высоком уровне, напрямую влияет на условия о соразмерности неустойки за нарушение платежных обязательств. При рассмотрении споров суды оценивают данные финансовые индикаторы через призму ст. 333 ГК РФ, определяя баланс интересов сторон и соразмерность штрафных санкций последствиям нарушения обязательств. В этих условиях четкое разделение финансовых потоков на оплату индивидуального комплекса прав правообладателю и на выплаты в ОКУП становится критически важным для финансовой стабильности концессионной системы.

Проблема усложняется также в тех случаях, когда правообладатель пытается самостоятельно консолидировать авторские права, например, путем создания уникальных аудио- и видеомате-

риалов для своей сети через договоры авторского заказа. Как показывает практика, недостатки в оформлении отношений с авторами-физическими лицами оставляют исключительное право за его создателем. Это создает скрытые дефекты в титуле правообладателя и делает конечного пользователя уязвимым как для исков со стороны самих авторов, так и для претензий организаций по коллективному управлению, выявивших факт публичного исполнения контента без урегулированных правовых оснований.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что регулирование способов распоряжения исключительными правами в российском гражданском праве характеризуется сочетанием частноправовых диспозитивных и публично-правовых императивных начал. Договор коммерческой концессии, олицетворяющий индивидуальный механизм распоряжения, и лицензионный договор ОКУП, представляющий коллективную модель, выполняют принципиально разные, но взаимодополняющие экономические функции. Коммерческая концессия обеспечивает структурное построение и масштабирование бизнеса, в то время как коллективное управление гарантирует соблюдение прав авторов при массовой эксплуатации их произведений внутри этого бизнеса.

Гармонизация этих институтов в рамках правоприменения требует от участников оборота высокой степени осмотрительности. Правообладатели должны выступать подлинными гарантами юридической чистоты передаваемых бизнес-моделей, что предполагает необходимость превентивного урегулирования вопросов с ОКУП или предоставления пользователям четких алгоритмов взаимодействия с ними. Дальнейшее развитие отечественного законодательства и судебной доктрины должно двигаться по пути повышения прозрачности процедур коллективного управления и усиления ответственности правообладателей за полноту и легитимность передаваемого пользователям комплекса исключительных прав.

Список литературы:

[1] Брагинский М.И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 1055 с.

[2] Вронская, М.В. Форма и государственная регистрация договора коммерческой концессии по законодательству Российской Федерации: актуальные вопросы правоприменения / М.В. Вронская, Л.А. Амарян // Юридические исследования. – 2018. – № 9. – С. 47-55.

[3] Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности. Т.2. Авторское право: Учебник / Л.А. Новоселова. – М.: Статут, 2017. – 367 с.

[4] Сергеев А.П. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 880 с.

[5] Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 606 с.

[6] Шешуков, А.Ю. Цена «сиротского» искусства. О некоторых проблемах в свете изменений авторского права / А. Ю. Шешуков, Е. А. Княжева // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 5(143). – С. 4-12.

References:

[1] Braginsky M.I. Contract Law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services/M.I. Braginsky, V.V. Vitriansky. - 2nd ed., Erased - M.: Statute, 2011. - 1055 s.

[2] Vronskaya, M.V. Form and state registration of a commercial concession agreement under the legislation of the Russian Federation: topical issues of law enforcement/M.V. Vronskaya, L.A. Amaryan// Legal research. – 2018. – № 9. - S. 47-55.

[3] Novoselova L.A. Intellectual Property Law. T.2. Copyright: Textbook/L.A. Novoselova. - M.: Statute, 2017. - 367 p.

[4] Sergeev A.P. Civil law: textbook: in 3 vols. T. 2/E.N. Abramova, N.N. Averchenko, K.M. Arslanov [and others]; ed. A.P. Sergeeva. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Prospect, 2020. - 880 s.

[5] Sukhanov E.A. Civil law: textbook: in 4 volumes/E.A. Sukhanov. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Statute, 2023. - 606 s.

[6] Sheshukov, A.Yu. The price of “orphan” art. About some problems in the light of changes in copyright/A. Yu. Sheshukov, E. A. Knyazheva//Russian law: education, practice, science. – 2024. – № 5(143). - S. 4-12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-213-215
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ХАБИЕВА З.Д.,
Доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А.Кадырова»,
г. Грозный,
e-mail: zeka0708@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация*. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы земельного законодательства, препятствующие эффективному регулированию пользования и охраны земельных участков. Также анализируется современное законодательство Российской Федерации. Отмечаются тенденции развития современного земельного законодательства.*

Ключевые слова*: земельное законодательство, земля, собственность, земельные участки, реформирование земельного законодательства.*

KHABIEVA Z.D.,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
Grozny

ACTUAL PROBLEMS OF LAND LEGISLATION

Annotation*. This article discusses some of the problems of land legislation that hinder the effective regulation of the use and protection of land plots. It also analyzes the current legislation of the Russian Federation. The article notes the trends in the development of modern land legislation.*

Key words*: land legislation, land, property, land plots, reform of land legislation.*

Современное состояние земельного законодательства Российской Федерации характеризуется наличием ряда системных проблем:

– Ключевой является чрезмерная фрагментарность- проявляется в частых изменениях или дополнениях вносимые в нормативные акты. Например, в последние годы были приняты ряд изменений в земельное законодательство, ключевыми из которых являются:

1. уточнение случаев перевода земель из одной категории в другую,
2. закрепление порядка установления и изменения границ сельскохозяйственного угодий;
3. запрет на изъятие для государственных и муниципальных нужд участков сельскохозяйственного назначения в целях добычи полезных ископаемых;
4. закрепление норм о порядке установления, определения и изменения видов разрешенного использования участков, и некоторые другие.

– Противоречивость нормативной базы, порождающая коллизии между Земельным, Гражданским и Градостроительным кодексами, например, противоречие между земельным кодексом и гражданским законодательством в части градостроительного регламента. «П. 2 ст. 85 ЗК РФ устанавливает, что градостроительный регламент территориальной зоны определяет основу правового режима земельных участков». Но ФЗ от 03.07.2016г. №373-ФЗ внес изменения в Гражданский Кодекс РФ, позволяющие утверждать документацию по планировке территории, что противоречит правилам землепользования и застройки. Градостроительный регламент должен быть основой правового режима земель;

– Множество подзаконных актов, что создает правовую неопределенность для участников оборота. Например, подзаконные акты могут детализировать федеральные законы, но при этом не всегда согласованы между собой, что затрудняет применение норм.

Остро стоит вопрос несовершенства механизмов предоставления и изъятия земельных участков, особенно для государственных и муниципальных нужд. Здесь процедуры часто затягиваются из-за бюрократических барьеров, а кри-

терии общественной необходимости остаются размытыми - (например, некоторые участки не имеют установленных границ ввиду отсутствия межевания и это приводит к спорам и снижению инвестиционной привлекательности). [1, С. 55-58.]

Наиболее остро стоит проблема неэффективность института публичных сервитутов и установления ограничений (обременений) прав на землю, в частности в зонах с особыми условиями использования территорий, где отсутствие прозрачных правил компенсации убытков и единого реестра таких зон дестабилизирует рынок недвижимости.

Следует отметить, что значительным тормозом является и нерешенность вопроса о разграничении государственной собственности на землю. Это влечет за собой путаницу в полномочиях между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти при распоряжении участками. Кроме того, отсутствие действенных стимулов для вовлечения в оборот неиспользуемых или заброшенных земель сельскохозяйственного назначения, а также несовершенство механизмов борьбы с их деградацией и зарастанием лесом, усугубляется пробелами в правовом регулировании оборота земельных долей и процедур их выделения.

Также цифровая трансформация земельных отношений идет неравномерно: несмотря на внедрение Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), проблемы его наполнения достоверными сведениями, синхронизации данных с другими информационными системами и обеспечения юридической значимости электронного документооборота остаются нерешенными, что не позволяет в полной мере реализовать принцип «одного окна» и снижает эффективность правоприменения.

Проблемы информационного обеспечения развития земельного законодательства проявляются в совокупности факторов:

Во-первых, наблюдается фрагментарность и несогласованность данных, когда информация о земельных участках, их правовом статусе, кадастровой стоимости и обременениях рассредоточена по разным ведомственным реестрам и базам, что затрудняет формирование объективной картины для законотворчества; [3, С. 42-48.]

Во-вторых, существует нехватка актуальных и достоверных аналитических данных о реальном использовании земель, динамике земельного рынка и эффективности уже принятых законодательных норм, что лишает процесс реформ эмпирической основы;

В-третьих, слабо развита система мониторинга правоприменения, из-за чего законодатели не получают своевременной обратной связи о выявленных коллизиях и зонах, затронутых коррупцией;

В-четвертых, низкая степень цифровизации и открытости земельной информации в ряде регионов, что создает информационную асимметрию, когда органы власти, принимающие решения, и заинтересованные лица (физические и юридические лица) оперируют разными данными;

– Наконец, отсутствует единая методология сбора и интерпретации информации для целей прогнозирования развития земельных отношений, что приводит к принятию ситуативных решений вместо стратегического планирования.

Неэффективное использование земель в России выражается в масштабном дисбалансе между огромным земельным фондом страны и низкой отдачей от его эксплуатации, что проявляется в нескольких ключевых аспектах:

1. Прежде всего, это колоссальные площади заброшенных сельскохозяйственных угодий, которые выбыли из оборота из-за экономической нерентабельности, отсутствия инфраструктуры и неразвитости рынка земли; они зарастают лесом и кустарником, теряя плодородие.
2. Параллельно наблюдается деградация используемых почв из-за нарушения севооборотов, чрезмерного применения химикатов или, напротив, отсутствия удобрений, что ведет к эрозии и снижению урожайности. В городах и пригородах проблема выражается в нерациональном зонировании: (ценные сельхозземли бессистемно застраиваются коттеджными поселками и складами, в то время как внутри городов простаивают огромные площади промышленных зон и пустырей, которые могли бы быть рекультивированы или отданы под жилье и парки.)
3. Добавляет остроты государственный и муниципальный земельный фонд, который часто закреплен за ведомствами, но не используется по назначению.
4. Бесконтрольное самозахватное использование участков без оформления прав на землю, что также приводит к выпадению налоговой базы и хаотичной застройке. [4, С. 4-12.]

В конечном итоге неэффективность складывается из сочетания низкой производительности сельского хозяйства на используемых землях, массового выбытия ресурса из оборота и отсутствия гибкой системы перераспределения участков под актуальные нужды экономики и населения.

Для решения данных проблем, считаю необходимым:

– Развитие механизмов контроля и надзора за соблюдением законодательства. Соответственно необходимо повышение качества работы государственных власти и ответственности за нарушения;
– Усовершенствование земельного законодательства;
– Усиление контроля за пользованием земельными участками;
– Проведение информационных работ среди граждан о правилах и порядке пользования землей.

Комплексный подход для решения существующих проблем в сфере землепользования предполагает реализацию выше указанных взаимосвязанных мер.

Земельное законодательство России характеризуется рядом ключевых тенденций:

1. Усиление принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимости. Это выражается в последовательном переходе к механизмам единого объекта недвижимости и вовлечению в оборот «искусственных земельных участков», создаваемых на водных объектах или в результате комплексного развития территорий.
2. Одновременно наблюдается тенденция к цифровизации и реформе кадастрового учета и регистрации прав, включая внедрение Единого государственного реестра недвижимости, экстерриториального принципа подачи документов и электронных сервисов, что направлено на упрощение процедур и повышение прозрачности оборота земель.
3. Происходит существенная дифференциация правового регулирования с акцентом на функциональное назначение земли: законодательство активно стимулирует комплексное развитие территорий (в том числе в рамках механизма «дальневосточного гектара» и проектов по жилищному строительству), одновременно усиливая защиту особо ценных сельскохозяйственных угодий и ужесточая порядок изъятия земельных участков для государственных нужд, а также требование их целевого использования.
4. Совершенствование механизмов управления земельными ресурсами на уровне муниципалитетов, в том числе через развитие институтов перераспределения земель, предоставления участков без торгов для социально значимых проектов и упрощение процедур оформления прав граждан на садовые и огородные земельные участки.

Список литературы:

[1] Головченко, В. Е. Теоретические проблемы соотношения гражданского и земельного законодательства / В. Е. Головченко // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. - 2010. - N 2. - С. 55-58.

[2] Жариков, Ю. Г. Нормы гражданского права в сфере земельных отношений / Ю. Г. Жариков // Журнал российского права. - 2011. - N 11. - С. 33-39. -

[3] Котельникова, А. Передача земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности: спорные вопросы / А. Котельникова // Корпоративный юрист. - 2012. - № 9. - С. 42-48.

[4] Крассов, О. И. Земельный участок - основа понятийного аппарата земельного права / О. И. Крассов // Экологическое право. - 2011. - N 4. - С. 4-12.

[5] Макеев, П. В. Правовое регулирование вопросов формирования земельных участков под многоквартирными домами на местном уровне / П. В. Макеев // Гражданин и право. - 2011. - N 11. - С. 40-44.

[6] Мельников, Н. Н. Правовое регулирование планировки территории искусственного земельного участка / Н. Н. Мельников // Российская юстиция. - 2012. - № 8. - С. 20-23.

References:

[1] Golovchenko, V. E. Theoretical problems of the ratio of civil and land legislation/V. E. Golovchenko//" Black holes "in Russian legislation. - 2010. - N 2. - S. 55-58.

[2] Zharikov, Yu. G. Norms of civil law in the field of land relations/Yu. G. Zharikov//Journal of Russian Law. - 2011. - N 11. - S. 33-39. -

[3] Kotelnikova, A. Transfer of land plots in state or municipal ownership: controversial issues/A. Kotelnikova//Corporate lawyer. - 2012. - № 9. - S. 42-48.

[4] Krassov, O. I. Land plot - the basis of the conceptual apparatus of land law/O. I. Krassov// Environmental law. - 2011. - N 4. - S. 4-12.

[5] Makeev, P.V. Legal regulation of the formation of land plots under apartment buildings at the local level/P.V. Makeev//Citizen and Law. - 2011. - N 11. - S. 40-44.

[6] Melnikov, N. N. Legal regulation of the planning of the territory of an artificial land plot/N. N. Melnikov//Russian justice. - 2012. - № 8. - S. 20-23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-216-219
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАРТЫНОВА Ольга Олеговна,
студент 2-го курса магистратуры ВШЮиСТЭ ГИ СПБПУ,
e-mail: martynova.oo@edu.spbstu.ru

ШЕМЕЛЬФЕЙНИНГ Марта Денисовна,
студент 2-го курса магистратуры ВШЮиСТЭ ГИ СПБПУ,
e-mail: shemelfejning.md@edu.spbstu.ru

СООТНОШЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ И НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА С ТОВАРНЫМ ЗНАКОМ

Аннотация. *Настоящее исследование посвящено анализу соотношения географического указания, наименования места происхождения товара и товарного знака в системе средств индивидуализации объектов гражданского оборота. Рассматриваются теоретико-правовые основы правовой природы указанных объектов интеллектуальной собственности, а также особенности их нормативного регулирования в российском законодательстве и международно-правовых актах. Особое внимание уделяется положениям части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющим пределы правовой охраны товарных знаков, включающих или воспроизводящих географические указания и наименования мест происхождения товаров. В работе исследуются ключевые критерии разграничения указанных средств индивидуализации, включая наличие ассоциативной связи товара с производителем либо определенной территорией происхождения, а также требования к наличию особых свойств, репутации и характеристик товара. Анализируется современная судебная практика Суда по интеллектуальным правам, связанная с установлением сходства обозначений до степени смешения и определением однородности товаров. Сделан вывод о том, что правовой режим географических указаний и наименований мест происхождения товаров обладает самостоятельной спецификой, обусловленной их территориальной природой и функциональным назначением, что требует дифференцированного подхода при разрешении споров о предоставлении правовой охраны средствам индивидуализации.*

Ключевые слова: *товарный знак, географическое указание, степень смешения, однородность товара, правовая охрана, лицензионный договор, потребитель, свойства.*

MARTYNOVA Olga Olegovna,
2nd year master's student
of the Higher School of Economics,
State Pedagogical University

SHEMELFEINING Marta Denisovna,
2nd year graduate student
of the Higher School of Economics,
State Pedagogical University

CORRELATION BETWEEN THE GEOGRAPHICAL INDICATION AND THE NAME OF THE PRODUCT'S ORIGIN WITH A TRADEMARK

Annotation. *This study focuses on analyzing the relationship between geographical indications, appellations of origin, and trademarks in the system of means of individualization of objects of civil circulation. It examines the theoretical and legal foundations of the legal nature of these intellectual property objects, as well as the specific features of their legal regulation in Russian legislation and international legal acts. Special attention is given to the provisions of Part Four of the Civil Code*

of the Russian Federation, which determine the limits of legal protection for trademarks that include or reproduce geographical indications and appellations of origin. The paper examines the key criteria for distinguishing between these means of individualization, including the presence of an associative link between the product and the manufacturer or a specific territory of origin, as well as the requirements for the product's special properties, reputation, and characteristics. The paper also analyzes the current judicial practice of the Court of Int.

Key words*: trademark, geographical indication, degree of confusion, homogeneity of goods, legal protection, license agreement, consumer, properties.*

Вопросы соотношения географического указания и наименования места происхождения товара с другими средствами индивидуализации обуславливается тенденцией увеличения интереса хозяйствующих субъектов к данным объектам интеллектуальной собственности, что подтверждается ростом числа заявок на их государственную регистрацию.

В Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, под товарным знаком понимается любое обозначение или их сочетание, позволяющие отличить товары и услуги одного предприятия от товаров и услуг других предприятия [1]. Положения статьи 1477 ГК РФ закрепляют, что товарным знаком признается обозначение, посредством которого возможно индивидуализировать товар и, на которое признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством [2]. Как указывает И.В. Бочкова, значение товарного знака в большей степени обусловлено именно выполняемыми им функциями, так как выступает связующей частью между изготовителем продукции и потребителем [3, с. 86]. Справедливой является позиция французского теоретика Т. Лашачински, представленная в исследовании В.С. Никулиной, в соответствии с которой понять предназначение товарного знака возможно посредством выявления его функций, что находит подтверждение в практике Суда справедливости Европейского Союза, решения которого всегда содержат прямое или косвенное упоминание о функциях данного средства индивидуализации [5, с. 12].

Исследуемые средства индивидуализации соотносятся друг с другом по двум основным векторам. В рамках первого речь идет о возможности включения в товарный знак географического указания или наименования места происхождения как неохраняемых элементов. Примером является комбинированный знак с регистрационным номером №452165 «Нарзан». Второй вектор обусловлен возможностью регистрации наименования географического объекта в виде товарного знака, при условии соблюдения законодательно закрепленного требования о том, что у потребителя не возникает ассоциативная связь как с указанием на место изготовления товара. Примером приведем зарегистрированный товарный знак, обладающий различительной способностью, представленный в словесном формате под регистрационным номером №644332 "LUCCA" [7, с. 122].

При этом согласно п. 7 статьи 1483 ГК РФ, не подлежит правовой охране обозначения в качестве товарных знаков, которые включают, воспроизводят или имитируют зарегистрированное географическое указание или наименование места происхождения товара, или же те, что были заявлены на регистрацию ранее даты подачи заявки на товарный знак, в случае когда в основе подаваемых заявлений лежат однородные товары [2].

В данном случае правоприменительная практика демонстрирует наличие множества судебных разбирательств, в большинстве своем обусловленных наличием сходства до степени смешения товарного знака и наименования места происхождения товара: Решение Суда по интеллектуальным права по делу № СИП-551/2020; №СИП-558/2020, №СИП-839/2019 и др. [9;8;10]. Так, в рамках дела №СИП-558/2020 от 16.11.2020, истцом были направлены исковые требования с целью признания недействительным принятого ФИПС решения, согласно которому субъекту было отказано в регистрации товарного знака. Причиной спора выступило наличие сходства между комбинированным обозначением «Камчатский дом» и НМПТ «Камчатская нерка», выданного в отношении товара из рыбного сегмента. Отметим, что при установлении степени смешения товарного знака и спорного обозначения, учитывается наличие не только сходства обозначений, но и степени однородности товаров. Судом учитывается то, какие именно элементы демонстрируют сходство: сильные или же слабые элементы товарного знака и спорного обозначения, при этом для проведения такого рода оценки не требуется специальных знаний [8]. Как следует Решения Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-1168/2023, однородность товаров устанавливается посредством определения принципиальной возможности формирования у потребителя представления о том, что товар принадлежит одному производителю [11]. Отметим, что в рамках данного судебного разбирательства, истцом была предпринята попытка оспорить полученный отказ в регистрации заявленного товарного знака на основании п. 3, 6 и 7 статьи 1483 ГК

РФ. В обоснование отказа Роспатент заявил, что представленный словесный элемент “ALTAY” является наименованием географического объекта в силу чего правовая охрана такого обозначения, испрашиваемого для товаров определенных классов МКТУ, может ввести в заблуждение потребителя в вопросе определения природного происхождения.

Необязательное наличие репутации, является одним из фундаментальных различий между товарным знаком и географическим указанием, в рамках которого законодатель требует наличия особых качеств, репутации и других характеристик товара, связанных с географией его происхождения. Товарный знак, как и географическое указание выступает в качестве средства индивидуализации, при этом последнее связывает товар с определенной территорией, а товарный знак в глазах потребителя связывает товар с конкретным производителем. То есть с позиции потребителя, при приобретении товара в зависимости от географического указания, значимым является то, что он изготовлен именно в пределах конкретной территории и обладает необходимыми характеристиками, при этом производитель играет второстепенную роль. В контексте товарного знака ключевая роль отводится именно наличию связи между товаром и каким именно производителем он был изготовлен [6, с. 86]. Географическое указание в отличие от товарного знака свидетельствует о возникновении у потребителя ассоциативной связи с определенной местностью, а не хозяйствующим субъектом. Как справедливо указывает О.А. Городов, в контексте товарных знаков нет необходимости обращать внимание потребителя на особые свойства товара, за счет применения идентификатора-привязки, так как товар входит в перечень Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков [4, с. 13]. Юридически значимо наличие идентификатора (в рамках идентификационной функции) для географических указаний и наименований мест происхождения товара, что позволяет минимизировать риск включения одно географического указания или места происхождения товара в другое географическое указание и место происхождения товара соответственно.

Таким образом, основополагающим нормативным положением в рамках национального законодательства, позволяющим рассуждать о соотношении правовых режимов географических указаний, наименований мест происхождения товаров с товарным знаком выступает п. 7 статьи 1483 ГК РФ, в совокупности со следующими основными отличительными особенностями: товарный знак формирует у потребителя ассоциативную связь именно с конкретным производителем, при этом географическое указание и наименование места происхождения товара указывают на конкретный географический объект, в пределах которого были сформированы особые характеристики, свойства товара; законодатель предоставляет правообладателю товарного знака право на его полное отчуждение или же передачу иным лицам в пользование в рамках лицензионного договора, что является одним из ключевых отличий географического указания и наименования места происхождения товара от товарного знака; обязательным условием для регистрации географического указания является наличие сформированной репутации, характерного качества товара, что не требуется в рамках процедуры регистрации товарного знака [2].

Список литературы:

[1] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 [Электронный ресурс]: URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231 (дата обращения 20.01.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) [принят Гос. Думой 24.11.2006] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

[3] Бочкова И.В. Товарный знак: значение, функции и новеллы // Интеллектуальная собственность. 2025. № 3. С. 85-89.

[4] Городов О.А. О понятии средств индивидуализации и идентификации по законодательству об интеллектуальной собственности // Предпринимательское право. 2025. № 3. С. 12-15.

[5] Никулина В.С. Правовая защита товарного знака и борьба с недобросовестной конкуренцией. М.: Статут, 2015. 162 с.

[6] Пикулев Е.С. Внешний вид изделия как средство индивидуализации: нюансы охраны // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 2. С. 83-91.

[7] Радецкаая М.В. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 121-131.

[8] Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.11.2020 по делу № СИП-558/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=69130&ysclid=mooa3np67f906467328#ZNckSIVgtmu3SQzw (дата обращения: 29.04.2026).

[9] Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.10.2020 по делу № СИП-551/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SI

P&n=69130&ysclid=mooa3np67f906467328#ZNckSIVgtmu3SQzw (дата обращения: 29.04.2026).

[10] Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.02.2020 по делу № СИП-839/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=58610&ysclid=mosim2ayop623051473#eOR5kIV8oMMp9QMy (дата обращения: 29.04.2026).

[11] Решение Суда по интеллектуальным правам от 23.05.2024 по делу № СИП-1168/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=128434&ysclid=mosio9irsy637750475#X1s5kIV81RD34113 (дата обращения: 29.04.2026).

References:

[1] Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights from 15.04.1994 [Electronic Resource]: URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231 (date of reference 20.01.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended 23.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of the 04.01.2026) [adopted by the State Duma 24.11.2006]//Collection of legislation of the Russian Federation. - 25.12.2006. - No. 52 (1 hour). - Art. 5496.

[3] Bochkova I.V. Trademark: meaning, functions and short stories//Intellectual property. 2025. № 3. S. 85-89.

[4] Cities O.A. On the concept of means of individualization and identification under intellectual property legislation//Business law. 2025. № 3. S. 12-15.

[5] Nikulina V.S. Legal protection of a trademark and fight against unfair competition. M.: Statute, 2015. 162 pp.

[6] Pikulev E.S. Appearance of the product as a means of individualization: nuances of protection//IP. Industrial property. 2025. № 2. S. 83-91.

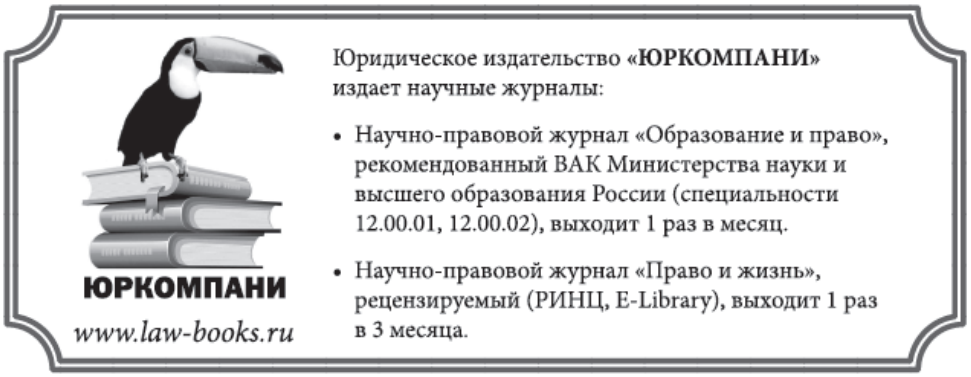
[7] Law enforcement practice on the protection of geographical indication and appellation of origin: analysis of problems and possible solutions//Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2025. № 1 (47). S. 121-131.

[8] Decision of the Intellectual Property Court of 06.11.2020 in case No. SIP-558/2020 [Electronic Resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=69130&ysclid=mooa3np67f906467328#ZNckSIVgtmu3SQzw (access date: 29.04.2026).

[9] Decision of the Intellectual Property Court of 06.10.2020 in case No. SIP-551/2020 [Electronic Resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=69130&ysclid=mooa3np67f906467328#ZNckSIVgtmu3SQzw (access date: 29.04.2026).

[10] Intellectual Property Court decision of 14.02.2020 in case No. SIP-839/2019 [Electronic Resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=58610&ysclid=mosim2ayop623051473#eOR5kIV8oMMp9QMy (access date: 29.04.2026).

[11] Intellectual Property Court decision of 23.05.2024 in case No. SIP-1168/2023 [Electronic Resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=128434&ysclid=mosio9irsy637750475#X1s5kIV81RD34113 (access date: 29.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-220-222
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

КЛУБНИЧКИН Алексей Сергеевич,
аспирант Московского юридического института,
e-mail: yagoda09@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты правового регулирования государственных закупок в Российской Федерации. Анализируются правовая природа государственных закупок, нормативно-правовые основы контрактной системы, а также проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения конкуренции, противодействия коррупции и цифровизации закупочных процедур. Сформулированы выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о государственных закупках с целью повышения эффективности использования бюджетных средств и обеспечения баланса публичных и частных интересов.*

Ключевые слова: *государственные закупки, контрактная система, государственный контракт, конкуренция, антикоррупционное регулирование, цифровизация.*

KLUBNICHKIN Alexey Sergeevich,
Postgraduate Student, Moscow Law Institute

LEGAL REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT: THEORY AND PRACTICE

Annotation. *This article examines the theoretical and practical aspects of legal regulation of public procurement in the Russian Federation. It analyzes the legal nature of public procurement, the regulatory framework for the contract system, and issues of law enforcement. Particular attention is paid to ensuring competition, combating corruption, and digitalizing procurement procedures. Conclusions are drawn regarding the need to further improve public procurement legislation to improve the efficiency of budgetary funds and ensure a balance between public and private interests.*

Key words: *public procurement, contract system, government contract, competition, anti-corruption regulation, digitalization.*

Государственные закупки являются одной из ключевых сфер финансово-правового регулирования, поскольку через данный механизм осуществляется перераспределение значительных объемов бюджетных средств и реализация приоритетных направлений государственной политики. Эффективность функционирования системы государственных закупок оказывает непосредственное влияние на социально-экономическое развитие государства, уровень доверия общества к органам публичной власти и устойчивость бюджетной системы в целом. В научных исследованиях подчеркивается, что закупочная деятельность государства должна быть ориентирована не только на формальное соблюдение процедур, но и на достижение социально значимых результатов [2, с. 12].

Современная модель правового регулирования государственных закупок в Российской Федерации формировалась поэтапно и отражает общие тенденции развития публичного управления. Принятие Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ стало важным этапом реформирования закупочной сферы, поскольку закон закрепил концепцию контрактной системы, охватывающей все стадии закупочного процесса — от планирования до исполнения контракта. Данная модель направлена на обеспечение прозрачности закупок, развитие конкуренции и предупреждение коррупционных проявлений.

С теоретической точки зрения государственные закупки представляют собой разновидность публично-правовой деятельности, осуществляемой уполномоченными субъектами за счет бюджетных средств. При этом правовое регулирование закупок носит комплексный характер, сочетая нормы финансового, административного, гражданского и антимонопольного

права. Такое межотраслевое взаимодействие обусловлено необходимостью одновременной защиты публичных интересов государства и законных интересов участников закупочных процедур.

В теории финансового права государственные закупки традиционно связываются с реализацией бюджетных полномочий государства. Расходование бюджетных средств в рамках закупочных процедур подчиняется принципам целевого и эффективного использования бюджетных ресурсов. В этой связи особое значение приобретает правовое регулирование планирования закупок, позволяющее обеспечить обоснованность и предсказуемость бюджетных расходов.

Основу правового регулирования государственных закупок в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Указанный закон закрепляет ключевые принципы контрактной системы, включая открытость информации, обеспечение конкуренции, профессионализм заказчиков и ответственность за результат закупки [1].

Наряду с Законом № 44-ФЗ значительную роль в регулировании закупочных отношений играют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющие правовую природу государственного контракта и общие положения о договорных обязательствах. Существенное значение имеют также нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации, устанавливающие требования к бюджетному процессу и контролю за расходованием бюджетных средств.

Антимонопольное законодательство занимает особое место в системе правового регулирования государственных закупок. Федеральный закон «О защите конкуренции» направлен на предотвращение недобросовестной конкуренции и злоупотреблений со стороны заказчиков и участников закупок. Практика Федеральной антимонопольной службы свидетельствует о высокой степени конфликтности закупочных отношений, что подтверждает актуальность антимонопольного контроля в данной сфере.

Правоприменительная практика в сфере государственных закупок выявляет ряд устойчивых проблем, связанных с реализацией положений законодательства. К числу наиболее распространенных относятся сложности обоснования начальной (максимальной) цены контракта, формальный подход к оценке заявок участников закупок, а также злоупотребление дискреционными полномочиями со стороны заказчиков.

Особое место в правоприменительной практике занимают споры, связанные с определением победителя закупки и отклонением заявок участников. Судебная практика и решения антимонопольных органов показывают, что даже незначительные формальные нарушения могут повлечь признание закупки недействительной. Как отмечает Н. В. Кичигин, избыточная формализация процедур снижает экономическую эффективность закупок и увеличивает административные издержки [3, с. 54].

Существенное значение в системе государственных закупок имеет противодействие коррупции. Законодательство о контрактной системе предусматривает комплекс мер, направленных на минимизацию коррупционных рисков, включая обязательное размещение информации в единой информационной системе, применение конкурентных способов определения поставщиков и осуществление государственного и общественного контроля.

В то же время наличие развернутой нормативной базы не исключает сохранения коррупционных рисков в сфере закупок. По мнению Л. В. Андреевой, устойчивость данных рисков обусловлена сложностью закупочных процедур и наличием широких дискреционных полномочий у заказчиков, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования и практики его применения [5, с. 119].

Важным направлением развития контрактной системы является цифровизация закупочных процедур. Использование электронных торговых площадок и автоматизированных информационных систем способствует повышению прозрачности закупок и снижению коррупционных рисков. Вместе с тем цифровизация порождает новые правовые вопросы, связанные с защитой информации, обеспечением равного доступа участников к электронным ресурсам и правовым статусом электронных документов.

Таким образом, правовое регулирование государственных закупок представляет собой сложную и динамично развивающуюся систему, требующую постоянного совершенствования. Баланс публичных и частных интересов, эффективность расходования бюджетных средств и развитие добросовестной конкуренции должны рассматриваться в качестве ключевых ориентиров дальнейшего развития контрактной системы.

Совершенствование законодательства о государственных закупках должно осуществляться с учетом анализа правоприменительной практики и результатов научных исследований. Комплексный подход к развитию контрактной системы позволит повысить эффективность закупочной деятельности, уровень прозрачности и доверия общества к институту государственных закупок.

Список литературы:

[1] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. действующая). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 22.05.2026).

[2] Суханов Е. А. Публичные и частные интересы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 7–18.

[3] Кичигин Н. В. Контрактная система в сфере закупок: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 45–56.

[4] О защите конкуренции : федер. закон Рос. Федерации от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. действующая). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 22.05.2026).

[5] Андреева Л. В. Государственные и муниципальные закупки : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2022. 320 с.

References:

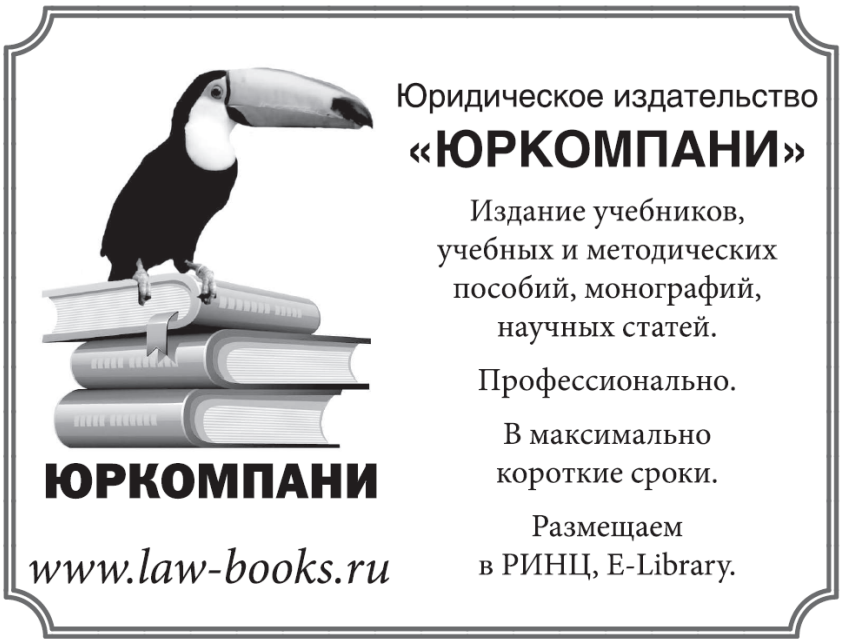
[1] On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs: federal law of the Russian Federation of 05.04.2013 No. 44-FZ (current version). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (date of access: 22.05.2026).

[2] Sukhanov E. A. Public and private interests in civil law // Bulletin of civil law. 2020. No. 3. pp. 7–18.

[3] Kichigin N. V. Contract system in the sphere of procurement: problems of law enforcement // Journal of Russian Law. 2021. No. 9. pp. 45–56.

[4] On the protection of competition: federal law of the Russian Federation of July 26, 2006, No. 135-FZ (current version). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (accessed: May 22, 2026).

[5] Andreeva L. V. State and municipal procurement: a textbook. Moscow: Yurait, 2022. 320 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-223-229
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского ветеринарного
института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: barykina_10@mail.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

СТАТИСТИКА НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация*. В современных условиях развития предприятий нефтегазовой отрасли вопросы производственного травматизма и профессиональных заболеваний приобретают особую актуальность. В статье рассмотрен анализ производственного травматизма и профессиональных заболеваний на предприятии нефтегазовой отрасли.*

Ключевые слова*: охрана труда, производственный травматизм, профессиональное заболевание, нефтегазовая отрасль, производственная безопасность.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,

Professor of the Department
of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
PhD in Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,
Senior Lecturer,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University

STATISTICS OF INDUSTRIAL ACCIDENTS AND OCCUPATIONAL DISEASES IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

Annotation. *In the current context of oil and gas industry development, issues of occupational injuries and diseases are particularly relevant. This article examines the incidence of occupational injuries and diseases at oil and gas enterprises.*

Key words: *Occupational safety, industrial injuries, occupational diseases, oil and gas industry, industrial safety.*

Целью работы является анализ производственного травматизма и профессиональных заболеваний предприятия нефтегазовой отрасли.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– Изучить теоретические основы охраны труда.
– Проанализировать состояние производственного травматизма и профессиональных заболеваний на предприятии нефтегазовой отрасли.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

Статистика несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на предприятии нефтегазовой отрасли

В современных условиях развития промышленного производства вопросы охраны труда приобретают особую актуальность. Это особенно актуально для предприятий нефтегазовой отрасли, где производственный процесс связан с высокими рисками и потенциально опасными условиями труда.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что нефтегазовая отрасль является одной из наиболее опасных в плане производственного травматизма и профессиональных заболеваний. В условиях интенсификации произ-

водства и внедрения новых технологий возрастает необходимость совершенствования системы управления охраной труда для обеспечения безопасности работников.

Область охраны труда охватывает многогранную систему мер, направленную на предотвращение профессиональных рисков и создание оптимальных условий для деятельности человека на рабочем месте. Эта система включает в себя не только законодательные акты, но и целый комплекс социально-экономических, технических мер, а также санитарно-гигиенические и медицинские процедуры. Она рассчитана на то, чтобы обеспечить безопасность работников, поддержание их здоровья и профессиональной активности в течение всего рабочего процесса [1].

Профессор Ольга Михайловна Крапивкина рассматривает охрану труда как ключевой элемент в системе трудовых отношений. По её утверждениям, охрана труда не ограничивается юридическими аспектами, она также включает в себя практические шаги, направленные на снижение профессиональных опасностей и улучшение условий труда.

Эффективное функционирование системы охраны труда требует активного взаимодействия между работодателями и работниками, сочетания законодательного регулирования с конкретными действиями и инвестициями в средства индивидуальной и коллективной защиты, обучение персонала и повышение уровня осведомленности о потенциальных опасностях на рабочем месте.

Таким образом, защита рабочей силы и создание безопасных условий труда – это не просто юридическое обязательство работодателя, но и стратегический ресурс, способствующий повышению эффективности труда и долгосрочной устойчивости экономики. Внимание к охране труда позволяет не только обеспечивать защиту наемных сотрудников, но и добиваться уменьшения издержек предприятия, связанных с производственным травматизмом, профессиональными заболеваниями и связанным с ними временем простоя [2].

Задачи охраны труда занимают центральное место в системе обеспечения безопасности персонала и поддержания эффективности производственной деятельности. Их значение сложно переоценить, поскольку именно они формируют базу для сохранения жизни и здоровья работников.

В первую очередь работодатели должны позаботиться о создании безопасных условий для каждого сотрудника — от продуманной организации рабочего пространства и внедрения современных средств индивидуальной защиты до эффективного контроля за опасными факторами производства. Всё это снижает вероятность несчастных случаев и минимизирует влияние вредных условий труда на организм человека.

Особое внимание уделяется предотвращению производственного травматизма. Здесь на первый план выходят системный анализ рисков, своевременное устранение угроз, регулярное обучение работников правилам охраны труда и постоянный контроль за соблюдением стандартов безопасности.

Не менее важной задачей остаётся профилактика профессиональных заболеваний. Лидирующую роль играют меры по выявлению и нейтрализации вредных воздействий — как физических, так и психоэмоциональных. Такой подход помогает сберечь здоровье специалистов и сохранить их работоспособность на долгие годы.

Отдельное направление работы связано с поддержанием высокого уровня профессионального здоровья. Построение системы, предусматривающей баланс между интенсивностью труда и отдыхом, проведение оздоровительных мероприятий, организация занятий спортом и периодическое медицинское обследование позволяют своевременно выявлять и предотвращать развитие заболеваний.

Безопасность производственных процессов включает не только применение надёжного оборудования и инструментов, но и чёткую организацию всех этапов работы, где каждый участок под постоянным контролем и функционирует в соответствии с требованиями охраны труда. Такой комплексный подход формирует устойчивую культуру безопасности и способствует снижению производственных рисков.

И, наконец, создание комфортных условий труда – это не просто создание удобных стульев или правильное освещение, это комплексный подход, включающий в себя оптимальное распределение рабочего времени, внедрение эргономичного оборудования и создание благоприятного психологического климата в коллективе.

Задачи охраны труда охватывают широкий спектр деятельности и требуют комплексного подхода для обеспечения безопасности, здоровья и эффективности работников на производстве. Каждый из этих аспектов способствует созданию благоприятной обстановки на рабочем месте и гарантирует долгосрочное благополучие сотрудников, а также способствует повышению производительности целевой деятельности предприятия [3].

Д. А. Смирнов в своих исследованиях выделяет особую значимость профилактических мероприятий в системе охраны труда, подчеркивая, что предупреждение несчастных случаев и профессиональных заболеваний является приоритетной задачей работодателей.

В современных условиях охрана труда приобретает новое качество, становясь неотъемлемой частью корпоративной культуры и социальной ответственности бизнеса. Как отмечает Е. А. Ершова, эффективное функционирование системы охраны труда невозможно без активного участия всех уровней управления и самих работников в обеспечении безопасных условий труда.

Комплексный подход к организации охраны труда предполагает взаимодействие различных элементов: нормативно-правового регулирования, технической оснащенности рабочих мест, санитарно-гигиенических условий, профессиональной подготовки работников и медицинского контроля. Такое взаимодействие обеспечивает достижение главной цели – создание безопасной и комфортной рабочей среды.

Таким образом, охрана труда представляет собой многогранную систему мероприятий, направленную на обеспечение безопасности работников в процессе трудовой деятельности. Достижение поставленных целей возможно только при условии системного подхода к организации охраны труда и активного участия всех заинтересованных сторон в данном процессе [4].

В исследованиях Д. А. Смирнова выявляется ключевая роль профилактики в области охраны труда. Он утверждает, что избежание несчастных случаев и болезней, связанных с профессией, является основной обязанностью работодателей. Получается, что профилактические действия становятся фундаментом для безопасности на рабочих местах.

В наши дни, согласно Е. А. Ершовой, охрана труда тесно связана с корпоративной этикой и социальной ответственностью предприятий. Без активного участия всех слоев управленческого аппарата и самого трудового коллектива невозможно обеспечить эффективное функционирование системы охраны труда и безопасные условия работы.

Организация охраны труда подразумевает комплексное взаимодействие многих компонентов – законодательной базы, техники безопасности, условий труда, подготовки персонала и регулярного медосмотра. Это кооперирование имеет целью создание условий работы, где безопасность и комфорт становятся нормой.

Так, охрана труда – это сложный набор процедур и мер, нацеленный на защиту здоровья и жизни работающих. Осуществление этих задач достижимо, когда к вопросу подходят системно и когда все заинтересованные стороны проявляют активность в управлении охраной труда. Это обеспечивает эффективность и содействует улучшению работоспособности, что является важным экономическим и социальным фактором для любой организации.

Для разработки мероприятий по снижению травматизма и профессиональных заболеваний на предприятиях нефтегазовой отрасли требуется провести анализ производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Основные показатели травматизма за последние годы представлены в *таблице 1.*

Таблица 1. Показатели производственного травматизма

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Общее число пострадавших	15	12	9	7	5
Случаи с летальным исходом	2	1	0	0	0
Групповые случаи	1	0	0	0	0
Количество дней нетрудоспособности	234	187	145	120	95

Статистика за последние пять лет свидетельствует о выраженном снижении производственного травматизма на предприятии. Общее число несчастных случаев заметно уменьшилось: если в 2021 году зарегистрировано 15 пострадавших, то к 2025 году этот показатель сократился втрое — до пяти случаев. Такой сдвиг иллюстрирует рост эффективности мер по снижению рисков на рабочих местах.

Среди зафиксированных чрезвычайных событий наиболее тяжёлые — несчастные случаи с летальным исходом — случались лишь в начале отчётного периода: два случая в 2021 году и один — в 2022-м. В последующие три года подобных

трагедий не допущено. Групповые травмы также отмечены единожды — исключительно в 2021 году. После этого подобных инцидентов больше не происходило, что подтверждает ужесточение контроля за организацией труда.

Параллельно с сокращением общего числа пострадавших уменьшилось и количество дней временной нетрудоспособности: в 2021 году — 234 дня, тогда как в 2025-м этот показатель составил лишь 95 дней. Коэффициент тяжести травматизма остался относительно стабильным, но с тенденцией к снижению: с 15,6 до 13,8. Это говорит о том, что сами травмы стали менее серьёзными, и время восстановления работников сокращается.

В *таблице 2* приведены расчета риска производственного травматизма.

Таблица 2. Расчет уровня риска производственного травматизма

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Количество несчастных случаев (Кнс)	15	12	9	7	5
Среднесписочная численность (Чр), тыс. чел.	111,0	111,4	111,2	108,3	108,3
Уровень риска (R)	0,135	0,108	0,081	0,065	0,046

Динамика риска производственного травматизма демонстрирует устойчивое снижение показателя за анализируемый период:

- 2021 год: 0,135
- 2022 год: 0,108
- 2023 год: 0,081
- 2024 год: 0,065
- 2025 год: 0,046

Снижение риска обусловлено следующими факторами:

- Системной работой по предупреждению производственного травматизма
- Повышением эффективности мероприятий по охране труда
- Улучшением условий труда на рабочих местах
- Ростом производственной дисциплины
- Усилением контроля за соблюдением требований безопасности

При сравнении с предельно допустимым уровнем установлено, что текущий уровень риска превышает нормативный показатель в 46000 раз, что свидетельствует о высоком уровне производственного риска.

Несмотря на положительную динамику снижения риска, текущий уровень остается высоким и требует дальнейших мероприятий по его снижению. Необходимо разработать и реализовать комплекс дополнительных профилактических мер для достижения приемлемого уровня риска, соответствующего нормативным требованиям.

Структура несчастных случаев по причинам представлена в *таблице 3*.

Таблица 3. Распределение несчастных случаев по видам

Причина несчастного случая	Количество случаев	Процент от общего числа
Транспортные происшествия	4	26.7%
Падения с высоты	3	20.0%
Воздействие движущихся предметов	2	13.3%
Поражение электрическим током	2	13.3%
Воздействие вредных веществ	1	6.7%
Прочие причины	5	33.0%

Наибольшую роль в общей картине несчастных случаев играют транспортные происшествия – это примерно четверть всех инцидентов. Чуть реже, но тоже заметно, работники сталкивались с травмами при падениях с высоты. В то же время почти треть всех ситуаций классифицируется как «прочие» – вероятно, здесь складываются разнородные обстоятельства вне пяти основных категорий. Воздействие вредных веществ встречается значительно реже – лишь у каждого пятнадцатого случая отмечается такая причина.

В соответствии с Приказом Минтруда России от 28.12.2021 N 926 «Об утверждении Рекомендаций по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков»

Статистика профзаболеваний представлена в *таблице 4*.

Таблица 4. Показатели профессиональной заболеваемости

Вид заболевания	2021	2022	2023	2024	2025
Заболевания органов дыхания	3	2	1	1	1
Заболевания опорно-двигательного аппарата	2	2	1	1	1
Неврологические заболевания	1	1	0	0	0
Общее количество	6	5	2	2	2

Распространённость профзаболеваний в начале периода концентрировалась в сфере респираторных проблем — в 2021-м зафиксировали три таких случая. Заболевания опорно-двигательного аппарата также присутствовали, хотя и не доминировали. Значительно реже регистрировали неврологические нарушения. Постепенно заболеваемость неврологическими заболеваниями снизилась до нуля: с 2023 года, подобные диагнозы вовсе не встречались.

На основе данных о профессиональной заболеваемости за 2021-2025 годы проведем комплексную оценку рисков с использованием метода Файна-Кинни.

Показатели заболеваемости демонстрируют следующую динамику:

- Общее количество случаев снизилось с 6 до 2 случаев
- Наблюдается положительная тенденция по всем категориям заболеваний
- Полностью ликвидированы неврологические заболевания

Методика оценки рисков

Для расчета уровня риска используется формула:

$R = P \cdot C \cdot F$,

где:

P — вероятность наступления опасного события

C — тяжесть последствий

F — частота воздействия опасного фактора

Результаты оценки по категориям заболеваний.

1. Заболевания органов дыхания

Вероятность возникновения оценивалась как 1.8 (на основе среднего количества случаев за 5 лет).

Тяжесть последствий определена как 4 (тяжелый вред здоровью), частота воздействия — 4 (частый контакт).

Расчет: $R = 1.8 \cdot 4 \cdot 4 = 28.8$ (умеренный риск)

Заболевания опорно-двигательного аппарата

Вероятность составила 1.4, тяжесть последствий — 3 (средний вред здоровью), частота воздействия — 4.

Расчет: $R = 1.4 \cdot 3 \cdot 4 = 16.8$ (умеренный риск)

Неврологические заболевания

Вероятность — 0.4, тяжесть последствий — 4, частота воздействия — 4.

Расчет: $R = 0.4 \cdot 4 \cdot 4 = 6.4$ (низкий риск)

Таблица 5. Классификация уровней риска

Уровень риска	Граничные значения	Характеристика	Необходимые действия
Низкий риск	0–15	Приемлемый уровень риска	Мониторинг ситуации
Умеренный риск	16–70	Требует внимания	Разработка мероприятий по снижению риска
Высокий риск	71–200	Требует немедленных действий	Срочное принятие мер по снижению риска
Очень высокий риск	>200	Критический уровень	Немедленные кардинальные меры

В настоящее время средний показатель риска по всем категориям составляет 17,33, что указывает на умеренный уровень угроз для здоровья и безопасности работников. Анализ ситуации позволяет отметить устойчивое снижение профессиональных рисков, однако без дополнительных действий ожидать достижения безопасных параметров преждевременно. Для дальнейшего уменьшения рисков предприятие должно не только разрабатывать и внедрять новые мероприятия, но и уделять особое внимание регулярному мониторингу их эффективности.

Выводы:

Несмотря на положительные тенденции, уровень риска производственного травматизма всё ещё остается значительно выше установленных нормативов — зарегистрированные значения в тысячу раз превышают допустимые пределы. Это свидетельствует о необходимости не ослаблять контроль и продолжать системную работу по совершенствованию политики охраны труда, чтобы приблизиться к приемлемым стандартам безопасности.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023), КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4fe318e6d-09155659a 4381ef26a85e7df9ebcf94/ (дата обращения: 15.04.2025).

[2] ГОСТ 12.0.230.3-2016 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Системы управления охраной труда. Оценка результативности и эффективности», Кодекс [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200145713?section=status (дата обращения: 20.03.2025).

[3] Приказ Минтруда России от 29.10.2021 N 776н «Об утверждении Примерного положения о системе управления охраной труда» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.12.2021 N 66318), КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403335/ (дата обращения: 25.04.2025).

[4] Самарская Н.А. Особенности и принципы формирования системы охраны труда на базе межкомпонентных отношений. Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 2 (51). – С. 130-140.

References:

[1] Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 04.08.2023, as amended on 24.10.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2023), ConsultantPlus [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4fe318e6d09155659a4381ef26a85e7df9ebcf94/ (date of access: 15.04.2025).

[2] GOST 12.0.230.3-2016 “Occupational Safety Standards System (OSSS). Occupational Safety Management Systems. Evaluation of Performance and Efficiency”, Code [Electronic resource]. –URL:https://docs.cntd.ru/document/1200145713?-section=status (date of access: 20.03.2025).

[3] Order of the Ministry of Labor of Russia dated October 29, 2021 No. 776n “On approval of the Model Regulations on the Occupational Safety and Health Management System” (Registered in the Ministry of Justice of Russia on December 14, 2021 No. 66318), ConsultantPlus [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403335/ (date of access: April 25, 2025).

[4] Samarskaya N.A. Features and principles of formation of the labor protection system based on intercomponent relations. Social and labor research. - 2023. - No. 2 (51). - P. 130-140.

- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-230-233
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

АЗИЕВА Петимат Зяудиновна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Чеченского государственного университета
им. А.А. Кадырова,
e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛКАДЫРОВ М.Д.,
доцент кафедры «Юриспруденция»
Грозненского государственного нефтяного университета
им. акад. М.Д. Миллионщикова, к.и.н.,
e-mail: patsagova@mail.ru

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. *Цель исследования — критически оценить объяснительный потенциал патриархальной теории в свете данных современной исторической и антропологической науки, а также выявить элементы ее влияния на консервативную политико-правовую мысль. Методологическую базу составляют историко-правовой, сравнительный и критический анализ. Делается вывод о том, что, несмотря на научную уязвимость, теория сыграла значительную роль в легитимации патриархальных устоев и абсолютистской власти, а ее отдельные положения находят отклик в дискуссиях о традиционных ценностях.*

Ключевые слова: *патриархальная теория, происхождение государства, патриархальная власть, патриархальная семья, Аристотель, Роберт Филмер, патернализм, абсолютизм, традиционные ценности.*

AZIEVA Petimat Zyaudinovna,
Assistant Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
A.A. Kadyrov Chechen State University

ABDULKADYROV M.D.,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Grozny State Petroleum University.
Academician M.D. Millionshchikova,
Candidate of Historical Sciences

PATRIARCHAL THEORY OF STATE ORIGIN AND LAW

Annotation. *The aim of the research is to critically assess the explanatory potential of the patriarchal theory in the light of modern historical and anthropological data, as well as to identify elements of its influence on conservative political and legal thought. The methodological basis consists of historical-legal, comparative, and critical analysis. It is concluded that, despite its scientific vulnerability, the theory played a significant role in legitimizing patriarchal foundations and absolutist power, and some of its provisions resonate in discussions about traditional values.*

Key words: *Patriarchal theory, origin of the state, patriarchal power, patriarchal family, Aristotle, Robert Filmer, paternalism, absolutism, traditional values.*

Патриархальная теория формировалась на пересечении философских и этических воззрений Востока и Запада. Так, Конфуций, один из крупнейших мыслителей Древнего Китая (551–479 гг. до н. э.), переносил семейные нормы поведения на модель государства, утверждая, что вся Поднебесная может быть осмыслена как единая семья. В его представлении подлинный правитель должен обладать добродетелями «благородного мужа» — милосердием, умеренностью, величавостью и внутренней силой, свободной от жестокости, лживости и поспешных решений. Тем самым нравственное совершенство личности становилось предпосылкой для установления справедливого государственного порядка.

Идея государства как «расширенной семьи» закрепляла органическую связь между моральными нормами, воспитанием и властью. При этом закон в системе Конфуция рассматривался лишь как второстепенный инструмент, способный поддерживать социальный порядок, но не формировать его основания. Главным источником гармонии признавался Ритуал, формирующий добродетель правителя и подданных. Именно этот подход стал важнейшей предпосылкой для последующего развития патриархальной теории, где государственная власть выводилась из естественного авторитета главы семьи и рассматривалась как продолжение семейных отношений.

Этот акцент на моральном лидерстве и семейных ценностях как фундаменте государственного устройства находит своё отражение и в современных исследованиях. «Как отмечает Б.Б. Дондокова, в центре конфуцианской философии лежит концепция «жэнь» (человечность), подразумевающая добродетельное поведение и заботу о других, а стабильное общество, по мнению Конфуция, возможно лишь при наличии моральных лидеров, служащих примером для подражани» [5]. Таким образом, семья как первичная ячейка общества становится не только социальной, но и этической основой для формирования государственности, где правитель воплощает в себе отцовские качества заботы и ответственности. Это подтверждает, что патриархальная модель, даже в её философско-этической интерпретации, продолжает оставаться актуальной для анализа связи между моральным авторитетом и политической властью.

Продолжая исследование патриархальной теории, важно отметить, что её западная версия была систематизирована Аристотелем, который рассматривал государство как естественный продукт развития социальных общностей. «Как подчеркивает В.К. Самигуллин, согласно Аристотелю, общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных потребностей, есть семья… Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее… самодовлеющего состояния» [1, с. 5-6]. Таким образом, государственная власть, по Аристотелю, является органическим продолжением власти главы семьи (патриарха) над её членами, что придает ей естественный и легитимный характер.

«В дальнейшем патриархальная теория получила развитие в трудах Роберта Филмера, который, основываясь на библейских заветах, утверждал, что монарх является историческим потомком и наследником Адама, получившего власть непосредственно от Бога» [1, с. 4]. Этот подход демонстрирует тесную связь патриархальной теории с теологической, поскольку власть правителя освящается не только естественным правом рода, но и божественной волей. «Однако, как справедливо отмечает Самигуллин, патриархальная теория сталкивается с серьёзной критикой, в частности, со стороны Джона Локка, который отвергал идею естественного подчинения и доказывал несостоятельность отождествления отеческой и политической власти» [1, с. 5].

Несмотря на критику, патриархальная теория сохраняет свою эвристическую ценность, поскольку акцентирует внимание на органическом и эволюционном характере возникновения государства. Она указывает на то, что государственность формируется не как искусственная конструкция, а как результат естественного разрастания и усложнения первичных социальных ячеек — семей и родов. Эта идея, как ни парадоксально, находит определённое подтверждение даже в работах представителей классового подхода. «Например, Ф. Энгельс признавал, что государство есть продукт общества на известной стадии развития» [1, с. 5], что косвенно согласуется с тезисом о естественном генезисе государственности.

Таким образом, патриархальная теория, несмотря на свою архаичность и определённую умозрительность, вносит важный вклад в понимание происхождения государства, подчеркивая преемственность между семейной, родовой и государственной организацией общества. Она позволяет проследить историческую связь между авторитетом патриарха в семье и властью правителя в государстве, а также выделить значение династического принципа в обеспечении стабильности и преемственности власти на ранних этапах формирования государственности.

Немаловажным является и тот факт, что в истории становления государственности династический фактор играл роль не только символа преемственности, но и практического механизма

легитимации верховной власти. Н.В. Сычев в своей фундаментальной работе «Книга династий» указывает, что устойчивость государственных структур во многом определялась именно наличием прочных династических линий, которые на протяжении десятилетий и даже столетий позволяли обществу сохранять целостность и непрерывность управления [2, с. 11].

При этом патриархальная теория, несмотря на свою архаичность, не ограничивается только объяснением генезиса власти через родовые отношения. Она обращает внимание на важность морально-этического начала в формировании государства. Подобный подход сближает ее с учением Конфуция, где нравственное совершенство правителя признавалось залогом гармонии всего общества. В этом смысле патриархальная концепция может быть рассмотрена как попытка увязать социальную эволюцию с духовными основаниями власти.

Таким образом, анализ патриархальной теории в современных научных исследованиях показывает, что она продолжает сохранять значимость как объяснительная модель. Обращение к трудам В.К. Самигуллина и Н.В. Сычева позволяет дополнить классические представления о происхождении государства акцентом на династической преемственности и нравственных основаниях власти, что подчеркивает универсальность данной концепции в историко-правовом дискурсе.

Продолжая анализ патриархальной теории, важно рассмотреть её во взаимодействии с другими концепциями, в частности, с теорией насилия, что позволяет создать более комплексную картину генезиса государственности. «Как справедливо отмечает М.А. Кочемасова, одними из факторов, обусловивших процесс возникновения государства, являлись социально-политические факторы, в том числе фактор насилия и патриархальный фактор» [3, с. 3]. Автор обоснованно утверждает, что эти теории не являются взаимоисключающими, а образуют симбиоз, поскольку «власть в семье носит внутренний неполитический характер, в то время как для государственно организованного общества присущ такой признак, как наличие публичной политической власти. Это противоречие позволяет устранить использование в дополнение к патриархальной теории происхождения государства теории насилия, которая и объясняет происхождение органов государства, осуществляющих политическую власть» [3, с. 9-10]. Такой синтетический подход позволяет преодолеть ограниченность чисто эволюционной трактовки патриархальной теории.

Критический взгляд на патриархальную теорию, как отмечает Кочемасова, раскрывает её потенциальные деструктивные стороны в современных условиях. Со ссылкой на В.С. Нерсесянца она указывает, что «в условиях достаточно развитой цивилизации и политико-правовой жизни подобные представления, как правило, используются в консервативно-реакционных целях – для обоснования и оправдания различных форм деспотической и тиранической власти» [3, с. 14; 4, с. 211]. Этот вывод предупреждает о рисках некритического переноса архаичных моделей власти на современные политические системы, где принципы демократии и разделения властей требуют иных оснований легитимности.

В то же время, патриархальная теория, будучи адаптированной к современным реалиям, может сохранять конструктивный потенциал. По мнению Кочемасовой, «патриархальные взгляды могут способствовать единению народа, позволяют обеспечить сплоченность в трудных ситуациях» [3, с. 14]. Ярким примером такого позитивного применения автор считает символику «Родины-матери» в СССР, которая актуализировала матриархальный архетип в патриотическом воспитании. Однако успешность применения этой теории напрямую зависит от учёта национального менталитета и конкретно-исторических условий, что демонстрирует различный опыт семейной политики в Китае и России [3, с. 15].

Таким образом, современное понимание патриархальной теории предполагает её рассмотрение не в качестве изолированной догмы, а в системе взаимосвязей с другими теориями происхождения государства, прежде всего с теорией насилия. Такой синтез позволяет объяснить не только органический, эволюционный характер становления государственности из семейно-родовых структур, но и роль принуждения, завоевания и политической власти в консолидации ранних государств, что значительно обогащает историко-правовой анализ.

В итоге, патриархальная теория, несмотря на свою древность и ограниченность, предлагает важный эвристический ресурс для понимания генезиса государства. Она акцентирует внимание на естественности перехода от семьи к государству, на роли морального авторитета и династической преемственности. Критика этой теории, в частности со стороны договорного и классового подходов, обогащает дискуссию, однако её синтез с другими концепциями, например, с теорией насилия, позволяет построить более сложную и адекватную модель возникновения государственности, учитывающую как эволюционные, так и принудительные факторы. Это делает патриархальную теорию не просто историческим артефактом, а живым инструментом научного анализа.

Список литературы:

[1] Самигуллин В.К. Патриархальная теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 6–12.

[2] Сычев Н.В. Книга династий. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006. 959 с.

[3] Кочемасова М.А. Влияние патриархального фактора и фактора насилия на процесс происхождения и развития государства // [Название журнала/сборника]. Год. № ... С. 35-51.

[4] Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М.: Издательство НОРМА, 2002. 552 с.

[5] Дондокова Б. Б. Патриархальная теория возникновения государства и права // Вестник науки. 2024. №12 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/patriarhalnaya-teoriya-vozniknoveniya-gosudarstva-i-prava (дата обращения: 26.09.2025).

References:

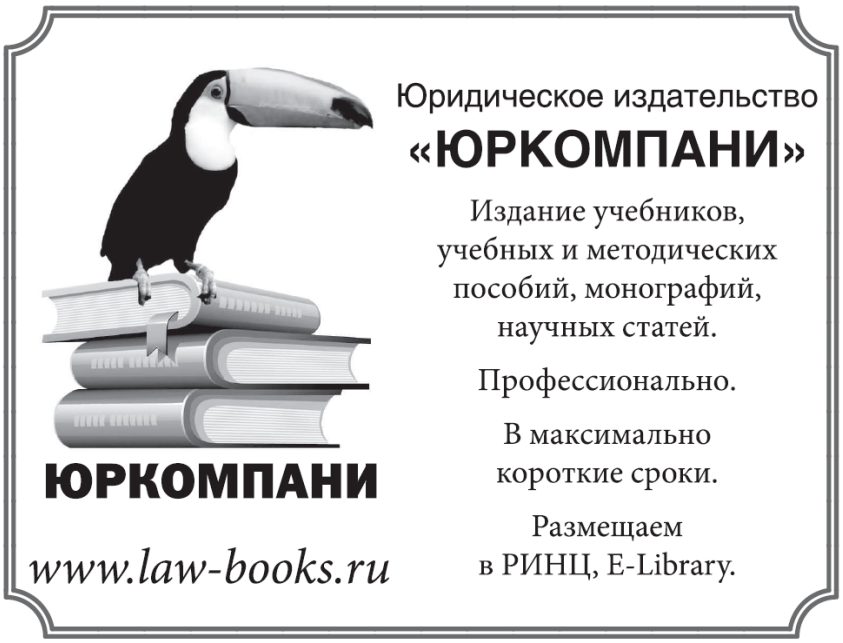
[1] Samigullin V.K. Patriarchal theory of the origin of the state and law//Law and statehood. 2023. № 1 (1). S. 6-12.

[2] Sychev N.V. Book of dynasties. Moscow: AST: East-West, 2006. 959 pp.

[3] Kochemasova M.A. The influence of the patriarchal factor and the factor of violence on the process of origin and development of the state//[Name of the journal/collection]. Year. № ... S. 35-51.

[4] Nersesyants V.S. General theory of law and state. - M.: Publishing house NORMA, 2002. 552 p.

[5] Dondokova B. B. Patriarchal theory of the emergence of the state and law//Bulletin of Science. 2024. №12 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/patriarhalnaya-teoriya-vozniknoveniya-gosudarstva-i-prava (дата обращения: 26.09.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-234-237

ЖЁЛОБОВ Михаил Владимирович,
аспирант кафедры международного и публичного права
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва,
e-mail: zhelobovmikhail.law@gmail.com

Научный руководитель:
ПОПОВА Наталия Фёдоровна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры международного и публичного права
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРЕФЕРЕНЦИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Согласно позициям многих авторитетных правоведов, правой статус общественных отношений, складывающихся в сфере предоставления государственных и муниципальных преференций, всё чаще становится предметом научных трудов и дискуссий. Данная тенденция связана с высоким темпом развития практики согласования ФАС России предоставления хозяйствующим субъектам как преференций, так и сопутствующих разъяснений. В то же время правоведами, исследующими правовой статус института предоставления государственных и муниципальных преференций, оставлен без внимания финансово-правовой аспект упомянутой сферы общественных отношений. В рамках настоящего исследования осуществлён комплексный анализ института предоставления государственных и муниципальных преференций не только в качестве административной согласовательной процедуры (служащей социально-значимым целям защиты конкуренции), но и в качестве совокупности бюджетных расходов, подчинённых режиму отрасли финансового права.*

Ключевые слова: *государственные и муниципальные преференции, конкурентное право, финансовое право, институт, правовой статус, бюджетные расходы.*

ZHELOBOV Mikhail Vladimirovich,
Postgraduate student of the Department
of International and Public Law, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow

Scientific supervisor:
POPOVA Natalia Fyodorovna,
Doctor of Law, Professor of the Department
of International and Public Law,
Faculty of Law, Financial
University under the Government
of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF THE FINANCIAL AND LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF GRANTING STATE AND MUNICIPAL PREFERENCES IN RUSSIAN LAW

Annotation. *According to the positions of many reputable jurists, the legal status of public relations developing in the field of granting state and municipal preferences is increasingly becoming the subject of scientific papers and discussions. This trend is related to the high rate of development of the practice of approving the FAS of Russia to provide business entities with both preferences and related clarifications. At the same time, legal scholars investigating the legal status of the institution of granting state and municipal preferences have ignored the financial and legal aspect of the mentioned sphere of public relations. Within the framework of this study, a comprehensive analysis of the institution of granting state and municipal preferences has been carried out not only as an administrative coordination procedure (serving socially significant competition protection purposes), but also as a set of budget expenditures subordinated to the regime of the financial law branch.*

Key words: *state and municipal preferences, competition law, financial law, institution, legal status, budget expenditures.*

На момент проведения настоящего исследования статус общественных отношений, возникающих в ходе предоставления государственных и муниципальных преференций (Далее - ГиМП) является предметом широкой научной дискуссии. Упомянутая дискуссия затрагивает сразу два наиболее существенных вопроса: составляют ли общественные отношения в сфере предоставления ГиМП самостоятельный институт в контексте одной из отраслей российского права, к какой именно из российских отраслей или же подотраслей следует отнести упомянутый институт. Следует отметить, что доктринальные позиции в упомянутой сфере можно условно разделить на три группы. Первой и наиболее значительной по количеству опубликованных научных работ является группа исследователей, чьи труды сосредоточены на антимонопольном законодательстве и конкурентном праве в целом. К данному кругу специалистов относятся с одной стороны как должностные лица (в том числе отставные) ФАС России (а также взаимодействующие с ними от лица российского бизнеса практики), так и с другой стороны теоретики-исследователи конкурентного права, не связанные по роду профессиональной деятельности со службой в российском антимонопольном органе. Если указать более конкретно, к объединённому перечню исследователей относятся: Артемьев И.Ю., Пузыревский С.А., Сушкевич А.Г., Тесленко А.В., Бочинин И.П., Чорновол Е.П. и другие.

Первая укрупненная позиция упомянутого перечня исследователей сводится к характеристике группы общественных отношений, возникающих в ходе предоставления ГиМП в качестве самостоятельного института отрасли конкурентного права. Вместе с тем только Черновол Е.П. в своих научных публикациях исследует правовой статус института ГиМП, остальные авторы (Бочинин И.П. [1], Тесленко А.В. [6]) лишь толкуют данную сферу общественных отношений в качестве конкурентно-правового института с опорой на широкую административную и судебную практику российского антимонопольного органа. Черновол Е.П. в свою очередь теоретически обосновывает, что упомянутая сфера общественных отношений образует самостоятельный конкурентно-правовой институт [7, с. 77]. В качестве обоснования Черновол Е.П. указывает на следующие существенные признаки института предоставления ГиМП: однородность фактического содержания, юридическое единство норм и полноту регулирования отношений [7, с. 86]. Так, согласно мнению автора, общественные отношения в сфере предоставления ГиМП обладают должной однородностью и иерархически подчинены целям защиты конкуренции. В качестве дополнительного обоснования автор ссылается на то, что ГиМП не могут быть предоставлены в случае возникающей перспективы ограничения или недопущения конкуренции на том или ином товарном рынке [7, с. 80].

Следует отметить, что вышеизложенное авторское обоснование однородности как первого признака конкурентно-правового института предоставления ГиМП может быть оспорено при внимательном изучении отдельных положений главы 5 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (Далее – ФЗ «О защите конкуренции»). Так, ч. 3 ст. 19 гл. 5 ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает перечень случаев, при которых согласование предоставления ГиМП с российским антимонопольным органом не требуется. Кроме того, ч. 4 ст. 19 ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает перечень критериев, при соответствии которым предоставляемое преимущество перестаёт считаться преференцией и как следствие не требует согласования ФАС России. Создание российским законодателем исключений из общего порядка предоставления ГиМП создаёт почву для деления упомянутых по крайней мере на требующие согласования и не нуждающиеся в таковом. Важно отметить, что отсутствие необходимости согласования предоставления ГиМП способно привести к предоставлению таковой в противоречие целям, установленным ч. 1 ст. 19 ФЗ «О

защите конкуренции». Данное обстоятельство не может быть истолковано иначе как неоднородность общественных отношений с позиции конкурентного права.

В качестве второго признака Черновол Е.П. выделяет юридическое единство норм, регулирующих общественные отношения, возникающие при предоставлении ГиМП. Следует согласиться с автором в части единства нормативного правового регулирования согласования предоставления ГиМП (глава 5 ФЗ «О защите конкуренции»). Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что именно согласовательная процедура подчиняет упомянутую сферу общественных отношений целям защиты конкуренции и конкурентного права в целом. В свою очередь преференции не требующие согласования, а также преимущества, прямо исключаемые законодателем из перечня ГиМП, не поглощаются отраслевой спецификой конкурентного права, но при этом могут быть проверены ФАС России на предмет ограничения конкуренции в порядке главы 3 ФЗ «О защите конкуренции».

В противоречие с конкурентно-правовым обособлением института ГиМП вступает сразу несколько подходов. Так, согласно позиции профессора Петрова Д.А., процедуру согласования антимонопольным органом предоставления ГиМП отдельным хозяйствующим субъектам следует отнести к конкурентно-правовому институту мер предупреждения антиконкурентного поведения. Вышеизложенная позиция прослеживается при изучении структуры учебного пособия Петрова Д.А. под главной редакцией Попондопуло В.Ф. Так, в своём пособии авторы включают предоставление ГиМП в главу «меры предупреждения антиконкурентного поведения» и на протяжении всего раздела ни разу не характеризуют данную сферу общественных отношений в качестве самостоятельного правового института [4, с. 188-192] (при этом безусловно относя таковые к отрасли конкурентного права).

Институциональному обособлению в рамках режима отрасли конкурентного права противоречит также и позиция представителей административно-правовой науки. Так, согласно учебному пособию по конкурентному праву научного коллектива Егоровой М.А. и Кинева А.Ю., предоставление ГиМП не служит целям защиты конкуренции, а является лишь регламентацией согласовательной административной процедуры и как следствие – относится к отрасли административного права ввиду направленности согласовательной процедуры на легализацию распоряжения государственным или же муниципальным имуществом [2, с. 11]. Следует не согласиться с вышеизложенным подходом, так как ключевым аспектом согласовательной процедуры является не реализация управленческой компетенции органов системы публичной власти РФ, а оценка влияния предоставления преференции на состояние конкуренции на том или ином товарном рынке, а также соответствие целям защиты конкуренции (ч. 1 ст. 19 ФЗ «О защите конкуренции»). Вместе с тем, необходимо помнить о том, что согласно теоретическим трудам Ровинского Е.А., предмет финансового права составляют отношения, формирующиеся как при аккумулировании, так и при распределении народных доходов. Кроме того, автор подчёркивает, что все без исключения бюджетно-правовые отношения составляют предмет финансового права. Иные виды правоотношений (гражданские, административные) также были отнесены автором к предмету финансового права в случае соответствия таковых финансово-правовому целеполаганию (аккумулирование и распределение народных доходов) [3, с. 42].

В дальнейшем упомянутая теория Ровинского Е.А. была развита в теоретических трудах Соколовой Э.Д., согласно позиции которой: «В особенную часть финансового права включаются нормы, опосредующие общественные отношения, возникающие в процессе осуществления финансовой деятельности государства и муниципальных образований при распределении и перераспределении ВВП и части национального дохода общества путем создания, распределения (перераспределения) и использования различных фондов денежных средств (финансовых ресурсов), входящих в финансовую систему общества…» [5, с. 3-4].

Вышеизложенная позиция, позволяющая характеризовать институт предоставления ГиМП с точки зрения науки финансового права, находит обоснование также и в российском бюджетном законодательстве. Так, согласно содержанию ст. 6 БК РФ, российский законодатель причисляет к налоговым расходам публично-правовых образований налоговые льготы, освобождения и иные преференции по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам. В данном контексте в качестве ещё одного довода, обосновывающего подчинение института предоставления ГиМП режиму отрасли финансового права следует упомянуть возможность возникновения негативных последствий, предусмотренных бюджетным законодательством, в случае нецелевого использования получателем предоставленной преференции (ст. 306.4 БК РФ).

Таким образом следует сделать вывод о подчинении института предоставления ГиМП правовому режиму российской финансово-правовой отрасли. Ключевыми обстоятельствами, подтверждающими недостаточную степень однород-

ности упомянутой сферы общественных отношений (а также нормативного правового регулирования) с позиции конкретного права, выступает наличие широкой законодательной (а также подзаконной) базы, регламентирующей возможность предоставления ГиМП без согласия российского антимонопольного органа, при несоблюдении целей, установленных ч. 1 ст. 19 ФЗ «О защите конкуренции». Вместе с тем упомянутый вывод подкреплён правовой природой любой из предоставляемых преференций, представляющих из себя в первую очередь распределение национального дохода или же бюджетные расходы.

Список литературы:

[1] Бочинин И. П. Государственные и муниципальные преференции: влияние на конкуренцию // Российское конкурентное право и экономика. 2021. №3 С. 84-88.

[2] Конкурентное право: учебник / Под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. Научн. ред. И.Ю. Артемьев. М.: Юстицинформ, 2018. С. 11.

[3] Ровинский Е. А. Предмет советского финансового права // Советское государство и право. 1940. № 3 С. 27-48.

[4] Петров Д. А. Конкурентное право: учебник для вузов / Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 292 с.

[5] Соколова Э.Д. Научные воззрения на систему финансового права как отрасли российского права / Соколова Э.Д., Савостьянова С.А. // Финансовое право. 2016. № 10. С. 3-6.

[6] Тесленко А.В. Преференции: неконкурентные преимущества как элемент конкурентной политики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. №8. С. 114-122.

[7] Чорновол Е.П. Конкурентно-правовой институт преференции: понятие, состав и система // Юридические исследования. 2023. №11. С. 76-92.

References:

[1] Bochinin I. P. State and Municipal Preferences: Impact on Competition // Russian Competition Law and Economics. 2021. No. 3, pp. 84-88.

[2] Competition Law: Textbook / General editors M. A. Egorova, A. Yu. Scientific editor I. Yu. Artemyev. Moscow: Yustitsinform, 2018. p. 11.

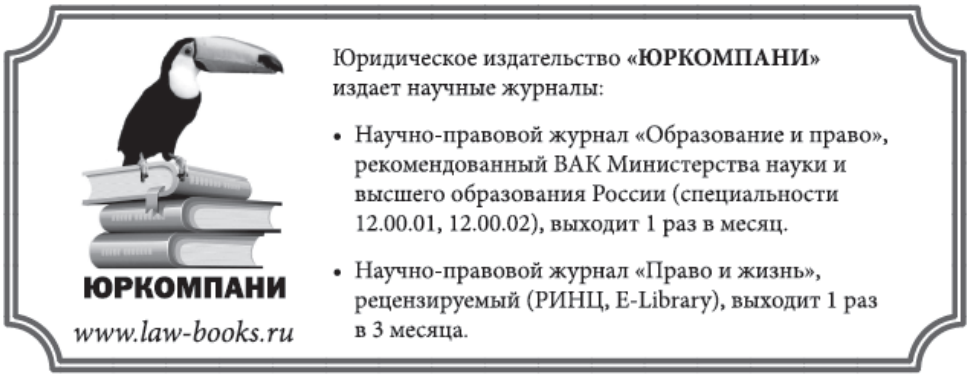
[3] Rovinsky E. A. Subject of Soviet Financial Law // Soviet State and Law. 1940. No. 3, pp. 27-48.

[4] Petrov D. A. Competition Law: Textbook for Universities / D. A. Petrov, V. F. Popondopulo. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 292 p.

[5] Sokolova E.D. Scientific Views on the System of Financial Law as a Branch of Russian Law / Sokolova E.D., Savostyanova S.A. // Financial Law. 2016. No. 10. pp. 3-6.

[6] Teslenko A.V. Preferences: Non-Competitive Advantages as an Element of Competition Policy // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2025. No. 8. pp. 114-122.

[7] Chornovol E.P. Competition-Legal Institute of Preference: Concept, Composition, and System // Legal Research. 2023. No. 11. pp. 76-92.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-238-244
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

КАЛИНИН Алексей Юрьевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры частного права
Государственного университета по землеустройству;
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

СВОБОДА ВОЛИ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ КАК УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

Аннотация. *Целью статьи является анализ свободы волеизъявления как обязательного условия действительности сделок в системе гражданско-правового регулирования. Ключевой задачей является выработка системных предложений по унификации подходов к оценке свободного волеизъявления, учитывающих как доктринальные разработки, так и потребности современной судебной практики.*

Ключевые слова*: воля; волеизъявление; условия действительности сделок; оспоримые сделки; правосубъектность.*

KALININ Alexey Yuryevich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Private Law
of the State University of Land Management;
Professor of the Department of Public Law Disciplines
at the Institute of Management Technologies
of the Russian Technical University of MIREA

FREE WILL AND EXPRESSION OF WILL AS CONDITIONS FOR THE VALIDITY OF THE TRANSACTION

Annotation. *The purpose of the article is to analyze freedom of expression as a prerequisite for the validity of transactions in the system of civil law regulation. The key task is to develop systematic proposals for the unification of approaches to the assessment of free expression of will, taking into account both doctrinal developments and the needs of modern judicial practice.*

Key words: *will; expression of will; conditions of validity of transactions; disputed transactions; legal personality.*

Актуальность исследования свободы волеизъявления как условия действительности сделки обусловлена динамикой судебной практики последних лет. Анализ статистики Верховного Суда РФ за 2020-2025 годы [2] демонстрирует устойчивый рост количества дел, связанных с оспариванием сделок по основаниям нарушения свободного волеизъявления сторон, что отражает возрастающую сложность экономических отношений, где внешние факторы всё чаще влияют на автономию воли участников гражданского оборота. Проблема заключается в существенной противоречивости судебной практики при оценке свободы волеизъявления, особенно в корпоративных конфликтах и потребительских правоотношениях, а именно, отсутствие единых критериев определения таких нарушений, как экономическое принуждение или злонамеренное согласование условий, приводит к разным правовым последствиям в аналогичных ситуациях [24]. Эта неопределённость создаёт значительные риски для добросовестных участников гражданского оборота, вынужденных учитывать судебные прецеденты при заключении сделок [18].

Истоки доктринальных представлений о воле и волеизъявлении восходят к античной философской мысли, где воля рассматривалась как фундаментальное свойство человеческой природы. В трудах древнегреческих философов формировались первые концепции свободы выбора и ответственности за совершаемые действия. Эти идеи получили развитие в римском праве, где начало складываться понимание юридической значимости волевых актов [15]. Однако систематизированное учение о воле как право-

вой категории сформировалось значительно позже. В средневековой юриспруденции произошло углубление анализа соотношения внутренней воли и её внешнего выражения. Каноническое право и труды глоссаторов заложили основы для разграничения субъективного намерения и объективированной формы его проявления [25]. Тогда как в Новое время происходит чёткое разделение воли как психического акта и волеизъявления как его внешнего выражения. Действительность сделки здесь зависит от соответствия воли и волеизъявления. При этом, разработка базовых конструкций воли и волеизъявления создала методологическую основу для анализа действительности сделок в гражданском праве, тогда как дифференциация между внутренними психическими процессами и их внешним выражением позволила выработать критерии оценки свободы волеизъявления [12].

Говоря о формирование представлений о свободе волеизъявления в российском гражданском праве, следует отметить, что в Своде законов Российской империи нашли отражение западноевропейские правовые концепции свободы воли, заимствованные преимущественно из немецкой цивилистической доктрины [13]. Российское законодательство XIX века восприняло идею воли как основополагающего элемента сделки, однако допускало существенные ограничения в зависимости от сословной принадлежности субъекта. Формальное закрепление принципа добровольности заключения договоров сочеталось с сохранением патриархальных и сословных рамок, что отражало дуализм правовой системы имперского периода.

Советский период ознаменовался радикальной трансформацией подходов к свободе волеизъявления под влиянием классовой теории. «Кардинальные изменения, произошедшие в начале XX века, привели к отказу от «буржуазных» правовых принципов, включая и добросовестность. Юриспруденция и все её отрасли переживали тяжелые времена. Из-за смены капиталистической формации на социалистическую многие правоотношения в гражданском праве, урегулированные принципом добросовестности, просто перестали существовать. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года формально сохранил категорию волеизъявления, но подчинил её принципу экономической целесообразности. Доктрина советского гражданского права трактовала свободу воли как производную от государственных интересов, что существенно ограничивало автономию участников оборота. Судебная практика ориентировалась на формальные критерии определения действительности волеизъявления, игнорируя психологические аспекты формирования воли. Ограничение частноправовых начал привело к доминированию императивных норм, регулирующих договорные отношения в интересах плановой экономики [19].

Современное российское гражданское право осуществило реставрацию классических принципов автономии воли через закрепление фундаментальных начал частного права. Переломный момент наступил с принятием Гражданского кодекса РФ, где принцип добросовестности был закреплен в ст. 1 в качестве одного из основных начал гражданского законодательства. Восстановление института частной собственности и свободы договора создало предпосылки для развития доктрины свободного волеизъявления, хотя современные экономические реалии порождают новые вызовы в определении границ внешнего воздействия на волю участников сделок.

В современной российской цивилистике выработана система критериев свободного волеизъявления, выступающих необходимыми условиями действительности сделок. Сложность возникает при разграничении правомерного воздействия (убеждение, переговоры) и неправомерного давления (угрозы, обман). Отдельную проблему представляют латентные нарушения процесса формирования воли, вызванные психофизиологическими особенностями или скрытым информационным воздействием. Доктринальные споры ведутся относительно степени влияния таких факторов на действительность волеизъявления [21].

Судебное толкование играет ключевую роль в применении статьи 178 ГК РФ при установлении действительности волеизъявления. Согласно ей, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Именно данная формирует стандарты оценки добросовестности участников сделок и используется судами при установлении соответствия волеизъявления требованиям закона [19].

Следует также отметить, что в ряде постановлений ВС РФ подчеркивает необходимость разграничения объективных условий сделки и неправомерного воздействия на волю участников. Например, суд признает недействительными соглашения, заключенные под угрозой причинения вреда имущественным интересам при отсутствии разумных альтернатив. При этом отмечается, что обычные коммерческие риски или невыгодные условия сами по себе не свидетельствуют о нарушении свободы воли [16].

Процессуальные сложности в доказывании нарушений свободы волеизъявления связаны с отсутствием формализованных критериев оценки. Несмотря на нормативное закрепление, применение принципа добросовестности на практике сопряжено с рядом сложностей. Отсутствие четких критериев определения «добросовестного поведения» в конкретных ситуациях порождает субъективизм в правоприменительной практике. Зачастую сложно доказать недобросовестность действий человека, что снижает эффективность защиты прав [17]. Это приводит к вариативности судебных решений по аналогичным делам. Верховный Суд РФ выработал подход к распределению бремени доказывания, возлагая на сторону, оспаривающую сделку, обязанность подтвердить факт воздействия на волю. При этом суд учитывает презумпцию добросовестности участников гражданского оборота. Для опровержения данной презумпции требуются убедительные доказательства, включая документы, свидетельские показания и экспертные заключения [6].

Правовые позиции ВС РФ содержат критерии разграничения правомерного коммерческого давления и неправомерного экономического принуждения. Исторически принуждение и обман – яркие примеры недобросовестности в дореволюционном праве. Верховный Суд РФ указывает, что ключевым признаком экономического принуждения является создание ситуации, при которой сторона лишается возможности действовать в своих интересах. Например, злоупотребление доминирующим положением или использование экстренных обстоятельств контрагента рассматриваются как неправомерное воздействие. Напротив, жесткие условия переговоров в рамках обычной деловой практики не признаются нарушением свободы волеизъявления [1].

Экономическое принуждение занимает лидирующее положение среди оснований оспаривания сделок в судебной практике [7]. Данное нарушение проявляется в ситуациях, когда одна сторона, используя доминирующее экономическое положение, ограничивает свободу выбора контрагента. Характерными признаками выступают явная диспропорция в условиях договора и наличие угрозы причинения существенного вреда имущественным интересам. Судебные органы при установлении факта принуждения анализируют объективные обстоятельства заключения сделки. Доказывание экономического принуждения сопряжено с необходимостью установления причинно-следственной связи между противоправными действиями и принятием решения о совершении сделки. Разграничение заблуждения от коммерческого риска осуществляется на основе критериев, закрепленных в п. 1 ст. 178 ГК РФ. Ключевое значение имеет установление влияния заблуждения на действительную волю участника сделки. Судебная практика учитывает, имела ли сторона возможность получить достоверную информацию при проявлении обычной осмотрительности. Особую сложность представляет оценка заблуждений относительно будущих обстоятельств, которые стороны могли предвидеть. При разрешении споров о существенном заблуждении применяются специальные правила толкования волеизъявления [14]. Если все остальные способы толкования не помогли, и обе стороны по-разному понимают договор, предпочтение отдаётся стороне, которая должна что-то сделать (передать вещь, выполнить работу, уплатить деньги). Считается, что другая сторона имела больше возможностей чётко сформулировать свои требования в договоре. Данный подход подчеркивает значение распределения рисков при формулировании условий сделки [10].

Следует также отметить особенности рассмотрения споров о свободе воли в корпоративных и потребительских сделках. Корпоративные сделки с участием аффилированных лиц характеризуются повышенной сложностью доказывания нарушения свободы волеизъявления, что обусловлено наличием устойчивых хозяйственных связей между участниками, затрудняющее установление фактов экономического принуждения или иного воздействия. Суды здесь вынуждены обращать внимание на формальные признаки согласованности действий аффилированных субъектов, при этом особенностью судебного подхода является смещение бремени доказывания в случаях, когда сделка совершается между контролирующими и зависимыми лицами. Иными словами, суды требуют представления доказательств, подтверждающих отсутствие скрытого принуждения или злоупотребления правом, что направлено на предотвращение злоупотреблений в корпоративной сфере при сохранении баланса интересов участников оборота [5].

В потребительских сделках законодатель устанавливает специальные механизмы защиты слабой стороны, направленные на компенсацию изначального дисбаланса в положении контрагентов. Презумпция добросовестности предпринимателя и усиленные гарантии для потребителя создают особый режим оценки действительности волеизъявления. Судебная практика исходит из необходимости повышенной судебной защиты прав потребителей при установлении фактов навязывания условий договора. Данный подход реализует принцип социальной справедливости в гражданско-правовых отношениях. Международный опыт демонстрирует развитие специаль-

ных мер защиты потребительских прав. Примером особой меры защиты потребителя в рамках ЕС являются, в частности, Директива о несправедливых условиях и Директива о правах потребителей [20]. Российское законодательство восприняло аналогичные подходы, закрепив в ГК РФ и специальных законах императивные правила заключения потребительских договоров. Указанные нормы направлены на минимизацию рисков нарушения свободы волеизъявления за счёт ограничения свободы договора для предпринимателей [4,8,9].

Современное российское законодательство содержит противоречия в определении свободы волеизъявления как условия действительности сделок. Правоприменительная практика демонстрирует отсутствие единых стандартов квалификации принуждения и злонамеренного соглашения как факторов, ограничивающих свободу воли. В современной России законодательство делает акцент именно на злонамеренность поведения, которое противоречит принципу добросовестности. Однако такой детальной структуры нет, что делает принцип ещё более абстрактным и создает проблемы в судебной практике. Недостаточная регламентация данных понятий приводит к разночтениям при оценке обстоятельств конкретных сделок. Судебный произвол проявляется в противоречивой оценке идентичных по существу случаев воздействия на волю контрагента. Отсутствие законодательно закрепленных критериев разграничения правомерного влияния и неправомерного давления создает почву для дискреционного усмотрения судов. Это подрывает стабильность гражданского оборота и правовую определенность. Унификация доктринальных подходов и их имплементация в нормативную базу могли бы минимизировать указанные риски [12].

Представляется необходимым сказать также и о проблемах квалификации внешних воздействий на волю стороны как оснований для оспаривания сделки. Ключевой проблемой при квалификации внешних воздействий на волю стороны является отсутствие законодательно закреплённых критериев разграничения правомерного влияния и неправомерного давления. Действующее гражданское законодательство не содержит чётких определений допустимых пределов воздействия на процесс формирования воли контрагента. Эта неопределённость приводит к противоречивой судебной практике, когда аналогичные обстоятельства по-разному оцениваются судами первой и апелляционной инстанций. Особую сложность представляет квалификация психологического давления в условиях цифровой экономики. В деле Spreadex Ltd v. Cochrane [3] Высокий суд Англии отказал в удовлетворении иска о принудительном применении условий пользовательского соглашения в отношении потребителя на том основании, что эти условия крайне трудны для восприятия и не являются персонально обговариваемыми [11]. Российская практика демонстрирует аналогичные проблемы при оценке стандартных договоров присоединения, где баланс между информационным воздействием и принуждением остаётся дискуссионным [22].

Существенной трудностью при рассмотрении споров выступает определение степени интенсивности внешнего воздействия, необходимой для признания волеизъявления несвободным. Суды вынуждены самостоятельно устанавливать пороговые значения влияния, руководствуясь преимущественно оценочными категориями. Отсутствие формализованных параметров для измерения интенсивности воздействия приводит к субъективизму при оценке таких обстоятельств, как экономическое принуждение или злоупотребление доминирующим положением.

Правоприменительная практика сталкивается с проблемой отсутствия регламентированных правил доказывания причинно-следственной связи между внешним воздействием и принятием решения. Как справедливо отмечено в доктрине, «механизм доказывания размера убытков и вины конкретного лица в цепи цифровой обработки данных крайне усложнен [10, С. 7]». Эта сложность особенно проявляется в сделках с использованием автоматизированных систем, где установление человеческого волевого элемента требует разработки специальных процессуальных подходов.

Анализ судебной практики выявляет существенные расхождения в подходах к оценке свободы волеизъявления при рассмотрении споров о недействительности сделок. Отсутствие единообразных критериев приводит к принятию противоположных решений по аналогичным делам в различных судебных инстанциях. Особенно ярко это проявляется при квалификации таких факторов, как психологическое давление или экономическое принуждение, где судьи руководствуются субъективными оценочными суждениями. Правовая неопределённость в данном вопросе создаёт проблемы для формирования стабильной судебной практики, при этом участники гражданского оборота лишаются возможности прогнозировать последствия своих действий, что повышает риски оспаривания сделок.

В этой связи представляется необходимым законодательное закрепление универсальных критериев оценки действительности волеизъявления. Целесообразно дифференцировать правовые последствия в зависимости от интенсивности и продолжительности оказываемого воздей-

ствия. Разработка единых стандартов предполагает создание исчерпывающей классификации видов вмешательства в процесс формирования воли с чёткими критериями отграничения. Особое внимание следует уделить градации воздействий по тяжести последствий, что позволит унифицировать подходы к оценке существенности нарушения свободы волеизъявления. Подобная систематизация обеспечит согласованность судебных решений и повысит правовую определённость.

Законодательное закрепление универсального определения свободы волеизъявления требует дифференциации субъективных и объективных критериев. Отсутствие единого подхода в доктрине создаёт проблемы правоприменительной практики, что подтверждается различными трактовками смежных понятий. Как отмечается в исследованиях, «существуют различные подходы к определению добросовестности в гражданском праве. Один из подходов рассматривает добросовестность как совокупность объективных и субъективных критериев» [23]. Это свидетельствует о необходимости системного подхода к формулированию понятия «свобода воли», при этом разработка универсального определения должна учитывать динамику гражданского оборота и новые формы взаимодействия сторон. В частности, как справедливо отмечает С.П. Усач, «совершенствование законодательной базы – требуется принятие специального закона, детально регулирующего дистанционные сделки с недвижимостью, который четко разграничит ответственность между владельцем УКЭП, удостоверяющим центром и регистрирующим органом; закрепит правовой статус смарт-контрактов и распределит ответственность за ошибки в их коде и установит повышенные стандарты безопасности для информационных систем, используемых в обороте недвижимости…» [23]. Данный подход может быть экстраполирован и на другие виды сделок.

Представляется, что систематизация норм о пороках воли предполагает создание единого института оспоримых сделок в структуре Гражданского кодекса, при этом объединение разрозненных положений статей 178-179 ГК РФ в отдельную главу повысит согласованность правового регулирования, что позволит установить общие принципы оценки действительности волеизъявления и унифицировать последствия признания сделок недействительными.

Кроме того, отсутствие единых методических рекомендаций по установлению причинно-следственной связи между противоправным воздействием и волеизъявлением создаёт существенные сложности в судебной практике. Разрозненность подходов приводит к противоречивой оценке одних и тех же обстоятельств дела различными инстанциями. В этой связи, необходимость разработки универсальных критериев обусловлена потребностью в повышении правовой определённости и снижении судебных ошибок, тогда как систематизация существующих доктринальных позиций должна стать основой для формирования единых стандартов доказывания. Анализ причинно-следственных связей требует комплексного подхода, учитывающего как объективные обстоятельства совершения сделки, так и субъективное восприятие сторон. Особое значение приобретает дифференциация влияния различных форм воздействия на процесс формирования воли участников сделки. Ключевым аспектом методических рекомендаций должно стать выделение объективных критериев оценки степени воздействия на волю стороны, в частности, внедрение процессуальных стандартов доказывания фактов психического давления, что необходимо для обеспечения единообразия судебной практики.

Представляется, что следует уделять особое внимание проверке финансового состояния потенциального партнера и наличию у него признаков экономической зависимости. Кроме того, рекомендуется внедрение многоуровневой системы согласования крупных сделок с привлечением юридических и финансовых служб. Такие меры способствуют выявлению скрытых форм принуждения, включая злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Для фиксации добровольности волеизъявления рекомендуется использовать юридически значимые формы документального оформления переговоров. В частности, составление протоколов разногласий, подписание преддоговорных протоколов и актов сверки взаимных обязательств создают доказательственную базу свободного волеобразования. При этом, данные документы должны содержать явные указания на отсутствие давления при принятии решений.

Эффективным способом подтверждения добровольности волеизъявления является нотариальное удостоверение сделок с фиксацией разъяснения сторонам их прав и последствий.

Дополнительную гарантию обеспечивает видеозапись процесса заключения сделки при условии соблюдения требований к обработке персональных данных. Современные технологии электронного подписания также позволяют внедрять многофакторную аутентификацию волеизъявления.

Подводя итоги следует отметить, что что свобода волеизъявления сохраняет статус фундаментального условия действительности сделок

в современном гражданском праве. Историко-правовой анализ эволюции данного понятия демонстрирует устойчивую связь с принципом автономии воли как основой правовой определённости. При этом в условиях усложнения экономических отношений гарантия свободного формирования и выражения воли приобретает особое значение для обеспечения стабильности договорных обязательств, это положение находит отражение как в доктринальных подходах, так и в законодательных конструкциях гражданского права. Анализ судебной практики выявил усиление проблем, связанных с внешними воздействиями на волю участников сделок, включая экономическое принуждение, обман и заблуждение. Особую сложность представляет квалификация косвенного давления, где отсутствуют прямые признаки противоправности, но присутствует существенное ограничение свободы выбора.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

[2] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел // https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611

[3] Case C-49/11 Content Service Ltd v Bundesarbeitskammer [2012] CMLR 34. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62011CJ0049

[4] Белов В.А. Условия ущемляющие права потребителей и новый подход к правовому регулированию содержания потребительского договора // Гражданин и право. 2022. № 7. С. 69-80.

[5] Белова Т.В., Некрасова Н.А. Получение согласия при совершении корпоративных сделок: семейно-правовой аспект // Экономические преобразования: теория и практика. 2023. № 1 (7). С. 48-56.

[6] Гинзбург И.В. Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. №4. С. 83-91.

[7] Иванова Е.В. Проблемы квалификации принуждения к совершению сделки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. №2. С. 164-171.

[8] Калинин А.Ю. К вопросу о применении Закона «О защите прав потребителей» к правоотношениям в сфере образования // В сборнике: Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. сборник научных статей участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ГСГУ. Государственный социально-гуманитарный университет. Коломна, 2021. С. 45-51.

[9] Канашевский В.А. Коллизионное регулирование договоров с участием потребителей // Международное публичное и частное право. 2016. №4. С. 22–25.

[10] Корнилина П.В. Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа доктрины заблуждения при заключении договора // Правоведение. 2022. №2. С. 145-160.

[11] Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.

[12] Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. - М.: Статут, 2017. – 176 с.

[13] Петрова Д.С. Отпадение цели договора сквозь призму правового значения каузального мотива в немецком, российском и английском праве // Конференция «Ломоносов 2019». - СПб., 2019. С. 2-7.

[14] Поваров Ю.С. Механизм исцеления сделки, совершенной под влиянием заблуждения, при согласии контрагента на сохранение ее силы // Актуальные проблемы российского права. 2025. №1 (170). С. 111-120.

[15] Покровский И.А. История римского права – М.: Юрайт, 2025. – 235 с.

[16] Протасова А.С. Роль постановлений Верховного Суда РФ в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Общество и цивилизация. 2022. №1. С. 61-64.

[17] Протасова А.С. Соотношение принципа добросовестности с принципом свободы договора // Общество и цивилизация. 2022. №1. С. 61-64.

[18] Родина Т.Ю., Козин Д.А. Феномен воли и волеизъявления в недействительной сделке // Экономика. Социология. Право. 2023. №1 (29). С. 91-98.

[19] Седых А.А. Становление и развитие принципа добросовестности в гражданском праве России // Гуманитарный научный вестник. 2025. №4. С. 246–250.

[20] Сергеева О.В. Влияние цифровизации на регулирование преддоговорных отношений в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №3. С. 162–184.

[21] Темерев С.О. Воля и пороки воли в сделке // Вестник науки. 2025. № 7 (88). С. 157-165.

[22] Терентьева Л.В. Понятие кибер-пространства и очерчивание его территориальных контуров // Правовая информатика. 2018. №4. С. 66–71.

[23] Усач С.П., Борисова-Жарова В.Г. Проблемы правового регулирования сделок с недвижимостью в условиях цифровизации: анализ рисков ответственности // Столыпинский вестник. 2025. №4. С. 4-8.

[24] Шичко А.Р., Артемьев Р.Д., Хачатурова А.А., Чевлытко В.В. Формирование воли и волеизъявления при заключении сделок // Право и управление. 2024. №6. С. 425-429.

[25] Юмашев Ю.М. История формирования западноевропейского частного права // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200). С. 80-84.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation “//SPS Consultant Plus.

[2] Review of statistical data on the consideration of administrative, civil and criminal cases in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025// https://www.vsrf.ru/documents/statistics/34611

[3] Case C-49/11 Content Service Ltd v Bundesarbeitskammer [2012] CMLR 34. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-:62011CJ0049

[4] Belov V.A. Conditions infringing consumer rights and a new approach to the legal regulation of the content of a consumer contract//Citizen and law. 2022. № 7. S. 69-80.

[5] Belova T.V., Nekrasova N.A. Obtaining consent when making corporate transactions: family legal aspect//Economic transformations: theory and practice. 2023. № 1 (7). S. 48-56.

[6] Ginzburg I.V. Application of the principle of good faith by courts: comparative legal research// Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2024. №4. S. 83-91.

[7] E.V. Ivanova. Problems of qualification of coercion to commit a transaction//Criminal law: development strategy in the XXI century. 2023. №2. S. 164-171.

[8] Kalinin A.Yu. On the application of the Law “On Protection of Consumer Rights” to legal relations in the field of education//In the collection: Law and the state, society and personality: history, theory, practice. collection of scientific articles by participants of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of the SSSU. State Social and Humanitarian University. Kolomna, 2021. S. 45-51.

[9] Kanashevsky V.A. Conflict of laws regulation of contracts involving consumers//International public and private law. 2016. №4. S. 22-25.

[10] Kornilina P.V. Some aspects of the comparative legal analysis of the doctrine of delusion at the conclusion of a contract//Jurisprudence. 2022. №2. S. 145-160.

[11] Majorina M.V. Private international law in the context of globalization: from denationalization to fragmentation//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 1. S. 193-217.

[12] Mandzhiev A.D. Free will in contractual legal relations. - M.: Statute, 2017. - 176 s.

[13] Petrova D.S. The defeat of the purpose of the contract through the prism of the legal significance of the causal motive in German, Russian and English law//Conference “Lomonosov 2019.” - St. Petersburg, 2019. S. 2-7.

[14] Povarov Yu.S. Mechanism for healing a transaction made under the influence of a delusion, with the consent of the counterparty to preserve its strength//Actual problems of Russian law. 2025. №1 (170). S. 111-120.

[15] Pokrovsky I.A. History of Roman Law - M.: Yurayt, 2025. - 235 s.

[16] A.S. Protasova. The Role of Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation in the Practice of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts//Society and Civilization. 2022. №1. S. 61-64.

[17] Protasova A.S. Correlation of the principle of good faith with the principle of freedom of contract//Society and civilization. 2022. №1. S. 61-64.

[18] Homeland T.Yu., Kozin D.A. Phenomenon of will and will in an invalid transaction//Economics. Sociology. Right. 2023. №1 (29). S. 91-98.

[19] Sedykh A.A. Formation and development of the principle of good faith in the civil law of Russia//Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. №4. S. 246-250.

[20] Sergeeva O.V. Impact of digitalization on the regulation of pre-contractual relations in private international law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. №3. S. 162-184.

[21] Temerev S.O. Will and the vices of will in the transaction//Bulletin of Science. 2025. № 7 (88). S. 157-165.

[22] Terentyeva L.V. The concept of cyberspace and delineation of its territorial contours// Legal informatics. 2018. №4. S. 66-71.

[23] Usach S.P., Borisova-Zharova V.G. Problems of legal regulation of real estate transactions in the context of digitalization: analysis of liability risks// Stolypinsky Bulletin. 2025. №4. S. 4-8.

[24] A.R. Shichko, R.D. Artemyev, A.A. Khachaturova, V.V. Chevlytko. Formation of will and will in concluding transactions//Law and management. 2024. №6. S. 425-429.

[25] Yumashev Yu.M. History of the formation of Western European private law//Eurasian Law Journal. 2025. № 1 (200). S. 80-84.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-245-250

ИВАНОВ Артём Витальевич,
студент магистратуры
Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого,
e-mail: av.ivanov17@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа соглашения об оказании юридической помощи, заключаемого между адвокатом и доверителем. Актуальность темы связана с тем, что действующее законодательство прямо относит данное соглашение к гражданско-правовым договорам, но не раскрывает в полной мере его место среди иных договорных конструкций. В научной литературе встречаются различные подходы: соглашение рассматривается как разновидность договора возмездного оказания услуг, как договор поручения либо как самостоятельная договорная модель. В статье анализируются аргументы в пользу каждого подхода и обосновывается вывод о специальном характере соглашения между адвокатом и доверителем. Отмечается, что внешнее сходство с договором оказания услуг проявляется в совершении адвокатом профессиональных действий в интересах доверителя, а сходство с договором поручения - в представительской функции адвоката. Вместе с тем эти конструкции не охватывают всей специфики адвокатской деятельности. Особое значение имеют субъектный состав, адвокатская тайна, профессиональная независимость адвоката, запрет гарантировать результат и возможность дисциплинарной ответственности. Автор приходит к выводу, что соглашение об оказании юридической помощи следует рассматривать как специальный гражданско-правовой договор, сочетающий частноправовую форму и профессионально-правовое содержание.*

Ключевые слова*: адвокат, доверитель, соглашение об оказании юридической помощи, адвокатская помощь, договор возмездного оказания услуг, договор поручения, адвокатская тайна, правовая природа, дисциплинарная ответственность, предмет поручения.*

IVANOV Artyom Vitalievich,
Graduate student at the Higher School of Law and Forensic Examination
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

LEGAL NATURE OF THE LEGAL ASSISTANCE AGREEMENT

Annotation. *The article examines the legal nature of the legal assistance agreement concluded between an advocate and a client. The relevance of the topic is due to the fact that Russian legislation directly classifies this agreement as a civil law contract, but does not fully define its place among other contractual structures. Legal scholarship offers several approaches: the agreement is viewed as a type of contract for paid services, as an agency agreement, or as an independent contractual model. The article analyzes the arguments supporting each approach and substantiates the conclusion that the agreement between an advocate and a client has a special legal nature. Its similarity to a paid services contract lies in the professional actions performed by the advocate in the interests of the client, while its similarity to an agency agreement appears in the representative function of the advocate. However, these contractual models do not cover all specific features of advocacy. The subject composition, attorney-client privilege, professional independence of the advocate, prohibition on guaranteeing a result, and the possibility of disciplinary liability are of particular importance. The author concludes that the legal assistance agreement should be regarded as a special civil law contract combining a private law form with professional legal content.*

Key words*: advocate, client, legal assistance agreement, legal assistance, contract for paid services, agency agreement, attorney-client privilege, legal nature, disciplinary liability, subject of assignment.*

Право на получение квалифицированной юридической помощи закреплено на конституционном уровне. На практике одним из основных способов реализации этого права выступает обращение к адвокату. При этом отношения между адвокатом и доверителем не возникают сами по себе. Их правовым основанием является соглашение об оказании юридической помощи.

В российском законодательстве это соглашение прямо названо гражданско-правовым договором. Такой подход понятен: стороны согласуют предмет поручения, условия оплаты, порядок возмещения расходов, права и обязанности. Однако простого указания на гражданско-правовую форму недостаточно для понимания природы данного соглашения. Если ограничиться только этим, можно не заметить то, что отличает адвоката от обычного исполнителя юридических услуг.

Проблема состоит в том, что соглашение между адвокатом и доверителем находится на пересечении нескольких правовых режимов. С одной стороны, оно оформляет частный интерес доверителя в получении юридической помощи. С другой стороны, адвокат действует в рамках профессионального статуса, обязан соблюдать адвокатскую тайну, нормы профессиональной этики и специальные ограничения, вытекающие из законодательства об адвокатуре. Именно поэтому вопрос о правовой природе соглашения остается дискуссионным.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить, может ли соглашение об оказании юридической помощи быть отнесено к уже известным гражданско-правовым договорам или его следует рассматривать как специальную договорную конструкцию.

Для достижения указанной цели необходимо решить несколько задач: рассмотреть гражданско-правовые признаки соглашения; сопоставить его с договором возмездного оказания услуг и договором поручения; выявить признаки, которые не позволяют полностью свести соглашение к указанным договорным моделям; обосновать специальный характер соглашения между адвокатом и доверителем.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, системный подход, сравнительно-правовой метод, а также метод толкования правовых норм. Формально-юридический метод использовался при анализе законодательства об адвокатской деятельности, гражданского законодательства и норм профессиональной этики адвоката. Системный подход позволил рассмотреть соглашение об оказании юридической помощи не изолированно, а в связи с общими положениями обязательственного права и специальными гарантиями адвокатской деятельности. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении соглашения с договором возмездного оказания услуг и договором поручения.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекс профессиональной этики адвоката. Также использованы научные работы, посвященные правовой природе соглашения об оказании юридической помощи, гражданско-правовой ответственности адвоката, адвокатской тайне, особенностям защиты в уголовном судопроизводстве и соотношению соглашения с иными гражданско-правовыми договорами.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет соглашение об оказании юридической помощи как гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между адвокатом и доверителем [4]. Уже из этой формулировки следует, что законодатель не выводит отношения адвоката и доверителя за пределы гражданского права. Напротив, соглашение встраивается в договорную модель, основанную на воле сторон и согласовании существенных условий.

Такой подход согласуется с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со статьей 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [2]. Отношения адвоката и доверителя в этом смысле действительно являются договорными. Адвокат принимает поручение и обязуется оказать юридическую помощь. Доверитель, в свою очередь, обязан содействовать исполнению поручения, предоставить необходимые сведения и, как правило, выплатить вознаграждение.

Соглашение также может быть охарактеризовано как консенсуальное. Оно считается заключенным после достижения сторонами соглашения по существенным условиям и оформления его в письменной форме. К числу таких условий относятся указание на адвоката, предмет поручения, условия выплаты вознаграждения, порядок компенсации расходов и ответственность адвоката [4]. В этом проявляется связь соглашения с общими правилами договорного права.

Однако гражданско-правовая форма не означает, что соглашение можно полностью объяснить только через нормы Гражданского

кодекса. Для обычного гражданско-правового договора главное значение имеет воля сторон и согласованный ими объем прав и обязанностей. В соглашении с адвокатом часть обязанностей возникает не потому, что стороны специально включили их в текст договора, а потому, что исполнителем является адвокат. Например, адвокатская тайна, профессиональная независимость, запрет на конфликт интересов и обязанность действовать добросовестно существуют независимо от того, насколько подробно они описаны в соглашении [5].

Поэтому гражданско-правовая природа соглашения является исходной, но не исчерпывающей характеристикой. Она показывает форму связи между адвокатом и доверителем, но не раскрывает полностью ее содержание.

В научной литературе распространен подход, согласно которому соглашение об оказании юридической помощи можно рассматривать как разновидность договора возмездного оказания услуг. Такой позиции, в частности, придерживается М. В. Кратенко, указывая на договорную природу отношений по оказанию юридической помощи [7]. И. М. Исаков и Л. Ю. Новицкая также связывают соглашение с моделью возмездного оказания услуг и рассматривают ее как наиболее близкую гражданско-правовую конструкцию [13].

У этого подхода есть понятные основания. Во многих случаях адвокат действительно совершает действия, которые внешне напоминают оказание услуг: консультирует доверителя, анализирует документы, готовит процессуальные документы, участвует в переговорах, формирует правовую позицию. В таких ситуациях доверитель заинтересован не в материальном результате, а в самой профессиональной деятельности адвоката.

Кроме того, соглашение чаще всего носит возмездный характер. Вознаграждение адвоката является одним из существенных условий соглашения. Это также сближает его с договором возмездного оказания услуг. Наконец, результат адвокатской деятельности не всегда имеет овеществленное выражение. Иногда помощь состоит в устной консультации, правовой оценке ситуации или выборе способа защиты.

Тем не менее договор возмездного оказания услуг объясняет только часть отношений адвоката и доверителя. Исполнителем по такому договору может быть любое лицо, способное оказать соответствующую услугу. В соглашении об оказании юридической помощи исполнителем выступает адвокат, то есть лицо со специальным статусом. Это отличие нельзя считать формальным. Именно оно влечет применение законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Обычный исполнитель юридических услуг не включен в систему адвокатуры и не несет дисциплинарной ответственности перед адвокатским сообществом. Адвокат, напротив, может быть привлечен не только к гражданско-правовой ответственности перед доверителем, но и к дисциплинарной ответственности за нарушение профессиональных обязанностей [14].

Кроме того, договор оказания услуг не предполагает специального режима адвокатской тайны. Конфиденциальность в обычных договорных отношениях может быть установлена соглашением сторон. В отношениях адвоката и доверителя обязанность сохранять тайну действует в силу профессионального статуса адвоката. Это различие показывает, что соглашение об оказании юридической помощи не может быть сведено только к модели возмездного оказания услуг.

Другой подход связывает соглашение об оказании юридической помощи с договором поручения. Этот подход также имеет основания. Значительная часть адвокатской деятельности действительно связана с представительством интересов доверителя. Адвокат может действовать в суде, подавать заявления, ходатайства, жалобы, участвовать в судебных заседаниях, совершать иные юридически значимые действия.

Такое сходство особенно заметно в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. В этих случаях адвокат реализует процессуальные права доверителя и действует в его интересах. Поэтому попытка объяснить соглашение через договор поручения выглядит логичной, особенно когда предмет поручения состоит именно в представительстве.

Вместе с тем договор поручения также не охватывает всех форм адвокатской помощи. Адвокат может не только представлять доверителя, но и консультировать его, анализировать документы, готовить заключения, сопровождать переговоры, разрабатывать позицию по делу. Такие действия не всегда совершаются от имени доверителя. Они могут быть направлены на подготовку правовой позиции или оценку рисков.

Есть и еще одно отличие. В классической модели поручения важное значение имеет доверенность. В адвокатской деятельности полномочия могут подтверждаться не только доверенностью, но и ордером, а в отдельных случаях - сочетанием различных документов. Это особенно важно в уголовном судопроизводстве, где участие адвоката связано с процессуальным статусом защитника [8].

Кроме того, договор поручения не учитывает ограничений, которые возникают из профессионального положения адвоката. Например, адвокат, принявший защиту, не может произвольно отказаться от нее только по правилам

гражданского права. С. М. Барышникова справедливо обращает внимание на проблему соотношения права адвоката на расторжение соглашения и принципа недопустимости отказа от принятой на себя защиты [11]. Для обычного поверенного такой публично значимый элемент не является определяющим.

Следовательно, договор поручения объясняет представительскую часть адвокатской деятельности, но не раскрывает всего содержания соглашения об оказании юридической помощи.

Сопоставление соглашения с договором возмездного оказания услуг и договором поручения показывает, что обе конструкции могут быть использованы для объяснения отдельных элементов адвокатской деятельности. Если адвокат консультирует доверителя или готовит документы, соглашение ближе к договору оказания услуг. Если он представляет доверителя в суде, появляются признаки поручения. Однако сама возможность такого сопоставления не означает, что соглашение полностью совпадает с какой-либо из этих моделей.

Главное отличие связано с субъектом исполнения. В соглашении об оказании юридической помощи исполнителем является адвокат. Статус адвоката заранее определяет ряд правил, которые не зависят от усмотрения сторон. Адвокат обязан действовать честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно, соблюдать адвокатскую тайну, избегать конфликта интересов и не обещать доверителю положительный результат по делу [5].

Именно этот элемент меняет содержание соглашения. Для доверителя имеет значение не только юридическая помощь как услуга, но и то, что она оказывается лицом, включенным в адвокатуру. Поэтому соглашение с адвокатом нельзя воспринимать как обычный договор с юридическим консультантом. Оно оформляет не просто выполнение действий, а профессиональную помощь, связанную с гарантиями независимости и конфиденциальности.

Особое место занимает адвокатская тайна. В исследованиях Е. М. Касаткиной адвокатская тайна рассматривается как важная гарантия доверия между адвокатом и лицом, обратившимся за правовой помощью [15]. Если доверитель не уверен в сохранении переданных сведений, сама возможность эффективной юридической помощи ставится под сомнение. Поэтому адвокатская тайна является не дополнительным условием соглашения, а элементом его правового режима.

Еще один признак специального характера соглашения связан с отсутствием гарантии результата. Адвокат не может обещать доверителю выигрыш дела, отмену судебного акта или принятие государственным органом определенного решения. Надлежащее исполнение соглашения должно оцениваться не по результату как таковому, а по тому, были ли действия адвоката добросовестными, своевременными, профессиональными и соответствующими предмету поручения.

С этим связан вопрос ответственности адвоката. Л. И. Капля рассматривает гражданско-правовую ответственность адвоката перед доверителем как самостоятельный аспект отношений по оказанию юридической помощи [14]. Однако ответственность адвоката не ограничивается гражданско-правовой плоскостью. Нарушение профессиональных обязанностей может повлечь дисциплинарные последствия. Поэтому поведение адвоката оценивается сразу в двух измерениях: как стороны договора и как участника адвокатского сообщества.

Отдельно следует учитывать предмет поручения. Именно он определяет, какие действия адвокат обязан совершить. Если предмет сформулирован слишком широко, например как «ведение дела» или «представление интересов», стороны могут по-разному понимать объем помощи. Доверитель может считать, что адвокат обязан сопровождать дело на всех стадиях, включая апелляцию и кассацию. Адвокат может исходить из того, что соглашение заключено только на одну стадию. Поэтому предмет поручения не просто описывает работу адвоката, а определяет пределы его профессиональной обязанности.

Спор о правовой природе соглашения об оказании юридической помощи нельзя решить только путем выбора между договором услуг и договором поручения. В реальной адвокатской деятельности элементы этих договоров часто смешиваются. Один и тот же адвокат может сначала дать консультацию, затем подготовить иск, после этого представлять доверителя в суде, а затем участвовать в исполнительном производстве. Формально такие действия могут быть похожи на разные договорные модели, но в основе остается одно - оказание адвокатской помощи.

Поэтому более точным является подход, при котором соглашение рассматривается как специальный гражданско-правовой договор. Он сохраняет связь с гражданским правом, поскольку возникает по воле сторон, имеет письменную форму, содержит предмет поручения, условия оплаты и иные существенные условия. Но при этом он не растворяется в общих договорных конструкциях.

Специальный характер соглашения проявляется в нескольких моментах. Во-первых, юри-

дическую помощь оказывает адвокат. Во-вторых, исполнение соглашения связано с адвокатской тайной и профессиональной этикой. В-третьих, адвокат не вправе гарантировать результат. В-четвертых, нарушение соглашения может получить не только гражданско-правовую, но и дисциплинарную оценку. В-пятых, прекращение участия адвоката в отдельных категориях дел не всегда может оцениваться только через общие нормы гражданского права.

Именно совокупность этих признаков позволяет говорить о самостоятельном месте соглашения об оказании юридической помощи в системе гражданско-правовых обязательств. Оно может включать элементы договора возмездного оказания услуг и договора поручения, но не совпадает полностью ни с одним из них.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, соглашение об оказании юридической помощи имеет гражданско-правовую форму. Оно заключается по воле сторон, порождает взаимные права и обязанности, содержит имущественные условия и подчиняется общим положениям гражданского законодательства в части, не противоречащей специальному регулированию.

Во-вторых, указанное соглашение не может быть полностью отнесено к договору возмездного оказания услуг. Такая квалификация объясняет возмездный характер и деятельность адвоката по оказанию помощи, но не учитывает адвокатскую тайну, профессиональную этику, независимость адвоката и дисциплинарную ответственность.

В-третьих, соглашение нельзя полностью свести и к договору поручения. Представительская функция адвоката действительно сближает его с поверенным, однако адвокатская помощь шире представительства и может включать консультации, анализ документов, подготовку позиции и иные действия, которые не всегда совершаются от имени доверителя.

В-четвертых, соглашение между адвокатом и доверителем следует рассматривать как специальный гражданско-правовой договор. Его специфика определяется субъектным составом, доверительным характером отношений, режимом адвокатской тайны, запретом гарантировать результат, профессиональной независимостью адвоката и возможностью дисциплинарной ответственности.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, не выводить соглашение за пределы гражданского права, с другой - не упрощать его до обычного договора юридических услуг. Соглашение об оказании юридической помощи занимает самостоятельное место в системе договорных обязательств и выступает основной правовой формой реализации профессиональной деятельности адвоката.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[4] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

[5] Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2007 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации…» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 6. – Ст. 828.

[7] Кратенко М. В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2005. – 30 с.

[8] Шпагин А. Е. Соглашение об оказании юридической помощи: учебно-методическое издание. – Красноярск: Центр информации, 2014. – 104 с.

[9] Баева Н. А. Соглашение об оказании юридической помощи в уголовном судопроизводстве как особый вид гражданско-правового договора // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 32–38.

[10] Бардин Л. Н. И снова о гражданско-правовой природе соглашения об оказании адвокатом юридической помощи // Гражданское право. – 2018. – № 6. – С. 10–13.

[11] Барышникова С. М. Соотношение права адвоката на расторжение соглашения и принципа

недопустимости отказа от принятой на себя защиты // Юридическая наука. – 2025. – № 5. – С. 62–66.

[12] Выймов И. В., Сучкова Т. Е., Редикульцева Е. Н. К вопросу о правовой природе соглашения об оказании адвокатом юридической помощи // Юрист высшей школы. – 2024. – № 4. – С. 56–62.

[13] Исаков И. М., Новицкая Л. Ю. Правовая характеристика соглашения об оказании юридической помощи // Право и управление. – 2024. – № 4. – С. 227–232.

[14] Капля Л. И. Гражданско-правовая ответственность адвоката перед доверителем // Вестник науки. – 2023. – № 9. – С. 64–68.

[15] Касаткина Е. М. Адвокатская тайна как конституционно-правовая категория // Закон и право. – 2021. – № 6. – С. 49–51.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)//Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31. - Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 5. - Art. 410.

[4] On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ// Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 23. - Art. 2102.

[5] Code of professional ethics of a lawyer: adopted by the I All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003//Official website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007 No. 1-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation... “//Collection of legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 6. - Art. 828.

[7] Kratenko M.V. Agreement on the provision of legal assistance in modern civil law: ref. dis.... cand. jurid. sciences. - Tomsk, 2005. - 30 s.

[8] Shpagin A.E. Agreement on the provision of legal assistance: educational and methodological publication. - Krasnoyarsk: Information Center, 2014. - 104 s.

[9] Baeva N. A. Agreement on the provision of legal assistance in criminal proceedings as a special type of civil contract//Judicial power and criminal process. – 2018. – № 2. - S. 32-38.

[10] Bardeen L. N. And again on the civil nature of the attorney-legal aid agreement//Civil Law. – 2018. – № 6. - S. 10-13.

[11] S. M. Baryshnikova. The relationship between the right of a lawyer to terminate an agreement and the principle of inadmissibility of refusal of an accepted defense//Legal science. – 2025. – № 5. - S. 62-66.

[12] Vyymov I.V., Suchkova TE, Redikultseva E.N. On the legal nature of the agreement on the provision of legal assistance by a lawyer//Lawyer of higher education. – 2024. – № 4. - S. 56-62.

[13] Isakov I. M., Novitskaya L. Yu. Legal characteristics of the agreement on the provision of legal assistance//Law and management. – 2024. – № 4. - S. 227-232.

[14] Drop L.I. Civil liability of a lawyer to the principal//Bulletin of Science. – 2023. – № 9. - S. 64-68.

[15] Kasatkina E. M. Attorney-client privilege as a constitutional and legal category//Law and law. – 2021. – № 6. - S. 49-51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-251-254
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАКАЗИЕВА Зара Даутовна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права, процесса и национальной безопасности
Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: zara6756@mail.ru

ДАДАШОВ М.М.,
доцент кафедры информационного права и юриспруденции
Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени М.Д. Миллионщикова, Грозный, Россия,
e-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена глобальной трансформацией преступности, которая в условиях четвертой промышленной революции приобретает ярко выраженный цифровой характер. Современное общество столкнулось с беспрецедентным ростом киберугроз, при которых традиционные методы криминалистики зачастую оказываются недостаточно эффективными. Использование злоумышленниками зашифрованных каналов связи, анонимайзеров и технологий блокчейна создает серьезные препятствия для правоохранительных органов. В связи с этим внедрение передовых компьютерных технологий в процесс раскрытия и расследования преступлений становится не просто вспомогательным инструментом, а жизненно необходимой мерой обеспечения национальной безопасности и правопорядка*

Ключевые слова: *киберпреступность, киберугроза, зашифрованные каналы, анонимайзеры, технологии блокчейна, расследование преступления, нациоанльная безопасность.*

MAKAZIEVA Zara Dautovna,
Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law, Process and National Security
Chechen State University named after A. A. Kadyrov

DADASHOV M.M.,
Associate Professor,
Department of Information Law and Jurisprudence
Grozny State Petroleum Technological University
named after M.D. Millionshchikov, Grozny, Russia

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITAL CRIMINOLOGY

Annotation. *The relevance of the research topic is due to the global transformation of crime, which has become highly digitalized in the context of the Fourth Industrial Revolution. Modern society is facing an unprecedented increase in cyber threats, where traditional forensic methods are often insufficient. The use of encrypted communication channels, anonymizers, and blockchain technologies by criminals poses significant challenges for law enforcement agencies. As a result, the integration of advanced computer technologies into the process of crime detection and investigation has become not just an auxiliary tool, but a vital measure for ensuring national security and law enforcement.*

Key words: *cybercrime, cyber threat, encrypted channels, anonymizers, blockchain technologies, crime investigation, national security.*

Современный этап развития криминалистической науки характеризуется глубокой интеграцией информационных достижений в практическую деятельность правоохранительных органов. Под компьютерными технологиями в контексте раскрытия преступлений следует понимать совокупность методов, программных и технических средств, предназначенных для сбора, фиксации, исследования и хранения цифровой информации, имеющей значение для уголовного дела. Данная категория охватывает не только аппаратное обеспечение, но и сложные алгоритмические системы, позволяющие оперировать виртуальными следами, которые по своей природе принципиально отличаются от материальных объектов традиционной криминалистики [2].

Классификация компьютерных технологий в следственной деятельности может быть проведена по нескольким основаниям. По функциональному назначению выделяют поисковые системы, средства фиксации цифровой информации, аналитические программные комплексы и системы защиты данных. Поисковые технологии направлены на обнаружение скрытых файлов, зашифрованных разделов дисков и следов сетевой активности. Средства фиксации обеспечивают создание точных побитовых копий носителей информации, что гарантирует неизменность исходных данных и соблюдение принципа процессуальной чистоты доказательств [1].

Важное место занимают аналитические технологии, включающие в себя инструменты для восстановления удаленных данных, дешифрования паролей и анализа структуры баз данных. В последние годы особое развитие получили технологии интеллектуального анализа, способные обрабатывать неструктурированные массивы информации. Возможность анализа данных позволяет следователю обнаруживать скрытые паттерны в действиях участников, воссоздавать последовательность инцидентов по метаданным и интегрировать сведения из разных цифровых платформ — смартфонов, облачных сервисов, систем видеонаблюдения [7]. Особое значение имеет градация по степени автоматизации: среди решений выделяются автоматизированные информационные комплексы, экспертные системы и независимые программные блоки. Применение подобных инструментов значительно снижает время на выполнение шаблонных задач, обеспечивая высвобождение ресурсов для аналитической работы, формулировки предположений и разработки следственных версий. Благодаря этому компьютерные технологии создают новую модель в криминалистике, в которой цифровое пространство превращается в полноценную среду для раскрытия дела и поиска достоверной информации. [3].

Юридическое регулирование использования цифровых технологий служит основой, гарантирующей законность и обоснованность результатов, представленных в судебном заседании. Центральным нормативным документом, задающим принципы обращения с информацией, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором закреплены ключевые термины — электронное сообщение и документированная информация [5]. Тем не менее, особенности уголовного процесса предполагают необходимость детализации процедур изъятия и анализа электронных носителей, что нашло своё отражение в положениях Уголовно-процессуального кодекса.

Статус электронных доказательств в процессе долгое время вызывал споры среди юристов. Сегодня под такими доказательствами понимаются данные, записанные на электронных носителях в формате, пригодном для интерпретации как людьми, так и техническими системами. Критерием приемлемости таких материалов являются их связь с делом, надежность и соответствие требованиям допустимости. Чтобы обеспечить последнюю, законодатель установил строгие процедуры обыска и изъятия, обязывающие привлекать экспертов и использовать средства копирования, исключающие произвольные изменения информации [7].

Особую значимость имеет защита прав сторон процесса на личную жизнь и конфиденциальность переписки при анализе цифровых устройств. Надзор со стороны суда за порядком получения доступа к данным, хранящимся на мобильных телефонах и персональных компьютерах, играет роль гарантии соблюдения конституционных свобод. Параллельно складывается правовой подход к работе с информацией, размещённой в «облачных» хранилищах, расположенных за пределами страны, что порождает потребность в развитии международного правового сотрудничества [8].

Несмотря на существующую нормативную базу, остаётся острая необходимость в стандартизации требований к выводам экспертов в сфере компьютерно-технических исследований. Законодательство должно не только отражать актуальное состояние информационных технологий, но и демонстрировать достаточную адаптивность, позволяющую учитывать новые формы цифровой информации без частой замены основополагающих правовых актов. Такое решение возможно за счёт совершенствования внутренних руководящих документов и методических указаний, содержащих чёткие алгоритмы использования специализированного программного обеспечения в процессе расследования дел [6].

Быстрое развитие цифровых решений формирует ситуацию, когда правовые рамки оказываются запаздывающими перед возникновением новых форм преступной деятельности. Особую сложность представляет отсутствие однозначного юридического определения ключевых категорий — «криптографические валюты», «виртуальные ценности» и «системы искусственного интеллекта» — в рамках уголовного законодательства. Из-за этого затрудняется правильная квалификация действий, связанных с хищением цифровых ресурсов либо применением нейросетей для производства ложных доказательств (например, дипфейков) [4].

Кроме того, высокая степень межгосударственной распространённости цифровых следов создаёт серьёзные препятствия для эффективного реагирования на киберпреступления. Серверы, где хранятся данные, могут находиться в разных юрисдикциях, что приводит к задержкам в получении информации через классические каналы международной правовой помощи. За время ожидания ответа данные уже могут быть стёрты или защищены шифрованием. Решение этой проблемы предполагает внедрение новых глобальных стандартов и механизмов быстрой электронной кооперации между правоохранительными органами, обеспечивающих оперативный доступ к информации без компрометации национального суверенитета [10].

Острый характер носит вопрос о признании данных, сгенерированных алгоритмами искусственного интеллекта, в качестве надежных доказательств. Текущее законодательство строится на основе человеческой оценки и экспертного суждения, однако скрытая природа сложных нейросетей — так называемого «черного ящика» — затрудняет проверку логики принятия решений. Юридическая система сталкивается с необходимостью выработать стандарты подтверждения достоверности таких решений, чтобы они могли быть приняты судом как допустимые доказательства[8].

В заключение, важным аспектом остаётся обеспечение достаточного уровня цифровой компетентности у участников правоохранительного процесса. Растущая сложность норм, регулирующих фиксацию электронных следов, требует от следователей высокой степени технической осведомлённости. Расхождение между уровнем подготовки сотрудников и усложнившимися правовыми нормами приводит к процессуальным нарушениям, зачастую ведущим к отказу в приёме доказательств. Поэтому модернизация правовой базы должна осуществляться одновременно с совершенствованием образовательных программ и обновлением технической инфраструктуры следственных и дознавательных органов [9].

Список литературы:

[1] Криминалистика : учебник / под ред. А. Н. Колесниченко. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — 541 с.

[2] Цифровая криминалистика : учеб. пособие / В. Ю. Флегонтов. — 3-е изд. — М. : РИТВУС, 2022. — 256 с.

[3] О соотношении традиционной криминалистики и цифровой криминалистики // Бюллетень Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2023. — № 2. — С. 45-52. — URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=27156 (дата обращения: 20.01.2026).

[4] Угрюмов А. Ю. Криминалистическая характеристика киберпреступлений в системах электронных платежей // Вестник экономической безопасности. — 2023. — № 1. — С. 78-89. — URL: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=78140 (дата обращения: 10.02.2026).

[5] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.03.2026).

[6] Криминалистика: место цифровой криминалистики в науке и перспективы развития // Информационно-правовые проблемы современной виртуальной среды. — 2023. — № 2. — С. 112-120. — URL: https://www.ippsvfu.ru/jour/article/view/223 (дата обращения: 18.02.2026).

[7] Полозов К. А. Цифровая криминалистика: проблемы и перспективы // Юрист. — 2024. — № 3. — С. 34-41. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-sostoyanie-kriminalisticheskoy-nauki-aktualnye-i-perspektivnye-razrabotki-i-ih-prakticheskoe-voploschenie (дата обращения: 12.03.2026).

[8] Reedy P. Interpol Review of Digital Forensics // Forensic Science International. — 2015. — Vol. 249. — P. 1-10.

[9] Garfinkel S. L. Digital Forensics Research: The Next 10 Years // Digital Investigation. — 2010. — Vol. 7, suppl. 1. — P. S64-S73.

[10] Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2021 [Electronic resource]. — URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/iocta-2021 (accessed: 15.02.2026).

References:

[1] Forensics: textbook/ed. A.N. Kolesnichenko. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Yurayt, 2020. - 541 p.

[2] Digital forensics: tutory. manual/V. Yu. Flegontov. - 3rd ed. - M.: RITVUS, 2022. - 256 s.

[3] On the relationship between traditional forensics and digital forensics//Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. — 2023. — № 2. - S. 45-52. - URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=27156 (access date: 20.01.2026).

[4] Ugryumov A. Yu. Forensic characteristics of cybercrimes in electronic payment systems//Bulletin of Economic Security. — 2023. — № 1. - S. 78-89. - URL: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=78140 (access date: 10.02.2026).

[5] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On Information, Information Technology and Information Protection” [Electronic Resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (access date: 05.03.2026).

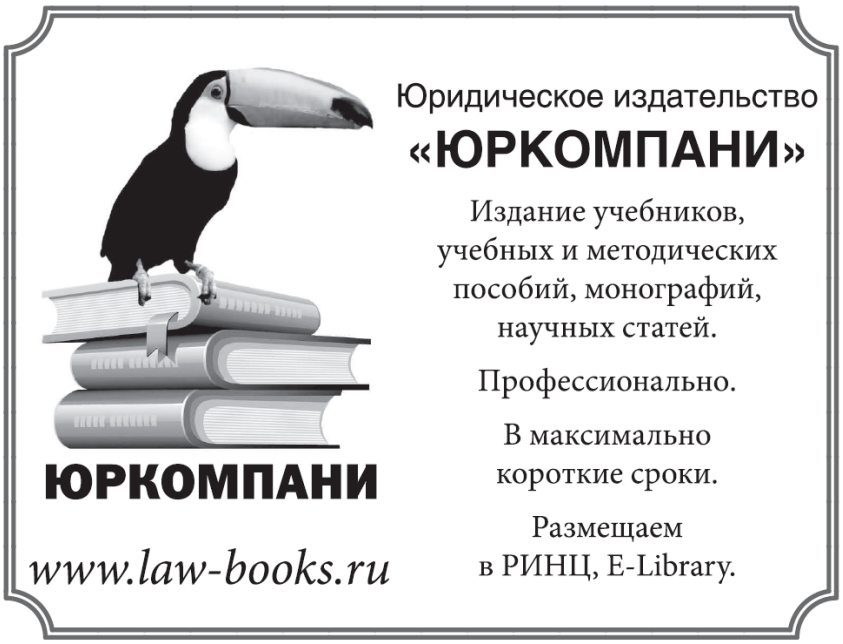
[6] Forensics: the place of digital forensics in science and development prospects//Information and legal problems of the modern virtual environment. — 2023. — № 2. - S. 112-120. - URL: https://www.ippsvfu.ru/jour/article/view/223 (access date: 18.02.2026).

[7] Polozov K. A. Digital forensics: problems and prospects//Lawyer. — 2024. — № 3. - S. 34-41. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-sostoyanie-kriminalisticheskoy-nauki-aktualnye-i-perspektivnye-razrabotki-i-ih-prakticheskoe-voploschenie (дата обращения: 12.03.2026).

[8] Reedy P. Interpol Review of Digital Forensics // Forensic Science International. — 2015. — Vol. 249. — P. 1-10.

[9] Garfinkel S. L. Digital Forensics Research: The Next 10 Years // Digital Investigation. — 2010. — Vol. 7, suppl. 1. — P. S64-S73.

[10] Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2021 [Electronic resource]. — URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/iocta-2021 (accessed: 15.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-255-257

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: alkhastovam@gmail.com

АБДУЛКАДЫРОВА М.А.,
к.э.н., доцент,
Заведующий кафедрой таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический Университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: abdulkadyrova_36@mail.ru

БУЕВ Юсуп Ахъядович,
магистрант кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: mail@law-books.ru

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье осуществляется глубокий теоретический анализ системы принципов, детерминирующих деятельность органов предварительного следствия и дознания. Автор исследует иерархическую структуру процессуальных начал, анализирует коллизии между принципом обеспечения прав личности и публичными интересами государства. Особое внимание уделено трансформации принципа непосредственности и устности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства, а также роли судебного контроля как гаранта соблюдения законности на досудебных стадиях.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, принципы расследования, законность, презумпция невиновности, процессуальная форма, судебный контроль, права личности, публичность.*

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University

ABDULKADYROVA M.A.,
PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Customs Department Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Grozny State Petroleum Technological University" named after M.D. Millionshchikov

BUEV Yusup Akhyadovich,
Master's Student of the Department of Criminal Law, Process and National Security Chechen State University named after A. A. Kadyrov

SYSTEM OF PRINCIPLES OF PRELIMINARY INVESTIGATION: THEORETICAL AND LEGAL INTERPRETATION AND PROBLEMS OF PRACTICAL IMPLEMENTATION

Annotation. *The article provides an in-depth theoretical analysis of the management system that determines the activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry. The author explores the hierarchical structure of procedural principles, analyzes the conflicts between the principle of ensuring individual rights and the public interests of the state. Special attention is paid to the transformations of the principles of immediacy and fatigue in the context of digitalization of criminal proceedings, as well as the role of judicial control as guarantees of legality at pre-trial stages.*

Key words: *criminal procedure, criminal investigation, legality, presumption of innocence, procedural form, judicial control, individual rights, publicity.*

Принципы предварительного расследования составляют концептуальный каркас уголовно-процессуальной деятельности, определяя вектор развития правоприменительной практики. В юридической науке под принципами принято понимать фундаментальные, руководящие идеи, закрепленные в законе и обладающие высшей степенью императивности. Однако, как справедливо отмечает С. А. Шейфер, принципы — это не застывшие догмы, а «живые» правовые регуляторы, содержание которых эволюционирует вместе с развитием общественных отношений и правосознания [1, с. 42].

Актуальность системного исследования принципов на стадии предварительного расследования обусловлена тем, что именно здесь закладывается фундамент будущего судебного решения. Любое отступление от основополагающих начал на данном этапе неизбежно влечет за собой девальвацию доказательственной базы и нарушение баланса между интересами правосудия и правами человека.

В доктрине уголовного процесса традиционно выделяют общеправовые, межотраслевые и специфические принципы. На стадии предварительного расследования ключевое значение приобретают следующие группы:

1. Принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Это универсальный императив, требующий безусловного соблюдения норм Конституции РФ и УПК РФ. Законность выступает мерилом допустимости любого следственного действия. Как указывал Р. С. Белкин, «процессуальная форма — это не бюрократический барьер, а единственная гарантия того, что истина будет добыта законным путем» [2, с. 88].
2. Принцип публичности. Расследование уголовных дел осуществляется в интересах всего общества, независимо от воли потерпевшего (за исключением дел частно-публичного обвинения). Публичность налагает на следователя обязанность принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления и изобличению виновных.
3. Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Несмотря на то что на стадии расследования формируется обвинительный тезис, данный принцип требует от следователя сохранения объективности и толкования всех неустранимых сомнений в пользу подозреваемого.

Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ) является стержневым принципом, определяющим состязательный характер процесса даже на досудебных стадиях. Проблема заключается в том, что на практике право на защиту часто воспринимается следствием как препятствие для оперативного раскрытия преступления.

Однако, как подчеркивал Ф. В. Глазырин, активное участие защитника в следственных действиях не только гарантирует права обвиняемого, но и «дисциплинирует следствие, предотвращая совершение тактических и процессуальных ошибок, которые в будущем могут привести к развалу дела в суде» [3, с. 115]. Коллизия возникает в ситуациях, когда законные интересы защиты вступают в противоречие с необходимостью сохранения следственной тайны. Разрешение этого противоречия требует от законодателя более тонкой настройки механизмов ознакомления защиты с материалами дела на ранних этапах.

Производство следственных действий, таких как обыск, освидетельствование или личный обыск, сопряжено с серьезным вмешательством в сферу личной свободы. Статья 9 УПК РФ прямо запрещает действия, унижающие честь или создающие угрозу жизни и здоровью.

В контексте психологической антропологии данный принцип тесно связан с этикой следственной деятельности. Нарушение этических норм при допросе или обыске не только аморально, но и тактически пагубно, так как разрушает психологический контакт и вызывает законное противодействие со стороны участников

процесса. О. Я. Баев справедливо указывал на «недопустимость использования слабостей и психофизиологических особенностей личности для получения показаний», что является прямой проекцией принципа гуманизма на криминалистическую тактику [4, с. 156].

В условиях расширения полномочий органов следствия возрастает роль судебного контроля (ст. 29 УПК РФ). Суд выступает арбитром в вопросах ограничения конституционных прав граждан (заключение под стражу, производство обыска в жилище, контроль переговоров).

Современная доктрина рассматривает судебный контроль не как вмешательство в деятельность следствия, а как «внешний контур обеспечения законности». Проблема здесь кроется в зачастую формальном подходе судей к рассмотрению ходатайств следователей. Глубокий, непредвзятый анализ обоснованности ограничений прав личности является единственным заслоном на пути следственного произвола.

Цифровая эпоха бросает вызов классическому пониманию принципов непосредственности и устности. Дистанционные допросы посредством видеоконференцсвязи, электронный документооборот и использование результатов ИИ в анализе данных требуют переосмысления границ процессуальной формы.

Существует риск, что «технологическая целесообразность» начнет доминировать над правовыми гарантиями. Принцип неизменности доказательственной информации в цифровой среде становится новым вызовом для криминалистики. Как отмечает Е. Р. Россинская, «цифровая форма фиксации требует разработки новых стандартов верификации, без которых принципы законности и достоверности превращаются в декларации» [5, с. 212].

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что система принципов предварительного расследования — это не механический набор правил, а сложный, взаимосвязанный организм. Эффективность расследования достигается не за счет доминирования одних начал над другими (например, публичности над правами личности), а через их гармоничное сочетание.

Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно быть направлено на укрепление гарантий прав личности и повышение транспарентности следственной деятельности. Только неукоснительное следование духу и букве принципов расследования позволяет обеспечить достижение целей правосудия и сохранение доверия общества к правоохранительной системе.

Список литературы:

[1] Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 208 с.

[2] Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.

[3] Глазырин Ф. В. Психология следственных действий: монография. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. — 136 с.

[4] Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 456 с.

[5] Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник. — М.: Норма, 2020. — 464 с.

[6] Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

[7] Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы предварительного расследования. — М.: Юрид. лит., 1975. — 184 с.

[8] Коновалов С. И. Теоретико-методологические основы криминалистической тактики. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. — 224 с.

[9] Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. — М.: Контракт, 2019. — 320 с.

[10] Химичева О. В. Концептуальные основы судебного контроля в уголовном судопроизводстве. — М.: Юнити-Дана, 2018. — 288 с.

[11] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М.: Норма, 2021. — 1008 с.

References:

[1] Shafer S.A. Investigative actions. System and procedural form. - M.: Yurlitinform, 2001. - 208 s.

[2] Belkin R. S. Forensic course: in 3 vols. 2: Forensic tools, techniques and recommendations. - M.: Lawyer, 1997. - 480 s.

[3] Glazyrin F.V. Psychology of investigative actions: monograph. - Volgograd: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1983. - 136 s.

[4] Baev O. Ya. Investigative tactics: a textbook. - M.: Yurlitinform, 2013. - 456 p.

[5] Rossinskaya E.R. Forensics: textbook. - M.: Norma, 2020. - 464 s.

[6] A. Ratinov Forensic Psychology for Investigators. - M.: Yurlitinform, 2001. - 352 s.

[7] I. Bykhovsky. Procedural and tactical issues of the preliminary investigation. - M.: Jurid. lit., 1975. - 184 s.

[8] Konovalov S. I. Theoretical and methodological foundations of forensic tactics. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2017. - 224 s.

[9] Ishchenko E.P. Forensics: a course of lectures. - M.: Contract, 2019. - 320 s.

[10] O. V. Khimicheva. Conceptual foundations of judicial control in criminal proceedings. - M.: Unity-Dana, 2018. - 288 p.

[11] Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook/rev. ed. P.A. Lupinskaya. - M.: Norma, 2021. - 1008 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-258-261
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

АЗИЕВА Петимат Зяудиновна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Чеченского государственного университета
им. А.А. Кадырова,
e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛКАДЫРОВ М.Д.,
доцент кафедры «Юриспруденция»
Грозненского государственного нефтяного университета
им. акад. М.Д. Миллионщикова, к.и.н.,
e-mail: patsagova@mail.ru

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. *Цель работы — выявить историческое значение и оценить актуальность теологических воззрений в свете современных научных парадигм. Методологическую основу составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и философский методы. Делается вывод о том, что, утрачивая доминирующие позиции, теологическая теория продолжает оказывать влияние на общественное сознание и остается предметом дискуссий в контексте взаимодействия религии и права.*

Ключевые слова: *теологическая теория, происхождение государства, происхождение права, божественное право, теократия, Фома Аквинский, Аврелий Августин, легитимность власти, естественное право.*

AZIEVA Petimat Zyaudinovna,
Assistant Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
A.A. Kadyrov Chechen State University

ABDULKADYROV M.D.,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Grozny State Petroleum University
Academician M.D. Millionshchikova,
Candidate of Historical Sciences

THE THEOLOGICAL THEORY OF THE ORIGIN OF THE STATE AND LAW

Annotation. *The purpose of the work is to identify the historical significance and assess the relevance of theological views in the light of modern scientific paradigms. The methodological basis consists of historical-legal, comparative-legal, and philosophical methods. It is concluded that, while losing its dominant positions, the theological theory continues to influence public consciousness and remains a subject of debate in the context of the interaction between religion and law.*

Key words: *Theological theory, origin of the state, origin of law, divine right, theocracy, Thomas Aquinas, Aurelius Augustine, legitimacy of power, natural law.*

Понимание сущности теологической теории невозможно без обращения к категории религии как таковой. В традиционном толковании религия трактуется как всеобщая связь, объединяющая систему догматов, культовые практики и социальные институты, основанные на вере в существование сверхъестественных сил. «Согласно Ф. Энгельсу, религия представляет собой «фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господ-

ствуют над ними в их повседневной жизни» [1, с. 328]. Эта характеристика позволяет выявить фундаментальную особенность религиозного сознания: оно оправдывает существующий миропорядок и придает сакральное значение социальной организации.

История цивилизаций — от древнейших культур Востока до обществ античности, Средневековья и Нового времени — свидетельствует о том, что религия играла важнейшую роль в формировании политико-правовых институтов. Несмотря на впечатляющие успехи науки в изучении прошлого, мир человека и сегодня остается во многом непостижимым. Однако очевидно, что на протяжении всех эпох религиозные представления оказывали решающее воздействие на процессы становления государства и права, задавая ценностные и нормативные основания их функционирования. В этом контексте обращение к теологической теории позволяет не только реконструировать ранние представления о происхождении права и государства, но и выявить их значение для современного правопонимания.

Ключевым аспектом теологической теории, подчеркиваемым В.К. Самигуллиным, является её способность не только объяснять происхождение власти и закона через волю божества, но и служить основой для легитимации конкретных политико-правовых систем. «Как отмечает автор, несмотря на мистический антураж религиозным учениям о происхождении государства и права, особенно тем, что развиваются в рамках христианства и Ислама, присущи гуманистические начала» [2, с. 13]. Это позволяет рассматривать теологическую теорию не просто как архаичную конструкцию, а как живую традицию, продолжающую влиять на правосознание и идентичность значительной части человечества, особенно в обществах с сильными религиозными традициями.

В христианской традиции, как показывает Самигуллин, идея божественного происхождения власти эволюционировала от концепции «двух мечей» до сложных моделей взаимодействия духовной и светской властей, разработанных Августином Блаженным и Фомой Аквинским. Эти модели, с одной стороны, обосновывали независимость церкви, а с другой – требовали от государства служения высшим нравственным идеалам. Аналогичным образом в исламской правовой мысли, где источником всякого закона считается воля Аллаха, выраженная в Коране и сунне, формирование государства (уммы) и права (шариата) понимается как реализация божественного замысла, что накладывает на правителей ответственность за соответствие их действий религиозным предписаниям.

Таким образом, ценность теологического подхода, несмотря на его критику с позиций научного рационализма, заключается в его мощном нормативном потенциале. Он предлагает систему координат, в которой власть и закон оцениваются не с точки зрения утилитарной эффективности, а исходя из их соответствия высшим, трансцендентным ценностям – справедливости, милосердию и служению общему благу. Это делает теологическую теорию важным объектом исследования для понимания не только истории, но и современных процессов, где религия продолжает играть значительную роль в формировании правовых и политических культур.

Важным аспектом, подчеркиваемым в научной литературе, является различие между реальными государственно-правовыми системами и их идеальными, сакрализованными образами. Как справедливо отмечается в исследовании, реальные государства и правовые системы, будучи взаимосвязанными, появляются и исчезают... Как понятия же государство и право – результат мыслительной деятельности. В этом отношении они служат инструментом интеллектуального познания. Таким образом, теологическая теория оперирует именно идеальными категориями – государством как Царством Божьим и правом как Словом Бога, – которые для верующих выступают нравственным ориентиром, удерживающим социум в определенных рамках.

Особую глубину теологическому осмыслению государства придает учение Аврелия Августина о «двух градах». Согласно его концепции, государство («град земной») является наказанием за первородный грех и системой господства, предназначенной не для достижения счастья, а лишь для выживания в греховном мире. Справедливым, по Августину, может быть лишь христианское государство, обеспечивающее правопорядок и помогающее Церкви. При этом «назначение государства – обеспечение правопорядка, защита граждан от внешней агрессии, помогать Церкви и бороться с ересью» [2, с. 12]. Эта идея заложила основу для средневековых моделей взаимоотношений между духовной и светской властями.

Дальнейшее развитие теологическая теория получила в трудах Фомы Аквинского, который предложил более сложную иерархию законов. Он различал закон вечный (божественное провидение), естественный (стремление к благу и сохранению рода) и человеческий (конкретизирующий постулаты естественного закона). Согласно Фоме, «право – закон, представляющий собой любое поведение разума, которое провозглашается ради общего блага тем, кто печётся об общественности» [2, с. 13]. Эта система позволяла обосновать возможность

изменения позитивного законодательства человеком, но лишь при условии его соответствия божественному замыслу.

Специфика теологической теории ярко проявляется при сравнительном анализе христианской и исламской традиций. Если в христианстве, как показывает пример Древней Руси, акцент делался на божественном происхождении власти и ответственности правителя перед Богом за вверенный ему «удел», то в исламе концепция государства (уммы) и права (шариата) изначально носит тотальный характер. «Как отмечает Абдул А.Л., Человеческие знания очень ограничены... Поэтому Бог избавил его от испытаний и ошибок и дал ему Закон, который является правильным и полным кодексом жизни для всего человечества» [3, с. 156]. В этом прослеживается фундаментальное отличие: шариат воспринимается не как один из источников права, а как исчерпывающая и абсолютная божественная директива для всех сфер жизни.

Таким образом, несмотря на методологические расхождения с научным подходом, теологическая теория предлагает уникальный ценностный ракурс для анализа государства и права. Она актуализирует вопросы легитимности, моральной ответственности власти и высших оснований закона, которые остаются центральными для современной политико-правовой мысли, особенно в контексте диалога меж (светскими) и религиозными мировоззрениями в мультикультурном мире.

Продолжая анализ теологической теории, важно обратиться к её современному осмыслению, где акцент смещается с чисто доктринальных основ на проблемы практической реализации теократических принципов в реалиях XXI века. «Как отмечают Батейщиков А.И., Антось П.А. и Расеказова Л.Ф., в настоящее время теологическая теория происхождения государства популярна в странах с «несвободным» политическим устройством» [4, с. 3], где идея божественной санкции власти используется для легитимации авторитарных режимов. Это создает своеобразный парадокс: изначально гуманистические, по оценке Самигуллина, посылы теории на практике могут оборачиваться инструментом подавления инакомыслия под предлогом «непослушания Всевышнему».

Современные исследования демонстрируют, что теологическая теория не является застывшим догматом. Её развитие в XX веке связано с попытками адаптации к вызовам современности, что ярко проявилось в рамках неотомизма. Основатель этого направления Жак Маритен, как подчеркивается в анализе его концепции, стремился синтезировать религиозные представления с достижениями светской науки, утверждая, что «религия и светская наука не отрицают друг друга, а формируют наиболее правильное представление о мире и государстве» [4, с. 6]. Его усилия были направлены на разработку «интегрального гуманизма», где естественные права человека получали не только светское, но и божественное обоснование. Именно гуманистическая интерпретация теологической теории, по мнению авторов, легла в основу таких важнейших международных актов, как Всеобщая декларация прав человека 1948 года [4, с. 6].

Критический взгляд на современное бытование теологической теории позволяет выявить её ключевую внутреннюю противоречивость. «С одной стороны, как справедливо указывает Керимов Г.М., в исламе люди не создают законы, а применяют божественные законы на практике» [5, с. 512], что исключает саму возможность светского законодательства. С другой стороны, практика теократических государств, таких как Иран или Саудовская Аравия, демонстрирует, что интерпретация божественных законов неизбежно становится прерогативой конкретных политических институтов и лиц, что возвращает вопрос о власти в сугубо человеческую плоскость.

Таким образом, эволюция теологической теории свидетельствует о её переходе от оправдания абсолютной власти к поиску этических оснований для ограничения этой власти во имя прав и достоинства человека. Несмотря на стагнацию её классических форм, философский потенциал теологического подхода, акцентирующий вопросы высшей справедливости и моральной ответственности власти, сохраняет свою актуальность в непрекращающемся диалоге между религиозной и светской парадигмами в современном правоведении.

Список литературы:

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т.20. - 858 с.

[2] Самигуллин В. К. Теологическая теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2024. №3 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teologicheskaya-teoriya-proishozhdeniya-gosudarstva-i-prava (дата обращения: 25.09.2025).

[3] Абдул А.Л. Основы Ислама / пер. Шейх И. Мухаммада, 2001. – 182 с.

[4] Батейщиков А.И., Антось П.А., Расеказова Л.Ф. К вопросу о теологической теории происхождения государства в современных реалиях // Международный научный журнал «Вестник науки». 2018. №1 (1). С. 1-9.

[5] Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. — СПб.: «ДИЛЯ», 2009. 512 с.

References:

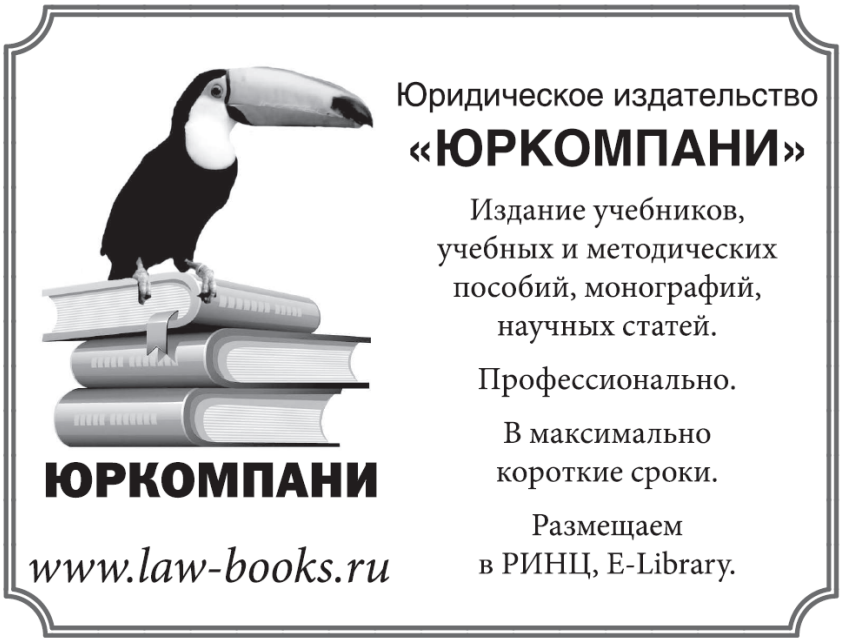
[1] Marx K. and Engels F. Anti-Düring. Op. T.20. - 858 p.

[2] Samigullin V.K. Theological theory of the origin of the state and law//Law and statehood. 2024. №3 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teologicheskaya-teoriya-proishozhdeniya-gosudarstva-i-prava (дата обращения: 25.09.2025).

[3] Abdul AL Fundamentals of Islam/trans. Sheikh I. Muhammad, 2001. - 182 s.

[4] Bateishchikov A.I., Antos P.A., Rasekazova L.F. To the question of the theological theory of the origin of the state in modern realities//International scientific journal “Bulletin of Science.” 2018. №1 (1). S. 1-9.

[5] Kerimov G.M. Sharia: The Law of Muslim Life. Sharia responses to contemporary issues. - St. Petersburg: “DILYA,” 2009. 512 s.

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-262-264
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НАТАЕВА Залина Амадиевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова», г.Грозный,
e-mail: mail@law-books.ru

МУРТАЗАЕВА Айшат Асвадовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция» ГГНТУ
им. акад. М.Д. Миллионщикова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. *Рассматривается эволюция посреднических отношений от дореволюционного периода до современности, их правовая природа, функции и роль в гражданском обороте. Анализируются нормы Гражданского кодекса РФ, доктринальные подходы российских учёных и исторические источники. Особое внимание уделено проблемам разграничения посредничества со смежными правовыми институтами. На основе проведённого исследования предложены направления совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *посредничество, гражданское право, договор поручения, исторический анализ, правовая природа, функции посредничества.*

NATAEVA Zalina Amadievna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University, Grozny

MURTAZAEVA Aishat Asvadovna,
Assistant of the Department of Jurisprudence, State National
Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov

MEDIATION IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The evolution of mediation relations from the pre-revolutionary period to the present, their legal nature, functions, and role in civil transactions are considered. The analysis includes provisions of the Civil Code of the Russian Federation, doctrinal approaches of Russian scholars, and historical sources. Special attention is paid to the problems of distinguishing mediation from related legal institutions. Based on the research, directions for legislative improvement are proposed.*

Key words: *mediation, civil law, mandate contract, historical analysis, legal nature, functions of mediation.*

Посредничество как явление древнего быта было распространено повсеместно. С помощью третьих лиц, как правило, родовых старейшин происходил имевший обрядовую форму обмен между племенами. С возникновением государства и права обмен с участием третьих лиц опосредуется правом. Посредничество как экономическое явление находит отражение во многих правовых институтах, однако представительство и посредничество как правовые категории появляются в писаном праве лишь с развитием имущественного оборота, усложнением и разнообразием экономических отношений.

Посредничество в гражданском праве определяется как деятельность третьего лица (посредника), направленная на установление, изменение или прекращение правоотношений

между сторонами без самостоятельного участия в этих отношениях. «По мнению М.И. Брагинского, ключевым признаком посредничества является его вспомогательный характер: посредник не становится субъектом обязательства, а лишь способствует достижению соглашения» [1]. Например, риелтор, организующий сделку купли-продажи недвижимости, действует как посредник, связывая продавца и покупателя, но не приобретает прав на объект сделки.

Отличие посредничества от представительства заключается в отсутствии полномочий на совершение юридически значимых действий от имени стороны. «Как подчеркивает В.В. Витрянский, представитель замещает волю представляемого, тогда как посредник лишь создает условия для реализации воли сторон» [2]. Например, адвокат в суде действует как представитель, подавая иски и заявляя требования, а медиатор в переговорах помогает сторонам самостоятельно найти решение, не влияя на их позиции.

В зависимости от функций выделяют несколько видов посредничества. Информационное посредничество предполагает поиск контрагентов и предоставление данных (биржевые брокеры). Организационное посредничество включает координацию действий сторон (логистические компании). Юридическое посредничество направлено на обеспечение правовой чистоты сделок (нотариусы, юристы). «Как отмечает А.П. Сергеев, в современном праве особое значение приобретает медиация — процедура урегулирования споров с участием нейтрального посредника».

Правовое регулирование посредничества в России фрагментарно. Основные нормы содержатся в ГК РФ (глава 49 «Поручение», глава 51 «Комиссия»), однако они не охватывают все виды посреднической деятельности. Например, электронные площадки (маркетплейсы) действуют в правовом вакууме, что, по мнению Е.А. Суханова, создает риски для потребителей и предпринимателей [4]. Законодательство не устанавливает единых требований к статусу посредников, что приводит к злоупотреблениям, таким как навязывание дополнительных услуг.

Важным аспектом является возмездный характер посредничества. Согласно ст. 971 ГК РФ, поверенный (посредник) вправе требовать оплаты, если это предусмотрено договором. Однако, как указывает С.В. Сарбаш, судебная практика часто признает устные соглашения о посредничестве недействительными из-за отсутствия письменной формы, что осложняет взыскание вознаграждения [6].

Международный опыт демонстрирует тенденцию к специализации посреднических услуг. В ЕС действуют директивы, регулирующие деятельность финансовых посредников, платформ электронной коммерции и медиаторов. По мнению Д.А. Медведева, России необходимо гармонизировать законодательство с международными стандартами, особенно в цифровой сфере [7].

В дореволюционной России посредничество регулировалось через институт договора поручения, закрепленный в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года. Этот документ устанавливал право доверителя поручать посреднику совершение юридических действий от его имени, например, заключение сделок или ведение переговоров. Посредничество активно использовалось в торговой сфере: купцы привлекали поверенных для взаимодействия с иностранными партнерами, что способствовало развитию международной коммерции. Особую роль играли биржевые маклеры, которые сводили продавцов и покупателей, фиксируя условия сделок в специальных реестрах.

Частное посредничество не ограничивалось коммерцией. В сельской местности посредники участвовали в разрешении земельных споров, выступая арбитрами между общинами и помещиками. Их деятельность часто основывалась на обычаях, а не на формальном праве, что подчеркивало гибкость института. Однако отсутствие единых законодательных стандартов приводило к злоупотреблениям: недобросовестные посредники манипулировали условиями сделок в личных интересах.

После революции 1917 года частное посредничество было практически ликвидировано как пережиток «буржуазного права». Государство монополизировало посреднические функции, передав их ведомственным организациям. Например, внешнеторговые сделки осуществлялись исключительно через государственные объединения, такие как «Станкоимпорт» или «Машиноэкспорт». Внутри страны посредничество в бытовых вопросах (обмен жилья, трудоустройство) считалось спекуляцией и преследовалось по закону.

Исключением стали колхозные рынки, где допускалось посредничество в ограниченных масштабах. Продавцы могли нанимать агентов для реализации сельхозпродукции, но их деятельность жестко контролировалась местными властями. В промышленности функции посредников выполняли плановые отделы предприятий, распределявшие ресурсы между цехами. Такая система исключала конкуренцию и сводила роль посредника к техническому исполнителю.

К 1960-м годам частичное возвращение посредничества связано с развитием внешнеэкономических связей. Специализированные организации, например, «Союзпосредторг», коорди-

нировали поставки товаров из стран СЭВ. Однако их работа строго регулировалась инструкциями Минторга, что исключало инициативу. Крах советской модели показал неэффективность централизованного посредничества, подготовив почву для реформ 1990-х.

Посредничество как правовой институт характеризуется тремя ключевыми признаками: возмездностью, фидуциарностью и направленностью на совершение юридически значимых действий. Возмездность означает, что посредник получает вознаграждение за свои услуги, размер которого обычно зависит от результата (например, процент от суммы сделки). Фидуциарность подразумевает доверительный характер отношений: стороны делегируют посреднику полномочия, полагаясь на его профессионализм и добросовестность. Например, брокер на финансовом рынке обязан действовать в интересах клиента, избегая конфликтов интересов. Направленность на юридические действия проявляется в том, что посредник не просто консультирует, а непосредственно участвует в оформлении договоров, урегулировании споров или изменении правового статуса сторон.

Главная функция посредничества — минимизация транзакционных издержек. Это достигается за счет специализации посредника, который берет на себя поиск контрагентов, проверку их надежности и юридическое сопровождение. Например, риелторская компания сокращает время на подбор недвижимости, а также снижает риски мошенничества благодаря экспертизе документов. В корпоративных отношениях посредничество позволяет избежать длительных судебных процессов: медиатор помогает сторонам найти компромисс, сохранив деловые связи.

Гибкость оборота обеспечивается за счет адаптивности посреднических механизмов к изменениям рынка. В условиях цифровой экономики платформы-агрегаторы (например, маркетплейсы) выступают посредниками между продавцами и покупателями, автоматизируя процессы заключения сделок. Их алгоритмы динамично реагируют на спрос, регулируя цены и ассортимент. В международной торговле посредники (логистические компании, таможенные брокеры) упрощают взаимодействие с иностранными юрисдикциями, учитывая различия в законодательстве.

Особое значение имеет фидуциарная ответственность посредника. Нарушение обязанности действовать добросовестно влечет юридические последствия: расторжение договора, взыскание убытков или компенсацию морального вреда. Например, если финансовый советник скрыл риски инвестиций, клиент вправе требовать возмещения ущерба. При этом посреднические договоры часто включают условия о конфиденциальности, защищающие коммерческую тайну сторон.

Современные вызовы, такие как цифровизация и глобализация, расширяют сферу применения посредничества. Криптобиржи, NFT-платформы и сервисы электронной подписи берут на себя функции технических посредников, обеспечивая безопасность сделок в цифровой среде. Однако отсутствие единых стандартов регулирования создает риски, требуя дальнейшей адаптации правовых норм к новым реалиям.

Список литературы:

[1] Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва : Статут, 2005. — 1056 с.

[2] Витрянский, В. В. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / В. В. Витрянский. — Москва : Инфра-М, 2010. — 912 с.

[3] Сергеев, А. П. Медиация в системе альтернативного разрешения споров / А. П. Сергеев // Арбитражный и гражданский процесс. — 2018. — № 5. — С. 34–39.

[4] Суханов, Е. А. Гражданское право: В 4 т. Т. 3: Обязательственное право / Е. А. Суханов. — Москва : Волтерс Клувер, 2008. — 800 с.

[5] Сарбаш, С. В. Посреднические договоры: теория и практика / С. В. Сарбаш // Вестник ВАС РФ. — 2015. — № 7. — С. 45–51.

[6] Медведев, Д. А. Цифровое право: вызовы и перспективы / Д. А. Медведев. — Москва : Юрайт, 2022. — 320 с.

References:

[1] Braginsky, M. I. Contract Law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services/M.I. Braginsky, V.V. Vitriansky. - Moscow: Statute, 2005. - 1056 s.

[2] Vitryansky, V.V. Civil Code of the Russian Federation. Part two: Text, comments, alphabetical-subject index/V.V. Vitriansky. - Moscow: Infra-M, 2010. - 912 s.

[3] Sergeev, A.P. Mediation in the Alternative Dispute Resolution System/A.P. Sergeev//Arbitration and Civil Procedure. — 2018. — № 5. - S. 34-39.

[4] Sukhanov, E. A. Civil law: In 4 vols. T. 3: Compulsory law/E. A. Sukhanov. - Moscow: Volters Kluver, 2008. - 800 s.

[5] Sarbash, S.V. Intermediary agreements: theory and practice/S.V. Sarbash//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2015. — № 7. - S. 45-51.

[6] Medvedev, D. A. Digital Law: Challenges and Prospects/D. A. Medvedev. - Moscow: Yurayt, 2022. - 320 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-265-267
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ХАБИЕВА З.Д.,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова»,
Россия, Грозный,
e-mail: xabieva.zaira@bk.ru

ВИНДИКАЦИОННЫЙ ИСК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию виндикационного иска как основного способа защиты права собственности. Рассматриваются условия его предъявления, особенности доказывания добросовестности приобретателя и разграничение с кондикционными требованиями. Анализируются проблемные аспекты судебной практики и формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в целях обеспечения эффективной защиты права собственности и стабильности гражданского оборота.*

Ключевые слова: *виндикационный иск, истребование имущества, добросовестный приобретатель, право собственности, незаконное владение, защита вещных прав.*

KHABIEVA Z.D.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"A.A. Kadyrov Chechen State University",
Russia, Grozny

A CLAIM FOR RECOVERY IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article is devoted to the study of the vindication claim as the main method of protecting property rights. The conditions for its filing, the specifics of proving the good faith of the acquirer, and its differentiation from condictio claims are examined. Problematic aspects of judicial practice are analyzed, and proposals for improving the legal regulation are formulated to ensure effective protection of property rights and the stability of civil transactions.*

Key words: *vindication claim, recovery of property, bona fide acquirer, property right, unlawful possession, protection of property rights.*

Виндикация как способ защиты права собственности занимает одно из ключевых мест в системе вещно-правовых средств охраны имущественных интересов. В условиях гражданского оборота нередки ситуации, когда имущество выбывает из законного владения собственника помимо его воли и оказывается у лиц, не имеющих на него правовых оснований. В таких случаях именно виндикационный иск выступает основным юридическим механизмом восстановления нарушенного права, обеспечивая возврат индивидуально-определенной вещи из чужого незаконного владения. Его значение обусловлено как практической востребованностью, так и сложностью правовой природы.

Несмотря на устойчивое закрепление виндикации в гражданском законодательстве, применение данного способа защиты сопряжено с рядом теоретических и практических проблем. В научной доктрине продолжаются дискуссии о субъектном составе виндикационного требования, об особенностях статуса титульного владельца, о соотношении виндикации с обязательственно-правовыми способами защиты. Особую сложность вызывают вопросы, связанные с истребованием бездокументарных ценных бумаг и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ, что привело к формированию концепции так называемой «виндикации прав».

Не менее значимыми остаются проблемы исчисления срока исковой давности по виндикационным требованиям, а также последствия ее истечения. С одной стороны, институт исковой давности направлен на обеспечение стабиль-

ности гражданского оборота, с другой — его применение к виндикации нередко приводит к «разъединению» права собственности и фактического владения. Все это свидетельствует о необходимости комплексного анализа правовой природы виндикационного иска, условий его предъявления и перспектив совершенствования законодательства в данной сфере.

В статье Д. А. Беловой проводится комплексный анализ института виндикации в российском гражданском праве, рассматриваются ключевые проблемы, связанные с истребованием имущества из чужого незаконного владения. Автор детально разбирает субъектный состав виндикационного иска, отмечая, что правом на подачу такого иска обладают не только собственники, но и титульные владельцы, такие как арендаторы, хранители или доверительные управляющие, что обусловлено отсутствием в российском законодательстве развитого механизма посессорной защиты. При этом подчёркивается, что в случае одновременного предъявления исков собственником и титульным владельцем приоритет должен определяться в зависимости от возможности одностороннего прекращения собственником права владения контрагента.

Особое внимание уделяется дискуссионному вопросу о возможности виндикации прав, в частности акций и долей в уставном капитале. Белова Д. А. аргументирует, что, несмотря на нематериальную природу таких объектов, они могут быть предметом виндикационного иска, поскольку законодательство признаёт имущественные права объектом права собственности, а категория владения может распространяться на возможность осуществления правомочий, вытекающих из ценной бумаги. Этот подход находит поддержку в судебной практике, хотя суды часто применяют нормы о виндикации по аналогии закона.

Центральной проблемой, затрагиваемой в статье, является исчисление срока исковой давности по виндикационным требованиям. Автор критикует сложившуюся судебную практику и предлагает альтернативные пути реформирования законодательства, указывая на парадоксальность ситуации, когда после истечения давности право собственности формально сохраняется, но реализовать его невозможно. В связи с этим в статье приводится следующее суждение: «В результате отказа в удовлетворении виндикационного требования по причине пропуска срока исковой давности собственник не утрачивает свое право на спорное имущество, а незаконный владелец (ответчик), во владении которого имущество остается, его не приобретает. Складывается парадоксальная ситуация» [1]. В качестве решений автор рассматривает либо существенное увеличение срока давности с прекращением права прежнего собственника по его истечении, либо полное неприменение исковой давности к виндикационным искам, что, по её мнению, способствовало бы стабильности гражданского оборота.

В статье К. С. Лотакова рассматриваются ключевые элементы виндикационного иска: стороны, объект и предмет. Автор отмечает, что объектом иска может быть только индивидуально-определённая вещь, сохранившаяся в натуре, а предметом — требование о её изъятии из незаконного владения и возврате истцу. При этом Лотаков критикует смешение понятий объекта и предмета иска, подчёркивая их различную правовую природу. Он также обращает внимание на проблему защиты прав титульных владельцев, которые, не являясь собственниками, могут предъявлять виндикационный иск на основании ст. 305 ГК РФ, что отражает взаимопроникновение вещных и обязательственных элементов в гражданских правоотношениях.

Особое внимание в статье уделено дискуссионным вопросам, связанным с субъектным составом виндикации. Лотаков указывает, что, помимо собственников, истцами могут выступать титульные владельцы, обладающие правом владения на основании закона или договора, что обусловлено необходимостью защиты их интересов от посягательств третьих лиц, включая самого собственника. Кроме того, рассматривается положение давностного владельца, который, не будучи титульным владельцем, может защищать своё фактическое владение по правилам статей 301 и 304 ГК РФ по аналогии закона, хотя такой иск не является виндикационным в строгом смысле. Эти положения демонстрируют сложность и неоднозначность практического применения института виндикации в современном гражданском праве.

Автор приходит к выводу о необходимости уточнения законодательных норм, регулирующих виндикационные отношения, для устранения теоретических разногласий и практических проблем. В этой связи он отмечает: «Всё это позволяет говорить о двуединости предмета виндикационного иска: с одной стороны, таковым является требование о выбытии вещи из чужого незаконного владения, а с другой стороны, требование о возврате ее собственнику/титульному владельцу» [2]. Таким образом, работа подчёркивает важность чёткого определения элементов виндикационного иска для обеспечения эффективной защиты вещных прав в условиях усложнения гражданского оборота.

Список литературы:

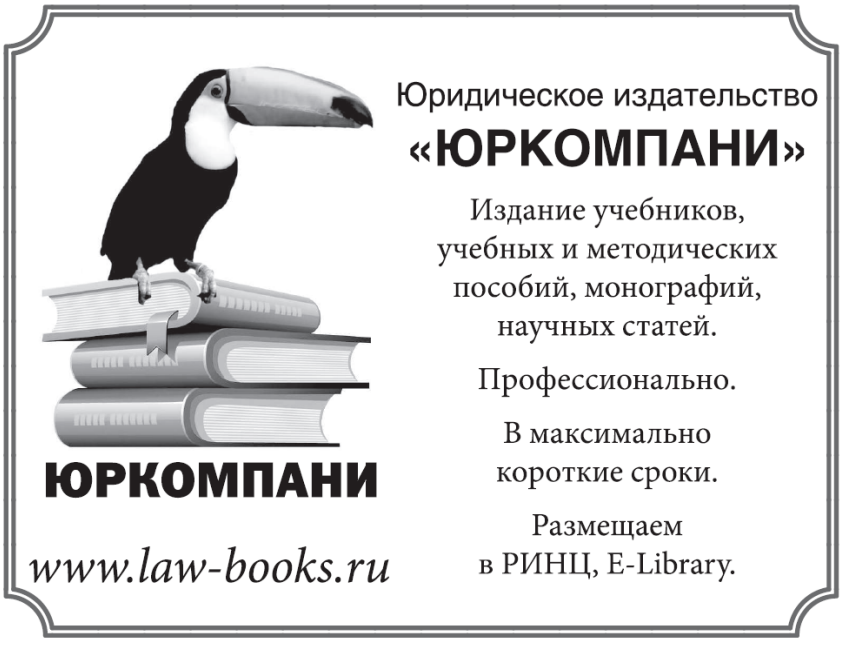
[1] Белова Дина Александровна Проблемы истребования имущества из чужого незаконного владения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2010. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istrebovaniya-imuschestva-iz-chuzhogo-nezakonnogo-vladeniya (дата обращения: 04.12.2025);

[2] Лотаков К. С. К ВОПРОСУ О проблеме элементного состава виндикационного иска // Экономика и социум. 2017. №3 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-elementnogo-sostava-vindikatsionnogo-iska (дата обращения: 04.12.2025).

References:

[1] Belova Dina Aleksandrovna Problems of reclaiming property from someone else's illegal possession//Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Right. 2010. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istrebovaniya-imuschestva-iz-chuzhogo-nezakonnogo-vladeniya (дата обращения: 04.12.2025);

[2] Lotakov K. S. TO THE QUESTION On the problem of the elementary composition of a vindication claim//Economics and Society. 2017. №3 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-probleme-elementnogo-sostava-vindikatsionnogo-iska (дата обращения: 04.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-268-270
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ЗАГАЛАЕВА Жанета Алхазуровна,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А.Кадырова», г.Грозный,
ассистент кафедры гражданского права и процесса,
e-mail: zagalaevag@gmail.com

ДОГОВОР ПОСТАВКИ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИСПОЛНЕНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. *В данной статье актуализируются правовые основы договора поставки. Рассматривается порядок заключения договора поставки, а также его исполнение и разновидности мер ответственности сторон договора.*

Ключевые слова: *договор, договор поставки, гражданское законодательство, купля-продажа.*

ZAGALAEVA Zhaneta Alkhazurovna,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
Grozny Assistant of the Department of Civil Law and Procedure

THE SUPPLY CONTRACT AS A LEGAL FORM OF WHOLESALE TRADE: CONCLUSION, EXECUTION, AND LIABILITY

Annotation. *This article updates the legal foundations of the supply contract. It examines the procedure for concluding a supply contract, as well as its execution and the types of liability measures for the parties to the contract.*

Key words: *contract, supply contract, civil law, purchase and sale.*

Оптовая купля-продажа в рамках российского гражданского правопорядка облачается по преимуществу в юридическую форму договора поставки. Согласно ст. 506 ГК РФ, в силу соглашения о поставке поставщик-предприниматель принимает на себя обязанность в оговорённый временной промежуток или периоды передать изготавливаемые либо приобретаемые им товары покупателю для их последующего применения в предпринимательской деятельности, либо в иных целях, не имеющих отношения к личному, семейному, домашнему и подобному им использованию. Кардинальное отличие от розничной реализации коренится в целевой направленности приобретения товара — она неизменно сопряжена с генерированием прибыли или обеспечением коммерческой деятельности (производственный процесс, дальнейший сбыт, эксплуатация для организационных нужд).

Порядок заключения договора поставки отмечен рядом характерных особенностей. В противовес рознице, где контракт чаще всего оформляется путём акцепта публичной оферты (экспозиция товара на витрине), поставка предполагает, как правило, заблаговременное согласование эссенциальных параметров: номенклатуры и объёма товара, временных рамок поставки, ассортиментного перечня, качественных характеристик, стоимостного выражения и механизма взаиморасчётов. При этом ст. 507 ГК РФ вводит специальную процедуру преодоления разногласий: участник, выступивший инициатором заключения договора и получивший от контрагента протокол разногласий, обязан в тридцатидневный срок (если иной период не оговорён сторонами) предпринять действия по урегулированию спорных пунктов либо в письменной форме известить визави об отказе от вступления в договорные отношения. Уклонение от выполнения данной обязанности порождает у контрагента право требовать компенсации убытков, обусловленных недобросовестным уходом от согласования условий.[4, с. 79 - 83.].

Исполнение договора поставки регламентируется нормами § 3 главы 30 ГК РФ и характеризуется наличием ряда специфических юридических инструментов. В первую очередь, это восполнение недопоставки товаров (ст. 511 ГК РФ). В ситуации, когда поставщик не довёз предусмо-

тренный объём продукции в отдельно взятом периоде, на него возлагается обязанность компенсировать образовавшийся дефицит в следующем временном интервале в границах периода действия договора. Покупатель, в свою очередь, уведомив поставщика, может отклонить принятие товаров, доставка которых просрочена, либо, напротив, потребовать их незамедлительной отгрузки. Примечательно, что продукция, отгруженная до наступления согласованного срока, подлежит зачёту в счёт объёмов, причитающихся к поставке в последующем периоде.

Другим значимым институтом выступает выборка товаров (ст. 515 ГК РФ). В отличие от розничной продажи, где реализатор по общему принципу обязан обеспечить доставку товара, в рамках договора поставки может быть предусмотрена выборка — самостоятельное получение продукции покупателем в пункте дислокации поставщика (самовывоз). На покупателя возлагается обязанность осуществить выборку в пределах разумного срока после поступления уведомления о готовности товара к передаче. Неисполнение данной обязанности в отведённые временные рамки наделяет поставщика правомочием либо аннулировать договор в одностороннем порядке, либо истребовать от покупателя внесения платы за товар.

Ответственность контрагентов по договору поставки носит ярко выраженный предпринимательский окрас. В силу ст. 401 ГК РФ субъект, допустивший неисполнение обязательства в ходе осуществления коммерческой деятельности, подлежит привлечению к ответственности вне зависимости от наличия или отсутствия вины, если только им не будет доказано, что надлежащее исполнение стало недостижимым по причине обстоятельств непреодолимой силы. Это означает, что поставщик лишён возможности апеллировать к отсутствию товара у собственного контрагента, поломке производственного оборудования или иным внутриорганизационным затруднениям — единственным легитимным основанием для освобождения от ответственности служат события экстраординарного и неотвратимого при данных условиях характера (природные катаклизмы, боевые действия, нормативные запреты, вводимые государством).[5, с. 656].

Разновидности мер ответственности включают:

– Взыскание неустойки. В тексте соглашения о поставке зачастую фиксируется неустойка за срыв сроков отгрузки, недовоз продукции, нарушение графика платежей. Пункт 2 ст. 521 ГК РФ закрепляет специальное предписание: установленная правовым актом или договором неустойка за недопоставку либо просрочку поставки подлежит взысканию с поставщика вплоть до момента действительного исполнения обязательства в рамках его обязанности по восполнению недовезённого объёма.
– Убытки. Подлежат взысканию помимо неустойки, если договор не содержит иной оговорки (по умолчанию действует зачётный механизм неустойки). Покупатель вправе претендовать на компенсацию как прямого ущерба (к примеру, затрат на приобретение аналогичного товара у альтернативного поставщика по повышенной стоимости), так и неполученной выгоды.
– Проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) — задействуются при несоблюдении покупателем временных параметров оплаты, если контракт не предусматривает неустойки за данное отступление от обязательств.[7, с. 344].
– Односторонний отказ от договора (ст. 523 ГК РФ). Существенное нарушение условий соглашения о поставке одной из сторон даёт контрпартнёру право в одностороннем внесудебном порядке полностью или в части дезавуировать договор. Применительно к поставщику существенным признаётся: отгрузка продукции ненадлежащего качества с изъянами, которые не поддаются устранению в приемлемые для покупателя временные рамки; систематическое несоблюдение сроков поставки. Для покупателя аналогичными основаниями служат: неоднократное нарушение платёжной дисциплины; уклонение от выборки товара в оговорённые сроки.

Итак, договор поставки представляет собой эластичный, диспозитивный инструментарий оптового товарообмена, предоставляющий контрагентам значительную свободу в конструировании условий, но параллельно учреждающий строгие правила ответственности, коррелирующие с предпринимательским существом складывающихся отношений.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // СЗ РФ. 1996. N 5. Ст. 410.

[2] Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3434.

[3] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. N 14. Ст. 1652.

[4] Барыбина Е.Л. Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете госу-

дарственного контракта как средство самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2014. N 10. С. 79 - 83.

[5] Белых В.С. , Берсункаев, Г.Э. , Виниченко, С.И. Предпринимательское право России: учебник. – М.: Проспект, 2010. - 656 с.

[6] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002. Кн. 2. 800 с.

[7] Договоры в предпринимательской деятельности / отв. ред. Е.А. Павлодский, Т.Л. Левшина. М.: «Статут», 2008. 344 с.

[8] Дружинина Л. Поставка: трудности квалификации//ЭЖ-Юрист. 2006. № 14.

[9] Ерачин Е.Г. Учебно-практическое пособие по дисциплине «Договорное право». Бузулук: БГТИ, 2004. 171 с.

[10] Какабадзе Т. Договор поставки: односторонний отказ от исполнения // Хозяйство и право. 2012. № 1. С. 105 – 110.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 N 14-FZ (as amended by 23.05.2016) //RF NW. 1996. N 5. Art. 410.

[2] Federal Law of 26.07.2006 N 135-FZ (as amended by 03.07.2016) “ On Protection of Competition “//NW RF. 2006. N 31 (1 hour). Art. 3434.

[3] Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013 (as amended by 03.07.2016) “ On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs “//NW RF. 2013. N 14. Art. 1652.

[4] Barybina E.L. The concept of “state (municipal) needs” in the subject of a state contract as a means of self-organization of civil legal relations for the supply of goods for state and municipal needs// Modern law. 2014. N 10. S. 79-83.

[5] Belykh V.S., Bersunkaev, G.E., Vinichenko, S.I. Entrepreneurial law of Russia: textbook. - M.: Prospect, 2010. - 656 p.

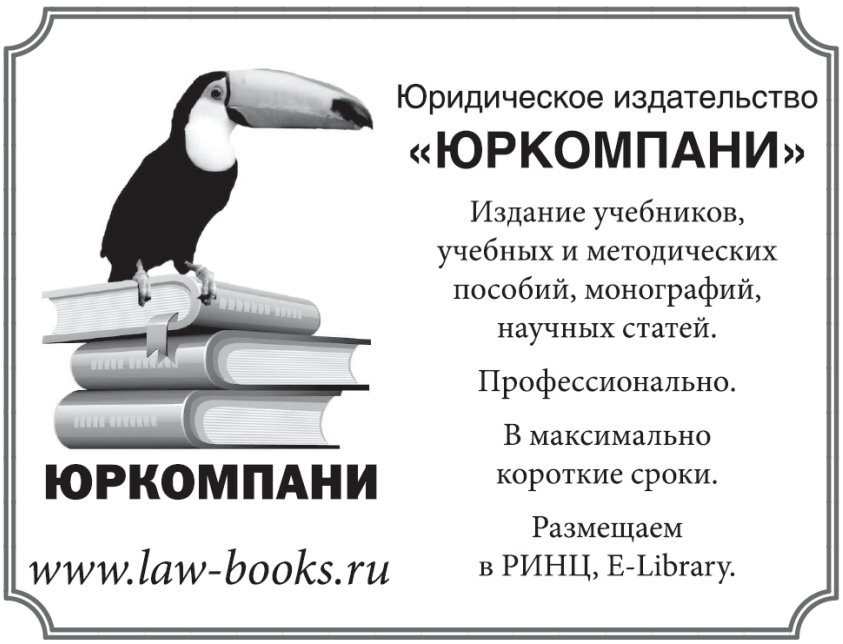
[6] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Property transfer agreements. 4th ed., Stereotypical. M.: Statute, 2002. Kn. 2. 800 s.

[7] Business contracts/resp. ed. E.A. Pavlovsky, T.L. Levshina. M.: “Statute,” 2008. 344 pp.

[8] Druzhinina L. Supply: qualification difficulties//EZh-Lawyer. 2006. № 14.

[9] Erachin E.G. Training manual on the discipline “Contract Law.” Buzuluk: BGTI, 2004. 171 pp.

[10] Kakabadze T. Supply contract: unilateral refusal to perform//Economy and law. 2012. № 1. S. 105-110.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-271-280

КИРСАНОВА Евгения Валерьевна,
кандидат юридических наук, медиатор,
e-mail: evgeniakirsanova@yandex.ru

СДЕЛКОСПОСОБНОСТЬ И ПОРОК ВОЛИ ПРИ НОТАРИАЛЬНО УДОСТОВЕРЕННОЙ СДЕЛКЕ: НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ДЕЛУ № А40-304649/18

Аннотация. *В статье анализируется проблема соотношения гражданской дееспособности, сделкоспособности и порока воли при оспаривании нотариально удостоверенной сделки по пункту 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации. Материалом исследования выступает постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 октября 2019 г. по делу № А40-304649/18, а также последующая правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по тому же делу. Обосновывается, что нотариальная проверка дееспособности не может подменять судебное установление фактической способности лица понимать значение своих действий и руководить ими в момент совершения сделки. Предлагается различать формальную гражданскую дееспособность, сделкоспособность как способность участвовать в сделочном обороте и актуальную волевую способность субъекта к совершению конкретной сделки.*

Проведен также тематический обзор современной российской цивилистической литературы 2024–2025 гг., посвященной сделкоспособности, воле и волеизъявлению, доказыванию порока воли, недействительности сделок и роли нотариальной формы. Этот обзор позволяет показать, что комментируемое судебное дело не является изолированным казусом, а отражает более широкую для цивилистики проблему: как совместить устойчивость гражданского оборота с защитой лица, чья актуальная волевая способность была нарушена в момент совершения сделки.

Ключевые слова: *сделка, сделкоспособность, дееспособность, порок воли, недействительность сделки, статья 177 ГК РФ, нотариальное удостоверение, судебно-психиатрическая экспертиза, волеобразование, волеизъявление.*

KIRSANOVA Evgenia Valerievna,
Candidate of Law, Mediator

DEALABILITY AND VICE OF WILL IN A NOTARIZED TRANSACTION: SCIENTIFIC COMMENTARY ON THE CASE NO. A40-304649/18

Annotation. *The article analyzes the problem of the ratio of civil capacity, transactability and vice of will when challenging a notarized transaction under paragraph 1 of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation. The material of the study is the decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of October 16, 2019 in case No. A40-304649/18, as well as the subsequent legal position of the Supreme Court of the Russian Federation in the same case. It is justified that a notarial verification of legal capacity cannot replace the judicial establishment of the actual ability of a person to understand the meaning of his actions and lead them at the time of the transaction. It is proposed to distinguish between formal civil capacity, transaction capacity as the ability to participate in the transaction turnover and the actual volitional ability of the subject to perform a specific transaction.*

A thematic review of modern Russian civil literature 2024-2025 was also conducted, dedicated to dealability, will and expression of will, proving the vice of will, invalidity of transactions and the role of the notarial form. This review allows us to show that the commented court case is not an isolated incident, but reflects a broader problem for civil servants: how to combine the stability of civil turnover with the protection of a person whose current volitional ability was violated at the time of the transaction.

Key words: *contract, capacity to enter into contracts, legal capacity, defect of will, invalidity of a contract, Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation, notarial certification, forensic psychiatric examination, formation of will, expression of will*

Введение

Проблема недействительности сделок, совершенных лицом с нарушенной способностью к осознанному волеобразованию, занимает особое место в современной российской цивилистике. Ее сложность обусловлена тем, что суду необходимо соединить юридическую квалификацию сделки с медицинской, психологической и фактической оценкой состояния субъекта в момент совершения юридически значимого действия. В этой группе споров особенно заметна граница между формальной дееспособностью гражданина и его реальной способностью понимать смысл совершаемого акта распоряжения правом.

Пункт 1 статьи 177 ГК РФ закрепляет особое основание оспоримости: сделка может быть совершена лицом, которое формально является дееспособным, но в момент сделки находится в состоянии, исключающем способность понимать значение своих действий или руководить ими [1]. Следовательно, законодатель изначально разводит две категории: наличие гражданской дееспособности и наличие фактической способности к осознанному совершению конкретной сделки.

Именно это различие оказалось центральным в деле № А40-304649/18. Истец оспаривала договор купли-продажи 100 % доли в уставном капитале ООО «Оптика “Окулис Константини”», заключенный с ответчиком — ее внуком. В обоснование требований она ссылалась на отсутствие действительного намерения отчуждать имущество и на психическое состояние, препятствовавшее пониманию содержания и последствий сделки. В материалах дела имелось заключение амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела [4].

Апелляционный суд отказал в иске, придав решающее значение нотариальному удостоверению договора и проверке дееспособности нотариусом [4]. Однако позднее Верховный Суд РФ указал на ошибочность такого подхода: наличие полной дееспособности не исключает порока воли при совершении сделки, а обжалование действий нотариуса не является необходимым условием для признания сделки недействительной по пункту 1 статьи 177 ГК РФ [5].

Цель настоящей статьи — на основе анализа указанного судебного дела и современной цивилистической литературы сформулировать научно значимые тезисы о сделкоспособности и пороке воли, а также предложить модель доказывания по делам о недействительности сделок, совершенных лицом, не способным понимать значение своих действий или руководить ими.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системно-правовой, доктринальный, сравнительно-доказательственный методы. Формально-юридический метод использован при анализе статей 166, 177 ГК РФ, статей 69 и 71 АПК РФ, а также положений Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. Системно-правовой метод позволил рассмотреть нотариальное удостоверение не изолированно, а как элемент общей системы доказательственных гарантий действительности сделки. Доктринальный метод применен при анализе современной российской литературы о сделках, недействительности сделок, сделкоспособности и пороках воли.

Материалами исследования являются: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 октября 2019 г. по делу № А40-304649/18 [4]; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5407 [5]; определение Верховного Суда РФ от 25 марта 2022 г. № 305-ЭС20-5407 [6]; современные комментарии к положениям ГК РФ о сделке и недействительности сделок [7; 8], а также научные публикации последних лет, посвященные сделкоспособности, пороку воли, добросовестности контрагента и проблемам доказывания [9—14].

Исследование построено в логике IMRAD: во введении обозначается проблема и цель; в разделе материалов и методов определяется исследовательская база; в разделе результатов анализируются ключевые правовые категории и судебное решение; в обсуждении формулируется научная интерпретация; в заключении представлены выводы и тезисы для дальнейшей разработки темы.

Дополнительно использован метод тематического литературного обзора: источники сгруппированы по четырем проблемным блокам — сделкоспособность и дееспособность; воля и волеизъявление; доказывание порока воли; недействительность сделок и стабильность гражданского оборота. Такой способ анализа позволяет не просто перечислить публикации, а встроить их основные тезисы в правовую оценку дела № А40-304649/18.

Результаты

1. Понятие сделкоспособности

Российское гражданское законодательство не содержит самостоятельного легального определения сделкоспособности. В то же время в цивилистической доктрине данный термин традиционно используется для обозначения способности лица своими действиями совершать сделки и через них приобретать, изменять или прекращать гражданские права и обязанности. В узком смысле сделкоспособность является элементом гражданской дееспособности. В более точном, функциональном смысле она выражает способность субъекта к осознанному участию в конкретном сделочном обороте.

Современная литература предлагает рассматривать сделкоспособность не только через возраст и формальный статус лица, но и через более сложную совокупность социальных, юридических, поведенческих и личностных критериев. Так, С. В. Воронина, анализируя сделкоспособность несовершеннолетних, выделяет возраст, здоровье, поведенческие проявления и особое правовое состояние как критерии, влияющие на содержание способности лица к совершению сделок [11]. Хотя предметом исследования указанного автора являются несовершеннолетние, предложенная логика имеет более широкое значение: сделкоспособность не исчерпывается регистрационной или паспортной проверкой статуса субъекта.

Для споров по статье 177 ГК РФ это особенно важно. Сделкоспособность здесь проявляется не как абстрактная возможность участвовать в обороте, а как способность в конкретный момент понимать: что именно отчуждается; каковы правовые последствия отчуждения; как сделка влияет на имущественное положение лица; соответствует ли сделка действительному интересу лица; сохраняет ли субъект способность к волевому самоконтролю.

В связи с этим представляется целесообразным различать три уровня анализа. Первый уровень — формальная дееспособность: наличие у лица общего гражданско-правового статуса, позволяющего совершать сделки. Второй уровень — сделкоспособность: способность быть субъектом сделочных действий соответствующего типа. Третий уровень — актуальная волевая способность: фактическая способность лица в момент конкретной сделки понимать значение своих действий и руководить ими. Именно третий уровень является предметом доказывания по пункту 1 статьи 177 ГК РФ.

2. Порок воли как основание недействительности сделки

Порок воли в гражданском праве означает дефект внутреннего волеобразования или внешнего волеизъявления, вследствие которого сделка не может рассматриваться как свободное и осознанное распоряжение субъекта своим правом. В общей теории сделки воля и волеизъявление образуют центральную конструкцию: сделка предполагает не только внешнее выражение намерения, но и его внутреннюю осознанность, направленность на правовой результат и способность субъекта соотносить свое действие с последствиями.

Особенность статьи 177 ГК РФ состоит в том, что порок воли может быть вызван внутренним состоянием самого лица. В отличие от статей 178 и 179 ГК РФ, где существенное значение имеют заблуждение, обман, насилие, угроза или неблагоприятные внешние обстоятельства, статья 177 ГК РФ направлена на защиту лица, чья воля дефектна вследствие состояния, нарушающего осознанность и саморегуляцию. Поэтому сделка, совершенная в таком состоянии, не может рассматриваться как совершенная по действительной воле лица, даже если внешне она оформлена надлежащим образом.

В современной литературе по недействительности сделок подчеркивается, что оспоримость выступает механизмом балансирования между автономией воли, стабильностью оборота и защитой нарушенного частного интереса [7]. Применительно к статье 177 ГК РФ этот баланс особенно сложен: с одной стороны, оборот заинтересован в устойчивости нотариально удостоверенных сделок; с другой — правопорядок не может признавать полноценным распоряжением имуществом юридический акт лица, фактически не способного осознать его смысл.

Следовательно, порок воли по статье 177 ГК РФ должен доказываться не только через формальные документы о дееспособности, но и через комплекс доказательств: медицинские документы, экспертные заключения, показания свидетелей, поведение лица до и после сделки, экономическую разумность или неразумность сделки, характер отношений сторон, возможную зависимость одной стороны от другой и осведомленность контрагента о состоянии лица.

3. Фабула дела № А40-304649/18

В рассматриваемом деле Власова Н. К. являлась единственным участником общества с ограниченной ответственностью «Оптика “Окулис Константини”». 2 февраля 2018 г. между ней и Власовым Е. К. был заключен договор купли-продажи 100 % доли в уставном капитале общества. Договор был нотариально удостоверен исполняющим обязанности нотариуса города Москвы Савиной О. Н. — Супрун В. В. стоимость доли была определена сторонами в размере 600 000 руб. [4].

Истец утверждала, что не имела намерения отчуждать имущество, а ее психическое состояние препятствовало всестороннему и целостному пониманию содержания и юридических последствий сделки. В подтверждение этих доводов она ссылалась на амбулаторную первичную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, проведенную в рамках уголовного дела, согласно выводам которой истец в момент совершения сделки находилась в состоянии, не позволявшем понимать значение своих действий и руководить ими [4].

Суд первой инстанции частично удовлетворил иск и признал договор недействительным. Однако Девятый арбитражный апелляционный суд, рассмотрев дело по правилам суда первой инстанции, отменил решение и отказал в удовлетворении требований. Логика апелляционного суда строилась вокруг нотариального удостоверения сделки: нотариус проверил личность сторон, запросил сведения об отсутствии судебного акта о признании истца недееспособной или ограниченно дееспособной, разъяснил смысл сделки и зафиксировал в договоре заверения сторон об отсутствии заболеваний, препятствующих пониманию сути договора [4].

4. Правовая позиция апелляционного суда и ее критическая оценка

Ключевой вывод апелляционного суда состоял в том, что факт удостоверения сделки нотариусом свидетельствует о способности гражданина в момент удостоверения понимать характер своих действий и руководить ими в объеме, необходимом для совершения юридически значимого действия [4]. На этом основании суд отклонил ссылку истца на экспертное заключение и указал, что действия нотариуса не были оспорены в установленном порядке.

Такая аргументация представляется методологически уязвимой по нескольким причинам. Во-первых, суд смешал формальную дееспособность с фактической способностью к осознанному волеобразованию. Между тем пункт 1 статьи 177 ГК РФ применяется именно к гражданину, который является дееспособным. Следовательно, отсутствие судебного акта о недееспособности не опровергает, а наоборот, предполагает возможность анализа по статье 177 ГК РФ, если заявлено, что лицо в конкретный момент не понимало значение своих действий или не могло руководить ими [1].

Во-вторых, апелляционный суд придал нотариальному удостоверению чрезмерное доказательственное значение. Действительно, нотариус обязан проверить дееспособность граждан, установить личность, разъяснить смысл сделки и проверить соответствие содержания сделки действительным намерениям сторон [3]. Однако нотариус не является судебно-психиатрическим экспертом и не обладает специальными знаниями для ретроспективного или клинического вывода о психическом состоянии лица. Нотариальная процедура создает повышенную гарантию действительности сделки, но не устраняет возможность порока воли.

В-третьих, суд фактически отказался от полноценной сравнительной оценки доказательств. Никакое доказательство не имеет заранее установленной силы (ст. 71 АПК РФ), а суд обязан оценивать относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства и их совокупность. Если в деле имеется экспертное заключение о неспособности лица понимать значение своих действий в юридически значимый момент, суд не вправе отклонить его, основываясь на нотариальной форме сделки.

В-четвертых, апелляционный суд не разграничил удостоверенный нотариусом факт внешнего волеизъявления и действительность внутренней воли. Нотариус может удостоверить, что лицо явилось, предъявило паспорт, подписало договор, получило разъяснения и формально не признано недееспособным. Но вопрос о том, позволяло ли психическое состояние лица в конкретный момент понимать значение сделки, требует специальных знаний и судебной оценки всех доказательств.

5. Корректирующая позиция Верховного Суда Российской Федерации

Верховный Суд РФ в определении от 10 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5407 отменил постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 октября 2019 г. и постановление суда округа, направив дело на новое рассмотрение. Судебная коллегия указала, что дееспособность лица не имеет решающего значения для вывода об отсутствии порока воли: тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки [5].

Верховный Суд РФ также подчеркнул, что юридически значимым обстоятельством является психическое состояние лица в момент заключения сделки. Установление такого состояния требует специальных знаний, которыми нотариус не обладает [5]. Данный вывод имеет принципиальное значение для всей группы дел по статье 177 ГК РФ: нотариальное удостоверение не создает неопровержимой презумпции сохранности воли.

Отдельно Верховный Суд РФ указал, что обжалование нотариального действия не является необходимым условием для признания сделки недействительной по статье 177 ГК РФ.

Это позволяет разграничить два самостоятельных предмета: законность нотариального действия и действительность самой сделки. Даже если нотариус действовал в рамках своих полномочий и не допустил формального нарушения процедуры, сделка может быть признана недействительной, если будет доказано состояние лица, исключавшее осознанное волеобразование.

Дальнейшая процессуальная траектория дела подтверждает этот вывод. При новом рассмотрении была назначена судебная психолого-психиатрическая экспертиза; по итогам последующего рассмотрения в иске вновь было отказано, а Верховный Суд РФ в 2022 г. отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании [6]. Однако этот финальный результат основан уже не на абсолютном доказательственном значении нотариального удостоверения, а на оценке специального экспертного доказательства и совокупности обстоятельств дела.

6. Обзор современной цивилистической литературы по сделкоспособности, воле и недействительности сделок

Анализ источников показывает, что современная российская цивилистика движется от чисто формального понимания дееспособности к более сложной модели оценки способности лица совершать юридически значимые действия. В этой модели важны не только возраст и отсутствие судебного акта о недееспособности, но и фактическая способность субъекта к осознанному волеобразованию в юридически значимый момент.

Воронина С. В. рассматривает сделкоспособность несовершеннолетних как многофакторную категорию, зависящую не только от возраста, но и от социальных, поведенческих, медицинских и правовых критериев [11]. Несмотря на то что статья посвящена несовершеннолетним, ее методологический тезис применим шире: способность к сделке не исчерпывается формальным статусом субъекта. Для комментируемого дела это важно потому, что продавец доли (Власова Н. К.) обладал полной гражданской дееспособностью, однако спор касался не общего статуса, а способности в конкретный момент понять значение отчуждения 100 % доли в обществе.

Калинина И. А. предлагает междисциплинарное понимание воли физического лица и выделяет несколько ее уровней: автономию личности, психосоматические и социально-экономические характеристики, содержательный уровень формирования воли в юридически значимый период и внешний уровень волеизъявления [16]. Этот подход усиливает предложенную в настоящей статье трехуровневую модель: формальная дееспособность — сделкоспособность — актуальная волевая способность. Особенно значим тезис о юридически значимом периоде формирования воли: именно этот период, а не абстрактное состояние дееспособности, должен становиться предметом судебного доказывания по статье 177 ГК РФ.

Махмутов Р. М. специально анализирует недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими [12]. В центре его исследования находится проблема доказывания внутреннего психического состояния лица, которое может не совпадать с формальной гражданской дееспособностью. Для комментируемого дела этот тезис принципиален: апелляционный суд фактически свел спор к нотариальной проверке дееспособности, тогда как по статье 177 ГК РФ предметом анализа является способность понимать значение действий и руководить ими именно в момент сделки.

Белова О. А. на материале договоров ипотеки и постковидного синдрома показывает, что медицинские состояния, не влекущие общего лишения дееспособности, могут влиять на ментальное состояние и способность лица осознавать последствия сделки [13]. Ценность этой публикации для настоящего комментария состоит в акценте на ситуационном характере порока воли: суд должен оценивать не только диагноз как таковой, но и его влияние на конкретное волеобразование при заключении конкретной сделки.

Шичко А. Р. и соавторы рассматривают формирование воли и волеизъявления при заключении сделок, а также трудности доказывания недействительности сделок с пороками воли [14]. Из данной работы для настоящей статьи важны два вывода: во-первых, дефект воли может быть скрыт за внешне корректным волеизъявлением; во-вторых, доказывание такого дефекта требует комплексной оценки, включая медицинские, психологические и фактические данные. Эти положения прямо соотносятся с ошибкой апелляционного суда, который придал нотариальному удостоверению значение почти достаточного доказательства действительности внутренней воли.

Темерев С. О. анализирует пороки воли в историко-правовом и практическом аспектах, показывая, что современное регулирование различает разные механизмы дефектности сделки: заблуждение, обман, насилие, угрозу, кабальность и неспособность лица осознавать значение своих действий [15]. Для настоящей статьи это позволяет точнее отграничить статью 177 ГК РФ от статей 178–179 ГК РФ: при статье 177 ГК РФ

центральным является не неправомерное воздействие контрагента, а внутреннее состояние лица, нарушающее его способность к осознанному волевому решению.

Шапошников Е. А. исследует использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора и отмечает отсутствие единого подхода судебной практики к отдельным видам доказательств, включая свидетельские показания, объяснения сторон и заключения экспертов [17]. Этот тезис особенно значим для дел по статье 177 ГК РФ: суд не вправе заранее исключать доказательственное значение медицинских документов, свидетельских показаний или ретроспективной экспертизы только потому, что сделка была удостоверена нотариально.

Пухкоева А. А. также акцентирует сложность предмета доказывания по делам о пороке воли и необходимость судебного анализа обстоятельств каждого конкретного дела [19]. Данная позиция подтверждает, что универсальная формула «нотариус проверил дееспособность — следовательно, порока воли нет» методологически неприемлема. Вместо нее требуется индивидуализированный стандарт оценки: состояние лица, содержание сделки, ее экономическая разумность, отношения сторон, поведение до и после подписания договора, наличие медицинских и экспертных данных.

Левушкин А. Н., анализируя природу ничтожных и оспоримых сделок, связывает институт недействительности с необходимостью поддерживать доверие к гражданскому обороту и одновременно устранять правовые дефекты сделок [18]. Этот тезис позволяет увидеть вторую сторону проблемы: чрезмерно легкое признание сделок недействительными способно подрывать устойчивость оборота, однако чрезмерное доверие формальной нотариальной процедуре может приводить к отказу в защите лица, чья воля была дефектна. Поэтому оптимальный стандарт должен быть не формальным, а доказательственным.

Обобщение рассмотренных источников показывает, что основной вывод настоящего комментария поддержан научной литературой: в спорах о недействительности сделки по статье 177 ГК РФ суд должен исследовать не только юридический статус лица и формальное соблюдение нотариальной процедуры, но и фактическую способность субъекта к осознанному волеобразованию в момент сделки. Нотариальная форма имеет высокую доказательственную ценность, но не устраняет необходимости в судебном исследовании медицинских, психологических, поведенческих и экономических обстоятельств.

Обсуждение

Рассматриваемое дело демонстрирует типичную для судебной практики проблему: суды иногда стремятся использовать нотариальную форму как гарантию действительности сделки, тогда как в спорах по статье 177 ГК РФ такая гарантия имеет ограниченное значение. Нотариальная форма выполняет важные функции — идентификационную, разъяснительную, предупредительную, доказательственную, охранительную. Для сделок с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью нотариальное удостоверение имеет специальное значение, поскольку закон связывает с ним действительность и безопасность оборота долей.

С учетом проанализированной литературы эту проблему можно сформулировать шире: нотариальная форма защищает оборот от очевидных дефектов формы, идентификации и внешнего волеизъявления, но она не является инструментом полной реконструкции внутренней воли. Воля как юридико-психологическое явление имеет не только внешний, но и содержательный, психосоматический и ситуационный уровни [16]; поэтому суд, рассматривая спор по статье 177 ГК РФ, должен оценивать не только то, что лицо подписало договор, но и то, могло ли оно сформировать юридически релевантное волевое решение.

Однако нотариальная форма не устраняет возможность порока воли. Иначе статья 177 ГК РФ была бы неприменима к нотариально удостоверенным сделкам, что противоречило бы ее назначению. Верховный Суд РФ фактически закрепил методологический ориентир: нотариус проверяет дееспособность и внешнее волеизъявление, но не заменяет собой судебно-психиатрическое исследование фактической способности лица понимать значение действий и руководить ими [5].

С научной точки зрения важно развести две презумпции. Первая — презумпция формальной дееспособности: лицо считается способным самостоятельно осуществлять гражданские права и обязанности, если не признано недееспособным или ограниченно дееспособным. Вторая — презумпция действительности сделки: совершенная сделка считается действительной, пока не доказано обратное. Но ни одна из этих презумпций не является неопровержимой. При наличии медицинских документов, экспертных заключений, сведений о необычном поведении лица, резком изменении его имущественного положения, семейной зависимости или возможной осведомленности контрагента суд обязан исследовать вопрос о реальной волевой способности субъекта.

В доктрине недействительности сделок все более заметно стремление рассматривать пороки

сделки не только через формальные составы, но и через баланс защищаемых интересов. Комментарий к статьям 166—181 ГК РФ под редакцией А. Г. Карапетова исходит из необходимости анализа практических и коллизионных вопросов применения норм о недействительности сделок, включая статьи о пороках воли [7]. В статье А. Г. Карапетова о недостатках общего регулирования сделок в ГК РФ прямо выделяется проблема оспаривания сделки, совершенной лицом, не способным понимать значение своих действий или руководить ими, и подчеркивается значение корректной законодательной и судебной настройки данного основания [9].

Проблематика добросовестности контрагента также заслуживает внимания. В сделках по статье 177 ГК РФ вопрос не сводится к тому, знал ли контрагент о состоянии лица, поскольку сама норма защищает лицо с дефектом воли. Однако осведомленность контрагента, характер родственных отношений, зависимость сторон, цена сделки и поведение покупателя могут иметь значение для оценки всей совокупности обстоятельств, в том числе при определении последствий недействительности и при анализе добросовестности в обороте [10].

Для судебной практики можно предложить следующую модель доказывания по делам о статье 177 ГК РФ. На первом этапе суд устанавливает формальную дееспособность лица и факт совершения сделки. На втором этапе исследуется фактическое состояние лица в момент сделки: медицинская документация, экспертные заключения, сведения о лечении, диагнозах, когнитивных нарушениях, поведении до и после сделки. На третьем этапе анализируется сама сделка: предмет, цена, экономическая разумность, соотношение с интересами лица, характер распоряжения имуществом. На четвертом этапе оценивается контекст отношений сторон: родство, доверительная связь, зависимость, возможное влияние или осведомленность контрагента. На пятом этапе суд формулирует вывод не о формальной дееспособности, а об актуальной волевой способности лица в юридически значимый момент.

Таким образом, научный комментарий к делу № А40-304649/18 позволяет сформулировать общий методологический тезис: по делам о статье 177 ГК РФ суд должен исследовать не только форму сделки и нотариальную процедуру, но и внутреннюю способность лица к юридически релевантному волеобразованию.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Сделкоспособность в делах о пороке воли должна пониматься шире, чем формальная гражданская дееспособность. Она включает способность лица осознанно совершить конкретную сделку в конкретной жизненной, психической и имущественной ситуации.
2. Порок воли по пункту 1 статьи 177 ГК РФ является самостоятельным основанием недействительности сделки, применимым именно к дееспособному гражданину. Поэтому ссылка на отсутствие судебного решения о недееспособности не опровергает довод о возможном пороке воли.
3. Нотариальное удостоверение сделки усиливает доказательственную устойчивость сделки, но не создает неопровержимой презумпции отсутствия порока воли.
4. Судебно-психиатрическая или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по делам о статье 177 ГК РФ имеет ключевое значение, но должна оцениваться в совокупности с другими доказательствами.
5. Ошибка апелляционного постановления 2019 г. заключалась в чрезмерном доверии к нотариальной процедуре и недостаточной оценке доказательств, указывающих на возможный порок воли.
6. Позиция Верховного Суда РФ уточнила стандарт доказывания: суд обязан устанавливать психическое состояние лица в момент сделки; обжалование действий нотариуса не требуется; полная дееспособность не исключает порока воли.
7. Научная новизна предлагаемого подхода состоит в трехуровневой модели анализа: формальная дееспособность — сделкоспособность — актуальная волевая способность в момент сделки.
8. Обзор современной литературы показывает, что научная новизна настоящего комментария может быть усилена за счет перехода от бинарной схемы «дееспособен / недееспособен» к функциональной модели «способен / не способен к осознанному совершению данной сделки в данных обстоятельствах».
9. Для правоприменения перспективен комплексный стандарт доказывания порока воли, включающий нотариальные сведения, медицинские документы, экспертное заключение, личные доказательства, экономическую логику сделки и анализ отношений сторон.

Заключение

Дело № А40-304649/18 является показательным примером того, как формальная устой-

чивость нотариально удостоверенной сделки может вступать в конфликт с необходимостью защиты действительной воли лица. Апелляционный суд в постановлении 2019 г. избрал формалистический подход, фактически приравняв нотариальную проверку дееспособности к доказанности отсутствия порока воли. Верховный Суд РФ скорректировал этот подход, указав, что статья 177 ГК РФ требует установления психического состояния лица именно в момент заключения сделки и что нотариус не обладает специальными знаниями для окончательного решения такого вопроса.

Для российской цивилистики данное дело имеет значение не только как частный судебный казус, но и как материал для уточнения понятийного аппарата. Разграничение дееспособности, сделкоспособности и актуальной волевой способности позволяет точнее квалифицировать споры о недействительности сделок, избежав подмены содержательного анализа формальной проверкой. В перспективе такая модель может быть использована как в судебной практике, так и в научных исследованиях о природе сделки, автономии воли и пределах охраны гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. действующая. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.05.2026).

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ : ред. действующая. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.05.2026).

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1 : ред. действующая. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.05.2026).

[4] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.10.2019 по делу № А40-304649/18 // Картотека арбитражных дел. — Текст : электронный (дата обращения 10.05.2026).

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2020 № 305-ЭС20-5407 по делу № А40-304649/2018. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=370958&moduleId=7 (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.03.2022 № 305-ЭС20-5407 по делу № А40-304649/2018. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25032022-n-305-es20-5407-po-delu-n-a40-3046492018/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[7] Недействительность сделки : комментарий к статьям 166—181 Гражданского кодекса Российской Федерации : электронное издание. Ред. 2.0 / Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2025. — 1310 с. — (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). — ISBN 978-5-6049872-9-2. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/nedejstvitelnost-sdelki-kommentarij-k-statyam-166-181-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[8] Общие положения о сделке : комментарий к статьям 153—165.1, 181.1—181.5 и 190—194 Гражданского кодекса Российской Федерации : электронное издание. Ред. 2.0 / А. В. Асосков, Р. С. Бевзенко, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2025. — 844 с. — (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). — ISBN 978-5-6049872-7-8. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/obshhie-polozheniya-o-sdelke-kommentarij-k-statyam-153-165-1-181-1-181-5-i-190-194-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[9] Карапетов А. Г. Топ-10 недостатков общего регулирования сделок в ГК // Цивилистика. — 2024. — № 6. — С. 123—181. — URL: https://privlaw-journal.com/top-10-nedostatkov-obshhego-regulirovaniya-sdelok-v-gk/ (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[10] Карапетов А. Г. Влияние добросовестности контрагента на недействительность договора. Часть первая // Закон. — 2025. — № 10. — URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11332 (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[11] Воронина С. В. Социальные и юридические критерии сделкоспособности несовершеннолетних и их сущностные характеристики // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2024. — № 53. — С. 122—138. — DOI: 10.17223/22253513/53/9. — Текст : непосредственный.

[12] Махмутов Р. М. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими // Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 6 (82). — С. 147—155. — Текст : электронный.

[13] Белова О. А. Постковидный синдром как порок сделки на примере договора об ипотеке // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2024. — Т. 23, № 3. — Текст : электронный.

[14] Шичко А. Р. Формирование воли и волеизъявления при заключении сделок, а также проблемы доказывания недействительности сделок с пороками воли // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-voli-i-voleizyavleniya-pri-zaklyuchenii-sdelok-a-takzhe-problemy-dokazyvaniya-nedeystvitelnosti-sdelok-s-porokami-voli (дата обращения: 08.05.2026). — Текст : электронный.

[15] Темерев С. О. Воля и пороки воли в сделке: историко-правовой и практический анализ // Вестник науки. — 2025. — № 7 (88), т. 2. — С. 157—165. — Текст : электронный.

[16] Калинина И. А. Воля физического лица в гражданском праве и ее уровни в контексте междисциплинарного подхода (часть 1) // Право: история и современность. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 128—136. — DOI: 10.17277/pravo.2025.01.pp.128-136.

[17] Шапошников Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2025. — № 2 (61). — С. 314—323. — DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323.

[18] Левушкин А. Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. — 2025. — № 2. — С. 2—5. — DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5.

[19] Пухкоева А. А. Некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 31. — С. 185—189.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ: as amended. - Access from ConsultantPlus legal system (date of request 10.05.2026).

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 24.07.2002 dated 95-FZ: current edition. - Access from ConsultantPlus legal system (date of request 10.05.2026).

[3] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: approved by The Supreme Council of the Russian Federation 11.02.1993 No. 4462-1: ed. Acting. - Access from ConsultantPlus legal system (date of request 10.05.2026).

[4] Ruling of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 16.10.2019 in case No. A40-304649/18// File of arbitration cases. - Text: electronic (date of contact 10.05.2026).

[5] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.09.2020 No. 305-ES20-5407 in case No. A40-304649/2018. - URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=370958&moduleId=7 (access date: 08.05.2026). - Text: electronic.

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.03.2022 No. 305-EC20-5407 in case No. A40-304649/2018. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25032022-n-305-es20-5407-po-delu-n-a40-3046492018/ (access date: 08.05.2026). - Text: electronic.

[7] Invalidity of transaction: commentary to articles 166-181 of the Civil Code of the Russian Federation: electronic edition. Ed. 2.0/R. S. Bevzenko, S. L. Budylin, A. A. Gromov [et al.]; resp. ed. A. G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2025. - 1310 p. - (Comments on civil law #Gloss). — ISBN 978-5-6049872-9-2. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/nedejstvitelnost-sdelki-kommentarij-k-statyam-166-181-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[8] General Provisions on the Transaction: Commentary to Articles 153-165.1, 181.1-181.5 and 190-194 of the Civil Code of the Russian Federation: electronic edition. Ed. 2.0/A. V. Asoskov, R. S. Bevzenko, A. A. Gromov [et al.]; resp. ed. A. G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2025. - 844 p. - (Comments on civil law #Gloss). — ISBN 978-5-6049872-7-8. — URL: https://m-lawbooks.ru/product/obshhie-polozheniya-o-sdelke-kommentarij-k-statyam-153-165-1-181-1-181-5-i-190-194-gk-rf-otv-red-a-g-karapetov/ (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[9] Karapetov A. G. Top 10 shortcomings of the general regulation of transactions in the Civil Code// Civil. — 2024. — № 6. - S. 123 - 181. — URL: https://privlaw-journal.com/top-10-nedostatkov-obshhego-regulirovaniya-sdelok-v-gk/ (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

[10] A. G. Karapetov. Effect of the counterparty's good faith on the invalidity of the contract. Part one//Law. — 2025. — № 10. - URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11332 (access date: 08.05.2026). - Text: electronic.

[11] Voronina S.V. Social and legal criteria for the dealability of minors and their essential characteristics//Bulletin of Tomsk State University. Right. — 2024. — № 53. - S. 122-138. — DOI: 10.17223/22253513/53/9. - Text: direct.

[12] Makhmutov R.M. Invalidity of a transaction made by a citizen who is not able to realize his actions or direct them//Student science issues. — 2023. — № 6 (82). - S. 147-155. - Text: electronic.

[13] Belova O. A. Postcoid syndrome as a vice of a transaction using the example of a mortgage agreement//Legal Concept = Legal paradigm. — 2024. - T. 23, NO. 3. - Text: electronic.

[14] A.R. Shichko. Formation of will and expression of will when concluding transactions, as well as the problems of proving the invalidity of transactions with vices of will//CyberLeninka Scientific Electronic Library. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-voli-i-voleizyavleniya-pri-zaklyuchenii-sdelok-a-takzhe-problemy-dokazyvaniya-nedeystvitelnosti-sdelok-s-porokami-voli (дата обращения: 08.05.2026). - Text: electronic.

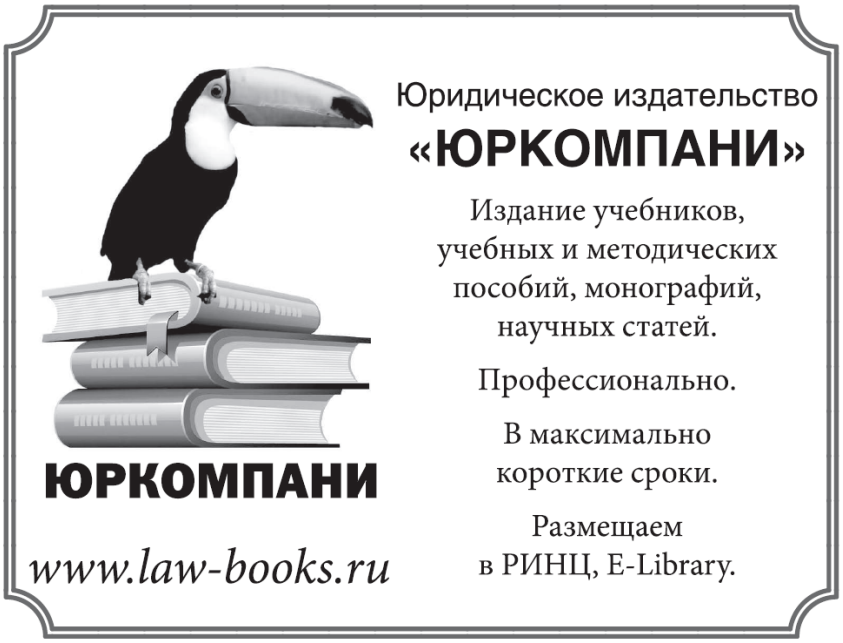
[15] Temerev S.O. Will and the vices of will in the transaction: historical, legal and practical analysis//Bulletin of Science. — 2025. - No. 7 (88), vol. 2. - S. 157-165. - Text: electronic.

[16] Kalinina I. A. The will of an individual in civil law and its levels in the context of an interdisciplinary approach (part 1)//Law: history and modernity. — 2025. - T. 9, NO. 1. - S. 128-136. — DOI: 10.17277/pravo.2025.01.pp.128-136.

[17] Shaposhnikov E. A. Use of personal evidence in proving the will of the parties to the contract//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. — 2025. — № 2 (61). - S. 314-323. — DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323.

[18] Levushkin A. N. Void and disputed transactions: nature, problems of law enforcement and improvement of legal regulation//Civil law. — 2025. — № 2. - S. 2 - 5. — DOI: 10.18572/2070-2140-2025-2-2-5.

[19] Pukhkoeva A. A. Some problems of proving the vice of will when concluding transactions// Issues of Russian justice. — 2024. — № 31. - S. 185-189.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-281-283
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ХАБИЕВА З.Д.,
Доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А.Кадырова», г.Грозный,
e-mail: zeka0708@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Аннотация. *В данной статье раскрывается одна из самых сложных и динамично меняющихся сфер — Правовое регулирование государственной кадастровой оценки земельных участков. А также, рассматривается в некоторых аспектах, опираясь на букву закона и реалии судебная практика, не упуская из виду те острые углы, которые превращают эту процедуру в поле битвы интересов государства и правообладателей.*

Ключевые слова: *закон, земля, земельное право, кадастр, кадастровый учет.*

KHABIEVA Z.D.,
Associate Professor
of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
Grozny

LEGAL REGULATION OF CADASTRAL ASSESSMENT OF LAND PLOTS

Annotation. *This article reveals one of the most complex and dynamically changing areas - Legal regulation of state cadastral assessment of land plots. And also, it is considered in some aspects, relying on the letter of the law and the realities of judicial practice, without losing sight of those sharp corners that turn this procedure into a battleground of the interests of the state and the rights holders.*

Key words: *law, land, land law, cadastre, cadastral registration.*

Кадастровая стоимость земельных участков – это показатель, который определяется по итогам государственной оценки, что также относится к обязательным сведениям ЕГРН. Кадастровая стоимость рассчитывается на все виды объектов недвижимости. С 1 января 2026 года внесены изменения в Федеральный закон № 237 «О государственной кадастровой оценке», что изменило некоторые правила. Теперь законодательно закреплено использование единой методики, а право проведения оценки передано от частных экспертов специализированным государственным бюджетным учреждениям (ГБУ), которые функционируют в каждом субъекте РФ. Такая централизация и унификация подходов выглядят вполне обоснованно и логично. Однако реальная практика показывает, что вместо порядка это породило настоящий хаос, причины которого кроются в следующих обстоятельствах.

Также следует отметить, что согласно статье 14 Федерального закона № 237-ФЗ и нормативным актам Минэкономразвития (в частности, Приказу от 22.02.2022 № 87, содержащему подробные расчетные формулы), применяется массовая оценка недвижимости. Что подразумевает – «стоимость вашего конкретного земельного участка определяется на основе усредненных данных по тысячам аналогичных объектов (например, сосновых лесов)».

Однако такая модель не учитывает специфические условия:

- наличие рядом линий электропередач;
- болотистую местность;
- или иное целевое использование земли (например, коммерческую застройку вместо сельского хозяйства).

В результате математическая модель дает сбой, и итоговая стоимость многократно превышает реальную рыночную цену.

Судебная практика, включая определение Верховного Суда РФ от 12.06.2017 № 305-КГ17-6753, неоднократно указывала: -занижение кадастровой стоимости относительно рыночной не является основанием для пересмотра, а завышение требует доказательства того, что оно вызвано

недостоверными сведениями об объекте. Основная сложность состоит в том, чтобы доказать эти ошибки, так как Гос. учреждения опираются на данные Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), которые зачастую содержат устаревшую или ошибочную информацию.

Фундамент сегодняшней правовой системы — это Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке», который кардинально изменил порядок. Ключевая идея этого закона заключается — в централизация, единообразие методик и внедрение риск-ориентированного подхода. В основе лежат методические указания, утвержденные Приказом Росреестра, которые предписывают использование методов массовой оценки.

На практике это означает, что кадастровая стоимость земельного участка не вычисляется как некая «средняя температура по больнице», а базируется на статистическом анализе рынка для определенных сегментов (категории земель, виды разрешенного использования). Но вот здесь, и начинается самое интересное — актуальные проблемы:

1. Это проблема достоверности исходных данных.

Законодательство (ФЗ-237 и подзаконные акты) обязывает Государственные Бюджетные учреждения использовать данные ЕГРН и иных государственных информационных ресурсов. Однако, как справедливо отмечает судебная практика, эти данные часто содержат ошибки или устаревшие сведения. Многие земельные участки до сих пор имеют «старую» категорию «земли населенных пунктов» для садоводства, хотя фактически они застроены и используются под коммерцию.

2. Оценщик, следующий букве методики, вынужден применять статистическую модель для «садовых» участков, получая заниженную стоимость. Но если данные ЕГРН точны, а стоимость завышена из-за некорректного определения сегмента рынка, возникает вторая проблема — массовый характер ошибок и несправедливость. Судебная практика по делам об оспаривании кадастровой стоимости (статья 22 Федерального закона № 237-ФЗ) пестрит примерами, когда собственники доказывают, что их участок, расположенный рядом с многоквартирным домом и имеющий инфраструктуру, оценен в разы ниже, чем соседний, назначение которого — ИЖС.
3. Процедура установления кадастровой стоимости в размере рыночной. Закон предоставляет правообладателю право оспорить кадастровую стоимость, доказав ее несоответствие рыночной. Однако, как показывает анализ решений комиссий при Росреестре и судов (в частности, Верховного Суда РФ), бремя доказывания лежит на заявителе. И вот тут возникает «подводный камень»: суды и комиссии предъявляют жесткие требования к отчетам об оценке, выполненным независимыми оценщиками. Если оценщик использовал некорректные аналоги, не учел обременения или применил устаревшую методику, суд отклоняет иск. Более того, нередко суды общей юрисдикции отказывают в установлении стоимости в размере рыночной, если заявитель не обосновал, почему реальная рыночная цена отличается от кадастровой, установленной государством.
4. Влияние на налоговую нагрузку и ренту. Кадастровая стоимость является базой для налога на землю и расчета арендной платы за земли, находящиеся в публичной собственности (статья 390 НК РФ, Земельный кодекс РФ). И вот парадокс: закон (пункт 7 статьи 378.2 НК РФ) допускает, что если кадастровая стоимость участка больше рыночной и оспорена, то налогоплательщик может пересчитать налог за прошлые периоды. Но на практике это «оспорить» — долгий и дорогостоящий путь.
5. Наконец, проблема конфликта между публичными и частными интересами.

Государство стремится к объективной оценке для пополнения бюджета, а собственник — к минимальной стоимости. Это противоречие вылилось в огромное количество судебных исков. Судебная практика, в том числе постановления Пленума Верховного Суда РФ (например, Постановление № 28 от 30.06.2015 г.), пытается сгладить это противоречие, разъясняя, что кадастровая стоимость, установленная судом, применяется с первого налогового периода, в котором подано соответствующее заявление. Но это не решает проблему системного характера: пересмотр стоимости — это лишь точечное «лечение», а не исправление самой методики оценки.

Резюмируя, отметим, что законодатель пошел по пути централизации и автоматизации, но технические и методические недоработки, а также бюрократические барьеры оставляют массу пробелов.

Коррупционная составляющая — формально закон это исключил (ГБУ не может получать выгоду от завышения), но на практике регионы заинтересованы в высоком налоге, и методики часто считают так, чтобы стоимость не падала. Судебная практика сегодня вынуждена восполнять эти пробелы, постепенно вырабатывая критерии «справедливой стоимости», но это долгий и непредсказуемый процесс.

Список литературы:

[1] Атаманов, С. А. 324 с.– Кадастр недвижимости: учеб.- справ. пособие / С. А. Атаманов, С. А. Григорьев. – М.: Букстрим, 2012.

[2] Бирюков, Б. М 367 с.– М.: Ось- 89, 2008. Правила землепользования и застройки территорий с учетом упрощенного порядка оформления прав граждан на земельные участки, установленного Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ / Б. М. Бирюков.

[3] Боголюбов, С. А. Все о земельных отношениях: учеб.-практ. пособие / С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, Е. Л. Минина, В. В. Устюкова – М.: Проспект, 2010. – 656 с.

[4] Варламов, А. А. Кадастр недвижимости / А. А. Варламов, С. А. Гальченко. – М.: КолосС, 2012. – 680 с.

[5] Варламов, А. А. 265 с. – М.: КолосС, 2006. – Государственный земельный кадастр. В 6 т. Т. 5. Оценка земли и иной недвижимости / А. А. Варламов, А. В. Севостьянов.

[6] Волков, С. Н 336 с. Землеустройство и кадастр недвижимости : учеб. пособие / С. Н. Волков, А. А. Варламов, С. А. Гальченко. – М.: ГУЗ, 2010.

[7] Волков, С. Н 712 с. Региональное землеустройство / С. Н. Волков. – М.: КолосС, 2009.

[8] Григорьев, С.А., Атаманов, С.А. Введение в кадастровую деятельность: учебно-справочное пособие. / С.А. Григорьев, С.А. Атаманов – М.: Изд-во МИИГАиК, 2010. - 207 с.

[9] Даниленко, Е. П. Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2013. – 54 с. – Управление муниципальной собственностью и земельными ресурсами: учебно-методические материалы / Е. П. Даниленко.

[10] Донцов, Д. Г. 230 с. – Волгоград, 2005. – Кадастровые управляющие информационные системы в градостроительной деятельности: учеб. пособие по направлению 630100 «Архитектура» / Д. Г. Донцов, В. А. Игнатьев, Н. Г. Юш-кова.

[11] Золотова, Е. В. Градостроительный кадастр с основами геодезии: учеб. для вузов: Спец. «Архитектура» / Е. В. Золотова, Р. Н. Скогорева. – М.: Архитектура - С, 2009. – 175 с.

[12] Золотова, Е. В. Основы кадастра: Территориальные информационные системы / Е. В. Золотова. – М.: Академический Проект, 2012. – 416 с.

References:

[1] Atamanov, S. A. 324 p. – Real estate cadastre: study. - ref. allowance/S. A. Atamanov, S. A. Grigoriev. - M.: Bookstream, 2012.

[2] Biryukov, B. M 367 p. – M.: Os-89, 2008. Land use and land development rules, taking into account the simplified procedure for registration of citizens' rights to land plots established by Federal Law No. 93-FZ/B. M. Biryukov of June 30, 2006.

[3] Bogolyubov, S. A. All about land relations: academic practice. allowance/S. A. Bogolyubov, E. A. Galinovskaya, E. L. Minina, V. V. Ustyukova - M.: Prospect, 2010. - 656 p.

[4] Varlamov, A. A. Real Estate Cadastre/ A. A. Varlamov, S. A. Galchenko. - M.: KolosS, 2012. - 680 s.

[5] Varlamov, A. A. 265 p. – M.: KolosS, 2006. – State Land Cadastre. In 6 vol. 5. Valuation of land and other real estate/A. A. Varlamov, A. V. Sevostyanov.

[6] Volkov, S. H 336 p. Land management and real estate cadastre: study. manual/S. N. Volkov, A. A. Varlamov, S. A. Galchenko. - M.: GUZ, 2010.

[7] Volkov, S. H 712 p. Regional land management/S. N. Volkov. - M.: KolosS, 2009.

[8] Grigoriev, S.A., Atamanov, S.A. Introduction to cadastral activities: training manual ./S.A. Grigoriev, S.A. Atamanov - M.: Publishing House MIIGAiK, 2010. - 207 s.

[9] Danilenko, E.P. Belgorod: Publishing House of BSTU named after V. G. Shukhov, 2013. - 54 p. – Management of municipal property and land resources: educational and methodological materials/E.P. Danilenko.

[10] Dontsov, D. G. 230 p. – Volgograd, 2005. – Cadastral management information systems in urban planning: study. manual in the direction of 630100 "Architecture "/D. G. Dontsov, V. A. Ignatiev, N. G. Yush-kova.

[11] Zolotova, E.V. Urban cadastre with the basics of geodesy: study. for universities: Special. "Architecture "/E. V. Zolotova, R. N. Skogoreva. - M.: Architecture - S, 2009. - 175 s.

[12] Zolotova, E.V. Fundamentals of the cadastre: Territorial information systems/E.V. Zolotova. - M.: Academic Project, 2012. - 416 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-284-288
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАГОМАДОВА Э.И.,
Старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А.Кадырова», г.Грозный,
e-mail: zeka0708@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК

Аннотация. *Нотариальная деятельность в Российской Федерации представляет собой уникальный публично-правовой институт, призванный обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий. В условиях современного правового государства, ориентированного на повышение уровня правовой определенности и стабильности гражданского оборота, роль нотариата становится особенно значимой.*

Ключевые слова: *нотариат, нотариальное действие, нотариальное удостоверение сделки, удостоверительная надпись.*

MAGOMADOVA E.I.,
Senior Lecturer at the Department
of Civil Law and Procedure
Chechen State University named
after A.A. Kadyrov, Grozny

THE ESSENCE AND LEGAL SIGNIFICANCE OF NOTARIZATION OF TRANSACTIONS

Annotation. *Notary activity in the Russian Federation is a unique public legal institution designed to ensure the protection of the rights and legitimate interests of citizens and legal entities through the performance of notarial actions. In the context of a modern legal state focused on increasing the level of legal certainty and stability in civil circulation, the role of the notary becomes particularly important.*

Key words: *notary, notary action, notary certification of a transaction, certification inscription.*

Удостоверение сделок является центральным, наиболее социально и экономически значимым действием в деятельности нотариата. Это не просто техническая процедура придания документу юридической силы, а комплексный правовой акт, направленный на обеспечение законности, стабильности гражданского оборота и защиты прав участников сделки.

Нотариально удостоверенная сделка - это сделка, совершенная в письменной форме, содержание и подлинность подписей сторон которой подтверждены нотариусом путем совершения удостоверительной надписи.

Юридическая сущность этого действия заключается в том, что нотариус, действуя от имени Российской Федерации (ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате), придает сделке следующие качества:

- Публичную достоверность: Содержание сделки признается истинным и соответствующим воле сторон, пока не доказано обратное в судебном порядке.
- Особую доказательственную силу: Нотариально удостоверенный договор является бесспорным доказательством факта его заключения, условий и времени совершения.
- Высокую степень защищенности: Риск оспаривания такой сделки из-за пороков воли (заблуждение, обман, угроза) или формы сводится к минимуму.

Законность сделки обеспечивается не в момент проставления печати, а в ходе скрупулезной правовой экспертизы, проводимой нотариусом. Этот процесс включает несколько обязательных стадий:

1. Проверка правосубъектности сторон.

– Установление личности: Нотариус проверяет паспорта всех участников сделки, их дееспособность и полномочия (если действует представитель).
– Проверка правоспособности юридических лиц: Запрос сведений из ЕГРЮЛ, проверка полномочий руководителя или представителя по уставу и доверенности.

2. Проверка юридической чистоты и содержания сделки.

– Соответствие закону: Нотариус анализирует условия договора на предмет их соответствия действующему законодательству. Он не вправе удостоверить сделку, противоречащую закону или нарушающую права третьих лиц.
– Ясность и недвусмысленность условий: Текст договора должен исключать двойное толкование его ключевых условий (предмет, цена, сроки). Нотариус помогает сторонам сформулировать эти условия четко и юридически грамотно.
– Проверка «юридической чистоты» предмета сделки: Особенно при работе с недвижимостью. Нотариус запрашивает и анализирует выписки из ЕГРН для проверки прав собственника, наличия обременений (арест, ипотека, аренда), а также правовых историй объекта для выявления потенциальных рисков.

Проверка подлинности воли сторон

– Добровольность: Нотариус обязан удостовериться, что воля сторон выражена свободно, без насилия, угроз или обмана. Он проводит беседу с каждой стороной отдельно, чтобы выявить возможные пороки воли.
– Осознанность: Нотариус разъясняет сторонам суть и правовые последствия совершаемой сделки, что они понимают, какие права и обязанности приобретают.
– Контроль за соблюдением нотариальной формы
– Нотариус следит за тем, чтобы сделка была совершена в требуемой законом форме, а все необходимые реквизиты и условия были включены в документ.

Только после успешного прохождения всех этих этапов нотариус совершает удостоверительную надпись, которая и является завершающим актом, придающим сделке законную силу.

Правовые последствия удостоверения сделки Совершение нотариальной сделки влечет за собой ряд важных правовых последствий:

– Неопровержимая доказательственная сила: Нотариальный акт является официальным документом и представляет собой письменное доказательство высшей силы. Его оспаривание значительно затруднено и возможно только в судебном порядке.
– Возможность принудительного исполнения: Для ряда нотариально удостоверенных сделок (например, по кредитным договорам) закон предусматривает возможность совершения исполнительной надписи нотариуса. Эта надпись является исполнительным документом и позволяет взыскать долг через службу судебных приставов без обращения в суд.
– Превенция правовых споров: Тщательная проверка сделки нотариусом предотвращает ее оспаривание в будущем по основаниям, связанным с дееспособностью, полномочиями, формой или содержанием договора.
– Легитимация сделки в глазах третьих лиц и государства: Нотариальная форма придает сделке максимальную степень доверия со стороны регистрирующих органов (Росреестр, ФНС), банков и контрагентов.

Обеспечение законности - это не побочный эффект, а прямая и конечная цель нотариального удостоверения. Оно достигается за счет:

– Предварительного контроля: Нотариус проверяет законность сделки до ее заключения, а не констатирует нарушения постфактум, как суд.
– Профессиональной экспертизы: Нотариус как независимый юрист высшей квалификации проводит всесторонний анализ сделки на соответствие нормам гражданского, семейного, жилищного и иного права.
– Превентивной функции: Предупреждая нарушения, нотариус защищает не только стороны сделки, но и интересы недееспособных лиц, наследников, кредиторов и государства в целом, обеспечивая стабильность экономического оборота.

Удостоверение сделок - это краеугольный камень современного нотариата, трансформирующий его из простого регистратора фактов в активного гаранта законности и правопорядка. Многоступенчатая процедура правовой экспертизы, проводимая нотариусом, обеспечивает максимальную защиту прав участников сделки, придает их отношениям устойчивость и бесспорность. Именно в этом - в способности предотвращать правовые конфликты, а не разрешать их - заключается высшая социальная и экономическая ценность нотариально удостоверенной сделки и всего института нотариата в целом.

В правовой системе Российской Федерации нотариат играет ключевую роль в придании доку-

ментам особой доказательственной силы. Нотариальные действия не только удостоверяют факты и сделки, но и обеспечивают их неопровержимость в случае судебных споров. Доказательственная сила нотариально заверенных документов основана на принципах публичности, достоверности и презумпции законности, что делает их надежным инструментом защиты прав граждан и организаций.

Правовая природа доказательственной силы нотариальных документов

Доказательственная сила - это свойство документа служить средством доказывания в суде или иных правовых контекстах. Нотариальные документы обладают повышенной доказательственной силой благодаря:

- Публичному характеру нотариата: Нотариус действует от имени государства (ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате), что обеспечивает официальный статус совершаемых действий.
- Презумпции достоверности: Содержание нотариального документа признается истинным, пока не доказано обратное в судебном порядке (ст. 61 ГПК РФ).
- Соблюдению процедурных гарантий: Нотариус проверяет законность, дееспособность сторон и добровольность волеизъявления, минимизируя риски оспаривания.

Нормативные основания:

- Статья 71 ГПК РФ и ст. 84 АПК РФ относят нотариально удостоверенные документы к письменным доказательствам, имеющим особую юридическую силу.
- Статья 55 Основ законодательства о нотариате закрепляет обязательность нотариальных документов для органов власти и судов.
- Нотариат использует следующие механизмы для придания документам доказательственной силы:
- Нотариальное удостоверение документов.
- Свидетельствование верности копий: Нотариальная копия приравнивается к оригиналу и принимается всеми государственными органами (ст. 77 Основ).
- Свидетельствование подлинности подписи: Подпись на документе удостоверяется как принадлежащая конкретному лицу, что исключает оспаривание ее подлинности.
- Удостоверение сделок: Нотариально заверенный договор становится бесспорным доказательством факта его заключения и условий.

Обеспечение доказательств. Согласно ст. 102–103 Основ, нотариус фиксирует обстоятельства, имеющие юридическое значение, для использования в суде:

- Осмотр письменных и вещественных доказательств: Составляется протокол, описывающий состояние объектов (например, повреждение имущества).
- Допрос свидетелей: Фиксация показаний под присягой.
- Удостоверение интернет-контента: Скриншоты веб-страниц заверяются для подтверждения факта размещения информации.

Такие доказательства имеют приоритет при рассмотрении споров, так как их достоверность подтверждена независимым лицом.

Совершение исполнительных надписей. Исполнительная надпись нотариуса (ст. 90 Основ) является исполнительным документом и позволяет взыскать долг без судебного решения, что доказывает ее высшую степень достоверности.

Виды документов с повышенной доказательственной силой. Ключевые категории документов, обеспечиваемые нотариатом:

- Договоры купли-продажи недвижимости, дарения, ренты.
- Завещания и брачные договоры.
- Сделки с долями в ООО.
- Свидетельства о праве на наследство.
- Акт о принятии наследственного имущества.
- Удостоверение тождественности гражданина с лицом на фотографии.
- Фиксация содержания сайтов в интернете.
- Осмотр поврежденного имущества после затопления или пожара.
- Показания свидетелей при угрозе их утраты.

Роль цифровизации в усилении доказательственной силы. Современные технологии повышают надежность нотариальных документов:

- Электронный нотариат: Документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) нотариуса, имеют ту же силу, что и бумажные (ФЗ № 63 «Об электронной подписи»).
- Блокчейн-реестры: Хеши нотариальных действий фиксируются в распределенных реестрах, что исключает подделку и обеспечивает верификацию в режиме реального времени. [4, 112-125 с.]
- Интеграция с государственными информационными системами: Прямая передача данных в Росреестр, ФНС и МВД гарантирует актуальность и достоверность сведений.

Пример: Электронный протокол осмотра доказательств, мгновенно направляемый в суд, исключает утерю или искажение информации.

Преимущества и значение нотариально заверенных документов

– Снижение нагрузки на суды: Бесспорность документов минимизирует количество дел, связанных с оспариванием сделок или фактов.
– Защита прав слабых сторон: Нотариальная проверка и соблюдение интересов несовершеннолетних, недееспособных лиц и добросовестных приобретателей.
– Повышение доверия в гражданском обороте: Контрагенты уверены в чистоте сделки и юридической силе документов.
– Ускорение административных процедур: Нотариальные документы не требуют дополнительной проверки в банках, регистрирующих органах и судах.

Перспективы развития:

– Риски кибербезопасности. Необходимость защиты электронных нотариальных систем от хакерских атак.
– Адаптация законодательства. Требуется закрепление новых форм цифровых доказательств.
– Расширение международного признания. Упрощение легализации нотариальных документов для использования за рубежом через механизмы электронного апостиля.

Нотариат является фундаментальным институтом, обеспечивающим доказательственную силу документов через систему процедурных гарантий, технологических инноваций и публичного доверия. Нотариально заверенные документы служат эффективным инструментом профилактики споров и укрепления правовой стабильности. В условиях цифровой трансформации роль нотариата только возрастает, требуя дальнейшей интеграции с государственными платформами и развития международных стандартов.

Обеспечение доказательственной силы остается ключевой функцией нотариата, способствующей защите прав и законных интересов граждан и бизнеса.

Ключевые этапы и направления развития включает в себя цифровую трансформацию и электронные доказательства. Это главный драйвер изменений. Доказательственная сила все чаще обеспечивается в цифровой среде.

– Электронный нотариальный документ (ЭНД). С 1 марта 2024 года в России начал работать Единый реестр нотариальных действий (ЕРНД), который становится центральным хранилищем всех нотариальных актов. Любой электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью (КЭП) нотариуса и внесенный в ЕРНД, обладает полной юридической и доказательственной силой. Это исключает риск утери бумажного носителя.
– Обеспечение доказательств в интернете. Нотариусы активно проводят осмотры сайтов (включая страницы в соцсетях), фиксируя факт размещения информации на определенную дату. Это критически важно для защиты деловой репутации, авторских прав, доказательства фактов недобросовестной конкуренции. В 2024-2025 гг. ожидается рост числа таких действий, а также развитие стандартов и программного обеспечения для их проведения.
– Распределительные реестры и нотариат. Продолжается эксперимент по использованию технологии распределенных реестров для хранения сведений о нотариальных действиях. Это создает децентрализованную и максимально защищенную от взлома систему верификации доказательств.

Расширение сфер применения нотариальных доказательств

Нотариат выходит за рамки традиционных сделок с недвижимостью. Все чаще нотариусы удостоверяют решения собраний участников обществ с ограниченной ответственностью (ООО), сделки с долями, протоколы советов директоров. Это предотвращает корпоративные конфликты, так как нотариально заверенный документ является неоспоримым доказательством принятого решения. [7, 45-52 с.]

Наследственное право. Фиксация нотариусом состава наследственной массы на момент открытия наследства (через опись имущества) становится ключевым доказательством в спорах между наследниками.

Исполнительное производство. Нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов, а также совершенные нотариусами исполнительные надписи имеют силу исполнительного документа. Это упрощает и ускоряет взыскание долгов без обращения в суд.

В условиях роста количества сделок и их сложности нотариус выступает не просто как технический регистратор, а как квалифицированный юрист, обеспечивающий чистоту сделки и фиксирующий правовую волю сторон, что повышает роль нотариуса как беспристрастного арбитра.

Это превентивная доказательственная функция: [8, 156-170 с.]

– Проверка дееспособности и подлинности волеизъявления сторон.
– Разъяснение правовых последствий сделки.
– Видеофиксация нотариального действия (все более распространенная практика) становится мощным доказательством, исключающим в будущем заявления о давлении или заблуждении.

Нотариат трансформируется из института, работающего с бумажными документами, в высо-

котехнологичную службу, обеспечивающую юридическую достоверность и безопасность в правовой среде. Его роль как гаранта правовой определенности и предотвращения судебных споров будет только возрастать, делая нотариальные действия наиболее надежным видом доказательств в суде.

Российский нотариат представляет собой сложный и динамично развивающийся правовой институт, эффективное функционирование которого способствует укреплению правопорядка, защите прав граждан и развитию гражданского оборота в Российской Федерации. Дальнейшее развитие нотариата должно основываться на сохранении лучших традиций латинского нотариата при одновременной адаптации к современным вызовам цифровой эпохи.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации.

[2] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1). - Основной документ, регулирующий деятельность нотариата.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая).

[4] Абраменков, М.С. Цифровая трансформация нотариата: новые вызовы и возможности // Закон. - 2022. - № 5. - С. 112-125.

[5] Вергасова, Р.И. Нотариат в России: учебное пособие. - М.: Юристъ, 2020.

[6] Гомола, А.И. Нотариат: учебник для вузов. - М.: Академия, 2022.

[7] Гуев, А.Н. Нотариат и «цифровые активы»: проблемы квалификации и совершения сделок // ИС. Правосудие в Поволжье. - 2022. - № 4. - С. 45-52.

[8] Дегтярев, С.И. К вопросу о реформе нотариальной палаты: централизация vs самоуправление // Вестник гражданского права. - 2020. - № 3. - С. 156-170.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation.

[2] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by Armed Forces of the Russian Federation 11.02.1993 No. 4462-1). - The main document regulating the activities of the notary.

[3] Civil Code of the Russian Federation (parts one, two, three and four).

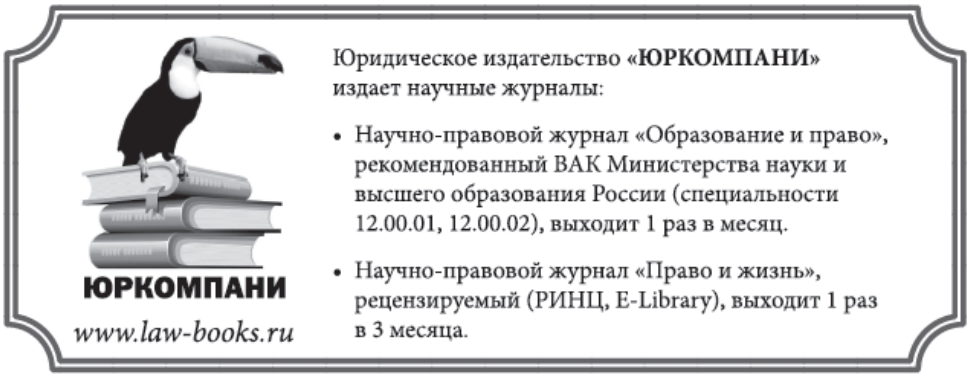
[4] Abramenkov, M.S. Digital transformation of notaries: new challenges and opportunities//Law. - 2022. - № 5. - S. 112-125.

[5] Vergasova, R.I. Notariat in Russia: textbook. - M.: Lawyer, 2020.

[6] Gomola, A.I. Notariat: textbook for universities. - M.: Academy, 2022.

[7] Guev, A.N. Notariat and “digital assets”: problems of qualification and execution of transactions//IP. Justice in the Volga region. - 2022. - № 4. - S. 45-52.

[8] Degtyarev, S.I. On the reform of the notary chamber: centralization vs self-government//Bulletin of Civil Law. - 2020. - № 3. - S. 156-170.

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-289-292
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ТЕПСУЕВ Магомед Султанович,
доцент кафедры права Чеченского государственного педагогического университета, к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

ХАДЖИЕВ Умар Кюриевич,
старший преподаватель кафедры таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: einstein_95@mail.ru

АЛЬТЕМИРОВА Элина Рустамовна,
ассистент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности ЧГУ им. А.А. Кадырова,
e-mail: elina.altemirova18@mail.ru

СУДИМОСТЬ КАК ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается судимость как самостоятельная уголовно-правовая категория и особое правовое состояние лица, возникающее в результате вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Проанализированы теоретические подходы к пониманию правовой природы судимости, её соотношение с уголовной ответственностью и наказанием, а также функции в системе уголовного права. Особое внимание уделяется межотраслевому характеру правовых последствий судимости, включая ограничения в сфере трудовых, административных и иных правоотношений. Обоснована двойственная природа института судимости, сочетающая превентивную функцию и необходимость обеспечения социальной реабилитации лица. Делается вывод о необходимости соблюдения баланса между задачами предупреждения преступности и принципами гуманизма уголовного законодательства.*

Ключевые слова: *судимость; уголовная ответственность; правовое состояние; рецидив преступлений; правовые последствия; погашение судимости; снятие судимости; уголовное право; ресоциализация; межотраслевое регулирование.*

TEPSUEV Magomed Sultanovich,
Associate Professor of the Department of Law of the Chechen State Pedagogical University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

KHADZHIEV Umar Kurievich,
Senior Lecturer at the Department of Customs Affairs Grozny State Petroleum Technical University named after M.D. Millionshchikov

ALTEMIROVA Elina Rustamovna,
Assistant Professor at the Department of Criminal Law, Process and National Security of the Kadyrov State University

CRIMINAL RECORD AS A LEGAL STATUS AND AN INTERSECTORAL INSTITUTION: THEORETICAL ISSUES AND LEGAL CONSEQUENCES

Annotation. *The article examines criminal record as an independent criminal law category and a special legal status arising from the entry into force of a court conviction. Theoretical approaches to the legal nature of criminal record, its correlation with criminal liability and punishment, and its functions within the system of criminal law are analyzed. Particular attention is paid to the intersectoral character of the legal consequences of criminal record, including restrictions in labor, administrative and other legal relations. The dual nature of the institution of criminal record is substantiated, combining a preventive function with the need to ensure social rehabilitation of a person. The study concludes that it is necessary to maintain a balance between crime prevention objectives and the principles of humanism in criminal legislation.*

Key words: *criminal record; criminal liability; legal status; recidivism; legal consequences; expungement of conviction; removal of criminal record; criminal law; resocialization; intersectoral regulation.*

Институт судимости играет значимую роль в правовом положении человека и гражданина, поскольку напрямую влияет на его дальнейшую социальную и правовую судьбу. Наличие судимости нередко определяет возможности лица в сфере трудоустройства, профессиональной деятельности и социальной реализации, а также влияет на его способность обеспечивать собственное материальное благополучие. Кроме того, судимость может повлечь определённые ограничения в реализации отдельных прав и свобод, включая возможность выезда за пределы государства, на территории которого было вынесено обвинительное решение суда. В этой связи институт судимости выходит за рамки исключительно уголовно-правовой категории и приобретает более широкое социальное значение, затрагивая различные аспекты жизнедеятельности личности.

В научной литературе институт судимости определяется неоднозначно и получает различные интерпретации в работах правоведов. Многие исследователи рассматривают судимость как особое правовое последствие осуждения лица за совершённое преступление, которое возникает с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу и сохраняется до момента её погашения или снятия в установленном законом порядке. В течение данного периода судимость влияет на правовое положение лица и может порождать дополнительные уголовно-правовые последствия. В частности, совершение нового преступления лицом, имеющим судимость, как правило, рассматривается законодателем как обстоятельство, ухудшающее его положение и усиливающее уголовно-правовую реакцию государства. «В этой связи представляется обоснованным обращение к позиции В. Е. Южанина и И. В. Пантюхиной, которые в своих исследованиях проводят определённую взаимосвязь между институтом судимости и институтом рецидива преступлений, указывая на их функциональную и правовую взаимосвязанность» [1]. На наш взгляд, подобный подход является оправданным, поскольку наличие судимости нередко выступает одним из ключевых факторов, влияющих на оценку повторности преступного поведения.

Если обратиться к действующему законодательству, можно выявить нормативное определение судимости. Так, в Статья 86 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено, что лицо, осуждённое за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости. Закон также указывает, что судимость учитывается при признании рецидива преступлений, при назначении наказания, а также влечёт иные правовые последствия в случаях и порядке, установленных федеральным законодательством. Таким образом, законодатель придаёт судимости не только констатирующее, но и регулятивное значение. По мнению автора, подобная конструкция выполняет важную превентивную функцию, выступая своеобразным сдерживающим фактором, направленным на предупреждение совершения осуждённым лицом новых преступлений.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что институт судимости имеет значение не только в рамках уголовного права, но и оказывает влияние на иные отрасли правового регулирования. Наличие судимости способно порождать различные правовые ограничения, затрагивающие социальный и профессиональный статус лица. Так, осуждение за определённые категории преступлений может повлечь запрет на замещение отдельных должностей, ограничение доступа к определённым видам профессиональной деятельности, получение лицензий и разрешений, а также иные ограничения в

реализации имущественных и личных прав. В результате судимость приобретает комплексный характер правового явления, влияя не только на уголовно-правовое положение лица, но и на его возможности полноценного участия в общественной и экономической жизни.

Судимость играет важнейшую роль в системе уголовного права, поскольку определяет правовые последствия осуждения лица за совершённое преступление. Она влияет на правовой статус осуждённого и учитывается при решении вопросов назначения наказания, а также при оценке повторности преступного поведения. Тем самым институт судимости выступает одним из ключевых механизмов реализации уголовно-правового воздействия государства.

«По мнению И.А. Архенгольц, судимость следует рассматривать как элемент правового статуса лица, который определяется не только уголовным правом, но и нормами других отраслей законодательства» [2]. Это объясняется тем, что последствия судимости проявляются в различных сферах правового регулирования и затрагивают широкий круг общественных отношений.

Представляется обоснованной позиция, согласно которой судимость следует рассматривать как особое правовое состояние лица. Такой подход позволяет наиболее полно раскрыть её сущность и определить её место в системе уголовно-правовых институтов.

Судимость влечёт за собой ряд правовых последствий, которые могут проявляться как в уголовном праве, так и в других отраслях законодательства. Эти последствия связаны с ограничением некоторых прав лица и усилением уголовной ответственности при повторном совершении преступления.

В уголовно-правовой сфере судимость имеет значение прежде всего при признании рецидива преступлений и назначении наказания. При наличии непогашенной или неснятой судимости суд обязан учитывать данный факт при определении меры ответственности за новое преступление.

Вместе с тем последствия судимости распространяются и на иные отрасли права. В частности, законодательством Российской Федерации предусмотрены ограничения для лиц, имеющих судимость, в сфере военной службы, получения лицензии на оружие, а также осуществления отдельных видов профессиональной деятельности. «Такие ограничения рассматриваются как средство предупреждения преступности и защиты общественных интересов» [3].

«По мнению А.А. Теппеева, судимость представляет собой правовое состояние, которое способно порождать неблагоприятные последствия для лица и сохраняет своё влияние даже после погашения или снятия судимости» [4]. Автор подчёркивает, что последствия судимости могут проявляться в различных сферах общественной жизни и не всегда полностью устраняются после прекращения её юридического действия.

Таким образом, судимость оказывает комплексное воздействие на правовой статус лица и выполняет важную функцию предупреждения повторной преступности.

Важной особенностью института судимости является её временный характер. Законодательство предусматривает специальные механизмы прекращения судимости — её погашение и снятие [5].

Погашение судимости происходит автоматически по истечении установленного законом срока после отбытия лицом назначенного наказания. Продолжительность таких сроков определяется категорией совершённого преступления, а также видом и тяжестью назначенного наказания. Данный механизм отражает идею того, что при отсутствии новых правонарушений лицо со временем утрачивает статус судимого.

Снятие судимости, в отличие от её погашения, осуществляется по решению суда до истечения установленного законом срока. Такое решение возможно в случаях, когда осуждённый своим поведением доказал исправление и соблюдение правопорядка. Этот институт позволяет учитывать индивидуальные особенности личности и обстоятельства её последующего поведения, тем самым способствуя более гибкому и справедливому применению уголовно-правовых норм.

Проведённый анализ показывает, что судимость следует рассматривать как особое правовое состояние лица, возникающее с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу и сохраняющееся до её погашения или снятия. В этот период она оказывает влияние на правовой статус лица и может влечь определённые ограничения как в сфере уголовного, так и иных отраслей права.

Таким образом, институт судимости выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он обеспечивает учёт предыдущего преступного поведения и способствует предупреждению новых преступлений, а с другой — предусматривает правовые механизмы восстановления статуса лица после истечения установленного законом срока, что отражает баланс между принципами справедливости, предупреждения преступности и гуманизма уголовного права.

Список литературы:

[1] Южанин, В. Е. Судимость и рецидив преступлений / В. Е. Южанин, И. В. Пантюхина // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — № 37. — С. 117–132.

[2] Архенгольц, И. А. Источники института судимости / И. А. Архенгольц // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 3 (10). — С. 78–83

[3] Чернова, Т. С. Судимость. Ее правовые последствия. Аннулирование судимости: проблемные вопросы / Т. С. Чернова // Марийский юридический вестник. — 2002. — № 2. — С. 22–30.

[4] Теппеев, А. А. Судимость и ее последствия / А. А. Теппеев // Право и управление. — 2024. — № 11. — С. 233–237.

[5] Теппеев, А. А. Судимость и ее последствия / А. А. Теппеев // Право и управление. — 2024. — № 12. — С. 240–244.

References:

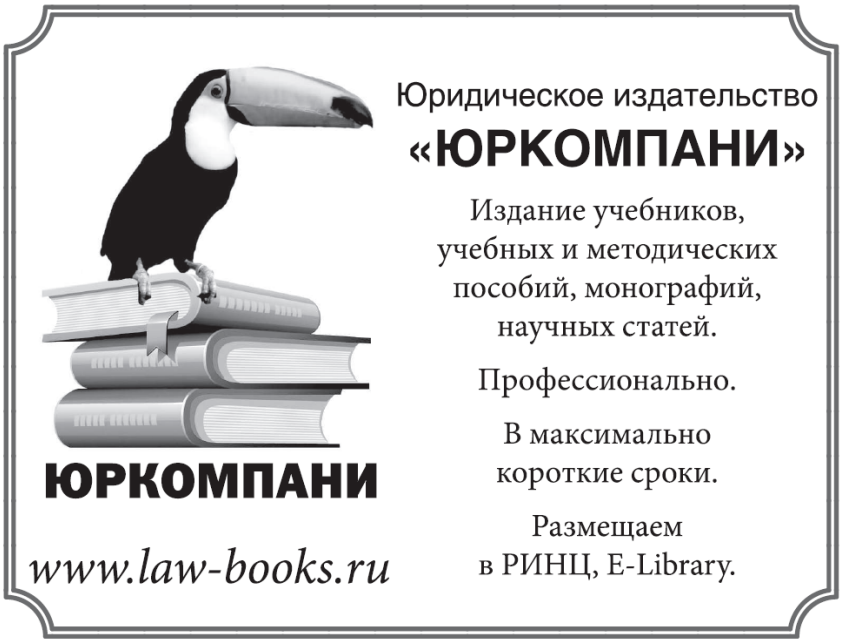
[1] Yuzhanin, V.E. Criminal record and relapse of crimes/V.E. Yuzhanin, I.V. Pantyukhina//Bulletin of Tomsk State University. Right. — 2020. — № 37. - S. 117-132.

[2] Archengolz, I. A. Sources of the Institute of Criminal Record/I. A. Archengolz//Law and Order: History, Theory, Practice. — 2016. — № 3 (10). - S. 78-83

[3] Chernova, T. S. Criminal record. Its legal implications. Cancellation of a criminal record: problematic issues/T. S. Chernova//Mari Legal Bulletin. — 2002. — № 2. - S. 22-30.

[4] Teppeev, A. A. Criminal record and its consequences/A. A. Teppeev//Law and management. — 2024. — № 11. - S. 233-237.

[5] Teppeev, A. A. Criminal record and its consequences/A. A. Teppeev//Law and management. — 2024. — № 12. - S. 240-244.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-293-299
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

АКАПЬЕВ Виктор Львович,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры информационно-компьютерных
технологий в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: akapevv@yandex.ru

БОРИСЕНКО Александр Васильевич,
кандидат физико-математических наук,
старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных
технологий в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: borisenko02.94@mail.ru

КОВАЛЕВА Екатерина Геннадьевна,
кандидат технических наук,
доцент кафедры информационно-компьютерных
технологий в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: kovalevazchs@yandex.ru

ПИРОЖЕНКО Юрий Анатольевич,
преподаватель кафедры информационно-компьютерных
технологий в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: pieibex@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО (ФИШИНГ): ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *Цифровизация общества в области финансово-экономических отношений и возрастающая негативная роль кибермошенничества актуализируют необходимость совершенствования правовой регламентации указанной сферы общественных отношений. Однако, решение указанной задачи осложняется отсутствием четкой терминологически-правовой регламентации ключевых понятий в российском законодательстве. Предметом рассмотрения в данной статье является фишинг, представляющий собой одну из наиболее распространенных форм кибермошенничества, анализируются проблемы правовой квалификации данного деяния в российском законодательстве, связанные с отсутствием легального определения и сложностью разграничения смежных составов преступлений. На основе изучения научных подходов, статистических данных и судебной практики обосновывается необходимость выделения фишинга в самостоятельный состав преступления, которая будет направлена на повышение эффективности противодействия данному виду киберпреступлений.*

Ключевые слова: *кибермошенничество, киберпреступления, киберпреступник, фишинг, финансово-экономические отношения, правовая квалификация.*

AKAPYEV Viktor Lvovich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Docent of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin

BORISENKO Alexander Vasilyevich,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior lecturer of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin

KOVALEVA Ekaterina Gennadievna,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin

PIROZHENKO Yuri Anatolyevich,
lecturer of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin

INTERNET FRAUD (PHISHING): QUALIFICATION ISSUES

Annotation. *The digitalization of society in the sphere of financial and economic relations, combined with the growing adverse impact of cyber fraud, has made it necessary to refine the legal regulation of this area of social relations.. However, the solution of this problem is complicated by the lack of clear terminological and legal regulation of key concepts in Russian legislation. This article examines phishing as one of the most common forms of cyberbullying, analyzes the problems of legal qualification of this act in Russian legislation related to the lack of a legal definition and the difficulty of distinguishing related crimes. Based on the study of scientific approaches, statistical data and judicial practice, the necessity of identifying phishing as an independent crime is substantiated, which will be aimed at improving the effectiveness of countering this type of cybercrime.*

Key words: *cyberbullying, cybercrime, cybercriminal, phishing, financial and economic relations, legal qualifications.*

В связи с многообразием способов и приёмов совершения преступлений при помощи гаджетов и новейших технологий возникает необходимость выделить кибермошенничество в особый вид в структуре преступлений в сфере компьютерной информации. Главной площадкой для него выступает интернет. Интенсивное использование глобальной сети вызывает у правоохранительных органов тревогу, поскольку расширяются возможности для применения интернета и цифровых технологий в противоправных целях, в том числе для обмана [1].

Повышенное внимание к указанной проблеме подтверждено высказыванием Владимира Путина на совещании с членами Правительства 5 марта 2025 года: «Ущерб для граждан, а значит и для государства, со стороны телефонных и интернет-мошенников приобрел просто недопустимые размеры, очень большие. Поэтому действовать нужно быстро». На совещании также отмечено, что почти 90% россиян сталкивались с подобными правонарушениями в сфере информационно-коммуникационных технологий. Число преступлений с использованием средств связи в прошлом году выросло на 13%, однако раскрываемость киберпреступлений снизилась до 23% по сравнению с предыдущим годом [2].

Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин не раз отмечал, что «кибермошенники пытаются изобрести все новые способы, чтобы обмануть граждан и завладеть их денежными средствами. Депутаты последовательно работают над совершенствованием законодательства в этой сфере: противодействие мошенничеству было и остается одним из основных приоритетов в работе Государственной Думы» [3].

Одной из современных форм мошенничества является фишинг. Этот метод основан на недостаточной осведомленности пользователей о нормах сетевой безопасности и направлен на получение доступа к конфиденциальной информации, часто финансового характера [4]. Главное отличие фишеров от хакеров заключается в том, что они используют обман доверия граждан для получения паролей, номеров кредитных карт и другой конфиденциальной информации [5].

Согласно отчетам организаций Fraud.org и Национальной лиги потребителей (NCL), фишинг является самым распространенным видом мошенничества. В 2025 году он занял первое место по всем зарегистрированным жалобам, составив около 35% от общего числа инцидентов

[6]. Примечательно, что по сравнению с 2024 годом количество жалоб на фишинг выросло на 85-86% [7].

В России зафиксирована положительная динамика снижения доли фишинга. Если в 2024 году на него приходилось 85,7% всех кибератак, то за 10 месяцев 2025 года этот показатель снизился до 69%. Несмотря на снижение доли, общее число атак продолжает расти. В 2025 году решения «Лаборатории Касперского» остановили 554 миллиона кликов по мошенническим ссылкам. Если в предыдущие годы фишинговая активность обычно достигала пиков в определенные сезоны, то в этот раз она оставалась на одном уровне все двенадцать месяцев с единственным заметным спадом в декабре [8].

Лидером среди отраслей, против которых направлен фишинг, стал ритейл (онлайн-покупки) – 50% атак. Далее следуют финансовый сектор (32%) и инвестиционные порталы (33%) [9]. В инвестиционной сфере мошенники активно имитируют брокерские платформы и криптобиржи [10].

Приведенные показатели указывают на важность противодействия данному виду мошенничества, однако в российском правовом поле термин «фишинг» не является обособленным составом преступления, что порождает терминологические проблемы и вызывает бурные научные дискуссии [11].

Хотя в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) нет статьи «Фишинг», существует официальное (ведомственное) определение. Согласно документам, фишинг – это: «Действия... в целях введения в заблуждение и реализации угрозы... незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую и банковскую тайну...» [21].

Это определение используется для методической работы правоохранительных органов, а на практике фишинг понимается как вид мошенничества, при котором злоумышленники используют поддельные сайты или сообщения для хищения данных [12].

В свою очередь, Н.В. Ралдугина определяет фишинг как вид интернет-мошенничества, целью которого завладеть конфиденциальными данными пользователя, например, логинами и паролями для входа в сервисы, данными банковской карты и лицевого счёта [13].

По мнению А.Н. Завьялова «фишинг - это один из способов мошенничества, целью которого является формирование поддельного сайта, неправомерное получение паролей, номеров банковских счетов и т.д. для получения конфиденциальной информации пользователей» [14].

При данном подходе к интерпретации фишинга как мошенничества с применением компьютерных технологий можно выделить три разновидности ответственности: административную как самый исходный и базовый уровень наказания, уголовную как наиболее обширный пласт воздействия на лиц, совершающих преступные деяния, а также гражданско-правовую как направление юридических последствий [15].

Выбор конкретной формы зависит от размера причиненного ущерба, способа совершения деяния и наступивших последствий. Это свидетельствует о высокой общественной опасности фишинга, посягающего как на отношения собственности, так и на безопасность в сфере компьютерной информации [16].

Несмотря на наличие формальных оснований для привлечения к административной ответственности по статьям 7.27 и 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) за мелкое хищение (наказание назначается за мелкое хищение на сумму до 2500 рублей) или причинение ущерба путем обмана, на практике эта мера применяется крайне редко [22]. Это обусловлено тем, что фишинг, как правило, является либо способом подготовки к более тяжкому преступлению, либо частью серии мошеннических действий, что автоматически переводит деяние в плоскость уголовного права [17].

Статья 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), призванная стать эффективным инструментом борьбы с компьютерным мошенничеством, с момента своего появления стала объектом обоснованной научной критики. Основные дискуссии разворачиваются вокруг неоднозначности законодательной формулировки, в частности - определения адресата обмана, и разграничения данного состава со смежными преступлениями, предусмотренными главой 28 УК РФ. Также основной проблемой является определение момента, когда фишинг считается завершённым преступлением: это происходит, когда злоумышленник получает доступ к данным пользователя, когда он начинает их использовать, или только после того, как были украдены денежные средства? Этот вопрос имеет непосредственное влияние на возможность привлечения виновных к ответственности и на квалификацию деяний.

В соответствии со статьей 159.6 мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Но также мошенничество в сфере компьютерной информации требует дополнительной квалификации по статье 272, 273, предполагающие неправомерный доступ к компьютерной информации - получение доступа к кон-

фиденциальным данным пользователей, а также создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ - производство реализация фишинговых сайтов и рассылка вредоносных писем [23].

Основная сложность заключается в выборе между несколькими статьями УК РФ, которые часто пересекаются. Квалификация деяния зависит от того, как именно преступник завладел имуществом: через обман человека или через вмешательство в работу программ.

На практике судам и следствию сложно определить грань, где заканчивается «обман человека» (ст. 159) и начинается «вмешательство в работу сети» (ст. 159.6). Особенно это касается поддельных сайтов-двойников (фишинг). Если сайт просто собирает данные, а преступник потом сам вводит их в приложение банка – это вмешательство. Если данные ввела сама жертва – это общий обман [18].

Как было отмечено, в российском законодательстве отсутствует само понятие «фишинг». Это технический, а не юридический термин, из-за чего одни и те же действия могут трактоваться по-разному: от мошенничества до неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) или даже административного правонарушения, если не доказан умысел на хищение [19].

Эксперты отмечают, что компьютер (в отличие от человека) нельзя «обмануть» в классическом понимании, так как у него нет психики. Поэтому применение термина «мошенничество» к компьютерным атакам вызывает споры, хотя это и удобно для следствия [20].

Гражданско-правовая ответственность, реализуемая через механизмы статей 15, 1064 и особенно 1102 ГК РФ (о неосновательном обогащении), предоставляет потерпевшим действенный, хотя и непростой, механизм возврата похищенных средств. Значимой тенденцией в судебной практике становится право потерпевших требовать возмещения ущерба не только напрямую с преступников, но и с владельцев банковских счетов. Это заметно расширяет инструменты защиты прав пострадавших и одновременно повышает уровень ответственности для соучастников противоправных схем.

Действующая нормативная база, регламентирующая ответственность за фишинг, характеризуется фрагментарностью и содержит существенные правовые лакуны. Дефицит унифицированной терминологии и отсутствие отдельного состава преступления создают сложности при квалификации деяний, что заставляет правоприменительные органы использовать целый комплекс разнородных правовых норм. В подобных обстоятельствах потерпевшим остаётся полагаться в основном на гражданское право: именно оно нередко позволяет вернуть потерянное, тогда как привлечь виновных к уголовной ответственности мешают сложности со сбором доказательств.

Помимо этого, возникают технологические и доказательные сложности, так как киберпреступления обладают высокой латентностью и анонимностью. Фишинговые сайты часто хостятся на серверах за рубежом, а преступники используют VPN, прокси и анонимные сети. Это вызывает проблемы с международным сотрудничеством и юрисдикцией (невозможно экстрадировать подозреваемого или получить логи с иностранного сервера)

Чтобы признать человека виновным, нужно доказать, что он создал поддельный сайт именно для кражи, а не ради эксперимента или теста. Также трудно установить причинно-следственную связь между действиями хакера и конкретным ущербом (например, если потерпевший сообщил пароль добровольно) [15].

Можно утверждать, что законодательство часто не успевает за технологиями, так как такие современные методы совершения преступления как голосовые дипфейки и использование нейросетей усложняют квалификацию.

Новым вызовом для правоприменения стало разъяснение Верховного Суда, согласно которому компании могут нести ответственность за мошенничество, совершенное от их имени фишерами. Раньше клиент должен был проверять подлинность сайта. Теперь компания обязана доказывать, что сайт-двойник не имеет к ней отношения, иначе суд может обязать бизнес возместить ущерб пострадавшим. Это создает риск двойных штрафов и репутационных потерь [16].

Системный характер проблем правовой квалификации фишинга в Российской Федерации объясняется совокупностью двух факторов: несовершенством законодательной техники и технологической спецификой указанных противоправных деяний. Несмотря на закрепление соответствующих норм в УК РФ, правоприменительная практика демонстрирует устойчивые трудности при разграничении смежных составов преступлений, доказывании вины, а также при преодолении анонимности, обусловленной трансграничным характером совершаемых атак.

Ключевой проблемой квалификации фишинга в Российской Федерации выступает дисбаланс между стремительной эволюцией технологических способов совершения преступлений и статичностью уголовно-правовых норм. Действующие положения УК РФ (в частности, ст. 159 и 159.6) не в полной мере отвечают вызовам, связанным с применением социальной инженерии и современных цифровых инструментов. Вместе с тем в период 2025–2026 гг. государством были инициированы меры, направленные на преодоление указанных недостатков:

1. Пилотный проект Генпрокуратуры (июнь 2025 – март 2026) по внесудебной блокировке фишинговых сайтов [24].
2. Законопроект о блокировках (вступление в силу с 01.03.2026), упрощающий процедуру закрытия мошеннических ресурсов [25].

Эти меры направлены на борьбу с инфраструктурой фишеров, но не решают пока главной дилеммы: как правильно квалифицировать сам факт обмана в цифровой среде.

Современные реалии требуют внесения изменений в законодательство для более действенного и адекватного противодействия актуальным преступлениям. В связи с этим, целесообразно на законодательном уровне ввести определение и юридическую квалификацию фишинга в отдельной статье 159.7 УК РФ, представив ее в следующей редакции:

«1. Фишинг, то есть создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ либо иная деятельность, направленная на получение неправомерного доступа к охраняемой законом информации, содержащей персональные данные, банковские реквизиты, логины, пароли или иные конфиденциальные сведения, совершенные в целях хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество, - наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные:

– группой лиц по предварительному сговору;
– в крупном размере, - наказываются штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет».

Введение специализированной статьи позволит: устранить пробел в законодательном определении фишинга, преодолеть конкуренцию норм и необходимость квалификации по совокупности преступлений, унифицировать правоприменительную практику, повысить эффективность уголовного преследования и, как следствие, усилить защиту прав и законных интересов граждан в цифровой среде.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что фишинг представляет собой одну из наиболее распространенных и общественно опасных форм кибермошенничества, требующую адекватного правового реагирования. Анализ российского законодательства выявил ключевые проблемы квалификации данного деяния: отсутствие легального определения фишинга и сложность разграничения смежных составов преступлений (ст. 159.6, 272, 273 УК РФ). Изучение научных подходов, статистических данных и судебной практики подтверждает необходимость выделения фишинга в самостоятельный состав преступления. В связи с этим предлагается новая редакция статьи Уголовного кодекса РФ (ст. 159.7), направленная на устранение правовой неопределенности и повышение эффективности противодействия данному виду киберпреступлений.

Список литературы:

[1] Гаркавая В. Искусственный интеллект как инструмент предотвращения экономических преступлений и борьбы с мошенничеством на финансовом рынке / В. Гаркавая, Е.А. Смирнова, П.А. Созинов [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 4. № 1 (166). – С. 74-82.

[2] Тревожные звонки: Путин заявил о недопустимых масштабах мошенничества в РФ. - URL: https://iz.ru/1849375/alena-nefedova-natalia-ilina/trevozhnye-zvonki-putin-zayavil-o-nedopustimyh-masshtabah-moshennichestva-v-rf (дата обращения 11.05.2026).

[3] Как законодательство защищает граждан от кибермошенников. - URL: http://duma.gov.ru/news/61988 (дата обращения 01.05.2026).

[4] Хамит Е.Е. Особенности квалификации интернет-хищений, совершаемых посредством «фишинга» // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2023. – № 3 (29). – С. 67-75.

[5] Бячкова Н.Б. Современные виды фишинга в киберпреступлениях / Н.Б. Бячкова // Неделя науки, посвященная 25-летию ФКОУ во Пермский институт ФСИН России: сборник материалов, Пермь, 03–07 февраля 2025 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – С. 21-23.

[6] New Report: Top Ten Scams of 2025. – URL: fraud.org›new-report-top-ten-scams-of-2025 (дата обращения 05.05.2026).

[7] 8 Crypto Scams to Watch Out for in 2025. – URL: tatum.io›blog/8-crypto-scams-2025 (дата обращения 12.04.2026).

[8] В России зафиксировано снижение доли фишинга, но киберпреступники усилили атаки на Telegram и распространяют больше вредоносного ПО. – URL: // https://cisoclub.ru/v-rossii-zafiksirovano-snizhenie-doli-fishinga-no-

kiberprestupniki-usilili-ataki-na-telegram-i-rasprostranjajut-bolshe-vredonosnogo-po (дата обращения 17.04.2026).

[9] Ритейл обошел финансовый сектор по количеству фишинговых и скам-атак в 2025. – URL: https://anrt.info/news/proish/70209-riteyl-oboshel-finsektor-po-chislu (дата обращения 05.04.2026).

[10] Краснова В.А. Проблемы фишинга в цифровом пространстве современного общества / В.А. Краснова, А.С. Пьянченко // Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Саратов, 14 апреля 2025 года. – Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2025. – С. 261-264.

[11] Официальный сайт МВД России. – URL: https://news.ru/amp/society/v-mvd-nazvali-samye-populyarnye-onlajn-sfery-dlya-fishinga-u-moshennikov (дата обращения 30.03.2026).

[12] Прокурор разъясняет. – URL: // https://epp.genproc.gov.ru/ru/mmtp/activity/legal-education/explain/e85554 (дата обращения 15.04.2026).

[13] Ралдугина, Н.В. «Письмо счастья» от мошенников: как не клюнуть на фишинг / Н.В. Ралдугина // Альфа-Банк: Альфа-Курс. – 2025. – URL: https://kurs.alfaba№k.ru/articles/pismo-schastya-ot-moshe№№ikov-kak-№e-klyu№ut-№a-fishi№g-i-№e-poteryat-de№gi (дата обращения 05.04.2026).

[14] Завьялов А.Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы и предупреждения // Baikal Research Jour№al. 2022. №2. URL: https://cyberle№i№ka.ru/article/№/i№ter№et-moshe№№ichestvo-fishi№g-problemy-protivodeystviya-i-preduprezhde№iya (дата обращения 11.04.2026).

[15] Фишинг: понятие, правовая регламентация и проблемы квалификации // https://gppart66.ru/articles/fishing-ponyatie-pravovaya-reglamentatsiya-i-problemy-kvalifikatsii (дата обращения 27.03.2026).

[16] Зайцева Э.Д. Социальная инженерия в финансовой сфере: что такое фишинг и как с этим бороться / Э.Д. Зайцева, Я.М. Дорощенков // Современные тенденции развития среднего профессионального образования России в эпоху цифровизации: перспективы и тренды: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 08 октября 2025 года. – Брянск: ИП Усова И.Н., 2025. – С. 48-50.

[17] Фролов М.Д. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Адвокат. – 2016. – № 6. – С. 53-58.

[18] Хисамова З.И. Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 117-120.

[19] Баранов А.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. – 2025. – № 38 (589). – С. 55-58.

[20] Бедеров И. Первые 72 часа – это окно для спасения репутации и снижения ущерба - Tom Hunter. – URL: https://tomhunter.ru/press-center/press-releases/pervye-72-chasa-eto-okno-dlya-spaseniya-reputaczii-i-snizheniya-ushherba.html (дата обращения 07.05.2026).

[21] Приказ Минцифры России от 28.02.2022 № 143 (ред. от 10.12.2024) «Об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и признании утратившими силу некоторых приказов Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации об утверждении методик расчета показателей федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[22] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[23] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

[24] Сайт: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_41/activity/legal-education/explain/e5874898/ (дата доступа 10.05.2026).

[25] Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий)» (не внесен в ГД ФС РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Garkavaya, V. Artificial Intelligence as a Tool for Preventing Economic Crimes and Combating Fraud in the Financial Market / V. Garkavaya, E.A. Smirnova, P.A. Sozinov [et al.] // Economics and Management: Problems and Solutions. – 2026. – Vol. 4. No. 1 (166). – Pp. 74-82.

[2] Alarming Calls: Putin Announces Unacceptable Scale of Fraud in Russia. - URL: https://iz.ru/1849375/alena-nefedova-natalia-ilina/trevozhnye-zvonki-putin-zayavil-o-nedopustimyh-masshtabah-moshennichestva-v-rf (accessed on 11.05.2026).

[3] How the legislation protects citizens from cybercriminals. - URL: http://duma.gov.ru/news/61988 (accessed on 01.05.2026).

[4] Khamit E.E. Features of the qualification of Internet thefts committed by means of “phishing” // Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General’s Office of the Republic of Kazakhstan. – 2023. – No. 3 (29). – Pp. 67-75.

[5] Byachkova N.B. Modern Types of Phishing in Cybercrimes / N.B. Byachkova // Science Week Dedicated to the 25th Anniversary of the Federal Penitentiary Service of Russia at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: Collection of Materials, Perm, February 03–07, 2025. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2025. – Pp. 21-23.

[6] New Report: Top Ten Scams of 2025. – URL: fraud.org “new-report-top-ten-scams-of-2025 (accessed 05.05.2026).

[7] 8 Crypto Scams to Watch Out for in 2025. – URL: tatum.io “blog/8-crypto-scams-2025 (accessed 04/12/2026).

[8] A decrease in the share of phishing has been recorded in Russia, but cybercriminals have intensified attacks on Telegram and are spreading more malware. – URL: // https://cisoclub.ru/v-rossii-zafiksirovano-snizhenie-doli-fishinga-no-kiberprestupniki-usilili-ataki-na-telegram-i-rasprostranjajut-bolshe-vredonosnogo-po (accessed 04/17/2026).

[9] Retail surpassed the financial sector in the number of phishing and scam attacks in 2025. – URL: https://anrt.info/news/proish/70209-riteyl-oboshel-finsektor-po-chislu (accessed 04/05/2026).

[10] Krasnova V.A. Problems of phishing in the digital space of modern society / V.A. Krasnova, A.S. Pyanchenko // Problems of scientific and practical activity. Search and selection of innovative solutions: collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, April 14, 2025. – Sterlitamak: Agency for International Research, 2025. – Pp. 261-264.

[11] Official website of the Russian Ministry of Internal Affairs. – URL: https://news.ru/amp/society/v-mvd-nazvali-samye-populyarnye-onlajn-sfery-dlya-fishinga-u-moshennikov (date of application 30.03.2026).

[12] The Prosecutor clarifies. – URL: // https://epp.genproc.gov.ru/ru/mmtp/activity/legal-education/explain/e85554 (accessed 04/15/2026).

[13] Raldugina, N.V. “Letter of happiness” from scammers: how not to fall for phishing / N.V. Raldugina // Alfa-Bank: Alpha Course. – 2025. – URL: https://kurs.alfaba№k.ru/articles/pismo-schastya-ot-moshe№№ikov-kak-№e-klyu№ut-№a-fishi№g-i-№e-poteryat-de№ gi (accessed 04/05/2026).

[14] Zavyalov A.N. Internet fraud (phishing): problems and warnings // Baikal Research JourNo. al. 2022. No.2. URL: https://cyberle№i№ka.ru/article/№/i№ter№et-moshe№№ichestvo-fishi№g-problemy-protivodeystviya-i-preduprezhde№ iya (accessed 04/11/2026).

[15] Phishing: the concept, legal regulation and qualification issues // https://gppart66.ru/articles/fishing-ponyatie-pravovaya-reglamentatsiya-i-problemy-kvalifikatsii (accessed 03/27/2026).

[16] Zaitseva E.D. Social engineering in the financial sector: what is phishing and how to deal with it / E.D. Zaitseva, Ya.M. Doroshchenkov // Modern trends in the development of secondary vocational education in Russia in the era of Digitalization: prospects and trends: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, October 08, 2025.On the Features of the Qualification of Crimes Committed in the Sphere of the Use of Information and Communication Technologies // Society and Law. – 2016. – No. 1 (55). – Pp. 117-120.

[19] Baranov A.N. Criminal and Criminological Counteraction to Fraud in the Sphere of Computer Information // Young Scientist. – 2025. – № 38 (589). – Pp. 55-58.

[20] Bederov I. The first 72 hours is a window to save reputation and reduce damage - Tom Hunter. – URL: https://tomhunter.ru/press-center/press-releases/pervye-72-chasa-eto-okno-dlya-spaseniya-reputaczii-i-snizheniya-ushherba.html (accessed 05/07/2026).d reduce damage - Tom Hunter. – URL: https://tomhunter.ru/press-center/press-releases/pervye-72-chasa-eto-okno-dlya-spaseniya-reputaczii-i-snizheniya-ushherba.html (accessed 05/07/2026).

[21] Order of the Ministry of Digital Affairs of Russia dated 28.02.2022 No. 143 (ed. 10.12.2024) “ On approval of methods for calculating indicators of federal projects of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” and invalidating some orders of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation on approval of methods for calculating indicators of federal projects of the national program “Digital Economy of the Russian Federation “//SPS” ConsultantPlus. “

[22] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 195-FZ (as amended by 02.05.2026) //SPS ConsultantPlus.

[23] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 09.04.2026) //SPS ConsultantPlus.

[24] Site: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_41/activity/legal-education/explain/e5874898/ (access date 10.05.2026).

[25] Draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of countering offenses committed using information and communication technologies)” (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation)//SPS “ConsultantPlus.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-300-308
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения
наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ИНСТИТУТ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА И ЗАЛОГА: ПОЧЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ РЕДКО ЗАМЕНЯЮТ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ?

Аннотация. *В статье исследуется проблема ограниченной эффективности альтернативных мер пресечения в российском уголовном процессе на примере личного поручительства, залога, домашнего ареста и запрета определенных действий. Обосновывается, что редкая замена заключения под стражу более мягкими мерами обусловлена не только нормативными пробелами, но и устойчивой процессуальной инерцией, при которой первоначально избранная изоляционная мера воспроизводится при последующих продлениях через формулу «неизменности оснований». Особое внимание уделено делам об экономических преступлениях, статусу «номинального» руководителя, имущественной обусловленности залога, слабой доказательной силе социальных связей и гарантийных писем работодателей, а также проблеме следственной волокиты, оправдываемой длительностью экспертиз. Анализируется соотношение домашнего ареста и запрета определенных действий с позиции возможного развития института досудебной пробации. Делается вывод о необходимости перехода от формальной оценки риска к индивидуализированной модели контролируемого пребывания обвиняемого в обществе, сочетающей судебные запреты, социальное сопровождение, трудовую занятость и проверяемые гарантии явки.*

Ключевые слова: *меры пресечения, заключение под стражу, личное поручительство, залог, домашний арест, запрет определенных действий, досудебная пробация, экономические преступления, процессуальная инерция, риск побега.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving
the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

PERSONAL SURETY AND BAIL: WHY ALTERNATIVE PREVENTIVE MEASURES RARELY REPLACE PRE-TRIAL DETENTION

Annotation. *The article examines the limited effectiveness of alternatives to pre-trial detention in Russian criminal proceedings, focusing on personal surety, bail, house arrest and prohibition of certain actions. It is argued that the rare replacement of detention with less restrictive measures is caused not only by legislative gaps but also by procedural inertia, whereby the initially imposed custodial measure is reproduced during subsequent extensions through the formula of "unchanged grounds". Special attention is paid to economic crime cases, the status of a "nominal" company director, the property-based nature of bail, the weak evidentiary value of social ties and employment guarantees, and investigative delays justified by expert examination queues. The article analyses the relationship between house arrest and prohibition of certain actions from the perspective of possible development of pre-trial probation. The author concludes that Russian criminal procedure requires*

a shift from formal risk assessment to an individualized model of supervised community-based pre-trial control combining judicial restrictions, social support, employment and verifiable guarantees of appearance.

Key words: *preventive measures, pre-trial detention, personal surety, bail, house arrest, prohibition of certain actions, pre-trial probation, economic crimes, procedural inertia, flight risk.*

Право на свободу личности в уголовном судопроизводстве имеет двойственную природу: с одной стороны, оно выступает конституционной гарантией, ограничивающей публичную власть, с другой - допускает применение мер процессуального принуждения, если без них невозможно обеспечить явку обвиняемого, сохранность доказательств и нормальное движение уголовного дела. Поэтому институт мер пресечения является одним из наиболее чувствительных элементов уголовного процесса: он применяется до вступления приговора в законную силу, а иногда и до окончательной проверки версии обвинения, но способен фактически изменить положение лица в деле, повлиять на его способность участвовать в защите, сохранять социальные связи, трудиться, возмещать вред и поддерживать семью. Российское уголовно-процессуальное законодательство формально располагает широким набором мер пресечения: от подписки о невыезде и личного поручительства до залога, запрета определенных действий, домашнего ареста и заключения под стражу [1]. Однако наличие альтернатив само по себе не означает их реальной конкуренции с заключением под стражу, поскольку правоприменение воспроизводит устойчивую модель, при которой изоляционная мера воспринимается как наиболее надежная, понятная и институционально безопасная для суда и следствия.

Официальные данные судебной статистики подтверждают этот дисбаланс. В 2024 г. судами было рассмотрено 93 753 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых удовлетворено 82 514, то есть 88 %. Ходатайств о домашнем аресте было 8 519, удовлетворено 7 378; ходатайств о запрете определенных действий - 4 847, удовлетворено 4 394; ходатайств о залоге - всего 78, удовлетворено 60 [3]. Особенно показательна статистика продления сроков содержания под стражей: из 164 423 ходатайств о продлении удовлетворено 159 765, что составляет 97 % [3]. В апелляционной практике при замене заключения под стражу залог применялся единично, тогда как домашний арест и запрет определенных действий использовались заметно чаще, но всё равно не образовывали сопоставимого с СИЗО инструмента [4]. Эти цифры свидетельствуют не о случайной неравномерности, а о системной асимметрии: законодатель предлагает суду набор мер различной интенсивности, но фактический выбор часто сводится к сохранению изоляции либо к ее ограниченному смягчению в форме домашнего ареста.

Нормативная модель, закрепленная в УПК РФ и разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, построена иначе. Заключение под стражу должно применяться только тогда, когда невозможно избрать более мягкую меру, а суд обязан оценивать не абстрактную опасность обвинения, а конкретные данные о личности и конкретные обстоятельства, подтверждающие риск скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства или иным способом воспрепятствовать производству по делу [1; 2]. Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает на необходимость обсуждать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения, включая залог и запрет определенных действий, а при разрешении вопроса о заключении под стражу учитывать сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, поведение после преступления, содействие расследованию и возмещение вреда [2]. На уровне правовой конструкции заключение под стражу поэтому является исключением, но на уровне практики оно часто превращается в исходную презумпцию, которую защита должна преодолевать более убедительно, чем обвинение должно доказывать актуальность риска.

Этот разрыв целесообразно обозначить как феномен процессуальной инерции. На стадии первоначального избрания меры суд, как правило, оценивает тяжесть обвинения, предполагаемую роль лица, данные о регистрации, семье, работе, имуществе, поведении после возбуждения уголовного дела. Однако при последующих продлениях центр тяжести нередко смещается с вопроса «почему именно сейчас обвиняемый должен оставаться в изоляции?» на вопрос «изменились ли обстоятельства, ранее положенные в основу меры пресечения?». Довод следствия о том, что основания не отпали и не изменились, приобретает самостоятельное значение, хотя каждое продление по смыслу ст. 97, 99, 108 и 109 УПК РФ требует проверки актуальности рисков, а не механического воспроизведения прежних формулировок [1]. В результате защита указывает на семью, постоянное жилье, детей, работу, положительные характеристики, отсутствие попыток скрыться, готовность представить поручителей, внести залог или исполнять запреты, но эти обстоятельства часто оценива-

ются как «известные суду ранее» и потому не влияющие на вывод. Так возникает парадокс: чем дольше лицо находится под стражей, тем сложнее убедить суд в необходимости смягчения, хотя с течением времени часть рисков объективно должна снижаться, поскольку документы изымаются, свидетели допрашиваются, носители информации исследуются, а возможность давления на участников процесса становится менее реальной.

Процессуальная инерция усиливается тем, что тяжесть обвинения де-факто приобретает значение главного, а иногда и единственного критерия. Формально тяжесть инкриминируемого преступления является лишь одним из обстоятельств, учитываемых при выборе меры пресечения, однако в практической аргументации она часто превращается в универсальный индикатор всех рисков: если санкция предусматривает длительное лишение свободы, лицо «может скрыться»; если дело имеет сложный экономический характер, лицо «может воспрепятствовать расследованию»; если ущерб значителен, лицо «может продолжить преступную деятельность» или распорядиться неустановленными активами. Такая логика упрощает судебную мотивацию, но одновременно размывает индивидуализацию. Аргумент суда, который одинаково применим к любому обвиняемому по соответствующей категории дел, не может считаться достаточным доказательством риска конкретного лица. Именно поэтому зарубежные стандарты предварительного заключения требуют не абстрактной ссылки на тяжесть обвинения, а «относимых и достаточных» оснований, подтверждающих реальную необходимость изоляции [12; 13].

В делах об экономических преступлениях указанная проблема приобретает особую остроту. Законодатель и Верховный Суд РФ уже признали повышенную опасность чрезмерного применения заключения под стражу к лицам, связанным с предпринимательской и иной экономической деятельностью. В ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ закреплены специальные ограничения на избрание стражи по ряду составов экономической направленности, а Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на необходимость учитывать возможность продолжения предпринимательской деятельности, управления имуществом и выполнения организационных функций, если цели меры пресечения могут быть достигнуты менее строгими средствами [1; 2]. Тем не менее именно экономические дела часто порождают расширительное толкование риска: следствие указывает на сложность финансовых потоков, неустановленный круг соучастников, возможное сокрытие активов, наличие электронных носителей, банковских счетов, номинальных структур и зависимых организаций. Суд, не имея возможности на ранней стадии полноценно проверить экономическую версию обвинения, нередко выбирает более строгую меру как способ минимизации неопределенности.

Особое место в этой группе дел занимает статус «номинального» руководителя. С точки зрения защиты указание на номинальность обычно направлено на то, чтобы показать ограниченную фактическую роль лица: отсутствие реального контроля над бизнесом, выполнение формальных действий по просьбе иных лиц, отсутствие доступа к ключевым активам и управленческим решениям. Однако в логике обвинения тот же статус может приобрести противоположное значение. Номинальный директор воспринимается как лицо, через которое оформлялись юридически значимые действия, а значит, он потенциально осведомлен о движении денежных средств, контрагентах, документах и иных участниках схемы. При этом отсутствие обнаруженных активов, транспортных средств или денежных средств организации иногда трактуется не как слабость обвинительной версии, а как указание на их сокрытие. Такая презумпция недопустима: неустановленность имущества не должна автоматически превращаться в доказательство риска побега или воспрепятствования расследованию. Для вывода о риске необходимы конкретные обстоятельства: попытки снять денежные средства, уничтожить документы, воздействовать на бухгалтеров, согласовывать позиции с соучастниками, пользоваться поддельными документами, скрываться после начала проверки или готовить выезд за пределы Российской Федерации. Без таких данных статус «номинала» характеризует предполагаемую роль в преступлении, но не является самостоятельным основанием для изоляции.

Личное поручительство по ст. 103 УПК РФ представляет собой письменное обязательство заслуживающего доверия лица ручаться за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязанностей являться по вызовам и не препятствовать производству по уголовному делу [1]. Его слабое применение связано не столько с отсутствием правовой формы, сколько с низким уровнем институционального доверия к нематериальным гарантиям. Суду проще оценить запрет, контролируемый уголовно-исполнительной инспекцией, или залог, выраженный в денежной сумме, чем социальный капитал поручителя. Между тем в доктрине личное поручительство рассматривается как мера, основанная на морально-личностном воздействии, взаимном доверии обвиняемого и поручителя, а также угрозе процессуальных последствий при невыполнении обязательств [7]. Современные иссле-

дования также указывают, что потенциал поручительства ограничивается неопределенностью критериев «лица, заслуживающего доверия», малой суммой денежного взыскания и отсутствием устойчивой методики оценки способности поручителя реально влиять на поведение обвиняемого [8].

Практическая проблема поручительства заключается в том, что оно должно быть не декларацией лояльности, а проверяемой социальной гарантией. Суду необходимо понимать, почему конкретный поручитель заслуживает доверия, какова его связь с обвиняемым, способен ли он обеспечить явку, понимает ли юридические последствия, готов ли содействовать контролю не только моральным авторитетом, но и организационными действиями: сопровождением к следователю, уведомлением о смене места жительства, обеспечением связи, контролем соблюдения запрета общения с определенными лицами. В отсутствие такой методики личное поручительство часто остается символическим ходатайством защиты, а не полноценной мерой, конкурирующей с заключением под стражу. В зарубежном и сравнительно-правовом контексте интерес представляет идея сочетания личного авторитета поручителя с имущественным или организационным обеспечением, однако механическое введение имущественного элемента в поручительство может усилить тот же имущественный ценз, который уже свойствен залогу [8]. Поэтому развитие поручительства должно идти прежде всего через стандартизацию оценки поручителя и включение поручительства в более широкий план контролируемого поведения обвиняемого.

Залог имеет иную природу. По ст. 106 УПК РФ он состоит во внесении или передаче денег, ценностей, ценных бумаг либо имущества для обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого, предупреждения совершения новых преступлений и действий, препятствующих производству по делу [1]. Минимальный размер залога по делам небольшой и средней тяжести составляет не менее 100 тыс. руб., по тяжким и особо тяжким преступлениям - не менее 500 тыс. руб., при этом закон требует учитывать характер преступления, данные о личности, имущественное положение залогодателя и другие обстоятельства [1]. На практике денежная природа залога формирует скрытый имущественный ценз. Лицо, имеющее стабильную работу, семью, кредитные обязательства, но не имеющее свободных накоплений, оказывается в менее выгодном положении, чем лицо с ликвидным капиталом или обеспеченными родственниками. Формально закон не требует богатства как условия свободы, однако фактически возможность предложить суду убедительную альтернативу стражи зависит от имущественного ресурса. Именно поэтому ничтожно малое число ходатайств о залоге в статистике 2024 г. является не только показателем процессуальной пассивности, но и симптомом того, что для значительной части обвиняемых эта мера экономически недоступна [3].

Имущественная селективность залога особенно заметна в делах об экономических преступлениях. С одной стороны, такие дела предполагают финансовый характер обвинения, что теоретически делает залог логичной мерой: он обеспечивает явку и одновременно символизирует имущественную ответственность. С другой стороны, следствие может заявлять о неустановленных или сокрытых активах и тем самым обосновывать необходимость стражи, а защита, не имея свободных средств, не способна предложить залог в размере, который суд сочтет достаточным. В научной литературе неоднократно обращалось внимание на проблемы применения залога и необходимость более активного обсуждения судами возможности его назначения как более мягкой меры [9; 10]. Однако расширение залога без учета имущественного положения обвиняемого и залогодателя способно привести к обратному эффекту: свобода до суда станет зависеть от платежеспособности, а не от реального уровня процессуального риска. Поэтому при определении залога необходимо не только оценивать сумму, но и проверять ее исполнимость, происхождение средств, соразмерность обвинению и способность обеспечить поведение без фактического превращения невозможности внести деньги в основание для содержания в СИЗО.

В этой связи особое значение приобретают гарантии, не сводимые к деньгам. Гарантийные письма будущих работодателей, документы о готовности принять обвиняемого на работу, подтверждения квалификации, характеристики и предложения о трудоустройстве не являются самостоятельными мерами пресечения, но могут служить элементом доказательственной модели защиты. В логике предупреждения новых преступлений официальная занятость иногда имеет не меньшую превентивную ценность, чем формальный запрет покидать жилище. Если лицо имеет понятный источник дохода, распорядок дня, социальный контроль со стороны работодателя, обязанность являться на работу и возможность возмещать вред, это снижает риск как уклонения, так и повторного преступления. Для суда такие письма должны рассматриваться не как второстепенная характеристика, а как часть предлагаемого защитой режима: место проживания, график работы, маршрут передвижения, запрет общения с определенными лицами, запрет использования корпоративных средств связи,

сдача заграничного паспорта, обязанность являться по вызовам, контроль со стороны поручителя или работодателя. В такой комбинации гарантийное письмо усиливает запрет определенных действий и превращает его из абстрактной альтернативы в исполнимый режим поведения.

Следственная волокита является еще одним фактором, поддерживающим процессуальную инерцию. Защита нередко указывает, что длительное содержание под стражей вызвано не поведением обвиняемого, а неэффективной организацией расследования: экспертизы назначаются спустя месяцы, допросы проводятся нерегулярно, документы долго направляются на исследование, материалы переводятся между подразделениями, а следственные действия фактически концентрируются перед очередным обращением в суд о продлении. Суд, однако, не всегда воспринимает такую волокиту как основание для смягчения меры. В делах экономической направленности длительность финансово-экономических, бухгалтерских и компьютерно-технических экспертиз часто объясняется объективной очередностью в экспертных учреждениях, большим объемом документов и сложностью исследования. Такой довод может быть добросовестным, но он не должен освобождать сторону обвинения от обязанности доказывать актуальность рисков. Если лицо остается под стражей только потому, что экспертное учреждение не завершило работу, мера пресечения начинает компенсировать организационные задержки государства, а не предотвращать процессуальные нарушения со стороны обвиняемого.

Международные стандарты требуют иной логики. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2006)13 исходит из того, что предварительное заключение должно применяться как мера последней необходимости, а государство обязано развивать широкий набор альтернатив: обязанность явки, запрет определенного поведения, надзор уполномоченного органа, электронный мониторинг, обязанность проживать по указанному адресу, запрет посещать определенные места или общаться с лицами, сдача паспорта, финансовые и иные гарантии [11]. Токийские правила ООН также закрепляют, что предварительное заключение должно использоваться как крайнее средство с учетом интересов расследования, защиты общества и потерпевшего [14]. Следовательно, очередь на экспертизу может объяснять длительность конкретного следственного действия, но не должна автоматически легитимировать изоляцию. Чем дольше длится расследование, тем более конкретными должны становиться доводы обвинения о рисках. Иначе длительность процесса начинает работать против обвиняемого вне зависимости от его поведения, что несовместимо с презумпцией свободы до приговора.

Сравнение домашнего ареста и запрета определенных действий показывает, что российская система уже располагает инструментом более гибкого контроля, но использует его недостаточно как меру ресоциализирующего характера. Домашний арест по своей природе близок к изоляционной мере: он заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, где лицо проживает на законном основании, с возложением запретов и осуществлением контроля [1]. Запрет определенных действий, напротив, позволяет суду сконструировать индивидуальный набор ограничений: запрет выходить из жилого помещения в определенные периоды, посещать определенные места, общаться с конкретными лицами, пользоваться средствами связи и интернетом, управлять транспортом и совершать иные действия, прямо предусмотренные законом [1]. Именно эта мера потенциально ближе всего к идее досудебной пробации, поскольку она не обязательно разрушает социальные связи лица и может сочетаться с трудом, обучением, лечением, уходом за родственниками и возмещением вреда.

Несмотря на это, суды нередко предпочитают домашний арест запрету определенных действий. Причина не только в большей строгости домашнего ареста, но и в его институциональной понятности. Домашний арест проще представить как «мягкую стражу»: лицо изолировано, контроль сосредоточен на одном адресе, нарушение легче фиксировать, а публичный риск для суда ниже. Запрет определенных действий требует сложной индивидуализации: нужно определить периоды выхода, допустимые маршруты, круг запрещенных контактов, режим связи, условия работы, способы контроля, взаимодействие следователя и уголовно-исполнительной инспекции. Чем выше индивидуализация, тем выше ответственность суда за точность режима. Поэтому система, ориентированная на минимизацию риска ошибки, выбирает более жесткую и простую конструкцию, даже если она хуже соответствует задачам сохранения социальных связей. В научной литературе справедливо отмечается, что появление запрета определенных действий изменило традиционную иерархию альтернатив заключению под стражу, но одновременно породило конкуренцию между домашним арестом, залогом и запретом как мерами разной правовой природы и различной интенсивности принуждения [10].

Технические сложности контроля также влияют на выбор меры. Контроль за нахождением лица при домашнем аресте и соблюдением

запретов осуществляется уполномоченными органами, включая уголовно-исполнительные инспекции; закон допускает применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля [1]. Однако практическая эффективность зависит от наличия оборудования, устойчивой связи, готовности инспекции оперативно реагировать, корректности судебного постановления и ясности возложенных запретов. Если суд не уверен, что индивидуальный режим будет исполним и контролируем, он склонен к более жесткой мере. Но этот аргумент должен вести не к отказу от запрета определенных действий, а к развитию инфраструктуры досудебного контроля. Иначе техническая неготовность системы превращается в самостоятельный фактор лишения свободы, что методологически неверно: задача права состоит в том, чтобы адаптировать контроль к конкретному риску, а не заменять индивидуальный режим наиболее строгой мерой из-за организационной простоты.

Именно здесь возникает значение досудебной пробации. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» закрепляет исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию, ориентированные на коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию [5]. Однако полноценная досудебная пробация для подозреваемых и обвиняемых, находящихся на стадии расследования и судебного разбирательства, в российском праве пока не сформирована. Это означает, что между свободой без содержательного сопровождения и изоляцией в СИЗО отсутствует развитый промежуточный институт, который мог бы готовить для суда проверяемую социально-процессуальную информацию: где лицо будет жить, кто готов контролировать его поведение, где оно будет работать, как будет обеспечиваться явка, какие контакты нужно запретить, какие цифровые каналы ограничить, какие социальные риски требуют сопровождения. Запрет определенных действий без такой инфраструктуры остается юридической конструкцией; с досудебной пробацией он мог бы стать индивидуальным планом поведения обвиняемого в обществе до приговора.

Досудебная пробация не должна подменять презумпцию невиновности или превращаться в предварительное исправительное воздействие. Ее назначение на стадии расследования должно быть процессуальным: обеспечить явку, предотвратить давление, исключить продолжение преступной деятельности и сохранить социальную устойчивость лица, не разрушая его трудовую и семейную жизнь без необходимости. Такой подход особенно важен для обвиняемых по экономическим делам, где сохранение возможности работать, погашать кредиты, содержать семью и возмещать ущерб нередко отвечает интересам не только защиты, но и потерпевших. В рамках досудебной пробации запрет определенных действий может сочетаться с поручительством, трудовой гарантией, электронным мониторингом, запретом использования конкретных средств связи, запретом доступа к бухгалтерским программам, запретом общения с определенными участниками дела, обязанностью регулярно отмечаться и предоставлять подтверждения трудовой занятости. Такая модель не снимает ответственность с суда, но дает ему не абстрактный выбор между СИЗО и свободой, а набор проверяемых условий, нейтрализующих конкретные риски.

Зарубежный опыт подтверждает, что эффективная альтернатива предварительному заключению возникает не только через перечень мер в процессуальном кодексе, но и через специализированную систему оценки и сопровождения. В федеральной системе США действует принцип выбора наименее ограничительного условия или комбинации условий, достаточных для обеспечения явки лица и безопасности общества; при этом финансовое условие не должно устанавливаться таким образом, чтобы фактически приводить к досудебному заключению из-за невозможности его выполнить [15]. В Англии и Уэльсе законодательство исходит из презумпции освобождения под условия, а электронный мониторинг используется как средство поддержки доверия суда к соблюдению этих условий [16]. В германском уголовном процессе допускается приостановление исполнения ордера на арест, если цель предварительного заключения может быть достигнута менее строгими мерами: обязанностью явки, ограничением места проживания, запретом контактов, предоставлением обеспечения и иными условиями [17]. Эти модели различны, но их объединяет общий принцип: суд не просто выбирает между свободой и изоляцией, а конструирует управляемый режим, в котором риск не предполагается абстрактно, а нейтрализуется конкретным условием.

Для российского процесса развитие досудебной пробации могло бы изменить саму структуру судебного анализа. Вместо того чтобы требовать от защиты доказать «безопасность» обвиняемого вопреки тяжести обвинения, суд мог бы получать независимый или межведомственный доклад о возможности контролируемого нахождения лица вне СИЗО. Такой доклад включал бы сведения о жилье, составе семьи, трудовой занятости, кредитной нагрузке, состоянии здоровья, поручителях, работодателе, маршрутах передвижения, доступе к средствам связи, рисках контактов с участниками дела, возможности элек-

тронного мониторинга, готовности возмещать ущерб. По существу речь идет не о гуманитарной характеристике личности, а о процессуальной технологии управления риском. Если риск давления на свидетеля связан с конкретным бухгалтером, должен применяться запрет общения с этим бухгалтером, а не изоляция от всего общества. Если риск сокрытия связан с банковскими операциями, возможно ограничение доступа к корпоративным счетам и электронным ключам. Если риск побега связан с заграничными поездками, логична сдача паспорта и обязанность регистрации, а не автоматическое помещение в СИЗО.

Не менее важна мотивировка судебных решений. Недостаточно указать, что суд «обсудил» возможность залога, поручительства, домашнего ареста или запрета определенных действий. Необходимо требовать от суда ответа на вопрос, почему каждая предложенная стороной защиты альтернатива не способна нейтрализовать конкретный риск. Если защита предлагает поручителей, суд должен оценить их личность, связь с обвиняемым и реальную способность обеспечить явку. Если предлагается залог, суд должен проверить не только сумму, но и имущественное положение залогодателя, чтобы залог не был заведомо неисполнимым. Если предлагается запрет определенных действий, суд должен объяснить, почему адресный запрет общения, использования связи, выхода в определенное время или посещения определенных мест недостаточен. Если следствие ссылается на неустановленные активы, суд должен требовать фактов, связывающих обвиняемого с возможностью их сокрытия, а не принимать саму неустановленность как доказательство риска. Такая модель мотивировки соответствует как российским разъяснениям Верховного Суда РФ, так и международному требованию индивидуализированных и достаточных оснований для предварительного заключения [2; 12; 13].

Особого внимания заслуживает вопрос о гарантийных письмах работодателей. В действующей практике они часто воспринимаются как второстепенное приложение к характеристикам, хотя в логике досудебной пробации могут играть центральную роль. Работодатель способен подтвердить не только готовность принять лицо на работу, но и конкретный график, адрес, должностные обязанности, отсутствие доступа к спорным финансовым документам или счетам, возможность уведомлять инспекцию о неявке, готовность содействовать возмещению вреда через официальный доход. Конечно, работодатель не должен превращаться в частного надзирателя, но его гарантия может быть частью проверяемого режима. Для лиц без накоплений и собственного жилья именно трудовая гарантия способна компенсировать недостаточность залога и снизить риск повторного преступления. Это особенно значимо для обвиняемых с кредитной нагрузкой: изоляция в СИЗО разрушает доход, ухудшает положение семьи и кредиторов, препятствует возмещению ущерба и тем самым может противоречить задачам уголовного судопроизводства.

Таким образом, редкое применение личного поручительства и залога связано с разными, но взаимодополняющими причинами. Личное поручительство страдает от дефицита доверия к социальным гарантиям и отсутствия методики оценки поручителя. Залог страдает от имущественной селективности и процессуальной сложности. Домашний арест применяется чаще, но нередко воспроизводит изоляционную логику СИЗО. Запрет определенных действий обладает наибольшим потенциалом индивидуализации, но требует инфраструктуры контроля и пробационного сопровождения. В результате суд, даже признавая возможность альтернатив, часто выбирает наиболее понятную для системы меру - заключение под стражу или, в лучшем случае, домашний арест. Преодоление этой тенденции невозможно только за счет формального расширения перечня мер пресечения; необходима перестройка судебной мотивации, развитие досудебной пробации, стандартизация оценки социальных гарантий и усиление ответственности стороны обвинения за доказанность актуальных рисков при каждом продлении меры.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основной причиной редкой замены заключения под стражу альтернативными мерами является не отсутствие таких мер в УПК РФ, а процессуальная инерция, при которой тяжесть обвинения и формула «неизменности оснований» фактически подменяют индивидуальную оценку актуальных рисков. По делам об экономических преступлениях статус номинального руководителя используется противоречиво: защита рассматривает его как признак ограниченной фактической роли, тогда как обвинение - как основание предполагать осведомленность о финансовых потоках и возможность сокрытия активов; такой подход допустим лишь при наличии конкретных фактов, а не презумпций. Залог и личное поручительство не выполняют роль полноценной альтернативы стражи: залог формирует скрытый имущественный ценз, а поручительство остается недооцененным из-за отсутствия устойчивой методики проверки социальных гарантий. Следственная волокита, включая длительное производство экспертиз, не должна автоматически оправдывать дальнейшую изоляцию; по мере течения времени обязанность обвинения доказывать актуальность рисков должна

усиливаться. Запрет определенных действий является более перспективной мерой по сравнению с домашним арестом, если рассматривать его через призму досудебной пробации: он позволяет сохранить труд, семью, возмещение вреда и социальный контроль при адресном ограничении конкретных рисков. Зарубежный опыт показывает, что эффективная альтернатива СИЗО строится не на формальном перечне мер, а на системе предварительной оценки, сопровождения и контроля. Для российского уголовного процесса целесообразно развивать модель досудебной пробации, которая объединит судебные запреты, электронный мониторинг, поручительство, трудовые гарантии, социальное сопровождение и регулярную отчетность перед контролирующим органом. Только при таком подходе альтернатива заключению под стражу перестанет быть декларацией и станет реальным инструментом обеспечения целей уголовного судопроизводства без избыточного ограничения права на свободу.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред., действующая по состоянию на 10.05.2026).

[2] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025).

[3] Судебная статистика Российской Федерации. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях. Год 2024. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13 (дата обращения: 10.05.2026).

[4] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2025. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

[5] О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред., действующая по состоянию на 10.05.2026).

[6] Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 222 с.

[7] Мустафаев Н. М.-А. Личное поручительство как мера уголовно-процессуального пресечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 18. С. 59-60.

[8] Федякин К. П., Алексеева Е. С. Личное поручительство в системе мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве России и стран СНГ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. № 2. С. 137-145. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_137.

[9] Грачев Д. М. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России // Вестник магистратуры. 2016. № 5-3(56). С. 46-48.

[10] Бертовский Л. В., Квык А. В. Новая система альтернативных заключению под стражу мер пресечения: первые результаты применения, перспективы развития // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 242-255. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255.

[11] Мальцева С. Н. Залог как мера пресечения: проблемы применения // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1-4), № 1. С. 111-116. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.111-116.

[12] Recommendation Rec(2006)13 of the Committee of Ministers to member states on the use of remand in custody, the conditions in which it takes place and the provision of safeguards against abuse. Strasbourg : Council of Europe, 2006.

[13] Buzadji v. the Republic of Moldova : judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights of 5 July 2016, application no. 23755/07.

[14] United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (The Tokyo Rules) : adopted by General Assembly resolution 45/110 of 14 December 1990.

[15] 18 U.S. Code § 3142. Release or detention of a defendant pending trial. United States Code.

[16] Electronic Monitoring Court Bail Protocol / Government of the United Kingdom. 2023.

[17] German Code of Criminal Procedure (Strafprozeßordnung). Section 116. Suspension of enforcement of warrant of arrest.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 18.12.2001 of 174-FZ (as amended 10.05.2026).

[2] On the practice of the courts of applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2013 No. 41 (ed. 27.05.2025).

[3] Judicial statistics of the Russian Federation. Consideration of applications for investigative actions. Year 2024. URL: https ://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13 (Accessed: 10.05.2026).

[4] Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2024/Judicial Department under the

Supreme Court of the Russian Federation. M., 2025. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

[5] On probation in the Russian Federation: Federal Law No. 06.02.2023 of 10-FZ (as amended 10.05.2026).

[6] Andronic N. A. Preventive measures chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation: dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2022. 222 pp.

[7] Mustafayev N. M.-A. Personal guarantee as a measure of criminal procedure//Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. 2007. № 18. S. 59-60.

[8] Fedyakin K.P., Alekseeva E.S. Personal guarantee in the system of preventive measures in the criminal procedure legislation of Russia and the CIS countries//Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2023. № 2. S. 137-145. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_137.

[9] Grachev D.M. Pledge as a preventive measure in the criminal process of Russia//Bulletin of magistracy. 2016. № 5-3(56). S. 46-48.

[10] Bertovsky L. V., Kvyk A. V. A new system of alternative preventive measures to detention: first results of application, development prospects//All-Russian Criminological Journal. 2020. T. 14, NO. 2. S. 242-255. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).242-255.

[11] Maltseva S.N. Pledge as a preventive measure: problems of application//Criminal enforcement law. 2024. T. 19 (1-4), NO. 1. S. 111-116. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).1.111-116.

[12] Recommendation Rec(2006)13 of the Committee of Ministers to member states on the use of remand in custody, the conditions in which it takes place and the provision of safeguards against abuse. Strasbourg : Council of Europe, 2006.

[13] Buzadji v. the Republic of Moldova : judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights of 5 July 2016, application no. 23755/07.

[14] United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (The Tokyo Rules) : adopted by General Assembly resolution 45/110 of 14 December 1990.

[15] 18 U.S. Code § 3142. Release or detention of a defendant pending trial. United States Code.

[16] Electronic Monitoring Court Bail Protocol / Government of the United Kingdom. 2023.

[17] German Code of Criminal Procedure (Strafprozeßordnung). Section 116. Suspension of enforcement of warrant of arrest.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-309-313
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ДЕЛОВЫХ И ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (УИС) в последние годы наблюдается устойчивое увеличение объема деловой и правовой документации, связанной с рассмотрением обращений граждан, исполнением запросов судебных и надзорных органов, подготовкой ведомственной отчетности, а также разработкой проектов нормативных правовых актов, инструктивных материалов и служебной корреспонденции. В данных условиях большие языковые модели и диалоговые интеллектуальные системы могут выступать в качестве инструмента генерации функциональных черновых версий документов на основе анализа естественно-языковых запросов и параметризованных шаблонов, обеспечивая снижение временных затрат на рутинные текстовые операции и повышение унификации формулировок. В статье исследуются перспективные направления внедрения больших языковых моделей (Large Language Model, LLM) в систему документооборота учреждений ФСИН России, включая подготовку ответов на обращения, служебных записок, аналитических материалов, проектов нормативных правовых актов и пояснительных записок к ним, а также внутренних информационных документов. Обосновывается необходимость формирования специализированной системы правовых принципов применения указанных технологий, включающей соблюдение законности и ведомственной регламентации, обеспечение алгоритмической прозрачности, приоритет персональной ответственности должностного лица, защиту персональных данных и служебной информации, недопущение дискриминационных эффектов алгоритмов и запрет на автономное принятие юридически значимых решений. Предлагается модель архитектуры ведомственной системы подготовки документов с использованием LLM и шаблонных конструкций, при которой машинная генерация строго ограничивается рамками заранее утвержденных структур и терминологии и сопровождается обязательным постредактированием и проверкой со стороны сотрудника. Формулируются предложения по этапности внедрения, разграничению допустимых сфер применения LLM и содержанию ведомственных нормативных актов, регулирующих использование технологий искусственного интеллекта в документообороте ФСИН России. Показано, что внедрение подобных решений возможно исключительно при одновременном закреплении процедур внутреннего контроля и аудита результатов функционирования LLM в учреждениях УИС. Предлагаемый подход может служить концептуальной основой для разработки ведомственных регламентов и совершенствования нормативного регулирования применения искусственного интеллекта в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.*

Ключевые слова*: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, ФСИН России, искусственный интеллект, большие языковые модели, диалоговая интеллектуальная система, подготовка правовых документов, обращения граждан, алгоритмическая прозрачность, правовые принципы применения ИИ, цифровизация документооборота.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,

LEGAL FOUNDATIONS AND PROSPECTS FOR THE USE OF LARGE LANGUAGE MODELS IN THE PREPARATION OF BUSINESS AND LEGAL DOCUMENTS IN THE ACTIVITIES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In recent years, the volume of administrative and legal documentation within the penal enforcement system of the Russian Federation has been steadily increasing, driven by the need to process citizens' appeals, respond to requests from judicial and supervisory authorities, prepare departmental reports, and draft regulatory legal acts, guidelines, and official correspondence. Under these conditions, large language models and conversational intelligent systems can serve as tools for generating functional draft documents based on the analysis of natural language queries and parameterized templates, thereby reducing the time required for routine text processing and improving the consistency of wording. The article examines prospective areas for integrating large language models (LLMs) into the document workflow of institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, including the preparation of responses to appeals, internal memoranda, analytical materials, drafts of regulatory legal acts and their explanatory notes, as well as internal informational documents. It substantiates the need to establish a specialized system of legal principles governing the use of such technologies, including the principles of legality and departmental regulation, algorithmic transparency, the priority of personal responsibility of officials, protection of personal data and official information, the non-discriminatory nature of algorithmic decisions, and the prohibition of autonomous adoption of legally significant decisions. A model of the architecture of a ведомственная system for document preparation based on LLMs and template structures is proposed, in which machine-generated content is strictly limited by predefined structures and terminology and is subject to mandatory post-editing and verification by a human operator. The paper formulates proposals regarding the stages of implementation, the delineation of permissible application areas for LLMs, and the content of departmental regulations governing the use of artificial intelligence technologies in the document workflow of the Federal Penitentiary Service of Russia. It is demonstrated that the implementation of such solutions is feasible only if accompanied by the institutionalization of internal control and audit procedures for the outputs generated by LLMs within penal institutions. The proposed approach may serve as a conceptual foundation for the development of departmental regulations and the improvement of the legal framework governing the use of artificial intelligence in the penal enforcement system of the Russian Federation.*

Key words: *Penal System of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service of Russia, artificial intelligence, large language models, conversational intelligent system, preparation of legal documents, citizen appeals, algorithmic transparency, legal principles for the use of AI, digitalization of document workflow.*

Введение

Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) в последние годы сопровождается устойчивым ростом количества деловых и правовых документов [1, с.64]. Учреждения и органы ФСИН России готовят объемные массивы ответов на обращения граждан и организаций, формируют потоки ведомственного документооборота, участвуют в подготовке проектов ведомственных приказов, инструкций и методических рекомендаций. Для значительной части этих документов характерен устойчивый шаблонный характер, необходимость соблюдения формализованных требований и повторяющихся структур. При этом несмотря на ограниченность объема кадровых ресурсов учреждений, требования к срокам и качеству реакции на обращения и запросы остаются высокими.

Большие языковые модели, способные анализировать запрос на естественном языке и генерировать связный текст, потенциально могут использоваться как основа для системы формирования функциональных черновиков правовых и деловых документов [2, с.330]. В модельной конфигурации такая система функционирует как диалоговая интеллектуальная система: сотрудник формулирует запрос в свободной форме (например, «подготовить ответ на обращение по вопросу зачета времени содержания под стражей», «подготовить проект служебной записки о выявленных нарушениях режима»), после чего программный комплекс сопоставляет запрос с параметризированными шаблонами документов и формирует черновик, соответствующий заданной структуре. Технически такая система опирается на сочетание больших языковых моделей

(LLM), базы шаблонов, модуля семантического анализа и механизма управляемой генерации текста.

Материалы и методы

Для документооборота ФСИН России можно выделить несколько типовых ситуаций, в которых применение LLM представляется наиболее перспективным. Во-первых, подготовка черновиков ответов на обращения граждан и организаций, включая запросы осужденных, их представителей, органов прокуратуры и уполномоченных по правам человека. Подобные документы имеют устойчивую структуру и включают, например, вводную часть с указанием реквизитов обращения, описательную часть с изложением содержания обращения и проверочных мероприятий, мотивировочную часть с анализом правовых оснований и резолютивную часть с формулировкой решения. LLM может формировать черновик такой структуры на основе краткого описания обстоятельств и указания применимых нормативных актов, оставляя за сотрудником проверку фактов и окончательное юридическое обоснование [3, с.159].

Кроме того, использование языковых ИИ-моделей возможно при подготовке проектов служебных записок, аналитических обзоров и сопроводительных писем. Поскольку в деятельности учреждений ФСИН России регулярно готовятся документы, обобщающие, например, результаты проверок, динамику показателей, типовые нарушения режима и т.п., LLM может выступать инструментом ускоренного формирования связного текста на основе заранее структурированных данных и описаний, подготовленных сотрудником. Такой режим не подменяет юридическое суждение, но снижает рутинную нагрузку, связанную с формулировками и стилистическим выравниванием текста.

Далее, LLM-системы могут применяться на этапах подготовки проектов нормативных правовых актов ведомственного уровня (приказов, инструкций, методических рекомендаций, проектов изменений в действующие приказы). В этом случае генерация должна быть максимально жестко ограничена рамками типовой структуры акта, заранее определенного набора терминов и ссылок на действующее законодательство [4, с.153]. Модель в такой конфигурации используется не для «придумывания» правовых новелл, а для переноса однотипных фрагментов, приведения формулировок к единому стилю, предварительного согласования терминологии и построения проектов пояснительных записок [5, с.242].

Технически прототип ведомственной системы может включать несколько ключевых модулей. Модуль обработки пользовательского запроса отвечает за прием, нормализацию и первичную структуризацию текста запроса сотрудника. Модуль семантического анализа извлекает параметры документа (вид документа, адресата, ключевые факты, упомянутые нормы права, типовой сюжет обращения). Модуль подбора шаблонов сопоставляет извлеченные параметры с формализованной библиотекой шаблонов документов, в которой каждый шаблон описан через структуру, обязательные реквизиты и предопределенные блоки [6, с.53]. Модуль управляемой генерации формирует запрос к LLM таким образом, чтобы модель генерировала текст строго в границах выбранной структуры, заполняя переменные поля, а не меняя архитектуру документа. Диалоговый модуль обеспечивает последовательное уточнение параметров документа, если исходный запрос неоднозначен или неполон [7, с.135]. Наконец, модуль хранения данных содержит шаблоны, историю запросов и версии сформированных черновиков.

Результаты и обсуждение

Ключевым элементом правового анализа становится вопрос о том, на каких правовых принципах должна строиться эксплуатация такого рода систем в деятельности ФСИН России [8, с.263].

Первый принцип состоит в обеспечении законности и ведомственной регламентации. Использование LLM не может осуществляться в стихийном порядке, на уровне инициатив отдельных учреждений. Необходимы ведомственные нормативные акты, определяющие цели применения, перечень допустимых видов документов, режимы использования (исключительно как инструмент формирования черновиков), порядок верификации и утверждения конечного текста, требования к защите информации и логированию взаимодействий с системой. Эти акты должны прямо фиксировать, что юридическую силу имеет только документ, утвержденный должностным лицом, а все автоматизированные операции носят вспомогательный характер [9, с.110].

Второй принцип определяется как приоритет ответственности должностного лица. При любой конфигурации системы юридическая ответственность за содержание документа несет сотрудник, подписывающий документ или его проект. Языковая модель не выступает субъектом правонарушения и не может рассматриваться как источник освобождения от ответственности. Это должно быть отражено в служебных инструкциях, сотрудник обязан проверять факты, корректность правовых ссылок, соответствие текста позиции учреждения и нормам права, а также фиксировать случаи существенной корректировки сгенерированного черновика.

Третий правовой принцип – алгоритмическая прозрачность и документируемость. В усло-

виях, когда LLM формирует части текста, важным становится обеспечение возможности реконструкции того, какие параметры запроса были заданы, на каком шаблоне основывалась генерация, какие версии черновика последовательно создавались и редактировались. Данное условие предполагает ведение технических журналов, в которых фиксируются ключевые действия системы и пользователя. Такой подход не исключает использование закрытых коммерческих или ведомственных моделей, но требует того, чтобы для внутреннего контроля существовал достаточный объем данных о том, как формировался итоговый текст. Эта информация важна как для внутреннего аудита, так и для рассмотрения жалоб и споров, связанных с содержанием документа.

Четвертый правовой принцип учитывает необходимость защиты персональных данных и служебной информации. Обращения граждан в органы ФСИН России, сведения о осужденных и их правовом положении относятся к чувствительным категориям информации. При использовании LLM необходимо исключить передачу неанонимизированных данных в публичные облачные сервисы без достаточных гарантий конфиденциальности. Ведомственная конфигурация должна предусматривать либо использование локально развернутых моделей, либо специально регламентированную анонимизацию данных с предусмотренной возможностью удаления персональных идентификаторов, подмены конкретных реквизитов абстрактными маркерами на этапе взаимодействия с моделью и иными мероприятиями по недопущению утечки персональных данных. Внутренний акт должен закреплять перечень информации, запрещенной к обработке посредством внешних ИИ-сервисов.

Пятый принцип сводится к запрету автономного принятия юридически значимых решений. Языковая модель не может выступать субъектом, принимающим решение по обращению, назначающим меру воздействия, определяющим правовую позицию учреждения. Ее роль ограничивается формированием текстового предложения на стадии подготовки документа. В ведомственных актах целесообразно закрепить прямой запрет на использование ИИ-систем для автоматического принятия решений, затрагивающих права осужденных, сотрудников и иных лиц, включая распределение по видам учреждений, изменения условий отбывания наказания, оценку поведения осужденных и др. Для этих сфер возможно лишь вспомогательное аналитическое использование (выявление тенденций, подготовка статистических обзоров), но не автоматическое принятие решений.

К указанным правовым принципам следует добавить вопрос о допустимых режимах персонализации. Теоретически LLM способны адаптировать текст документа под особенности конкретного адресата, истории обращений, типа учреждения. Для ФСИН России такая персонализация допустима только в той мере, в какой она не создает дискриминационных практик и не приводит к неравному обращению с осужденными или заявителями. На нормативном уровне следует закрепить, что параметры персонализации могут включать только законодательно значимые признаки (вид учреждения, категория обращения, стадия исполнения наказания), но не любые модели поведения, оценочные характеристики или прогнозы, основанные на предиктивной аналитике [10, с.37].

Отдельного анализа заслуживает вопрос о стадийности внедрения LLM-систем в документооборот ФСИН России. Целесообразно выделить несколько этапов данного процесса. На первом этапе целесообразно предусмотреть пилотное использование для формирования черновиков сугубо технических и информационных документов, не затрагивающих непосредственно права осужденных (например, стандартные сопроводительные письма, уведомления об исполнении запросов, краткие справочные ответы). Это позволит протестировать архитектуру системы, оценить удобство диалогового интерфейса и точность сопоставления шаблонов без высоких правовых рисков.

На втором этапе возможно расширение области применения на черновики ответов на обращения граждан и организаций при условии четкого разграничения ответственности и обучения сотрудников навыкам работы с системой. На этом уровне важно организовать внутренний мониторинг, включающий выборочную проверку качества черновиков, анализ типичных ошибок модели, статистику объема ручных правок. Результаты такого мониторинга могут быть использованы для корректировки набора шаблонов, систем подсказок и запретов.

На третьем этапе возможно рассмотрение возможности использования LLM при подготовке проектов ведомственных правовых актов, пояснительных записок, аналитических обзоров по проблемам исполнения наказаний. Здесь требуются дополнительные гарантии, включая детализированную методику подготовки исходных данных, четкие правила включения или исключения фрагментов, сгенерированных моделью, и обязательное участие профильных подразделений в юридической экспертизе.

Во всех случаях правовой режим работы с LLM должен быть отражен в служебных инструкциях, регламентах делопроизводства и, при необходимости, в ведомственных приказах, устанавливающих стандарты цифровой трансформации. В этих актах целесообразно зафиксировать, что использование ИИ рассматривается не как замена профессионального суждения сотруд-

ника, а как инструмент оптимизации рутинной текстовой работы, повышающий скорость подготовки документов при сохранении контроля со стороны человека.

Выводы

Представленная концепция правовых принципов применения больших языковых моделей при подготовке деловых и правовых документов в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации ориентирована на баланс между технологическими возможностями и гарантиями прав участников уголовно-исполнительных отношений. Массовое внедрение подобных систем без четких ведомственных регламентов создало бы высокий риск случайных ошибок, непрозрачных решений и нарушения режима конфиденциальности. Построение же архитектуры, основанной на шаблонной управляемой генерации, документируемости действий системы и приоритете ответственности должностного лица, позволяет рассматривать LLM как перспективный инструмент модернизации документооборота ФСИН России.

Список литературы:

[1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.

[2] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[3] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.

[4] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[5] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[6] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[7] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[8] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[9] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[10] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.

[2] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[3] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents// Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.

[4] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime//Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[5] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[6] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service//Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[7] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet//Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[8] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects//Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[9] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[10] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia//Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-314-316

МАЛЬЦАГОВ И.Д.,
доцент, канд. юрид. н.,
доцент кафедры уголовного права, процесса и нац. безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТСУТСТВИЕ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. *В данной статье автором рассматриваются особенности отказа в возбуждении уголовного дела по такому основанию, как отсутствие события преступления. В процессе исследования автор проводит разграничение между отсутствием события преступления и отсутствием в действиях подозреваемого состава преступления, в результате чего делает вывод о том, что при указании основания нередко допускаются ошибки, приводящие к вынесению неверных решений.*

Ключевые слова: *Отказ в возбуждении уголовного дела, событие преступления, отсутствие события преступления, постановление об отказе.*

MALTSAGOV I.D.,
Associate Professor, Candidate Jurid. n.,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Process and Nat. safety
FSBEI HE "A.A. Kadyrov Chechen State University"

ABSENCE OF A CRIME EVENT AS GROUNDS FOR REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *In this article, the author considers the peculiarities of the refusal to initiate a criminal case on such grounds as the absence of a crime event. In the course of the study, the author distinguishes between the absence of a crime event and the absence of corpus delicti in the actions of the suspect, as a result of which he concludes that when indicating the basis, mistakes are often made that lead to incorrect decisions.*

Key words: *Refusal to initiate a criminal case, crime event, absence of crime event, refusal order.*

Согласно части 1 статьи 24 УПК РФ отсутствием события преступления является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или для прекращения уголовного дела [1]. Отсутствие события преступления подразумевает отсутствие непосредственно факта общественно опасного деяния, т.е. отсутствие самого деяния, которое предполагалось имевшим место. Следовательно, данное основание означает, что установлено отсутствие деяния, в связи с которым поступило сообщение о преступлении.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях само по себе событие, повлекшее неблагоприятные последствие, присутствует (например, такие природные явления как оползни, снежные лавины, обвалы, молнии, дикие животные и др.), однако оно не вызвано действием или бездействием человека, на основании чего также производится отказ в возбуждении уголовного дела. Отказ производится и тогда, когда факты указывают на то, что деяния, послужившего причиной сообщения о преступлении, на самом деле не было [3]. Например, заявитель сделал заведомо ложное сообщение о преступном деянии или же ему показалось, что у него, к примеру, что-то украли, а на самом деле «украденная» вещь лежала в дальнем углу нижнего ящика шкафа.

1. Данные, касающиеся отсутствия преступного события как объективной действительности. Исследователь В.О. Белоносов логично указывает на то, что «в каждом уголовном деле обязательно должна быть однозначная достоверность в установлении фактического наличия события, выступающего основанием для возбуждения уголовного дела».

В целом, такое событие является одним из видов юридических фактов, в результате наступления которых возникают различного рода правоотношения. В этой связи можно говорить о том, что уголовно-правовые отношения априори не могут возникнуть, если такие факты отсутствуют.

В корреспонденции с классифицированием созданий возникновения взглядов уголовно-правового нрава, отсутствие события правонарушения может быть иметься скручено с определенными группами юридических фактов.

2. Речь идёт о реальных обстоятельствах, сложившихся независимо от умысла или поведения лица, несущего уголовную ответственность, которые формируют причинно-следственную связь, влекущую возникновение уголовно-правовых отношений.

Как отмечает учёный А.С. Есина: «Дело возбуждено вследствие наступления события, имевшего место, однако преступного посягательства при этом не произошло» [5].

3. Сведения, свидетельствующие о наличии потенциального события, ставшего основанием для возбуждения уголовного дела, но не позволяющего его продолжить из-за обстоятельств объективного или субъективного характера.

В данном случае речь идет о невозможности установления обстоятельств дела или об их отсутствии в законодательстве. То есть наличествует событие, произошедшее по воле субъекта, находящегося в полном сознании, но в качестве события преступления в уголовном праве оно не рассматривается [5].

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, возбуждение уголовного дела – это начальная и обязательная стадия уголовного судопроизводства (досудебное производство), уголовное дело может быть возбуждено при наличии фактических данных, указывающих в деянии на признаки преступления. Ключевым критерием при квалификации деяния как преступного выступает признак общественной опасности, поскольку именно его наличие позволяет инициировать уголовное преследование [1].

Обстоятельства совершенного деяния не должны содержать данных, указывающих на наличие оснований к отказу в возбуждении уголовного дела (ст. 24 УПК РФ), поскольку в такой ситуации в возбуждении уголовного дела должно быть отказано. Имеется ввиду, что стадия возбуждения уголовного дела выступает в виде своеобразного барьера, исключающего возбуждение уголовного дела и последующее судопроизводство, если в деянии отсутствуют признаки преступления.

Сведения, указывающие на вероятность наступления события, квалифицируемого как преступление и могущего служить основанием для возбуждения уголовного дела, однако невозможного к продолжению из-за объективных или субъективных причин.

В подобной ситуации речь идёт о невозможности установить обстоятельства дела либо об их отсутствии в нормативно-правовой базе. То есть имело место событие, произошедшее по воле лица, находящегося в здравом уме, однако в уголовно-правовой системе оно не трактуется как преступное деяние [5].

Наличие общественной опасности деяния является важнейшим элементом при оценке события преступления, хоть и относится больше к оценочным категориям. Но именно он дает итоговую характеристику совершенного лицом деяния, и в случае определения его как малозначительного позволяет говорить об отсутствии преступления. Однако такое деяние является объектом криминологической практики, как и возбужденное уголовное дело [7]. Это связано с тем, что граница между малозначительностью деяния и преступлением всегда должна устанавливаться согласно УК РФ.

Если деяние не содержит признаков уголовного преступления, оно квалифицируется как гражданско-правовой акт, а само выступает в качестве гражданско-правового деликта. Другими словами, отсутствие у лица, совершившего деяние, умысла или неосторожности исключает квалификацию его поведения как преступления.

4. Факт наказуемости деяния. Возможны частные случаи противоправных действий, в отношении которых в Уголовном кодексе Российской Федерации не предусмотрено конкретного состава того или иного преступления, за совершение которого лицо в обязательном порядке несет наказание. Функция наказуемости связана с обеспечением условий, препятствующих применению уголовного закона по аналогии.

Судебная практика свидетельствует о том, что уголовное дело не возбуждается при отсутствии признаков, указывающих на преступление, при этом его прекращение осуществляется не по п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, касающемуся отсутствия события преступления, а по п. 2 ч. 1 той же статьи — в связи с отсутствием в деянии состава преступления [1]. Такая позиция нашла отражение в научных и учебных изданиях, посвящённых уголовному и уголовно-процессуальному праву, а также поддерживается комментариями к УПК РФ. Считаем, что данная точка зрения является неполной и противоречит ранее изложенным теоретическим положениям. В теории уголовного права особое внимание уделяется признакам

преступления, определяемым в соответствии со ст. 14 УК РФ, а также структуре состава преступления как основанию уголовной ответственности — согласно ст. 8 УК РФ [2].

Имеющиеся противоречия в теории и практике, о которых идет речь, можно устранить посредством законодательного совершенствования [2].

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - ст. 2954.

[3] Арестова Е.Н. Уголовно-процессуальная деятельность полиции: учебное пособие / Е.Н. Арестова, А.С. Есина, О.Е. Жамкова. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 224 с.

[4] Богатова Е.В. Контрольно-надзорная деятельность за законностью отказа в возбуждении уголовного дела / Е.В. Богатова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2016. - №15. - С.7-15.

[5] Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых / Б.Я. Гаврилов // Вестник Московского университета МВД России. - 2016. - №4. - С.31-39.

[6] Есина А.С. Несколько аргументов против отказа в возбуждении уголовного дела как итогового вида процессуального решения / А.С. Есина // Молодой ученый. - 2016. - №25.1. - С.1-2.

[7] Есина А.С. Нуждается ли в сохранении стадия возбуждения уголовного дела? / А.С. Есина, О.Е. Жамкова // Библиотека криминалиста. -2016.- №5. - С.210-216.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 24.12.2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 17.06.1996. - № 25. - Art. 2954.

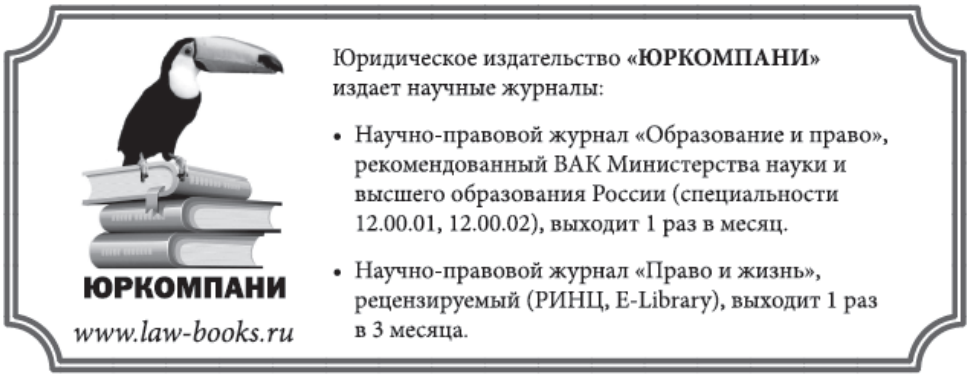
[3] Arestova E.N. Criminal procedural activity of the police: a textbook/E.N. Arestova, A.S. Esina, O.E. Zhamkova. - M.: Yuright Publishing House, 2018. - 224 s.

[4] Bogatova E.V. Control and supervisory activities over the legality of refusal to initiate a criminal case/E.V. Bogatova//Siberian criminal procedural and forensic readings. - 2016. - №15. - S.7-15.

[5] Gavrilov B.Ya. Stage of initiation of a criminal case: opinion of practitioners and scientists/B.Ya. Gavrilov//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. - №4. - S.31-39.

[6] Yesina A.S. Several arguments against the refusal to initiate a criminal case as a final type of procedural decision/A.S. Yesina//Young scientist. - 2016. - №25.1. - S.1-2.

[7] Esina A.S. Does the stage of initiating a criminal case need to be preserved ?/A.S. Esina, O.E. Zhamkova//Forensic Library. -2016. - №5. - P.210-216.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-317-321
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ЦЕЧОЕВ А.Т.,
аспирант, г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ: ОПЫТ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ уголовно-правового регулирования оборота гражданского оружия в России и зарубежных государствах (США, Швейцария, Франция, Германия). Рассматриваются особенности национальных моделей легального оборота оружия, системы разрешительного порядка, основания для привлечения к уголовной ответственности. Особое внимание уделяется соотношению статистических показателей преступлений с применением огнестрельного оружия и степени либерализации оружейного законодательства. На основе сравнительно-правового исследования формулируются предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства с учетом зарубежного опыта, обосновываются пределы и условия адаптации отдельных правовых институтов.*

Ключевые слова: *гражданское оружие, уголовно-правовое регулирование, оборот оружия, зарубежный опыт, сравнительное правоведение, незаконный оборот оружия, разрешительная система.*

TSECHOEV A.T.,
postgraduate student,
Moscow, Russia

CRIMINAL LAW REGULATION OF CIVILIAN WEAPONS CIRCULATION: THE EXPERIENCE OF SELECTED FOREIGN COUNTRIES AND THE POSSIBILITIES OF ITS ADAPTATION IN RUSSIA

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the criminal law regulation of civilian weapons circulation in Russia and foreign countries (USA, Switzerland, France, Germany). The article examines the peculiarities of national models of legal weapons circulation, systems of permitting procedure, and grounds for criminal prosecution. Particular attention is paid to the correlation between statistical indicators of crimes involving firearms and the degree of liberalization of weapons legislation. Based on a comparative legal study, proposals are formulated for improving Russian criminal legislation, taking into account foreign experience, and the limits and conditions for adapting certain legal institutions are substantiated.*

Key words: *civilian weapons, criminal law regulation, weapons circulation, foreign experience, comparative law, illegal weapons trafficking, licensing system, public safety.*

Введение

Оборот гражданского оружия представляет собой сложный межотраслевой правовой институт, находящийся на пересечении административного и уголовного права. Актуальность исследования уголовно-правовых аспектов оборота оружия обусловлена необходимостью поиска оптимального баланса между правом граждан на самозащиту и обеспечением общественной безопасности. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «оружие в большинстве стран мира является предметом, ограниченным в обороте, в связи с его общественной опасностью», однако «люди не могут обойтись без оружия, оно необходимо в военном деле, правоохранительной деятельности, во время охоты» [5, с. 234].

Российская Федерация относится к числу государств с достаточно строгим разрешительным порядком оборота оружия, что подтверждается сравнительно невысокими показателями смертности от огнестрельного оружия. Вместе с тем действующее законодательство содержит

ряд пробелов и противоречий, которые могут быть устранены путем изучения и адаптации успешных зарубежных практик.

Цель настоящего исследования — на основе анализа уголовно-правового регулирования оборота гражданского оружия в зарубежных странах выявить перспективные направления совершенствования российского законодательства с учетом особенностей национальной правовой системы и криминологической обстановки.

Сравнительно-правовой анализ моделей регулирования оборота оружия

Либеральная модель: опыт США и Швейцарии.

Наиболее либеральный подход к обороту гражданского оружия исторически сложился в Соединенных Штатах Америки. Конституционно-правовой основой выступает Вторая поправка к Конституции США, гарантирующая «право народа хранить и носить оружие» [6, с. 79]. Следует учитывать, что американская модель сформировалась под влиянием англосаксонской правовой традиции и исторических особенностей: militia (ополчение) рассматривалась как институт защиты граждан от посягательств и обеспечения общественного порядка.

Статистика демонстрирует прямую корреляцию между либерализацией оборота оружия и количеством преступлений с его применением. Согласно данным, приведенным в научных публикациях, на 100 человек в США приходится 120 единиц огнестрельного оружия [6, с. 80]. При этом смертность от огнестрельного оружия составляет 35 убийств на 1 миллион человек, что является самым высоким показателем среди развитых стран [4, с. 216].

Вместе с тем американский опыт представляет интерес с точки зрения технического регулирования и стандартизации. Как отмечают исследователи, открытость конструкторской документации на стрелковые системы, принимаемые на вооружение, способствует развитию конкуренции и совершенствованию производства [7, с. 25].

Особого внимания заслуживает швейцарская модель регулирования. Швейцария, при сопоставимой с США насыщенности населения оружием (обусловленной системой милиционного ополчения), демонстрирует существенно более низкие показатели преступности. Данный феномен требует отдельного криминологического исследования, однако уже сейчас можно констатировать, что определяющее значение имеет не столько количество оружия, сколько правовая культура населения и эффективность системы контроля.

Рестриктивная модель: опыт Франции и Германии

Континентальная правовая традиция, к которой принадлежит и Россия, характеризуется преобладанием разрешительного порядка оборота оружия с детальной административно-правовой регламентацией. Во Франции и Германии сформированы многоступенчатые системы допуска граждан к оружию, включающие медицинское освидетельствование, проверку благонадежности, экзамены на знание правил обращения [8, с. 159].

Французское законодательство классифицирует оружие по четырем категориям в зависимости от степени опасности, при этом для приобретения наиболее распространенных видов гражданского оружия требуется получение разрешения, действительного на ограниченный срок. Важной особенностью является возможность административного изъятия оружия при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о потенциальной опасности владельца (изменение поведения, злоупотребление алкоголем, семейно-бытовые конфликты).

Немецкий Закон об оружии (Waffengesetz) предусматривает дифференцированный подход к различным категориям приобретателей: охотники, спортсмены, коллекционеры, лица, нуждающиеся в самообороне. Для каждой категории установлены особые требования и объем правомочий. Существенной чертой германской модели является активное взаимодействие правоохранительных органов с психологическими службами, позволяющее выявлять лиц с повышенным риском противоправного поведения.

Сравнительный анализ показывает, что страны с рестриктивной моделью демонстрируют устойчиво более низкие показатели преступлений с применением огнестрельного оружия. Так, Россия с показателем 5,6 убийств на 1 миллион человек занимает позицию между Францией (5,7) и Канадой (5,2) [4, с. 217].

Уголовно-правовая характеристика нарушений правил оборота оружия

Ответственность за незаконный оборот в зарубежных странах

Уголовное законодательство зарубежных государств предусматривает различные подходы к криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом оружия. В США ответственность регулируется как федеральным законодательством, так и законами штатов. Федеральный Закон о контроле над оружием 1968 года устанавливает уголовную ответственность за продажу оружия лицам, не имеющим на это права, за перемещение оружия между штатами с нарушением установленных правил [9, с. 113].

В странах континентальной Европы уголовная ответственность за незаконный оборот оружия традиционно является более строгой. Уголовный кодекс Франции относит незаконное ношение и хранение оружия к преступлениям против общественного порядка и предусматривает наказание до 5 лет лишения свободы. Германское уголовное законодательство дифференцирует ответственность в зависимости от категории оружия и целей его использования [9, с. 114].

Российское уголовное законодательство в сфере оборота оружия

В Российской Федерации основу уголовно-правового регулирования составляют нормы главы 24 Уголовного кодекса РФ («Преступления против общественной безопасности») [3]. Статья 222 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, статья 223 — за незаконное изготовление оружия.

Научное сообщество неоднократно обращало внимание на проблемы правоприменения данных норм. Как отмечается в литературе, существуют проблемы криминалистической идентификации огнестрельного оружия, связанные с термопластическим износом нарезных стволов и изменением следообразующего рельефа в процессе эксплуатации [4, с. 218]. Данные обстоятельства могут препятствовать правильной квалификации преступлений и назначению справедливого наказания.

Федеральный закон «Об оружии» определяет огнестрельное оружие как «предмет, устройство, средство, предназначенное для поражения цели на расстоянии метаемыми снарядами (пулями), получающими направленное движение за счет средств кинетической энергии порохового или иного заряда» [1]. В доктрине уголовного права подчеркивается, что для признания предмета оружием необходимо наличие трех обязательных составных частей: запирающего механизма, ударно-спускового механизма и ствола [5, с. 237].

Возможности адаптации зарубежного опыта в российских условиях

Пределы заимствования правовых институтов

Проблематика адаптации зарубежного опыта уголовно-правового регулирования требует учета ряда факторов, определяющих границы допустимого заимствования. Прежде всего, следует учитывать принадлежность России к континентальной правовой семье с характерной для нее детальной кодификацией и преобладанием публично-правовых начал в регулировании оборота оружия.

Важное значение имеет также криминологическая обстановка и сложившийся уровень правовой культуры населения. Как обоснованно указывается в научной литературе, механическое перенесение зарубежных институтов без учета национальной специфики может привести к негативным последствиям [8, с. 161].

Анализ деятельности Союза российских оружейников свидетельствует о наличии конкретных правовых проблем, требующих законодательного решения. В частности, отмечается необходимость корректировки административных регламентов Росгвардии в части требований о предоставлении свидетельства о допуске транспортного средства к перевозке опасных грузов при транспортировке патронов к гражданскому оружию, поскольку действующее регулирование не в полной мере соответствует Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов [7, с. 27].

Перспективные направления совершенствования законодательства

На основе проведенного сравнительно-правового исследования можно предложить следующие направления совершенствования российского уголовного законодательства в сфере оборота гражданского оружия:

1. Совершенствование механизмов административной преюдиции. В российском законодательстве уже закреплены составы преступлений с административной преюдицией (ст. 284.6 УК РФ), что создает основу для распространения данного подхода на правонарушения в сфере оборота оружия.
2. Внедрение дифференцированных сроков административного запрета на приобретение оружия для лиц, привлекавшихся к ответственности за правонарушения, связанные с нарушением общественного порядка, по аналогии с германским опытом.
3. Уточнение критериев отнесения предметов к оружию с учетом современных технологических особенностей (конструкции на платформе AR-15, изделия со сверловкой Ланкастера и др.). Как показывает практика, производители активно осваивают выпуск оружия на базе открытых платформ, что требует адекватного правового реагирования [7, с. 26].
4. Совершенствование уголовно-процессуальных аспектов изъятия оружия. В рамках круглого стола, проведенного на юридическом факультете МГУ, отмечались проблемы, связанные с оборотом оружия в практике Конституционного Суда РФ [10].

Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов

Ключевым вопросом уголовно-правового регулирования оборота оружия остается поиск оптимального баланса между правом граждан на законное владение оружием (в целях самообороны, охоты, занятий спортом) и необходимостью обеспечения общественной безопасности.

Статистические данные, приведенные в исследовании Б.Ю. Чуваткина, опровергают упрощенную корреляцию между количеством оружия у населения и уровнем преступности. Россия, занимая пятое место по смертности от огнестрельного оружия среди развитых стран, демонстрирует показатели, сопоставимые с Францией и Канадой, при существенно иной насыщенности населения оружием [4, с. 217]. Это свидетельствует о том, что определяющее значение имеет не столько наличие оружия, сколько эффективность системы контроля и правовая культура.

В связи с этим представляется обоснованным вывод о том, что совершенствование уголовно-правового регулирования должно идти не по пути ужесточения или либерализации разрешительной системы, а по пути повышения качества правоприменения и устранения конкретных законодательных пробелов.

Заключение

Проведенный анализ уголовно-правового регулирования оборота гражданского оружия в России и зарубежных странах позволяет сформулировать следующие выводы.

Российская модель регулирования в целом соответствует континентальной правовой традиции и обеспечивает приемлемый уровень контроля за оборотом оружия. Вместе с тем имеются резервы для совершенствования законодательства с учетом зарубежного опыта.

Наиболее перспективными направлениями адаптации зарубежного опыта представляются: совершенствование механизмов административной преюдиции; уточнение критериев отнесения предметов к оружию с учетом технологического развития; оптимизация административных процедур, связанных с оборотом оружия.

При этом необходимо учитывать пределы заимствования, обусловленные особенностями национальной правовой системы, криминологической обстановки и правовой культуры. Механическое перенесение зарубежных институтов без учета российских реалий нецелесообразно и потенциально опасно.

Дальнейшие научные исследования в данной сфере должны быть направлены на разработку конкретных механизмов реализации предложенных направлений совершенствования законодательства и оценку их потенциальной эффективности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

[2] Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 32. Ст. 3878.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Чуваткин Б.Ю. Российская и международная практика оборота огнестрельного оружия. Проблемы криминалистической идентификации огнестрельного оружия // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 3. С. 215-219.

[5] Осташев А.А. Законодательное регулирование оборота оружия в России и зарубежных странах // E-Scio. 2022. № 5 (68). С. 234-241.

[6] Особенности владения огнестрельным оружием и его оборот в России и в зарубежных странах // Ученые заметки ТОГУ. 2021. Т. 12. № 2. С. 78-83.

[7] Дегтярев М. Частное оружейное производство в России: проблемы и перспективы // Калашников. 2025. № 9. С. 24-28.

[8] Климова Е.Л., Муллахметова Н.Е. Правовое регулирование оборота оружия в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительный анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-2 (56). С. 158-162.

[9] Денисович В.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия по законодательству России и зарубежных государств // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 112-116.

[10] Круглый стол «Правовое регулирование торгового оборота гражданского оружия» на юридическом факультете МГУ. 28 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт юридического факультета МГУ. URL:https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_pravovoe_regulirovanie_torgovogo_oborota_grazhdanskogo_oruzhiya__2024-02-29_03_05-8602 (дата обращеу ния: 10.02.2026)

References:

[1] Federal Law of 13.12.1996 No. 150-FZ “On Weapons “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 51. Art. 5681.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 21.07.1998 No. 814 “On measures to regulate the circulation of civilian and service weapons and cartridges for them on the territory of the

Russian Federation "//Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 32. Art. 3878.

[3] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[4] Chuvatkin B.Yu. Russian and international practice of firearms trafficking. Problems of forensic identification of firearms//Gaps in Russian legislation. 2020. № 3. S. 215-219.

[5] Ostashev A.A. Legislative regulation of arms trafficking in Russia and foreign countries//E-Scio. 2022. № 5 (68). S. 234-241.

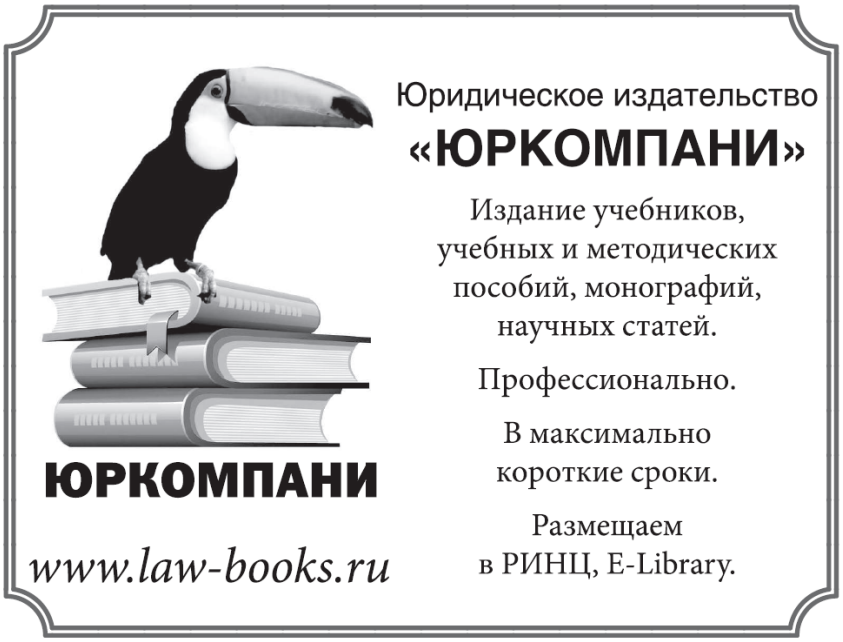
[6] Peculiarities of possession of firearms and their circulation in Russia and in foreign countries// Academic notes of PSU. 2021. VOL. 12. № 2. S. 78-83.

[7] Degtyarev M. Private arms production in Russia: problems and prospects//Kalashnikov. 2025. № 9. S. 24-28.

[8] Klimova E.L., Mullakhmetova N.E. Legal regulation of arms trafficking in the Russian Federation and foreign countries: comparative analysis// International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 5-2 (56). S. 158-162.

[9] Denisovich V.V. Criminal liability for illegal arms trafficking under the legislation of Russia and foreign countries//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. S. 112-116.

[10] Round table "Legal regulation of trade in civil weapons" at the Faculty of Law of Moscow State University. February 28, 2024 [Electronic resource]// Official website of the Faculty of Law of Moscow State University. URL:https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_pravovoe_regulirovanie_torgovogo_oborota_grazhdanskogo_oruzhiya__2024-02-29_03_05-8602 (accessed on: 10.02.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-322-326

БУРХАНОВА Софья Давуровна,
документовед группы документационного обеспечения и осуществления контроля Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: honeyymilk@yandex.ru

МИСНИК Ирина Владиславовна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского, административного и уголовного судопроизводства Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М.Лебедева»,
e-mail: iramis@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу цифровизации уголовного судопроизводства в России, которая прошла путь от фрагментарной компьютеризации отдельных задач до попыток системной трансформации процессуальных форм. Автор характеризует современное состояние как «лоскутную цифровизацию», то есть внедрение технологий в отдельные процедуры без изменения общей логики процесса. На досудебной стадии рассматриваются электронный документооборот, методы киберкриминалистики, программные комплексы «Атлант» и «КСБ», а также единая информационно-телекоммуникационная система органов внутренних дел. Отмечается, что механизмы подачи электронных заявлений о преступлениях в настоящее время не соответствуют уголовно-процессуальному законодательству, что требует внесения изменений в статьи 141, 142 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На судебной стадии анализируется применение видеоконференцсвязи и электронного судопроизводства, а также проблема автоматической компиляции судебных актов, которая снижает качество мотивировочной части и подрывает авторитет судебной власти. Исследуются изменения уголовного законодательства 2025–2026 годов, включая ужесточение ответственности за кибератаки на критическую информационную инфраструктуру по статье 274.1 УК РФ с заменой оценочного понятия вреда на конкретный перечень последствий, введение так называемой «кибер-амнистии», а также новую статью 272.1 УК РФ об обороте персональных данных. Выявляются риски предвзятости алгоритмов искусственного интеллекта на примере американской системы COMPAS, недостаток цифровой компетентности юристов, угрозы неприкосновенности частной жизни. В заключении обосновывается необходимость перехода к стратегическому проектированию цифрового уголовного процесса на основе конституционных принципов состязательности и защиты прав личности.*

Ключевые слова: *цифровизация, уголовный процесс, информационные технологии, критическая информационная инфраструктура (КИИ), искусственный интеллект (ИИ), электронное правосудие, доказательства, права человека.*

BURKHANOVA Sofia Davurovna,
Documentation Specialist,
Documentation Support and Control Group
East Siberian Institute MVD of Russia

MISNIK Irina Vladislavovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil, Administrative, and Criminal Procedure,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

DIGITIZATION IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Annotation. *This article analyzes the digitalization of criminal proceedings in Russia, which has evolved from fragmented computerization of individual tasks to attempts at systemic transformation of procedural forms. The author characterizes the current state as "patchwork digitalization," that is, the introduction of technologies into individual procedures without changing the overall logic of the process. At the pre-trial stage, electronic document management, cyberforensics methods, the Atlant and KSB software systems, and the unified information and telecommunications system of internal affairs agencies are being examined. It is noted that the mechanisms for filing electronic crime reports are currently inconsistent with the criminal procedure context, necessitating amendments to Articles 141, 142, and 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. At the trial stage, the use of videoconferencing and electronic legal proceedings is being analyzed, as well as the problem of automatic compilation of judicial decisions, which reduces the quality of reasoning and undermines the authority of the judiciary. This article examines changes to criminal legislation for 2025–2026, including increased penalties for cyberattacks on critical information infrastructure under Article 274.1 of the Russian Criminal Code, replacing the evaluative concept of harm with a specific list of consequences, the introduction of a so-called "cyber amnesty," and the new Article 272.1 of the Russian Criminal Code on the circulation of personal data. The article identifies the risks of bias in artificial intelligence algorithms, using the example of the American COMPAS system, the lack of digital competence among lawyers, and threats to privacy. The article concludes by substantiating the need for a transition to strategic design of digital criminal proceedings based on constitutional principles of adversarial proceedings and the protection of individual rights.*

Key words*: digitalization, criminal procedure, information technology, critical information infrastructure (CII), artificial intelligence (AI), e-justice, evidence, human rights.*

Цифровизация уголовного судопроизводства в России прошла путь от фрагментарной компьютеризации отдельных задач к попыткам системной трансформации процессуальных форм. Начальный этап цифровизации уголовного процесса характеризовался использованием компьютерных технологий в качестве вспомогательных средств (набор текстов, ведение электронных картотек). Базы данных применялись для хранения информации без изменения процессуальных процедур.

На современном этапе информационные технологии внедряются на всех стадиях уголовного судопроизводства: от регистрации сообщения о преступлении до постановления приговора, а затем и обжалования. В доктрине данное обстоятельство рассматривается как основание для выделения элементов «цифровой процессуальной формы», при этом формирование целостной системы не завершено.

В досудебном производстве цифровизация реализуется в нескольких направлениях. Электронный документооборот замещает бумажные носители, что упрощает хранение материалов уголовного дела, их обработку, передачу между следователями и из органов предварительного расследования в суд. Следствием выступает повышение оперативности процессуальных действий и снижение рисков утраты либо повреждения документов. Наряду с этим в расследовании активно применяются методы киберкриминалистики: анализ цифровых следов, метаданных, данных с видеокамер. Указанные методы приобретают ключевое значение при расследовании преступлений, совершаемых в условиях высокого уровня цифровизации.

Разрабатываются и модернизируются программные продукты, автоматизирующие процессуальные действия, преимущественно на стадии возбуждения уголовного дела. К их числу относятся: программный комплекс «Атлант» (автоматизация делопроизводства в органах внутренних дел — регистрация заявлений, ведение журналов учёта, формирование статистики); ПК «КСБ» (криминалистическое сопровождение безопасности) — для работы с цифровыми следами и изъятия информации с носителей. Единая информационно-телекоммуникационная система (ЕИТКС) органов внутренних дел обеспечивает сквозной электронный документооборот и межподразделенческое взаимодействие, ускоряя передачу материалов.

В научной литературе отмечается несоответствие механизма подачи заявлений о преступлениях в электронной форме уголовно-процессуальному закону, что требует внесения изменений в ст. 141, 142 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, необходимо разработать более детальные требования к оформлению электронных заявлений.

На судебных стадиях цифровизация реализуется в нескольких формах. Следует отметить, что дистанционное участие путем использования видеоконференц-связи (ВКС) разрешено уже на досудебной стадии — статья 189.1 УПК РФ. В судебных инстанциях ВКС также применяется,

что способствует процессуальной экономии. В ст. 241.1 УПК РФ закреплена возможность участия подсудимого в судебном заседании с использованием ВКС, за исключением рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Общей статистики по применению ВКС в уголовных делах в открытом доступе нет. На сайте Судебного департамента при Верховном суде, например, данные разрозненные или отсутствуют.

С 2026 года в рамках сервиса «Правосудие онлайн» и «Подача документов в суд в электронном виде» на Едином портале государственных услуг реализована возможность направления в суды общей юрисдикции и мировым судьям процессуальных документов, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ходатайств, жалоб, возражений, заявлений и др.) [11]. Доступ к сервису предоставляется совершеннолетним гражданам, имеющим подтверждённую учётную запись в ЕСИА и усиленную квалифицированную электронную подпись; допускается подача документов как от своего имени, так и в качестве представителя другого лица. Данный механизм направлен на сокращение сроков документооборота и минимизацию необходимости личного посещения судебных органов.

Электронное судопроизводство — это ведение дела в специализированной программной среде. Считается, что так правосудие становится прозрачнее и доступнее. Судебные акты тоже оформляют в цифре. На практике бывает по разному: иногда приговор просто механически компилируют из обвинительного заключения, а иногда дело ведут в электронном виде от возбуждения уголовного дела до исполнения приговора.

Проблема такой «компиляции», на которую справедливо указывает Р.Г. Бикмиев [3], в том, что страдает описательно-мотивировочная часть. А значит, падает и авторитет судебной власти. На это стоит обратить внимание и продумать меры, чтобы правоприменители не просто копировали текст, а давали развёрнутую аргументацию.

Таким образом, сегодняшнее состояние можно назвать «лоскутной цифровизацией». Технологии встраивают в отдельные процедуры, но общая логика процесса не меняется. Из за этого часто всё сводится к формальностям и возникают новые риски [12].

Государство отвечает на цифровые вызовы жёстко — ужесточает уголовную ответственность в сфере информационной безопасности. Это, в свою очередь, меняет контекст всего уголовного судопроизводства. Например, в январе 2026 года Госдума РФ приняла в первом чтении законопроект, который уточняет состав преступления по статье 274.1 УК РФ.

Ключевое изменение — замена оценочного понятия «причинение вреда» на исчерпывающий перечень последствий: уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации в КИИ. Это направлено на унификацию судебной практики и более эффективное противодействие кибератакам на жизненно важные объекты энергетики, транспорта, здравоохранения и финансов. Законопроект также вводит «кибер-амнистию» для сотрудников, нарушивших правила эксплуатации КИИ, но способствовавших раскрытию преступления, что создает новый процессуальный стимул для сотрудничества со следствием.

Параллельно ФСБ России разработала пакет нормативных актов, вступающих в силу в 2026 году, которые устанавливают для субъектов КИИ режим непрерывного взаимодействия с государственной системой обнаружения атак (ГосСОПКА). Новые правила предписывают в срок до 3 часов информировать о компьютерных инцидентах на значимых объектах КИИ, а также предоставлять планы реагирования и отчитываться о принимаемых мерах. Это трансформирует роль следователя и дознавателя в делах о преступлениях против КИИ, требуя от них работы с массивом технических данных и оперативных отчетов, поступающих в режиме реального времени.

С декабря 2024 года введена в действие ст. 272.1 УК РФ. Изначально направленная против создателей Telegram-ботов для «пробива» информации, статья получила чрезвычайно широкое применение. К уголовной ответственности по ст. 272.1 УК РФ привлекаются, в частности, рядовые сотрудники салонов связи. Основание — передача через мессенджеры даже небольших массивов персональных данных. По оценкам экспертов, данная норма сконструирована как абстрактные формулировки позволяют правоприменителю квалифицировать как уголовно наказуемое деяние практически любое нарушение в сфере персональных данных. Отсутствие чётких критериев разграничения между административным правонарушением и уголовным преступлением в сфере оборота персональных данных ведёт к неоднозначности правоприменения. Для субъектов предпринимательской деятельности это сопряжено с дополнительными рисками. Для судебной системы — с увеличением количества уголовных дел.

Цифровизация юридической деятельности зачастую ограничивается переносом существующих бюрократических процедур в электронную среду без их содержательной оптимизации. Один из распространённых случаев — автоматическое копирование текста обвинительного заключения

в приговор. Данная практика исключает необходимость самостоятельного анализа доказательств судом, что противоречит принципам справедливого судопроизводства. Р.Г. Бикмиев отмечает необходимость корректировки такого подхода [3].

Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации статей 272.1 и 274.1 наделяет следственные органы расширенными полномочиями по собиранию цифровых доказательств. Отсутствие надлежащих процессуальных фильтров создаёт предпосылки для нарушения прав личности и ослабления принципа состязательности сторон. Допускается формирование цифровых досье на граждан, что ставит под угрозу неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность персональных данных.

Применение искусственного интеллекта в юридической практике сопряжено с рисками. Анализ зарубежного опыта, в частности системы COMPAS (США), свидетельствует о подверженности алгоритмов предвзятости вследствие нерепрезентативных обучающих выборок и недостаточной прозрачности. Доверие к результатам таких систем без критической проверки вступает в противоречие с принципом персональной ответственности судей и следователей, что снижает качество правосудия.

Недостаточная цифровая компетентность правоприменителей ведёт либо к игнорированию цифровых доказательств, либо к их некритическому восприятию. Указанное обстоятельство негативно отражается на качестве правосудия и создаёт риски для объективного рассмотрения дел.

Для эффективного внедрения цифровых технологий требуется комплексная правовая модель, охватывающая все аспекты электронного уголовного дела. Возможные решения видятся в принятии цифрового процессуального кодекса либо отдельного федерального закона. В таком акте необходимо регламентировать идентификацию участников с использованием квалифицированной электронной подписи, порядок обжалования электронных судебных решений, требования к кибербезопасности процесса. Искусственный интеллект должен использоваться только как вспомогательный инструмент: анализ больших массивов данных, выявление закономерностей. Принятие процессуальных решений, затрагивающих права и свободы граждан, остаётся прерогативой человека. Алгоритмы ИИ подлежат обязательной сертификации на предмет предвзятости и потенциальных ошибок.

Защита прав личности — приоритетная задача. Необходимо законодательно определить критерии допустимости цифровых доказательств, расширить право на участие IT-специалистов со стороны защиты, установить строгий судебный порядок санкционирования скрытых электронно-цифровых следов [13]. Для преодоления цифрового разрыва требуется масштабная переподготовка юридических кадров, разработка специализированных образовательных программ по цифровой криминалистике и киберправу. Без этих мер технологическая модернизация остаётся декларативной.

Цифровизация уголовного судопроизводства России находится на переломном этапе. Пройден путь от механизации рутинных операций до признания цифровой информации объектом уголовно-правовой защиты и процессуального доказывания. Однако реактивное ужесточение уголовного закона и фрагментарное внедрение технологий опережают формирование сбалансированной процессуальной доктрины.

Задача состоит в том, чтобы цифровизация служила не только целям эффективности и безопасности государства, но и укрепляла гарантии прав личности, состязательность, справедливость суда. Необходим переход от лоскутной оптимизации к стратегическому проектированию цифрового уголовного процесса на основе конституционных принципов. Технологии не должны полностью заменять человека. Требуется гибридная система, в которой технологии усиливают аналитические возможности юриста, а правовая культура и процессуальные гарантии предотвращают технологические ошибки и авторитарные риски. Следующий шаг — широкое профессиональное и общественное обсуждение этико-правовых рамок цифровизации, результаты которого должны лечь в основу системной законодательной реформы.

Список литературы:

[1] Гусева И., Ионова А. Цифровизация уголовного процесса в современных условиях // Цифровые технологии и право. 2025. № 1(2). С. 89–92.

[2] Клименкова Е. М., Зиновьева Д. В. Использование современных технологий в уголовном процессе: возможности и риски // Молодой ученый. 2025. № 22 (573). С. 418-420.

[3] Бикмиев Р. Г. Цифровизация судебных решений: перспективы и риски // Наука для практиков. 2026.

[4] Арзуманян А. Э. Системы искусственного интеллекта в уголовном процессе США: опыт применения и правовое регулирование // Полицейская деятельность. 2026. № 1. С. 1-15.

[5] Моругина Н. А. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства России и зарубежных стран: монография. – М.: Норма, 2026. – 208 с.

[6] Госдума ужесточила ответственность за кибератаки на КИИ // ВКирове.ру. 2026. 27 января.

[7] Электронный уголовный процесс: учебник для вузов / ответственные редакторы С. В. Зуев, Н. А. Моругина. – М. : Юрайт, 2026. – 404 с.

[8] Новые правила кибербезопасности для КИИ от ФСБ на 2026 год: обзор изменений // ICT-Online. 2026. 27 января.

[9] ФСБ разработала проект по непрерывному регулированию кибератак // Коммерсантъ. 2025. 18 ноября.

[10] Применение технологий в уголовном процессе: проблемы и перспективы // Научный лидер. 2024. № 21(171).

[11] Официальный сайт Госуслуг. Подача процессуальных документов в суд в рамках уголовного судопроизводства : [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gosuslugi.ru (дата обращения: 16.04.2026). – Текст : электронный.

[12] Моругина, Н. А. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства России и зарубежных стран : монография / Н. А. Моругина. — Москва : Норма, 2026. — 208 с. — DOI 10.12737/2223615. - ISBN 978-5-00156-461-4. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2223615 (дата обращения: 16.04.2026).

[13] Смахтин, Е. В. Сокрытие электронно-цифровых следов как способ противодействия расследованию преступлений / Е. В. Смахтин, М. М. Льянов // Технологии XXI века в юриспруденции : Материалы Пятой международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 19 мая 2023 года. – Екатеринбург: АНО «Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб»», 2023. – С. 195-203 (дата обращения: 12.05.2026).

References:

[1] Guseva I., Ionova A. Digitalization of Criminal Procedure in Modern Conditions // Digital Technologies and Law. 2025. No. 1 (2). pp. 89–92.

[2] Klimenkova E. M., Zinovieva D. V. Use of Modern Technologies in Criminal Procedure: Opportunities and Risks // Young Scientist. 2025. No. 22 (573). pp. 418–420.

[3] Bikmiev R. G. Digitalization of Court Decisions: Prospects and Risks // Science for Practitioners. 2026.

[4] Arzumanyan A. E. Artificial Intelligence Systems in US Criminal Procedure: Experience of Application and Legal Regulation // Police Activity. 2026. No. 1. pp. 1–15.

[5] Morugina, N. A. Digital Transformation of Criminal Procedure in Russia and Foreign Countries: Monograph. Moscow: Norma, 2026. 208 p.

[6] The State Duma has tightened penalties for cyberattacks on critical information infrastructure // VKirov.ru. January 27, 2026.

[7] Electronic Criminal Procedure: Textbook for Universities / Editors-in-Chief S. V. Zuev, N. A. Morugina. Moscow: Yurait, 2026. 404 p.

[8] New Cybersecurity Rules for Critical Information Infrastructure from the FSB for 2026: An Overview of Changes // ICT-Online. January 27, 2026.

[9] The FSB has developed a project for the continuous regulation of cyberattacks // Kommersant. November 18, 2025.

[10] Application of technologies in criminal proceedings: problems and prospects // Scientific leader. 2024. No. 21(171).

[11] Official website of State Services. Filing procedural documents with the court in criminal proceedings: [Electronic resource]. – URL: https://www.gosuslugi.ru (date of access: 16.04.2026). – Text: electronic.

[12] Morugina, N. A. Digital transformation of criminal proceedings in Russia and foreign countries: monograph / N. A. Morugina. - Moscow: Norma, 2026. - 208 p. - DOI 10.12737/2223615. - ISBN 978-5-00156-461-4. - Text: electronic. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2223615 (date of access: 04/16/2026).

[13] Smakhtin, E. V. Concealing electronic digital traces as a way to counteract the investigation of crimes / E. V. Smakhtin, M. M. Lyanov // Technologies of the 21st century in jurisprudence: Proceedings of the Fifth international scientific and practical conference, Yekaterinburg, May 19, 2023. - Yekaterinburg: ANO “Center for Assistance to the Development of Forensic Science” CrimLib “, 2023. - P. 195-203 (date of access: 12.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-327-330
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,
зав. кафедрой, к.э.н. доцент «Уголовное право, процесс и национальная безопасность Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, e-mail: k-a-2011@mail.ru

ТЕПСУЕВ М.С.,
доцент кафедры права Чеченского государственного педагогического университета, к.и.н., доцент, e-mail: Tepsuev90@mail.ru

О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ

Аннотация. *Основное внимание уделяется ключевым принципам: законности, состязательности, презумпции невиновности, гласности и права на защиту. Автор использует комплекс методов, включая догматический, сравнительно-правовой и социологический анализ, а также изучает судебную практику Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Автор подчеркивает необходимость реформ для усиления процессуальных гарантий: расширение судебного контроля на досудебном этапе, цифровизацию правосудия с учётом принципа непосредственности. В работе обосновывается важность адаптации уголовного процесса к современным вызовам через гармонизацию законодательства с международными стандартами и профессиональное обучение участников судопроизводства.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, досудебное производство, постсудебные стадии, принципы права, УПК РФ, состязательность сторон, презумпция невиновности, правоприменительная практика.*

AYSKHANOVA Ekaterina Sultanovna,
Head of Department, PhD in Economics, Associate Professor, "Criminal Law, Procedure, and National Security", Chechen State University named after A.A. Kadyrov

TEPSUEV M.S.,
Associate Professor, Department of Law, Chechen State Pedagogical University, PhD in History, Associate Professor

ON THE PRINCIPLES OF CRIMINAL JUSTICE AT THE PRE-TRIAL STAGE

Annotation. *The main focus is on the key principles of legality, competitiveness, presumption of innocence, transparency and the right to defense. The author uses a range of methods, including dogmatic, comparative legal and sociological analysis, and also studies the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The author emphasizes the need for reforms to strengthen procedural guarantees: the expansion of judicial control at the pre-trial stage, the digitalization of justice, taking into account the principle of immediacy. The paper substantiates the importance of adapting the criminal process to modern challenges through the harmonization of legislation with international standards and professional training of participants in legal proceedings.*

Key words: *criminal proceedings, pre-trial proceedings, post-trial stages, principles of law, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, adversarial nature of the parties, presumption of innocence, law enforcement practice.*

Принципы уголовного судопроизводства представляют собой системообразующие идеи, определяющие содержание и структуру уголовного процесса. «По мнению И.Л. Петрухина, принципы являются неотъемлемыми элементами правовой системы, отражающими ценности и установки, на которых строится деятельность правосудия» [1, с. 12]. Они закреплены в Конституции Российской Федерации, а также в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и обладают нормативной природой. Принципы направлены на обеспечение справедливости, законности и правовой определённости в уголовном процессе. Они играют фундаментальную роль в регулировании процессуальной деятельности и формировании правосознания участников процесса.

Принципы уголовного судопроизводства принято делить на две группы: общеправовые и специальные. Общеправовые принципы имеют универсальное значение и применимы ко всем отраслям права. К ним, прежде всего, относятся принцип законности и уважения чести и достоинства личности. Принцип законности предполагает, что все участники уголовного процесса, включая суд, органы предварительного следствия и дознания, обязаны строго соблюдать требования закона. Данный принцип отражён в статье 1 УПК РФ и обеспечивает устойчивость и предсказуемость правоприменения. Принцип уважения чести и достоинства личности гарантирует гуманистический подход к уголовному преследованию и основан на положениях статьи 21 Конституции РФ. Он призван исключить унижение личности, применение пыток, жестокое и унижающее обращение.

К числу специальных принципов относятся состязательность сторон и презумпция невиновности. Принцип состязательности предполагает равноправие сторон обвинения и защиты, предоставление им равных процессуальных возможностей для изложения своей позиции, представления доказательств и опровержения доводов противоположной стороны. Этот принцип зафиксирован в статье 15 УПК РФ и обеспечивает баланс интересов в уголовном процессе. Презумпция невиновности, в свою очередь, означает, что лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда. Указанный принцип имеет конституционное значение (статья 49 Конституции РФ) и является гарантом защиты от произвола со стороны государства.

Значение принципов уголовного судопроизводства трудно переоценить. Они являются гарантиями защиты прав и свобод личности, а также служат инструментом ограничения государственного вмешательства в частную жизнь. «Как отмечает С.А. Шейфер, именно принципы формируют основу правового статуса личности в процессе и обеспечивают реализацию демократических начал правосудия» [2, с. 37]. Кроме того, принципы способствуют обеспечению эффективности правосудия, создают условия для объективного и беспристрастного рассмотрения уголовных дел. Их соблюдение укрепляет доверие общества к судебной системе и государственным институтам.

Необходимость строгого соблюдения принципов подтверждается как теоретическим осмыслением, так и практикой Конституционного Суда РФ. «Например, в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П Конституционный Суд подчеркнул недопустимость нарушения принципа презумпции невиновности даже в условиях чрезвычайных ситуаций» [3]. Это свидетельствует о том, что принципы обладают высшей юридической силой и не могут быть произвольно ограничены. Они служат критерием конституционности нормативных правовых актов и обеспечивают правовую устойчивость уголовного процесса.

Таким образом, принципы уголовного судопроизводства представляют собой нормативные основания, направленные на защиту интересов личности и государства. Общеправовые принципы обеспечивают соответствие уголовного процесса основам правового государства, а специальные принципы создают процессуальные условия для справедливого и объективного судебного разбирательства. В совокупности они формируют теоретико-правовой каркас уголовного судопроизводства и обеспечивают его демократический и правозащитный характер. Их реализация в практике правоприменения требует постоянного внимания и совершенствования правовых механизмов.

Нормативно-правовая база реализации принципов уголовного судопроизводства представляет собой комплекс национальных и международных актов, обеспечивающих правовую основу функционирования уголовного процесса в Российской Федерации. Центральное место в этой системе занимает Конституция Российской Федерации. В частности, статья 49 Конституции закрепляет принцип презумпции невиновности, устанавливая, что обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке. Кроме того, статья 123 гарантирует состязательность и равноправие сторон в судебном разбирательстве, что является важнейшей гарантией справедливого судопроизводства. Конституционные нормы определяют вектор развития всего уголовно-процессуального законодательства и подлежат непосредственному применению.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) также играет ключевую роль в нормативной регламентации принципов. Глава 2 УПК РФ содержит перечень и содержание основополагающих принципов уголовного судопроизводства. В частности, статья 7 закрепляет принцип законности, статья 14 — презумпцию невиновности, статья 15 — состязательность сторон. Эти положения конкретизируют конституционные нормы и устанавливают механизм их практического применения в уголовном процессе. «Как подчеркивает профессор Ю.Н. Белозеров, именно законодательная фиксация принципов в УПК РФ позволяет обеспечить правовую определенность и предсказуемость действий участников процесса» [4, с. 26].

Особую роль в реализации и толковании принципов играют разъяснения высших судебных инстанций, прежде всего Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ № 19 от 27 июня 2013 года «О применении законодательства, регулирующего участие защитника в уголовном судопроизводстве» подчеркивается значимость соблюдения принципа состязательности. Пленум обращает внимание на необходимость предоставления защитнику реальных возможностей для осуществления защиты, включая ознакомление с материалами дела, участие в следственных действиях и представление доказательств. В документе указывается, что нарушение этих положений ведет к ограничению права на защиту и может повлечь признание доказательств недопустимыми.

Верховный Суд также последовательно разъясняет применение принципа презумпции невиновности. В Постановлении Пленума № 55 от 29 ноября 2016 г. «О применении судами норм, регулирующих апелляционное производство» подчеркивается недопустимость возложения обязанности доказывания на обвиняемого. Позиции Пленума являются обязательными для нижестоящих судов и направлены на обеспечение единообразия правоприменительной практики. «Как отмечает А.В. Смирнов, правовые позиции высших судов выполняют функцию интерпретации норм права в свете принципов и обеспечивают баланс между интересами личности и государства» [5, с. 19].

Нормативно-правовая база реализации принципов уголовного судопроизводства включает в себя Конституцию РФ, международные акты, УПК РФ и акты высших судебных инстанций. Эта многоуровневая система обеспечивает комплексную защиту прав и свобод личности, а также способствует укреплению законности и правопорядка. Взаимосвязь различных уровней регулирования позволяет адаптировать уголовный процесс к изменяющимся условиям и вызовам современного общества. Эффективное применение нормативной базы требует, как грамотного правоприменения, так и высокого уровня профессионализма представителей судебной системы. Только при условии согласованности и последовательности всех элементов нормативного механизма можно гарантировать справедливость уголовного судопроизводства.

Реализация принципов уголовного судопроизводства на досудебной стадии имеет ключевое значение для обеспечения справедливости и законности всего процесса. Одним из фундаментальных принципов является принцип законности, который требует строгого соблюдения установленной законом процедуры при возбуждении уголовного дела. Согласно статье 140 УПК РФ, уголовное дело может быть возбуждено только при наличии достаточных поводов и оснований, указанных в законе. Однако на практике часто встречаются случаи формального подхода к оценке материалов доследственной проверки, что может привести к необоснованному возбуждению дела. «Как отмечает В.А. Лазарев, пренебрежение к законодательно установленным требованиям подрывает доверие к следственным органам и правосудию в целом» [6, с. 33].

Не менее важным является соблюдение принципа презумпции невиновности, особенно в контексте медийного освещения уголовных дел. Согласно статье 14 УПК РФ, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Тем не менее, в современных условиях нередко происходят утечки информации о подозреваемых в СМИ, что приводит к формированию у общественности предвзятого мнения еще до вынесения приговора. Это явление получило название «медийного осуждения» и является одной из форм нарушения презумпции невиновности. «Как подчеркивает А.В. Наумов, подобные нарушения могут оказывать давление не только на суд, но и на следственные органы, создавая угрозу справедливому разбирательству» [7, с. 51].

Принцип права на защиту также подвергается испытаниям на досудебной стадии. Несмотря на то что статья 49 УПК РФ гарантирует подозреваемому право на защитника с момента задержания или возбуждения дела, на практике реализовать это право бывает непросто. В ряде случаев адвокаты сталкиваются с ограничением доступа к материалам дела, особенно на ранних стадиях расследования. Анализ судебной практики Московского городского суда показывает, что нарушения прав защитников становятся основанием для признания доказательств недопустимыми и прекращения дел. Это свидетельствует о значении ранней и полноценной реализации права на защиту в целях предотвращения судебных ошибок и произвола.

Список литературы:

[1] Петрухин И.Л. Судебная власть и уголовное судопроизводство. – М.: Норма, 2007. – 328 с.

[2] Шейфер С.А. Принципы уголовного процесса: правовая природа и классификация // Государство и право. – 2021. – № 10. – С. 36–41.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 15 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Г.А. Осипова» // Российская газета. – 2003. – № 250.

[4] Белозеров Ю.Н. Основы уголовного процесса: учебник. — М.: Юрайт, 2020. — 416 с.

[5] Смирнов А.В. Судебная практика и принципы уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. — 2021. — № 5. — С. 18–23.

[6] Лазарев В.А. Общая теория права и государства: учебник. — М.: Юристъ, 2021. — 480 с.

[7] Наумов А.В. Презумпция невиновности и современные угрозы уголовному правосудию // Государство и право. — 2020. — № 3. — С. 49–55.

References:

[1] I.L. Petrukhin. Judicial power and criminal proceedings. - M.: Norma, 2007. - 328 s.

[2] Shafer S.A. Principles of Criminal Procedure: Legal Nature and Classification//State and Law. – 2021. – № 10. - S. 36-41.

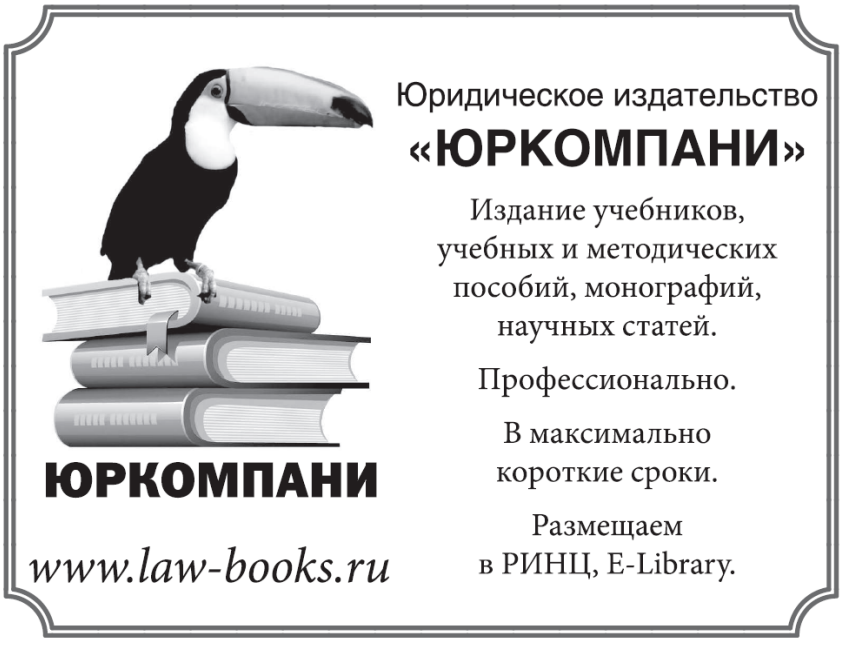
[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003 No. 18-P “In the case of checking the constitutionality of part 2 of article 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.A. Osipov “//Rossiyskaya Gazeta. – 2003. – № 250.

[4] Yu.N. Belozerov. Fundamentals of the criminal process: textbook. - M.: Yurayt, 2020. - 416 s.

[5] Smirnov A.V. Judicial practice and principles of criminal procedure//Criminal proceedings. — 2021. — № 5. - S. 18-23.

[6] Lazarev V.A. General theory of law and state: textbook. - M.: Lawyer, 2021. - 480 s.

[7] Naumov A.V. Presumption of innocence and modern threats to criminal justice//State and law. — 2020. — № 3. - S. 49-55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-331-334
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru,

АДАПТАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Аннотация*. В статье рассматривается вопрос адаптации и ресоциализация осужденных после освобождения из мест лишения свободы.*

Ключевые слова*: межличностное взаимодействие, осужденные, рецидив, ресоциализация, адаптация.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

ADAPTATION AND RE-SOCIALIZATION OF CONVICTS AFTER RELEASE

Annotation*. The article considers the issue of adaptation and resocialization of convicts after release from prison.*

Key words: *interpersonal interaction, convicts, relapse, resocialization, adaptation.*

В современных условиях массовой криминализации общества невозможно игнорировать тот факт, что большая часть осужденных к лишению свободы, тем или иным образом оказалась в ситуации приобретения криминального опыта - в деятельности, в общении, в условиях жизнедеятельности. В силу этого перед российской пенитенциарной системой стоит задача не только по исполнению наказания, но и по исправлению осужденных. От эффективности выполнения последней задачи зависит адаптация и ресоциализация человека после освобождения и, следовательно, возможность рецидива преступления.

На практике жизнь осужденных в колонии проходит в отрядах, многочисленных группах. Учитывая это можно предположить, что межличностные отношения в группе имеют свои особенности и оказывают значительное влияние на становление личности. Значит, межличностные отношения существенно влияют на возможность рецидива преступления и, в конечном счете, на жизнь человека после освобождения из мест заключения в целом. Актуальность работы продиктована рядом существенных причин практического и теоретического характера. Знание социально-психологической специфики межличностного взаимодействия в трудовом коллективе выступает существенной предпосылкой решения ряда важнейших социально-экономических задач, стоящих на современном этапе общественного развития. К их числу можно отнести такие, как разработка средств совершенствования психологического климата в трудовом коллективе, оптимизация методов руководства коллективом, выявление факторов, влияющих на повышение эффективности совместной деятельности и стабилизацию его кадрового состава. Решение этих задач настоятельно требует разработки единых теоретических и методических принципов социально-психологического анализа межличностного взаимодействия.

Анализ литературы свидетельствует, что доминирующими направлениями исследований проблем психологии являются изучение особенностей межличностного отношения. Анализ научных источников показывает, что проблема деструктивных проявлений в межличностном общении осужденных с точки зрения психодинамического подхода приобретает все больший интерес в современной психологической науке. За рубежом активизации научного интереса деструктивных проявлений в межличностном общении осужденных в рамках психодинамиче-

ского подхода способствовали публикации известных психологов Э. Берна, Л. Вёрмсера, Ст. Грофа, Г. Кристала, А. Менегетти, Э. Ханзяна, Н. Пезешкиана, Б. Сегала и др.

Современная концепция психодинамики в юридической психологии представлена в работах таких ученых как Д.В. Сочивко, Ю.Ю. Красикова, Е.Е. Гаврина и др. Объект исследования – психологические особенности межличностных отношений осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ. Предмет исследования − деструктивные проявления межличностного общения осужденных, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ. Цель исследования - изучение формирования деструктивных проявлений осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ, и разработка практических рекомендаций по предупреждению формирования деструктивных проявлений.

Задачи исследования:

1. Провести анализ подходов к исследованию проблем межличностных отношений осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ.
2. Изучить понятийный аппарат по проблеме межличностных отношений осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ.
3. Разработать и обосновать комплекс методов исследования, формирования деструктивного поведения межличностных отношений осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ.
4. Анализ эмпирического исследования межличностных отношений в среде осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ
5. Разработать и апробировать практические рекомендации по предупреждению формирования деструктивного поведения осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имевших опыт употребления наркотических и психотропных веществ

Выделенные объект, предмет, цель и задачи исследования позволили выдвинуть гипотезу исследования: осужденные, имеющие опыт употребления наркотических и психотропных веществ, в целом проявляют меньшую активность в межличностном общении по разным направлениям, основанную на неуверенности в себе и повышенной агрессивности.

Данное исследование проводилось в три этапа. В рамках первого этапа проводился анализ отечественных и зарубежных подходов к исследованию изучаемой проблемы. Второй этап направлен на анализ эмпирического исследования межличностных отношений в среде осужденных. В рамках третьего этапа исследования разработаны практические рекомендации по предупреждению формирования деструктивных проявлений осужденных.

Осужденные, имеющие опыт употребления, наркотических и психотропных веществ проявляют высокое стремления к вовлечению в общение, его контролю, т.е. выполнении активных ролей в межличностном общении. Однако удовлетворения от общения они не получают, аффективность их общения существенно снижена. Для реализации своих потенциалов межличностного общения осужденным, употребляющим наркотические и психотропные вещества, не хватает побудительных сил «красного типа поведения» (говоря словами М. Люшера) и преобладания «страха переразражения» в общении. Осужденным, имеющим опыт применения, наркотических и психотропных веществ, свойственна большая неуверенность в себе, ощущение неудовлетворенности своих социальных запросов.

Научная новизна данного исследования обусловлена сравнительным анализом психологических проблем изучения формирования деструктивного поведения, взаимосвязей данных психологических особенностей с рядом других психологических характеристик личности осужденных.

Теоретическая значимость. Полученные в ходе исследования данные расширяют представления о феномене деструкция, о его весе и роли в межличностных отношениях между осужденными, в целом, содержательно раскрывая проблематику нашего исследования, так же внося вклад в уже имеющиеся знания по вопросам психологии осужденных и детерминант, оказывающих влияние на формирование деструктивных проявлений у осужденных.

Практическая значимость. Материалы, полученные в результате исследования, могут быть использованы практическими психологами исправительных учреждений при разработке коррекционных программ для осуждённых, а также для занятий по повышению уровня психологической компетентности сотрудников и составлении практических рекомендаций.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[16] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[18] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on

the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[14] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[15] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[16] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[18] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-335-341

КОПЫЛОВА Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и
прикладная информатика в юриспруденции»
Тамбовский государственный технический университет,
e-mail: op.kop1965@mail.ru

МЕДВЕДЕВА Светлана Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и прикладная
информатика в юриспруденции»
Тамбовский государственный технический университет,
e-mail: sv-medvedeva@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анастасия Александровна,
студент кафедры «Уголовное право и
прикладная информатика в юриспруденции»
Тамбовский государственный технический университет,
e-mail: n.strelnikova06@yandex.ru

ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ СХЕМЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье представлен криминологический и уголовно-правовой анализ телефонного мошенничества в Российской Федерации в 2024–2025 годах. Анализируются статистические данные МВД и ЦБ РФ, психологические механизмы воздействия на жертв, а также кейсы из следственной практики г. Тамбова, демонстрирующие уязвимость различных социальных групп. Критически оцениваются эффективность профилактических мер и причины низкой раскрываемости преступлений. Рассматриваются законодательные новеллы 2024–2025 гг. – самозапрет на кредиты, «период охлаждения», уведомление родителей о действиях несовершеннолетних – и их потенциал в противодействии мошенничеству. Обосновывается необходимость усиления ответственности банков и операторов связи, внедрения систем мониторинга подозрительных операций, а также расширения программ повышения цифровой грамотности населения. Предложен комплекс мер по совершенствованию методики расследования и профилактики киберпреступлений.*

Ключевые слова: *телефонное мошенничество, киберпреступность, искусственный интеллект, уголовная ответственность, профилактика преступлений, банковское мошенничество, цифровая безопасность, правоохранительная деятельность, психологическое воздействие, расследование преступлений.*

KOPYLOVA Olga Petrovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Criminal Law and
Applied Informatics in Jurisprudence» Tambov State Technical University

MEDVEDEVA Svetlana Valentinovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Criminal Law and
Applied Informatics in Jurisprudence»
Tambov State Technical University

STRELNIKOVA Anastasia Aleksandrovna,
Student of the Department
«Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence»
Tambov State Technical University

PHONE SCAMMING: MODERN SCHEMES AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Annotation. *The article presents a criminological and criminal law analysis of telephone fraud in the Russian Federation in 2024-2025. The statistical data of the Ministry of Internal Affairs and the Central Bank of the Russian Federation, psychological mechanisms of influence on victims, as well as cases from the investigative practice of Tambov, demonstrating the vulnerability of various social groups. The effectiveness of preventive measures and the reasons for the low crime detection rate are critically assessed. The legislative amendments of 2024-2025 are being considered. – self–locking on loans, a «cooling-off period», notification of parents about the actions of minors - and their potential in countering fraud. The article substantiates the need to strengthen the responsibility of banks and telecom operators, introduce systems for monitoring suspicious transactions, as well as expand programs to improve digital literacy of the population. A set of measures is proposed to improve the methods of investigation and prevention of cybercrime.*

Key words: *telephone fraud, cybercrime, artificial intelligence, criminal liability, crime prevention, banking fraud, digital security, law enforcement, psychological impact, crime investigation.*

Современный этап развития общества характеризуется полной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в банковскую сферу, государственное управление и элементарное общение граждан создало почву для развития киберпреступности. В работе И. В. Романовой и Т. М. Лаврик подчеркивается, что применение цифровых технологий трансформирует традиционные социально-экономические отношения, создавая новые уязвимости, которые активно эксплуатируются злоумышленниками [1]. В этих условиях особую значимость приобретает конституционный принцип, согласно которому в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина [2]. Среди преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, особое место занимает телефонное мошенничество. За несколько лет оно значительно эволюционировало, уже сейчас используя технологии искусственного интеллекта и больших данных.

Актуальность исследования обусловлена достаточно тревожной динамикой. В 2024 году ущерб от кибермошенничества в РФ достиг рекордных 200 млрд рублей, демонстрируя скачок на 36% [3]. Жертвами становятся представители самых разных социальных слоёв, а высокий уровень образования не даёт гарантий от манипулятивного воздействия. Это ставит перед юридической наукой и практикой новые вызовы, требующие междисциплинарного подхода.

Статья ставит целью всесторонний анализ феномена телефонного мошенничества, выявление факторов его распространения, включая роль искусственного интеллекта, и разработку мер по совершенствованию законодательства и следственной практики. Для достижения цели изучены статистические данные, психологические уловки злоумышленников, законодательные изменения и материалы судебной практики. Исследование базируется на данных правоохранительных органов, трудах отечественных ученых в области криминологии, а также на нормах уголовного права, в частности на положениях гл. 21 УК РФ, регламентирующей составы преступлений против собственности, в частности диспозициями ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ [4].

Полученные выводы представляют интерес для юристов-практиков и исследователей, занятых проблемой противодействия преступлениям с использованием телекоммуникационных технологий.

Анализ данных МВД и Банка России фиксирует качественную трансформацию телефонного мошенничества: из эпизодических ситуаций оно превратилось в высокоорганизованную международную индустрию. Если даже десятилетие назад это были единичные действия отдельных лиц, то сегодня мы имеем дело с отлаженными преступными группировками. Меняются механизмы мошенничества, злоумышленники заметно чаще не просто опустошают счета, а навязывают жертвам долговые обязательства. Так, в 2025 году на подставные лица оформлено кредитов на 12,8 млрд рублей [5]. Граждане теряют не только свои накопления, но и попадают в финансовую ловушку выплаты долгов.

География таких преступлений остаётся размытой. Благодаря технологиям IP-телефонии, злоумышленники, находясь в любой точке мира, звонят с поддельных номеров банков (например, +900), создавая у людей иллюзию доверия. В связи с этим на оперативно-разыскные мероприятия тратится значительный временной ресурс, ввиду чего настоящий сигнал источника безвозвратно теряется.

Эффективность противодействия пока остается минимальной – возврат составляет

лишь около 3%. Столь низкий процент не только подрывает доверие к правоохранительным органам, но и закрепляет у преступников чувство вседозволенности. Как подчеркивает Е. В. Зотина, криминологические детерминанты телефонного мошенничества, совершаемого с использованием приемов социальной инженерии, во многом обусловлены несовершенством механизмов предупреждения и низкой скоростью реагирования финансовых институтов [6].

Мошенники в настоящее время кажутся опытными психологами, находят ключи к разным типам личности: в зоне риска и доверчивые подростки в онлайн-играх, и прагматичные взрослые, хранящие накопления, и пожилые люди. Интеллект, статус или возраст больше не являются непробиваемым щитом перед изощренными манипуляциями.

Особый интерес представляет категория жертв с высшим образованием и высоким профессиональным статусом. Врачи, журналисты, актеры, музыканты, ученые и даже специалисты в области информационных технологий регулярно попадают в сети мошенников [7]. Почему это происходит? Дело в том, что телефонное мошенничество атакует не интеллект или технические знания человека, а его базовые психофизиологические реакции, эмоции и социальные установки.

Примером служит случай, произошедший осенью 2024 года в городе Тамбове. В отдел полиции № 3 УМВД России по г. Тамбову обратились две женщины, работающие врачами в крупных медицинских центрах «МедЛаб». Обе стали жертвами мошенников, переведя каждому злоумышленнику по 1 миллиону рублей. Схема была классической: звонок якобы от руководителя медицинского учреждения с требованием срочно перевести денежные средства для решения «служебной проблемы». Несмотря на то, что женщины не были знакомы с руководством, авторитет должности и срочность действий привели к выполнению требований мошенников.

Жертвами телефонных аферистов становятся не только обычные граждане. На манипуляции порой поддаются даже сотрудники банков и государственные служащие. Злоумышленники манипулируют профессиональной терминологией, выстраивая вовсе не существующие истории.

Успешность подобных мошеннических схем обусловлена тонким пониманием психологии человека. Цель таких манипуляций – подавить рациональное мышление жертвы, погрузив её в состояние аффекта. В этом состоянии активно задействуются ключевые рычаги социальной инженерии, такие как запугивание, создание ощущения неотложности и апелляция к авторитету.

Угрозы, наподобие «ваш близкий в опасности» или «на ваше имя пытаются взять кредит», вызывают у человека беспокойство, побуждая его к импульсивным действиям и принятию первого попавшегося решения. Срочность действует как ментальная ловушка, лишает времени на проверку, совет, паузу – тот самый эффект «здесь и сейчас», работающий подобно гипнозу [8].

Кроме того, авторитет достраивает иллюзию. Звонящий представляется сотрудником ФСБ или банка, уверенно оперирует персональными данными, подкрепляя слова ссылками на статьи УК РФ или банковские регламенты. Таким образом, жертва перестаёт сомневаться.

Профессионалы часто применяют техники нейролингвистического программирования (НЛП), управляя темпом речи и интонацией для погружения собеседника в транс. Исследователи также отмечают роль фонового аудио: тихие помехи или низкочастотные шумы, раздражая слух, подсознательно торопят жертву, вызывая желание быстрее завершить дискомфортный разговор ценой согласия на требования звонящего [9].

Мошенники также применяют технику «присоединения и ведения». Сначала они соглашаются с сомнениями жертвы, проявляют эмпатию («Я понимаю ваше беспокойство», «Мы тоже хотим вам помочь»), а затем постепенно направляют разговор в нужное русло, предлагая «единственно верное» решение проблемы.

С появлением и развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) арсенал мошенников пополнился новыми, крайне опасными инструментами. ИИ характеризуется как высокоэффективный инструмент криминального воздействия в сфере информационной безопасности, что отмечает в своём исследовании И. Р. Мусин [10].

Во-первых, ИИ позволяет автоматизировать процесс сбора информации и проведения первичного контакта. Роботы-дозвонщики могут обзванивать тысячи номеров одновременно, выявляя потенциальных жертв по их реакциям и передавая живым операторам.

Во-вторых, технологии синтеза речи и голоса позволяют мошенникам клонировать голоса родственников или знакомых жертвы. Злоумышленники могут записать короткий фрагмент голоса человека из открытых источников (социальные сети, видеохостинги) или во время предварительного «социального опроса» по телефону, а затем сгенерировать аудиофрагмент с любой нужной фразой. Звонок от «сына» или «дочери» с просьбой о помощи, сделанный их собственным голосом, ломает психологическую защиту жертвы практически мгновенно. Количество таких преступлений в 2025 году выросло в

10 раз по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о массовом внедрении этих технологий в криминальную среду.

В-третьих, технологии глубокой подделки (дипфейк) используются для видеозвонков. Мошенники могут накладывать лицо сотрудника полиции или банка на видео в режиме реального времени. Жертва видит «живого» сотрудника в форме, с удостоверением, что многократно усиливает эффект доверия. Примером служит дело 70-летней жительницы Тамбова, которая в марте 2024 года перевела мошенникам около 10 млн рублей после видеозвонка с «сотрудником правоохранительных органов». Такое видеоподтверждение личности «следователя» стало решающим фактором, склонившим женщину к продаже квартиры и оформлению кредитов.

В ответ на растущую угрозу государство предпринимает шаги по совершенствованию законодательной базы и внедрению технических мер защиты. 2024-2025 годы стали периодом активного законотворчества в этой сфере.

Поворотным моментом в законодательном противодействии телефонному мошенничеству стало принятие Федерального закона № 31-ФЗ от 26.02.2024 г. – акта, который точечно вмешался в уязвимые места кредитной системы. Закон модифицировал нормы «О кредитных историях» и «О потребительском кредите (займе)», заложив правовой фундамент для принципиально нового механизма защиты [11].

С 1 марта 2025 года каждый гражданин обрел право установить самозапрет на оформление кредитов и займов. Простая, на первый взгляд, мера на деле становится мощным щитом: даже если персональные данные попадут в руки злоумышленников, они упрутся в непреодолимый барьер. А с 1 сентября 2025 года функционал расширен до МФЦ для повышения доступности для пожилых граждан и лиц с низкой цифровой грамотностью.

Ещё одним способом защиты можно назвать «период охлаждения», закрепленный Федеральным законом № 9-ФЗ от 13.02.2025 г., согласно которому банк обязан предоставить клиенту временной период – паузу между подачей заявки и выдачей средств, либо между подозрительной операцией и её финальным подтверждением [12]. Такая своеобразная передышка дает человеку возможность подумать, перепроверить решение, обратиться за консультацией. Мошенники, рассчитывающие на импульсивность и стресс, теряют свое главное преимущество перед жертвой – фактор срочности.

Также значимым шагом стало Положение Банка России № 851-П от 30.01.2025 г., регулирующее вопросы контроля за операциями несовершеннолетних. С 29 марта 2025 года банки обязаны уведомлять родителей или законных представителей, если ребенок в возрасте от 14 до 18 лет оформляет банковскую карту или совершает определенные операции. Это помогает защитить подростков, которые часто становятся жертвами мошенников в сфере онлайн-игр, фишинговых сайтов и фейковых магазинов.

Несмотря на позитивные законодательные изменения, их эффективность сталкивается с рядом проблем. Во-первых, механизм самозапрета носит заявительный характер. Граждане должны сами проявить инициативу и установить запрет. Многие люди, особенно старшего возраста, не знают о такой возможности или не считают себя потенциальными жертвами. Во-вторых, мошенники адаптируются к новым правилам. Они могут убеждать жертву снять самозапрет, представляясь сотрудниками банка, которые «помогают решить проблему с ошибочным запретом».

Период охлаждения также имеет ограничения. Мошенники «обучают» жертв тому, как вести себя во время этого периода: не брать трубку от родственников, не сообщать никому о звонке, находиться в изоляции [13]. Кроме того, некоторые виды переводов (например, между своими счетами или быстрые платежи) могут не попадать под действие всех ограничений, либо мошенники находят способы обхода через подставных лиц («дропов»).

Подвергается критике позиция банковского сектора. Полагается, что сотрудники банков должны нести большую ответственность за выявление подозрительных операций. Часто работники банков, видя нетипичные для клиента действия (снятие всей суммы, оформление кредита под залог недвижимости пожилым человеком), формально выполняют инструкции, не вмешиваясь в процесс. Более того, выдача кредитов мошенникам выгодна банкам в краткосрочной перспективе, так как проценты начисляются, а риски невозврата перекладываются на заемщика. Необходимо внедрение систем искусственного интеллекта в банках, которые будут анализировать поведение клиента в момент операции (тремор голоса, паузы, наличие третьего лица в кадре при видеозвонке) и блокировать транзакции при выявлении признаков принуждения.

Операторы сотовой связи также играют ключевую роль. Внедрение технологии определения и блокировки звонков с подменных номеров, а также обязательная идентификация абонентов по биометрическим данным могли бы существенно сократить количество успешных атак. Однако реализация этих мер требует значительных инвестиций и изменения нормативной базы, регулирующей защиту персональных данных.

Несмотря на огромное количество зарегистрированных преступлений, процент их раскры-

тия до сих пор остается крайне низким. Анализ следственной практики позволяет выделить ряд системных причин, препятствующих эффективному правосудию [14].

Одной из главных проблем является слабый профессионализм части оперативных работников и следователей в сфере киберпреступлений. Работа с цифровыми следами, анализ блокчейн-транзакций, взаимодействие с зарубежными провайдерами и платформами требуют узкоспециализированных знаний, которыми обладают не все сотрудники. Отсутствие единых стандартов методики расследования кибермошенничества приводит к тому, что качество следствия сильно зависит от личной инициативы конкретного следователя.

Во многих региональных подразделениях используется устаревшее компьютерное оборудование и программное обеспечение, которое не справляется с обработкой больших массивов данных. Отсутствие доступа к современным аналитическим системам, способным в режиме реального времени отслеживать движение похищенных средств, замедляет реакцию и снижает шансы на возврат денег.

Корни большинства телефонных мошенничеств уходят за рубеж. Колл-центры располагаются в странах, не имеющих договоров о правовой помощи с Россией или не заинтересованных в сотрудничестве. Деньги быстро выводятся через цепочки криптовалютных кошельков и офшорных счетов, что делает их отслеживание и изъятие практически невозможным в рамках национального законодательства [15]. Международное сотрудничество в этой сфере затруднено геополитической обстановкой и бюрократическими барьерами.

Зачастую сами жертвы способствуют сокрытию преступления. Под воздействием страха и стыда они могут долго не обращаться в полицию, уничтожать переписку или скрывать факт добровольной передачи данных. Кроме того, поскольку жертва сама совершает действия по переводу денег (вводит коды, подтверждает операции), следствию сложно доказать состав именно мошенничества, а не гражданской сделки или ошибки. Мошенники умело маскируют свои действия под легитимные банковские процедуры.

С юридической точки зрения, такие деяния чаще всего квалифицируются по ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное с использованием служебного положения либо в крупном/особо крупном размере) [4]. Однако, если злоумышленники получают доступ к банковскому счету через внедрение вредоносного ПО или обманные действия с электронными средствами платежа, следствию необходимо разграничивать составы ст. 159.3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и ст. 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации) УК РФ. Эта квалификация имеет критическое значение, так как от нее зависит подсудность и специфика сбора цифровых доказательств.

Для противодействия адаптивным схемам требуется комплексное взаимодействие правовых, технологических и просветительских механизмов. Прежде всего, банкам и операторам стоит стать не наблюдателями, а активными защитниками. Целесообразно закрепить на законодательном уровне презумпцию вины финансовой организации, если она пропустила подозрительную операцию без дополнительной проверки. Операторам же целесообразно автоматически блокировать звонки с номеров из единой базы «чёрного списка», не ожидая заявлений от жертв. Так злоумышленники лишатся массового охвата.

Технологии же должны работать на опережение. Единая платформа для обмена данными между банками, операторами и правоохранительными органами в реальном времени, о которой так часто говорят эксперты и исследователи, — уже не роскошь, а необходимость. Искусственный интеллект, анализируя поведение пользователя в момент перевода (дрожь в голосе, паузы, сбивчивый набор), может вовремя распознать стресс и остановить транзакцию. А блокчейн-технологии способны сделать каждый платёж прозрачным и отслеживаемым.

Но даже лучший алгоритм бессилен, если человек не готов к атаке. Поэтому основа защиты – не разовые памятки. Учить нужно не схемам обмана, а критическому мышлению и эмоциональной устойчивости, так как мошенники бьют по базовым инстинктам – страху и доверию.

Не менее важен кадровый вопрос. Чтобы эффективно противостоять новым видам телефонного мошенничества, в первую очередь нужно создавать специализированные подразделения. В них должны работать профессионалы с профильным техническим образованием. Кроме того, техническое оснащение тоже должно соответствовать, так как устаревшие инструменты просто не справятся с задачей.

В период 2024-2025 годов в законодательстве появились новые меры (механизм самозапрета на кредиты, период охлаждения). Разумеется, это важный шаг, но он решает лишь часть проблемы. Почему борьба с кибермошенниками даёт скромные результаты? Причина кроется в разрозненности действий: банки сосредоточены на защите собственных активов, операторы связи соблюдают внутренние регламенты, полиция же зачастую не располагает инструментами для быстрого реагирования [16].

Для решения проблемы считаем необходимым использовать комплексный подход:

1. Введение правовых норм, которые будут чётко закреплять ответственность финансовых организаций и операторов связи за участие в схемах мошенничества или недостаточную защиту клиентов.
2. Создание единой цифровой платформы обмена данными между правоохранительными органами, банками и операторами.
3. Разработка просветительской программы, которая будет обучать граждан всех возрастных категорий основам цифровой безопасности, в том числе распознаванию мошеннических схем и защите персональных данных.
4. Укрепление международного взаимодействия в сфере борьбы с киберпреступностью, учитывая трансграничный характер данных правонарушений и активное развитие цифровых технологий в разных странах.

Безусловно, любые следственные и профилактические меры должны строго соответствовать нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ [17]. Это гарантирует законность действий, обоснованность решений и соблюдение прав всех участников уголовного судопроизводства.

Только совместными усилиями государства и общества можно создать условия, при которых телефонное мошенничество станет для преступников слишком рискованным и невыгодным деянием.

Список литературы:

[1] Романова, И. В. Применение цифровых технологий в сфере корпоративных отношений / И. В. Романова, Т. М. Лаврик // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 137–142.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

[3] Пекарева, В. В. Телефонное мошенничество как устойчивая угроза общественной безопасности: правовой аспект / В. В. Пекарева, Ю. И. Фроловская // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 573–575.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Машлякевич, В. А. Отдельные вопросы периодизации расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи / В. А. Машлякевич // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2 (30). С. 152–158.

[6] Зотина, Е. В. Криминологические детерминанты телефонного мошенничества, совершаемого с использованием приемов социальной инженерии / Е. В. Зотина // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8, № 1 (15). С. 31–35.

[7] Шастина, А. Р. Социальная инженерия в структуре киберпреступности: к вопросу о противодействии телефонному мошенничеству / А. Р. Шастина // Аграрное и земельное право. 2024. № 9 (237). С. 300–302.

[8] Змазнева, О. А. Язык обмана: схема сценария и причины вовлечения жертв в ситуации телефонного мошенничества / О. А. Змазнева // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 4 (52). С. 81-89.

[9] Васкэ, Е. В. К вопросу об объективизации информации по делам о телефонном мошенничестве: психолого-лингвистический аспект / Е. В. Васкэ, И. В. Курьянова, Т. Н. Секераж // Эксперт-криминалист. 2025. № 3. С. 2–5

[10] Мусин, И. Р. Проблемные вопросы деятельности подразделений полиции по борьбе с «телефонными мошенничествами» / И. Р. Мусин // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2022. № 16. С. 141–147.

[11] О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»: Федеральный закон от 26.02.2024 № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 9. Ст. 1298.

[12] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 8. Ст. 542.

[13] Квык, А. В. Телефонные мошенничества: распространенные схемы и методы борьбы / А. В. Квык // Уголовный процесс. 2024. № 12 (240). С. 60–68.

[14] Костина, Л. Н. Необходимость применения комплексного подхода в противодействии телефонному мошенничеству / Л. Н. Костина, В. В. Гончар // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 289-295.

[15] Демидова-Петрова, Е. В. Телефонное мошенничество: современные угрозы и вызовы / Е. В. Демидова-Петрова, Е. В. Зотина // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 4. С. 341–348.

[16] Завьялов, И. А. Актуальные способы совершения телефонных мошенничеств с исполь-

зованием информационно-коммуникационных технологий / И. А. Завьялов, Н. И. Болычев // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 207–212.

[17] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. (ч.1). Ст. 282.

References:

[1] Romanova, I. V. Application of Digital Technologies in the Field of Corporate Relations / I. V. Romanova, T. M. Lavrik // Law: History and Modernity. 2021. No. 2 (15). Pp. 137–142.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments made by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.

[3] Pekareva, V. V. Telephone Fraud as a Persistent Threat to Public Safety: Legal Aspects / V. V. Pekareva, Yu. I. Frolovskaya // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 12 (240). Pp. 573–575.

[4] Criminal Code of the Russian Federation dated June 13 1996 No. 63-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[5] Mashlyakevich, V. A. Certain Issues of the Periodization of the Investigation of Frauds Committed by Means of Telephone Communications / V. A. Mashlyakevich // Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow. 2024. No. 2 (30). Pp. 152–158.

[6] Zotina, E. V. Criminological Determinants of Telephone Fraud Committed by Means of Social Engineering / E. V. Zotina // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 8, No. 1 (15). Pp. 31–35.

[7] Shastina, A. R. Social Engineering in the Structure of Cybercrime: On the Issue of Countering Telephone Fraud / A. R. Shastina // Agrarian and Land Law. 2024. No. 9 (237). Pp. 300–302.

[8] Zmazneva, O. A. The Language of Deception: The Scenario Scheme and the Reasons for Victims' Involvement in Telephone Fraud Situations / O. A. Zmazneva // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2024. No. 4 (52). Pp. 81–89.

[9] Vaske, E. V. On the Issue of Objectivization of Information in Cases of Telephone Fraud: A Psychological and Linguistic Aspect / E. V. Vaske, I. V. Kuryanova, T. N. Sekerazh // Expert-Criminalist. 2025. No. 3. Pp. 2–5.

[10] Musin, I. R. Problematic Issues in the Activities of Police Units to Combat Telephone Fraud / I. R. Musin // Bulletin of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 16. Pp. 141–147.

[11] On Amendments to the Federal Law "On Credit Histories" and the Federal Law "On Consumer Credit (Loan)": Federal Law No. 31-FZ of February 26, 2024 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 9. Art. 1298.

[12] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 9-FZ of February 13, 2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 8. Art. 542.

[13] Kvyk, A. V. Telephone Fraud: Common Schemes and Methods of Combating / A. V. Kvyk // Criminal Procedure. 2024. No. 12 (240). Pp. 60–68.

[14] Kostina, L. N. The Need for an Integrated Approach in Countering Telephone Fraud / L. N. Kostina, V. V. Gonchar // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 7. Pp. 289-295.

[15] Demidova-Petrova, E. V. Telephone Fraud: Modern Threats and Challenges / E. V. Demidova-Petrova, E. V. Zotina // All-Russian Journal of Criminology. 2024. Vol. 18, No. 4. Pp. 341–348.

[16] Zavyalov, I. A. Current Methods of Telephone Fraud Using Information and Communication Technologies / I. A. Zavyalov, N. I. Bolychev // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. Pp. 207–212.

[17] Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 8, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. (Part 1). Art. 282.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-342-345

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ, СКЛОННЫХ К АУТОАГРЕССИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Аннотация. *Статья посвящена анализу психологических особенностей несовершеннолетних осужденных, склонных к аутоагрессивному поведению, в контексте задач уголовно-исполнительной системы (УИС). Актуальность темы обусловлена значительным ростом числа случаев аутоагрессии и суицидальных попыток среди подростков, находящихся в местах лишения свободы. Теоретической основой работы выступают концепции подросткового кризиса, акцентуаций характера и аутодеструктивного поведения. Комплексное психодиагностическое исследование, показывает, что для несовершеннолетних осужденных с аутоагрессивными тенденциями характерны высокий уровень личностной тревожности, ригидность когнитивных процессов, а также преобладание определенных типов акцентуаций характера. Предложены практические рекомендации для подразделений УИС (психологических служб, воспитательных отделов, служб безопасности) по раннему выявлению, профилактике и коррекции аутоагрессивного поведения.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, ФСИН России, пенитенциарная психология, аутоагрессивное поведение, суицидальный риск, уголовно-исполнительная система.*

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF JUVENILE CONVICTS PRONE TO AUTOAGGRESSIVE ACTIONS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of psychological features of juvenile convicts prone to autoaggressive behavior in the context of the tasks of the penal system (PS). The relevance of the topic is due to the significant increase in the number of cases of autoaggression and suicide attempts among adolescents in places of deprivation of liberty. The theoretical basis of the work is based on the concepts of adolescent crisis, character accentuations, and auto-destructive behavior. A comprehensive psychodiagnostic study shows that juvenile convicts with auto-aggressive tendencies have a high level of personal anxiety, rigid cognitive processes, and a predominance of certain types of character accentuations. The study provides practical recommendations for correctional facilities (psychological services, educational departments, and security services) on early detection, prevention, and correction of auto-aggressive behavior.*

Key words: *juvenile convicts, educational colony, Federal Penitentiary Service of Russia, penitentiary psychology, auto-aggressive behavior, suicide risk, and the penal system.*

В последние десятилетия проблема аутоагрессивного поведения несовершеннолетних осужденных приобретает особую остроту. Как отмечают исследователи [1, 2], в воспитательных колониях постоянно растет число подростков, склонных к суициду и аутоагрессии, что делает профилактику данных явлений одной из приоритетных задач пенитенциарной психологии.

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации включает в себя учреждения, исполняющие наказания, среди которых важное место занимают воспитательные колонии для несовершеннолетних осужденных. Согласно Уго-

ловно-исполнительному кодексу РФ, основными задачами УИС являются обеспечение правопорядка и безопасности, исправление осужденных, предупреждение совершения ими новых преступлений [1].

Аутоагрессивное поведение, включающее самоповреждения, суицидальные попытки и другие формы нанесения себе вреда, рассматривается в современной науке как один из наиболее деструктивных вариантов девиантного поведения, последствия которого особенно тяжелы в подростковом возрасте [3, 4].

В приказе № 238 от 12.12.2005 дается описание личностных свойств, которые должны учитываться в процессе исполнения наказания и подготовки к освобождению: «принимать во внимание индивидуальные потребности осужденного, его социальное прошлое, историю его преступления, его физические и умственные способности и возможности, его темперамент, продолжительность срока его заключения и возможности после освобождения». Подчеркивается, что на основе изучения характера, осужденного «в кратчайший срок после приема, каждого заключенного следует разрабатывать программу работы с ним, исходя при этом из его индивидуальных потребностей, способностей и склонностей» [5].

Необходимо рассмотреть психологические особенности, ассоциированные с аутоагрессией.

1. Эмоционально-аффективные особенности. Высокий уровень личностной тревожности является одним из наиболее устойчивых предикторов аутоагрессии [6]. Лица, склонные к самоповреждениям, характеризуются хроническим эмоциональным дистрессом, повышенной чувствительностью к стрессовым стимулам, склонностью к депрессивным состояниям (чувство безнадежности, беспомощности, никчемности). Часто наблюдается эмоциональная дисрегуляция — неспособность управлять интенсивными негативными эмоциями (гнев, тоска, отчаяние), что приводит к использованию самоповреждений как аномального способа их купирования [7].
2. Личностные и характерологические черты. Среди акцентуаций характера, сопряженных с аутоагрессивным риском, наиболее часто выделяются: лабильный (резкие перепады настроения, аффективная ранимость), сензитивный (повышенная впечатлительность, чувство неполноценности), эпилептоидный (дисфории, аффективная ригидность, склонность к самобичеванию) и истероидный (демонстративные формы самоповреждений как способ привлечения внимания) типы. При личностных расстройствах (особенно пограничном расстройстве личности) аутоагрессия выступает одним из диагностических критериев и проявляется в виде повторяющихся самоповреждений, суицидальных жестов или угроз [8].
3. Когнитивные особенности. Для склонных к аутоагрессии людей характерна ригидность мышления («дихотомическое» или «черно-белое» мышление), сужение перспективы будущего (туннельное видение — отсутствие позитивных прогнозов), высокая степень самообвинения и негативной самооценки. Часто присутствуют иррациональные убеждения типа «я никому не нужен», «все против меня», «лучше умереть, чем терпеть это». Экстернальный локус контроля (приписывание ответственности внешним силам) снижает активность совладания со стрессом [9].
4. Поведенческие и копинг-стратегии. У лиц, склонных к аутоагрессии, преобладают неконструктивные копинг-стратегии: избегание проблем, самообвинение, пассивное ожидание, использование психоактивных веществ. Они также проводят свое врем в пустую, зачастую склонны к употреблению алкогольных напитков [10]. Практически отсутствуют стратегии активного планирования решения проблем и поиска социальной поддержки. Импульсивность (неспособность сдерживать немедленные побуждения) является важным фактором перехода от суицидальных мыслей к действиям [11].

Психологические особенности редко действуют изолированно. Наиболее высокий риск аутоагрессии возникает при сочетании: 1) эмоциональной незрелости, импульсивности, экстернального локуса контроля; 2) депрессии, чувства безнадежности, ригидности мышления; 3) пограничного расстройства личности, самоповреждений в анамнезе, травматического опыта [12]. Также важную роль играют социальные факторы (буллинг, семейное неблагополучие, изоляция), однако они опосредованы психологическими характеристиками личности.

Выявление склонности к аутоагрессии требует комплексного психодиагностического подхода с использованием диалектико-поведенческой терапией (ДПТ). Данный подход оказывает высокую эффективность в помощи подросткам с нарушенной эмоциональной регуляцией. ДПТ фокусируется на четырех ключевых навыках: осознанность (наблюдение за эмоциями без осуждения), терпимость к дистрессу (способность переживать болезненные эмоции безвредных действий), регуляция эмоций и эффективность в

межличностных отношениях. Обучение этим навыкам позволяет подросткам найти альтернативные, более здоровые способы совладания с эмоциональной болью [13].

Профилактика должна быть направлена на: развитие эмоциональной регуляции (тренинги навыков диалектической поведенческой терапии), коррекцию иррациональных установок (когнитивно-поведенческая терапия), повышение самооценки и самосострадания, обучение конструктивным копинг-стратегиям, создание сети социальной поддержки [14].

Психологический портрет лица, склонного к аутоагрессивным действиям, включает сочетание повышенной тревожности и депрессивности, эмоциональной дисрегуляции, импульсивности, ригидности мышления, экстернального локуса контроля, неэффективных копингов, определенных акцентуаций характера и часто — коморбидных психических расстройств. Учет этих особенностей необходим для своевременной диагностики, эффективной психологической коррекции и профилактики тяжелых последствий аутоагрессии. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение динамики этих характеристик в процессе терапии и разработку персонализированных программ помощи.

Список литературы:

[1] Дикопольцев Д.Е. Аутодеструктивное поведение несовершеннолетних осужденных к лишению свободы и пути его психологической профилактики: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Рязань, 2013. — 26 с.

[2] Дмитриева Н.В., Антилогова Л.Н., Качкина Л.С. Психологические особенности осужденных молодого возраста, склонных к аутоагрессивным действиям // Материалы научной конференции. — 2015.

[3] Влияние патопсихологических черт личности несовершеннолетних осужденных на их деструктивные и аутоагрессивные действия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2026. — № 1. — С. 26–29.

[4] Подготовка пенитенциарных психологов к коррекционному воздействию на деструктивно-агрессивное поведение несовершеннолетних осужденных // Вопросы ювенальной юстиции. — 2023. — № 2. — С. 19–22. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.06.2022). – Ст. 142, 143.

[5] Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]: [приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.12.2005 г. № 238]. — http: КонсультантПлюс.

[6] Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности. — Л., 1976.

[7] Linehan M.M. Cognitive-Behavioral Treatment of Borderline Personality Disorder. — New York: Guilford Press, 1993.

[8] Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — СПб.: Речь, 2010.

[9] Сергеева М.А. Связь индивидуально-психологических особенностей осужденных со склонностью к аутоагрессивному поведению // Вестник университета. — 2020. — № 10.

[10] Зорина, Н. С. Причины и условия повторной преступности несовершеннолетних осужденных / Н. С. Зорина // Закон и право. – 2022. – № 3. – С. 168-171.

[11] Холмогорова В.М. Особенности жизнестойкости и копинг-стратегий у лиц юношеского возраста, склонных к аутоагрессивному поведению // Выпускная квалификационная работа. — М.: МГППУ, 2024.

[12] American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th ed. (DSM-5). — Arlington, VA: APA, 2013.

[13] Зорина, Н. С. Проблемы аутодеструктивного поведения несовершеннолетних осужденных: факторы, проявления и пути коррекции / Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 10(209). – С. 490-491.

[14] Folk J.B., et al. Comprehensive Dialectical Behavior Therapy for Adolescents in a Juvenile Correctional Treatment Center // Frontiers in Child and Adolescent Psychiatry. — 2023.

References:

[1] D.E. Dikopoltsev. Autodestructive behavior of juvenile prisoners sentenced to imprisonment and ways of its psychological prevention: autoref. dis.... cand. psychol. sciences. - Ryazan, 2013. - 26 s.

[2] Dmitrieva N.V., Antilogova L.N., Kachkina L.S. Psychological characteristics of young convicts prone to auto-aggressive actions//Materials of a scientific conference. — 2015.

[3] Influence of pathopsychological personality traits of juvenile convicts on their destructive and auto-aggressive actions//Penal system: law, economics, management. — 2026. — № 1. - S. 26-29.

[4] Training of penitentiary psychologists for corrective effects on destructive-aggressive behavior of juvenile convicts//Juvenile justice issues. — 2023. — № 2. - S. 19-22. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (ed. 28.06.2022). - Art. 142, 143.

[5] On approval of the Instructions for organizing the activities of the psychological service of the penitentiary system [Electronic resource]: [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 12.12.2005 No. 238]. - http: ConsultantPlus.

[6] Hanin YL, A Brief Guide to the Application of the Reactive and Personality Anxiety Scale. - L., 1976.

[7] Linehan M.M. Cognitive-Behavioral Treatment of Borderline Personality Disorder. — New York: Guilford Press, 1993.

[8] Lichko A.E. Psychopathies and character accentuations in adolescents. - St. Petersburg: Speech, 2010.

[9] Sergeeva M.A. Connection of individual psychological characteristics of convicts with a tendency to auto-aggressive behavior//University Bulletin. — 2020. — № 10.

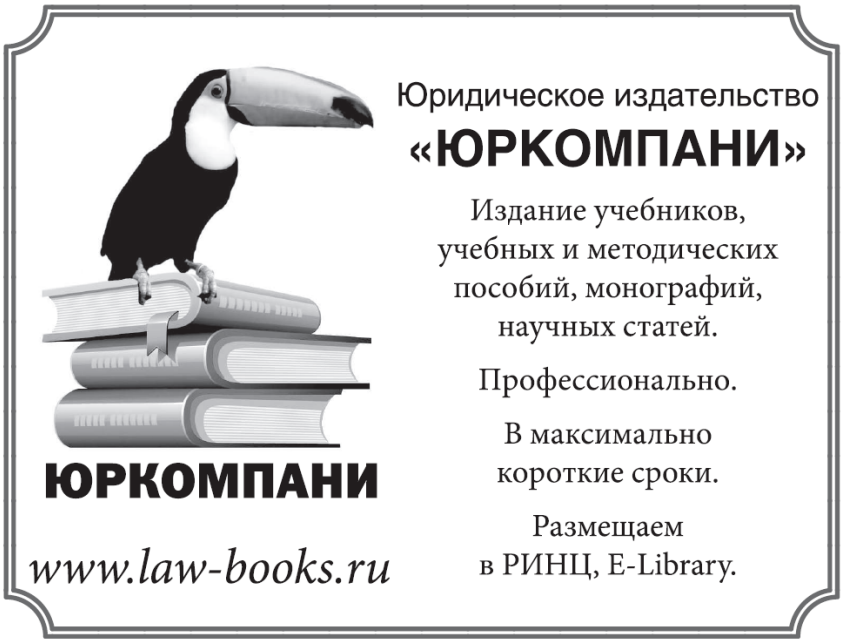
[10] Zorina, N. S. Reasons and conditions for the re-criminality of juvenile convicts/N. S. Zorina// Law and law. – 2022. – № 3. - S. 168-171.

[11] Kholmogorova V.M. Features of resilience and coping strategies in young people prone to auto-aggressive behavior//Graduation qualification work. - M.: MGPPU, 2024.

[12] American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th ed. (DSM-5). — Arlington, VA: APA, 2013.

[13] Zorina, N. S. Problems of autodestructive behavior of juvenile convicts: factors, manifestations and ways of correction/N. S. Zorina//Eurasian Law Journal. – 2025. – № 10(209). - S. 490-491.

[14] Folk J.B., et al. Comprehensive Dialectical Behavior Therapy for Adolescents in a Juvenile Correctional Treatment Center // Frontiers in Child and Adolescent Psychiatry. — 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-346-353

ИСАЕВА Елена Дмитриевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: isaevaelena190373@yandex.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима,
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ТЕРЕНКОВ Игорь Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: terenkov72@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию частной криминалистической методики расследования мошенничеств в сфере потребительского кредитования. Актуальность темы обусловлена масштабным распространением данного вида преступной деятельности, причиняющего значительный экономический ущерб кредитным организациям и подрывающего стабильность финансовой системы. В работе автор, опираясь на общетеоретические положения криминалистики, раскрывает содержание понятия «частная криминалистическая методика расследования» применительно к указанной категории дел. Детально анализируется структура методики, включающая криминалистическую характеристику мошенничества в сфере потребительского кредитования, типичные следственные ситуации и версии на первоначальном и последующем этапах расследования, особенности производства отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также специфику использования специальных познаний. Особое внимание уделено типологии способов совершения преступлений (с использованием подложных документов, инсорсинга, фиктивных заемщиков, IT-технологий), что предопределяет дифференциацию в подходах к расследованию. На основе выявленных проблем правоприменительной практики сформулированы предложения по оптимизации межведомственного взаимодействия, совершенствованию тактики проведения обысков и выемок электронных носителей информации, а также разработке типовых алгоритмов действий следователя в зависимости от установленной криминалистической ситуации.*

Ключевые слова: *частная криминалистическая методика, расследование мошенничества, потребительское кредитование, криминалистическая характеристика, следственная ситуация, способы совершения преступления, подложные документы, фиктивный заемщик, оперативно-розыскные мероприятия, судебная экономическая экспертиза.*

ISAEVA Elena Dmitrievna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics and Criminal Law Disciplines

of the Bryansk Branch of the V.V. Lukyanov
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Senior lecturer
at the Department of Regime Organization,
Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

TERYENKOV Igor Evgenievich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminalistics,
Lecturer of the Department of Criminal Procedure
Moscow Order of the Badge of Honor University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya

ON THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE METHODOLOGY FOR INVESTIGATING CONSUMER CREDIT FRAUD AT THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT OF FORENSIC SCIENCE

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of a private forensic methodology for investigating fraud in the field of consumer lending. The relevance of the topic is due to the large-scale spread of this type of criminal activity, which causes significant economic damage to credit institutions and undermines the stability of the financial system. In the work, the author, relying on the general theoretical provisions of criminology, reveals the content of the concept of "private forensic investigation methodology" in relation to this category of cases. The structure of the methodology is analyzed in detail, including the criminalistic characteristics of fraud in the field of consumer lending, typical investigative situations and versions at the initial and subsequent stages of the investigation, the specifics of individual investigative actions and operational investigative measures, as well as the specifics of the use of special knowledge. Special attention is paid to the typology of ways of committing crimes (using forged documents, outsourcing, fictitious borrowers, IT technologies), which determines the differentiation in approaches to investigation. Based on the identified problems of law enforcement practice, proposals have been formulated to optimize interdepartmental interaction, improve the tactics of conducting searches and seizures of electronic media, and develop standard algorithms for investigator actions depending on the established forensic situation.*

Key words: *private forensic methodology, fraud investigation, consumer lending, criminalistic characteristics, investigative situation, methods of committing a crime, forged documents, fictitious borrower, operational investigative measures, forensic economic expertise.*

На фоне экономической нестабильности в России значительно выросло количество мошенничеств, совершаемых как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц (организаций, банков, кредитных организаций и т.п.). В настоящее время в структуре мошенничества происходят определенные изменения. Характер мошенничества стал более сложным и изощренным, приобрел ярко выраженный интеллектуально-циничный характер. Преступления все чаще стали носить многоэпизодный и межрегиональный характер, совершаться организованными группами.

Совершенствование деятельности правоохранительных органов в расследовании корыстных преступлений, в частности мошенничеств в сфере потребительского кредитования, повышение качества расследования таких преступлений во многом зависят от эффективности научно-методического обеспечения процесса их расследования, а также от степени разработанности и адаптации соответствующих методик в следственной практике.

Что же такое методика, и какова роль методического обеспечения в процессе организации и осуществления расследования преступных деяний? Если обратиться к энциклопедическому словарю, то под методикой понимается «совокупность способов и приемов выполнения какой-либо работы»[16, С. 24].

По мнению И.А. Возгрина методика - это «не один изолированно взятый метод, прием, способ, а их система, обладающая строгими правилами построения и применения» [17, С. 6].

Криминалистическая методика, являясь одним из разделом криминалистики, изучает, таким образом, закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения различных видов преступлений в целях выработки научно-обоснованных рекомендаций по эффективному проведению следствия и дознания [17, С. 6].

В связи с этим в научных кругах сложилось общее мнение о том, что криминалистическая методика, как неотъемлемая часть криминалистической науки, состоит из двух составляющих: общеметодологической основы (общие положения) и частной методики.

По мнению большинства авторов [18, С. 63]., и это бесспорно, наибольшее практическое значение имеют частные методики, так как именно они призваны содействовать повышению эффективности процесса раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов преступлений. Р.С. Белкин называл такие методики «конечным продуктом криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики» [19, С. 6].

Формирование и развитие частных методик расследования преступлений непосредственно связано со следственной практикой, ее изучением, анализом и обобщением. Однако основу разрабатываемых рекомендаций по расследованию преступлений отдельных видов представляет система общих научных положений частной методики.

Первые попытки разработок частных криминалистических методик предпринимались достаточно давно. Так, в одном из первых руководств по криминалистике [17, С. 6]. изложению вопросов методики расследования предшествовало освещение положений, характеризующих отдельные виды преступлений и личности, которые их совершают. Например, в главе о расследовании грабежей, разбоев и бандитизма рассматривались «современные виды этих преступлений», в главе о расследовании мошенничества - «способы совершения мошенничества» и др.

Позже советские ученые криминалисты продолжали развивать институт методики расследования отдельных видов преступлений, исследуя при этом его закономерности, сущность и значение. Важность этого направления подчеркивал Р.С. Белкин, утверждавший, что частные криминалистические методики отражают типичные ситуации для расследования преступлений определенного вида «в содержание которых на основе положений и выводов общей и частных криминалистических теорий комплексируются криминалистические рекомендации по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений» [19, С. 176].

И.М. Лузгин под частной криминалистической методикой понимал «систему теоретических положений и практических рекомендаций по наиболее рациональной организации расследования того или иного вида преступлений» [23, С. 177].

И.Ф. Пантелеев основную задачу частных методик видел в том, чтобы раскрыть, научно обосновать особенности расследования применительно к отдельным видам преступлений [24, С. 4].

В.И.Образцов говорит о том, что частные методики - это «методики расследования отдельных видов и разновидностей исследуемых по уголовным делам общественно опасных деяний» [25, С. 122].

По мнению И.Ф. Герасимова, под методикой расследования отдельных групп преступлений следует понимать структурную часть криминалистики, в которой на основе общих принципиальных положений рассматриваются методы и средства, применяемые в раскрытии и расследовании конкретных видов и групп преступлений с учетом их криминалистической характеристики и типичных следственных ситуаций [26, С. 24].

И.А. Возгрин, полагает, что «частные методики расследования преступлений представляют собой системы научно обоснованных рекомендаций по организации и осуществлению раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов преступлений» [17, С. 6].

Как видно из приведенных выше понятий, сформированных ведущими отечественными криминалистами во второй половине XX века, в той или иной интерпретации основу данного института представляют научно разработанные и практически апробированные рекомендации (т.е. советы), положения (особенности), касающиеся специфики расследования преступлений отдельных видов.

Сектор потребительского кредитования, будучи одним из наиболее динамичных сегментов финансового рынка, одновременно является и крайне уязвимой мишенью для мошеннических посягательств. Доступность и массовость данного банковского продукта, упрощенные процедуры оценки заемщика (включая скоринговые системы) и, зачастую, дистанционный характер взаимодействия создают благоприятные условия для реализации разнообразных криминальных схем. Мошенничества в сфере потребительского кредитования наносят многомиллиардный ущерб, приводят к повышению процентных ставок для добросовестных клиентов, способствуют развитию «теневых» услуг по «получению кредитов с проблемной историей» и требуют от правоохранительных систем адекватного, научно обоснованного ответа [1, С. 23].

Расследование таких преступлений сопряжено со значительными сложностями: большими объемами документации, необходимостью анализа банковских и цифровых данных, транснациональным характером некоторых схем, использованием преступниками современных технологий для сокрытия следов. Преодолеть эти сложности позволяет не эмпирический подход, а применение специализированной частной криминалистической методики расследования.

Данная методика представляет собой систему научно обоснованных положений и практических рекомендаций, адаптированных к специфике конкретного вида преступной деятельности – мошенничеств, связанных с незаконным получением средств потребительского кредита.

Частные криминалистические методики образуют заключительный, особенный раздел науки криминалистики. Они базируются на общих положениях криминалистической техники, тактики и теории криминалистической идентификации и диагностики, но применяют их специфическим образом, учитывая особенности конкретного рода (вида) преступлений [2, С. 15]. Таким образом, методика расследования мошенничества в сфере потребительского кредитования – это система теоретических положений и практических рекомендаций, разработанных на основе изучения закономерностей возникновения информации о данном преступлении и направленных на обеспечение оптимальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда по его быстрому, полному и объективному раскрытию и расследованию.

Ее ядром является не просто перечень возможных действий, а алгоритм, выстроенный на понимании логики преступной деятельности. Эта методика носит:

– Дифференцированный характер, так как внутри группы «мошенничество в сфере кредитования» существует несколько устойчивых типов преступных схем, требующих различного подхода.
– Динамичный характер, поскольку постоянно эволюционируют как способы совершения преступлений (внедряются новые IT-решения), так и методы защиты кредитных организаций, что требует регулярного обновления методических рекомендаций.
– Междисциплинарный характер, предполагающий использование знаний из области банковского дела, финансового анализа, информационной безопасности, документоведения.

Структура частной методики может быть представлена в виде последовательных и взаимосвязанных блоков (элементов):

1. Криминалистическая характеристика данного вида преступлений (исходная информационная модель).
2. Типовые следственные ситуации на первоначальном и последующем этапах расследования и версии, вытекающие из них.
3. Программа действий следователя (органа дознания), включающая:

– Особенности возбуждения уголовного дела и планирования расследования.
– Комплекс первоначальных и последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).
– Тактика производства отдельных следственных действий (допрос, обыск, выемка, назначение экспертиз).

4. Особенности использования специальных познаний (судебных экспертиз, специалистов).
5. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями и иными органами (Банк России, Роспотребнадзор, кредитные организации).
6. Методика предупреждения данного вида преступлений.

Рассмотрим ключевые элементы применительно к расследованию мошенничеств в сфере потребительского кредитования.

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере потребительского кредитования представляет собой систематизированное описание его типичных черт.

– Способы совершения являются центральным элементом и могут быть классифицированы следующим образом [3, С. 67]:
  1) Мошенничество с использованием подложных документов о личности и доходах заемщика: представление фиктивных справок по форме 2-НДФЛ, трудовых книжек, паспортов (поддельных или принадлежащих иным лицам, в том числе умершим).
  2) Мошенничество с использованием «инсорсинга» (внутреннего сообщничества): действия сотрудника банка или кредитного брокера, который вносит в базы заведомо ложные сведения о благонадежности заемщика, «проводит» заведомо неисполнимый кредит.
  3) Мошенничество с использованием фиктивных или «подставных» заемщиков («дропов»): привлечение лиц, часто социально незащищенных (безработные, наркозависимые), которые за вознаграждение оформляют на себя кредит и передают полученные деньги организаторам схемы.
  4) Мошенничество с использованием IT-технологий: кража персональных данных и

оформление онлайн-кредита через взломанный аккаунт на портале госуслуг или в банковском приложении (атака типа «account takeover»); использование «ботов» для массовой подачи заявок с поддельными данными, чтобы выявить уязвимости скоринговых систем.

5) Комбинированные схемы, сочетающие несколько из перечисленных способов.

– Обстановка: дистанционное взаимодействие (онлайн-заявки, call-центры), стандартизированные процессы кредитного скоринга, недостаточный уровень верификации документов при экспресс-кредитовании.
– Личность преступника: это могут быть как одиночки, так и организованные группы с четким распределением ролей (сборщик документов, инсорсер, дроп, обнальщик денег). Преступники зачастую имеют познания в банковских процедурах, документоведении, основах IT.
– Личность потерпевшего и характер ущерба: формальным потерпевшим выступает кредитная организация, однако в случае кражи персональных данных потерпевшим является также гражданин, чьи данные были использованы. Ущерб – прямой финансовый убыток банка, увеличение резервов на возможные потери, репутационные риски.

Первоначальный этап обычно начинается с поступления материала проверки из кредитной организации или заявления гражданина, чьи данные были использованы. Типовые ситуации:

1. Выявление факта выдачи кредита по подложным документам. Ситуация характерна при внутренней ревизии в банке.
2. Заявление гражданина о неправомерном оформлении на его имя кредита.
3. Выявление цепочки однотипных невозвращенных кредитов, оформленных через одного сотрудника или брокера (сигнал об инсорсинге).
4. Задержание с поличным «дропа» при получении кредитных средств.

В каждой из этих ситуаций выдвигается комплекс типовых версий:

– О способе совершения преступления (кто изготовил поддельные документы? был ли инсорсер?).
– О круге лиц, причастных к преступной деятельности (организатор, исполнители, соучастники).
– О месте нахождения преступников и похищенных средств (каналы обналичивания, счета, криптокошельки).
– О наличии и месте хранения вещественных доказательств (компьютеры, базы данных, черновые записи, печати).

Исходя из криминалистической характеристики и версий, формируется программа действий.

– Допрос сотрудников банка: необходимо детально выяснить регламент кредитования, конкретные действия сотрудников при работе с данным заемщиком, систему контроля. Особое внимание – к сотруднику, оформившему сомнительный кредит (возможный инсорсер) [4, С. 89].
– Допрос заемщика (реального или «дропа»): выяснение обстоятельств получения паспорта, подачи заявки, мотивов, установление контактов с посредниками, получения инструкций. Требуется тонкая тактика, учитывающая возможный статус «дропа» как мелкого исполнителя, запуганного организаторами.
– Выемка и осмотр документов в банке: кредитное досье, анкета-заявление, копии паспорта, справки о доходах, запись телефонного интервью (если было), результаты скоринга. Важно изъять не только бумажные, но и электронные документы из соответствующих банковских систем.
– Обыск у подозреваемых: ключевая задача – изъятие технических средств (ноутбуки, телефоны, флешки), на которых могут находиться базы персональных данных, шаблоны поддельных документов, переписка с соучастниками, история интернет-платежей. Требуется обязательное привлечение специалиста в области компьютерной криминалистики.
– Назначение судебных экспертиз:

1) Почерковедческая и технико-криминалистическая экспертиза документов – на предмет установления подлинности подписей, оттисков печатей, факта подделки бланка.

2) Судебная экономическая экспертиза – для анализа финансовых потоков, установления схем обналичивания, расчета реального ущерба.

3) Компьютерно-техническая экспертиза – для исследования изъятой электроники, восстановления удаленных файлов, установления истории активности в сети.

– Оперативно-розыскные мероприятия: проведение оперативных комбинаций по задержанию соучастников, контролируемые телефонные переговоры, сбор данных о связях подозреваемых, работа с банками данных на предмет установления других эпизодов по схожим признакам.

Анализ практики выявляет ряд системных проблем:

1. Формальный подход к проверке заявлений банков, когда материал возвращается для «доработки» без полноценной проверки по существу.
2. Слабое знание следователями банковских технологий и процессов, что приводит к неполноте собираемых доказательств.
3. Трудности в установлении и доказывании умысла организаторов схем, особенно при использовании «дропов», которые берут всю вину на себя.
4. Проблемы квалификации и разграничения со смежными составами (ст. 159.1 УК РФ – мошенничество в сфере кредитования, ст. 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, ст. 159.3 – мошенничество с использованием платежных карт).

Пути совершенствования:

– Разработка и внедрение типовых межведомственных алгоритмов реагирования на обращения кредитных организаций, включая создание совместных рабочих групп.
– Создание баз данных («криминалистических паспортов») на типовые схемы мошенничества, используемые шаблоны документов, признаки поддельных справок для оперативного сравнения.
– Активное использование возможностей процессуального соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1 УПК РФ) с «дропами» и рядовыми исполнителями для выхода на организаторов.
– Повышение квалификации следователей в области основ банковского дела, финансового анализа и киберкриминалистики.

Частная криминалистическая методика расследования мошенничеств в сфере потребительского кредитования представляет собой не набор шаблонов, а гибкую, научно обоснованную систему действий, основанную на глубоком понимании специфики преступной деятельности в данной области. Ее ядром является криминалистическая характеристика, отражающая типичные способы, механизмы и участников преступных схем. От точности диагностики конкретной схемы зависит выбор оптимальной стратегии расследования: акцент на документоведческой экспертизе, оперативной проработке связей внутри банка или киберкриминалистическом исследовании цифровых следов.

– Эффективность методики напрямую зависит от уровня междисциплинарной подготовки следователя, качества его взаимодействия с оперативными службами, экспертами и представителями финансового сектора. Постоянная эволюция мошеннических практик требует адекватного развития и самой методики, ее обогащения новыми тактическими приемами и технологическими решениями. Только системный, научно-методический подход позволит правоохранительным органам не просто реагировать на уже совершенные преступления, но и вырабатывать эффективные меры по их предупреждению, создавая непреодолимые барьеры для криминального бизнеса в сфере потребительского кредитования.

Список литературы:

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате (ст. 159 – 159.6 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.01.2026).

[2] Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории / Р. С. Белкин. – Москва: Юридическая литература, 2018. – 320 с.

[3] Лубин, А. Ф. Расследование мошенничества в кредитно-финансовой сфере: методическое пособие / А. Ф. Лубин. – Москва: Щит-М, 2021. – 187 с.

[4] Карагодин, В. Н. Расследование экономических преступлений: учебное пособие / В. Н. Карагодин. – Москва: Проспект, 2022. – 256 с.

[5] Возгрин, И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений: учебное пособие / И. А. Возгрин. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр», 2019. – 412 с.

[6] Баев, О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие / О. Я. Баев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – 298 с.

[7] Гаврилин, Ю. В. Современные возможности криминалистики: монография / Ю. В. Гаврилин, Л. В. Терзиева. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 312 с.

[8] Егоров, Н. Н. Мошенничество в сфере банковского кредитования: уголовно-правовые и криминалистические аспекты / Н. Н. Егоров. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 215 с.

[9] Зуев, Е. И. Мошенничество: криминалистические проблемы расследования / Е. И. Зуев. – Москва: Экзамен, 2019. – 288 с.

[10] Корноухов, В. Е. Частные криминалистические теории и методики расследования преступлений / В. Е. Корноухов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 198 с.

[11] Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2023. – 5 12 с.

[12] Савельева, М. В. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования мошенничества в банковской сфере / М. В. Савельева. – Москва: Юстицинформ, 2018. – 176 с.

[13] Соловьев, А. Б. Использование специальных познаний при расследовании преступлений в сфере экономики / А. Б. Соловьев // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 45–51.

[14] Шепитько, В. Ю. Криминалистика: современные проблемы и перспективы развития / В. Ю. Шепитько. – Харьков: Право, 2019. – 344 с.

[15] Эксархопуло, А. А. Криминалистическое исследование документов: учебник для вузов / А. А. Эксархопуло, Т. В. Аверьянова. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2017. – 458 с.

[16] Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1964. т. 2, С. 24.

[17] Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций. Ч. 4. СПб., 1993. с. 6.

[18] Криминалистика. История, общая и частная теории. Том 1. / Под редакцией Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого. Академия МВД РФ. – М. 1995. –С.262.

[19] Васильев А. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – Соц.законность. 1975. № 4. с. 63.; Гранат Н.Л. Первоначальные следственные действия и их роль в методике расследования. – В кн.: Методика расследования преступлений. М., 1976. с.80.; Образцов В.А. О предмете методики расследования преступлений. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 31, с. 112.

[20] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., Академия МВД СССР. 1979. т. 3. С.176.

[21] Якимов И.Н. Криминалистика. М., 1929. С.33.

[22] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., Академия МВД СССР., 1979. т. 3. С. 176.

[23] Лузгин И.М. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Криминалистика. / Под ред. Б.А.Викторова, Р.С.Белкина. М., Юр.лит. 1976. С. 377.

[24] Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., Всесоюз.юр.заочн.ин-т. 1975. с. 4.

[25] Образцов В.А. Криминалистика. Цикл лекций по новой программе курса. М. «Юрикон». 1994. с. 122

[26] Криминалистика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» /под ред. И.Ф. Гераси« мова, Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 324.

References:

[1] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement (Articles 159-159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation): Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48. - Text: electronic//SPS “ConsultantPlus”: [site]. - URL: http://www.consultant.ru/ (access date: 25.01.2026).

[2] Belkin, R. S. Forensics: problems, trends, prospects. General and particular theories/R. S. Belkin. - Moscow: Legal literature, 2018. - 320 s.

[3] Lubin, A.F. Investigation of fraud in the credit and financial sphere: methodological manual/A.F. Lubin. - Moscow: Shield-M, 2021. - 187 s.

[4] Karagodin, V.N. Investigation of economic crimes: a textbook/V.N. Karagodin. - Moscow: Prospect, 2022. - 256 s.

[5] Sublimine, I. A. Forensic methodology for investigating crimes: a textbook/I. A. Sublimine. - St. Petersburg: Legal Center Publishing House, 2019. - 412 s.

[6] Bayev, O. Ya. Investigative tactics: textbook/O. Ya. Bayev. - Voronezh: Voronezh State University, 2020. - 298 p.

[7] Gavrilin, Yu. V. Modern possibilities of forensic science: monograph/Yu. V. Gavrilin, L. V. Terzieva. - Moscow: Yurlitinform, 2018. - 312 s.

[8] Egorov, N. N. Fraud in the field of bank lending: criminal-legal and forensic aspects/N. N. Egorov. - Moscow: Yurlitinform, 2019. - 215 s.

[9] Zuev, E.I. Fraud: forensic problems of the investigation/E.I. Zuev. - Moscow: Exam, 2019. - 288 p.

[10] Kornoukhov, V.E. Private forensic theories and methods of investigating crimes/V.E. Kornoukhov. - Krasnoyarsk: SibYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - 198 s.

[11] Rossinskaya, E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings/E. R. Rossinskaya. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2023. - 512 s.

[12] Savelyeva, M.V. Forensic support of disclosure and investigation of fraud in the banking sector/M.V. Savelyeva. - Moscow: Justicinform, 2018. - 176 s.

[13] Soloviev, A. B. The use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of economics/A. B. Soloviev//Bulletin of Economic Security. – 2021. – № 4. - S. 45-51.

[14] Shepitko, V. Yu. Criminalistics: modern problems and development prospects/V. Yu. Shepitko. - Kharkiv: Pravo, 2019. - 344 s.

[15] Exarkhopulo, A. A. Forensic study of documents: a textbook for universities/A. A. Exarkhopulo,

T. V. Averyanova. - St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House “Legal Center Press,” 2017. - 458 s.

[16] Encyclopedic Dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1964. vol. 2, p. 24.

[17] Sublimine I.A. Scientific foundations of forensic methods of investigating crimes. Course of lectures. PART 4. St. Petersburg, 1993. p. 6.

[18] Forensics. History, general and particular theories. Volume 1 ./Edited by R.S. Belkin, V.G. Kolomatsky. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - M. 1995. -S.262.

[19] Vasiliev A. Problems of the methodology for investigating certain types of crimes. - Social legislation. 1975. № 4. p. 63.; Pomegranate N.L. Initial investigative actions and their role in the investigative methodology. - In the book: Methods of investigating crimes. M., 1976. p.80.; Obraztsov V.A. On the subject of methods for investigating crimes. Crime fighting issues. M., 1979. No. 31, p. 112.

[20] Belkin R.S. Course of Soviet forensics. M., Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1979. vol. 3. S.176.

[21] Yakimov I.N. Forensics. M., 1929. S.33.

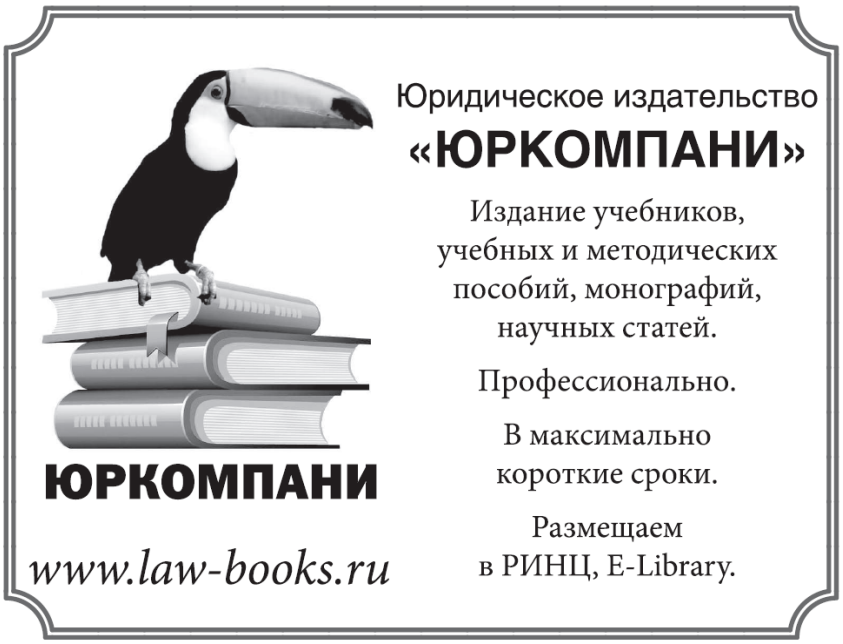
[22] Belkin R.S. Course of Soviet forensics. M., Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR., 1979. vol. 3. S. 176.

[23] Luzgin I.M. General provisions of the methodology for investigating certain types of crimes. Forensics ./Ed. B.A. Viktorova, R.S. Belkin. M., Yur.lit. 1976. S. 377.

[24] Panteleev I.F. Methods of investigating crimes. M., All-Union Legal Correspondence Institute 1975. p. 4.

[25] Obraztsov V.A. Forensics. A series of lectures on the new course program. M. “Yurikon.” 1994. from. 122

[26] Forensics: a textbook for university students studying in the direction and specialty “Jurisprudence “/ed. I.F. Gerasimov, L.Ya. Drapkina. M., 1994. P. 324.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-354-357
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru,
ORCID -0000-0001-5668-615X

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В статье автором делается частично анализ исторического опыта проведения международных тюремных конгрессов, а начиная с 2005 года конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. На основе анализа документов конгрессов, рассматривается возможность интеграции зарубежного опыта в деятельность уголовно-исполнительной системы современной России, на основе совершенствования правового законодательства. На основе этого делается вывод о необходимости тщательного исследования правовых, организационных и иных мер, а также последствий внедрения зарубежных новаций.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, зарубежный опыт, пенитенциарная практика, международный тюремный конгресс, международное сотрудничество, практическая значимость, внедрение.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU
Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

USING HISTORICAL EXPERIENCE IN DOMESTIC PENITENTIARY PRACTICE

Annotation: *In this article, the author partially analyzes the historical experience of holding international prison congresses, and since 2005, the UN congresses on crime prevention and criminal justice. Based on the analysis of the congress documents, the article examines the possibility of integrating foreign experience into the activities of the modern Russian penal system by improving legal legislation. The author concludes that it is necessary to thoroughly research legal, organizational, and other measures, as well as the consequences of introducing foreign innovations.*

Key words: *penal enforcement system, foreign experience, penitentiary practice, international prison congress, international cooperation, practical significance, implementation.*

Изучая опыт развития пенитенциарной системы в нашей стране, мы на основе анализа исторических документов, рассматриваем развития законодательной базы по данной проблеме в настоящее время. Основополагающим документом деятельности уголовно-исполнительной системы является УИК РФ[1]. Развитие законодательной базы пенитенциарной системы страны постоянно находится во внимании Правительства РФ и руководства ФСИН России. Одним из данных документов является Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года.

Данная Концепция является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) предусматривает международное сотрудничество, изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в деятельность уголовно-исполнительной системы (УИС) [2]. В данном документе рассматривается, то, что международное сотрудничество, изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, которое предусматривает:

Расширение и укрепление международного сотрудничества предусматривает:

– активизацию участия Федеральной службы исполнения наказаний в мероприятиях, проводимых под эгидой Организации Объединенных наций, Международной ассоциации исправительных учреждений и тюрем, Глобального контртеррористического форума, Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейской организации тюрем и исправительных учреждений, других международных организаций, касающихся сферы исполнения наказаний и обращения с осужденными;

– развитие нормативно-правовой базы обеспечения международного сотрудничества в пенитенциарной сфере;

– создание условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с учетом международных стандартов, в том числе стандартов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, решений Европейского Суда по правам человека, а также требований Европейских пенитенциарных правил;

– организацию и углубление сотрудничества с органами, комитетами международных, правительственных и общественных организаций, тюремными администрациями зарубежных стран;

– обеспечение реализации комплекса организационно-методических мероприятий по выполнению международно-правовых обязательств Российской Федерации в части соблюдения законности содержания осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства в исправительных учреждениях, освобождения из мест лишения свободы, выдачи иностранных граждан, совершивших преступления и отбывающих наказание на территории Российской Федерации, их государствам для отбывания наказания, экстрадиции, приема из-за рубежа осужденных российских граждан;

– совершенствование законодательства Российской Федерации по вопросам исполнения по отношению к иностранным гражданами и лицам без гражданства уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, передачи иностранных граждан для исполнения таких наказаний в государства гражданской принадлежности;

– формирование национальных правовых механизмов предотвращения нарушений и восстановление нарушенных прав осужденных, подозреваемых и обвиняемых, гарантированных в силу международных обязательств Российской Федерации[1].

Надо сказать, что международное сотрудничество в пенитенциарной сфере берет свое начало еще в первой половине XIX века, когда император Николай I в ходе своей поездки по Западной Европе посетил Пентонвильскую тюрьму в Лондоне, а по возвращении в Россию повелел активно изучать европейский тюремный опыт.

Все международные тюремные конгрессы можно условно разделить на три серии. Первая серия тюремных конгрессов включал в себя три съезда, состоявшихся в 1846, 1857 годах (Франкфурт-на-Майне) и в 1847 году (Брюссель). Главной целью первых пенитенциарных съездов, являвшихся в значительной степени благотворительными, стало распространение учения американских тюрьмоведов о пенсильванской и оборонской системах заключения. На втором конгрессе в Брюсселе было принято решение о создании постоянно действующего органа международных тюремных конгрессов – «Центрального комитета действия», который располагался в Париже.

Необходимо отметить, что на всех трех съездах этой серии Российская империя имела своих представителей. Но весьма существенным недостатком стало, на наш взгляд, преобладание в числе участников конгрессов литераторов, публицистов, экономистов и иных представителей либеральных политических идей [6, с. 45]. Преобладающей темой первой серии конгрессов стала система одиночного заключения, и все рассматриваемые вопросы так или иначе были с ней связаны.

На втором этапе было проведено двенадцать международных конгрессов, они, как правило, созывались один раз в пять лет. Однако, как и в прежние времена, периодичность международного сотрудничества нарушалась мировыми войнами. Большинство, а именно восемь конгрессов, прошли в период до 1914 года, а местами их проведения стали европейские столицы – Лондон (1872), Стокгольм (1878), Рим (1885), Санкт-Петербург (1890), Париж (1895), Брюссель (1900), Будапешт (1905) – за исключением Вашингтона, который принял пенитенциарный съезд в 1910 году [4, с. 52].

Конгрессы второй серии имели большую практическую направленность: именно на них впервые были рассмотрены вопросы условного осуждения, обращения с несовершеннолетними, аффекта, социальной защиты правонарушителей.

В период между мировыми войнами состоялось три конгресса: 1925 год – Лондон, 1930 год – Прага, 1936 год – Берлин, а после окончания второй мировой войны один – в Гааге (1950), на котором было принято решение о передаче координации международного сотрудничества в пенитенциарной области в только что созданную Организацию Объединенных Наций (ООН).

Начиная с 1955 года, конгрессы проводятся каждые пять лет в различных станах света, и затрагивают широкий круг уголовно-правовых, криминологических и пенитенциарных вопросов. Первоначально конгрессы назывались по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Однако с 2005 года (12 конгресс в Бангкоке) они проводятся под новым названием конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

Такие конгрессы являются консультативным органом Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию и рассматриваются как форум по обмену практическим опытом в области права, разработки новых тенденций в сфере уголовного правосудия и предупреждения преступности.

14 конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию состоялся 7-12 марта 2021 года в Киото (Япония). Он был перенесен с апреля 2020 года из-за пандемии коронавирусной инфекции. Конгресс впервые прошел в уникальном «гибридном» формате: некоторые участники выступали по видеосвязи (представители 152 стран и 114 неправительственных организаций). Среди обсуждаемых на конгрессе проблем были вопросы борьбы с пандемией в тюрьмах, прав заключенных и переаселенности тюрем.

Россия принимала международный тюремный конгресс всего один раз в 1890 году в Санкт-Петербурге. На этом форуме присутствовало более 300 делегатов из 17 стран, включая и такие страны, как, например, Япония и Аргентина. В ходе этого конгресса работала международная тюремная выставка, на которой была представлена продукция заключенных из стран-участниц конгресса. Кроме того, на выставке были представлены последние достижения тюремного дела конца XIX века, в частности, вагоны и пароходы для перевозки арестантов, макеты тюрем, одиночных камер, фотографии из жизни арестантов.

Выставка делилась на три коридора:

– продукция малолетних преступников;

– продукция арестантов общих мест заключения;

–продукция арестантов одиночных мест заключения. А перпендикулярно этим коридорам вся выставка была разделена на страны. Таким образом, идя по одному коридору, можно было увидеть продукцию определенной категории заключенных, а пересекая выставку поперек, можно было видеть достижения арестантского труда отдельной страны.

Однако не следует идеализировать решения и практическую значимость международных тюремных конгрессов. Внедрять зарубежные новации необходимо только, если тщательно изучить суть вопроса, оценить стоимость внедрения и возможность достижения желаемых результатов
[5, с. 123]. И, наконец, следует помнить, что и в нашей стране имеется собственный богатый опыт развития исправительных учреждений в различные исторические периоды, который с успехом можно применять и в настоящее время.

В подтверждение сказанного можно привести мнение выдающегося русского ученого-криминалиста, педагога, автора более 300 работ по различным правовым вопросам, участника многих международных конгрессов по вопросам криминалистики, пенитенциарии, борьбы с преступностью Павла Исааковича Люблинского (1882-1938).

В одной из своих работ под названием «О необходимости учреждения международного института уголовного права» Люблинский достаточно подробно анализирует «плюсы» и «минусы» проведения международных тюремных форумов. В своей работе он указывал, что с одной стороны, такие конгрессы содействовали «сплочению представителей уголовной науки для подготовки вопросов, требующих обсуждения, созыв конгресса служил неким стимулом к усилению внимания со стороны правительства принимающей страны к постановке тюремного дела. С другой стороны, по мнению ученого, такие конгрессы зачастую приводили к результатам, далеко не соответствовавшим тем усилиям, которые на них были затрачены. Это в первую очередь было связано «со случайным составом участников (в частности, на первых съездах большинство составляли не специалисты-правоведы, а экономисты, литераторы, медики), с поспешностью принятия резолюций, многочисленностью вопросов, подлежащих обсуждению, когда действительно спорные вопросы оставались без обсуждения, а также невозможностью организации постоянного научного сотрудничества» [3, с. 340-343].

Вместе с тем сопоставление сведений о конгрессах современных и прошлых позволяют сделать немало интересных выводов, актуальных для оценки положения дел в пенитенциарной сфере в настоящее время. Так 27 июня 2024 г. в Петербурге прошел XII Петербургский международный юридический форум. На данном мероприятии выступил директор ФСИН России А. Гостев, где в частности в своем выступлении он сообщил о направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний по подготовке лиц, оказавшихся в местах лишения свободы, к освобождению, особо подчеркнув

роль психологической помощи и воспитательной работы в исправительных учреждениях. В работе данного форума приняли участие руководители пенитенциарных служб ряда иностранных государств СНГ и КНР. В ходе выступления они поделились примерами международных положительных практик в ресоциализации осужденных[7].

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025)

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года».

[3] Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905-1915): моногр. / сост. и вступит. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2012.

[4] Пальченкова В.М. Организация общественного контроля на международном уровне: историко-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4(10). С. 51-56.

[5] Тимофеева Е.А., Усеев Р.З. Интеграция передового зарубежного опыта в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: миф или реальность? // 2017. № 3(39). С. 121-126.

[6] Третьякова Е.С. Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42. С. 41-47.

[7] Выступление директора ФСИН России А. Гостева на XII Петербургском международном юридическом форуме 27 июня 2024.

References:

[1] The Penal Enforcement Code of the Russian Federation" dated 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended. dated 12/17/2025)

[2] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On Approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030".

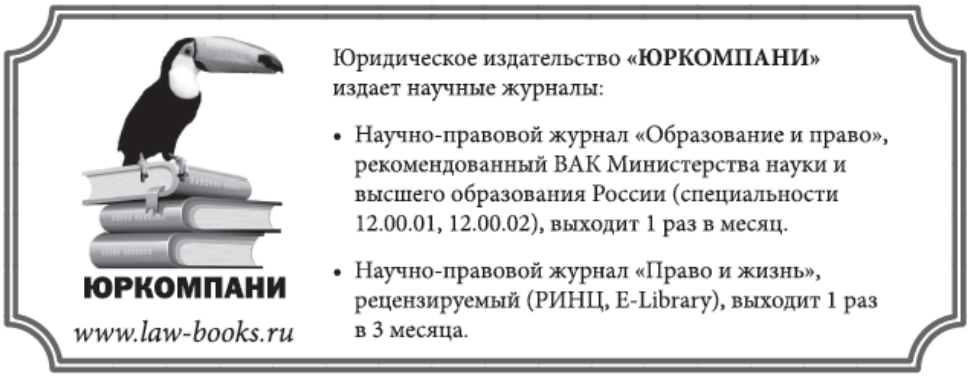
[3] Lublinsky, P.I. International Conferences on Criminal Law over Ten Years (1905-1915): Monograph / Compiled and Introduced by V.S. Ovchinsky and A.V. Fedorov. Moscow, 2012.

[4] Palchenkova V.M. The Organization of Public Control at the International Level: Historical and Legal Aspects // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4(10). Pp. 51-56.

[5] Timofeeva E.A., Useev R.Z. Integration of Advanced Foreign Experience into the Activities of the Penitentiary System of the Russian Federation: Myth or Reality? // 2017. No. 3(39). Pp. 121-126.

[6] Tretyakova E.S. The Main Congresses and Conferences of the 19th Century and Their Role in the Development of International Law // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2016. No. 42. Pp. 41-47.

[7] Speech by the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, A. Gostev, at the XII St. Petersburg International Legal Forum on June 27, 2024.

- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-358-364
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

СВИСТУНОВ Алексей Александрович,
кандидат юридических наук,
АНО ВО «Российский новый университет»,
доцент кафедры частного права, Москва, Россия,
e-mail: kozhevinaaa@minobrnauki.gov.ru

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию принципов административно-правового обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации. В условиях трансформации экономики и внешнего санкционного давления вопросы правового стимулирования инноваций приобретают ключевое значение для обеспечения технологического суверенитета страны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа публично-правовых механизмов, используемых государством для регулирования инновационных процессов, а также выявления базовых начал (принципов), на которых строится взаимодействие субъектов инновационной деятельности с органами исполнительной власти. Цель работы — определить и классифицировать принципы административно-правового обеспечения инновационной деятельности, выявить существующие правовые пробелы и предложить направления совершенствования законодательства. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Выводы: автор в зависимости от масштаба действия выделяет две группы принципов: общие (законность, приоритет прав человека, единства экономического пространства, идеологического многообразия и свободы научного творчества), и специальные принципы, непосредственно характеризующие административно-правовое регулирование в инновационной сфере (обеспечения технологического суверенитета и безопасности, стратегического планирования и приоритетности, сочетания государственного регулирования и свободы научно-технического творчества, системности поддержки и стимулирования). В статье обосновывается необходимость закрепления специальных принципов инновационной деятельности на уровне федерального закона.*

Ключевые слова: *административно-правовое обеспечение, инновационная деятельность, принципы административного права, принцип технологического суверенитета и безопасности.*

SVISTUNOV Alexey Aleksandrovich,
Ph.D. in Law,
ANO VO "Russian New University",
Associate Professor of the Department of Private Law,
Moscow, Russia

PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT FOR INNOVATIVE ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the study of the principles of administrative and legal support of innovation activity in the Russian Federation. In the context of economic transformation and external sanctions pressure, issues of legal incentives for innovation are becoming key to ensuring the technological sovereignty of the country. The relevance of the research is due to the need for a systematic analysis of the public law mechanisms used by the state to regulate innovation processes, as well as to identify the basic principles (principles) on which the interaction of subjects of*

innovation with executive authorities is based. The purpose of the work is to identify and classify the principles of administrative and legal support for innovation activities, identify existing legal gaps and suggest ways to improve legislation. The methodological basis was formed by formal-legal, comparative-legal, and systemic methods. Conclusions: Depending on the scale of action, the author distinguishes two groups of principles: general principles (legality, priority of human rights, unity of the economic space, ideological diversity, and freedom of scientific creativity), and special principles that directly characterize administrative and legal regulation in the innovation sphere (ensuring technological sovereignty and security, strategic planning and prioritization, combining state regulation and freedom of scientific and technical creativity, and systemic support and incentives). The article substantiates the need to establish special principles of innovation activity at the level of federal law.

Key words: *administrative and legal support, innovative activities, principles of administrative law, principle of technological sovereignty and security.*

Эффективность административно-правового обеспечения инновационной деятельности определяется не только наличием правовых норм и отдельных законов, национальных проектов и государственных программ, но и четкой системой руководящих идей (принципов), которые пронизывают всю правовую политику в этой области.

В науке административного права вопрос принципов инновационной деятельности изучен в недостаточной степени. Некоторые аспекты принципов государственной поддержки инновационной деятельности исследованы в работах В.М. Редкоуса [1, с. 84] и Е.А. Кузьминой [2, с. 10-11]. Принципы государственной инновационной политики в субъектах Российской Федерации являются предметом научных изысканий М.Ю. Буртового [3, с. 99-103]. В некоторых случаях принципы рассматриваются в контексте анализа отдельных вопросов инновационной сферы [4, с. 1-9]. Также вопрос изучения соответствующей проблематики осложняется тем, что в настоящее время инновационная деятельность имеет усечённое законодательное регулирование.

Понятие «принцип» имеет латинское происхождение, в переводе означая начало или основу [12]. Кроме того, он трактуется как «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы» [13].

В теории права встречаются различные определения. Так, согласно позиции С.С. Алексеева, под принципами права следует понимать «… выраженные в праве исходные нормативно руководящие начала, характеризующие его со держание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни» [5, с. 98].

В учебнике административного права под редакцией Л.Л. Попова и М.С. Студеникиной принципы административного права рассматриваются как «…базисные, исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности, на которых основываются административно-правовые нормы, правоотношения, механизм реализации прав и обязанностей субъектов административного права, в целом осуществление государственного управления» [6, с. 30].

С точки зрения Ю.Н. Старилова, под принципами административного права следует понимать «…основополагающие идеи, установления, выражающие объективные закономерности организации и формирования государственной власти в целом (а также исполнительной власти в особенности), определяющие научно обоснованные направления реализации компетенции, задач и функций государственных управленческих органов по осуществлению управленческих функций (в том числе и контрольно-надзорных полномочий)» [7, с. 363–364].

Следует согласиться с И.Е. Бочкаревым в том, что для понимания сущности принципов административного права важное значение имеют естественный и нормативный правовые подходы, при которых одни принципы возводятся в закон, а другие развиваются доктринально [8, с. 80–81].

Теоретическое развитие принципов административно-правового обеспечения инновационной деятельности осуществляется на основании концепций, программ, доктрин, определяющих целевые установки государственной политики в соответствующей сфере. Нормативно-правовой подход реализуется на федеральном и региональном уровнях государственного управления и выражается в принятии законодательных актов, указов, постановлений, определяющих функции органов публичной власти; актов, регулирующих статус специальных субъектов или территориальных образований, а также регионального законодательства.

В числе специального законодательства в инновационной сфере следует выделить Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [14], в котором содержится статья, посвященная основополагающим началам регулирования. В частности, в ней закреплены принципы экспери-

ментального правового режима, устанавливаемого при разработке, апробации и внедрении цифровых и технологических инноваций, к которым отнесены следующие:

1) недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан;

2) обеспечение безопасности личности, общества и государства;

3) прозрачность и открытость экспериментального правового режима;

4) равноправие претендентов;

5) добровольность участия в экспериментальном правовом режиме;

6) определенность специального регулирования по времени, кругу лиц и ограничение специального регулирования в пространстве;

7) минимизация отступлений от общего регулирования.

При практической реализации экспериментальных правовых режимов указанные принципы позволяют избежать рисков: злоупотребление правовыми гарантиями, неконтролируемые негативные последствия для третьих лиц, иные нарушения закона. Поэтому центральное значение приобретает данная совокупность принципов, которая задаёт легитимные рамки отступления от общего регулирования и обеспечивает баланс между инновационной свободой и защитой публичных интересов.

В отсутствие федерального рамочного закона регионы Российской Федерации проявили значительную нормотворческую активность. М.Ю. Буртовой отмечает, что вопрос основных начал в региональном законодательстве чаще регулировался с позиций принципов инновационной политики или принципов государственной поддержки инновационной деятельности [9, с. 55-56].

Вместе с тем представляется, что усилия государства в правовом регулировании инновационной политики должны быть сконцентрированы только на федеральном уровне, что будет способствовать формированию единых основополагающих начал, на которых следует выстраивать систему законодательства об инновационной деятельности. Предпочтительным выглядит закрепление в нем отдельных положений, раскрывающих принципы государственной политики в сфере инновационной деятельности.

Резюмируя, следует дать определение принципам административно-правового обеспечения инновационной деятельности, как объективно обусловленным и нормативно зафиксированные основополагающим началам, которые определяют построение и функционирование органов публичного управления в инновационной сфере, содержание и порядок совершения управленческих действий, а также пределы государственного принуждения в инновационной сфере при обеспечении баланса между стимулированием технологического развития и соблюдением значимых для национальной безопасности запретов.

Приступая к содержательному анализу, следует признать, что принципы правового обеспечения инновационной деятельности носят межотраслевой характер, интегрируя в себе начала административного, гражданского, финансового и иных отраслей права. В контексте настоящего исследования интерес представляет их административно-правовое выражение. В связи с этим в качестве критерия классификации необходимо выбрать масштаб действия принципов, который позволяет разделить их на общие, носящие универсальный характер, берущие свои истоки из конституционных норм; и специальные принципы, непосредственно характеризующие административно-правовое регулирование в инновационной сфере.

Рассмотрение данного вопроса следует начинать с общих принципов, закрепленных в Основном законе нашего государства (законности, соблюдения прав и законных интересов субъектов, единства экономического пространства, идеологического многообразия и свободы научного творчества).

Принцип законности является также универсальным принципом любого вида публичного управления. В сфере инноваций его содержание приобретает особую значимость в силу сложности нормативного массива. Инноваторы (например, субъекты малого предпринимательства, исследовательские группы) должны иметь четкое представление о порядке получения государственной поддержки, требованиях к отчетности и основаниях для применения мер административного принуждения. Содержание принципа законности относительно инновационной деятельности раскрывается через следующие элементы: во-первых, верховенство закона в системе нормативных правовых актов, регулирующих инновационные отношения; во-вторых, обязательность соблюдения правовых предписаний для всех участников инновационной деятельности, включая государственные органы; в-третьих, непротиворечивость актов управления и правоприменительных решений положениям закона; в-четвертых, неотвратимость юридической ответственности за нарушения в инновационной сфере.

Особого внимания заслуживает такой инструмент правового регулирования, как экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых и технологических инноваций. В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в

Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14], экспериментальный правовой режим определяется как «применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования». Данный механизм представляет собой институционализированное отступление от общего правового регулирования, допускаемое в целях апробации и внедрения инноваций. С точки зрения принципа законности, экспериментальные правовые режимы создают определенную коллизию: с одной стороны, они легитимируют отступление от действующих норм, с другой — само это отступление осуществляется на строго определенных законом условиях, что позволяет говорить о «гибкой законности».

Корреспондирующим ему выступает **принцип соблюдения прав и законных интересов субъектов** инновационной деятельности. Его нормативное содержание раскрывается через признание человека высшей ценностью, а прав и свобод — непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. В контексте инновационной деятельности данный принцип приобретает особую актуальность в силу способности новых технологий оказывать беспрецедентное по глубине воздействие на личность.

С теоретической точки зрения, принцип приоритета прав человека в инновационной деятельности сконструирован как превентивно-защитный механизм, предполагающий недопустимость создания и внедрения технологий, способных причинить неустранимый вред правам и законным интересам личности.

Например, в 2023 г. в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 20 была введена ч. 3.1, содержащая правило о том, что при осуществлении инновационной деятельности в сфере образования должно быть обеспечено соблюдение прав и законных интересов участников образовательных отношений, а предоставление и получение образования, включая качество и уровень, не могут быть ниже требований, установленных федеральным государственным образовательным стандартом, федеральными государственными требованиями, образовательным стандартом [15].

Напомним, что законодательно принцип приоритета прав человека и гражданина предусмотрен в отношении экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации и определяет недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан, нарушения единства экономического пространства на территории Российской Федерации или иного умаления гарантий защиты прав граждан и юридических лиц [16].

Переходя к рассмотрению специальных принципов административно-правового обеспечения инновационной деятельности, следует начать с ключевого в настоящий момент – **принципа обеспечения технологического суверенитета и безопасности.**

В современных условиях этот принцип приобрел доминирующее значение. Закрепленный в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, он предполагает организацию административно-правового регулирования таким образом, чтобы обеспечить: импортозамещение в критических отраслях экономики (включая поддержку отечественного производителя, а также выпуск аналогов); государственный контроль за передачей за рубеж собственных технологий двойного назначения; поддержку разработок, способствующих укреплению обороноспособности и безопасности государства.

Указанный принцип рассчитан также на реализацию проектов технологического суверенитета, которые являются проектами полного инновационного цикла по производству высокотехнологичной продукции на основе собственных линий разработки с использованием критических и сквозных технологий, охватывающими все стадии инновационного цикла и включающими в том числе кадровые и регуляторные аспекты [17].

Практическая реализация данного принципа сопряжена со значительными вызовами: необходимостью концентрации ресурсов при сохранении гибкости инновационной системы, балансированием между закрытостью критических технологий и открытостью научной коммуникации, преодолением институциональных разрывов между наукой и производством.

Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит понятие технологических инноваций, создаваемых и внедряемых разработчиками технологий и производителями высокотехнологичной продукции с учетом уровней готовности технологий, производства и рыночной готовности, а также коммерциализации высокотехнологичной продукции в целях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации [18].

С принципом суверенитета в технологической сфере гармонично сочетается требование об открытости и интеграции в глобальную инновационную систему. Несмотря на выбранный

курс на суверенитет, Россия не может и не должна развиваться в изоляции, поэтому параллельно продвигаются направления, связанные с участием в международных научных проектах [19], привлечением иностранных ученых и специалистов на основе упрощенных процедур, созданием условий для локализации центров в сфере инноваций в России, а также с адаптацией национальных стандартов к международным.

Принцип безопасности в инновационной деятельности выступает в данном случае в качестве дополнительного и представляет собой совокупность ограничений, методов и организационных мер, направленных на недопущение неприемлемого ущерба для человека, общества и окружающей среды в процессе создания и внедрения новшеств. Актуальность данного принципа резко возрастает в эпоху четвертой промышленной революции, когда темпы появления технологий (искусственный интеллект, редактирование генома, автономные системы) опережают способность институтов прогнозировать их отдаленные последствия.

Законодательно принцип безопасности в настоящий момент закреплен в отношении экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации и определяет обеспечение безопасности личности, общества и государства [16].

Принцип стратегического планирования и приоритетности. Под принципом государственного стратегического планирования в данной работе понимается фундаментальное правило, исходное положение или нормативная установка, определяющая логику формирования, реализации и корректировки стратегических документов в инновационной сфере, а также механизмы взаимодействия субъектов и объектов планирования.

Государство определяет инновационное развитие как национальный стратегический приоритет. Это закреплено в ключевых программных документах: Стратегии научно-технологического развития РФ [20], национальных проектах [21], государственных программах. Административно-правовое обеспечение выстраивается для реализации этих стратегий. Указанный принцип проявляется в выделении критических и сквозных технологий, а также во внедрении технологических инноваций [22].

Принцип приоритетности означает необходимость сознательного выбора одних инновационных направлений, проектов или технологий за счет отказа от других, даже если последние обладают высокой привлекательностью. На федеральном уровне он определяется государственной научно-технологической политикой, которой определены национальные технологические приоритеты, включая обороноспособность, технологическую безопасность, экспортный потенциал и др.

Проведенный анализ показывает, что принцип стратегического планирования и принцип приоритетности в инновационной деятельности находятся в диалектическом единстве. Стратегическое планирование без приоритетности вырождается в рассеянное бюджетирование, а приоритетность без стратегического планирования превращается в набор тактических решений, не ведущих к долгосрочным целям.

Принцип системности поддержки и стимулирования. Под принципом системной поддержки инновационной деятельности понимается фундаментальное правило, согласно которому все меры, инструменты и институты, направленные на создание, развитие и диффузию инноваций, должны быть организованы как целостная, взаимосвязанная и иерархически упорядоченная система. Данная система охватывает все этапы инновационного цикла — от генерации фундаментального знания до коммерциализации готового продукта — и все уровни управления.

В 2026 году Президент РФ поставил в качестве шестой системной задачи создание дополнительных эффективных стимулов отечественным инновациям [23].

Согласно ст. 16.1 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) «О науке и государственной научно-технической политике» государственная поддержка инновационной деятельности – это совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность [24].

По мнению Т.В. Ефимцевой, механизм государственного стимулирования инновационной деятельности включает правовую основу, цели и принципы, способы и источники государственного стимулирования инновационной деятельности, а также независимую систему отбора лучших инвестиционных проектов, порядок инвестирования и систему контроля за эффективностью вложения средств [10, с. 61-62].

Кроме того, в ст. 10 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2025 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [25] закреплен принцип стимулирования инноваций, в рамках которого заказчики при осуществлении планиро-

вания и выполнении закупок должны исходить из приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции. Инновационная деятельность должна быть обеспечена стимулирующим воздействием [11, с. 55].

В результате проведенного исследования можно сформулировать в качестве прикладного, практико-ориентированного предложения о возможности законодательного закрепления специальных принципов. Нормативно-правовое регулирование принципов инновационной деятельности должно осуществляться исключительно на федеральном уровне посредством установления единых основополагающих начал для обоих уровней. Данный подход будет способствовать формированию универсального варианта регулирования инновационной деятельности и соблюдению баланса интересов Российской Федерации и регионов по вопросам совместного ведения. Формой реализации данного предложения может быть отдельная статья в проекте федерального закона об инновационной деятельности.

Список литературы:

[1] Редкоус В.М. Некоторые вопросы инновационного развития в государствах-участниках СНГ // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 84-86.

[2] Кузьмина Е.О. Административно-правовое регулирование участия государства в инновационной деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 22 с.

[3] Буртовой М.Ю. Административно-правовое регулирование принципов государственной инновационной политики в субъектах Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20, № 4. С. 99-103.

[4] Кравченко А.Г., Овчинников А.И. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1-10.

[5] Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 1. 359 с.

[6] Попов Л.Л., Студеникина М.С., Агапов А.Б. и др. Административное право: учебник. М.: Норма, 2018. 704 с.

[7] Старилов Ю.Н. Курс общего административного права. В 3 т. Т. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2002. 728 с.

[8] Бочкарев И.Е. О понятии и практическом значении принципов отрасли административного права в механизме административно-правового регулирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 78-90.

[9] Буртовой М.Ю. Административно-правовое регулирование инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Буртовой Максим Юрьевич; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. — Челябинск, 2011. — 216 с.

[10] Ефимцева Т.В. Инновационное право Российской Федерации: монография. Рязань: Концепция, 2014. 128 с.

[11] Краснова С. В. Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений / С. В. Краснова // Право и государственность. 2026. № 1(10). С. 52-56.

[12] Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940. // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/974554 (дата обращения: 29.05.2026).

[13] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 2006. С. 595.

[14] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017; 2025. № 31, ст. 4690.

[15] СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598; 2026. № 17 (ч. I), ст. 2152.

[16] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5017; 2025. № 31, ст. 4690.

[17] Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р (в ред. от 21 октября 2024 г.) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964; 2024. № 44, ст. 6677.

[18] СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I), ст. 8533.

[19] Об участии в международном совместном эксперименте в области термоядерного синтеза // ITER. URL: https://www.iter.org/about/itermembers (дата обращения: 30.04.2026).

[20] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

[21] Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

[22] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I), ст. 8533.

[23] Выступление Президента РФ на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 декабря 2025 г. // Админи-

страция Президента Росссийской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78672 (дата обращения: 30.04.2026).

[24] СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137; 2025. № 26 (ч. I), ст. 3497.

[25] СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; 2025. № 52 (ч. I), ст. 8294.

References:

[1] Redkous V.M. Some issues of innovative development in the CIS member states // Agrarian and land law. 2024. No. 10 (238). Pp. 84-86.

[2] Kuzmina E.O. Administrative and legal regulation of state participation in innovation activities in the Russian Federation: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2011. 22 p.

[3] Burtovoy M.Yu. Administrative and legal regulation of the principles of state innovation policy in the constituent entities of the Russian Federation // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2020. Vol. 20, No. 4. Pp. 99-103.

[4] Kravchenko A.G., Ovchinnikov A.I. Principles and Priorities of Russia's Legal Policy in the Digital Economy // NB: Administrative Law and Administration Practice. 2020. No. 4. pp. 1-10.

[5] Alekseev S.S. General Theory of Law: in 2 volumes. Moscow: Legal Literature, 1981. Vol. 1. 359 p.

[6] Popov L.L., Studenikina M.S., Agapov A.B., et al. Administrative Law: Textbook. Moscow: Norma, 2018. 704 p.

[7] Starilov Yu.N. Course of General Administrative Law. In 3 volumes. Vol. 1: History. Science. Subject. Norms. Subjects. Moscow: NORMA: INFRA-M, 2002. 728 p.

[8] Bochkarev I.E. On the Concept and Practical Significance of the Principles of the Administrative Law Branch in the Mechanism of Administrative-Legal Regulation // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2022. No. 3. pp. 78-90.

[9] Burtovoy M.Yu. Administrative-legal regulation of innovation activities in the constituent entities of the Russian Federation: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.14 / Burtovoy Maxim Yuryevich; [Place of protection: South Ural State University]. - Chelyabinsk, 2011. - 216 p.

[10] Efimtseva T.V. Innovation Law of the Russian Federation: monograph. Ryazan: Concept, 2014. 128 p.

[11] Krasnova S.V. National projects in the system of legal regulation of public relations / S.V. Krasnova // Law and statehood. 2026. No. 1(10). P. 52-56.

[12] Ushakov's Explanatory Dictionary. D.N. Ushakov. 1935-1940. // Academician. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/974554 (accessed: 29.05.2026).

[13] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4th ed., supplemented. Moscow, 2006. P. 595.

[14] Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I), Art. 5017; 2025. No. 31, Art. 4690.

[15] Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part I), Article 7598; 2026. No. 17 (Part I), Article 2152.

[16] Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ (as amended on July 31, 2025) "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I), Article 5017; 2025. No. 31, Article 4690.

[17] Order of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r (as amended on October 21, 2024) "On Approval of the Concept of Technological Development for the Period up to 2030" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 22, Art. 3964; 2024. No. 44, Art. 6677.

[18] Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53 (Part I), Art. 8533.

[19] On Participation in the International Joint Experiment in the Field of Thermonuclear Fusion // ITER. URL: https://www.iter.org/about/iter-members (date of access: 30.04.2026).

[20] Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // SZ RF. 2024. No. 10, Art. 1373.

[21] Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective Up to 2036" // SZ RF. 2024. No. 20, Art. 2584.

[22] Federal Law of December 28, 2024 No. 523-FZ "On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2024. No. 53 (Part I), Art. 8533.

[23] Speech by the President of the Russian Federation at the meeting of the Council for Strategic Development and National Projects on December 8, 2025 // Administration of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78672 (accessed: 30.04.2026).

[24] Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 35, Art. 4137; 2025. No. 26 (Part I), Art. 3497.

[25] Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652; 2025. No. 52 (Part I), Art. 8294.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-365-367
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

МАКАЗИЕВА Зара Даутовна,
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, e-mail: zara6756@mail.ru

ХАДЖИЕВ У.К.,
старший преподаватель кафедры таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова», e-mail: einstein_95@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ЦЕЛЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. *Предупреждение преступлений в цифровой среде базируется на постоянном мониторинге открытых и закрытых сегментов сети. Автоматизированные системы сканирования способны выявлять аномальную активность, характерную для подготовки DDoS-атак или распространения вредоносного ПО. Технологии лингвистического анализа позволяют в реальном времени отслеживать появление экстремистских призывов или предложений о продаже запрещенных веществ, классифицируя их по степени угрозы и передавая информацию оперативным сотрудникам для принятия мер реагирования.*

Ключевые слова: *цифровая сфера, предупреждение, мониторинг, экстремизм, сетевая атака, международное сотрудничество, следователь, угроза.*

MAKAZIEVA Zara Dautovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Chechen State University named after A. A. Kadyrov

KHADZHIEV U.K.,
Senior Lecturer, Department of Customs Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millionshchikov"

DIGITAL SPACE MONITORING TECHNOLOGIES FOR CRIME PREVENTION

Annotation. *Crime prevention in the digital environment is based on constant monitoring of open and closed network segments. Automated scanning systems are capable of detecting abnormal activity typical for preparing DDoS attacks or spreading malware. Linguistic analysis technologies allow real-time monitoring of the appearance of extremist appeals or offers for the sale of prohibited substances, classifying them according to the degree of threat and transmitting information to operational staff to take response measures.*

Key words*: digital sphere, prevention, monitoring, extremism, network attack, international cooperation, investigator, threat.*

Эффективность мониторинга повышается за счет интеграции данных из различных ведомственных систем и открытых источников. Создание «цифровых ловушек» (honeypots) позволяет изучать методы работы хакеров, не подвергая риску реальную инфраструктуру. Таким образом, современные компьютерные технологии позволяют перейти от расследования уже совершенных деяний к стратегии упреждающего воздействия, минимизируя возможный ущерб от киберпреступности и обеспечивая стабильность информационного пространства [15].

Ликвидация технологического дисбаланса между возможностями организованной преступности и техническими ресурсами следственных подразделений требует системного подхода к обновлению материально-технической базы.

В приоритете — создание централизованных аппаратно программных комплексов, обеспечивающих высокоскоростную обработку массивов данных в масштабе всей страны. Наряду с оснащением важно перестроить систему профессиональной подготовки, включив в учебные планы профильных вузов дисциплины, углубляющие знания об архитектуре компьютерных систем и методах криптографического анализа. Формирование корпуса специалистов, совмещающих компетенции в правовой сфере и информационных технологиях, даст возможность эффективно применять современные средства фиксации виртуальных следов. Только комплексное сочетание кадрового потенциала и современного инструментария обеспечит существенный рост результативности борьбы с высокотехнологичной преступностью [9]. Анализ зарубежной практики показывает, что наиболее результативные модели противодействия киберугрозам строятся на плотном взаимодействии государственных структур и частного сектора. Европол и Интерпол показывают нам как эффективно работает создание совместных центров мониторинга. Международные организации, проводя совместный мониторинг в реальном времени, производят обмен информацией о нововведениях вредоносного ПО и сетевых атаках. Такое сотрудничество позволяет быстро реагировать на международные атаки. [15].

Для следователей из разных регионов применение распределённых систем обеспечивает быстрый доступ к результатам экспертиз и оперативным сводкам, что является очень важным при раскрытии сетевых преступлений. Проводя исследование, мы все больше склоняемся к мнению, что современные компьютерные технологии стали неотъемлемой частью системы раскрытия преступлений, коренным образом меняя традиционные криминалистические практики. Цифровая среда порождает специфические виды следов, требующие применения высокотехнологичных методов их фиксации и анализа. Основной вывод - необходимость перехода от разрозненного использования программных средств к созданию единой интеллектуальной инфраструктуры правоохранительных органов, способной в реальном времени противодействовать киберугрозам.

Анализ теоретических и правовых основ выявил, что действующая нормативная база нуждается в оперативной адаптации к вызовам цифровой эпохи. Ключевой проблемой остаётся процессуальное закрепление статуса электронных доказательств, полученных посредством алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) и методов анализа больших данных (Big Data). Для обеспечения допустимости таких доказательств в судебной практике требуется разработка нормативных стандартов технической верификации и экспертной оценки, исключающих возможность манипуляции цифровой информацией на всех стадиях следственного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в систематизации методик работы с волатильными данными и восстановлением удалённой информации. Было показано, что автоматизация поиска доказательств в глобальных сетях и применение биометрических систем идентификации позволяют статистически значимо повысить эффективность оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем, технологическое преимущество правоохранительных органов возможно лишь при условии постоянного обновления программного обеспечения и устранения кадрового дефицита специалистов с глубокими знаниями в области цифровой криминалистики.

В перспективе дальнейшее совершенствование средств раскрытия преступлений будет неразрывно связано с внедрением предиктивной аналитики и специализированных систем противодействия приёмам сокрытия цифровых следов, таким как стеганография и криптографическая анонимизация. Международное сотрудничество и обмен опытом в области интеграции инновационных компьютерных систем рассматриваются в качестве решающих факторов повышения эффективности борьбы с трансграничной преступностью.

Список литературы:

[1] Криминалистика : учебник / под ред. А. Н. Колесниченко. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — 541 с.

[2] Цифровая криминалистика : учеб. пособие / В. Ю. Флегонтов. — 3-е изд. — М. : РИТВУС, 2022. — 256 с.

[3] Инновационные подходы в криминалистике: методы цифровой криминалистики в борьбе с запрещенным контентом // Вестник криминалистики. — 2022. — № 4. — С. 5-20. — URL: https://www.kvsz.ru/ru/nauka/article/99319/view (дата обращения: 15.02.2026).

[4] О соотношении традиционной криминалистики и цифровой криминалистики // Бюллетень Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2023. — № 2. — С. 45-52. — URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=27156 (дата обращения: 20.01.2026).

[5] Угрюмов А. Ю. Криминалистическая характеристика киберпреступлений в системах

электронных платежей // Вестник экономической безопасности. — 2023. — № 1. — С. 78-89. — URL: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=78140 (дата обращения: 10.02.2026).

[6] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.03.2026).

[7] Криминалистика: место цифровой криминалистики в науке и перспективы развития // Информационно-правовые проблемы современной виртуальной среды. — 2023. — № 2. — С. 112-120. — URL: https://www.ippsvfu.ru/jour/article/view/223 (дата обращения: 18.02.2026).

[8] Цифровое состояние криминалистической науки: актуальные и перспективные разработки / А. В. Наумов, И. П. Смирнова. — М. : Юристъ, 2024. — 210 с.

[9] Полозов К. А. Цифровая криминалистика: проблемы и перспективы // Юрист. — 2024. — № 3. — С. 34-41. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-sostoyanie-kriminalisticheskoy-nauki-aktualnye-i-perspektivnye-razrabotki-i-ih-prakticheskoe-voploschenie (дата обращения: 12.03.2026).

[10] Единая биометрическая система: отчет о внедрении цифровых технологий в правоохрану / Минцифры России. — М. : Изд-во Минцифры, 2024. — 145 с.

[11] Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. — 3rd ed. — Waltham : Academic Press, 2011. — 807 p.

[12] Pollitt M. A History of Digital Forensics // Advances in Digital Forensics VI / eds. K. K. R. Choo, S. Shenoi. — Berlin : Springer, 2010. — P. 3-15.

[13] Reedy P. Interpol Review of Digital Forensics // Forensic Science International. — 2015. — Vol. 249. — P. 1-10.

[14] Garfinkel S. L. Digital Forensics Research: The Next 10 Years // Digital Investigation. — 2010. — Vol. 7, suppl. 1. — P. S64-S73.

[15] Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2021 [Electronic resource]. — URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/iocta-2021 (accessed: 15.02.2026).

References:

[1] Forensics: textbook/ed. A.N. Kolesnichenko. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Yurayt, 2020. - 541 p.

[2] Digital forensics: tutory. manual/V. Yu. Flegontov. - 3rd ed. - M.: RITVUS, 2022. - 256 s.

[3] Innovative Approaches in Forensic Science: Digital Forensic Techniques in Combating Illicit Content//Bulletin of Forensic Science. — 2022. — № 4. - S. 5-20. - URL: https://www.kvsz.ru/ru/nauka/article/99319/view (access date: 15.02.2026).

[4] On the relationship between traditional forensics and digital forensics//Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. — 2023. — № 2. - S. 45-52. - URL: https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=27156 (access date: 20.01.2026).

[5] Ugryumov A. Yu. Forensic characteristics of cybercrimes in electronic payment systems//Bulletin of Economic Security. — 2023. — № 1. - S. 78-89. - URL: http://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=78140 (access date: 10.02.2026).

[6] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On Information, Information Technology and Information Protection” [Electronic Resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (access date: 05.03.2026).

[7] Forensics: the place of digital forensics in science and development prospects//Information and legal problems of the modern virtual environment. — 2023. — № 2. - S. 112-120. - URL: https://www.ippsvfu.ru/jour/article/view/223 (access date: 18.02.2026).

[8] Digital state of forensic science: current and promising developments/A.V. Naumov, I.P. Smirnova. - M.: Lawyer, 2024. - 210 s.

[9] Polozov K. A. Digital forensics: problems and prospects//Lawyer. — 2024. — № 3. - S. 34-41. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-sostoyanie-kriminalisticheskoy-nauki-aktualnye-i-perspektivnye-razrabotki-i-ih-praktich-eskoe-voploschenie (дата обращения: 12.03.2026).

[10] Unified biometric system: report on the introduction of digital technologies in law enforcement/Ministry of Digital Industry of Russia. - M.: Publishing House of the Ministry of Digital Industry, 2024. - 145 s.

[11] Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. — 3rd ed. — Waltham : Academic Press, 2011. — 807 p.

[12] Pollitt M. A History of Digital Forensics // Advances in Digital Forensics VI / eds. K. K. R. Choo, S. Shenoi. — Berlin : Springer, 2010. — P. 3-15.

[13] Reedy P. Interpol Review of Digital Forensics // Forensic Science International. — 2015. — Vol. 249. — P. 1-10.

[14] Garfinkel S. L. Digital Forensics Research: The Next 10 Years // Digital Investigation. — 2010. — Vol. 7, suppl. 1. — P. S64-S73.

[15] Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2021 [Electronic resource]. — URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/iocta-2021 (accessed: 15.02.2026).

-УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-368-371
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
заведующий кафедрой биотехнологии и пищевых продуктов кандидат биологических наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ, e-mail: opneverova@mail.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ, e-mail: spv2388@yandex.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщения; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН, e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ГОРЕЛИК Артём Сергеевич,
кандидат биологических наук, преподаватель кафедры Уральский институт ГПС МЧС России, e-mail: mail@law-books.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,
мастер производственного обучения кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ, e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

ПАШУК Екатерина Юрьевна,
Педагог-организатор факультета среднего профессионального образования, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ, e-mail: pashuk_eiu@urgau.ru

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ В АГРАРНЫХ ВУЗАХ

Аннотация. *В статье рассматривается роль производственной практики в подготовке студентов аграрных вузов. Описаны основные цели и задачи практики, показано, как она помогает закрепить теорию на реальном производстве и развить профессиональные навыки. Предложены рекомендации по организации практики на предприятиях: как ставить задачи, закреплять наставников, оценивать результаты и связывать практику с будущей работой [1].*

Ключевые слова*: высшее аграрное образование, производственная практика, профессиональные компетенции, агропромышленный комплекс, цифровое земледелие, партнёрство с работодателями, качество образования.*

NEVEROVA Olga Petrovna,
Head of the Department of Biotechnology and Food Products
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Ural State Agrarian University

SHARAVIEV Pavel Viktorovich,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport;
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University; Senior Researcher
at the Ural Veterinary Research Institute FGBNU Urfanits
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

GORELIK Artyom Sergeevich,
Candidate of Biological Sciences,
lecturer Departments Ural Institute of GPS
of the Ministry of Emergency Situations of Russia

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,
Master of Industrial Training,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

PASHUK Ekaterina Yurievna,
Teacher-organizer of the Faculty
of Secondary Vocational Education,
Ural State Agrarian University

GOALS AND OBJECTIVES OF THE PRODUCTION PRACTICE IN AGRICULTURAL UNIVERSITIES

Annotation. *The article examines the role of industrial practice in the training of students of agricultural universities. The main goals and objectives of the practice are described, and it is shown how it helps to consolidate theory in real production and develop professional skills. Recommendations on the organization of practice at enterprises are offered: how to set tasks, secure mentors, evaluate results, and link practice with future work [1].*

Key words: *higher agricultural education, industrial practice, professional competencies, agro-industrial complex, digital agriculture, partnership with employers, quality of education.*

Сельское хозяйство сегодня быстро меняется: появляются новые технологии, цифровые системы и современные подходы к организации труда. Поэтому выпускникам аграрных вузов уже недостаточно только знаний из учебников. Им нужны реальные навыки, умение работать в команде, быстро адаптироваться и принимать решения в условиях производства. Главным инструментом для этого является производственная практика. Однако часто она превращается в формальность: студенты получают «галочку» в дневнике, но не погружаются в реальные процессы [1].

В отличие от учебной практики, носящей ознакомительный характер, производственная практика предполагает включение студента в реальные производственные процессы под руководством наставников от вуза и предприятия, выполнение конкретных технологических, аналитических или проектных задач, а также подготовку материалов, имеющих прикладную ценность для организации. Методологическую основу составляют компетентностный подход, теория практико-ориентированного обучения и модель наставничества (преподаватель – производственный наставник – студент). В аграрной

специфике дополнительно учитываются: цикличность биологических процессов, сезонная неравномерность загрузки, высокая ответственность за живые системы и природные ресурсы, а также быстрая цифровизация управленческих и технологических контуров.

Цели практики формулируются на уровне образовательной программы и конкретизируются в рабочих программах по направлениям подготовки. В современных условиях их можно сгруппировать в четыре стратегических блока:

Блок целей	Содержание
Профессионально-технологический	Интеграция теоретических знаний с реальными производственными процессами; освоение современных агротехнологий, зоотехнических приёмов, инженерных и цифровых решений АПК.
Компетентностно-управленческий	Формирование навыков анализа производственных данных, оптимизации ресурсов, планирования работ, взаимодействия с смежными подразделениями, соблюдения норм ОТ и экологической безопасности.
Личностно-профессиональный	Развитие профессиональной идентичности, адаптация к корпоративной культуре аграрных предприятий, формирование ответственности, этики труда, стрессоустойчивости и готовности к непрерывному саморазвитию.
Инновационно-проектный	Выявление производственных проблем, формулирование и апробация проектных предложений, подготовка материалов, способных быть внедрёнными в практику предприятия или стать основой выпускной квалификационной работы.

Задачи производственной практики:

1. Освоение современных агротехнологий, зоотехнических, инженерных и ветеринарных приёмов в условиях действующего предприятия.
2. Выполнение регламентных операций (посев, уход за культурами, кормление и содержание животных, обслуживание техники) под контролем производственного наставника.
3. Работа с цифровыми инструментами АПК: системами точного земледелия, датчиками мониторинга состояния почвы и животных [3].

Эффективность производственной практики обеспечивается триадной моделью взаимодействия:

Вуз разрабатывает программу практики, назначает научного руководителя, обеспечивает методическое сопровождение и финальную аттестацию.

Предприятие предоставляет производственную базу, назначает производственного наставника, формулирует реальные задачи, обеспечивает доступ к данным и технике, участвует в оценке.

Студент выполняет индивидуальный план, ведёт отчётность, проходит промежуточные и итоговые контрольные точки, представляет проект или аналитический отчёт.

Критерии оценки результативности:

– Качество освоения технологических операций (наблюдение наставника, чек-листы);
– Глубина аналитической проработки данных (отчёт, расчёты, визуализация);
– Практическая ценность предложений (возможность внедрения, экономический/экологический эффект);
– Уровень профессиональной рефлексии (дневник, самоанализ, защита);
– Соответствие сформированных компетенций индикаторам ФГОС ВО и профессионального стандарта.

Несмотря на нормативную проработку, сохраняются системные ограничения:

1. Формализация практики («подпись в дневнике» без реального включения в процессы);
2. Несоответствие оборудования предприятий современным стандартам, изложенным в учебных программах;
3. Отсутствие квалифицированных наставников на базе или их высокая загруженность;
4. Рассогласование сроков практики с производственными циклами;

5. Слабая интеграция результатов практики в выпускные квалификационные работы.

Рекомендации по повышению эффективности:

– Совместное проектирование заданий вузом и предприятием на основе реальных производственных проблем (снижение потерь, оптимизация кормовых рационов, цифровизация учёта).
– Повышение квалификации производственных наставников по педагогике, цифровым агротехнологиям и методам оценивания компетенций.
– Интеграция результатов практики в ВКР через механизмы преддипломной проектной деятельности, что повышает мотивацию и снижает дублирование работы [4].

Производственная практика – это не просто обязательный этап учёбы, а реальная возможность для студентов попробовать себя в профессии, получить опыт и понять, как всё устроено на практике. Чтобы она приносила пользу, вузам и предприятиям нужно работать вместе: ставить конкретные задачи, закреплять за студентами опытных наставников, вести прозрачную оценку и связывать результаты практики с выпускными работами или трудоустройством. Когда практика организована правильно, она становится надёжным мостом между вузом и работой. Выпускники быстрее вливаются в коллектив, увереннее начинают карьеру и приносят пользу сельскому хозяйству с первых дней. Главная задача сегодня – перестать воспринимать практику как «отчётную процедуру» и сделать её полноценной частью профессионального становления.

Список литературы:

[1] Огольцова, Е. Г. Производственная практика: производственная практика в профильных организациях / Е. Г. Огольцова, Н. В. Панова. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2023. – 100 с. – ISBN 978-5-7782-5118-2. – EDN FRFENU.

[2] Галиуллин, А. А. Роль производственной преддипломной практики в подготовке бакалавров-технологов / А. А. Галиуллин // Организационно-методические аспекты повышения качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования : сборник статей II Всероссийской (национальной) научно-методической конференции, Пенза, 07–08 декабря 2020 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. – С. 26-28. – EDN XKZOYL.

[3] Шенкао, Ф. Р. Роль производственной практики в процессе профессиональной подготовки будущих техников технологов общественного питания / Ф. Р. Шенкао, А. И. Токарева // Современная техника и технологии: исследования, разработки и их использование в комплексной подготовке специалистов : Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 21–25 апреля 2025 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2025. – С. 306-309. – EDN GTDXED.

[4] Долинская, Р. М. Об использовании инновационных технологий при организации и проведении учебных и производственных практик на выпускающих кафедрах / Р. М. Долинская, А. В. Касперович // Высшая школа: проблемы и перспективы : Материалы 13-й Международной научно-методической конференции. В 3-х частях, Минск, 20 февраля 2018 года. Том Часть 1. – Минск: Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», 2018. – С. 56-62. – EDN XNCDRR.

References:

[1] Ogoltsova, E. G. Production practice: production practice in specialized organizations / E. G. Ogoltsova, N. V. Panova. Novosibirsk : Novosibirsk State Technical University, 2023. - 100 p. – ISBN 978-5-7782-5118-2. – EDN FRFENU.

[2] Galiullin, A. A. The role of industrial pre-graduate practice in the preparation of bachelor of technology / A. A. Galiullin // Organizational and methodological aspects of improving the quality of educational activities and training students in higher and secondary vocational education programs : collection of articles of the II All-Russian (national) Scientific and Methodological Conference, Penza, December 07-08, 2020. Penza: Penza State Agrarian University, 2020. pp. 26-28. - EDN XKZOYL.

[3] Shenkao, F. R. The role of industrial practice in the process of professional training of future catering technicians / F. R. Shenkao, A. I. Tokareva // Modern machinery and technologies: research, development and their use in the comprehensive training of specialists : Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, Nevinnomyssk, April 21-25, 2025. Nevinnomyssk: Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, 2025. pp. 306-309. EDN GTDXED.

[4] Dolinskaya, R. M. On the use of innovative technologies in the organization and conduct of educational and industrial practices at graduate departments / R. M. Dolinskaya, A.V. Kasperovich // Higher School: problems and prospects : Proceedings of the 13th International Scientific and Methodological Conference. In 3 parts, Minsk, February 20, 2018. Volume Part 1. Minsk: State Educational Institution “Republican Institute of Higher Education”, 2018. pp. 56-62. - EDN XNCDRR.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-372-377
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,
кандидат с.-х.н.,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: yana.laborant.pavlova@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
кандидат биол. наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: opneverova@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского ветеринарного
института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,
кандидат с.-х. наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: alexeystepanow@mail.ru

ГОРЕЛИК Артем Сергеевич,
кандидат биол. наук,
доцент Уральский институт Государственной
противопожарной службы МЧС России,
e-mail: temae077ex@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,
Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ БРЕНДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В условиях усиления конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг традиционные механизмы государственного обеспечения и устоявшееся доверие к документам об образовании перестают быть достаточными для привлечения обучающихся. Современный потребитель (учащийся и его родители) ориентируется не только на место получения образования, но на транслируемые организацией ценности, перспективы и характер эмоциональной связи с нею. В научной литературе длительное время господствовал подход, согласно которому формирование устойчивого имени образовательной организации строится по образцу коммерческого товарного маркетинга, что не учитывает специфику воспитательной деятельности, её общественную пользу и множественность ожиданий участников образовательного процесса.*

В настоящей статье предпринята попытка систематизации теоретических представлений о процессе формирования узнаваемого имени образовательной организации. На основе

анализа эволюции понятия «бренд» (от внешнего отличия до носителя ценностей) выявлено, что в образовании имя учреждения превращается в отношенческий капитал, основанный на доверии и репутации. Рассмотрены специфические особенности образовательной услуги (неосязаемость, неотделимость от источника, несохраняемость) и их влияние на формирование устойчивого имени. Проанализированы классические теории Д. Аакера и К. Келлера применительно к некоммерческой и общественной сфере, где воспринимаемое качество и лояльность приобретают социально значимую окраску.

Выделены структурные элементы имени образовательной организации: идентичность (внутреннее обещание), имидж (сложившийся образ) и репутация (накопленный опыт взаимодействия). Обоснована решающая роль педагогических и вспомогательных кадров как главных носителей имени учебного заведения. Представлена модель множественных участников (обучающиеся, родители, работодатели, государство) и необходимость согласования их ожиданий при выборе рыночной позиции. Раскрыта атрибутивная модель имени, включающая материальные (архитектура, символика) и нематериальные (традиции, стиль общения) составляющие. Рассмотрены типы архитектуры имени для образовательных объединений (от детского сада до вуза). Предложены теоретические подходы к оценке результативности имени через известность, связанные представления, ощущаемое качество и преданность.

Ключевые слова: *бренд образовательной организации, имидж учебного заведения, репутация школы, неосязаемость образовательной услуги, внутренний имидж, стейкхолдеры образования, архитектура бренда, оценка результативности бренда, педагогический феномен имиджа.*

PAVLOVA Yana Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

NEVEROVA Olga Petrovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Engineering;
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University; Senior Researcher
at the Ural Research Veterinary Institute
of the Ural Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences

STEPANOV Alexey Vladimirovich,
candidate of agricultural sciences, associate professor
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

GORELIK Artem Sergeevich,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia

UKROZHENKO Darya Sergeevna,
Lecturer Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

BRANDING AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

Annotation. *In the face of increasing competition in the educational services market, traditional mechanisms of state support and the established trust in educational credentials are no longer sufficient to attract students. Modern consumers (students and their parents) are guided not only by the place where they receive their education, but also by the values conveyed by the organization, the prospects, and the nature of their emotional connection with it. For a long time, the prevailing approach in scientific literature was to model the formation of a lasting name for an educational organization on commercial product marketing, which fails to take into account the specifics of educational activities, their social benefits, and the multiple expectations of participants in the educational process.*

This article attempts to systematize theoretical concepts on the process of forming a recognizable name for an educational organization. Based on an analysis of the evolution of the concept of "brand" (from external differentiation to a bearer of values), it is revealed that in education, the name of an institution is transforming into relational capital based on trust and reputation. The article examines the specific characteristics of educational services (intangibility, inseparability from the source, non-preservability) and their influence on the formation of a lasting name. Classic theories by D. Aaker and K. Keller are analyzed in relation to the non-profit and public spheres, where perceived quality and loyalty acquire socially significant connotations.

The article identifies the structural elements of an educational organization's name: identity (internal promise), image (established image), and reputation (accumulated experience of interaction). The decisive role of teaching and support staff as the primary bearers of an educational institution's name is substantiated. A model of multiple participants (students, parents, employers, the state) and the need to align their expectations when choosing a market position are presented. An attributive model of a name is revealed, including tangible (architecture, symbols) and intangible (traditions, communication style) components. This article examines types of name architecture for educational institutions (from kindergarten to university). Theoretical approaches to assessing name effectiveness through recognition, associated perceptions, perceived quality, and loyalty are proposed.

Key words: *educational organization brand, educational institution image, school reputation, intangibility of educational services, internal image, education stakeholders, brand architecture, brand performance assessment, pedagogical phenomenon of image.*

На рынке образовательных услуг наблюдается усиление конкурентной борьбы между учебными заведениями. Традиционные механизмы государственного обеспечения и устоявшееся доверие к документам об образовании перестают выступать в качестве достаточных условий для привлечения обучающихся. Современный потребитель образовательных услуг (учащийся и его родители) ориентируется не только на место получения образования, но на транслируемые организацией ценности, предлагаемые перспективы и характер эмоциональной связи с нею. Вместе с тем, в научной литературе длительное время господствовал подход, согласно которому формирование устойчивого имени образовательной организации строится по образцу коммерческого товарного маркетинга, что не учитывает специфику воспитательной деятельности, её общественную пользу и множественность ожиданий участников образовательного процесса (от обучающихся до работодателей и государства). В настоящей статье предпринята попытка систематизации теоретических представлений о процессе формирования узнаваемого имени образовательной организации. Выделяются его структурные элементы (внешние признаки, образ, репутация, внутренняя идентичность) и предлагается концептуальная схема, исходящая из социальной сущности образования. Цель работы — определение ключевых факторов успешного создания имени учебного заведения на основе анализа сложившихся в науке положений.

Как следует из анализа развития взглядов на природу бренда, само это понятие со временем изменилось — от простого внешнего отличия до сложного носителя ценностей. Изначально, согласно определению Американской маркетинговой ассоциации (приводимому С. А. Старовым), бренд понимался сугубо как идентификационная система: набор видимых примет (название, знак, дизайн), позволяющий выделить товар или услугу среди других. Применительно к образованию на этом этапе бренд школы или вуза сводился к официальному названию, лицензии и символике, выполняя главным образом гарантийную функцию. Однако по мере насыщения рынка такого внешнего различения стало недостаточно. Как отмечает С.А. Старов, бренд постепенно эволюционирует: от совокупности идентифицирующих признаков он переходит к уникальной ценности, которую воспринимает потребитель. В образовании это означает, что имя учебного заведения перестаёт быть просто «клеймом». Оно превращается в отношенческий капитал — устойчивую

связь между организацией и участниками образовательного процесса, основанную на доверии, разделяемых ценностях и репутации. Сегодня успешное имя образовательной организации должно не столько обозначать её, сколько обещать и доставлять учащимся и родителям дополнительные нематериальные выгоды [7].

Как отмечает Н. А. Завалько, образовательным услугам присущи общие родовые черты услуг, однако каждая из них приобретает особое звучание, влияя на создание устойчивого имени учебного заведения. Первая особенность — неосязаемость: услугу нельзя увидеть до получения, поэтому потребитель вынужден доверять обещанию. Имя учебного заведения должно брать на себя роль этого обещания, делая невидимые выгоды (диплом, карьеру) видимыми через символику и репутацию. Вторая особенность — неотделимость от источника. Н.А. Завалько подчёркивает: оказание услуги прочно связано с личностью преподавателя, а изменения в кадровом составе могут повлиять на спрос. Это означает, что бренд не может существовать отдельно от педагогов, поэтому их квалификация становится важным носителем имени. Третья особенность — несохраняемость: услугу нельзя произвести впрок, а знания со временем устаревают. Следовательно, учебное заведение должно постоянно подтверждать свою состоятельность, не полагаясь на прошлые заслуги. Устойчивое имя в образовании — это не статичный ярлык, а непрерывное поддержание доверия в условиях, когда результат услуги отсрочен и изменчив [3].

Согласно подходам, разработанным Д. Аакером и К. Келлером, сильное имя складывается из нескольких взаимосвязанных составляющих: осведомлённости о нём, устойчивых положительных ассоциаций, воспринимаемого качества и, что особенно важно, лояльности — готовности потребителя вновь обратиться к данному продукту или услуге. Применительно к некоммерческим и общественным институтам эти составные части не только сохраняют своё значение, но и обретают новую, более сложную окраску. Осведомлённость об организации (школе, больнице, фонде) по-прежнему необходима, однако решающую роль начинают играть ассоциации, связанные с доверием, открытостью и общественной пользой. Воспринимаемое качество в некоммерческой сфере — это не столько функциональные характеристики услуги, сколько оценка социальной значимости деятельности и этической безупречности института. Что касается лояльности, то в отличие от коммерческого сектора, где она выражается в повторных покупках, здесь она проявляется в долгосрочной поддержке со стороны общества — готовности граждан рекомендовать организацию, защищать её репутацию, участвовать в её программах или делать пожертвования [2, 9].

Как отмечают Е. В. Нехорошева и Е. Ю. Алексейчева, в структуре имени образовательной организации можно выделить три взаимосвязанных слоя. Первый — это идентичность, которую можно понимать как внутреннее обещание: те ценности, миссию и представления о себе, которые школа или иное учебное заведение стремится донести до окружающих. Она включает цели организации, её образовательную философию, принципы работы с детьми и родителями. Второй слой — имидж, то есть целостный образ, который фактически складывается у потребителей (учеников, родителей, партнёров) под воздействием как рациональных, так и эмоциональных впечатлений. Авторы подчёркивают, что имидж несёт в себе не только когнитивную, но и оценочную, эмоциональную составляющую, которая зачастую оказывается даже более действенной. Третий слой — репутация, понимаемая как накопленный опыт взаимодействия с организацией. Если имидж может быть сформирован целенаправленно (иногда даже опережая реальные дела), то репутация складывается из подтверждённых временем результатов: качества образования, отношения к ученикам, стабильности и надёжности школы [6].

Как отмечают Н. О. Яковлева и Л. Н. Терновая, успешное имя образовательного учреждения невозможно сформировать исключительно внешними средствами — рекламой, сайтом или публичными отчётами. Решающим условием состоятельности образа выступает внутренняя работа самого учреждения, и прежде всего — деятельность его педагогических и вспомогательных кадров. Авторы подчёркивают, что именно администрация и педагогический состав являются основными субъектами, непосредственно формирующими позитивный имидж на профессиональном уровне, и невозможно создать имидж учреждения без внимания к имиджу каждого отдельного педагога или руководителя. Внутренние функции имиджа, выделяемые исследователями, напрямую завязаны на кадровом потенциале: позитивный образ учреждения обеспечивает развитие профессиональной идентичности работников, их преданность коллективу, а также объединяет сотрудников вокруг общей задачи, улучшая психологический климат и создавая атмосферу гордости за свою работу. Кроме того, положительный имидж, требующий поддержания высокой репутации, предполагает постоянное повышение квалификации, освоение новых компетенций и инновационный поиск, что также ложится на плечи кадров [10].

Как отмечает В. А. Тропникова, отсутствие диалога между обучающимся, образовательной организацией и работодателем порождает несовпадение взаимных ожиданий, что ведёт к трудностям трудоустройства и профессиональной неуверенности выпускников. Обучающийся должен формировать представление о профессии «глазами работодателя», накапливать деловые связи и управлять собственным карьерным маршрутом. Работодатель призван участвовать в профориентации, разрабатывать программы привлечения студентов и взаимодействовать с образовательными организациями для прояснения потребностей в специалистах. Образовательная организация выступает посредником, переводя запросы работодателя на учебно-академический язык и адаптируя программы под отраслевые нужды. Государство, по мнению автора, должно сократить масштаб вмешательства через постоянные пересмотры ФГОС, сосредоточившись на реализации интересов ключевых участников [8].

Как отмечает Е.С. Ивукина в рецензии на статью об имидже университета, имя образовательной организации складывается из совокупности материальных и нематериальных атрибутов, которые в своей целостности формируют узнаваемый и привлекательный образ в глазах целевых аудиторий. К материальным составляющим относятся визуальные компоненты: архитектура зданий, дизайн помещений, логотип, фирменный стиль, сайт, а также материально-техническая база, которая создаёт первое впечатление и служит внешним подтверждением надёжности учреждения. Нематериальные составляющие, по мнению автора, не менее значимы — это традиции, легенды и история университета, стиль общения между преподавателями, студентами и администрацией, психологический климат, этика отношений, а также академическая репутация педагогического состава. Именно эти неосязаемые элементы формируют эмоциональную связь с вузом, создают ощущение причастности и доверия. Е.С. Ивукина подчёркивает, что материальные и нематериальные атрибуты не существуют изолированно: символика и архитектура должны отражать ценности и традиции учреждения, а стиль общения и внутренняя культура — подкреплять внешний визуальный образ. Только при их согласованном единстве формируется целостный и устойчивый бренд образовательной организации, способный выделить её среди конкурентов и обеспечить долгосрочную лояльность потребителей [5].

Как пишет Ю.О. Иванова, имя образовательной организации выстраивается в определённую иерархию. В основании архитектуры имени находятся имидж страны и региона, затем — ведомственная принадлежность и престижность направлений подготовки. Выше располагаются сами потребители (обучающиеся, родители, педагоги, работодатели), которые выступают носителями и трансляторами имени. Вершину составляют партнёры и инвесторы, чья репутация укрепляет или ослабляет образ учреждения. Архитектура имени для непрерывной образовательной траектории (от детского сада до вуза) представляет собой не сумму отдельных брендов, а многоуровневую систему, где каждый уровень опирается на предыдущий, формируя целостный образ в глазах целевых аудиторий [4].

Как отмечают Л.Р. Амирханова, Е.Ю. Бикметов и А.З. Харисова, результативность имени (имиджа) образовательной организации может быть оценена через несколько взаимосвязанных параметров. Первый — известность, которая отражает степень узнаваемости вуза среди целевых аудиторий и его позиции в национальных и международных рейтингах. Второй — связанные представления, то есть совокупность ассоциаций и ожиданий, которые возникают у потребителей (абитуриентов, студентов, работодателей) при упоминании об организации. Эти представления формируются под влиянием как материальных факторов (инфраструктура, оборудование), так и нематериальных (традиции, стиль общения, этика персонала). Третий параметр — ощущаемое качество, которое авторы связывают с ценностью образования для личности, работодателя и государства, измеряемой через удовлетворённость процессом обучения и последующую востребованность выпускников на рынке труда. Четвёртый — преданность (лояльность), проявляющаяся в готовности студентов и выпускников продолжать обучение на следующем уровне (бакалавр — магистр — аспирант) в том же вузе, а также рекомендовать его другим [1].

Заключение. Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что формирование успешного имени образовательной организации требует отказа от прямого переноса коммерческих маркетинговых моделей. Устойчивый бренд в образовании складывается из согласованного единства внутренней идентичности, внешнего имиджа и подтверждённой временем репутации. Решающим фактором выступает кадровый потенциал учреждения, а также учёт ожиданий всех участников образовательного процесса — от обучающихся до государства. Предложенная в работе систематизация структурных элементов и факторов результативности может служить теоретической основой для дальнейших прикладных исследований в области управления образовательными организациями.

Список литературы:

[1] Амирханова, Л. Р. Теоретические и методические аспекты исследования имиджа вуза / Л. Р. Амирханова, Е. Ю. Бикметов, А. З. Харисова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2017. — № 2. — С. 234-249.

[2] Брендинг : учеб.-метод. комплекс / А. В. Колик. — Минск : БГУ, 2018. — С. 12-14.

[3] Завалько, Н. А. Специфические особенности образовательных услуг в аспекте маркетинговых отношений / Н. А. Завалько // КЭ. — 2011. — № 6. — С. 80-84.

[4] Иванова, Ю. О. Механизмы формирования и развития имиджа образовательных организаций высшего образования : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Иванова Ю. О. — Москва, 2019. — 26 с.

[5] Ивукина, Е. С. Имидж как атрибутивная составляющая бренда университета / Е. С. Ивукина // Экономические исследования и разработки. — 2023. — № 7 (июль). — URL: http://edrj.ru/article/01-07-23 (дата обращения: 11.05.2026).

[6] Нехорошева, Е. В. Имидж как управленческий ресурс общеобразовательной организации / Е. В. Нехорошева, Е. Ю. Алексейчева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. — 2018. — № 4 (18). — С. 78-92.

[7] Старов, С. А. Бренд: понятие, сущность, эволюция / С. А. Старов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. — 2008. — № 2. — С. 3-39.

[8] Тропникова, В. А. Согласование и реализация интересов обучающегося, образовательной организации и работодателя в системе современного образования как ответ на вызов современности / В. А. Тропникова // Инновационные процессы в современном образовании: от идеи до практики : Материалы III Международной научно-практической конференции с использованием дистанционных технологий, Ярославль, 21 февраля 2023 года. — Ярославль : ООО «Цифровая типография», 2023. — С. 180-183.

[9] Тульчинский, Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре / Г. Л. Тульчинский. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. — 280 с. — С. 139-142.

[10] Яковлева, Н. О. Имидж образовательного учреждения как педагогический феномен / Н. О. Яковлева, Л. Н. Терновая // Педагогическая перспектива. — 2026. — № 1 (21). — С. 76-86.

References:

[1] Amirkhanova, L. R. Theoretical and methodological aspects of the study of the image of the university/L. R. Amirkhanova, E. Yu. Bikmetov, A. Z. Kharisova//Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences. — 2017. — № 2. - S. 234-249.

[2] Branding: Instruction.-method. complex/A.V. Kolik. - Minsk: BSU, 2018. - S. 12-14.

[3] Zavalko, N. A. Specific features of educational services in the aspect of marketing relations/N. A. Zavalko//CE. — 2011. — № 6. - S. 80-84.

[4] Ivanova, Yu. O. Mechanisms for the formation and development of the image of educational institutions of higher education: abstract. dis.... cand. econ. Sciences: 08.00.05/Ivanova Yu. O. - Moscow, 2019. - 26 s.

[5] Ivukina, E. S. Image as an attributive component of the university brand/E. S. Ivukina//Economic research and development. — 2023. - No. 7 (July). - URL: http://edrj.ru/article/01-07-23 (access date: 11.05.2026).

[6] Nekhorosheva, E.V. Image as a management resource of a general educational organization/E.V. Nekhorosheva, E. Yu. Alekseicheva//Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics. — 2018. — № 4 (18). - S. 78-92.

[7] Starov, S. A. Brand: concept, essence, evolution/S. A. Starov//Bulletin of St. Petersburg University. Management. — 2008. — № 2. - S. 3-39.

[8] Tropnikova, V. A. Coordination and realization of the interests of the student, educational organization and employer in the modern education system as a response to the challenge of our time/V. A. Tropnikova//Innovative processes in modern education: from idea to practice: Materials of the III International Scientific and Practical Conference using distance technologies, Yaroslavl, February 21, 2023. - Yaroslavl: Digital Printing House LLC, 2023. - S. 180-183.

[9] Tulchinsky, G. L. Total Branding: mythodesign of a post-information society. Brands and their role in modern business and culture/G. L. Tulchinsky. - St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2013. - 280 p. - S. 139-142.

[10] Yakovleva, N.O. Image of an educational institution as a pedagogical phenomenon/N.O. Yakovleva, L.N. Ternova//Pedagogical perspective. — 2026. — № 1 (21). - S. 76-86.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-378-383
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ГОФМАН Александр Анатольевич,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

КУЧМУК Василий Игоревич,
старший преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования стрессоустойчивости у курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России. Актуальность исследования обусловлена высокой стрессогенностью будущей профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, связанной с работой в экстремальных условиях, регулярным взаимодействием с представителями криминального сообщества и повышенным риском для жизни и здоровья. Автором проанализированы основные факторы, провоцирующие развитие стресса у курсантов в процессе обучения, выделены структурные компоненты стрессоустойчивости как профессионально значимого качества. Обоснована система психолого-педагогических условий, включающая интеграцию стресс-менеджмента в содержание профессиональной подготовки, психологическое сопровождение, оптимизацию физической подготовки и формирование психоэмоциональной устойчивости в процессе огневой подготовки. Особое внимание уделено специфике профессиональной деятельности сотрудников ФСИН, требующей устойчивости к манипулятивным воздействиям со стороны осужденных. В заключении формулируются практические рекомендации по совершенствованию процесса формирования стрессоустойчивости курсантов ведомственных вузов.*

Ключевые слова: *стрессоустойчивость, психоэмоциональная устойчивость, курсанты, ФСИН России, профессиональная подготовка, психолого-педагогические условия, адаптация, психологическая устойчивость, манипулятивные воздействия, огневая подготовка.*

GOFMAN Alexander Anatolyevich,
Associate Professor, Department of Fire and Tactical and Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

KUCHMUK Vasily Igorevich,
Senior Lecturer, Department of Physical, Fire and Tactical Special Training, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING STRESS RESISTANCE IN UNIVERSITY STUDENTS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING

Annotation. *The article discusses the problem of stress tolerance formation among cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service (FSIN) of Russia. The relevance of the study is due to the high stress of the future professional activities of employees of the penal correction system associated with work in extreme conditions, regular interaction with representatives of the criminal community and an increased risk to life and health. The author analyzes the main factors provoking the development of stress among cadets in the learning process, identifies the structural components of stress tolerance as a professionally significant quality. The system of psychological and pedagogical conditions is substantiated, including the integration of stress management into the content of professional training, psychological support, and optimization of physical training.*

Key words: *stress resistance, psychoemotional resistance, cadets, Federal Penitentiary Service of Russia, professional training, psychological and pedagogical conditions, adaptation, psychological resistance, manipulative influences, and fire training.*

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) относится к категории наиболее стрессогенных и психологически напряженных видов деятельности. Служба во ФСИН России имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать в процессе профессиональной подготовки кадров: работа в экстремальных условиях, регулярное взаимодействие с представителями криминального сообщества, достаточно высокий риск для жизни и здоровья, правовое применение специальных средств и боевого оружия в определенных ситуациях, а также повышенный эмоциональный стресс. Указанные особенности оказывают непосредственное влияние на психоэмоциональную сферу сотрудников, что актуализирует проблему целенаправленного формирования стрессоустойчивости уже на этапе обучения в ведомственном вузе.

Для понимания сущности стрессоустойчивости как профессионально значимого качества будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы необходимо проанализировать специфику его профессиональной деятельности. Труд сотрудников ФСИН протекает в особых условиях, характеризующихся комплексом неблагоприятных факторов, которые можно разделить на несколько групп.

Организационно-режимные факторы. Служба в УИС предполагает строгую регламентацию поведения, высокую дисциплинарную ответственность, необходимость неукоснительного соблюдения режимных требований. Это требует от сотрудника развитых волевых качеств, самоконтроля и способности подчинять личные интересы служебным.

Оперативно-служебные факторы. Деятельность сотрудников ФСИН связана с постоянным риском для жизни и здоровья, необходимостью применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Это предъявляет высокие требования к психоэмоциональной устойчивости, способности сохранять ясность мышления и точность действий в критических ситуациях.

Социально-психологические факторы. Регулярное взаимодействие с осужденными, которые, используя различные психологические уловки, постоянно пытаются вовлечь сотрудников в преступные связи, требует от сотрудника особой психологической устойчивости и сопротивляемости манипулятивным воздействиям. Осужденные, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, нередко имеют рецидив и обладают развитыми криминальными навыками, что делает сопротивление их незаконным устремлениям особенно сложной задачей для молодых сотрудников.

Как справедливо отмечают исследователи, отказ от уголовных наказаний, связанных с реальным лишением свободы, закономерно привел к концентрации в исправительных учреждениях лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, нередко с рецидивом. Противостоять незаконным устремлениям таких осужденных молодым сотрудникам достаточно сложно, поскольку они, используя различные психологические уловки, постоянно пытаются прогрессивно вовлечь сотрудников в свою преступную деятельность.

Указанные особенности профессиональной деятельности формируют специфические требования к личностным качествам сотрудника ФСИН, среди которых стрессоустойчивость занимает одно из ведущих мест. Это обусловливает необходимость целенаправленного формирования данного качества уже в процессе вузовской подготовки.

Стрессоустойчивость в контексте профессиональной подготовки курсантов ФСИН России представляет собой интегративное личностное качество, обеспечивающее способность успешно функционировать и достигать поставленных целей в условиях стрессогенного воздействия, сохраняя при этом психическое и физическое здоровье, а также эффективность профессиональной деятельности.

В структуре данного качества правомерно выделять следующие взаимосвязанные компоненты.

Эмоциональный компонент проявляется в способности курсанта управлять своими эмоциональными реакциями в стрессовых ситуациях. Это включает контроль тревоги, страха, гнева, что особенно важно при применении огнестрельного оружия, в конфликтных ситуациях с осужденными или при столкновении с неожиданными угрозами. Как показывают исследования, существует прямая взаимосвязь между психоэмоциональной стабильностью и качеством стрельбы из боевого оружия. Курсант с низкой стрессоустойчивостью демонстрирует значительное снижение результатов при выполнении упражнений в условиях временного дефицита или при повышенной ответственности.[1]

Когнитивный компонент включает способность адекватно оценивать стресс-факторы, анализировать ситуацию без искажений, находить нестандартные решения. Для будущего сотрудника ФСИН это качество особенно важно, поскольку он должен быстро ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, распознавать манипулятивные приемы со стороны осужденных и принимать верные решения в условиях дефицита информации.

Поведенческий компонент выражается во владении эффективными копинг-стратегиями и техниками саморегуляции. Курсант, обладающий развитым поведенческим компонентом стрессоустойчивости, способен применять дыхательные техники для снятия излишнего напряжения перед экзаменом или практической стрельбой, использовать методы релаксации для восстановления после интенсивных нагрузок, конструктивно разрешать конфликтные ситуации.

Мотивационно-волевой компонент характеризуется наличием устойчивых профессиональных мотивов, развитой волевой сферой, способностью к длительному волевому усилию. Для курсанта-выпускника, которому предстоит нести службу в исправительном учреждении, этот компонент является критически важным, поскольку повседневная деятельность в УИС часто сопряжена с монотонностью, однообразием и необходимостью постоянного самоконтроля.

Личностно-ресурсный компонент включает психологические ресурсы личности: оптимизм, интернальный локус контроля (убежденность в том, что результаты деятельности зависят от собственных усилий), самоэффективность (вера в свои силы), а также социальную поддержку. Развитость этих личностных характеристик существенно повышает общую устойчивость к стрессу.

Все эти компоненты находятся в тесном взаимодействии, и только их комплексное развитие обеспечивает подлинную стрессоустойчивость, а не внешнюю защитную маскуровку (цинизм, эмоциональное отстранение), которая часто является следствием не сформированной, а, напротив, сломленной психической защиты.

На основе теоретического анализа и с учетом специфики профессиональной деятельности сотрудников ФСИН, а также особенностей обучения в ведомственных вузах, можно выделить систему психолого-педагогических условий формирования стрессоустойчивости курсантов. Данные условия должны быть реализованы комплексно, на всех этапах профессиональной подготовки.

Первым и основополагающим условием является включение знаний о стрессе, методах его профилактики и преодоления в содержание учебных дисциплин. Это предполагает не создание отдельного «курса по стрессоустойчивости» (хотя такой курс тоже желателен), а пронизывание всей образовательной программы идеей стресс-менеджмента.

В рамках дисциплин психолого-педагогического цикла («Психология», «Педагогика», «Профессиональная этика») необходимо выделять разделы, посвященные психологии стресса, его физиологическим и психологическим проявлениям, факторам, влияющим на индивидуальную устойчивость. Курсанты должны научиться распознавать признаки стресса на ранних стадиях, понимать механизмы его развития и владеть базовыми методами самодиагностики.

В дисциплинах профессионального цикла, таких как «Огневая подготовка», «Тактико-специальная подготовка», «Физическая подготовка», необходимо моделировать стрессовые ситуации, приближенные к реальным условиям служебной деятельности. Например, при проведении занятий по огневой подготовке следует постепенно усложнять условия выполнения упражнений: вводить фактор внезапности, ограничение времени, шумовые эффекты, физическое утомление перед стрельбой. Как отмечается в исследованиях, методически грамотное применение соответствующих физических упражнений в ходе обучения способствует мобилизации защитных сил организма курсантов, разрядке нервно-эмоциональ-

ного напряжения, а также существенному повышению эффективности профессионального обучения.[4]

Вторым важнейшим условием выступает организация системной психолого-педагогической поддержки курсантов на протяжении всего периода обучения. Это условие включает несколько подусловий.

Диагностика уровня стрессоустойчивости. Регулярное (не реже двух раз в год) психологическое обследование курсантов с использованием валидных методик (опросники на выявление уровня стресса, оценка копинг-стратегий, тесты на эмоциональное выгорание) позволяет выявлять курсантов «группы риска» и своевременно оказывать им необходимую помощь.

Развивающая и коррекционная работа. На основе результатов диагностики организуются групповые тренинговые занятия и индивидуальные консультации. Тренинг стрессоустойчивости для курсантов ФСИН должен включать несколько модулей.

Первый модуль — когнитивный — направлен на формирование адекватных представлений о стрессе, его позитивных и негативных функциях, осознание индивидуальных стресс-факторов. Важно донести до курсантов мысль, что стресс — это не всегда зло; умеренный стресс мобилизует ресурсы организма и способствует развитию.

Второй модуль — обучающий — посвящен освоению техник саморегуляции. Курсанты должны овладеть доступными и эффективными методами снятия острого стресса: диафрагмальным дыханием, прогрессивной мышечной релаксацией, аутогенной тренировкой, техниками заземления. Эти навыки должны отрабатываться до автоматизма, чтобы в стрессовой ситуации курсант мог применить их без дополнительных размышлений.

Третий модуль — тренировочный — предполагает отработку приобретенных навыков в условиях, имитирующих стрессогенные ситуации профессиональной деятельности. Это могут быть ролевые игры с моделированием конфликтных ситуаций на посту, ситуаций применения оружия, взаимодействия с особо опасными осужденными. Как отмечается в исследованиях, подготовка профессиональной готовности курсантов к деятельности в подразделениях специального назначения должна включать образовательные мероприятия, психологические тренинги, факультативные занятия по прикладным видам спорта (единоборства) и специальным дисциплинам.

Создание поддерживающей среды. Важным аспектом психологического сопровождения является создание в учебных подразделениях атмосферы психологической безопасности и поддержки. Это предполагает работу не только с курсантами, но и с командирским составом. Командиры взводов и курсов должны быть обучены основам психологии стресса, уметь распознавать признаки дистресса у подчиненных и знать алгоритмы оказания первичной психологической помощи. Также необходима доступная и конфиденциальная психологическая помощь — курсант должен знать, что он может обратиться к психологу без страха негативных последствий.

Третье условие связано с совершенствованием системы физической подготовки курсантов. Исследования показывают низкую эффективность существующей программы по физической подготовке для курсантов вузов ФСИН России. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что большинство выпускников становятся полноценными специалистами лишь спустя определенное время после окончания вуза, а в первые недели и месяцы службы у них отмечаются повышенная заболеваемость и нервные срывы. [2]

При этом выявлена важная закономерность: у «лучших» по физической подготовленности выпускников показатели физического развития незначительно снижаются лишь в первые 2-3 недели службы, а затем начинают повышаться и ко второму месяцу уже превышают исходный уровень. У «худших» же происходят более выраженные изменения показателей физического состояния и более длительное возвращение их к исходному уровню — показатели начинают расти лишь через 1,5-2 месяца после начала службы.

Из этого вытекает необходимость целенаправленного использования физической подготовки как средства ускорения адаптации курсантов к профессиональной деятельности. Физическая подготовка в вузе ФСИН должна быть направлена не только на развитие силы, быстроты и выносливости, но и на повышение функциональных резервов организма, что напрямую влияет на стрессоустойчивость. Методически грамотное применение физических упражнений способствует мобилизации защитных сил организма, разрядке нервно-эмоционального напряжения и повышению эффективности профессионального обучения в целом.

Четвертое, особо значимое для сотрудников ФСИН условие, связано с формированием психоэмоциональной устойчивости в процессе огневой подготовки. Исследования показывают, что качество стрельбы из боевого оружия находится в прямой зависимости от психоэмоционального состояния стреляющего.[3]

При проведении экспериментальных исследований на базе Вологодского института права и

экономики ФСИН России было установлено, что функциональное психоэмоциональное состояние курсантов до и после стрельбы при правильной организации занятий может не изменяться в негативную сторону. Коэффициент вегетации определяется в пределах оптимальных значений (0,9-1,1 балла), что указывает на оптимальную мобилизацию физических и умственных ресурсов для создания активной и успешной деятельности в стрессовых ситуациях. При этом было выявлено, что уровень непродуктивной нейропсихической нагрузки перед стрельбой может быть незначительно повышен, что соответствует мобилизации ресурсов для достижения поставленных целей.

Эти данные свидетельствуют о том, что правильно организованный процесс огневой подготовки сам по себе является мощным фактором формирования стрессоустойчивости. В процессе обучения стрельбе курсанты не только осваивают технику, но и учатся управлять своим психоэмоциональным состоянием, преодолевать страх, концентрироваться на задаче. Особенно эффективны в этом отношении упражнения, выполняемые в усложненных условиях: после физической нагрузки, в условиях внезапности, при ограничении времени.

Кроме того, в процессе огневой подготовки курсанты на психологическом уровне учатся преодолевать психологические барьеры, в частности страх, при производстве выстрела. Преодоление этого страха — важнейший этап формирования не только профессионального навыка, но и личностной устойчивости, которая в дальнейшем проявится и в других аспектах служебной деятельности.

3.5. Формирование устойчивости к манипулятивным воздействиям

Пятое условие связано с формированием психологической устойчивости курсантов к манипулятивным воздействиям со стороны осужденных. Эта специфическая форма стрессоустойчивости особенно важна для сотрудников УИС.

Как отмечается в исследованиях, осужденные, используя различные психологические уловки, постоянно пытаются вовлечь сотрудников в преступные связи. Молодым сотрудникам, только приступившим к службе, противостоять этому достаточно сложно. Поэтому в процессе профессиональной подготовки необходимо специально формировать у курсантов навыки распознавания манипуляций и устойчивость к ним.

Для этого в учебные планы целесообразно включать отдельные темы, направленные на формирование психологической устойчивости и готовности к повседневному конструктивному взаимодействию с осужденными. Занятия должны носить практический характер: анализ типичных манипулятивных приемов, ролевые игры с моделированием ситуаций «сотрудник — осужденный», выработка алгоритмов поведения при попытках вовлечения в неслужебные отношения.[5]

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы характеризуется высоким уровнем стрессогенности, что обусловливает необходимость целенаправленного формирования стрессоустойчивости уже на этапе обучения в ведомственном вузе. Особенности службы во ФСИН — работа в экстремальных условиях, взаимодействие с криминальным контингентом, риск для жизни и здоровья, необходимость применения оружия — предъявляют специфические требования к структуре стрессоустойчивости будущего сотрудника.

Стрессоустойчивость курсанта вуза ФСИН России представляет собой интегративное качество, включающее эмоциональный, когнитивный, поведенческий, мотивационно-волевой и личностно-ресурсный компоненты. Только комплексное развитие всех компонентов обеспечивает подлинную устойчивость, способность сохранять эффективность деятельности в любых условиях.

Ключевыми психолого-педагогическими условиями формирования стрессоустойчивости являются: интеграция стресс-менеджмента в содержание профессиональной подготовки; системное психолого-педагогическое сопровождение, включающее диагностику, тренинговую работу и создание поддерживающей среды; оптимизация физической подготовки с акцентом на повышение функциональных резервов организма; формирование психоэмоциональной устойчивости в процессе огневой подготовки; специальная подготовка к противодействию манипулятивным воздействиям со стороны осужденных.

Список литературы:

[1] Алехин А.Н., Трубников В.М. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных условиях // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3. С. 45-52.

[2] Асафьев М.И. Методика проведения и совершенствования занятий по огневой подготовке в образовательных организациях ФСИН России // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. 2022. С. 112-118.

[3] Беляков С.В., Мефодьева Ю.А. Актуальность формирования психоэмоциональной устойчивости курсантов ФСИН России при стрельбе из пистолета Макарова // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12 (66). С. 67-70.

[4] Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Психология профессионального общения сотрудников правоохранительных органов. М.: Юрайт, 2020. 384 с.

[5] Овчинников О.М. Совершенствование профессиональной подготовки курсантов вузов ФСИН России // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 67-72.

[6] Сибирко М.А. Психологическая подготовка сотрудников силовых структур: учебно-методическое пособие. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. 98 с.

References:

[1] Alekhine A.N., Trubnikov V.M. Psychological training of employees of the penitentiary system for actions in extreme conditions//Applied legal psychology. 2018. № 3. S. 45-52.

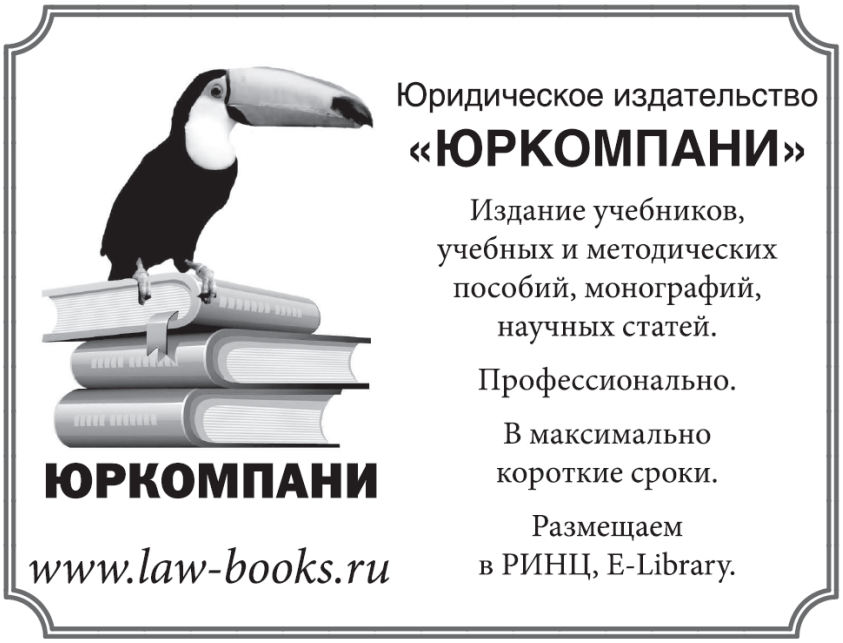
[2] M.I. Asafiev. Methodology for Conducting and Improving Fire Training Classes in Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Penitentiary System and Society: Experience of Interaction. 2022. S. 112-118.

[3] Belyakov S.V., Methodieva Yu.A. Relevance of the formation of psycho-emotional stability of the cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia when shooting from a Makarov pistol//International Research Journal. 2017. № 12 (66). S. 67-70.

[4] Karayani A.G., Syromyatnikov I.V. Psychology of professional communication of law enforcement officers. M.: Yurayt, 2020. 384 pp.

[5] Ovchinnikov O.M. Improving the professional training of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia//Alma mater (Bulletin of Higher Education). 2020. № 8. S. 67-72.

[6] Sibirko M.A. Psychological training of law enforcement officers: educational and methodological manual. Vologda: VIP of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. 98 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-384-387
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
заведующий кафедрой биотехнологии и пищевых продуктов кандидат биологических наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: opneverova@mail.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: spv2388@yandex.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщения; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ГОРЕЛИК Артём Сергеевич,
кандидат биологических наук, преподаватель кафедры Уральский институт ГПС МЧС России,
e-mail: mail@law-books.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,
мастер производственного обучения кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

ПАШУК Екатерина Юрьевна,
Педагог-организатор факультета среднего профессионального образования, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: pashuk_eiu@urgau.ru

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ СПО

Аннотация*. В условиях современных требований к квалификации специалистов среднего профессионального образования (СПО) внеучебная активность трансформировалась из вспомогательного элемента в полноценный ресурс образовательной траектории. Именно в пространстве неформального взаимодействия наиболее эффективно формируются ключевые личностно-деловые характеристики выпускника: инициативность, ответственность, коммуникативная культура, готовность к непрерывному самообразованию и лидерские компетенции. В работе представлены функции внеаудиторных практик, при этом особое внимание уделяется профильным студенческим кружкам. Показана роль, как педагогически выстроенной среды, стимулирующей рост профессиональной самостоятельности, развитие мышления и ускоренную социализацию будущих специалистов.*

Ключевые слова*: внеучебная деятельность, среднее профессиональное образование, профессионально значимые качества, компетенции, студент, АПК.*

NEVEROVA Olga Petrovna,
Head of the Department of Biotechnology and Food Products
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Ural State Agrarian University

SHARAVIEV Pavel Viktorovich,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport;
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University; Senior Researcher
at the Ural Veterinary Research Institute FGBNU Urfanits
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

GORELIK Artyom Sergeevich,
Candidate of Biological Sciences, lecturer Departments
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,
Master of Industrial Training,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

PASHUK Ekaterina Yurievna,
Teacher-organizer of the Faculty
of Secondary Vocational Education,
Ural State Agrarian University

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES OF SPO STUDENTS

Annotation*. In the context of modern requirements for the qualifications of specialists in secondary vocational education (SPO), extracurricular activity was transformed from an auxiliary element into a full-fledged resource of educational technology. It is in the space of informal interaction that the key personal and business characteristics of the graduate are most effectively shaped: initiative, responsibility, communicative culture, readiness for continuous self-formation and leadership competencies. The work presents the functions of non-audit practices, while special attention is paid to specialized student circles. The role is shown as a pedagogically built environment that stimulates the growth of professional circumstances, the development of thinking and the accelerated socialization of future specialists.*

Key words*: extracurricular activities, secondary vocational education, professionally significant qualities, competencies, student, AIC.*

Современный агропромышленный комплекс Российской Федерации находится в стадии технологической трансформации, требующей от молодых специалистов не только узкопрофессиональных знаний, но и развитых личностных, коммуникативных и регулятивных качеств.

Ключевая задача системы СПО заключается в обеспечении рынка труда кадрами, способными гибко реагировать на трансформацию профессиональных требований. При этом освоение исключительно предметных компетенций перестало быть достаточным условием успешной карьеры: современная практика трудоустройства ориентирована на выпуск специалистов, способных быстро интегрироваться в меняющуюся экономическую среду. В их число входят способность к эффективной командной работе, ответственность, умение решать нестандартные производственные задачи. Формирование указанных

характеристик наиболее результативно происходит в пространстве неформального взаимодействия, где студенческие кружки, спортивные секции и общественные объединения выступают естественным тренажёром личностно-делового роста в условиях, максимально приближенных к реальной практике [2].

Традиционная учебная деятельность, ориентированная преимущественно на усвоение нормативного содержания и отработку практических навыков, не в полной мере обеспечивает формирование указанных качеств. В этой связи внеучебная деятельность выступает развивающим ресурсом, позволяющим моделировать профессиональные ситуации и интегрировать воспитательный потенциал в процесс профессионального становления.

В современной педагогике внеучебная деятельность – это целенаправленная, организованная вне рамок учебного плана деятельность, направленная на развитие личности, формирование ценностных установок, расширение социального и профессионального опыта [3].

Профессионально значимые качества личности – это устойчивые психофизиологические, личностные и социально-нравственные характеристики, определяющие успешность выполнения профессиональных задач и эффективность взаимодействия в профессиональной среде. Для аграрных специальностей к ним традиционно относят:

– ответственность и дисциплинированность;
– инициативность и способность к самостоятельному принятию решений;
– экологическое сознание и бережливость;
– стрессоустойчивость и адаптивность к сезонным/климатическим условиям;
– готовность к непрерывному саморазвитию [3].

Эффективность формирования профессионально значимых качеств зависит от системности, вариативности и педагогической рефлексивности внеучебной работы. На практике в учреждениях СПО аграрного профиля применяются следующие формы:

Форма деятельности	Формируемые качества	Примеры реализации
Студенческое самоуправление	Лидерство, ответственность, организаторские способности	Совет студентов, кураторские советы, волонтёрские штабы
Проектная и исследовательская деятельность	Инициативность, аналитическое мышление, работа в команде	Экологические акции, участие в конкурсах
Производственно-ориентированные клубы	Профессиональная идентичность, практическая смекалка	Кружки юных агрономов, клубы фермерского предпринимательства, школы наставничества
Социокультурные и патриотические мероприятия	Коммуникативная культура, гражданская позиция, адаптивность	Фестивали сельской культуры, акции по благоустройству территорий, встречи с выпускниками и работодателями
Спортивно-оздоровительная работа	Стрессоустойчивость, дисциплина, выносливость	Секции, туристические походы, спартакиады, программы ЗОЖ

Механизмы педагогического влияния:

Деятельностное погружение. Студент осваивает качества через выполнение реальных задач: организация ярмарки продукции, ведение учебного поля, разработка бизнес-плана мини-фермы.

Рефлексия и портфолио. Фиксация достижений, самоанализ, наставнические беседы позволяют перевести опыт в осознанную компетенцию.

Социальное взаимодействие. Работа в разновозрастных командах, диалог с практиками АПК, участие в региональных форумах формируют профессиональную культуру и нормы общения.

Интеграция с учебным процессом. Согласование тем внеучебных проектов с модулями ПМ, использование результатов внеучебной активности при защите курсовых или демонстрационных экзаменов.

Внеучебная деятельность в учреждениях СПО аграрного профиля перестает быть вспомогательным элементом образовательного процесса и становится стратегическим фактором формирования профессионально значимых качеств личности. Через проектные, волонтёрские, исследовательские и социокультурные практики студенты осваивают не только профессиональные алгоритмы, но и ценности, нормы поведения, регулятивные стратегии, необходимые для успешной карьеры в современном АПК.

Список литературы:

[1] Формирование профессиональной этики у студентов через анализ реальных производственных кейсов / Л. И. Смернягин, И. М. Джолиев, Е. С. Барыкина [и др.] // Международный научный вестник. – 2026. – № 2. – С. 314-319. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-2-314-319. – EDN WIGCWI.

[2] Развитие научно-исследовательских компетенций обучающихся и организация научной работы в СПО / Е. С. Барыкина, С. Ю. Харлап, Б. М. Сапаров [и др.] // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 324-327. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-324-327. – EDN HYZHQT.

[3] Ганеев, А. Р. Внеучебная деятельность как фактор повышения качества условий осуществления образовательной деятельности в вузах России / А. Р. Ганеев, Н. А. Булаева // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 7. – С. 17-22. – EDN WHWABW.

[4] Комарцова, А. В. Развитие кадрового потенциала в рамках реализации требований профессиональных стандартов, ФГОС СПО и ФГОС СПО ТОП-50 / А. В. Комарцова, Н. В. Тарасенко, А. В. Буланович // Наука через призму времени. – 2021. – № 3(48). – С. 12-16. – EDN HCQUJL.

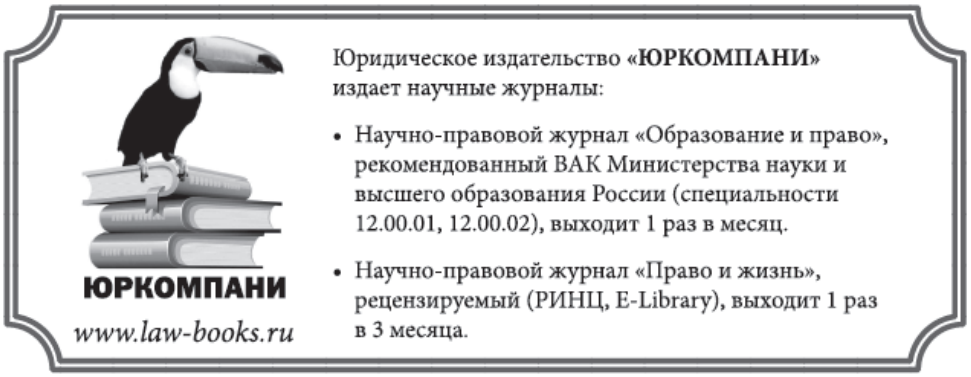
References:

[1] Formation of professional ethics among students through the analysis of real production cases/L. I. Smernyagin, I. M. Dzholiev, E. S. Barykina [et al.]//International Scientific Bulletin. – 2026. – № 2. - S. 314-319. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-2-314-319. – EDN WIGCWI.

[2] Development of research competencies of students and organization of scientific work in SPO/E. S. Barykina, S. Yu. Harlap, B. M. Saparov [et al.]// International Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. - S. 324-327. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-324-327. – EDN HYZHQT.

[3] Ganeev, A. R. Extracurricular activities as a factor in improving the quality of educational activities in Russian universities/A. R. Ganeev, N. A. Bu-laeva//Modern vocational education. – 2025. – № 7. - S. 17-22. – EDN WHWABW.

[4] Komartsova, A. V. Development of personnel potential within the framework of the implementation of the requirements of professional standards, GEF SPO and GEF SPO TOP-50/A. V. Komartsova, N. V. Tarasenko, A. V. Bulanovich//Science through the prism of time. – 2021. – № 3(48). - S. 12-16. – EDN HCQUJL.

-ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-388-390
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НАТАЕВА Залина Амадиевна,
старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова», г.Грозный,
e-mail: mail@law-books.ru

МУРТАЗАЕВА Айшат Асвадовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция»
ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. *Статья исследует актуальные проблемы защиты частных интересов в условиях цифровизации, экологических кризисов и социальной напряжённости. Анализируются кейсы из судебной практики, законодательные инициативы (например, регулирование Big Data) и доктринальные подходы.*

Ключевые слова: *цифровизация, экологические интересы, Big Data, медиация, социальные конфликты, судебная практика.*

NATAEVA Zalina Amadievna,
Senior Lecturer at the Department
of Civil Law and Procedure
Kadyrov Chechen State University, Grozny

MURTAZAEVA Aishat Asvadovna,
Assistant of the Department of Jurisprudence,
State National Technical University
named after Academician M.D. Millionshchikov

MODERN CHALLENGES OF PRIVATE INTERESTS PROTECTION

Annotation. *The article examines current challenges in protecting private interests in the context of digitalization, environmental crises, and social tensions. Cases from judicial practice, legislative initiatives (e.g., Big Data regulation), and doctrinal approaches are analyzed. Measures to adapt law to new challenges are proposed, including the introduction of digital tools and strengthening the role of mediation.*

Key words: *digitalization, environmental interests, Big Data, mediation, social conflicts, judicial practice.*

Современные технологии Big Data создают фундаментальный конфликт между интересами бизнеса, стремящегося к максимизации прибыли через анализ данных, и правом граждан на защиту приватности. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает базовые требования к обработке информации, включая необходимость получения согласия субъекта и обеспечения её конфиденциальности [1]. «Однако, как отмечает А.В. Петров, на практике компании часто используют «обезличенные данные», которые формально не относятся к персональным, но позволяют идентифицировать пользователей через косвенные признаки». Это создает лазейки для сбора информации без прямого нарушения закона, но с ущербом для приватности.

Основная проблема заключается в том, что Big Data-технологии требуют агрегации огромных массивов информации, включая поведенческие паттерны, геолокацию и потребительские предпочтения. Как подчеркивает Е.С. Сидорова, биз-

нес-модели, основанные на монетизации данных, стимулируют компании игнорировать этические нормы в пользу коммерческой выгоды [3]. Например, рекомендательные системы интернет-магазинов анализируют историю покупок, что повышает продажи, но раскрывает личные привычки пользователей. При этом ФЗ № 152-ФЗ не регулирует сбор «метаданных» (например, времени посещения сайтов), что, по мнению Д.К. Иванова, снижает эффективность защиты [4].

С 2021 года в закон внесены поправки, ужесточающие ответственность за утечки данных: штрафы для компаний, достигают 18 млн рублей. Это заставило бизнес активнее внедрять системы шифрования и анонимизации. Однако, как указывает М.А. Кузнецов, техническая сложность реализации таких мер для малого и среднего бизнеса приводит к неравной конкуренции с крупными корпорациями [5]. Кроме того, отсутствие единых стандартов деанонимизации позволяет использовать алгоритмы, восстанавливающие личность даже из обезличенных данных.

Конфликт усугубляется глобальным характером цифровых платформ. Международные компании, такие как Meta или Google, часто хранят данные за рубежом, что противоречит требованию локализации в ФЗ № 152-ФЗ. Параллельно растет спрос на VPN-сервисы, позволяющие обходить блокировки, что ставит под угрозу саму идею цифрового суверенитета.

Перспективным направлением баланса интересов может стать внедрение Privacy-Enhancing Technologies (PET), таких как дифференциальная приватность или гомоморфное шифрование. Эти технологии позволяют анализировать данные без раскрытия личной информации.

Ограничение прав собственности в целях защиты окружающей среды является ключевым механизмом баланса между частными и публичными интересами. Статья 58 Конституции РФ закрепляет обязанность каждого сохранять природу, что на практике выражается в запрете хозяйственной деятельности, угрожающей экологическому благополучию. Заповедные зоны, национальные парки и природные заказники — территории, где строительство и иная промышленная деятельность строго ограничены. Это необходимо для сохранения биоразнообразия, защиты редких видов флоры и фауны, а также поддержания экосистем, критически важных для климатического баланса.

Запрет на строительство в охраняемых зонах основан на федеральном законодательстве, включая ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Даже при наличии права собственности на землю владелец не может возводить объекты, нарушающие природный ландшафт или загрязняющие окружающую среду. Например, в 2022 году суд запретил строительство коттеджного поселка на берегу Байкала, признав его угрозой для уникальной экосистемы озера. Подобные решения подчеркивают приоритет долгосрочных экологических интересов над краткосрочной коммерческой выгодой.

Конфликт между собственниками и государством обостряется в случаях, когда земли включаются в заповедные зоны постфактум. Например, фермеры, десятилетиями обрабатывавшие участки, могут лишиться права на их использование после изменения статуса территории. Для смягчения таких ситуаций законодательство предусматривает компенсации или предоставление альтернативных земель. Однако на практике механизмы выплат часто затягиваются, что приводит к социальной напряженности.

Экологические ограничения также влияют на экономическое развитие регионов. Запрет на добычу полезных ископаемых в заповедниках сохраняет природу, но лишает бюджеты доходов. Например, попытки разрабатывать месторождения в Арктической зоне сталкиваются с протестами экологов, указывающих на риски для хрупких экосистем. Баланс между прогрессом и сохранением природы остается одной из самых сложных задач для законодателей.

Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (медиации)» заложил правовые основы для внедрения медиации как способа разрешения конфликтов без обращения в суд. Медиация предполагает добровольное участие сторон, которые с помощью нейтрального посредника (медиатора) самостоятельно находят взаимоприемлемое решение. Эта процедура особенно востребована в спорах, где важно сохранить деловые или личные отношения, например, в семейных, трудовых или корпоративных конфликтах.

Процедура медиации регулируется принципами конфиденциальности, равноправия и нейтральности. В отличие от судебного разбирательства, медиация позволяет сторонам сосредоточиться на интересах, а не на формальных правовых позициях. Например, в спорах между соседями о границах земельных участков медиация помогает не только решить юридический вопрос, но и восстановить коммуникацию. Соглашение, достигнутое в результате медиации, имеет силу исполнительного документа, если оно утверждено судом.

Закон выделяет два вида медиации: внесудебную (инициируемую сторонами до обращения в суд) и судебную (проводимую параллельно с

судебным процессом). Во втором случае суд может приостановить производство по делу, чтобы дать сторонам возможность договориться. Статистика показывает, что около 40% споров, переданных на медиацию, завершаются заключением соглашения, что сокращает нагрузку на суды и снижает затраты сторон.

Ключевая роль медиатора — фасилитация переговоров, а не навязывание решений. Медиатор помогает участникам выявить скрытые интересы, сформулировать предложения и преодолеть эмоциональные барьеры.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.04.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.

[2] Петров, А. В. Цифровая приватность: правовые и технические аспекты / А. В. Петров. — Москва : Инфра-М, 2022. — 198 с.

[3] Сидорова, Е. С. Big Data и право: этические дилеммы / Е. С. Сидорова // Вестник цифрового права. — 2023. — № 4. — С. 34–41.

[4] Иванов, Д. К. Персональные данные в эпоху цифровизации / Д. К. Иванов. — СПб. : Изд-во «Правовед», 2021. — 176 с.

[5] Кузнецов, М. А. Технологии защиты информации: вызовы для бизнеса / М. А. Кузнецов // Информационное право. — 2022. — № 3. — С. 22–29.

References:

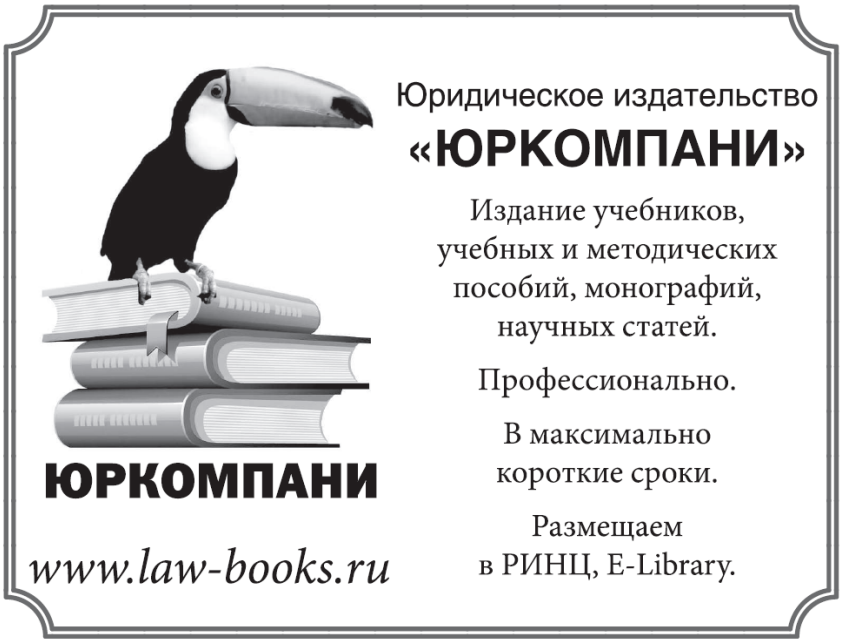
[1] Federal Law No. 27.07.2006 dated 152-FZ (as amended by 24.04.2024) “ On Personal Data “// Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (1 hour). - Art. 3451.

[2] Petrov, A.V. Digital privacy: legal and technical aspects/A.V. Petrov. - Moscow: Infra-M, 2022. - 198 s.

[3] Sidorova, E. S. Big Data and Law: Ethical Dilemmas/E. S. Sidorova//Bulletin of Digital Law. — 2023. — № 4. - S. 34-41.

[4] Ivanov, D. K. Personal data in the era of digitalization/D. K. Ivanov. - St. Petersburg: Publishing House “Lawyer,” 2021. - 176 s.

[5] Kuznetsov, M. A. Information protection technologies: challenges for business/M. A. Kuznetsov//Information law. — 2022. — № 3. - S. 22-29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-391-393
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ХАБИЕВА З.Д.,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова»,
Россия, Грозный,
e-mail: xabieva.zaira@bk.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования цифровых отношений в РФ. Рассмотрены вопросы киберпреступности, защиты персональных данных, регулирования искусственного интеллекта и ответственности интернет-платформ. На основе анализа законодательства, доктрины и судебной практики предложены меры по адаптации права к технологическим вызовам.*

Ключевые слова: *кибербезопасность, персональные данные, искусственный интеллект, цифровая экономика, правоприменение, интернет-платформы.*

KHABIEVA Z.D.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"A.A. Kadyrov Chechen State University",
Russia, Grozny

PROBLEMATIC ASPECTS OF REGULATING INTERNET RELATIONS

Annotation. *The article analyzes current problems of legal regulation of digital relations in the Russian Federation. Issues of cybercrime, personal data protection, regulation of artificial intelligence, and liability of internet platforms are considered. Based on the analysis of legislation, doctrine, and judicial practice, measures to adapt law to technological challenges are proposed.*

Key words: *cybersecurity, personal data, artificial intelligence, digital economy, law enforcement, internet platforms.*

Цифровая трансформация требует переосмысления традиционных правовых институтов. В РФ правовое регулирование сталкивается с необходимостью баланса между инновациями и защитой прав граждан.

Статьи 272–274 Уголовного кодекса РФ, введенные в 1996 году, стали основой для борьбы с киберпреступностью в России. Ст. 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, если это повлекло уничтожение, блокирование или модификацию данных [1]. Как отмечает А.К. Соловьев, данная статья долгое время оставалась ключевым инструментом для преследования хакеров, однако её формулировки не учитывали специфику современных кибератак, таких как фишинг или использование эксплойтов [2]. В 2022 году в статью внесены изменения, ужесточившие наказание за доступ к критической инфраструктуре, что, по мнению Д.И. Родионова, отражает рост угроз для государственных информационных систем [3].

Ст. 273 УК РФ запрещает создание, использование и распространение вредоносных программ, включая вирусы, трояны и ransomware [1]. «По данным исследования Е.М. Захаровой, в 2010-х годах 70% дел по этой статье были связаны с созданием банковских троянов, что подчеркивает экономическую мотивацию киберпреступников «[4]. «Однако, как указывает В.С. Комаров, сложности в доказывании прямого умысла часто приводят к прекращению дел, особенно если злоумышленник действовал через анонимные сети» [5]. В 2019 году в ст. 273 добавлен пункт о запрете эксплуатации уязвимостей в ПО, что, по мнению экспертов, позволило расширить трактовку «вредоносности» [1].

Ст. 274 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютер-

ной информации, повлекшее тяжкие последствия [1]. Эта норма чаще применяется к сотрудникам организаций, допустившим утечки данных из-за халатности. По словам М.А. Беловой, в 2023 году 40% случаев по ст. 274 были связаны с недостаточной защитой персональных данных в коммерческих компаниях [6]. «Однако, как подчеркивает П.Н. Гусев, отсутствие четких критериев «надлежащей защиты информации» в законе создает правовую неопределенность для бизнеса» [7].

Проблемой остается международный характер киберпреступности. Например, атаки типа APT (Advanced Persistent Threat) часто координируются из-за рубежа, что затрудняет расследование. «Как отмечает Л.В. Морозова, Россия до 2024 года ратифицировала лишь 3 из 9 международных конвенций по кибербезопасности, что ограничивает взаимодействие с Interpol и Europol» [8]. «Кроме того, по данным С.О. Крылова, только 15% дел по ст. 272–274 УК РФ доходят до суда, остальные закрываются из-за недостатка доказательств или невозможности идентификации преступника» [9].

С развитием технологий возникают новые вызовы. С 2021 года участились случаи использования нейросетей для создания глубоких подделок (deepfakes) в мошеннических целях. «Как указывает И.А. Семенов, действующие статьи УК РФ не охватывают подобные методы, что требует внесения новых норм» [10]. Кроме того, рост криптовалютных переводов усложняет отслеживание финансовых потоков киберпреступников. По мнению К.Д. Федорова, законодательству необходимо интегрировать инструменты блокчейн-аналитики в работу правоохранительных органов [11].

Ключевым требованием закона является категоризация персональных данных: особое внимание уделяется специальным категориям, таким как биометрические, медицинские или сведения о судимостях. Для их обработки требуется явное письменное согласие субъекта, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. Например, государственные органы могут использовать данные без согласия в рамках исполнения своих полномочий. Компании обязаны назначать ответственных за обработку данных и внедрять технические меры защиты, включая шифрование и регулярный аудит систем.

С 2021 года ужесточены санкции за нарушения: штрафы для юридических лиц достигают 18 млн рублей, а повторные нарушения могут привести к блокировке ресурса. Это затронуло как крупные корпорации, так и малый бизнес, вынужденный адаптироваться к новым правилам. Например, онлайн-сервисы стали активнее использовать двухфакторную аутентификацию и автоматизировать процессы удаления устаревших данных. Однако многие компании, особенно в регионах, до сих пор сталкиваются с трудностями из-за недостатка финансирования и квалифицированных кадров.

Отдельным вызовом стала обработка данных несовершеннолетних. С 2017 года для сбора информации о детях требуется согласие родителей или опекунов, а соцсети обязаны проверять возраст пользователей. Это привело к внедрению систем возрастной верификации, но также вызвало критику из-за усложнения регистрации и рисков избыточного контроля. Кроме того, закон ограничивает использование данных в рекламных целях без явного согласия, что изменило подходы к таргетированию в маркетинге.

С развитием технологий возникли новые проблемы. Например, использование нейросетей для анализа больших данных (Big Data) позволяет деанонимизировать пользователей даже при отсутствии прямых идентификаторов. В 2023 году в закон внесены поправки, запрещающие обработку данных с целью создания «цифровых двойников» без согласия субъекта. Также усилились требования к биометрическим системам: компании обязаны хранить такие данные отдельно от другой информации и использовать сертифицированное ПО.

Закон № 152-ФЗ повлиял и на международные отношения. Иностранные компании, работающие в РФ, должны соблюдать правила локализации, что привело к открытию локальных дата-центров такими гигантами, как Apple и SAP. Однако санкционное давление осложнило передачу данных между российскими и зарубежными филиалами, вынуждая бизнес переходить на отечественные облачные решения. Параллельно Роскомнадзор активно блокирует ресурсы, нарушающие требования, включая социальные сети и стриминговые платформы.

Критики закона указывают на избыточность бюрократических процедур. Например, малые предприятия часто не могут позволить себе дорогостоящие системы защиты, что ставит их в неравные условия с крупными игроками. Кроме того, не до конца проработаны механизмы взаимодействия с международными стандартами, такими как GDPR, что создает конфликты юрисдикций. Тем не менее, закон стимулирует развитие отечественных IT-решений: рынок шифрования и VPN-сервисов в России вырос на 40% за последние три года.

Современные тенденции включают интеграцию блокчейна для защиты данных и создание единых государственных реестров. С 2024 года запущен пилотный проект по хранению медицинских данных граждан в распределенных реестрах, что снижает риски взломов. Однако сохра-

няются вопросы к прозрачности таких систем и доступу третьих лиц к информации. Ожидается, что дальнейшее развитие получит регулирование искусственного интеллекта, особенно в контексте автоматизированной обработки персональных данных.

Современное регулирование требует гибкости и межотраслевого подхода. Ключевые направления: гармонизация с международными стандартами и развитие цифровой юриспруденции.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Соловьев, А. К. Киберпреступность в России: эволюция правового регулирования / А. К. Соловьев. — М. : Юстицинформ, 2020. — 198 с.

[3] Родионов, Д. И. Угрозы цифровой эпохи и ответ законодателя / Д. И. Родионов // Законодательство и практика. — 2023. — № 5. — С. 34–40.

[4] Захарова, Е. М. Тенденции киберпреступности: экономический аспект / Е. М. Захарова. — СПб. : Изд-во «Право и технологии», 2019. — 176 с.

[5] Комаров, В. С. Доказывание в делах о компьютерных преступлениях / В. С. Комаров // Уголовный процесс. — 2021. — № 7. — С. 22–28.

[6] Белова, М. А. Персональные данные: риски и защита / М. А. Белова. — М. : Инфра-М, 2022. — 224 с.

[7] Гусев, П. Н. Правовые пробелы в регулировании информационной безопасности / П. Н. Гусев // Цифровое право. — 2020. — № 4. — С. 56–62.

[8] Морозова, Л. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью / Л. В. Морозова // Международное публичное право. — 2024. — № 1. — С. 89–95.

[9] Крылов, С. О. Статистика и проблемы расследования киберпреступлений / С. О. Крылов // Вопросы криминологии. — 2023. — № 3. — С. 45–51.

[10] Семенов, И. А. Deepfake: вызов для права / И. А. Семенов // Информационные технологии и право. — 2024. — № 2. — С. 18–23.

[11] Федоров, К. Д. Криптовалюты и правоохранительная деятельность / К. Д. Федоров. — М. : Финансы и право, 2023. — 189 с.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] Soloviev, A.K. Cybercrime in Russia: the evolution of legal regulation/A.K. Soloviev. - M.: Justicinform, 2020. - 198 s.

[3] Rodionov, D. I. Threats of the digital age and the response of the legislator/D. I. Rodionov//Legislation and practice. — 2023. — № 5. - S. 34-40.

[4] Zakharova, E. M. Trends in cybercrime: economic aspect/E. M. Zakharova. - St. Petersburg: Publishing House “Law and Technology,” 2019. - 176 s.

[5] Komarov, V. S. Evidence in computer crime cases/V. S. Komarov//Criminal trial. — 2021. — № 7. - S. 22-28.

[6] Belova, M. A. Personal data: risks and protection/M. A. Belova. - M.: Infra-M, 2022. - 224 s.

[7] Gusev, P.N. Legal gaps in the regulation of information security/P.N. Gusev//Digital law. — 2020. — № 4. - S. 56-62.

[8] Morozova, L. V. International cooperation in the fight against cybercrime/L. V. Morozova//International public law. — 2024. — № 1. - S. 89-95.

[9] Krylov, S.O. Statistics and problems of cybercrime investigation/S.O. Krylov//Criminology issues. — 2023. — № 3. - S. 45-51.

[10] Semenov, I. A. Deepfake: a challenge for law/I. A. Semenov//Information technology and law. — 2024. — № 2. - S. 18-23.

[11] Fedorov, K. D. Cryptocurrencies and law enforcement/K. D. Fedorov. - M.: Finance and Law, 2023. - 189 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-394-397
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно- исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор экономических наук, e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ТРУДОТЕРАПИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА РЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация. *В данной статье раскрываются эффективные методы ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях на примере трудотерапии и ее роли в сложной экосистеме таких учреждений. Трудотерапия представляет собой важнейший аспект реабилитационного процесса, особенно в контексте работы с осужденными. Она играет ключевую роль в их исправлении, социальной адаптации и подготовке к жизни после освобождения. Авторы подчеркивают, что целью трудотерапии является восстановление или развитие трудовых навыков, а также формирование дисциплины, ответственности и других качеств, необходимых для успешной интеграции осужденных в общество. Особое внимание уделяется программам профессионального обучения и подготовки к трудоустройству, которые являются важными компонентами данного процесса. Эрготерапевты активно способствуют реализации этих программ, поскольку трудотерапия представляет собой не просто набор занятий, а системный подход к восстановлению личности, который помогает осужденным вернуться к полноценной жизни после освобождения. Трудотерапия предлагает осужденным заниматься посильными видами деятельности, такими как рукоделие, моделирование или уход за животными (в рамках программ «животной терапии»). Это способствует развитию ответственности, дисциплины и навыков, которые могут быть полезны после освобождения.*

Ключевые слова*: трудотерапия, эрготерапия ресоциализация, трудовые навыки, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Cente r for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

OCCUPATIONAL THERAPY AS AN INTEGRAL PART OF THE REHABILITATION PROCESS

Annotation. *The article examines the methods of resocialization of convicts in correctional institutions using occupational therapy as an example, as well as how it fits into the complex ecosystem of correctional institutions. Occupational therapy is an integral part of the rehabilitation process, especially in the context of working with convicts. She plays a key role in their correction, social adaptation, and preparation for life after release. The authors note that the method is aimed at restoring or developing work skills, forming discipline, responsibility and other qualities necessary for the successful integration of convicts into society. The article considers vocational training and job preparation programs as an important component. Occupational therapists contribute to the implementation of programs in this area, as it is not just a set of activities, but a systematic approach to personal recovery that helps convicts return to a full life after release. Convicts can engage in occupational therapy as much as they can, for example, needlework, modeling, and animal care (as part of "animal therapy" programs). It helps to develop responsibility, discipline and skills that will be useful after release.*

Key words: *occupational therapy, occupational therapy, socialization, labor skills, penal system.*

Введение. Важность реабилитации для осужденных в исправительных учреждениях трудно переоценить, поскольку главной целью таких учреждений является снижение рецидивов. Эффективные программы реабилитации способны разорвать этот замкнутый круг и дать бывшим осужденным шанс на законопослушную жизнь. Одним из таких эффективных методов реабилитации является трудотерапия с применением эрготерапии. Сосредоточившись на практических навыках, психическом здоровье и личностном развитии, эрготерапевты помогают превратить исправительные учреждения из мест заключения в пространства для позитивных изменений. Они не просто устраняют симптомы, но и воздействуют на первопричины преступного поведения, предоставляя осужденным инструменты, необходимые для преодоления трудностей жизни на свободе.

Эрготерапия представляет собой комплексный подход к здоровью и благополучию, направленный на то, чтобы дать людям возможность участвовать в значимых для них повседневных делах Работа является командной и включает: сотрудников исправительного учреждения, медицинских работников, преподавателей, социальных работников. В условиях тюремного заключения эрготерапия приобретает совершенно новое значение. В контексте исправительного учреждения это означает не только о том, чтобы научить осужденных складывать белье или готовить (хотя эти навыки полезны), а о том, чтобы дать им возможность заново открыть свой потенциал, восстановить чувство собственного достоинства и представить свое будущее за пределами исправительных учреждений.

Основная часть. В некоторых учреждениях трудотерапия является неотъемлемой частью процесса реабилитации. Под трудотерапией в исправительных учреждениях понимают метод, который использует трудовую деятельность как инструмент восстановления физических, психологических и социальных функций человека. В рамках пенитенциарной системы трудотерапия служит средством исправления, социализации и подготовки к жизни после освобождения.

В исправительных учреждениях осознают, что подготовка осужденных к жизни после освобождения не менее важна, чем обеспечение их безопасности во время отбывания наказания. Программы профессионального обучения и подготовки к трудоустройству представляют собой неотъемлемый аспект ресоциализации, и эрготерапевты активно способствуют их реализации. Эти программы включают обучение техническим навыкам и практики собеседований, которые не только открывают новые горизонты в профессиональной сфере, но и помогают развить дисциплину, ответственность и навыки планирования, а также снижают уровень тревожности, связанной с неопределенностью будущего.

Внедрение трудотерапии в исправительном учреждении необходимо для достижения следующих целей:

- восстановление двигательной активности и мелкой моторики;
- тренировка внимания и памяти;
- формирование навыков самообслуживания, трудовой деятельности и социальной коммуникации;
- развитие умений, способствующих успешной интеграции в общество после освобождения.

Безопасность и терапевтические цели нередко вступают в конфликт. Например, в ходе арт-терапевтических сеансов осужденные могут

использовать ножницы, что может вызывать опасения у сотрудников. Однако арт-терапия позволяет им находить новые способы выражения эмоций, не причиняя себе вреда, и повышает их самооценки.

Эрготерапевты, в свою очередь, помогают людям с ограниченными физическими возможностями и хроническими заболеваниями адаптироваться к своим ограничениям и находить новые способы выполнения повседневных задач. Это способствует развитию самостоятельности и уверенности в своих силах.

Польза трудотерапии для людей, находящихся в местах лишения свободы, заключается не только в снижении вероятности повторного совершения преступления, хотя это, безусловно, является важным фактором. Она направлена на улучшение качества жизни и развитие самостоятельности — цели, которые актуальны как за пределами тюремных стен, так и внутри них.

Одно из наиболее очевидных преимуществ трудотерапии развитие навыков, необходимых в повседневной жизни, и повышение самостоятельности. В условиях строгого режима тюрьмы осужденные могут легко стать зависимыми от системы и утратить способность принимать решения без посторонней помощи. Трудотерапия помогает избежать этого, способствуя развитию у осужденных самостоятельности и навыков решения проблем, даже находясь в заключении.

Важными результатами трудотерапии являются повышение самооценки и уверенности в своих силах. Многие осужденные попадают в тюрьму с глубоким чувством собственной несостоятельности и никчемности. Трудотерапия помогает им увидеть в себе способных и талантливых людей, которые могут принести пользу обществу. Это изменение в восприятии себя может стать переломным моментом и придать осужденным мотивацию, необходимую для долгосрочных позитивных изменений. Трудотерапия также влияет на уровень рецидивов.

Внедрение эффективных программ трудотерапии иногда требует гибкости, творческого подхода и учета особенностей конкретного исправительного учреждения. Часто методы трудотерапии приходится адаптировать с учетом безопасности и ограниченных ресурсов.

Внедрение программ трудотерапии требует тщательного планирования. Каждое действие и инструмент должны быть тщательно проверены на наличие потенциальных рисков в целях обеспечения безопасности. Данное утверждение касается использования программ обучения профессиональным навыкам с использованием современных технологий, таких как виртуальная реальность.

В исправительных учреждениях часто применяются программы трудотерапии, направленные на обучение различным ремесленным профессиям, таким как резьба по дереву, швейное производство или изготовление шахмат. Также осужденные могут освоить строительные специальности, включая отделочные работы, укладку плитки и малярные навыки. Кроме того, реализуются программы, направленные на подготовку специалистов в сфере услуг, таких как поварское дело, парикмахерское искусство, флористика и ландшафтный дизайн.

Несмотря на положительные результаты внедрения трудотерапии, существуют определенные проблемы. К ним относятся: недостаточная занятость осужденных, низкий уровень мотивации и восприятие труда как наказания, а не как средства исправления.

Чтобы преодолеть указанные проблемы, мы предлагаем объединить усилия с представителями бизнес-сообщества. Кроме того, необходимо использовать современные психологические подходы для мотивации осужденных и развивать их внутреннюю заинтересованность. Также важно проводить мониторинг рынка труда и создавать обучающие программы, которые будут востребованы в будущем.

Таким образом, трудотерапия должна рассматриваться не только как наказание или способ заполнить время, но и как важный инструмент реабилитации. Если она будет организована правильно, то значительно увеличит шансы осужденных на успешную социализацию и поможет снизить рецидив.

Вывод. Долгосрочные последствия расширения практики трудотерапии в тюрьмах выходят далеко за пределы исправительных учреждений. Снижая уровень рецидивизма и помогая бывшим осужденным стать полноценными членами общества, она способствует их ресоциализации..Трудотерапия в тюрьмах не только способ обучить необходимым навыкам или снизить уровень рецидивизма. Это признание ценности и потенциала каждого человека, независимо от его прошлого. Это надежда на искупление и возможность начать новую жизнь. А эрготерапия в тюрьмах представляет собой эффективный инструмент реабилитации и успешной реинтеграции осужденных в общество. Она основана на восстановлении навыков самостоятельной жизни, социальной адаптации и профессиональной подготовки. Суть эрготерапии заключается в целенаправленной деятельности, направленной на улучшение физических, когнитивных, эмоциональных и социальных функций человека. Эрготерапевты помогают осужденным изменить свою жизнь и снизить риск рецидива, сосредоточившись на

практических навыках, психическом здоровье и личностном развитии. Однако, несмотря на огромный потенциал, эрготерапия в исправительных учреждениях часто используется недостаточно и финансируется по остаточному принципу.

Список литературы:

[1] Американская ассоциация трудотерапии. (2021). Роль трудотерапии в реинтеграции в общество. American Journal of Occupational Therapy, 75(3).

[2] Крэбтри Дж. Л., Ом Д., Уолл Дж. М. и Рэй Дж. (2016). Оценка программы неформального обучения тюремной трудотерапии: пилотное исследование. Occupational Therapy International, 23(4), 401–411.

[3] Эггерс М., Муньос Х. П., Скиулли Дж. и Крист П. А. Х. (2006). Проект по реинтеграции в общество: трудотерапия в окружной тюрьме. Трудотерапия в здравоохранении, 20(1), 17–37.

[4] Провидент И. М. и Джойс-Гагузис К. (2005). Создание условий для проведения практических занятий по трудотерапии второго уровня в окружной тюрьме. American Journal of Occupational Therapy, 59(1), 101–106.

[5] Уайтфорд, Дж. (1997). Профессиональная депривация и тюремное заключение. Journal of Occupational Science, 4(3), 126–130.

[6] Всемирная федерация эрготерапевтов. (2019). Заявление о позиции: эрготерапия в исправительных учреждениях. https://www.wfot.org/resources/occupational-therapy-in-correctional-facilities

[7] Муньос, Дж. П., Фарнворт, Л., и Дилеман, К. (2016). Трудотерапия в сфере уголовного правосудия. В кн.: Б. А. Б. Шелл и Г. Гиллен (ред.), Трудотерапия Уилларда и Спэкмена (13-е изд., стр. 1214–1224). Wolters Kluwer.

[8] Молинью, М. Л., и Уайтфорд, Дж. Э. (1999). Тюрьмы: от профессиональной депривации к профессиональному обогащению. Journal of Occupational Science, 6(3), 124–130.

[9] Фалардо М., Морен Ж. и Беллемар Ж. (2015). Взгляд молодых заключенных на свою работу. Journal of Occupational Science, 22(3), 334-344.

[10] Линдстедт Х., Сёдерлунд А., Столенхейм Г. и Шёден П. О. (2004). Способности правонарушителей с психическими расстройствами к профессиональной деятельности и социальному взаимодействию. Скандинавский журнал трудотерапии, 11(3), 118–127.

References:

[1] American Occupational Therapy Association. (2021). Role of occupational therapy in reintegration into society. American Journal of Occupational Therapy, 75(3).

[2] Crabtree JL, Om D, Wall JM and Ray J (2016). Evaluation of a prison occupational therapy informal training program: a pilot study. Occupational Therapy International, 23(4), 401–411.

[3] Eggers M, Munoz HP, Sciulli J, and Crist PA H (2006). Community Reintegration Project: Occupational Therapy at County Jail. Occupational Therapy in Health Care, 20 (1), 17-37.

[4] Provident IM and Joyce-Gagouzis K (2005). Creation of conditions for practical training in occupational therapy of the second level in the district prison. American Journal of Occupational Therapy, 59(1), 101–106.

[5] Whiteford, J. (1997). Occupational deprivation and imprisonment. Journal of Occupational Science, 4(3), 126–130.

[6] World Federation of Occupational Therapists. (2019). Position statement: Occupational therapy in correctional facilities. https://www.wfot.org/resources/occupational-therapy-in-correctional-facilities

[7] Munoz, J.P., Farnworth, L., & Dieleman, K. (2016). Occupational therapy in criminal justice. In the book: B. A. B. Shell and G. Gillen (ed.), Occupational therapy of Willard and Spackman (13th ed., Pp. 1214-1224). Wolters Kluwer.

[8] Molineux, M. L., and Whiteford, J. E. (1999). Prisons: from professional deprivation to professional enrichment. Journal of Occupational Science, 6(3), 124–130.

[9] Falardo M, Morin J, and Bellemare J (2015). Young prisoners “view of their work. Journal of Occupational Science, 22(3), 334-344.

[10] Lindstedt H, Söderlund A, Stolenheim G, and Sjöden PO (2004). The occupational and social interaction abilities of offenders with mental disorders. Scandinavian Journal of Occupational Therapy, 11 (3), 118-127.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-398-405

ШАРАПОВА Валентина Михайловна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: agroprom23@mail.ru

ШАРАПОВА Наталья Владимировна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: sharapov.66@mail,ru

ТУРСУНХУЖАЕВ Сироджиддин Камолиддин угли,
Студент магистратуры кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: tursunxojayevsirojiddin@gmail.com

ПОПОВ Алексей Юрьевич,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: prepodpopov@yandex.ru

ШАРАПОВ Юрий Владимирович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бизнес-информатики
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: scharapov_yv@usue.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЁТА, АНАЛИЗА И АУДИТА ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ НА ОСНОВЕ ОПЫТА РАЗВИТЫХ СТРАН: АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. *В статье обоснована необходимость перехода от формальной регистрации основных средств к интегрированной модели учёта, анализа, внутреннего аудита и цифрового мониторинга в государственных высших образовательных организациях Республики Узбекистан. Разработана компактная адаптационная модель совершенствования учёта, анализа и аудита основных средств для государственных вузов Узбекистана на основе критического обобщения опыта развитых стран. На базе IAS 16, НСБУ № 5 «Основные средства» и обобщения практики США, Германии, Великобритании, Японии и Республики Корея предложена четырёхблочная адаптационная модель, система модифицированных показателей эффективности и риск-ориентированная карта внутреннего аудита. Расчётный пример демонстрирует применение модели на условных данных, типичных для государственного вуза. Все числовые данные носят иллюстративный характер.*

Ключевые слова: *Основные средства, IAS 16, НСБУ № 5, амортизация, инвентаризация, внутренний аудит, электронный паспорт актива, QR-код, ERP, цифровой мониторинг.*

SHARAPOVA Valentina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Accounting and Auditing
at the Ural State University of Economics

SHARAPOVA Natalya Vladimirovna,
Doctor of Economics,
Head of the Accounting and Auditing Department
at the Ural State University of Economics

TURSUNKHUZHAYEV Sirojiddin Kamoliddin ugli,
Master's Student, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

POPOV Aleksey Yuryevich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor Associate Professor,
Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

SHARAPOV Yuri Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Business Informatics,
Ural State University of Economics

IMPROVEMENT OF ACCOUNTING, ANALYSIS AND AUDIT OF FIXED ASSETS BASED ON THE EXPERIENCE OF DEVELOPED COUNTRIES: AN ADAPTATION MODEL FOR STATE HIGHER EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF UZBEKISTAN

Annotation. *This article substantiates the need to transition from formal registration of fixed assets to an integrated model of accounting, analysis, internal audit, and digital monitoring in public higher education institutions of the Republic of Uzbekistan. A compact, adaptive model for improving the accounting, analysis, and audit of fixed assets for public universities in Uzbekistan has been developed based on a critical review of the experience of developed countries. Based on IAS 16, NAS No. 5 "Fixed Assets," and a summary of the practices of the United States, Germany, the United Kingdom, Japan, and the Republic of Korea, a four-block adaptive model, a system of modified performance indicators, and a risk-based internal audit chart are proposed. A calculation example demonstrates the application of the model to hypothetical data typical for a public university. All numerical data is for illustrative purposes only.*

Key words: *Fixed assets, IAS 16, NAS No. 5, depreciation, inventory, internal audit, electronic asset passport, QR code, ERP, digital monitoring.*

Введение

Основные средства государственных высших образовательных организаций (далее - государственных вузов) формируют не только имущественную базу учебного процесса, но и инфраструктурное условие качества образования и научной деятельности. Здания, аудитории, лабораторное оборудование, компьютерная техника, библиотечные фонды, цифровые сети и транспорт прямо влияют на результативность бюджетных расходов и на доступность образования.

На практике учёт основных средств в государственных вузах часто сводится к трём операциям: принять объект, начислить амортизацию, списать при выбытии. Такой подход обеспечивает формальную правильность бухгалтерских записей, но не отвечает на три ключевых управленческих вопроса: где находится актив, кто за него отвечает и приносит ли он реальную пользу. Эти вопросы становятся критическими в условиях ограниченности бюджетных ресурсов и одновременного перехода Узбекистана на международные стандарты финансовой отчётности.

С 1 января 2025 года в Республике Узбекистан применяется новый НСБУ № 5 «Основные средства», утверждённый приказом министра экономики и финансов № 133 и зарегистрированный 9 августа 2024 г. под № 3546. Постановление Президента № ПП-4611 от 24 февраля 2020 г. усиливает курс на МСФО, а Стратегия «Цифровой Узбекистан - 2030» создаёт нормативную рамку для цифровизации имущественного учёта. Эти изменения требуют не точечной корректировки учётной политики, а перестройки модели управления активами.

Цель статьи - разработать компактную адаптационную модель совершенствования учёта, анализа и аудита основных средств для

государственных вузов Узбекистана на основе критического обобщения опыта развитых стран и обеспечить её применимость через систему показателей и иллюстративный расчётный пример.

Степень изученности проблемы

Теоретические основы признания, оценки и раскрытия информации об основных средствах раскрыты в международной литературе по финансовому учёту, включая работы C. Nobes, R. Parker, D. Alexander, A. Britton, A. Jorissen и других авторов. Вопросы обесценения долгосрочных активов разработаны Barth, Beaver и Landsman, а проблематика учёта в государственном секторе - в публикациях IPSASB и в исследованиях Christiaens и Reyniers.

В Узбекистане отдельные аспекты учёта основных средств и адаптации МСФО рассматривались в работах К. К. Каримова, Н. Ж. Жумаева, Б. А. Хасанова и других авторов. Однако комплексных исследований, объединяющих требования НСБУ № 5 (2024), задачи цифровой трансформации и специфику государственных вузов, в национальной литературе практически нет. Настоящая статья направлена на заполнение этого пробела.

Методология и нормативная база

Методологической основой исследования являются IAS 16 «Property, Plant and Equipment», НСБУ № 5 «Основные средства», Закон Республики Узбекистан «О бухгалтерском учёте», Закон «Об аудиторской деятельности» (ЗРУ-677 от 25 февраля 2021 г.), Концептуальные основы финансовой отчётности и Стратегия «Цифровой Узбекистан - 2030».

Применены методы сравнительного институционального анализа (по странам), системного подхода (модель из четырёх блоков), коэффициентного анализа (показатели износа, годности, обновления, выбытия, фондоотдачи, фондоёмкости), а также элементы риск-ориентированного аудита по стандартам COSO ERM (2017) и ISA 315 (2019).

Эмпирическая часть носит методический и иллюстративный характер. В работе намеренно не используются закрытые данные конкретной организации, а приводимый числовой пример (таблица 3) построен на условных, но реалистичных параметрах, типичных для государственного вуза средней величины. Такой подход обеспечивает воспроизводимость расчётов и пригодность модели для применения в любой государственной образовательной организации Республики Узбекистан.

Критический обзор опыта развитых стран

Опыт развитых стран нельзя переносить механически - каждой стране присущи особая правовая система, бюджетная дисциплина и уровень цифровой зрелости. Однако отдельные рабочие механизмы могут быть адаптированы. США демонстрируют развитую практику тестирования обесценения долгосрочных активов по ASC 360-10 [7]. Германия - строгую документальную дисциплину и принцип осмотрительности по HGB §§ 252-253 [6]. Великобритания - дифференциацию требований к организациям разного размера через FRS 102 [8]. Япония — постепенную институциональную гармонизацию JGAAP и IFRS [9]. Республика Корея - системное внедрение K-IFRS через цепочку “стандарт → методика → обучение → цифровая система → контроль” [10]. В *таблице 1* эти механизмы переведены в формат адаптации к национальной практике с указанием рисков внедрения.

Таблица 1. Опыт развитых стран и возможности его адаптации к практике Узбекистана

Страна	Сильная сторона практики	Механизм адаптации для Узбекистана	Риск при внедрении
США	Риск-ориентированное тестирование обесценения долгосрочных активов (ASC 360-10)	Ежегодная проверка признаков неиспользования и обесценения; реестр простаивающих активов	Дефицит сертифицированных оценщиков, отсутствие методики возмещаемой стоимости в госсекторе
Германия	Документальная дисциплина и персональная ответственность (HGB §§ 252-253)	Электронный паспорт актива + материально ответственное лицо для каждого объекта	Риск чрезмерной бюрократизации и формализма
Великобритания	Дифференцированный подход (FRS 102) к малым, средним и крупным организациям	Отдельная методика учёта активов для государственных вузов с учётом бюджетной модели	Сложность согласования с действующей системой бюджетного учёта

Япония	Постепенная гармонизация JGAAP и IFRS, регуА лярное обучение специалистов	Системные методические разъяснения к НСБУ № 5 и обучение бухгалтеров вузов	Риск формального обучения без изменения практики
Республика Корея	Системное внедрение K-IFRS: стандарт → обучение → цифровизация → контроль	Поэтапная ERP-интеграция учёта основных средств вузов с подготовкой ИТ-кадров	Высокие капитальные затраты на инфраструктуру и кадры

Источник: составлено авторами на основе [6; 7; 8; 9; 10].

Адаптационная модель учёта, анализа и аудита основных средств. Структура модели.

Предлагаемая модель объединяет четыре функциональных блока: бухгалтерский учёт, экономический анализ, внутренний аудит и цифровой мониторинг. Её логика - переход от цепочки «документ → проводка → отчёт» к цепочке «актив → состояние → ответственность → эффективность → контроль». Содержание блоков представлено в *таблице 2*.

Таблица 2. Методическая модель учёта, анализа и контроля основных средств в государственных вузах

Блок модели	Основное содержание	Практический инструмент	Ожидаемый результат
Бухгалтерский учёт	Признание, оценка, амортизация, переоценка и списание основных средств по НСБУ № 5 и IAS 16	Учётная политика, инвентарные карточки, электронный регистр активов	Достоверность бухгалтерской и финансовой отчётности
Экономический анализ	Оценка структуры, динамики, износа, годности, обновления и эффективности использования активов	Система коэффициентов (см. таблицу 3) и управленческие показатели	Выявление неэффективно используемых и устаревших активов
Внутренний аудит	Риск-ориентированная проверка наличия, сохранности, закрепления ответственности и обоснованности списания	Контрольная карта рисков, COSO ERM, ISA 315	Снижение риска потерь, недостач и формального учёта
Цифровой мониторинг	Связь бухгалтерских данных с фактическим состоянием объекта в режиме, близком к реальному времени	Электронный паспорт актива, QR-инвентаризация, ERP-система, аналитическая панель руководителя	Оперативный контроль состояния и движения активов

Источник: составлено авторами на основе IAS 16, НСБУ № 5 и [1; 11; 12,17].

Модифицированная система показателей для государственных вузов

Стандартные показатели эффективности основных средств в коммерческом секторе строятся на основе выручки. В государственных вузах необходимо адаптировать знаменатель: вместо выручки использовать объём образовательных услуг, число студентов, число образовательных программ или объём научных проектов. Авторская модификация показателей представлена в *таблице 3* (графа «модификация для госвуза»). Эта модификация является элементом научной новизны исследования.

Таблица 3. Показатели оценки эффективности основных средств с авторской модификацией для государственных вузов

Показатель	Базовая формула	Модификация для госвуза	Управленческий вывод
Коэффициент износа	Накопленная амортизация / Первоначальная стоимость	Расчёт отдельно по группам: здания, лаб. оборудование, ИТ-техника	Высокое значение по ИТ-группе - сигнал к ускоренному обновлению
Коэффициент годности	Остаточная стоимость / Первоначальная стоимость	Дополнение коэффициентом технической пригодности (экспертная оценка)	Различие учётной и технической годности - управленческий риск
Коэффициент обновления	Поступило ОС / ОС на конец периода	Доля поступлений за счёт капитальных вложений в цифровую инфраструктуру	Низкое значение по ИТ - риск технологического отставания
Коэффициент выбытия	Выбыло ОС / ОС на начало периода	Расщепление: моральное устаревание, физический износ, передача, списание	Высокая доля «иных» причин - повод для проверки обоснованности
Фондоотдача (модифиц.)	Объём услуг / Среднегодовая стоимость ОС	Числитель = количество студентов × нормативное финансирование	Снижение - неэффективная загрузка имущества
Фондовооружённость на студента	Стоимость ОС / Среднее число студентов	Сопоставление с нормативом Министерства высшего образования	Отклонение от норматива - основание для перераспределения активов
Доля простаивающих активов	- (нового показателя нет в базовой методике)	Стоимость активов без подтверждённой загрузки / Стоимость ОС	Свыше 10 % - критический сигнал для внутреннего аудита

Источник: составлено авторами на основе [11; 12] с авторской модификацией.

Иллюстративный расчётный пример

Для демонстрации применимости модели приведён расчёт по условному государственному вузу (параметры реалистичны и сопоставимы с показателями вузов средней величины). Все цифры - условные и используются исключительно для иллюстрации методики.

Таблица 4. Иллюстративный расчёт показателей основных средств условного государственного вуза за 2023-2025 гг., млрд сум.

Показатель	2023	2024	2025	Вывод
Первоначальная стоимость ОС	120,0	128,5	138,0	Прирост 15,0 % за 3 года
Накопленная амортизация	62,4	70,1	78,7	Опережает прирост стоимости
Коэффициент износа	0,52	0,55	0,57	Превышение порога 0,50 - нужна программа обновления

Коэффициент годности	0,48	0,45	0,43	Снижение - рост технологического риска
Поступило ОС за год	6,0	10,2	12,5	Обновление активизируется
Коэффициент обновления	0,050	0,079	0,091	Положительная динамика
Выбыло ОС за год	1,8	1,7	3,0	Рост выбытия в 2025 - проверить обоснованность
Коэффициент выбытия	0,015	0,013	0,022	Не критично, но повод для аудита
Среднее число студентов	9 200	9 600	10 050	-
Фондовооружённость на студента, млн сум.	13,0	13,4	13,7	Стабильно ниже норматива (15,0) - недофинансирование
Доля простаивающих активов, %	8,0	7,5	6,2	Постепенное снижение - модель внутреннего аудита работает

Источник: расчёт авторов на условных данных.

Интерпретация расчётов. За 2023-2025 гг. условный вуз показывает рост стоимости активов на 15 % при одновременном росте коэффициента износа с 0,52 до 0,57. Это типичный сигнал, что обновление идёт, но не успевает за амортизацией. Коэффициент обновления вырос с 0,050 до 0,091 - позитивно, однако фондовооружённость на студента остаётся ниже норматива (13,7 против 15,0 млн сум.). Доля простаивающих активов снижается с 8 % до 6,2 %, что свидетельствует о результативности внутреннего аудита. Главный управленческий вывод: необходимо приоритетное обновление ИТ-группы основных средств и закрепление методики выявления простаивающих активов в учётной политике.

Научно-практические предложения

Электронный паспорт основного средства. Внедрить как главный аналитический регистр актива, включающий инвентарный номер, первоначальную и остаточную стоимость, источник финансирования, срок полезного использования, метод амортизации, ответственное лицо, местонахождение, техническое состояние, историю ремонтов и результаты последних инвентаризаций.

QR-кодовая инвентаризация. Переход от формального сличения описи к контрольному акту: сканирование QR-кода комиссией подтверждает не только наличие, но и место эксплуатации, состояние и ответственное лицо. Результат сканирования автоматически фиксируется в электронном паспорте актива.

Амортизационная политика, связанная с интенсивностью использования. Для ИТ-техники, лабораторного оборудования и цифровой инфраструктуры выделить отдельную группу с укороченным сроком полезного использования и обязательной ежегодной оценкой морального устаревания.

Риск-ориентированная карта внутреннего аудита. Карта должна содержать признаки риска: отсутствие ответственного лица, простой актива более 90 дней, расхождение учётных и фактических данных, необоснованное списание, завышенная остаточная стоимость, низкая загрузка дорогостоящего оборудования. Шкала вероятности и влияния - по COSO ERM (2017).

Аналитическая панель руководителя. Свод показателей из таблиц 3 и 4 в формате дашборда (фондовооружённость, доля простаивающих активов, коэффициент износа по группам) обеспечивает оперативное управленческое решение и встраивается в годовой бюджетный цикл.

Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, предложена четырёхблочная адаптационная модель учёта, анализа, аудита и цифрового мониторинга основных средств, специально привязанная к требованиям НСБУ № 5 (2024) и к институциональным усло-

виям государственных вузов Узбекистана. Во-вторых, разработана модифицированная система показателей эффективности, учитывающая отсутствие выручки в государственном секторе и заменяющая её на образовательно-нормативный знаменатель (число студентов × нормативное финансирование). В-третьих, введён авторский показатель «доля простаивающих активов» как индикатор внутреннего аудиторского риска. В-четвёртых, сформулирована карта рисков для основных средств государственных вузов в логике COSO ERM и ISA 315, адаптированная к НСБУ № 5.

Заключение

Совершенствование учёта основных средств в государственных вузах Узбекистана не сводится к корректировке учётной политики или к внедрению ERP-системы. Оно требует системного сдвига от формальной регистрации актива к управлению им как объектом ответственности, эффективности и риска. Опыт США, Германии, Великобритании, Японии и Республики Корея содержит работоспособные механизмы, однако пригоден только в адаптированной форме - с учётом бюджетной дисциплины, институциональной специфики государственного сектора и цифровой зрелости организации.

Предложенная четырёхблочная модель, модифицированные показатели, новый индикатор простоя и риск-ориентированная карта аудита формируют замкнутый управленческий контур: учёт даёт стоимость, анализ - эффективность, аудит - обоснованность, цифровой мониторинг - оперативность. Дальнейшее направление исследований - апробация модели на данных конкретных государственных вузов и количественная оценка эффекта от её внедрения (сокращение простоев, ускорение инвентаризации, сокращение потерь).

Список литературы:

[1] IFRS Foundation. IAS 16 «Property, Plant and Equipment». - URL: https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ias-16-property-plant-and-equipment/

[2] Закон Республики Узбекистан «О бухгалтерском учёте» от 13.04.2016 № ЗРУ-404. - URL: https://www.lex.uz/acts/90764

[3] Приказ министра экономики и финансов Республики Узбекистан № 133 от 14.06.2024 «Об утверждении НСБУ № 5 «Основные средства»», рег. № 3546 от 09.08.2024. - URL: https://lex.uz/ru/docs/7058295

[4] Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4611 от 24.02.2020 «О дополнительных мерах по переходу на МСФО». - URL: https://lex.uz/ru/docs/4746049

[5] Указ Президента Республики Узбекистан № УП-6079 от 05.10.2020 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан - 2030»». - URL: https://lex.uz/ru/docs/5031048

[6] Handelsgesetzbuch (HGB), §§ 252-253. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_hgb/englisch_hgb.html

[7] FASB ASC 360-10 «Property, Plant and Equipment - Impairment or Disposal of Long-Lived Assets». - Deloitte Accounting Research Tool. - URL: https://dart.deloitte.com/USDART/home/codification/presentation/asc205-20/roadmap-disposals-long-lived-assets-discontinued-operations/chapter-1-overview-scope/1-3-scope-asc-360-10?utm_source=chatgpt.com

[8] Financial Reporting Council (UK). FRS 102 «The Financial Reporting Standard applicable in the UK and Republic of Ireland». - URL: https://www.frc.org.uk

[9] IFRS Foundation. Use of IFRS Standards by jurisdiction: Japan. - URL: https://www.ifrs.org/use-around-the-world/use-of-ifrs-standards-by-jurisdiction/view-jurisdiction/japan/

[10] IFRS Foundation. Use of IFRS Standards by jurisdiction: South Korea. - URL: https://www.ifrs.org/use-around-the-world/use-of-ifrs-standards-by-jurisdiction/view-jurisdiction/south-korea/

[11 Nobes C., Parker R. Comparative International Accounting. - 14th ed. - Pearson, 2020.

[12] Jorissen A., Britton A., van Mourik C., Hoogendoorn M., Alexander D. International Financial Reporting and Analysis. - 7th ed. - Cengage Learning EMEA, 2017.

[13] Barth M. E., Beaver W. H., Landsman W. R. The relevance of the value relevance literature for financial accounting standard setting: another view // Journal of Accounting and Economics. - 2001. - Vol. 31, № 1-3. - P. 77-104.

[14] Christiaens J., Reyniers B., Rollé C. The impact of IPSAS on reforming governmental financial reporting: an international comparison // International Review of Administrative Sciences. - 2010. - Vol. 76, № 3. - P. 537-554.

[15] COSO. Enterprise Risk Management - Integrating with Strategy and Performance. - Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2017.

[16] IAASB. International Standard on Auditing (ISA) 315 (Revised 2019) «Identifying and Assessing the Risks of Material Misstatement». - IFAC, 2019.

[17] Рыбакина, А. С. Сравнительная характеристика бухгалтерского и налогового учета основных средств / А. С. Рыбакина, В. М. Шарапова, Н. В. Шарапова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № 8. – С. 130-135. – EDN HVUUPS.

References:

[1] IFRS Foundation. IAS 16 «Property, Plant and Equipment». - URL: https://www.ifrs.org/issued-standards/list-of-standards/ias-16-property-plant-and-equipment/

[2] Law of the Republic of Uzbekistan “On Accounting” dated April 13, 2016 No. ZRU-404. - URL: https://www.lex.uz/acts/90764

[3] Order of the Minister of Economy and Finance of the Republic of Uzbekistan No. 133 dated June 14, 2024 “On Approval of NAS No. 5 “Fixed Assets””, reg. No. 3546 dated August 9, 2024. - URL: https://lex.uz/ru/docs/7058295

[4] Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-4611 dated February 24, 2020 “On Additional Measures for the Transition to IFRS”. - URL: https://lex.uz/ru/docs/4746049

[5] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-6079 dated October 5, 2020 “On Approval of the Strategy “Digital Uzbekistan - 2030””. - URL: https://lex.uz/ru/docs/5031048

[6] Handelsgesetzbuch (HGB), §§ 252-253. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_hgb/englisch_hgb.html

[7] FASB ASC 360-10 «Property, Plant and Equipment - Impairment or Disposal of Long-Lived Assets». - Deloitte Accounting Research Tool. - URL: https://dart.deloitte.com/USDART/home/codification/presentation/asc205-20/roadmap-disposals-long-lived-assets-discontinued-operations/chapter-1-overview-scope/1-3-scope-asc-360-10?utm_source=chatgpt.com

[8] Financial Reporting Council (UK). FRS 102 «The Financial Reporting Standard applicable in the UK and Republic of Ireland». - URL: https://www.frc.org.uk

[9] IFRS Foundation. Use of IFRS Standards by jurisdiction: Japan. - URL: https://www.ifrs.org/use-around-the-world/use-of-ifrs-standards-by-jurisdiction/view-jurisdiction/japan/

[10] IFRS Foundation. Use of IFRS Standards by jurisdiction: South Korea. - URL: https://www.ifrs.org/use-around-the-world/use-of-ifrs-standards-by-jurisdiction/view-jurisdiction/south-korea/

[11 Nobes C., Parker R. Comparative International Accounting. - 14th ed. - Pearson, 2020.

[12] Jorissen A., Britton A., van Mourik C., Hoogendoorn M., Alexander D. International Financial Reporting and Analysis. - 7th ed. - Cengage Learning EMEA, 2017.

[13] Barth M. E., Beaver W. H., Landsman W. R. The relevance of the value relevance literature for financial accounting standard setting: another view // Journal of Accounting and Economics. - 2001. - Vol. 31, № 1-3. - P. 77-104.

[14] Christiaens J., Reyniers B., Rollé C. The impact of IPSAS on reforming governmental financial reporting: an international comparison // International Review of Administrative Sciences. - 2010. - Vol. 76, № 3. - P. 537-554.

[15] COSO. Enterprise Risk Management - Integrating with Strategy and Performance. - Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2017.

[16] IAASB. International Standard on Auditing (ISA) 315 (Revised 2019) «Identifying and Assessing the Risks of Material Misstatement». - IFAC, 2019.

[17] Rybakina, A. S. Comparative characteristics of accounting and tax accounting of fixed assets / A. S. Rybakina, V. M. Sharapova, N. V. Sharapova // Journal of Monetary Economics and Management. - 2024. - No. 8. - P. 130-135. - EDN HVUUPS.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-406-411

ГОФМАН Александр Анатольевич,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КУРСАНТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ВУЗОВ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. *В статье анализируется опыт перехода образовательных организаций правоохранительной направленности на дистанционный формат обучения в период пандемии COVID-19 и в постпандемийный период. Авторами рассматриваются специфические особенности дистанционного обучения курсантов ведомственных вузов, обусловленные необходимостью сохранения режимных требований, поддержания дисциплины и формирования профессиональных компетенций, связанных с практическими навыками. На основе анализа эмпирических данных и обобщения опыта работы вузов МВД, ФСИН и других силовых ведомств выделены основные риски дистанционного обучения: снижение уровня физической и огневой подготовки, дефицит практико-ориентированного обучения, ослабление дисциплинарного контроля, психологическая изоляция курсантов, академическая нечестность. Одновременно выявлены перспективные направления использования дистанционных технологий: теоретическая подготовка по правовым дисциплинам, психологическое сопровождение, организация самостоятельной работы, смешанное обучение. Формулируются рекомендации по оптимальному сочетанию дистанционных и традиционных форм обучения в ведомственных вузах.*

Ключевые слова: *дистанционное обучение, курсанты, правоохранительные вузы, постпандемийный опыт, риски, перспективы, смешанное обучение, профессиональная подготовка, практико-ориентированное обучение, цифровая трансформация образования.*

GOFMAN Alexander Anatolyevich,
Associate Professor, Department of Fire and Tactical and Special Training, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

DISTANCE LEARNING FOR LAW ENFORCEMENT STUDENTS: RISKS AND PROSPECTS (POST-PANDEMIC EXPERIENCE)

Annotation. *The article analyzes the experience of law enforcement educational organizations in transitioning to distance learning during the COVID-19 pandemic and in the post-pandemic period. The authors examine the specific features of distance learning for cadets at departmental universities, which are determined by the need to maintain security requirements, discipline, and the development of professional competencies related to practical skills. Based on the analysis of empirical data and the generalization of the experience of universities of the Ministry of Internal Affairs, the Federal Penitentiary Service, and other law enforcement agencies, the main risks of distance learning have been identified: a decrease in the level of physical and fire training, a lack of practice-oriented learning, a weakening of disciplinary control, psychological isolation of cadets, and academic*

dishonesty. At the same time, promising areas for the use of distance technologies have been identified: theoretical training in legal disciplines, psychological support, and the organization of independent learning.

Key words: *distance learning, cadets, law enforcement universities, post-pandemic experience, risks, prospects, blended learning, professional training, practice-oriented learning, and digital transformation of education.*

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, охватившая мир в 2020 году, стала беспрецедентным вызовом для всех уровней системы образования. Вынужденный и экстренный переход на дистанционный формат обучения затронул и образовательные организации правоохранительной направленности — вузы МВД, ФСИН, МЧС, Росгвардии, Следственного комитета. Для этих учебных заведений, исторически ориентированных на очное обучение с жесткой дисциплиной, постоянным контролем и высоким удельным весом практических занятий, «дистант» стал не просто технологическим, а глубинным педагогическим и организационным вызовом.

Постпандемийный период, характеризующийся возвращением к традиционным формам обучения, тем не менее, не означает полного отказа от дистанционных технологий. Напротив, полученный опыт заставляет переосмыслить возможности и границы применения дистанционного обучения в ведомственном образовании. Как справедливо отмечают исследователи, период пандемии проявил множество проблем, связанных с готовностью профессорско-преподавательского состава, учебно-материальной базы и самих курсантов к такому формату. Вместе с тем были выявлены и определенные перспективы, которые могут быть использованы для оптимизации образовательного процесса. [2]

Прежде чем перейти к анализу рисков и перспектив, необходимо обозначить принципиальные особенности дистанционного обучения именно в ведомственных вузах, которые отличают его от дистанционного обучения в гражданских образовательных организациях.

Первая особенность связана с режимным характером образовательной деятельности. Обучение курсантов предполагает постоянное нахождение на территории вуза (или в общежитии казарменного типа), строгую регламентацию распорядка дня, ношение установленной формы одежды, подчинение командирам и начальникам. Дистанционное обучение разрушает эту привычную среду: курсант оказывается дома, вне зоны прямого контроля со стороны командирского состава. Это создает риск не только снижения учебной дисциплины, но и утраты того специфического «духа» ведомственного вуза, который является важным фактором профессиональной социализации.[1]

Вторая особенность касается содержания обучения. Значительная часть дисциплин в правоохранительных вузах имеет ярко выраженную практическую направленность: огневая подготовка, физическая подготовка, тактико-специальная подготовка, вождение автотранспорта, первая помощь. Эти дисциплины невозможно полноценно освоить в дистанционном формате, поскольку они предполагают непосредственное выполнение практических действий под контролем преподавателя. Хотя отдельные элементы теоретической части могут быть вынесены в дистанционный формат (например, изучение материальной части оружия), формирование навыка требует очного практического занятия.[3]

Третья особенность связана с необходимостью сохранения государственной тайны и служебной информации ограниченного распространения. Ряд дисциплин (оперативно-розыскная деятельность, специальная техника, некоторые разделы криминалистики) содержат сведения, составляющие государственную тайну. Дистанционное обучение с использованием открытых каналов связи создает риски утечки такой информации, что требует особых мер безопасности и ограничивает применение дистанционных технологий.

Четвертая особенность — воспитательный компонент обучения. Ведомственное образование не ограничивается трансляцией знаний и формированием компетенций; оно предполагает целенаправленное формирование личности будущего сотрудника правоохранительных органов. Этот воспитательный процесс осуществляется в значительной степени через совместную деятельность, ритуалы, традиции, личный пример командиров и преподавателей. Дистанционное обучение существенно ограничивает возможности воспитательного воздействия.[5]

Указанные особенности предопределяют то, что дистанционное обучение в правоохранительных вузах не может и не должно быть полным аналогом очного. Речь может идти лишь о частичном, вспомогательном использовании дистанционных технологий в тех сферах, где это допустимо и эффективно.

Анализ опыта перехода ведомственных вузов на дистанционный формат в период пандемии, а также последующих исследований, проведенных в 2021–2024 годах, позволяет выделить несколько групп рисков, проявившихся наиболее остро.[4]

Одним из наиболее значимых последствий длительного (от нескольких недель до нескольких месяцев) нахождения курсантов вне стен вуза стало существенное снижение их физической подготовленности. Исследования показывают, что уже после двух-трех недель отсутствия регулярных, систематических физических нагрузок происходит детренированность: снижается силовая выносливость, ухудшаются показатели быстроты и координации, падает аэробная производительность.

Особенно остро эта проблема проявилась у курсантов младших курсов, у которых еще не сформировалась устойчивая привычка к самостоятельным физическим тренировкам. Если старшекурсники, уже имевшие опыт систематических занятий спортом, в ряде случаев смогли организовать самостоятельную подготовку, то первокурсники, только начавшие осваивать нормативы, показали наиболее выраженное снижение результатов.

Возвращение к очному обучению потребовало значительных усилий от кафедр физической подготовки. Потребовалось несколько месяцев целенаправленных занятий, чтобы восстановить уровень физической подготовленности курсантов. Учитывая, что физическая подготовка является одним из ключевых элементов профессиональной готовности сотрудника правоохранительных органов (особенно в таких подразделениях, как спецназ, ОМОН, патрульно-постовая служба), этот риск следует признать критическим.[7]

Второй по значимости риск связан с невозможностью полноценного проведения практических занятий по профильным дисциплинам. Огневая подготовка в дистанционном формате сводилась к изучению теории стрельбы, материальной части оружия и, в лучшем случае, к выполнению электронных тестов на знание мер безопасности. При этом навык прицеливания, управления дыханием, производства выстрела, перезаряжания в условиях дефицита времени — все то, что составляет суть огневой подготовки — оставалось неотработанным.

В тактико-специальной подготовке ситуация была еще более сложной. Отработка действий в составе группы, тактика задержания преступников, действия при штурме здания или в условиях городской застройки — это виды деятельности, которые невозможно смоделировать дистанционно. Даже использование видеотренажеров и симуляторов не заменяет реального взаимодействия между курсантами в процессе выполнения тактической задачи.[6]

Особенно остро дефицит практико-ориентированного обучения проявился у выпускных курсов. Курсанты, которые должны были выходить на итоговую аттестацию, имели существенные пробелы в практических навыках, что создавало риски для их будущей профессиональной деятельности.

Переход на дистанционное обучение, сопровождавшийся отправкой курсантов по домам (в тех вузах, где это было возможно), привел к существенному ослаблению дисциплины. Исчезли факторы, обеспечивающие дисциплинированность в обычных условиях: утренний подъем, проверка внешнего вида, уставные взаимоотношения, постоянный контроль со стороны командиров.

Практика показала, что далеко не все курсанты (особенно младших курсов) обладают достаточным уровнем самодисциплины, чтобы организовать свою учебную деятельность в домашних условиях. Опросы, проведенные после возвращения к очному обучению, показали, что значительная часть курсантов призналась в том, что они регулярно пропускали онлайн-занятия (оставляя компьютер включенным, но не участвуя в процессе), не выполняли задания в полном объеме или откладывали их выполнение на последний момент.

Важно отметить, что дисциплинированность — это не врожденное качество, а сформированное в процессе воспитания. Длительное нахождение в «тепличных» дистанционных условиях, где ответственность за организацию учебы ложилась исключительно на самого курсанта, привело к регрессу в развитии этого качества у значительной части обучающихся.

Дистанционное обучение, сопровождавшееся социальной изоляцией в целом (карантин, ограничение контактов), оказало негативное влияние на психологическое состояние курсантов. Если для обычных студентов это также было стрессом, то для курсантов, привыкших к постоянному нахождению в коллективе, к интенсивному общению (в том числе и неформальному), к чувству принадлежности к группе, этот переход был особенно болезненным.

Исследования показывают, что в период дистанционного обучения у курсантов отмечался рост уровня тревожности, снижение настроения, появление чувства одиночества. Особенно уязвимыми оказались курсанты первого года обучения, у которых еще не успели сформироваться устойчивые социальные связи в коллективе. Для них пребывание на дистанционном обучении означало не только потерю учебного процесса, но и разрушение процесса социальной адаптации.

Кроме того, у курсантов выпускных курсов добавлялся фактор неопределенности в отношении государственной итоговой аттестации и распределения: неизвестно было, в каком формате

будут проходить экзамены, не будет ли отсрочки выпуска, не изменятся ли условия службы после окончания вуза.

Риск академической нечестности в дистанционном формате обучения существенно возрастает. Отсутствие непосредственного контроля со стороны преподавателя, возможность использования шпаргалок, готовых решений из интернета, помощи третьих лиц при выполнении контрольных работ и сдаче экзаменов — все это широко использовалось частью курсантов.

Наиболее распространенными формами академической нечестности стали: списывание с использованием дополнительных источников при выполнении тестовых заданий; выполнение заданий не самостоятельно, а с помощью сокурсников или родственников; копирование текстов из интернета при подготовке рефератов и докладов; использование готовых презентаций без собственной переработки материала.

Особую проблему представляли онлайн-экзамены. Даже при использовании систем прокторинга (удаленного контроля с веб-камерой) существовали способы обхода. При этом дисциплинарные меры за академическую нечестность в дистанционном формате применялись значительно реже, чем в очном, что создавало у курсантов ощущение безнаказанности.

Наконец, нельзя игнорировать и чисто технические риски. Не все курсанты имели доступ к стабильному высокоскоростному интернету, особенно это касалось курсантов из сельской местности и отдаленных регионов. Не все имели исправные компьютеры или ноутбуки с необходимыми техническими характеристиками. Платформы для проведения видеоконференций (Zoom, Skype, ведомственные системы) периодически испытывали перегрузки и сбои.

Кроме того, специфическим риском для ведомственных вузов стала угроза информационной безопасности. Использование не защищенных должным образом каналов связи для проведения занятий, затрагивающих вопросы, составляющие служебную тайну, создавало риски утечки информации. Не все преподаватели и курсанты имели необходимую подготовку в области кибергигиены.

Несмотря на значительное количество выявленных рисков, пандемийный и постпандемийный опыт также продемонстрировал определенные перспективы использования дистанционных технологий в обучении курсантов правоохранительных вузов. Полный отказ от них был бы неоправданным; гораздо более продуктивным представляется путь разумной интеграции дистанционных форм в традиционную систему обучения.

Наиболее очевидная и наименее спорная сфера применения дистанционных технологий — это преподавание теоретических дисциплин, не требующих практической отработки навыков. Курсы по теории государства и права, истории государства и права, истории органов внутренних дел, философии, социологии, политологии могут быть успешно реализованы в дистанционном формате.

Лекции в формате видеозаписей или онлайн-трансляций позволяют курсантам осваивать материал в удобном темпе, возвращаться к сложным фрагментам, сочетать прослушивание лекции с работой с текстом. Семинарские занятия в формате видеоконференций позволяют организовать дискуссию, обсуждение докладов, коллективный анализ нормативных актов.

Особую перспективу здесь представляет создание электронных образовательных ресурсов (курсов на платформах типа Moodle), включающих не только лекционные материалы, но и интерактивные элементы (тесты, задания для самостоятельной работы, форумы для обсуждения). Накопленный за период пандемии опыт показывает, что такие ресурсы, созданные в тот период, продолжают активно использоваться и в постпандемийное время как дополнение к очным занятиям.

Наиболее перспективной моделью, синтезирующей преимущества очного и дистанционного обучения, является смешанное обучение (blended learning). В этой модели часть учебного времени (обычно до 30-40%) отводится на дистанционную работу, а остальное — на очные занятия.[10]

Применительно к правоохранительным вузам смешанное обучение может быть организовано следующим образом. Теоретическая часть курса (изучение нормативных актов, теоретического материала) выносится в дистанционный формат с использованием электронных образовательных ресурсов. Практическая же часть — отработка навыков, решение кейсов, выполнение упражнений — проводится в очном формате под контролем преподавателя. [9]

Такой подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, он позволяет высвободить аудиторное время для отработки навыков, что особенно важно для практико-ориентированных дисциплин. Во-вторых, он дает возможность курсантам осваивать теоретический материал в индивидуальном темпе, что повышает качество усвоения. В-третьих, он сохраняет необходимый уровень контроля и дисциплины, поскольку все практические занятия проходят очно.

Опыт внедрения смешанного обучения в ряде ведомственных вузов показывает его

эффективность при условии тщательной методической проработки. Ключевое требование — четкое разделение материала на теоретическую и практическую части, наличие качественных электронных ресурсов для самостоятельной работы, а также готовность преподавателей к новой роли (не трансляторов знаний, а тьюторов и наставников).

Дистанционное обучение в ведомственных вузах имеет принципиальные отличия от дистанционного обучения в гражданских образовательных организациях, обусловленные режимным характером обучения, высокой долей практико-ориентированных дисциплин, необходимостью сохранения государственной тайны, а также спецификой воспитательного процесса.

Период пандемии и вынужденного перехода на дистанционный формат выявил значительные риски, связанные со снижением уровня физической подготовки курсантов, дефицитом практико-ориентированного обучения, ослаблением дисциплины и самоконтроля, психологической изоляцией, академической нечестностью, а также техническими и инфраструктурными проблемами. Наиболее остро эти риски проявились у курсантов младших курсов и у выпускников, которым предстояло проходить итоговую аттестацию.[8]

Вместе с тем постпандемийный опыт продемонстрировал и перспективные направления использования дистанционных технологий: теоретическая подготовка по правовым и гуманитарным дисциплинам; смешанное обучение как оптимальная модель, сочетающая преимущества очного и дистанционного форматов; дистанционное психологическое сопровождение; организация самостоятельной работы курсантов; дополнительное профессиональное образование.

Список литературы:

[1] Гуцу Е.Г., Демидова Т.В. Дистанционное обучение в вузе в период пандемии: вынужденные меры и новые возможности // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 4. С. 534-552.

[2] Ермолаева Ж.Е., Лаптева И.В., Герасимова И.Н. Дистанционное обучение в период пандемии COVID-19: результаты исследования преподавателей и студентов // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 142-158.

[3] Кобзарь А.С., Колпакова О.М. Дистанционное обучение в системе МВД: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4. С. 198-205.

[4] Матвеева А.В., Силантьев Д.Г. Специфика дистанционной формы реализации образовательных программ в вузах МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 1. С. 67-72.

[5] Олейников В.С., Никонович С.Л. Дистанционное обучение в вузах МВД России: опыт, проблемы и пути совершенствования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1. С. 56-61.

[6] Попов Е.А., Степанова О.Н. Вынужденное дистанционное обучение: от проблем и рисков к новым возможностям системы высшего образования // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 87-97.

[7] Савельева О.В., Шаповалова И.А. Дистанционное обучение в период пандемии: оценка студентами и преподавателями образовательных результатов // Образование и наука. 2021. № 3. С. 124-147.

[8] Сулейманов Т.Д., Нуртдинова А.А. Дистанционное обучение курсантов в условиях пандемии: проблемы и пути решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 442-449.

[9] Терехина Ю.В., Исмагилова Ю.С. Организация дистанционного обучения в ведомственных вузах в условиях пандемии COVID-19 // Психология образования в поликультурном пространстве. 2021. № 1. С. 87-95.

[10] Шевченко А.В., Карташов К.А. Смешанное обучение в ведомственных образовательных организациях: опыт внедрения и перспективы развития // Современное образование. 2022. № 2. С. 45-58.

References:

[1] Gutsu E.G., Demidova T.V. Distance learning at the university during a pandemic: forced measures and new opportunities//Integration of education. 2020. VOL. 24. № 4. S. 534-552.

[2] Ermolaeva Zh.E., Lapteva I.V., Gerasimova I.N. Distance learning during the COVID-19 pandemic: the results of a study of teachers and students//Prospects for science and education. 2021. № 2 (50). S. 142-158.

[3] Kobzar A.S., Kolpakova O.M. Distance learning in the system of the Ministry of Internal Affairs: problems and prospects//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. S. 198-205.

[4] Matveeva A.V., Silantyev D.G. Specifics of the remote form of implementation of educational programs in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2021. № 1. S. 67-72.

[5] Oleinikov V.S., Nikonovich S.L. Distance learning in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: experience, problems and ways to improve//Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2021. № 1. S. 56-61.

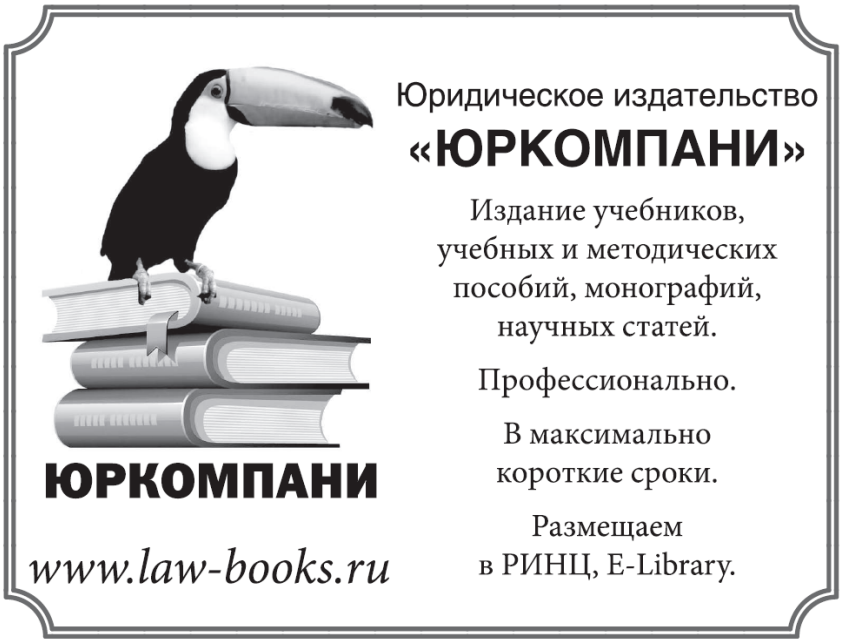
[6] Popov E.A., Stepanova O.N. Forced distance learning: from problems and risks to new opportunities of the higher education system//Higher education in Russia. 2020. № 10. S. 87-97.

[7] Savelyeva O.V., Shapovalova I.A. Distance learning during a pandemic: assessment by students and teachers of educational results//Education and science. 2021. № 3. S. 124-147.

[8] Suleimanov TD, Nurtdinova A.A. Distance training of cadets in a pandemic: problems and solutions//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. S. 442-449.

[9] Terekhina Yu.V., Ismagilova Yu.S. Organization of distance learning in departmental universities in the context of the COVID-19 pandemic//Psychology of education in a multicultural space. 2021. № 1. S. 87-95.

[10] A.V. Shevchenko, K.A. Kartashov. Mixed training in departmental educational organizations: implementation experience and development prospects//Modern education. 2022. № 2. S. 45-58.

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-412-417

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,
кандидат с.-х.н.,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: yana.laborant.pavlova@mail.ru

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: sid-polina@yandex.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
кандидат биол. наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: opneverova@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник Уральского
научно-исследовательского ветеринарного института
ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,
к.б.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: lopaeva77@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,
Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

KPI В ОБРАЗОВАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена критическому анализу внедрения ключевых показателей эффективности (KPI) в систему образования. В условиях трансформации управленческих парадигм под влиянием нового государственного менеджмента и цифровизации экономики инструменты корпоративного менеджмента, включая KPI, активно проникают в педагогическую среду. С одной стороны, это обусловлено запросом общества на прозрачность, эффективность расходования бюджета и измеримость результатов обучения. Родители, работодатели и государство ожидают «цифр»: успеваемости, процента трудоустройства выпускников, индекса цитируемости преподавателей. С другой стороны, перенос бизнес-логики в образование сталкивается с фундаментальными противоречиями, поскольку образовательный процесс характеризуется длительным лагом (отложенным результатом) и наличием трудно формализуемых воспитательных и личностных аспектов.*

В работе представлена многоуровневая классификация образовательных KPI. Особое внимание уделяется главному конфликту между восприятием KPI как инструмента контроля и отчётности со стороны управленцев и как средства профессионального развития со стороны педагогов. Анализируются позитивные возможности системы. Рассматриваются системные ограничения. Отдельно поднимаются вопросы неравенства, возникающего при применении балльно-рейтинговой системы для студентов с ограниченными возможностями здоровья, иностранцев и спортсменов, вынужденных пропускать занятия. Формальное равенство требований оборачивается фактическим неравенством возможностей. Также анализируется проблема профессионального выгорания педагогов: жёсткие KPI выступают одним из ключевых катализаторов эмоционального истощения.

В качестве альтернативы традиционным суммативным показателям предлагается методология добавленной стоимости (Value-Added), оценивающая реальный вклад учебного заведения в прогресс студента, а также гибридные модели, сочетающие количественные метрики с качественной экспертизой (портфолио, экспертные советы). Заключительная часть статьи обращена к этическим вызовам цифрового будущего: внедрению больших данных (Learning Analytics) и искусственного интеллекта, рискам алгоритмической предвзятости, проблемам конфиденциальности и необходимости регулярного аудита алгоритмов. Автор приходит к выводу, что будущее KPI в образовании лежит не в тотальной квантификации, а в ответственной, педагогически обоснованной гибридизации оценки.

Ключевые слова*: KPI, образование, ключевые показатели эффективности, педагогический менеджмент, профессиональное выгорание, value-added, квантификация обучения, цифровая этика, балльно-рейтинговая система.*

PAVLOVA Yana Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

GALUSHINA Polina Sergeyevna,
senior lecturer Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

NEVEROVA Olga Petrovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Engineering;
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University;
Senior Researcher at the Ural Research Veterinary Institute
of the Ural Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products,
FGBOU VO Ural GAU

UKROZHENKO Darya Sergeevna,
Lecturer Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

KPIS IN EDUCATION: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS

Annotation. *This article provides a critical analysis of the implementation of key performance indicators (KPIs) in the education system. In the context of the transformation of management paradigms under the influence of new public management and the digitalization of the economy, corporate management tools, including KPIs, are actively penetrating the educational environment. On the one hand, this is driven by societal demands for transparency, efficient budget spending, and measurable learning outcomes. Parents, employers, and the government expect "numbers": academic performance, graduate employment rates, and faculty citation indexes. On the other hand, the transfer of business logic to education encounters fundamental contradictions, as the educational process is characterized by a long lag (delayed results) and the presence of difficult-to-formalize educational and personal aspects.*

This article presents a multi-level classification of educational KPIs. Particular attention is paid to the fundamental conflict between the perception of KPIs as a control and reporting tool by managers and as a means of professional development by teachers. The positive potential of the system is analyzed, while systemic limitations are considered. Issues of inequality arising from the application of the point-rating system for students with disabilities, foreign nationals, and athletes forced to miss classes are specifically addressed. Formal equality of requirements translates into actual inequality of opportunity. The problem of teacher burnout is also analyzed: KPIs are a key catalyst for emotional exhaustion.

As an alternative to traditional summative indicators, the Value-Added methodology is proposed, which evaluates the educational institution's real contribution to student progress, as well as hybrid models that combine quantitative metrics with qualitative assessments (portfolios, expert councils). The final section of the article addresses the ethical challenges of the digital future: the implementation of big data (Learning Analytics) and artificial intelligence, the risks of algorithmic bias, privacy issues, and the need for regular algorithm audits. The authors conclude that the future of KPIs in education lies not in total quantification, but in responsible, pedagogically sound hybridization of assessment.

Key words: *KPIs, education, key performance indicators, pedagogical management, professional burnout, value-added, learning quantification, digital ethics, scoring system.*

В последние десятилетия система образования по всему миру переживает трансформацию управленческих парадигм. Под влиянием нового государственного менеджмента (New Public Management) и общей цифровизации экономики, в образование активно внедряются инструменты корпоративного управления, ключевым из которых являются Key Performance Indicators (KPI). На первый взгляд, KPI в образовании выглядит логичным ответом на запрос общества о прозрачности, эффективности расходования бюджета и измеримости результатов обучения. Родители, работодатели и государство хотят видеть «цифры»: успеваемость, процент трудоустройства выпускников, индекс цитируемости преподавателей.

Однако перенос бизнес-логики в педагогическую среду сталкивается с фундаментальными противоречиями. Образование — это не производственный конвейер, а сфера формирования человеческого капитала с длительным лагом (отложенным результатом), где большую роль играют не поддающиеся формализации воспитательные и личностные аспекты. Акцент на KPI неизбежно порождает феномен «игры показателями» (teaching to the test), вымывание творческой компоненты и профессиональное выгорание педагогов. Данная статья посвящена анализу двойственной природы KPI в образовании: мы рассмотрим, какие возможности открывает этот инструмент для управленцев и какие системные ограничения делают его применение рискованным при отсутствии педагогической экспертизы.

Ключевые показатели эффективности (KPI) доказали свою результативность в системе менеджмента ведущих российских и зарубежных компаний, а также нашли широкое применение в государственных структурах США, например, в полицейских департаментах. В социальной сфере и некоммерческих организациях России подобные индикаторы качества работы долгое время не применялись, что порождало проблемы в системе управления. Однако высшая школа, получившая новый вектор развития в сторону повышения доходности своих образовательных услуг, оказалась вынуждена опираться на определённый механизм количественной оценки результативности научно-образовательной деятельности. Именно этот запрос на прозрачность, эффективность расходования ресурсов и измеримость конечных результатов стал причиной переноса бизнес-логики KPI в образовательную среду, где данный инструмент начал рассматриваться как основа для стратегического развития вузов [3].

В образовательном менеджменте существует многоуровневая система показателей

эффективности, которую можно классифицировать по объекту оценки и целевой аудитории. Прежде всего, выделяют метрики, ориентированные на студента и маркетинг: процент успешно завершивших курс (Completion Rate), индекс лояльности (NPS) и индекс удовлетворённости пользователя (CSI). Эти показатели позволяют оценить, насколько программа востребована у участников обучения и соответствует ли её содержание заявленным ожиданиям. Вторую группу составляют методические метрики, связанные с поведением обучающихся на разных этапах, результатами тестирований и прогрессом клиентов — данные показатели помогают преподавателям и методистам своевременно корректировать учебный процесс. Третья группа относится к бизнес-показателям: конверсии воронки продаж, рентабельность инвестиций (ROI), а также оценка по модели Киркпатрика — Филлипса, включающая реакцию слушателей, прирост знаний, достижение практических результатов и бизнес-эффект. Кроме того, существуют менее распространённые подходы, такие как модель Стаффлбима (сравнение входного и итогового уровней студентов) и модель Берна (с упором на эмоциональную комфортность в процессе обучения) [4].

Главный конфликт внедрения KPI в образование заключается в принципиально различном восприятии этого инструмента на разных уровнях управления. Для министерства и руководства вуза ключевые показатели эффективности выступают прежде всего как удобный механизм контроля и отчётности, позволяющий в цифровом виде представить результаты деятельности учреждения, сравнить вузы между собой и обосновать распределение бюджетного финансирования. Однако при сугубо директивном задании показателей сверху они перестают учитывать специфику конкретного учебного заведения, что загоняет вуз в неэффективные рамки. С педагогической же точки зрения KPI должен быть не столько инструментом контроля, сколько средством развития преподавателя, позволяющим гибко оценивать его реальный вклад с учётом многозадачности и разнообразия трудовых функций. Оценка эффективности деятельности преподавателей, основанная лишь на формальных статистических данных без учёта специфики (например, работы со студентами разного уровня подготовки или в особых условиях, как у преподавателей физического воспитания), не является моделирующей и не отражает истинного качества образовательного процесса [5, 9].

Внедрение KPI в образование открывает ряд значительных возможностей, особенно при переходе от суммативных (отчётных) показателей к формирующим и мотивирующим. Для обучающихся KPI выступает чёткой и объективной обратной связью по их успеваемости, активности и социализации, позволяя увидеть направления для развития собственных навыков и компетенций. Такая система даёт возможность выбора дальнейшей специализации по «сильным» направлениям и более эффективного прохождения профориентационных мероприятий. Для педагогов и руководства школы KPI обеспечивают измеримость результатов работы, прозрачность отчётности перед вышестоящими организациями и обоснование для получения большего объёма финансирования. Кроме того, грамотно выстроенные формирующие KPI снимают фрустрацию педагогов и обучающихся, связанную с большим объёмом документооборота и невалидными критериями оценки, а также позволяют отказаться от имитации показателей в пользу достижения качественных эффективных результатов. В конечном счёте, введение мотивирующих KPI способствует росту академической активности, укреплению внутренней мотивации, снижению рисков формирования модели поведения NEET (когда молодые люди не учатся и не работают) и повышению качества образования в целом [6].

Применение системы KPI сопряжено с серьёзными рисками. Акцент на количественных показателях порождает «работу на показатель»: сотрудники стремятся выполнить нормативы в ущерб качеству, вниманию к деталям и добросовестности. Желание достичь пороговых значений толкает некоторых к манипуляции данными и искажению отчётности. Некорректно поставленные KPI (слишком сложные или недостижимые) становятся источником демотивации, вызывая стресс, выгорание и неуверенность. Использование штрафов за невыполнение создаёт атмосферу страха, подавляет инициативу и инновации. Концентрация на личных показателях разрушает коллективное взаимодействие и провоцирует внутренние конфликты. Наконец, даже самая детальная система KPI не способна охватить все аспекты деятельности: за рамками остаются качество услуг, удовлетворённость потребителей, творческие идеи и профессиональное развитие [2].

Балльно-рейтинговая система создаёт неравные условия для разных категорий студентов. Студенты-инвалиды, иностранцы, спортсмены, вынужденные пропускать занятия, не могут набрать достаточное количество баллов. Студенты с речевыми нарушениями (например, заиканием) неспособны активно участвовать в устных заданиях, хотя могли бы компенсировать это письменными работами. Если до внедрения БРС преподаватель мог варьировать задания и сроки, то в условиях жёсткой технологической карты эта гибкость исчезает. Формальное равен-

ство требований оборачивается фактическим неравенством возможностей, а «цена» достижения рейтинга для таких студентов становится непомерно высокой [1].

Система KPI напрямую провоцирует профессиональное выгорание педагогов. Исследования показывают: 76,5% преподавателей признают выгорание профессиональным синдромом, 79,4% подтверждают его актуальность. Ключевые факторы — ненормированный график, высокие нагрузки, сложность прогнозирования результатов — создаются именно жёсткой рейтинговой системой. Как отмечал Г. Фрейденбергер, наибольший риск выгорания испытывают те, кто работает без поддержки коллег и руководства. Недостаток позитивной обратной связи и одобрения, характерный для систем со штрафами за невыполнение KPI, подрывает мотивацию и снижает эффективность труда. Вместо стимулирования KPI становятся катализатором эмоционального истощения, особенно в профессиях, требующих интенсивного межличностного взаимодействия [7].

Альтернативой традиционным KPI, фиксирующим лишь абсолютные результаты, выступает методология добавленной стоимости (Value-Added). Она оценивает не просто «выход» программы (баллы выпускников), а реальный вклад учебного заведения в развитие студента, учитывая его прогресс от «входа» к «выходу». Качество образования при таком подходе понимается как трансформация — способность программы изменять обучающегося и обеспечивать долгосрочные эффекты. В сочетании с анализом пользовательского опыта (социальное взаимодействие, личностный рост, удовлетворённость) это образует гибридную модель, учитывающую не только количественные метрики, но и качественные изменения в самом студенте [8].

Развитие KPI связано с внедрением больших данных и AI, позволяющих анализировать цифровые следы студентов для персонализации обучения и прогнозирования успеваемости. Однако это порождает этические вызовы: модели могут воспроизводить общественные предубеждения (например, система занижала баллы женщинам-абитуриенткам). Остро стоит вопрос конфиденциальности — утечки данных имеют серьёзные последствия. Будущее KPI требует не только технологий, но и этических принципов, регулярного аудита алгоритмов и прозрачной политики работы с данными [10].

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует о двойственной природе KPI в образовании. Ключевые показатели эффективности являются востребованным инструментом управленческой рефлексии, обеспечивая прозрачность, сравнимость результатов и обоснованность финансовых решений. Однако при директивном и неадаптированном внедрении KPI провоцируют «игру показателями», профессиональное выгорание педагогов и фактическое неравенство для обучающихся с особыми потребностями. Система, оценивающая лишь абсолютные результаты, не способна измерить главное — трансформацию личности и прирост компетенций. Перспективным направлением является отказ от тотальной квантификации в пользу гибридных моделей, сочетающих количественные метрики с методологией добавленной стоимости (Value-Added) и качественной экспертизой. Дальнейшее развитие KPI в образовании требует не столько совершенствования математических моделей, сколько выработки этических принципов, при которых цифры останутся средством, а не самоцелью педагогического процесса.

Список литературы:

[1] Бучинская О. Н. Проблемы реализации балльно-рейтинговой системы в высшей школе // Дискуссия. — 2013. — № 7 (37). — С. 106–109.

[2] Голуб И. Н. Преимущества и недостатки применения системы ключевых показателей эффективности (KPI) в оценке результативности персонала // Вестник Академии знаний. — 2025. — № 4 (69). — С. 755–757.

[3] Горелова О. И. Ключевые показатели научно-образовательной деятельности вуза // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. — 2011. — № 4. — С. 89–97.

[4] Казаков Р. Показатели, которые нужно отслеживать при обучении [Электронный ресурс] // Русская школа управления. — 2022. — 9 марта. — URL: https://uprav.ru/blog/pokazateli-kotoryenuzhno-otslezhivat-pri-obuchenii/ (дата обращения: 16.04.2026).

[5] Ковалева М. Н., Лопухина А. С., Мелентьева Н. Н. Технология KPI как инструмент повышения эффективности деятельности преподавателей физического воспитания // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 460. — С. 182–189. — DOI: 10.17223/15617793/460/22.

[6] Кудрявцева Е. Л., Баркова Д. В., Бубекова Л. Б. Продюсирование образовательных результатов: KPI для обучающихся как субъектов антропоцентричного образования длиною в жизнь // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — № 87-1. — С. 160–163.

[7] Проблема эмоционального выгорания студентов и преподавателей: профилактика через организацию учебного процесса / О. С. Кулешова [и др.] // Право и управление. — 2024. — № 12. — С. 381–385.

[8] Шаг развития образовательной программы: как понять, что пора действовать? / М. А. Давлатова, А. Г. Каспржак, А. А. Кобцева, М. В. Озерова // Высшее образование в России. — 2025. — № 4. — С. 101–117.

[9] Цветков В. Я. Показатели оценки качества образования // Управление образованием: теория и практика. — 2013. — № 1 (9). — С. 48–53.

[10] Щелокова Ю. К. Использование больших данных для анализа и оптимизации образовательного процесса в высших учебных заведениях // Управление образованием: теория и практика. — 2024. — № 2-1 (76). — С. 114–122.

References:

[1] Buchinskaya O. N. Problems of implementing the point-rating system in higher education//Discussion. — 2013. — № 7 (37). - S. 106-109.

[2] Golub I. N. Advantages and disadvantages of using the system of key performance indicators (KPI) in assessing personnel performance//Bulletin of the Academy of Knowledge. — 2025. — № 4 (69). - S. 755-757.

[3] Gorelova O. I. Key indicators of scientific and educational activities of the university//Caspian Journal: management and high technologies. — 2011. — № 4. - S. 89-97.

[4] Kazakov R. Indicators that need to be monitored during training [Electronic resource]//Russian School of Management. — 2022. - March 9. — URL: https://uprav.ru/blog/pokazateli-kotorye-nuzhno-otslezhivat-pri-obuchenii/ (дата обращения: 16.04.2026).

[5] Kovaleva M.N., Lopukhina A.S., Melentieva N.N. KPI technology as a tool to increase the efficiency of physical education teachers//Bulletin of Tomsk State University. — 2020. — № 460. - S. 182-189. — DOI: 10.17223/15617793/460/22.

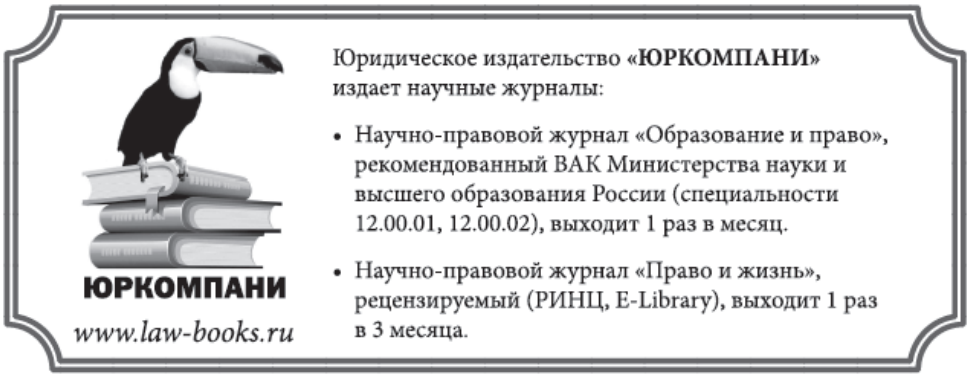
[6] Kudryavtseva E. L., Barkova D. V., Bubekova L. B. Producing educational results: KPI for students as subjects of life-long anthropocentric education//Problems of modern pedagogical education. — 2025. — № 87-1. - S. 160-163.

[7] The problem of emotional burnout of students and teachers: prevention through the organization of the educational process/O.S. Kuleshova [et al.]//Law and management. — 2024. — № 12. - S. 381-385.

[8] A step in the development of the educational program: how to understand that it is time to act ?/M. A. Davlatova, A. G. Kasprzhak, A. A. Kobtseva, M. V. Ozerova//Higher education in Russia. — 2025. — № 4. - S. 101-117.

[9] Tsvetkov V. Ya. Indicators for assessing the quality of education//Education management: theory and practice. — 2013. — № 1 (9). - S. 48-53.

[10] Shchelokova Yu. K. Using big data to analyze and optimize the educational process in higher educational institutions//Education management: theory and practice. — 2024. — № 2-1 (76). - S. 114-122.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-418-422
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: opneverova@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщений;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет,
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского ветеринарного
института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Сегодня искусственный интеллект повсеместно используется в процессе образования, как со стороны преподавателей, так и обучающихся, в самом обучении и в управлении образованием. Он стал его неотъемлемой частью, как инструмент и фактор влияющий на весь процесс на самых разных уровнях. Далеко не все обучающиеся и преподаватели используют нейросети или делают это ограничено. За счет отсутствия полноценной нормативно-правовой базы, применение искусственного интелекта в образовании достаточно противоречиво и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, нейросети повышает качество образования, одновременно с этим становится всё более распространено «академическое мошенничество». На основе опубликованных исследований применения искусственного интеллекта в образовании со всего мира, можно выделить основные направления и сферы его использования и помогает с различными задачами. Использование нейросетей в процессе обучения приводит к таким проблемам как различные виды*

плагиата, вопросы цифровой этики и неравенства, а также ухудшение когнитивных способностей учащегося. Искусственный интеллект способствует повышению эффективности обучения. Различные исследовательские работы предлагают различные рекомендации по организации учебного процесса с использованием нейросетей. Проанализировав результаты исследований, можно выделить особенности искусственного интеллекта в образовательном процессе, учитывая все его положительные и отрицательные стороны, как неравномерная доступность, ограниченность, точечность и несистемность использования, отсутствие полноценной нормативно-правовой базы, невозможности полностью контролировать применение ИИ, персонализация процесса обучения, автоматизация процесса обучения, разнообразие вариантов использования, сложности с определением авторства, ухудшение способностей учащихся. Технологии нейросетей всё больше вливаются во все сферы процесса обучения, что несёт за собой как положительные, так и отрицательные последствия. Уже сейчас искусственный интеллект стали неотъемлемой частью учёбы, а за этим и необходимость в регуляции этого направления.

Ключевые слова*: образовательная деятельность, нейросети, искусственный интеллект, плагиат, ИИ, чат-боты, ИИ-ассистенты, образование, технологии, мошенничество.*

RAZHINA Eva Valerievna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Security,
Ural State University of Railways; Professor,
Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution
of the Ural Branch of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

FEATURES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL ACTIVITIES

Annotation. *Today, artificial intelligence is widely used in the educational process, both by educators and learners, in teaching itself, and in educational management. It became an integral part of him, serving as a tool and a factor influencing the entire process at various levels. Not all learners and educators use neural networks, or their usage is limited. Due to the lack of a comprehensive regulatory framework, the application of artificial intelligence in education is quite controversial and has both positive and negative aspects. On the one hand, neural networks are improving the quality of education, while at the same time, "academic dishonesty" is becoming increasingly prevalent. Based on published research on the application of artificial intelligence in education worldwide, key directions and areas of its use can be identified, and it helps with various tasks. The use of neural networks in the learning process leads to problems such as various forms of plagiarism, issues of digital ethics and inequality, and a decline in students' cognitive abilities.*

Artificial intelligence contributes to improving the efficiency of learning. Various research papers offer different recommendations for organizing the educational process using neural networks. After analyzing the research results, the following features of artificial intelligence in the educational process can be identified, considering all its positive and negative aspects: uneven accessibility; limited, fragmented, and unsystematic use; lack of a comprehensive regulatory and legal framework; the impossibility of fully controlling AI application; personalization of the learning process; automation of the learning process; a variety of application options; difficulties with authorship determination; and deterioration of student abilities. Neural network technologies are increasingly integrating into all areas of the learning process, bringing with them both positive and negative consequences. Artificial intelligence has already become an integral part of learning, followed by the need to regulate this area.

Key words: *Educational activity, Neural networks, Artificial intelligence (AI), Plagiarism, AI chatbots, AI assistants, Education, Technology, Fraud.*

Сегодня искусственный интеллект (ИИ) повсеместно используется в процессе образования, как со стороны преподавателей, так и обучающихся, в самом обучении и в управлении образованием. Он уже стал его неотъемлемой частью, как инструмент и фактор влияющий на весь процесс на самых разных уровнях. При этом далеко не все обучающиеся и преподаватели используют ИИ или делают это ограничено [3, 4, 6].

За счет отсутствия полноценной нормативно-правовой базы, применение ИИ в образовании достаточно противоречиво и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны ИИ повышает качество образования, одновременно с этим становится всё более распространено «академическое мошенничество» [3, 4, 6].

На основе опубликованных исследований применения ИИ в образовании со всего мира, можно выделить основные направления и сферы его использования, к которым относятся: персонализация и адаптация обучения, универсальный доступ и автоматизация. Он помогает с такими задачами как поиск и анализ учебного материала, организация времени, проверка домашнего задания, развитие языковых, математических и творческих навыков, создание персонифицированных программ обучения, поддержание мотивации и интереса к обучению, развитие критического мышления и поддержания обратной связи [1, 2, 3].

ИИ освобождает участников образовательного процесса от рутинных задач, улучшая успеваемость, но не всегда положительно влияя на качество обучения. С другой стороны, он может способствовать развитию навыков самостоятельности и как следствие способствовать самообразованию [4].

ИИ способствует повышению эффективности обучения за счет геймификации, чат-ботов, виртуальных помощников, технологии интервального обучения и многого другого. Один из вариантов использования ИИ как поддержку в образовании это разнообразные чат-бот, которые исследователи разделяют на несколько видов: те, кто обеспечивают основу процесса и те, кто способствуют приобретению и отработке навыков. В качестве ассистентов они могут выполнять роль консультанта, основного или дополнительного преподавателя, наставника, репетитора, руководителя и психолога, а для практики самим практиком и симулятором экспериментов [1, 3, 5].

Не стоит упускать из внимания и негативные эффекты использования технологий ИИ в обучении и проблем, вызванных его внедрением. Можно выделить основные проблемы – это различные виды плагиата, вопросы цифровой этики и неравенства, а также ухудшение когнитивных способностей учащегося [2, 5, 6].

Основная проблема цифрового неравенства и этики – это неравный доступ различных людей к нейросетям, уменьшение взаимодействия, что может негативно сказаться на социальных навыках и эмоциональном интеллекте. Когнитивные способности обучающихся могут ухудшиться за счет исчезновения этапа поиска и обработки и синтеза информации [2].

Различные исследовательские работы предлагают различные рекомендации по организации учебного процесса с использованием ИИ, такие как четкое определение целей и задач, стоящих перед студентом, а также требования и критерии оценивания. Повышение цифровой грамотности способствует разрешению проблем цифрового неравенства, просвещая учащихся на тему нейросетей. А развитие культуры академической честности и создание гибких условий для исправления ошибок, способствует борьбе с плагиатом, так как полное исключение использования технологий на базе ИИ невозможно. Перепроектирование организации самостоятельной работы студентов и разработка инструментов самоконтроля, позволит сделать использование ИИ более эффективным инструментом поддержки образовательного процесса, при наличии качественной обратной связи [4].

Проанализировав результаты исследований авторов, можно выделить такие особенности ИИ в образовательном процессе, учитывая все его положительные и отрицательные стороны, как:

– неравномерная доступность;
– ограниченность, точечность и несистемность использования;
– отсутствие полноценной нормативно-правовой базы;
– невозможности полностью контролировать применение ИИ;
– персонализация процесса обучения;
– автоматизация процесса обучения;
– разнообразие вариантов использования;
– сложности с определением авторства;
– ухудшение способностей учащихся.

Неравномерная доступность проявляется в том, что далеко не все участники образовательного процесса имеют равные возможности в использовании ИИ. Одни обучающиеся полноценно пользуются нейросетями, практически полностью исключая собственный труд при выполнении заданий, а другие вообще не привлекают их к процессу обучения. Так же и далеко не все преподаватели используют ИИ при подготовке к занятиям.

Ограниченность, точечность и несистемность использования проявляется в том, что до сих пор не существует распространённой, общедоступной и структурированной системы использования нейросетей в процессе обучения. ИИ ещё не полностью интегрирован в образовательный процесс и применяется только в отдельных областях для облегчения работы.

Отсутствие полноценной нормативно-правовой базы проявляется в том, что в настоящее время отсутствуют нормативно-правовые акты контролирующие, ограничивающие использование ИИ в обучении. Подобные документы уже начинают появляться в отдельных ВУЗах, но не на более высоком уровне.

Отсутствие возможности полностью контролировать применение ИИ проявляется в том, что не существует методов по безошибочному выявлению использования нейросетей обучающимися при выполнении заданий. Если при очном обучении под присмотром преподавателя, можно контролировать применение ИИ, то при самостоятельной работе это невозможно. Тем более далеко не все антиплагиаты способы обнаружить следы применения нейросетей.

Персонализация процесса обучения проявляется в возможности полностью подстроить весь процесс под нужды конкретного обучающегося. ИИ может структурировать образовательную программу с учётом темпа, мотивации и методов, которые сделают процесс более эффективным, интересным и полезным, сохраняя интерес к учёбе.

Автоматизация процесса обучения проявляется в том, что нейросети способны освободить и обучающихся и преподавателей от некоторых рутинных процессов. Они способны самостоятельно оценивать, комментировать, давать обратную связь, а также помогать с анализом и управлением базами данных.

Разнообразие вариантов использования проявляется в множестве способов применения ИИ в процессе образования. Нейросети могут выступать в качестве не только ассистентов, психологов (достаточно спорный момент), репетиторов и симуляторов, но и полноценно выполнять различные задания вместо человека. Современный ИИ способен не только писать тексты и отвечать на вопросы, но даже создавать изображения и видео, а также озвучивать и переводить тексты.

Сложности с определением авторства связаны с трудностями в понимании того, кто является автором работ, выполненных с использованием нейросетей. С одной стороны ИИ самостоятельно ищет и обрабатывает информацию, соответствующую запросу пользователя. Но с другой стороны, именно пользователь должен правильно сформулировать запрос, чтобы получить полноценный и качественный ответ от нейросети.

Ухудшение способностей учащихся предположительно может стать последствием того, что этапы поиска, анализа, классификации и преобразования информации, можно полностью переложить на ИИ. За счет этого существуют опасения, что обучающиеся потеряют часть навыков, связанных с этим, кроме того, для отдельных людей взаимодействие с нейросетями, практически полностью заменяют общение с другими людьми, что негативно сказывается на социализации и коммуникативных навыках.

Таким образом, технологии ИИ всё больше вливаются во все сферы процесса обучения, что несёт за собой как положительные, так и отрицательные последствия. Нейросети становятся неотъемлемой частью учёбного процесса, студенты и некоторые преподаватели активно используют технологии ИИ, что ухудшает мышление и умственные способности.

Список литературы:

[1] Глотова М. Ю., Самохвалова Е.А. Технологии цифрового образования: учебное пособие. — Москва: МПГУ, 2024. — 184 с. — ISBN 978-5-4263-1406-1. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/516668 (дата обращения: 30.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[2] Искусственный интеллект в сфере образования: проблемы и перспективы использования / С. В. Белякова, М. М. Протасова // Наука и образование. — 2025. — № 1. — С. 120-128. — ISSN 2658-5642. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/372049 (дата обращения: 30.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[3] Котлярова И.О. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. — 2022. — № 3. — С. 69-82. — ISSN 2073-7602. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/329630 (дата обращения: 30.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[4] Мантуленко В.В. Влияние искусственного интеллекта на успеваемость, познавательную активность и качество обучения студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — № 6. — С. 251-272. — ISSN 2304-120X. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/373058 (дата обращения: 30.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[5] Молодежь и образование XXI века: материалы XVIII региональной научно-практической конференции студентов и молодых ученых: материалы конференции / под редакцией М. Ю. Чотчаевой [и др.]. — Ставрополь: СГПИ, 2020. — 449 с. — ISBN 978-5-91090-151-7. — Текст : электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/193068 (дата обращения: 30.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[6] Сизова Е.В. Концепты академической этики в условиях цифровой трансформации образования: влияние искусственного интеллекта // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2025. — № 7. — С. 324-342. — ISSN 2304-120X. — Текст: электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/373123 (дата обращения: 30.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

References:

[1] Glotova M. Yu., Samokhvalova E.A. Digital education technologies: a textbook. - Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2024. - 184 p. - ISBN 978-5-4263-1406-1. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/516668 (accessed: 30.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[2] Artificial intelligence in the field of education: problems and prospects for use/S.V. Belyakova, M.M. Protasova//Science and Education. — 2025. — № 1. - S. 120-128. — ISSN 2658-5642. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/journal/issue/372049 (accessed: 30.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[3] Kotlyarova I.O. Artificial intelligence technologies in education//Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences. — 2022. — № 3. - S. 69-82. — ISSN 2073-7602. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/journal/issue/329630 (accessed: 30.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[4] Mantulenko V.V. The influence of artificial intelligence on academic performance, cognitive activity and the quality of student education//Scientific and methodological electronic journal “Concept.” — 2025. — № 6. - S. 251-272. — ISSN 2304-120X. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/journal/issue/373058 (accessed: 30.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[5] Youth and education of the XXI century: materials of the XVIII regional scientific-practical conference of students and young scientists: materials of the conference/edited by M. Yu. Chotchaeva [et al.]. - Stavropol: SGPI, 2020. - 449 p. - ISBN 978-5-91090-151-7. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/193068 (accessed: 30.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[6] Sizova E.V. Concepts of academic ethics in the context of digital transformation of education: the influence of artificial intelligence//Scientific and methodological electronic journal “Concept.” — 2025. — № 7. - S. 324-342. — ISSN 2304-120X. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/journal/issue/373123 (accessed: 30.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-423-426

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОСУЖДЕННЫМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Аннотация. *В статье рассматривается физическое воспитание как одно из приоритетных направлений воспитательной работы с несовершеннолетними осуждёнными, отбывающими наказание в воспитательных колониях. На основе анализа нормативно-правовых актов и практического опыта отдельных учреждений раскрываются цели, задачи, формы и методы физического воспитания (утренняя зарядка, спортивные секции, соревнования, сдача нормативов ГТО, инновационные проекты). Показана роль спорта в укреплении здоровья, психической стабилизации, организации досуга и формировании здорового образа жизни у подростков. Особое внимание уделяется значению физического воспитания для ресоциализации осуждённых и снижения риска повторных правонарушений. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования физкультурно-спортивной работы в воспитательных колониях с привлечением общественных организаций.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, пенитенциарная педагогика, ресоциализация, здоровый образ жизни, физическое воспитание, ФСИН России, уголовно-исполнительная система.*

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

PHYSICAL EDUCATION AS A DIRECTION OF EDUCATIONAL WORK WITH JUVENILE CONVICTS SERVING SENTENCES IN EDUCATIONAL COLONIES

Annotation. *The article considers physical education as one of the priority directions of educational work with juvenile convicts serving sentences in educational colonies. Based on the analysis of legal acts and practical experience of individual institutions, the goals, objectives, forms and methods of physical education (morning exercises, sports sections, competitions, passing the standards of the Ready for Labour and Defence, innovative projects) are revealed. The article shows the role of sports in promoting health, mental stability, organizing leisure activities, and fostering a healthy lifestyle among adolescents. Special attention is given to the significance of physical education in re-socializing convicts and reducing the risk of repeat offenses. The article concludes that there is a need to further improve physical education and sports activities in educational colonies by involving public organizations.*

Key words: *juvenile convicts, educational colony, penitentiary pedagogy, re-socialization, healthy lifestyle, physical education, Federal Penitentiary Service of Russia, criminal executive system.*

Физическое воспитание является одним из ключевых направлений воспитательной работы с несовершеннолетними осуждёнными, отбывающими наказание в воспитательных колониях. Оно направлено на укрепление здоровья подростков, организацию их досуга, а также на формирование позитивных личностных качеств, которые способствуют успешной ресоциализации после освобождения [1]. Актуальность этой темы обусловлена необходимостью

поиска эффективных методов исправления и социальной адаптации несовершеннолетних осужденных, особенно в условиях изоляции от общества.

Воспитательная работа в исправительных учреждениях, включая воспитательные колонии, регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Статья 110 УИК РФ определяет, что в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осуждённых к лишению свободы, способствующее их исправлению [2]. Таким образом, физическое воспитание закреплено на законодательном уровне как неотъемлемая часть пенитенциарного педагогического процесса. Оно призвано решать задачи поддержания физического и психического здоровья несовершеннолетних в условиях малоподвижного образа жизни в местах лишения свободы и организации их досуга.

Основной целью физического воспитания в воспитательных колониях является содействие исправлению осуждённых через формирование здорового образа жизни, развитие физических качеств и психологической устойчивости [3]. Среди ключевых задач можно выделить:

– укрепление здоровья: регулярные занятия спортом помогают поддерживать физическую форму, повышают иммунитет и общую выносливость организма [4];
– психическая стабилизация: физическая активность снижает уровень стресса и тревожности, улучшает настроение и способствует психическому оздоровлению [5];
– организация досуга: спорт заполняет свободное время подростков конструктивной деятельностью, отвлекая их от негативных мыслей и асоциального поведения [1];
– социализация: командные виды спорта учат взаимодействию, взаимопомощи и соблюдению правил, что важно для будущей адаптации в обществе [4].

Важнейшей особенностью физического воспитания в воспитательной колонии является его неразрывная связь с психолого-педагогической работой [10]. В отличие от обычных образовательных учреждений, где спорт решает прежде всего оздоровительные и образовательные задачи, в пенитенциарной системе физическая культура выступает как средство коррекции личности подростка. Психологи колонии проводят изучение личности каждого воспитанника и дают рекомендации по выбору средств воспитательного воздействия, включая физические упражнения.

Педагоги и психологи воспитательных колоний, работая в тесном взаимодействии, решают задачу формирования у подростков ценностного отношения к здоровому образу жизни и понимания значимости физической культуры в процессе адаптации и ресоциализации. Исследователи отмечают, что осуждённые нередко имеют скудные представления о значении физического воспитания в развитии человека, поэтому работа с ними должна начинаться с формирования мотивации и просветительских занятий.

В воспитательных колониях применяются различные формы организации физического воспитания:

– ежедневная утренняя физическая зарядка: обязательный элемент режима дня, способствующий поддержанию тонуса и дисциплины [7];
– спортивные секции и кружки: например, в Биробиджанской воспитательной колонии действует спортивная секция, которую посещает большинство воспитанников [5];
– соревнования и спартакиады: регулярно проводятся турниры по футболу, баскетболу, волейболу, настольному теннису, лёгкой атлетике, гиревому спорту, шахматам и другим видам спорта [8]. В некоторых колониях организуются товарищеские матчи с командами из внешних организаций [1].
– сдача нормативов ГТО: осуждённые Биробиджанской воспитательной колонии выполнили нормативы Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», продемонстрировав хорошую физическую подготовку [5].
– инновационные проекты: в Архангельской воспитательной колонии реализуется проект «Регби за забором», ставший победителем всероссийского конкурса «Ты в игре», а также проект «Выходи играть», направленный на вовлечение подростков в спорт через знакомство с традиционной русской игрой «кила» [9].

Важно отметить, что эти формы работы интегрированы в общую систему воспитательных мероприятий, включающую также нравственное, правовое, трудовое и эстетическое воспитание [2; 6].

Кроме того, важную роль в организации физкультурно-спортивной работы играют общественные объединения, попечительские советы и родительские комитеты. Их участие позволяет разнообразить формы и методы физического воспитания, а также улучшить его материально-техническую базу [1].

Необходимо отметить, это усиление постреабилитационного сопровождения. Важно, чтобы сформированная в колонии привычка к занятиям спортом сохранялась и после освобождения. Создание системы наставничества, при которой выпускников колоний подключают к спортивным клубам и секциям по месту жительства, является одной из ключевых задач на ближайшую перспективу.

Физическое воспитание вносит существенный вклад в процесс ресоциализации несовершеннолетних осуждённых. Занятия спортом способствуют формированию здорового образа жизни, который включает не только физическую активность, но и отказ от вредных привычек, соблюдение гигиенических норм, повышение медицинской грамотности [3]. Это, в свою очередь, помогает подросткам успешно адаптироваться к новым условиям после освобождения и снижает риск рецидивных преступлений [4].

Спортивные мероприятия также положительно влияют на морально-психологический климат в коллективе осуждённых, повышают уровень дисциплины и ответственности [11]. Участие в соревнованиях развивает чувство здоровой конкуренции, целеустремлённость и волю к победе – качества, необходимые для построения законопослушной жизни [3].

Таким образом, физическое воспитание является неотъемлемым и действенным направлением воспитательной работы с несовершеннолетними осуждёнными в воспитательных колониях. Оно способствует укреплению их физического и психического здоровья, организации полезного досуга, формированию позитивных личностных качеств и успешной ресоциализации после освобождения. Дальнейшее совершенствование форм и методов физического воспитания, привлечение общественных организаций и внедрение инновационных спортивных проектов позволят повысить эффективность этой работы и снизить уровень рецидивной преступности среди несовершеннолетних [1; 9].

Список литературы:

[1] Кузнецова, Е.В., Кочанова, В.С. Содействие общественных объединений в воспитательной работе с несовершеннолетними осуждёнными к лишению свободы / Е.В. Кузнецова, В.С. Кочанова // Человек: преступление и наказание. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 76–84.

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.06.2022). — Ст. 110 «Основные формы и методы воспитательной работы с осуждёнными к лишению свободы».

[3] Кевля, Ф.И. Формирование здорового образа жизни у несовершеннолетних осуждённых в местах лишения свободы / Ф.И. Кевля // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2020. – № 3.

[4] Гилязов, И.Ф. Совершенствование форм организации физического воспитания несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях / И.Ф. Гилязов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 406–410.

[5] Официальный сайт УФСИН России по Еврейской автономной области. Новость от 18.10.2023 «Осуждённые Биробиджанской воспитательной колонии сдали нормативы ГТО».

[6] Официальный сайт ГУФСИН России по Краснодарскому краю. «Учебно-воспитательная работа с осуждёнными».

[7] Официальный сайт УФСИН России по Еврейской автономной области. Новость от 18.10.2023 «Осуждённые Биробиджанской воспитательной колонии сдали нормативы ГТО».

[8] Находкинская воспитательная колония ГУФСИН России по Приморскому краю. Новость от 29.06.2016 «Нестандартные формы воспитательной работы используют в Находкинской воспитательной колонии Приморья».

[9] Телеканал «Смотрим» (ВГТРК). Репортаж от 23.05.2024 «Исправлять осуждённых в Архангельской воспитательной колонии решили через жесткий спорт».

[10] Зорина, Н. С. Формирование нравственных норм несовершеннолетних осужденных / Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 9(196). – С. 517-519.

[11] НАУКА МОЛОДЫХ: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород: НГТУ, 2022. – С. 737.

References:

[1] Kuznetsova, E.V., Kochanova, V.S. Assistance of public associations in educational work with minors sentenced to imprisonment/E.V. Kuznetsova, V.S. Kochanova//Man: crime and punishment. – 2025. - T. 69, NO. 1. - S. 76-84.

[2] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (ed. 28.06.2022). - Art. 110 “Basic forms and methods of educational work with convicts to imprisonment.”

[3] Kevlya, F.I. Formation of a healthy lifestyle in juvenile convicts in prisons/F.I. Kevlya//Bulletin of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2020. – № 3.

[4] Gilyazov, I.F. Improving the forms of organization of physical education of juvenile offenders

serving sentences in correctional institutions/I.F. Gilyazov//Scientific and methodological electronic journal "Concept." – 2015. - T. 13. - S. 406-410.

[5] Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Jewish Autonomous Region. News from the 18.10.2023 "Convicts of the Birobidzhan educational colony passed the TRP standards."

[6] The official website of the GUFSIN of Russia in the Krasnodar Territory. "Educational work with convicts."

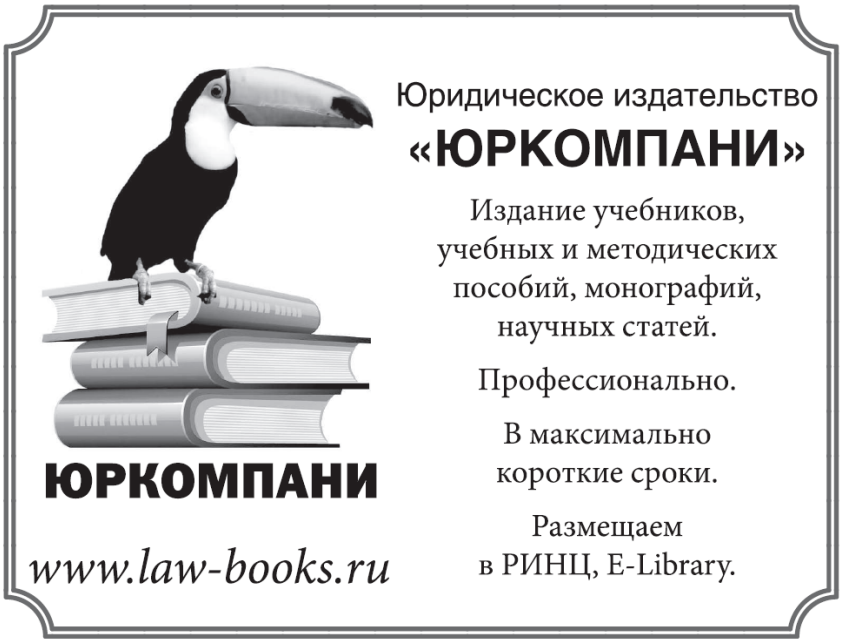
[7] Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Jewish Autonomous Region. News from the 18.10.2023 "Convicts of the Birobidzhan educational colony passed the TRP standards."

[8] Nakhodka educational colony of the GUFSIN of Russia in the Primorsky Territory. News from the 29.06.2016 "Non-standard forms of educational work are used in the Nakhodka educational colony of Primorye."

[9] TV channel "Look" (VGTRK). A report from the 23.05.2024 "They decided to correct convicts in the Arkhangelsk educational colony through hard sports."

[10] Zorina, N. S. Formation of moral norms of juvenile convicts/N. S. Zorina//Eurasian Law Journal. – 2024. – № 9(196). - S. 517-519.

[11] SCIENCE OF THE YOUNG: materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference. - Nizhny Novgorod: NSTU, 2022. - S. 737.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-427-430
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
заведующий кафедрой биотехнологии и пищевых продуктов кандидат биологических наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: opneverova@mail.ru

ХАРЛАП Светлана Юрьевна,
кандидат биологических наук, доцент, зав.кафедрой техносферной и экологической безопасности Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: Proffuniver@ya.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: spv2388@yandex.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщения; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: sid-polina@yandex.ru

ГОРЕЛИК Артём Сергеевич,
кандидат биологических наук, преподаватель кафедры Уральский институт ГПС МЧС России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ, ФУНКЦИИ, ПРЕИМУЩЕСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается роль дополнительного профессионального образования (ДПО) в системе высшего образования. Обоснована актуальность непрерывного повышения квалификации в условиях быстро меняющегося рынка труда. Описаны ключевые функции ДПО, основные виды программ и их значение для получения новых знаний и компетенций.*

Ключевые слова*: дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации, вуз, непрерывное образование, профессиональные компетенции, рынок труда.*

NEVEROVA Olga Petrovna,
Head of the Department of Biotechnology and Food Products, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor Ural State Agrarian University

KHARLAP Svetlana Yurievna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Technosphere and Environmental Safety
Ural State Agrarian University

SHARAVIEV Pavel Viktorovich,
Candidate of Agricultural Sciences,

Associate Professor Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport;
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University; Senior Researcher
at the Ural Veterinary Research Institute FGBNU Urfanits
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

GALUSHINA Polina Sergeevna,
Senior Lecturer at the Department
of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

GORELIK Artyom Sergeevich,
Candidate of Biological Sciences,
lecturer Departments Ural Institute of GPS
of the Ministry of Emergency Situations of Russia

ADDITIONAL EDUCATION AT THE UNIVERSITY: RELEVANCE, FUNCTIONS, ADVANTAGES

Annotation. *The article examines the role of additional professional education (vocational training) in the higher education system. The relevance of continuous professional development in a rapidly changing labor market is substantiated. The key functions of the DPO, the main types of programs and their importance for obtaining new knowledge and competencies are described.*

Key words*: additional professional education, advanced training, university, continuing education, professional competencies, labor market.*

Современный этап развития экономики и технологий характеризуется высокой динамикой изменений. Профессии трансформируются, внедряются новые стандарты и цифровые инструменты, а знания, полученные в университете несколько лет назад, могут устареть быстрее, чем специалист успеет применить их на практике [1].

Повышение квалификации сегодня — это не просто формальность для отчётности, а необходимость. Оно позволяет специалисту оставаться востребованным, адаптироваться к новым условиям и обеспечивать конкурентоспособность на рынке труда.

Мотивация специалистов к прохождению программ дополнительного профессионального образования (ДПО) обусловлена рядом ключевых факторов. Чаще всего получение дополнительного образования необходимо для достижения следующих целей:

- освоение современных профессиональных методик и технологий;
- карьерный рост и продвижение по службе;
- смена вида профессиональной деятельности или получение смежной квалификации в сжатые сроки;
- повышение уровня дохода;
- поддержание конкурентоспособности и востребованности на рынке труда;
- укрепление профессиональной репутации и доверия со стороны клиентов и партнёров [2].

К освоению дополнительных профессиональных программ допускаются:

1) лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;

2) лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

Дополнительное образование в вузе выполняет ряд важных функций, обеспечивающих эффективность профессионального развития. К основным из них относятся:

Адаптационная функция. Помогает специалисту быстро приспособиться к изменениям в профессии, новым технологиям или стандартам работы.

Квалификационная функция. Направлена на рост профессионального мастерства, получение категории или должности.

Инновационная функция. Внедрение новых технологий, методик и подходов в профессиональную практику функция.

Социальная функция. Поддерживает активность специалиста в профессиональном сообществе, способствует нетворкингу и обмену опытом.

Реализация этих функций позволяет вузу выступать не только как образовательному, но и как социально-экономическому партнёру для предприятий и организаций.

Главной целью любого обучения в системе ДПО является получение новых, актуальных знаний. В отличие от формального подхода, качественная программа строится вокруг практических компетенций. Слушатель должен не просто прослушать лекции, а освоить инструменты, которые можно применить в работе сразу после окончания курса.

Вузы обеспечивают качество этих знаний благодаря привлечению экспертов-практиков, использованию современной материально-технической базы и связи с реальным сектором экономики. Именно глубинное обновление знаний позволяет специалисту решать задачи нового уровня и предлагать инновационные решения.

Как и любая образовательная деятельность, дополнительное профессиональное образование (ДПО) характеризуется рядом преимуществ и ограничений, которые необходимо учитывать при выборе образовательной траектории.

Преимущества программ ДПО:

- более короткие сроки обучения по сравнению со вторым высшим образованием
- практическая направленность программ
- официальный документ по итогам обучения
- возможность совмещать учёбу с работой
- гибкие форматы, включающие дистанционное обучение

Ограничения и риски:

- Статус документа. Программы ДПО не заменяют основное профессиональное образование (среднее или высшее), а дополняют его.
- Зависимость качества. Эффективность обучения напрямую зависит от уровня аккредитации и материально-технической базы образовательной организации.
- Необходимость осознанного выбора. Требуется тщательный анализ содержания программы для обеспечения соответствия индивидуальным карьерным целям.

Дополнительное профессиональное образование в вузе является неотъемлемой частью системы непрерывного обучения. В условиях нестабильности рынка труда и технологических изменений повышение квалификации становится необходимостью для каждого специалиста [3].

Программы ДПО позволяют своевременно обновлять знания и осваивать новые навыки. Выбор между повышением квалификации и профессиональной переподготовкой зависит от карьерных целей специалиста, однако главным результатом любого обучения остаётся получение актуальных знаний. Инвестиции в дополнительное образование — это вклад в собственную профессиональную устойчивость и будущий успех.

Список литературы:

[1] Орлов, Б. С. Особенности адаптации активных методов обучения к онлайн-образованию в современном вузе и системе дополнительного профессионального образования / Б. С. Орлов // Сибирский педагогический журнал. – 2025. – № 1. – С. 72-81.

[2] Винокурова, И. В. Характеристика и особенности формирования компетентности преподавателя вуза в инклюзивном образовании в системе дополнительного профессионального образования / И. В. Винокурова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4(85). – С. 9-19.

[3] Ачкасова, О. Г. Стратегия развития экосистемы дополнительного профессионального образования вуза в контекстецифровой трансформации высшего образования / О. Г. Ачкасова, А. Л. Гавриков, Н. Ю. Омарова // Человек и образование. – 2023. – № 3(76). – С. 31-38.

[4] Игнатенко, А. В. Трансформация социальной политики РФ в области образования (на примере системы дополнительного образования в вузе) / А. В. Игнатенко // Теория и практика социальной работы: история и современность : сборник научных трудов : Алтайский государственный университет, 2017. – С. 64-68.

References:

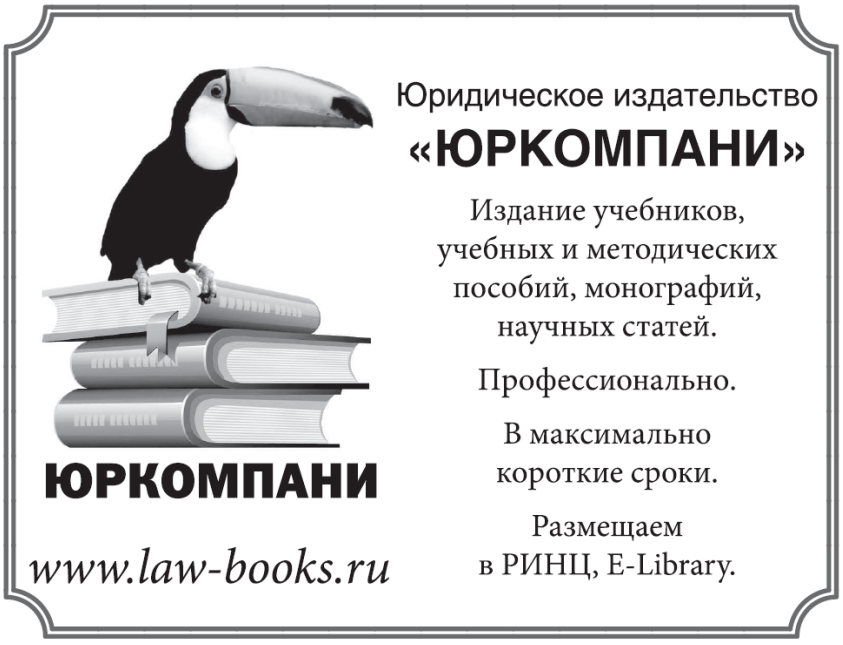
[1] Orlov, B. S. Features of adaptation of active teaching methods to online education in a modern

university and the system of additional professional education / B. S. Orlov // Siberian pedagogical journal. - 2025. - No. 1. - P. 72-81.

[2] Vinokurova, I. V. Characteristics and features of the formation of the competence of a university teacher in inclusive education in the system of additional professional education / I. V. Vinokurova // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. - 2023. - No. 4 (85). - P. 9-19.

[3] Achkasova, O. G. Strategy for the development of the ecosystem of additional professional education of the university in the context of the digital transformation of higher education / O. G. Achkasova, A. L. Gavrikov, N. Yu. Omarova // Man and education. - 2023. - No. 3 (76). - P. 31-38.

[4] Ignatenko, A. V. Transformation of the social policy of the Russian Federation in the field of education (on the example of the system of additional education at the university) / A. V. Ignatenko // Theory and practice of social work: history and modernity: collection of scientific papers: Altai State University, 2017. - P. 64-68.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-431-434
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
заведующий кафедрой биотехнологии и пищевых продуктов кандидат биологических наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: opneverova@mail.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: spv2388@yandex.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщения; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ГОРЕЛИК Артём Сергеевич,
кандидат биологических наук, преподаватель кафедры Уральский институт ГПС МЧС России,
e-mail: mail@law-books.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,
мастер производственного обучения кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,
заместитель декана по воспитательной работе, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: nenahov15@gmail.com

МАСТЕР-КЛАСС ПО ПРОИЗВОДСТВУ МОРОЖЕНОГО КАК ФОРМА РАННЕЙ ПРОФОРИЕНТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается практика проведения мастер-классов по производству мороженого для школьников на базе учебных лабораторий Университета. Анализируются педагогические, профориентационные и социальные цели формата, описывается структура занятий, оценивается образовательный эффект. Показано, как практическое погружение в пищевые технологии меняет представление молодёжи об аграрной сфере и формирует осознанный выбор профессии.*

Ключевые слова: *профориентация, пищевые технологии, школьники, мастер-класс, агрообразование, практико-ориентированное обучение.*

NEVEROVA Olga Petrovna,
Head of the Department of Biotechnology and Food Products Candidate of Biological Sciences, Associate Professor Ural State Agrarian University

SHARAVIEV Pavel Viktorovich,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport;
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University;
Senior Researcher at the Ural Veterinary Research Institute
FGBNU Urfanits Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

GORELIK Artyom Sergeevich,
Candidate of Biological Sciences,
lecturer Departments Ural Institute of GPS
of the Ministry of Emergency Situations of Russia

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,
Master of Industrial Training,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,
Deputy Dean for Educational Work,
Ural State Agrarian University

ICE CREAM PRODUCTION MASTER CLASS AS A FORM OF EARLY CAREER GUIDANCE FOR STUDENTS EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation. *The article discusses the practice of conducting master classes on ice cream production for schoolchildren at the University's educational laboratories. The pedagogical, career guidance and social goals of the format are analyzed, the structure of classes is described, and the educational effect is evaluated. It is shown how practical immersion in food technologies changes the perception of young people about the agricultural sector and forms an informed choice of profession.*

Key words: *career guidance, food technologies, schoolchildren, master class, agricultural education, practice-oriented learning.*

Сегодня школьникам всё сложнее выбрать профессию. Реклама, интернет, мнение друзей — источников много, а реального понимания, чем занимается специалист, часто нет. Особенно это касается агропромышленного и пищевого направлений: многие до сих пор представляют их как «работу в поле» или «простое производство», не зная о современных технологиях, цифровых решениях и научных подходах, которые там используются.

Информационные лекции и презентации уже не работают так, как раньше. Подросткам важно не просто услышать, а увидеть и попробовать своими руками. Именно поэтому всё более востребованным становится формат практических занятий в реальных лабораторных условиях.

На базе аграрных вузов сегодня открываются специализированные учебные лаборатории, где школьники могут погрузиться в технологический процесс — например, самостоятельно приготовить мороженое: от подбора ингредиентов до получения готового продукта. Такие мастер-классы — это не развлечение, а продуманный образовательный инструмент. Они помогают:

- понять, как школьные предметы (химия, физика, биология) применяются в реальной работе;
- увидеть современное оборудование и стандарты качества;
- попробовать себя в роли технолога и оценить, интересно ли это направление;

– сформировать более реалистичное и позитивное представление о профессиях АПК [2].

Цель мастер-классов:

Ранняя профориентация в АПК и пищевой промышленности

Аграрная и пищевая сферы часто воспринимаются подростками как «устаревшие» или «физически тяжёлые». Мастер-класс показывает современное лицо отрасли: чистые лаборатории, цифровое оборудование, биотехнологии, контроль качества. Школьники видят, что работа в АПК – это не только поле и ферма, но и наука, инженерия, менеджмент и креатив.

Связь школьных предметов с реальной жизнью

Приготовление мороженого – живой учебный кейс. Химия объясняет эмульгирование жиров и работу стабилизаторов, физика – теплообмен и фазовые переходы при замораживании, биология – роль молочнокислых культур и микробиологическую безопасность, математика и экономика – расчёт себестоимости и нормирование. Абстрактные формулы превращаются в понятные процессы.

Развитие практических и «мягких» навыков

Участники учатся работать в команде, точно соблюдать дозировки, следовать технологическим картам, контролировать санитарные нормы и оперативно реагировать на изменения (например, если масса недостаточно взбилась или температура нарушена). Это формирует ответственность, дисциплину, умение принимать решения и работать по инструкции.

Формирование культуры потребления и осознанного питания

Подростки на практике понимают, чем натуральное мороженое отличается от растительных аналогов, зачем в составе появляются стабилизаторы и эмульгаторы, как читать этикетку и почему качественные ингредиенты важны для здоровья. Это снижает влияние маркетинговых мифов и воспитывает грамотного потребителя.

Укрепление связей «школа – вуз – работодатель»

Университет перестаёт быть «далёким учреждением после 11 класса». Он становится живой площадкой для экспериментов, где школьники общаются с преподавателями и студентами, видят учебные лаборатории и понимают, как устроена профессиональная среда. Это повышает мотивацию к поступлению, снижает страх перед выбором и создаёт позитивный образ аграрного образования в регионе [3].

Мастер-классы проводятся в сертифицированных учебных лабораториях. Перед началом участники проходят инструктаж по технике безопасности и надевают специальную одежду. Под руководством преподавателей и студентов-наставников школьники проходят полный цикл:

1. Подготовка и дозировка сырья (молоко, сливки, сахар, натуральные добавки);
2. Пастеризация и гомогенизация смеси;
3. Замораживание с одновременным взбиванием в лабораторном фризере;
4. Фасовка, упаковка и дегустация.

После практической части следует рефлексия: что получилось, почему, какие параметры влияли на текстуру и вкус, как этот процесс масштабируется на промышленном уровне. Многие школьники получают технологические карты, которые можно использовать для школьных проектов или олимпиад по технологии и биологии.

По данным анкетирования участников и педагогов-сопровождающих, такие форматы:

– повышают интерес к естественно-научным предметам у 60–75% школьников;
– меняют стереотипы об аграрных и пищевых специальностях у большинства участников;
– стимулируют участие в профильных конкурсах и олимпиадах;
– формируют устойчивый интерес к поступлению в вузы технологического и агропромышленного профиля.

Проведение мастер-классов по производству мороженого в учебных лабораториях на базе аграрного вуза — это не развлечение, а эффективный образовательный инструмент. Такой формат решает сразу несколько практических задач: даёт школьникам возможность своими руками пройти технологический цикл, увидеть прямую связь школьных предметов с реальной работой и честно оценить, подходит ли им профессия технолога или специалиста пищевой отрасли. Занятия ломают устаревшие представления об аграрном секторе, демонстрируя его современные, технологичные и научно обоснованные стороны.

Для вуза это возможность привлечь мотивированных абитуриентов, для региона — вклад в кадровый потенциал АПК, а для самих подростков — шаг к осознанному профессиональному выбору. В перспективе формат легко масштабируется: можно добавлять новые направления (сыроделие, хлебопечение, ферментацию), проводить выездные модули в школы и подключать к совместным проектам реальные предприятия.

Главный результат таких мастер-классов — не готовый продукт, а личный опыт. Когда школьник сам контролирует процесс, видит результат и понимает, как устроена работа изнутри, он перестаёт выбирать профессию «наугад». Именно на таких живых впечатлениях строится осознанный профессиональный старт, который в будущем приносит пользу и молодому специалисту, и всей отрасли.

Список литературы:

[1] Яшина, Е. Е. Особенности организации мастер-классов для младших школьников / Е. Е. Яшина // Традиции и инновации в начальном образовании : материалы российской научно-практической конференции, Елец, 12 апреля 2018 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – С. 454-456. – EDN XOOMWL.

[2] Козлова, Е. Н. Использование мастер-классов для развития креативности у школьников во внеурочной деятельности / Е. Н. Козлова, Т. А. Кончина // Современные проблемы естествознания, естественно-научного и математического образования : Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической конференции, Арзамас, 26–27 марта 2025 года. – Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. – С. 203-209. – EDN ZTGYLM.

[3] Организация мастер-классов по химии для школьников на базе учреждений высшего образования / Л. Г. Кондратюк, Т. А. Кондратюк, Г. Г. Первышина [и др.] // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 21–23 апреля 2020 года / Ответственные за выпуск Е.И. Сорокатая, В.Л. Бопп. Том Часть 1. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 94-97. – EDN GOHVFA.

[4] Богданова, О. Ю. Профориентационная работа со школьниками через мастер-классы по микробиологии / О. Ю. Богданова, Т. Ф. Черных // Эффективные практики профориентационной работы в образовательных организациях : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Якутск, 16 февраля 2024 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. – С. 30-33. – EDN XAAXKB.

References:

[1] Yashina, E. E. Features of the organization of master classes for primary school students / E. E. Yashina // Traditions and innovations in primary education : proceedings of the Russian scientific and practical conference, Yelets, April 12, 2018. Yelets: Yelets State University named after I.A. Bunin, 2018. pp. 454-456. - EDN XOOMWL.

[2] Kozlova, E. N. The use of master classes for the development of creativity among schoolchildren in extracurricular activities / E. N. Kozlova, T. A. Konchina // Modern problems of natural science, natural science and mathematical education : Collection of articles by participants of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Arzamas, March 26-27, 2025. Arzamas: Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, 2025, pp. 203-209. EDN ZTGYLM.

[3] Organization of chemistry master classes for schoolchildren at institutions of higher education / L. G. Kondratyuk, T. A. Kondratyuk, G. G. Pervyshina [et al.] // Science and education: experience, problems, development prospects : Proceedings of the international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, April 21-23, 2020 / Responsible for the release of E.I. Sorokataya, V.L. Bopp. Volume Part 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2020. pp. 94-97. EDN GOHVFA.

[4] Bogdanova, O. Y. Career guidance with schoolchildren through master classes in microbiology / O. Y. Bogdanova, T. F. Chernykh // Effective practices of career guidance in educational organizations : A collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Yakutsk, February 16, 2024. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 2024, pp. 30-33. EDN XAAXKB.

- ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-435-440
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail:olbyk75@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: alexeystepanow@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: eva.mats@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры теории, методологии и правового
обеспечения государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ГИДРОХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕРХНОСТНЫХ ВОД В РАЙОНЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ГРЭС

Аннотация. *Поверхностные воды являются наиболее уязвимым компонентом биосферы, поскольку они выступают конечным аккумулятором техногенных выбросов. Сточные воды Троицкой ГРЭС, являющейся крупнейшим производителем электроэнергии в южной части Уральского региона, традиционно рассматриваются как значимый фактор техногенного воздействия на гидрологический режим и качество вод реки Увелька. Целью исследований явился гидрохимический анализ воды реки Увелька в районе Троицкой ГРЭС. Установлено превышение ПДК для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования по свинцу, общей жесткости, для рыбохозяйственных водоемов по свинцу, марганцу, цинку, нитратам. Близки к уровню ПДК в воде оказались концентрации железа, нитратов и гидрокарбонатов.*

Ключевые слова: *гидрохимический анализ, качество поверхностных вод, тяжелые металлы, экологический контроль, экотоксиканты.*

BYKOVA Olga A.,
doctor of agricultural sciences,
professor of the Department
of biotechnology and food products,
Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey V.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SMIRNOVA Ekaterina S.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva V.,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Theory,
Methodology and Legal Support of Public
and Municipal Administration,
Ural Federal University

HYDROCHEMICAL ANALYSIS OF SURFACE WATER IN THE AREA OF THE HYDROELECTRIC POWER STATION

Annotation. *Surface waters are the most vulnerable component of the biosphere, as they act as the final reservoir of anthropogenic emissions. Wastewater from the Troitskaya Hydroelectric Power Plant, the largest electricity producer in the southern Ural region, is traditionally considered a significant factor in the anthropogenic impact on the hydrological regime and water quality of the Uvelka River. The aim of the study was to conduct a hydrochemical analysis of the Uvelka River water near the Troitskaya Hydroelectric Power Plant. Concentrations exceeding the maximum permissible limits for water bodies used for domestic and drinking water supply were found for lead and total hardness, and for fishery water bodies for lead, manganese, zinc, and nitrates. Concentrations of iron, nitrates, and hydrocarbonates were also close to the maximum permissible limits.*

Key words: *hydrochemical analysis, surface water quality, heavy metals, environmental monitoring, ecotoxicants.*

Введение

В последние десятилетия проблема антропогенного загрязнения пресноводных экосистем приобрела глобальный характер. Поверхностные воды являются наиболее уязвимым компонентом биосферы, поскольку они выступают конечным аккумулятором техногенных выбросов. Согласно данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации», ежегодно в поверхностные водные объекты страны сбрасывается более 40 км^3 сточных вод, из которых около 15 % приходится на долю загрязненных без очистки и недостаточно очищенных стоков. Особенно остро эта проблема стоит в регионах с высокой концентрацией промышленных предприятий топливно-энергетического комплекса.

Челябинская область традиционно входит в число субъектов РФ с наиболее напряженной экологической обстановкой. По объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и водоемы область занимает одно из лидирующих мест, уступая лишь Красноярскому краю и Кемеровской области. Реки региона, в том числе Увелька, Миасс, Сим, Ай, испытывают колоссальную антропогенную нагрузку. Основными источниками загрязнения выступают предприятия черной и цветной металлургии, машиностроения, а также объекты теплоэнергетики. Сточные воды Троицкой ГРЭС, являющейся крупнейшим производителем электроэнергии в южной части Уральского региона, традиционно рассматриваются как значимый фактор техногенного воздействия на гидрологический режим и качество вод реки Увелька — правого притока Тобола, имеющей важное рыбохозяйственное и рекреационное значение.

Несмотря на наличие очистных сооружений, эффективность их работы не всегда соответствует современным требованиям. Ситуация усугубляется физико-химическими особенностями сточных вод ГРЭС, которые часто содержат повышенные концентрации солей тяжелых металлов, взвешенных веществ, соединений азота. В связи с этим систематический гидрохимический мониторинг водных объектов в зоне влияния энергетических предприятий является неотъемлемым элементом обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования.

Проблема загрязнения поверхностных вод промышленными объектами имеет четкую правовую регламентацию в Российской Федерации. Однако на практике нарушения природоохранного законодательства остаются массовыми.

Основополагающим документом является Водный кодекс РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Статья 56 Кодекса прямо запрещает сброс сточных вод в водные объекты, содержание в которых загрязняющих веществ превышает нормативы предельно допустимых сбросов (ПДС). Статья 60 обязывает юридические лица, эксплуатирующие водохозяйственные системы, принимать меры по предотвращению загрязнения водных объектов.

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ст. 34, 39, 44) устанавливает, что размещение и эксплуатация объектов энергетики допустимы только при условии соблюдения нормативов качества окружающей среды. Предприятие обязано осуществлять производственный экологический контроль, в том числе лабораторный мониторинг состава сточных вод и вод водных объектов в зоне своего влияния.

В части санитарно-эпидемиологических требований действует СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания», а также СанПиН 1.2.3685-21 (раздел 3.2) для водных объектов рыбохозяйственного значения, которые устанавливают предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ. Река Увелька имеет рыбохозяйственное значение (высшая категория).

Кроме того, Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и Приказ Минприроды России от 01.12.2020 № 1027 «Об утверждении методики разработки нормативов предельно допустимых сбросов» обязывают ГРЭС разрабатывать и соблюдать ПДС.

Таким образом, научно-практическая проблема заключается в том, что, несмотря на существование жесткой правовой базы, реальное качество воды реки Увелька в нижнем бьефе Троицкой ГРЭС не соответствует нормативам, что создает риски для здоровья населения (город Троицк использует реку в рекреационных целях) и для водных биоресурсов. Необходимо не только констатировать факты превышений, но и количественно обосновать вклад ГРЭС в формирование химического состава воды, а также предложить пути приведения качества воды в соответствие с законодательными требованиями [1-6].

На основании вышеизложенного целью исследований явился гидрохимический анализ воды реки Увелька в районе Троицкой ГРЭС.

Материалы и методы

Материалом для исследований служили пробы воды реки Увелька на участке протяженностью около 1,5 км, включающем зону влияния Троицкой ГРЭС: проба № 1 - фоновый створ, расположенный на 500 м выше по течению от

места сброса очищенных сточных вод ГРЭС; проба№ 2 - контрольный створ, на 500 м ниже места смешения сточных вод с речной водой.

Отбор проб проводился в сентябре (межень) в соответствии с требованиями ГОСТ 31861-2012 «Вода. Общие требования к отбору проб».

Пробы отбирали в стерильные полиэтиленовые бутыли объемом 2 л, для определения тяжелых металлов — с добавлением консерванта. Транспортировка и хранение осуществлялись при температуре 4 °С.

Из показателей химического состава определяли общую жёсткость, концентрацию ионов кальция и магния, хлоридов, карбонатов, гидрокарбонатов титриметрическим методом, концентрацию нитратов и сульфатов - фотоколориметрическим методом с использованием фотометра КФК-3-01. Уровень содержания тяжёлых металлов (Mn, Fe, Co, Cd, Cu, Zn, Ni, Pb) - методом атомно-абсорбционной спектрофотомерии. Из органолептических показателей определяли цветность, мутность, прозрачность, запах.

Статистическую обработку выполняли с использованием пакета Microsoft Excel. Для каждого показателя рассчитывали среднее арифметическое по 3 параллельным определениям.

Нормативную базу сравнения составили ПДК для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования (СанПиН 1.2.3685-21), а также для рыбохозяйственных водоемов (Приказ Росрыболовства № 20 от 18.01.2022).

Результаты

Органолептическая оценка качества воды – обязательная начальная процедура химического контроля воды. Эта оценка приносит много прямой и косвенной информации о составе воды.

При проведении органолептических исследований было отмечено, что вода пробы № 1 бесцветная, пробы № 2 – слабо-желтоватая, слабо-опалесцирующая. Прозрачность воды в верхнем течении реки составляет более 50 см, в нижнем уменьшается до 33 см. Снижение прозрачности и желтоватый оттенок возможно обусловлены появлением в более высоких концентрациях в воде контрольного створа взвесей и гидроксидов железа. Вода в фоновом створе имела слабый запах водных растений (1 балл), в пробе № 2 отчетливо ощущался неопределенный запах (4 балла).

Результаты исследований химического состава воды представлены в *таблицах 1 и 2.*

Полученные данные показывают, что вода реки Увелька в фоновом створе (выше сброса Троицкой ГРЭС) в целом соответствует питьевым нормативам по большинству показателей, за исключением свинца (0,010 мг/л — ровно на уровне ПДК) и общей жесткости (7,11 мг-экв/л, что незначительно превышает норматив 7,0 мг-экв/л). Это характерно для вод южноуральских рек, испытывающих природную минерализацию за счет выщелачивания горных пород. Однако уже в фоновой точке свинец находится на пределе допустимого, что вызывает тревогу и указывает на накопление загрязнения от автотранспорта, ливневых стоков с территории города, фонового техногенного загрязнения почв. После прохождения зоны сброса сточных вод Троицкой ГРЭС (контрольный створ) происходит статистически значимое изменение качества воды по содержанию железа, цинка, марганца.

Таблица 1. Содержание тяжелых металлов в воде р. Увелька, мг/дм^3

Показатель	Проба		ПДК
	Фоновый створ	Контрольный створ	
Железо	0,051±0,002	0,070±0,003***	0,300
Медь	0,0009±0,0001	0,0009±0,0001	1,000
Цинк	0,017±0,001	0,028±0,002**	1,000
Кобальт	0,003±0,001	0,007±0,001	0,100
Марганец II	0,008±0,001	0,026±0,001***	0,100
Магний	3,52±0,10	3,49±0,10	50,000
Свинец	0,010±0,002	0,020±0,007	0,010
Кадмий	-	-	0,001
Никель	-	0,004±0,001	1,000

Свинец является одним из самых опасных экотоксикантов. Его концентрация возрастает в 2 раза в контрольном створе относительно фонового створа и составляет 2 ПДК. Такое увеличение может быть обусловлено использованием углей с высоким содержанием свинца на ГРЭС (золоунос в водосборную систему), коррозией металлических трубопроводов, недостаточной эффективностью очистки от тяжелых металлов. ПДК свинца для рыбохозяйственных водоемов составляет 0,006 мг/дм3. Таким образом, в контрольном створе превышение достигает 3,3 раза, что является очень высоким уровнем для ихтиофауны. Свинец обладает кумулятивным действием, вызывает хроническую интоксикацию гидробионтов, нарушает процессы размножения у рыб.

Содержание марганца увеличилось в пробе воды из контрольного створа в 3,25 раза относительно фонового значения. По питьевым нормам превышения нет, но по рыбохозяйственным ПДК (0,010 мг/л) концентрация в контрольном створе превышена в 2,6 раза. Марганец токсичен для водных организмов и ухудшает органолептические показатели воды.

Концентрация меди не изменилась и находилась в пределах ПДК для воды как питьевого так и рыбохозяйственного назначения, что является безопасным для гидробионтов и использования воды человеком.

Концентрация цинка в фоновом и контрольном створе находилась в пределах допустимого значения для воды водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования, однако превышала ПДК для рыбохозяйственных водоемов в 1,7 и 2,8 раза соответственно. Содержание этого элемента в воде ниже сброса Троицкой ГРЭС увеличилось в 1,6 раза относительно фонового.

Динамика содержания железа в воде реки Увелька аналогична цинку: происходило увеличение его концентрации в 1,37 раза (с 0,051 в пробе 1 до 0,070 мг/л в пробе 2). Питьевой ПДК (0,3 мг/л) не превышен, по рыбохозяйственному ПДК (0,1 мг/л) — значение в контрольном створе (0,070 мг/л) находится в пределах нормы, хотя близко к верхней границе.

Никель появился только в контрольном створе (0,004 мг/л), что прямо указывает на техногенный привнос. Питьевой ПДК (1,0 мг/л) и рыбохозяйственный ПДК (0,01 мг/л) не превышены, но сам факт появления нового загрязнителя является негативным результатом нашего исследования.

Содержание кобальта в воде как выше так и ниже сброса предприятия не превышало допустимых значений. Концентрация этого элемента в воде контрольного створа была выше фонового значения в 2,3 раза.

Кадмий не обнаружен в обоих створах.

Концентрация магния оставалась примерно на одном уровне, что было значительно ниже питьевого ПДК (рыбохозяйственного норматива нет).

Таблица 2. Показатели химического состава воды р. Увелька, мг/дм³

Показатель	Проба		ПДК
	Фоновый створ	Контрольный створ	
Общая жесткость, мг-экв/л	7,11±0,5	8,02±0,4	7
Ca2+	85,23±7,11	103,17±8,23	200
Mg2+	38,64±5,30	57,36±6,19	100
CO32-	51,29±1,00	63,97±2,12**	100
HCO3-	624,75±25,33	957,46±54,87***	1000
NO3-	21,64±1,27	44,89±3,16***	45
SO42-	49,73±4,65	72,55±5,80	500
Cl-	154,67±18,14	190,43±12,31	350

Общая жесткость в воде контрольного створа возрасла на 12,8% относительно фонового створа. Оба значения были выше ПДК для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования что на 1,6 и 14,6 % соответственно. Жесткая вода ухудшает органолептические свойства, приводит к образованию накипи, может негативно влиять на здоровье людей. Источником повышения жесткости являются соли кальция и магния: концентрация

ионов Ca^{2+} выросла на 21 % (с 85,2 до 103,2 мг/л), ионов Mg^{2+} — на 48 % (с 38,6 до 57,4 мг/л). Оба значения находились в пределах питьевых ПДК (200 и 100 мг/л соответственно).

Концентрация гидрокарбонатов (HCO_3^-) в нижнем течении выросла относительно верхнего в 1,5 раза и составила 95,7 % от питьевого ПДК (1000 мг/л). Превышения нет, но значение близко к критическому. Это свидетельствует о щелочном характере сбросов (вероятно, известкование сточных вод или вынос золы).

Содержание нитратов (NO_3^-) также увеличилось в воде ниже предприятия до 44,9 мг/л, что составило 99,8 % от питьевого ПДК (45 мг/л). Формально превышения нет, но такое приближение вызывает опасения. С учетом погрешности можно говорить о выходе на уровень ПДК. При переходе к рыбохозяйственным нормативам (для нитратов часто устанавливают 40 мг/л) в контрольном створе фиксируется превышение на 12 %. Нитратное загрязнение опасно для человека (метгемоглобинемия) и способствует эвтрофикации водоема.

После смешения речной воды со сброшенными водами предприятия количество сульфатов (SO_4^{2-}) в воде увеличилось на 46 % (с 49,7 до 72,6 мг/л), что далеко ниже питьевого ПДК (500 мг/л).

Количество хлоридов (Cl^-) в воде нижнего течения увеличилось на 23 % (с 154,7 до 190,4 мг/л) и было значительно ниже ПДК (350 мг/л).

Содержание карбонатов (CO_3^{2-}) в контрольном створе увеличилось относительно фонового значения на 24,8 % и находилось в пределах ПДК (100 мг/л).

Заключение

Проведенные гидрохимические исследования воды реки Увелька в районе Троицкой ГРЭС свидетельствуют о том, что качество воды в контрольном створе (ниже сброса ГРЭС) хуже, чем в фоновом. Установлено превышение ПДК для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования по свинцу, общей жесткости, для рыбохозяйственных водоемов по свинцу, марганцу, цинку, нитратам. Близки к уровню ПДК в воде оказались концентрации железа, нитратов и гидрокарбонатов.

Наибольшую экологическую опасность представляет комплексное действие тяжелых металлов. Даже при соблюдении питьевых нормативов по большинству показателей, рыбохозяйственные нормативы систематически нарушаются (свинец, марганец, медь, цинк). Это создает прямую угрозу для водных экосистем реки Увелька: снижение видового разнообразия, угнетение нереста, накопление токсикантов в гидробионтах и, по цепям питания, — риски для здоровья населения.

Список литературы:

[1] Зубарев В. А. Гидрохимические индексы оценки качества поверхностных вод // Региональные проблемы. 2014. №2. С. 71-77.

[2] Корнюхова О.В. мониторинг и оценка качества поверхностных вод Республики Казахстан // Сборник статей, посвященный 100-летию со дня образования Гидрохимического института, «Современные проблемы гидрохимии и мониторинга качества поверхностных вод». Часть 2. – Ростов-на-Дону, 2020. С. 155-160.

[3] Бекешев Е., Бапышев А., Степанова Е., Ержанов Е., Кылышбай Ш. Гидрохимические характеристики и оценка качества поверхностных вод с использованием индекса качества воды // Вестник КазАТК. 2023. № 128(5). С. 504-513.

[4] Бондарев В.П., Иванова Е.А., Смирнов А.А. Оценка влияния гидроэлектростанций на химический состав поверхностных вод // Водное хозяйство России. 2021. № 3. С12-25.

[5] Зуева Н.В., Белякова А.М. Оценка качества воды городской реки по гидрохимическим индексам (на примере реки Охта, Санкт-Петербург) // Труды Карельского научного центра РАН. 2021. № 9. С. 72–84.

[6] Петин А.Н., Лебедева М.Г., Крымская О.В. (2006). Анализ и оценка качества поверхностных вод: учеб. пособие. Белгород: БелГУ, 252 с.

References:

[1] Zubarev V. A. Hydrochemical indices of surface water quality assessment//Regional problems. 2014. №2. S. 71-77.

[2] Kornyukhova O.V. monitoring and assessment of surface water quality in the Republic of Kazakhstan//Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Hydrochemical Institute, “Modern problems of hydrochemistry and monitoring of surface water quality.” Part 2. - Rostov-on-Don, 2020. S. 155-160.

[3] Bekeshev E, Bapyshev A, Stepanova E, Yerzhanov E, Kylyshbai Sh. Hydrochemical characteristics and assessment of surface water quality using the water quality index//Vestnik KazATK. 2023. № 128(5). S. 504-513.

[4] Bondarev V.P., Ivanova E.A., Smirnov A.A. Assessment of the Impact of Hydroelectric Power Plants on the Chemical Composition of Surface Waters//Water Resources of Russia. 2021. № 3. S12-25.

[5] Zueva N.V., Belyakova A.M. Assessment of the water quality of the city river according to hydrochemical indices (on the example of the Okhta River, St. Petersburg)//Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 9. S. 72-84.

[6] Petin A.N., Lebedeva M.G., Krymskaya O.V. (2006). Analysis and assessment of surface water quality: tutorial. Belgorod: BelSU, 252 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-441-443

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
кандидат биологических наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: opneverova@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры Техносферная и экологическая безопасность,
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»,
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: yana.laborant.pavlova@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры философии,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель,
Уральский государственный аграрный университет,
кафедра философии,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ФАКТОРЫ АНТРОПОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПОВЕРХНОСТНЫХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация. *В наши дни человеческая цивилизация испытывает значительное антропогенное воздействие, интенсивность которого неуклонно увеличивается. Активная хозяйственная деятельность человека влечет за собой ухудшение состояния природной окружающей среды: наблюдается деградация озонового слоя вследствие парникового эффекта, снижается плодородие земель, трансформируются природные ландшафты, ухудшается качество атмосферного воздуха. Особую актуальность в настоящее время приобрела проблема загрязнения водных ресурсов различными поллютантами, включая тяжелые металлы, химические соединения и взвешенные частицы. Данная статья посвящена анализу видов загрязняющих веществ оказывающих негативное действие на качество поверхностных вод.*

Ключевые слова: *поверхностные воды, вредные вещества, предприятия, загрязнение, качество воды, техногенная нагрузка.*

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

NEVEROVA Olga Petrovna,
Candidate of Biological Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety
Ural State Agrarian University,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Engineering,
Senior Researcher at the Ural Research Institute of Veterinary Medicine,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

PAVLOVA Yana Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Philosophy

SINKO Vera Nikolaevna,
Senior Lecturer,
Ural State Agrarian University Department of Philosophy

FACTORS OF ANTHROPOGENIC POLLUTION OF SURFACE WATER BODIES

Annotation. *Today, human civilization is experiencing significant anthropogenic impact, which is steadily increasing in intensity. Human economic activity is leading to the deterioration of the natural environment, including the degradation of the ozone layer due to the greenhouse effect, the decline in soil fertility, the transformation of natural landscapes, and the deterioration of atmospheric air quality. The problem of water pollution by various pollutants, including heavy metals, chemical compounds, and suspended particles, has become particularly relevant. This article focuses on analyzing the types of pollutants that have a negative impact on the quality of surface water.*

Key words: *surface water, harmful substances, enterprises, pollution, water quality, anthropogenic load.*

Деятельность человека приводит к необратимым последствиям, негативно отражающимся на качестве окружающей среды. Одной из важных проблем современности выступает загрязнение водных объектов. Несмотря на принимаемые меры, проблема остается актуальной [1].

По данным G. Darchidze, биологическое загрязнение — наиболее часто встречающийся вид загрязнения, вызванный попаданием в водную среду патогенных микроорганизмов: бактерий, вирусов, простейших. Оно представляет серьезную угрозу для жизни и здоровья живых организмов [2].

Еще одним фактором, влияющим на изменение качества воды, выступает техногенная нагрузка, связанная с урбанизацией, развитием отраслей животноводства и растениеводства, увеличением числа промышленных предприятий [3].

Соединения тяжелых металлов — опасные токсиканты для гидросферы. Их особенностью

является длительное сохранение в природной среде, высокая токсичность и способность к миграции. Кроме того, они не поддаются естественной деструкции в процессе самоочищения воды. Наоборот, происходит их накопление в ходе геохимических и биологических процессов, что способствует их переносу в экологические пищевые сети. Основными факторами поступления тяжелых металлов являются природные и техногенные процессы. Именно эти виды деятельности приводят к сбросу вредных веществ в океаны и моря через речную сеть и системы канализации [4].

Таким образом, природные системы очень чувствительны к изменениям, вызванным деятельностью человека. Проблема загрязнения поверхностных вод является наиболее актуальной и масштабной. Загрязняющие вещества и продукты их трансформации рано или поздно попадают из атмосферы на поверхность Земли. По мере исторического развития общества проблемы чистой воды и защиты водных экосистем становятся все более острыми [5–7].

Список литературы:

[1] Карманова А. А. Загрязнение поверхностных водоемов, основные источники и загрязнители // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 1. С. 6.

[2] Darchidze G. Sources of pollution of surface waters, development of recommendations for their detection and development of prevention methods // Известия высоких технологий. 2024. No. 1(29). P. 91-97.

[3] Starchikova E. S. Modern Features of Surface Water Quality by Hydrochemical Indicators in River Waters of the Don and Kuban Deltas // Science prospects. 2022. No. 11(158). P. 66-68.

[4] Mammadzada S. Sh., Humbatov F. Y., Mustafayev I. I. Assessment of metal pollution in water and surface sediments of Goranchay River // Kimya Problemleri. 2021. Vol. 19, No. 2. P. 84-93.

[5] Ospan G., Ozgeldinov Zh., Sadvakasova S. Composition and spatial distribution of chemical elements in surface waters of the Nura river basin // Гидрометеорология и экология. 2025. No. 5(120). P. 34-40.

[6] Сединкина М. Г., Ильиных А. В. Степень загрязнения поверхностных вод Щучанского района Курганской области в зависимости от степени расположенности от объекта уничтожения химического оружия // Развитие научной, творческой и инновационной деятельности молодежи: материалы VII Всероссийской научно-практической заочной конференции молодых ученых. – Лесниково: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т.С. Мальцева, 2015. – С. 84-87.

[7] Slazhneva S. S., Kozyreva Yu. V., Maurer M. A. Assessment of surface water quality (on the example of the Chumysh River) // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Vol. 14, No. 2. P. 296-311.

References:

[1] Karmanova A. A. Pollution of surface water bodies, main sources and pollutants//International Journal of Applied Sciences and Technologies Integral. 2020. № 1. S. 6.

[2] Darchidze G. Sources of pollution of surface waters, development of recommendations for their detection and development of prevention methods // Известия высоких технологий. 2024. No. 1(29). P. 91-97.

[3] Starchikova E. S. Modern Features of Surface Water Quality by Hydrochemical Indicators in River Waters of the Don and Kuban Deltas // Science prospects. 2022. No. 11(158). P. 66-68.

[4] Mammadzada S. Sh., Humbatov F. Y., Mustafayev I. I. Assessment of metal pollution in water and surface sediments of Goranchay River // Kimya Problemleri. 2021. Vol. 19, No. 2. P. 84-93.

[5] Ospan G., Ozgeldinov Zh., Sadvakasova S. Composition and spatial distribution of chemical elements in surface waters of the Nura river basin // Гидрометеорология и экология. 2025. No. 5(120). P. 34-40.

[6] Sedinkina M.G., Ilinykh A.V. Degree of pollution of surface waters of the Shchuchansky district of the Kurgan region, depending on the degree of location from the object of destruction of chemical weapons//Development of scientific, creative and innovative activities of youth: materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Correspondence Conference of Young Scientists. - Lesnikovo: Kurgan State Agricultural Academy named after T.S. Maltsev, 2015. - S. 84-87.

[7] Slazhneva S. S., Kozyreva Yu. V., Maurer M. A. Assessment of surface water quality (on the example of the Chumysh River) // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Vol. 14, No. 2. P. 296-311.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-444-450

КРАВЦОВ Денис Дмитриевич,
Студент 2-го курса магистратуры
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ПОНОМАРЕНКО Анатолий Васильевич,
Доцент – ВШЮиСТЭ, кандидат педагогических наук,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Аннотация. *В работе рассматривается существующая проблематика юридической ответственности за экологические правонарушения и преступления. Поднимается вопрос реализации превентивной функции административной ответственности, а также недостатки ее реализации. Анализируются существующие составы экологических правонарушений, предусмотренных ст. 8.21–8.23 КоАП РФ, предусмотренные ими виды наказания и их эффективность. Отмечается несоответствие размеров штрафов и тяжести причинённого вреда. Поднимается вопрос перераспределения доходов от штрафов в качестве поддержки компенсационных мероприятий по восстановлению состояния атмосферного воздуха. Рассматривается уголовная ответственность по ст. 251 УК РФ. Выделяется существующая проблематика: низкая правоприменительная практика, проблемы квалификации, отсутствия критериев разграничения между уголовным и административным составами. Вносятся предложения по непосредственному совершенствованию пробелов, оставленных законодателем.*

Ключевые слова*: Административно-правовая ответственность, экологические правонарушения, функции административно-правовой ответственности, перевенция, загрязнение атмосферного воздуха, эмиссия загрязняющих веществ, уголовная ответственность.*

KRAVTSOV Denis Dmitrievich,
Student, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:
PONOMARENKO Anatoly Vasilyevich,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University St. Petersburg, Russia

SOME PROBLEMS OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF LEGAL PROTECTION OF ATMOSPHERIC AIR

Annotation. *The paper examines the existing problems of legal liability for environmental offenses and crimes. The issue of the implementation of the preventive function of administrative responsibility, as well as the disadvantages of its implementation, is raised. The existing structures of environmental offenses provided for in Articles 8.21–8.23 of the Administrative Code of the Russian Federation, the types of punishment provided for by them and their effectiveness are analyzed. There is a discrepancy between the size of fines and the severity of the damage caused. The issue of redistribution of income from fines is being raised as support for compensatory measures to re-*

store the state of atmospheric air. Criminal liability is being considered under Article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation. The existing problems are highlighted: low law enforcement practice, qualification problems, lack of criteria for distinguishing between criminal and administrative structures. Proposals are being made to directly improve the gaps left by the legislator.

Key words*: Administrative and legal responsibility, environmental offenses, functions of administrative and legal responsibility, interference, air pollution, emission of pollutants, criminal liability.*

Охрана атмосферного воздуха в том числе обеспечивается посредством юридической ответственности. Одним из видов юридической ответственности является административно-правовая ответственность, декларированная Кодексом об административных правонарушениях (КоАП), так и региональными актами (ст. 1.1 КоАП РФ). На данный момент, В КоАП РФ содержится порядка 47 статей (ст. 8.1-8.49), регулирующих правонарушения в области охраны окружающей среды. Рассмотрим один из самых значимых объектов в области природопользования и охраны окружающей среды – атмосферный воздух.

Важной целью применения административного наказания как в целом, так и в частности, является предупреждения правонарушений. Хотя напрямую данная идея не вытекает из норм напрямую, ее легко можно рассмотреть в используемых формулировках, таких как «предотвращение отрицательных результатов хозяйственной деятельности организаций», «предотвращение экологически вредоносного воздействия хозяйственной и иной деятельности» и т.д. Защита окружающей среды невозможна без работающей превентивной функции, на уровне с карательной, восстановительной и воспитательной функции административной ответственности.

Реализуется она путем привлечения виновных к административной ответственности в случаях нарушения административно-правовых запретов, установленных государством и государственными органами, в частности. Ир есть смысл ее заключается в отрицательной оценке действия конкретного субъекта, заставляющая его изменить паттерны своего поведения в данной ситуации либо при наступлении подобных ситуаций в будущем. Еще одна причина ее значимости заключается в том, что экологические правонарушения своим составом взаимосвязаны с экологическими преступлениями, что создает проблему их разграничения. Верная юридическая оценка призвана способствовать реализации ряда принципов уголовного и административного законодательства [1, с. 32]. В литературе выделяют следующие критерии разграничения: по наличию или отсутствию общественной опасности совершенного деяния [2, с. 38], по наличию или отсутствию общественно опасных последствий [3, с. 162]. Представляется, что при вопросе разграничения стоит в первую очередь обращать внимание на последствия экологических правонарушений с точки зрения невозможности полного восстановления утраты объекта посягательства [4, с. 116]. Поэтому критерием разграничения должны быть степень и степень интенсивности вреда негативных последствий, нанесенных атмосферному воздуху и окружающей среде.

Проанализировав составы правонарушений в сфере охраны атмосферного воздуха, предусмотренных статьями 8.21-8.23 КоАП РФ, можно прийти к выводу что в большинстве своем они формальные. Объективная сторона отражается в действии, однако ст. 8.2 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» предусматривается и бездействие. Для правильной квалификации объективной стороны преступления, то есть совокупности общественно вредных бездействий и действий, требуется применения большого массива специальных актов, устанавливающих критерии безвредности для человека атмосферного воздуха, нормы предельно допустимых концентраций, методики расчета выбросов загрязняющих веществ и т. д. Перечень подобных актов действительно внушителен, только гигиенических нормативов, устанавливающих предельно допустимые концентрации различных вредных веществ в атмосфере, методик расчета и рекомендаций по измерению насчитывается более трехсот [5, с. 307]. Подобный разрозненный массив нормативных актов затрудняет процесс оценки степени загрязнения и на процедуру обращения в соответствующие инстанции для принятия решения о нарушении норм КоАП РФ и устранении причин загрязнения. Видится, целесообразно объединить все существующие экологические и гигиенические, а также технологические нормативы в единые нормативно правовые акты на региональном и федеральном уровне, а также ввести общие методики.

Субъектами данных составов правонарушений выступают физические лица (ч. 1 ст. 8.21, ст. 8.23 КоАП РФ), юридические лица (ст. 8.23 КоАП РФ), индивидуальные предприниматели (ч. 3 ст. 8.21 КоАП РФ), должностные лица (ч. 1 ст. 8.21, ст. 8.22 КоАП РФ). Субъективная сторона может характеризоваться как умыслом, так и неосторожностью, выраженной в небрежности.

В качестве санкции за факт загрязнения атмосферного воздуха КоАП РФ предусматри-

вает два вида административной ответственности: штраф или приостановление деятельности. Однако, анализ актуальной судебной практики показывает, что в качестве наказания в большинстве случаев назначается штраф. В связи с чем можно прийти к выводу, что никакой превентивной функции данный вид административной ответственности не выполняет. Юридические лица, понимая, что они будут оштрафованы, все равно продолжают чрезмерные выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух в отсутствии разрешения на выбросы.

Причина представляется во многом в несоответствии принесенного вреда и размере штрафа. Размер штрафа по ст. 8.21 КоАП РФ не превышает 250 000 тысяч рублей, что не только не соответствует тяжести вреда, но и не перекрывает условную выгоду юридических лиц.

Стоит отметить, что согласно ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ целью административных наказаний является предупреждение новых правонарушений. Наказания, назначаемы судом за совершение экологических правонарушений, в том числе и загрязнения атмосферного воздуха, сводятся к назначению штрафа. В следствии чего мы можем сделать вывод, что государство рассматривает штраф как способ превенции новых правонарушений и компенсационные мероприятия для восстановления нанесенного вреда в виде штрафа. Однако текущий размер штрафа едва ли может компенсировать принесенный атмосфере вред. И практика показывает, что он не только не способен возместить причинённый вред, но и создать гарантии соблюдения норм. В связи с чем можно прийти к выводу, что штраф не обеспечивает достижения цели административной ответственности.

Кроме штрафа, КоАП РФ предусматривает и иную форму ответственности в форме приостановления деятельности. В частности, в соответствии со ст. 8.21 КоАП РФ, за правонарушение может быть назначено приостановление деятельности на срок до 90 суток. Административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении деятельности юридических лиц. Однако, законодатель указывает два условия, при соблюдении которых может назначаться данный вид наказания: он должен быть предусмотрен статьей Особенной части КоАП РФ и менее строгий вид ответственности не может обеспечить выполнения цели административной ответственности. Видится, что приостановление деятельности является более действенным видом превентивной меры, способный существенно повлиять и на доход предприятий, и на предупреждение новых правонарушений.

Отдельно хотелось бы рассмотреть вопрос бюджетного распределения доходов от штрафов и возмещения вреда окружающей среды. В соответствии со ч. 10 ст. 46 БК РФ суммы судебных штрафов (денежных взысканий), налагаемых судами в случаях, предусмотренных КоАП РФ, подлежат зачислению в федеральный бюджет по нормативу 100 %. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 46 БК РФ суммы штрафов, установленных КоАП РФ, подлежат зачислению в федеральный бюджет по нормативу 100 % в случае, если постановления о наложении административных штрафов вынесены судьями федеральных судов [6]. Но административное правонарушение в данном случае наносит больший вред именно на территории конкретного субъекта и оказывает влияния на жизнь и здоровья жителей данного конкретного субъекта, и восстановление качества окружающей среды, в том числе атмосферного воздуха, в большей степени требуется в субъекта, в связи с чем наиболее правильным в данном контексте видится перераспределение этих средств в бюджет субъекта. Более того, этих средства должны использоваться строго целевым образом, направляя их на восстановление окружающей среды.

Подводя итог, можно сказать, что некоторые аспекты превентивной ответственности, отраженные в статьях КоАП РФ в сфере охраны атмосферного воздуха, не в полной мере раскрывают смысл превенции. В связи с важностью окружающей среды и атмосферного воздуха как среды обитания человека, помимо административной ответственности предлагается ввести помимо административной ответственности претензионный порядок возмещения вреда. При этом в самой претензии указывать различные формы возмещения вреда, заключенные не только в денежной форме, но и в различных компенсаторных мероприятиях. Видится, что подобный претензионный порядок будет способствовать превенции в сфере охраны атмосферного воздуха куда больше.

Далее, предлагаю прейти к уголовной ответственности в сфере правовой охраны атмосферного воздуха.

Высокая общественная опасность данного состава определяет необходимость установления уголовной ответственности за совершения данного посягательства, предусмотренного ст. 251 УК РФ. Диспозиция данной статьи изложена так: «Нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха». Однако стоит заметить, что число лиц, привлеченных к ответственности по данной статье крайне мало. Данные судебной практики позволяют оценить эффективность данного состава: «в 2015 г. – 2

человека, в 2016 г. – 1 человек, в 2017 г. – 2 человека, в 2018 г. – 3 человека, 2019 г. – 1 человек, в 2020 г. – 2 человека, в 2021 г. – 3 человека» [7]. Анализ демонстрирует крайне низкую правоприменительную практику, что может свидетельствовать о существенных недостатках, юридической неточности и несоответствии ст. 251 УК РФ текущей задаче по охране общественных отношений от преступного загрязнения атмосферного воздуха [8, с. 109].

Проблема квалификации затрагивает неточность формулировок, выработанных метеорологией и иными науками и используемых в данной статье. Отдельно хотелось бы остановиться на формулировке, где «выброс загрязняющих веществ» влечет загрязнение. Специалисты отмечают, что любой выброс, по своей сути и является загрязнением [9, с. 49]. Для того, чтобы определить момент окончания преступления видится необходимым указать в ч. 1 с. 252 УК РФ после слов иных объектов: «если данное деяния повлекло существенное загрязнение или иное изменение свойств атмосферы, влекущие или создающие угрозу здоровью людей, животных и растительному миру». Также, возможно стоит закрепить и конкретную количественную норму превышения, к примеру превышения предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных веществ в два раза. Таким образом, «любое превышение предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу является административно наказуемым, а содержание в воздухе загрязняющих веществ в результате выбросов, в концентрации в два раза превышающие предельно допустимые — уголовно-наказуемым».

Данное предложение поможет решить и другую проблему, а именно отсутствие критериев разграничения состава преступления, установленного ст. 251 УК РФ, и правонарушения, наказуемого с. 8.21 КоАП РФ. Основная проблема заключается в том, что составы между собой во многом идентичны, и единственным методом разграничения в данном случае может служить наступление негативных последствий, вызванных выбросами загрязняющих веществ. Однако, ст. 251 УК РФ не устанавливает конкретные негативные последствия и момент их наступления, что можно исправить приведенной мной поправкой.

Рассмотрим также вопрос оценки общественно опасных последствий, предусмотренных с. 251 УК РФ. В данном случае видно, что правоприменитель испытывает некоторые трудности квалификации деяния в отсутствии установленных уполномоченными органами критериев превышения гигиенических нормативов не на границе санитарно-защитной зоны, а «в жилой зоне; на территории, выделенной в документах градостроительного зонирования, решениях органов местного самоуправления для организации курортных зон, размещения санаториев, домов отдыха, пансионатов, туристских баз, организованного отдыха населения, в том числе пляжей, парков, спортивных баз и их сооружений на открытом воздухе, а также на территориях размещения лечебно-профилактических учреждений длительного пребывания больных и центров реабилитации» [10]. Стоит также отметить, что санитарно-эпидемиологические нормативные акты не содержат требований к поддержанию качества атмосферного воздуха за пределами этих зон. В связи с чем появляется вопрос о привлечении лиц при наличии аналогичного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ, вне указанных зон. К сожалению, на данном этапе природоохранное законодательство не содержит ответа на данный вопрос, что в свою очередь порождает ошибки в судебной практике [9, с. 14].

Таким образом, «вывод о преступном загрязнении воздуха можно сделать только в том случае, если превышение ПДК загрязняющих веществ установлено на селитебной территории или ее границе» [11, с. 14].

Значительные трудности также вызывает процесс квалификации преступления вызывает вопрос установления признаков субъективной стороны. О. Л. Дубовик пишет, что субъективная сторона: «умышленная или неосторожная вина, а в составах преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 251 УК РФ, – двойная форма вины» [12, с. 212].

Е. Ю. Бокуц предоставляет иную точку зрения, утверждая возможность квалификации посредством косвенного умысла, поскольку при наличии прямого умысла речь должна идти о другой квалификации деяния – или как посягательства на личность, или как террористического акта [13, с. 165]. Данная позиция не нова и вызывает серьезные споры в научном дискурсе. Причина заключается в том, что авторы зачастую игнорируют возможность ситуации, когда субъект сознательно уклоняется от исполнения установленных нормативных требований, обязывающих юр. лица очищать выбросы или иным образом снижать эмиссию вредных веществ в атмосферу, в целях сокращения собственных расходов и извлечения большей материальной выгоды от деятельности предприятия, заведомо понимая неизбежность негативных последствий. А неизбежность предполагает наличие только прямого умысла, о косвенном в данном случае говорить нельзя.

Конечно, сложно представить, что виновное лицо сознательно ставит перед собой цель в непосредственном загрязнении или ином изме-

нении свойств воздуха и избирает своей целью посягательство на жизнь и здоровье людей, общественную безопасность и т.д., в противном случае представляется возможным наличие совокупности с. 251 УК РФ с иными составами, однако это вопрос уже отдельного исследования.

Квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 с. 251 УК РФ, включает: «те же деяния, повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью человека». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, в п. 2 определяет: «под причинением вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных рядом статей, заключенных в главу 26 УК РФ, в том числе и ст. 251, понимается причинение вреда здоровью любой степени тяжести и любому числу лиц» [14]. Представляется необходимым приведение в соответствие с положениями определения вины в уголовно-наказуемых посягательствах на здоровье человека п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21.

Частью 3 ст. 251 УК РФ определяется уголовная ответственность лица за «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть человека». В то же время, стоит заметить, что последствия подобных преступлений, повлекших загрязнения атмосферы, проявляется далеко не сразу, а в течении длительного периода времени. Данное обстоятельство вызывает проблемы квалификации и определения причинно-следственной связи между фактом эмиссии загрязняющих веществ и причинению вреда здоровью человека, либо его смерти.

Подводя итог, для решения данной проблемы необходимо в краткие сроки вынести разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, способное в свою очередь вобрать в себя актуальные проблемы квалификации и должны основываться на практических предложениях, выделенных в научной доктрине. Отдельное внимание стоит уделить критериям разграничения составов уголовного преступления, определенного ст. 251 УК РФ, и административно наказуемого правонарушения, предусмотренного ст. 8.21 КоАП РФ. Обобщая проведенный анализ, представляется необходимым комплексные изменения, которые будут способны обрести эффективность, необходимую для данной нормы в условиях современного стремительного загрязнения воздуха. Также, многие сторонники введения уголовной ответственности для юридических лиц указывает на возможность комплексного решения вызванных проблем путем переориентации субъекта преступления, что позволит наиболее эффективно применять уголовное законодательство в борьбе с экологическими преступлениями [15, с. 123], подобно тому, как это реализовано во множестве крупнейших европейских стран.

В конце, стоит сказать, что на данный момент в законодательстве Российской Федерации существуют некоторые проблемы с определением ответственности, связанной с выбросами загрязняющих веществ в атмосферу. На уровне административно-правовой ответственности наблюдается слабые механизмы превенции административных правонарушений, на уровне уголовной ответственности наблюдается существенная неточность и неопределенность на уровне всего состава преступления.

Список литературы:

[1] Кузнецова, Н. И. Некоторые проблемы отграничения экологических преступлений от административных правонарушений в области охраны окружающей среды / Н. И. Кузнецова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 32–35

[2] Коробеев, А. И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний / А. И. Коробеев. – Хабаровск, 1986. – 79 с.

[3] Староверов, А. В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по объективным признакам состава / А. В. Староверов // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 160–162.

[4] Ткачева Наталья Викторовна АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-otvetstvennost-za-ekologicheskie-pravo-narusheniya-v-sfere-ohrany-atmosfernogo-vozduha-na-primere (дата обращения: 14.04.2026).

[5] Лисина, Н. Л. Концептуальные основы правовой охраны окружающей среды в городах: монография / Н. Л. Лисина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 432 с

[6] «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ [Электронный ресурс]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 14.04.2026).

[7] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]// URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 14.04.2026).

[8] Фролов, С. А. К вопросу о некоторых проблемах охраны уголовным законом атмосферного воздуха / С. А. Фролов // Юриспруден-

ция XXI века: позиции закона, доктрины и практики : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 01 марта 2023 года. – Иркутск: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. – С. 107-116. – EDN DXWLLH.

[9] Романова, Н. Л. Некоторые проблемы квалификации экологических преступлений / Н. Л. Романова // Особенности квалификации экологических преступлений: Сб. мат. межвуз. круг. стола, Иркутск, 26 октября 2018 г. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2018. – С. 48-51.

[10] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 N 3 (ред. От 14.02.2022) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» // Минюст РФ. 2021. № 62297.

[11] Попов, И. В. Как неверное толкование понятия «загрязнение атмосферы» влияет на законность приговоров по уголовным делам / И. В. Попов // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. – 2022. – С. 10-16.

[12] Дубовик, О. Л. Экологическое право в вопросах и ответах / О. Л. Дубовик, Л. Н. Чолтян // Москва: Изд-во Проспект. 2017. – 368 с.

[13] Бокуц, Е. Ю. Уголовно-правовая характеристика загрязнения атмосферы: автореф. дис. … канд. юр. наук: 12.00.08 / Е.Ю. Бокуц // Москва, 2017. – 219 с.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [Электронный ресурс]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ дата обращения: 14.04.2026).

[15] Фролов, С. А. Анализ законодательной инициативы по введению уголовной ответственности юридических лиц / С. А. Фролов // Верховный Суд Российской Федерации - высший судебный орган: взгляд молодых исследователей: Сб. мат. СПб: Центр науч-инф. тех. «Астерион», 2022. – С. 121-131.

References:

[1] Kuznetsova, N.I. Some problems of distinguishing environmental crimes from administrative offenses in the field of environmental protection/N.I. Kuznetsova//Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 1. - S. 32-35

[2] Korobeev, A.I. Criminality of socially dangerous acts/A.I. Korobeev. - Khabarovsk, 1986. – 79 c.

[3] Staroverov, A. V. Delimitation of crimes and administrative offenses on objective grounds of composition/A. V. Staroverov//Bulletin of Economic Security. – 2018. – № 3. - S. 160-162.

[4] Natalya Viktorovna Tkacheva ADMINISTRATIVE AND LEGAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES IN THE FIELD OF ATMOSPHERIC AIR PROTECTION (ON THE EXAMPLE OF THE CHELYABINSK REGION)//SUSU Bulletin. Series: Right. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-otvetstvennost-za-ekologicheskie-pravonarusheniya-v-sfere-ohrany-atmosfernogo-vozduha-na-primere (дата обращения: 14.04.2026).

[5] Lisina, N. L. Conceptual foundations of legal environmental protection in cities: monograph/N. L. Lisina. - M.: Yurlitinform, 2020. - 432 s

[6] “Budget Code of the Russian Federation” dated 31.07.1998 N 145-FZ [Electronic resource]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (circulation date: 14.04.2026).

[7] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation//Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]//URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (access date: 14.04.2026).

[8] Frolov, S. A. On the issue of some problems of protection of atmospheric air by criminal law/S. A. Frolov//Jurisprudence of the 21st century: positions of law, doctrine and practice: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 01, 2023. - Irkutsk: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion,” 2023. - S. 107-116. – EDN DXWLLH.

[9] Romanova, N. L. Some problems of qualification of environmental crimes/N. L. Romanova// Features of qualification of environmental crimes: Sat. mat. inter-universities. circle. table, Irkutsk, October 26, 2018 Irkutsk: VSI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. - S. 48-51.

[10] Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.01.2021 No. 3 (ed. 14.02.2022) “ On approval of sanitary rules and norms of SanPiN 2.1.3684-21 Sanitary and epidemiological requirements for the maintenance of territories of urban and rural settlements, for water bodies, drinking water and drinking water supply, atmospheric air, soils, living quarters, operation of industrial, public premises, organization and conduct of

sanitary - anti-epidemic (preventive) measures "// Ministry of Justice of the Russian Federation. 2021. № 62297.

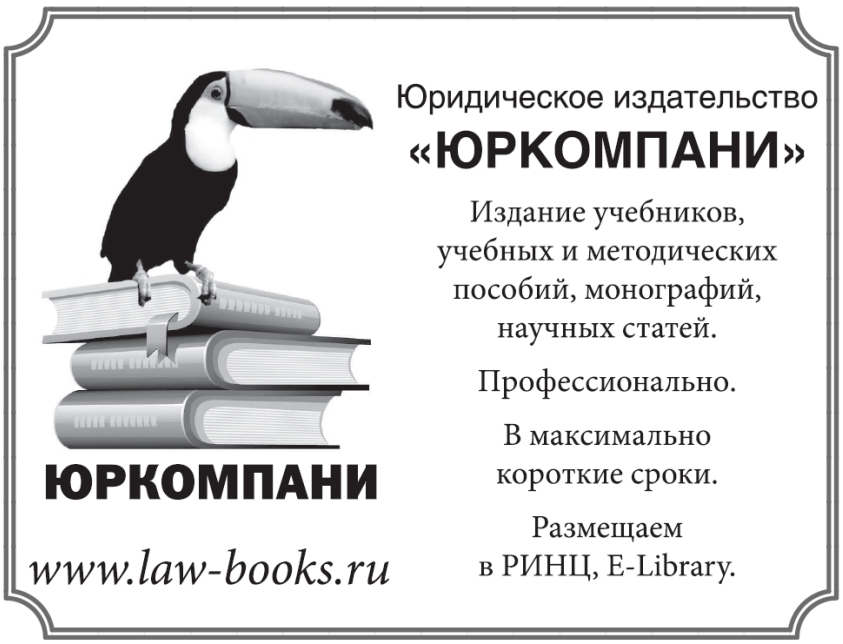
[11] Popov, I.V. How the misinterpretation of the concept of "atmospheric pollution" affects the legality of sentences in criminal cases/I.V. Popov//Actual problems of the criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation. – 2022. - S. 10-16.

[12] Dubovik, O. L. Environmental Law in Questions and Answers/O. L. Dubovik, L. N. Choltyan// Moscow: Prospekt Publishing House. 2017. - 368 p.

[13] Bokuts, E. Yu. Criminal law characterization of atmospheric pollution: abstract. dis... cand. jur. Sciences: 12.00.08/E.Yu. Bokuts//Moscow, 2017. - 219 s.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 No. 21 (ed. 15.12.2022) " On the Application by the Courts of Legislation on Liability for Violations in the Field of Environmental Protection and Nature Management" [Electronic Resource]//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ date of appeal: 14.04.2026).

[15] Frolov, S. A. Analysis of the legislative initiative to introduce criminal liability of legal entities/S. A. Frolov//The Supreme Court of the Russian Federation is the highest judicial body: the view of young researchers: Sat. mat. St. Petersburg: Center Scientific-Inf. tech. Asterion, 2022. - S. 121-131.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-451-458

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и
экономической теории,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
e-mail: ethos08@mail.ru
ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
e-mail: ethos08@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
e-mail: ethos08@mail.ru

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
e-mail: ethos08@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Актуальность темы обоснована значением земли и не только частной, но и публичной значимостью того, к какой категории земли относится тот или другой земельный участок. Сложно переоценивать важность земли – не восполняемого природного ресурса. С этой точки зрения земли сельскохозяйственного назначения обладают уникальной неповторимой природной способностью плодородия, определяющей возможность производства продуктов жизнеобеспечения, являясь важнейшей составной частью экологической системы. В ежегодном Послании Федеральному Собранию Президента России В.В. Путин, конкретизируя основные направления стратегического развития страны, отметил высокую важность развития земельного законодательства.*

В Российской Федерации земли сельскохозяйственного назначения занимают особое место в правовой системе и экономике страны. Эти территории предназначены преимущественно для производства сельскохозяйственной продукции, что делает их критически важными для обеспечения продовольственной безопасности нации. Правовой режим этих зе-

мель регулируется целым рядом законодательных актов, которые определяют порядок их использования, ограничения и предоставляемые возможности.

Однако, несмотря на строгость и детализацию нормативной базы, вопросы управления, использования и защиты земель сельскохозяйственного назначения остаются актуальными и спорными. Проблемы земельного управления, связанные с арендой, куплей-продажей и перераспределением земель, требуют постоянного внимания и корректировки законодательства. Это направление законодательной работы важно для поддержания устойчивого развития аграрного сектора и всей экономики страны в целом.

Целью исследования является проведение комплексного и всестороннего исследования проблем правового режима земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации.

Ключевые слова: *правовой режим, категория земель, оборот земель, земли сельскохозяйственного назначения, сельскохозяйственные угодья.*

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

PETROVA Lyubov Nikolaevna,
Senior Lecturer at the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

PECULIARITIES OF THE LEGAL REGIME OF AGRICULTURAL LANDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The relevance of the topic is justified by the importance of land and not only private, but also by the public significance of which category of land a particular land plot belongs to. It is difficult to overestimate the importance of land as an irreplaceable natural resource. From this point of view, agricultural lands have a unique inimitable natural fertility ability, which determines the possibility of producing life-support products, being an essential component of the ecological system. In the annual Message to the Federal Assembly of the President of Russia V.V. Putin, specifying the main directions of the country's strategic development, noted the high importance of developing land legislation.*

The specifics of the turnover of agricultural land are determined by the public nature of the regulation of land relations. A special legal regime has been established for this category of land for

the purposes of food security in Russia, which leads to the prevention of the withdrawal of these lands from agricultural circulation, as well as the implementation of development. According to articles 9, 36 of the Constitution of the Russian Federation, "land and other natural resources are used and protected in the Russian Federation as the basis of the life and activities of peoples living in the relevant territory," and the exercise of powers by land owners is limited by conditions of potential damage to the environment and violation of the rights and legitimate interests of others.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive and comprehensive study of the problems of legal regulation of agricultural land turnover in the Russian Federation.

Key words*: legal regime, land category, land turnover, agricultural lands, agricultural lands.*

В Российской Федерации земли сельскохозяйственного назначения подлежат специальному правовому режиму, который регулируется рядом законодательных и нормативных актов. Эти земли являются ключевым ресурсом для развития аграрного сектора экономики, обеспечения продовольственной безопасности страны и поддержания устойчивости сельских территорий. Основным нормативным актом, регулирующим использование и защиту земель сельскохозяйственного назначения, является Земельный кодекс Российской Федерации, а также ряд федеральных законов, таких как Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и другие [1, 2, 4, 5, 6].

Правовой режим этих земель охватывает вопросы целевого использования, ограничений и запретов на использование земли, порядка проведения земельных сделок и перехода прав собственности. Важным аспектом является охрана земель сельскохозяйственного назначения от деградации и засоления, а также меры по их мелиорации и повышению плодородия.

Примечательно, что в последние годы наблюдается укрепление контроля за, соблюдением законодательства в данной сфере. Правительство РФ активно работает над созданием условий для эффективного использования аграрных земель, введением инновационных технологий в области управления земельными ресурсами, что включает цифровизацию земельных отношений и усиление ответственности за нарушения земельного законодательства.

Таким образом, жесткий контроль и специализированный правовой режим направлены на поддержку и развитие сельского хозяйства в России, что важно как с точки зрения экономики, так и экологической безопасности.

Под правовым режимом понимается совокупность правовых норм, с помощью которых государство регулирует общественные отношения в определенной сфере. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения определяется Земельным кодексом РФ, Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и другими нормативными актами.

Земли сельскохозяйственного назначения – это земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. Они могут использоваться для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных лесных насаждений, научно-исследовательских, учебных целей, а также для целей аквакультуры, то есть рыбоводства. В составе земель данной категории Земельный кодекс РФ выделяет «сельскохозяйственные угодья, земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, лесными насаждениями, предназначенными для обеспечения защиты земель от неблагоприятного воздействия, водными объектами, а также зданиями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции» [1].

Данное определение не вызывает каких-либо дискуссий и обсуждений в юридической литературе. Вполне вероятно, это связано с тем, что выделение земель сельскохозяйственного предназначения как самостоятельной категории и определение их целевого назначения относится к периоду советского земельного законодательства, то есть исторически развивалось в процессе становления современного земельного права. Впрочем, стоит обозначить кое-какие замечания, существующие в научной литературе, о необходимости смыслового усовершенствования понятия [7].

Чаще всего, такие замечания касаются необоснованности в вышеприведенном определении отграничения земель сельскохозяйственного назначения именно по отношению населенных пунктов и вероятности двойственного толкования такого признака земель сельскохозяйственного назначения как принадлежность для использования в сельскохозяйственных целях.

О.И. Крассовым и Н.А. Голышевой высказано мнение, что законодателем не совсем верно были выделены земли сельскохозяйственного назначения только по отношению к землям населенных пунктов, поскольку, следуя изложенной логике достаточно отграничить эту категорию земель от иных категорий земель[10].

Также, они считают, что нужды сельского хозяйства способны удовлетворить земли, находящиеся в других категориях. Как следствие, признак, базирующийся на положение о том, что земли сельскохозяйственного назначения предоставлены исключительно для ведения сельского хозяйства теряет свою актуальность.

В процессе анализа позиций различных авторов по отношению к третьему признаку, следует выделить позицию Н.И. Краснова, который считает, что земли, предусмотренные для удовлетворения нужд сельского хозяйства, представляют собой земли, находящиеся в резерве для осуществления на них сельскохозяйственного производства[10].

Ввиду того, что земельное законодательство, на данный момент, не содержит положений, позволяющих резервировать земли сельскохозяйственного назначения для последующего применения в целях осуществления сельскохозяйственной деятельности, вышеприведенные выводы следует считать безосновательными [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что определение «земли сельскохозяйственного назначения» следует трактовать следующим образом: земли определенной категории, которые по определенным причинам не используемые для осуществления сельскохозяйственной деятельности в настоящий момент. Первоначально, такими землями являются земли фонда перераспределения.

Анализируя вышеприведенное определение, можно сделать вывод о том, что не искажая смысла легального определения, авторы уточняют отдельные моменты по содержанию, в частности, раскрывается понятие «нужды сельского хозяйства», «отграничение от иных категорий земель». Можно сделать вывод, что приведенное изложение термина «земли сельскохозяйственного назначения» является наиболее полным, исчерпывающим.

Булгаковым В.В. и Тарасовым Д.В., отмечается, что «установление специфического правового режима и охраны отдельных земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения обуславливается особой ценностью земли и ее важных значением при реализации деятельности в сфере сельского хозяйства» [7]

Авторами была отмечена особая ценность земель сельскохозяйственного значения для экономики страны, ее важность как ключевого средства для производства сельскохозяйственной продукции[9].

Отдельного внимания земли сельскохозяйственного значения требуют при рассмотрения экологического вопроса, поскольку неправильное использование земель такой категории может явиться причиной существенных изменений в структуре землепользования, приводящих к снижению качества почвы, падению плодородия, оказывает негативное воздействие на окружающую среду в целом.

В связи с этим не теряет своей актуальности вопрос рационального использования земель, так А.С. Стариковым и В.П. Самариным, данный вопрос был изучен детально и, как следствие, они пришли к следующим выводам: рациональное использование земель служит достижению единой цели по получению важного эффекта от хозяйственной эксплуатации земельных ресурсов при затратах минимального числа ресурсов, сопряженного с сохранением и улучшением качества земли в процессе ее использования [11]

Вышеприведенный принцип позволяет использовать земли сельскохозяйственного значения с материальной точки зрения более эффективно, при этом вред, причиняемый окружающей среде довольно минимален.

На сегодняшний день, подобное использование земель сельскохозяйственного назначения осуществляется на действии следующих принципов: сохранение целевого использования земель; установление предельного размера земельных участков, которые могут быть расположены в пределах одного муниципального района и на праве собственности у одного лица; установление преимущественного права субъектов РФ и муниципальных образований на покупку земельных участков из категории земель сельскохозяйственного назначения; преимущественное право участников долевой собственности на приобретении доли при ее отчуждении; специфические особенности предоставления земель сельскохозяйственного значения гражданам иностранных государств;

Таким образом, при определении понятия «земли сельскохозяйственного назначения» необходимо ввести в Земельный кодекс РФ следующую трактовку определения: «под землями сельскохозяйственного назначения необходимо понимать земли, предназначенные для осуществления растениеводства, животноводства, производства, хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, а также иных целей ведения сельскохозяйственного производства и отграниченные от земель иных категорий в порядке, предусмотренном действующим законодательством РФ».

Институт правового режима земель сельскохозяйственного назначения регулирует большое число вопросов, отдельное место занимает исследование проблем, связанных с оборотом и отчуждением такой категории земель. В этой связи следует рассмотреть особенности право-

вого статуса граждан при реализации прав в сфере оборота сельскохозяйственных земель. Статья 9 Конституции Российской Федерации гарантирует гражданину право на возможность нахождение земель сельскохозяйственного назначения в частной собственности. Следует сказать, что земли сельскохозяйственного назначения могут находиться как в индивидуальной, так и в общей долевой и общей совместной собственности, что прямо предусматривается нормами гражданского законодательства.

Следует сказать, что оборот земель сельскохозяйственного назначения допускается способами, предусмотренными законодательством, а именно: купля-продажа; аренда; предоставление гражданам РФ и юридическим лицам в собственность или в аренду земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в собственности государства или муниципального образования; наследование такой категории земель [4].

Статьей 77 Земельного Кодекса РФ дано определение понятия «земли сельскохозяйственного назначения», также определен состав таких земель, перечислены субъекты, имеющие право на использование земель сельскохозяйственного назначения[3].

К субъектам, обладающим прав на пользование землями сельскохозяйственного назначения следует отнести: граждан Российской Федерации, коммерческие и некоммерческие организации, зарегистрированные и осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации. Отдельное внимание необходимо уделить тому положению, что приобретать землю сельскохозяйственного назначения имеют право только граждане Российской Федерации, ведущие личное подсобное хозяйство или занимающиеся садоводством, животноводством, огородничеством.

Законодательством Российской Федерации определяется и то, что устанавливается предельных размер земельного участка, нахождение которого возможно у одного и того же собственника, местности, на территории которых такой участок предоставляется. Например, нормы пунктов 4 и 5 статьи 4 Федерального закона №112 «О личном подсобном хозяйстве» предусматривают, что предельный размер земельного участка, предоставляемого гражданам в собственность из имеющихся в государственной или муниципальной собственности земель с целью осуществления на них личного подсобного хозяйства, устанавливаются законодательными актами, издаваемыми органами местного самоуправления. Вместе с тем, следует сказать, что максимальный размер общей площади участка на одного человека не может превышать полгектара, указанный размер может быть увеличен на основании принятого субъектом закона, но не более, чем в 5 раз[5].

Реализуя право собственности следует соблюдать целевое назначение земель, которое заключается в использовании земельного участка в соответствии с теми целями, которые прямо предусматриваются законом, в случае с землями сельскохозяйственного назначения – осуществление растениеводство, животноводство, создание и эксплуатация производственной инфраструктуры сельского хозяйства. Назначение земельного участка может быть изменено только решением, издаваемым соответствующим органом исполнительной власти субъекта РФ.

Статья 40 Земельного кодекса РФ предоставляет собственникам, арендаторам, владельцам земельного участка, в том числе и из категории земель сельскохозяйственного назначения, комплекс общих прав. При этом следует учитывать, что комплекс общих прав применяется в тех случаях, когда он согласован с общим предназначением категории земель к которой принадлежит земельный участок, разрешенными способами использования земельного участка, которые ни в коем случае не могут причинить вред земле как разновидности природного объекта, не смогут привести земельный участок к деградации, загрязнению и иным негативным последствиям[1].

Федеральный закон «Об обороте сельскохозяйственных земель» от 24.07.2002 №101 предусматривает общий порядок, в соответствии с которым собственник имеет возможность зарегистрировать принадлежащие ему права на конкретный земельный участок. Основная цель анализируемого нормативно-правового акта сводится к распространению на использование и оборот земельных участков сельскохозяйственного назначения общих правил российского гражданского законодательства. Указанный закон содержит ограничения, касающиеся приобретения больших земельных участков одним субъектом, вместе тем, такая норма не имеет существенного значения в обороте, поскольку рынок не ограничен, ввиду того, что законодателем при внедрении такой нормы была учтена совокупность существующих финансовых и трудовых возможностей граждан при приобретении земельных участков из категории земель сельскохозяйственного назначения [4].

Важно перечислить и особенности возникновения и прекращения права собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения. Так, при приватизации земель

сельскохозяйственного назначения не допустимо изменять их целевое назначение. К специальным основаниям прекращения права собственности на земельные участки из категории земель сельскохозяйственного назначения следует отнести: например, земельный участок может быть изъят у собственника в судебном порядке при условии, если собственник использует его с нарушениями требований рационального использования, как следствие, повлекшее за собой существенное сокращение плодородия почв, ухудшение экологической обстановки, критерии перечисленным явлением устанавливаются нормативно-правовыми актами Правительства Российской Федерации, также изъятие возможно в том случае, когда он не используется по назначению, а именно для ведения сельскохозяйственного производства более, чем три года со дня приобретения лицом права собственности на такой земельный участок [2].

Следует проанализировать такое положение закона следующим образом: установление срока в 3 и более лет, на мой взгляд, все-таки становится преградой при реализации настоящего потенциала сельскохозяйственных земель. При осуществлении действий, направленных на отчуждение земельного участка, поиск покупателей, проведение торгов, с большей долей вероятности можно сказать о том, что проходит достаточно долгий период времени, в результате которого земля теряет свое назначение и свойства, которыми она обладает [3].

Относительно права граждан РФ на распоряжение земельным участком, то в этой связи осуществляя покупку земельного участка из категории земель сельскохозяйственного назначения необходимо учитывать, что муниципальное образование и субъект РФ ввиду ценности такой категории земель обладает преимущественным правом покупки такого земельного участка по цене по которой собственник земельного участка его реализует. Такое положение способствует обеспечению реализации мер, направленных на охрану земель сельскохозяйственного назначения от деградации, запустения, в тех случаях, когда существует угроза того, что отчуждение земельного участка может продлиться продолжительное время[1,4].

Также, законодательство обязывает лицо распорядиться земельным участком, или принадлежащей ему долей в случае, когда право собственности на такой земельный участок было приобретено гражданином иностранного государства, также, обязанность по распоряжению земельным участком установлена и в том случае, если при наследовании лицу земельный участок из категории земель сельскохозяйственного назначения по размеру превышает законодательно установленный размер земельного участка на одного собственника.

Как следствие, можно сказать о том, что земельное законодательство предусматривает специальные условия по приобретению права собственности и его последующей реализации, обусловленные значимостью земель сельскохозяйственного назначения в экономике России.

Вместе с тем, законодательство охраняет земли сельскохозяйственного назначения, осуществляется эта охрана и посредством установления ограничений свободной реализации земель такой категории, например, граждане иностранных государств могут иметь такие земли только на праве аренды, также, в отношении граждан Российской Федерации действуют предельные размеры земельного участка данной категории земель на одного собственника.

Также, следует отметить, что несмотря на разрешенное нахождение земель данной категории на праве собственности у физических лиц, все-таки прослеживается тенденция к тому, что государство стремится перевести земли категории земель сельскохозяйственного назначения в собственности крупных предпринимателей, имеющих более существенные возможности по обслуживанию и охране таких земель[2].

В последние годы вопросы совершенствования законодательства о землях сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации приобретают всё большую актуальность. Это обусловлено необходимостью адаптации правового поля к меняющимся экономическим, социальным и экологическим условиям, а также стремлением усилить защиту прав собственников и пользователей этих земель.

Одним из ключевых направлений развития законодательства является уточнение и расширение критериев отнесения земель к категории сельскохозяйственных. Такие изменения позволят более чётко регулировать использование земель, защищать их от неправомерного изъятия или изменения целевого назначения. Важным аспектом является также разработка мер, направленных на устойчивое использование земель, что включает в себя внедрение передовых агротехнологий и практик землепользования, улучшающих качество и плодородие почвы.

Кроме того, правовой подход к регулированию арендных отношений на земли сельскохозяйственного назначения подлежит доработке. Актуальными становятся вопросы гарантий прав арендаторов при смене собственников земель, особенности продления арендных договоров, а

также установление чётких механизмов ценообразования аренды, которые бы отражали как реальные рыночные условия, так и государственную политику в области сельского хозяйства.

Существенное внимание уделяется и упрощению процедур получения земельных участков для сельскохозяйственного использования, что может способствовать притоку инвестиций в аграрный сектор, повышению его эффективности и, как следствие, укреплению продовольственной безопасности страны.

Ожидается, что будущие изменения в законодательстве о землях сельскохозяйственного назначения будут также сфокусированы на усиленной защите прав коренных и малочисленных народов, резидентов сельских территорий, использование земель которыми основывается на традиционных для них подходах.

Таким образом, перспективы развития законодательства в сфере земель сельскохозяйственного назначения обнадёживают возможностью создания более гибкого, адаптивного к современным вызовам и справедливого правового механизма, который будет способствовать развитию аграрной отрасли и охране прав землепользователей.

Список литературы:

[1] Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 25.10.2001 №679 – ФЗ – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

[2] Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 N 264-ФЗ (последняя редакция)

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 №195 – ФЗ – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

[4] Об обороте земель сельскохозяйственного назначения [Текст]: Федеральный закон РФ от 24.07.2002 №101-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. - №30

[5] О личном подсобном хозяйстве [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 07.07.2003 №112 – ФЗ – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru

[6] О признаках использования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 23.04.2012 №369 – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

[7] Булгаков В.В., Тарасова Д.В. Понятие правовых форм использования земель [Текст] / В.В. Булгаков, Д.В. Тарасов // Вестник тамбовского университета. - 2013. - № 6 (122). - С. 207-213

[8] Булгаков В.В., Селенина А.В. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения [Текст] / В.В. Булгаков, А.В. Селенина // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2017. - № 2-6. - С. 69-71.

[9] Галенко Н. Н. Отдельные вопросы применения норм процессуального права [Текст]/ Н. Н. Галенко, Д. А. Ефремов // Современная экономика: обеспечение продовольственной безопасности: сб. науч. тр. IV Международной науч.-практ. конф. – Кинель : РИО СГСХА, 2017. – С. 96-100.

[10] Крассов О. И. Земельное право [Электронный ресурс] : учебник для студентов образовательных организаций, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация (степень) бакалавр) / О. И. Крассов. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва : Норма: ИНФРА-М, 2017. - 560 с.

[11] Стариков А.С., Самарин В.П. Проблемы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения [Текст] / А.С.Стариков, В.П. Самарин // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - № 4. - С. 1-8.

References:

[1] The Land Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation dated 10/25/2001 No. 679 – FZ – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: http://www.consultant.ru .

[2] Federal Law “On the Development of Agriculture” dated December 29, 2006 N 264-FZ (latest edition)

[3] Code of Administrative Offences of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation dated December 30, 2001 №195 – FZ – Access from the legal reference system “ConsultantPlus”. – Access mode: http://www.consultant.ru .

[4] On the turnover of agricultural land [Text]: Federal Law of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 101-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. - №30

[5] On personal subsidiary farming [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation

dated 07.07.2003 No. 112 – FZ – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: http://www.consultant.ru

[6] On the signs of the use of land plots, taking into account the specifics of agricultural production or other activities related to agricultural production in the subjects of the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/23/2012 No. 369 – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: http://www.consultant.ru .

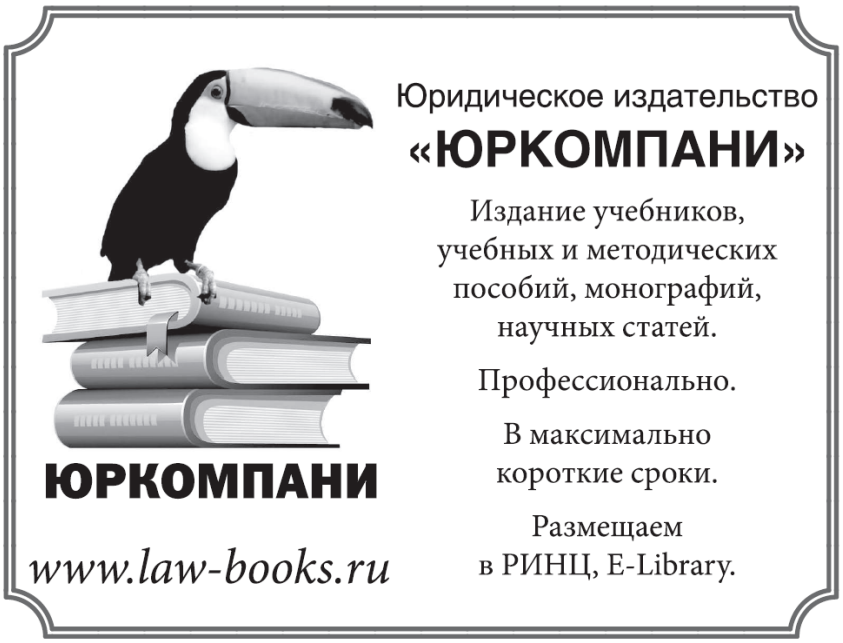
[7] Bulgakov V.V., Tarasova D.V. The concept of legal forms of land use [Text] / V.V. Bulgakov, D.V. Tarasov // Bulletin of the Tambov University. - 2013. - № 6 (122). - Pp. 207-213

[8] Bulgakov V.V., Selenina A.V. The legal regime of agricultural lands [Text] / V.V. Bulgakov, A.V. Selenina // Current trends in the development of science and technology. - 2017. - No. 2-6. - pp. 69-71.

[9] Galenko N. N. Selected issues of the application of the norms of procedural law [Text]/ N. N. Galenko, D. A. Efremov // Modern economics: ensuring food security: collection of scientific papers of the IV International Scientific and Practical Conference – Kinel: RIO SGSHA, 2017. – S. 96-100.

[10] Krassov O. I. Land law [Electronic resource] : textbook for students of educational organizations studying in the field of Law (bachelor's degree) / O. I. Krassov. - 5th ed., revised and add. Moscow : Norma: INFRA-M, 2017. 560 p.

[11] Starikov A.S., Samarin V.P. Problems of rational use of agricultural land [Text] / A.S.Starikov, V.P. Samarin // Modern problems of science and education. - 2012. - No. 4. - pp. 1-8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-459-461
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: olbyk75@mail.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,
кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: lopaeva77@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,
ассистент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ukrozhenkozoo@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры философии,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ

Аннотация*. Сельское хозяйство является основополагающим элементом общественного прогресса, гарантируя стабильность поставок продуктов питания и стимулируя рост экономики. Тем не менее, расширение объемов сельскохозяйственного производства и увеличение мирового населения оказывают возрастающее давление на окружающую среду, порождая ряд экологических вызовов, непосредственно связанных с эксплуатацией аграрной техники. В статье рассматривается влияние сельскохозяйственной техники на природную окружающую среду.*

Ключевые слова*: окружающая среда, негативное воздействие, сельскохозяйственная техника, почва, выбросы, негативное влияние.*

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

UKROZHENKO Daria Sergeevna,
Assistant of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Philosophy

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

IMPACT OF AGRICULTURAL MACHINERY ON THE ENVIRONMENT

Annotation. *Agriculture is a fundamental element of social progress, ensuring the stability of food supplies and stimulating economic growth. However, the expansion of agricultural production and the increase in the global population are putting increasing pressure on the environment, creating a number of environmental challenges directly related to the use of agricultural machinery. This article explores the impact of agricultural machinery on the natural environment.*

Key words*: environment, negative impact, agricultural machinery, soil, emissions, negative influence.*

В современных условиях невозможно представить функционирование аграрного сектора без активного использования разнообразных технологических решений. Современная агротехника, включающая как традиционные тракторы, так и новейшее оборудование, играет ключевую роль в увеличении урожайности и повышении эффективности сельскохозяйственного производства. Однако, несмотря на неоспоримые преимущества, вся эта техника оказывает значительное влияние на окружающую среду, причем не всегда положительное [1].

Современные сельскохозяйственные машины, такие как тракторы и комбайны, существенно повышают эффективность агропроизводства. Это достигается благодаря ускоренной обработке земель и быстрому выполнению агротехнических приемов. Таким образом, сокращение временных интервалов для посевных и уборочных работ, в сравнении с устаревшими подходами, способствует более рациональному применению пахотных угодий. К примеру, тракторы ускоряют механическую обработку грунта и засев, что, в свою очередь, ведет к росту выработки. Однако, массивное сельскохозяйственное оборудование может вызвать чрезмерное уплотнение почвы, негативно сказываясь на ее структуре и воздухообмене, а также увеличивая вероятность ветровой и водной эрозии. Помимо прочего, выхлопные газы от дизельных тракторов ухудшают качество атмосферного воздуха и способствуют увеличению концентрации парниковых газов [2].

Современные зерноуборочные машины значительно сокращают время, необходимое для сбора урожая, не только уменьшая объем потерь, но и оптимизируя применение имеющихся ресурсов. Большинство комбайнов оснащены продвинутыми системами слежения, которые дают возможность быстро принимать решения при обнаружении перемен в зрелости посевов. Тем не менее, эксплуатация данных агрегатов может спровоцировать уплотнение почвы и травмирование корневой системы не собранных растений, особенно во время повышенной влажности. Подобно тракторам, комбайны остаются источником выхлопных газов, оказывая тем самым неблагоприятное воздействие на окружающую среду.

Высокотехнологичные агрегаты для посева, оснащенные возможностью внесения семян, обеспечивают рациональное размещение посевного материала и уменьшают потребность в агрохимикатах. Применение сеялок, работающих при минимальной обработке грунта, благоприятно сказывается на сохранении его целостности и общем состоянии агроэкосистемы. Некорректная регулировка либо избыточное применение подоб-

ных машин чревато неравномерностью посева, что, в свою очередь, отрицательно влияет на конечный результат – урожайность. Вдобавок, оборудование, функционирующее под значительным давлением, способно деградировать структуру почвы, провоцируя ее уплотнение [3].

К инновационным решениям можно отнести системы точного земледелия, которые способствуют оптимизации использования таких ресурсов, как вода, питательные вещества и средства защиты растений. Это, в свою очередь, уменьшает экологический ущерб и сокращает попадание химических веществ в почву и водоемы. Применение агротехнических приемов, например как отвальная обработка почвы, способствует сохранению ее структуры и предотвращению деградации, что является критически важным для благополучия экосистем и обеспечения долгосрочной устойчивости сельского хозяйства [4, 5].

Для уменьшения отрицательного влияния сельскохозяйственного оборудования на окружающую среду, следует сконцентрироваться на ключевых аспектах. Во-первых, необходимо осуществить переход к передовым, устойчивым методам. Аграрный сектор должен усердно разрабатывать и применять более экологичные решения. Такие меры помогут сократить выбросы парниковых газов и уменьшить вред для природных систем. Во-вторых, повышение квалификации специалистов сельского хозяйства. Обучение и информирование работников может способствовать совершенствованию методов земледелия и снижению их негативного воздействия на природу. Это включает в себя обучение рациональному применению удобрений и средств защиты растений, а также внедрение методов регенерации почв [6].

Таким образом, при всей своей важности для развития аграрной сферы, сельскохозяйственная техника оказывает неоднозначное воздействие на природную среду. Понимание этого компромисса имеет решающее значение для выработки устойчивых подходов, позволяющих максимально эффективно использовать технологии, не нанося вреда экосистемам. Соблюдение принципов устойчивого сельского хозяйства требует стратегических инвестиций в инновационные разработки, образовательные программы и природоохранные проекты.

Список литературы:

[1] Савченко Ю. М.. Белокур Е. В. Модернизация сельского хозяйства // Экология и управление природопользованием : Сборник научных трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Томск: Общество с ограниченной ответственностью «Литературное бюро», 2025. С. 125-126.

[2] Пуляев Н. Н., Зарикеев А. Р. Трактора сельскохозяйственного назначения нового поколения // Наука без границ. 2020. № 5(45). С. 112-116.

[3] Негативное влияние сельскохозяйственной техники на почву в аспекте землеустройства и механизации сельского хозяйства / И. Н. Глушков, И. В. Герасименко, М. Р. Курамшин [и др.] // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-8. С. 91-93.

[4] Чайка Т. А. Исследование систем обработки почвы с целью повышения плодородия почв // Экологический Вестник Северного Кавказа. 2022. Т. 18, № 1. С. 23-31.

[5] Перспективы внедрения ресурсосберегающих технологий в сельскохозяйственных предприятиях России / Г. З. Ибиев, С. А. Скачкова, О. А. Савоськина [и др.] // Проблемы развития АПК региона. 2021. № 4(48). С. 67-78.

[6] Афанасьев В. Н., Козлова Н. П., Афанасьев А. В. Снижение негативного влияния машинных технологий в сельском хозяйстве на состояние окружающей среды // Технологии и технические средства механизированного производства продукции растениеводства и животноводства. 2013. № 84. С. 133-142.

References:

[1] Savchenko Yu. M.. Belokur E.V. Modernization of Agriculture//Ecology and Environmental Management: Collection of Scientific Works of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Tomsk: Literary Bureau Limited Liability Company, 2025. S. 125-126.

[2] Pulyaev N. N., Zarikeev A. R. Agricultural tractors of a new generation//Science without borders. 2020. № 5(45). S. 112-116.

[3] Negative impact of agricultural machinery on soil in terms of land management and agricultural mechanization/I. N. Glushkov, I. V. Gerasimenko, M. R. Kuramshin [et al.]//Trends in the development of science and education. 2023. № 93-8. S. 91-93.

[4] Chaika T. A. Study of soil tillage systems in order to increase soil fertility//Ecological Bulletin of the North Caucasus. 2022. T. 18, NO. 1. S. 23-31.

[5] Prospects for the introduction of resource-saving technologies in agricultural enterprises in Russia/G. Z. Ibiev, S. A. Skachkova, O. A. Savoskina [et al.]//Problems of the development of the agro-industrial complex of the region. 2021. № 4(48). S. 67-78.

[6] Afanasyev V.N., Kozlova N.P., Afanasyev A.V. Reducing the negative impact of machine technologies in agriculture on the environment//Technologies and technical means of mechanized production of crop and livestock products. 2013. № 84. S. 133-142.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-462-467

МУСАЕВ Умар Абусалахович,
Студент 2-го курса магистратуры
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОГЕЛЬ Алёна Александровна,
Доцент – ВШЮиСТЭ, кандидат технических наук
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОБОРОТ

Аннотация. *В работе рассматриваются особенности правового регулирования вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот. Обосновывается возможность вторичного использования отходов, исследованы понятия отходов производства и потребления, а также такой критерий отходов производства и потребления, как удаляемость. Проанализированы особенности нормативного регулирования экологического сбора как существующей меры ответственности за производство на «отходоемких» отраслях. Сделан вывод о том, что доля отходов, вовлекаемых во вторичный оборот в Российской Федерации, увеличивается незначительно на фоне стремительного увеличения количества отходов, ежегодно производимых российскими предприятиями. Предлагаются пути решения данной проблемы, в частности установление мер ответственности за невовлечение отходов во вторичный хозяйственный оборот.*

Ключевые слова: *отходы производства и потребления, удаляемость отходов, хозяйственный оборот, вторичное использование, переработка, экологические проблемы*

MUSAEV Umar Abusalakhovich,
Student Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
St. Petersburg, Russia

FOGEL Alena Alexandrovna
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE INVOLVEMENT OF PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE IN ECONOMIC TURNOVER

Annotation. *The article examines the existing features of the legal regulation of the involvement of production and consumption waste in economic turnover. The possibility of recycling waste is substantiated, the concepts of production and consumption waste are investigated, as well as such a criterion of production and consumption waste as removability. The features of the regulatory regulation of environmental collection as an existing measure of responsibility for production in "waste-intensive" industries are analyzed. It is concluded that the share of waste involved in secondary turnover in the Russian Federation increases slightly against the background of a rapid increase*

in the amount of waste produced annually by Russian enterprises. The ways of solving this problem are proposed, in particular, the establishment of liability measures for the involvement of waste in secondary economic turnover.

Key words*: production and consumption waste, waste removability, economic turnover, recycling, environmental problems.*

Основным законом Российской Федерации является ее Конституция, в которой закрепляются основные права и свободы человека и гражданина. Одним из таких прав является право каждого гражданина на оптимальную среду. Исследователи экологического права по-разному трактуют содержание права на оптимальную среду. Теоретики [5; 6; 7; 9] сходятся во мнении о том, что право на оптимальную среду неразрывно связано с понятием экологической безопасности, то есть, возможности личности проживания в таких условиях, которые позволяют вести комфортный образ жизни с учетом сложившейся вокруг экологической обстановки.

В последнее время вопрос экологического статуса личности стал объектом пристального внимания со стороны ученых. Во многом это связано с растущей обеспокоенностью общества относительно состояния окружающей среды. Экологическое состояние Российской Федерации оценивается различными экспертами как неблагополучное, что связано с тем, что значительная часть производства в государстве связана с «отходоемкими» отраслями экономики. Источниками негативного влияния на окружающую среду традиционно признаются отрасли черной металлургии, энергетики, нефтедобывающего комплекса экономики, а также транспортная инфраструктура и капитальное строительство.

Производство каждой отрасли экономики неразрывно связано с процессом образования отходов. Такие отходы подлежат утилизации с соблюдением определенных мер безопасности как для человека, так и для оптимальной среды. Но многие виды отходов производства и потребления могут быть вторично вовлечены в хозяйственный оборот, что значительно сокращает негативное влияние человека на оптимальную среду. Именно поэтому вопрос правового регулирования такого вовлечения является актуальной областью исследования с учетом сложившейся экологической обстановки, состояния экономики в Российской Федерации и всеобщей обеспокоенности экологической составляющей жизнедеятельности человека.

В области экологического права работало большое количество специалистов, исследующих вопросы возможности вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот. Гордеевой Е.М. и Макаренко Е.Н. [5; 7] изучался процесс вторичного использования отходов в странах Европы и в России. Лунева Е.В. [9, с. 14] занималась исследованиями нормативно-правовой базы в обеспечении рационального природопользования. Савенков Н.С. [6, с. 181] проанализировал теоретическую основу в области вовлечения отходов производства и потребления в оборот, предложил свое определение рассматриваемого понятия и обосновал, почему на законодательном уровне было необходимо закрепить классификацию отходов по степени опасности.

В ходе исследования вопроса особенностей правового регулирования вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот использованы общенаучные методы познания, такие как анализ и синтез информации, метод обобщения, а также методы классификации и сравнения. Метод классификации позволил определить вопрос деления отходов производства и потребления на группы в зависимости от степени их общественной опасности, а впоследствии – обозначить, что такое деление необходимо в том числе для определения возможности использования каждого вида отхода производства и потребления повторно. Кроме того, метод сравнения позволил понять о неразвитости системы вторичного использования отходов в Российской Федерации, в том числе по причине отсутствия эффективных технологий сбора отходов и их переработки.

На законодательном уровне вывод о неблагополучном состоянии окружающей среды в Российской Федерации содержится в Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года [1]. В данном нормативно-правовом акте указывается, что в последние годы наблюдается возрастающее негативное влияние человека на уровень экологической безопасности государства в целом и населения, а также негативное влияние антропогенной деятельности на климатическую обстановку в Российской Федерации. На этом фоне вопрос о правовом регулировании вторичного использования отходов производства и потребления является особенно актуальным, поскольку утилизация и переработка отходов с учетом степени их экологической опасности могут обеспечить человеку стабилизацию экологической обстановки.

Анализ правового регулирования вопроса утилизации и переработки отходов потребовал

изучения положений отраслевого федерального законодательства, в частности, Федерального закона от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [2].

Данным законодательным актом установлено легальное определение понятия отходов производства и потребления. Так, отходы производства и потребления – это вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению.

При этом в иных нормативных актах можно встретить другое определение рассматриваемого понятия. В частности, Федеральный закон от 24 июня 1998 года №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» регулирует вопросы обращения с отходами производства и потребления, включая их вовлечение в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья. Закрепляет принципы экономического регулирования, включая уменьшение количества отходов и вовлечение их в хозяйственный оборот, а также платность размещения отходов. Базовые нормативы платы за размещение отходов определяет Правительство РФ.

На основе рассматриваемых нормативно-правовых актов был сделан вывод о некоторых признаках, позволяющих отнести то или иное вещество к отходам производства и потребления:

Такие вещества (материалы, сырье и т.п.) должны быть образованы в процессе антропогенной деятельности, связанной с процессом производства и потребления. Собственно, сам процесс, в котором такие отходы были образованы, не имеет значения с точки зрения того, что производилось в таком процессе, как и для каких целей. Важным критерием является то, что такие отходы не представляют для человека никакой ценности. Так, отходы нельзя сделать объектом хозяйственного оборота (то есть, придать им экономическую ценность и, например, продать или обменять). По причине ненадобности такие отходы подлежат удалению в соответствии с положениями отраслевого федерального законодательства.

Удаление в этом смысле означает процесс, в результате которого отходы утрачивают связь с материальным миром.

Можно сделать вывод о том, что на основе сравнения двух легальных определений понятия отходов производства и потребления можно вывести ключевой критерий отнесения того или иного вещества к отходам производства и потребления – это их удаляемость.

Для целей определения возможности вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот законодателем разработаны отдельные классификации, позволяющие разделить отходы производства и потребления на видовые группы.

В аспекте рассмотрения особенностей правового регулирования вовлечения отходов в хозяйственный оборот, наиболее интересной представляется классификация отходов в зависимости от степени их общественной опасности [4].

Указанным законодательным актом отходы разделены на чрезвычайно опасные, высокоопасные, умеренно опасные, малоопасные и практически неопасные отходы.

Возможность вовлечения отходов в хозяйственный оборот во многом связана с вопросом о том, какие отходы признаются чрезвычайно опасными, высокоопасными и т.п. Отдельные отходы не подлежат вовлечению в хозяйственный оборот по причине того, что они обладают комплексом некоторых свойств, представляющих особую опасность для человека и окружающей среды, и повторное использование таких отходов способно нанести значительный вред как обществу, так и окружающей среде [5, с. 239]. Такие отходы подлежат только утилизации в формате захоронения, когда отходы частично удаляются, а продукты их распада оказывают негативное влияние только на определенную территорию, отделенную от территорий проживания человека, предприятий и т.п.

Стоит отметить, что для целей рассмотрения указанной темы исследования хозяйственным оборотом признается процесс вторичного использования отходов производства и потребления в экономической или иной деятельности человека, связанной с удовлетворением его потребностей в производстве ресурсов и их потреблении [6, с. 177].

Исследователями экологического права справедливо признается, что вовлечение отходов производства и потребления в хозяйственный оборот способно снизить негативное влияние антропогенной деятельности на окружающую среду. Кроме того, вторичное использование отходов может частично решить проблему исчерпаемости природных ресурсов, поскольку в отдельных отраслях экономики и производства отходы, которые могут быть использованы повторно, значительно снизят долю вовлекаемых в хозяйственный оборот первичных ресурсов при сохранении тех же объемов производства и той же доли получаемых на выходе продуктов производства [7, с. 50].

Необходимо предпринимать меры к стимулированию предприятий к вовлечению отходов производства и потребления во вторичный хозяй-

ственный оборот, поскольку повторное использование ресурсов нередко требует применения иных, более энерго- и ресурсно-затратных способов производства, что зачастую сопряжено с дополнительными финансовыми и иными расходами. Именно поэтому государство должно предлагать особые условия для предприятий, занятых вторичным использованием отходов, или устанавливать меры ответственности для тех экономических и производственных комплексов, которые не используют отходы повторно.

На законодательном уровне установлено, что при производстве упаковки, товаров, после утраты потребительских свойств которыми образуются отходы, которые представлены биоразлагаемыми материалами, производстве продукции, выполнении работ с использованием определенной доли вторичного сырья в их составе, перечни которых устанавливаются Правительством Российской Федерации, могут применяться следующие меры экономического стимулирования:

1) предоставление налоговых льгот в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах;
2) предоставление льгот в отношении платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов и в отношении уплаты экологического сбора, предусмотренного статьей 24.5 ФЗ «Об отходах производства и потребления», в порядке, установленном принимаемыми в соответствии с настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации;
3) предоставление средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

Отдельные положения федерального законодательства в части установления меры ответственности за невовлечение отходов во вторичный хозяйственный оборот конкретизированы постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке и условиях предоставления средств поступившего в федеральный бюджет экологического сбора» [8].

Экологический сбор представляет собой денежную сумму, взимаемую с тех предприятий, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от процесса производства. Данная мера является мерой ответственности для производственных комплексов, которые не заняты вопросами охраны окружающей среды и направлена на то, чтобы не допустить безнаказанности халатного отношения к вопросам экологической обстановки. Особенно актуальным это является для так называемых «отходоемких» предприятий, то есть, предприятий, на которых в процессе производства образуется значительное количество отходов, зачастую опасных для человека и общества.

Стоит также отметить, что денежные средства, полученные в качестве уплаты экологического сбора, распределяются федеральным бюджетом для финансирования процесса производства товаров на тех предприятиях, которые используют отходы повторно.

Можно сделать вывод о том, что экологический сбор является едва ли не единственной мерой, направленной на стимулирование предприятий к повторному использованию отходов производства и потребления.

Учитывая, что процесс вовлечения отходов во вторичный хозяйственный оборот нередко сопряжен с дополнительными финансовыми затратами на обустройство площадок переработки отходов, обустройства рабочих мест для сотрудников, обеспечивающих переработку отходов, а также реконструкцию и в принципе создание объектов переработки отходов, такая мера ответственности для предприятий, не занятых вторичным использованием отходов, может оказать значительную поддержку для тех экономических комплексов, которые используют технологии для вовлечения отходов в хозяйственный оборот.

Анализ особенностей правового регулирования в части вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот показал, что на законодательном уровне вопрос повторного использования отходов не регламентирован на достаточном уровне. Таким образом, необходимо законодательно урегулировать следующие вопросы вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот:

1) разработать критерии, по которым предприятия смогут определить, какие отходы могут быть вовлечены в хозяйственный оборот.

На данный момент в законе закреплена классификация отходов производства и потребления по степени их общественной опасности. Однако анализ действующего законодательства не позволил установить, существуют ли на данный момент критерии, позволяющие предприятиям определить, какие отходы производства и потребления подлежат вторичному использованию, а какие – только утилизации.

2) разработать дополнительные меры поощрения для тех предприятий, которые заняты процессом вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот.

Исследователи отмечают, что в настоящее время наиболее приоритетным вектором развития экономической системы государства является ее планомерное преобразование в экономику замкнутого цикла [9, с. 15]. Экономика, построенная по цикличной системе, имеет в себе следующие этапы обращения с ресурсами:

1) использование ресурсов в процессе производства и потребления;
2) бережное сохранение оставшихся ресурсов и продуктов их переработки, то есть, отходов производства и потребления;
3) использование отходов производства и потребления в хозяйственном обороте наряду с ресурсами первичного использования, что позволяет снизить негативное влияние человека на окружающую среду и обеспечить рациональное использование природных ресурсов, многие из которых являются исчерпаемыми.

Меры стимулирования к вовлечению отходов производства и потребления в хозяйственный оборот должны отвечать критериям экономики замкнутого цикла, поскольку именно экономика, построенная по такому принципу, позволяет сохранить темпы производства при бережном отношении к окружающей среде.

Несмотря на предпринимаемые в Российской Федерации меры к стимулированию вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот, доля отраслей экономики, где предприятия заняты повторным использованием отходов, растет незначительно. Во многом это связано с недостаточным правовым регулированием данного вопроса. Решению проблемы в этой части может поспособствовать планомерное изучение исследователями существующего законодательства на предмет выявления пробелов в правовом регулировании и их устранение.

Необходимым является разработка достаточной нормативной базы в вопросе обеспечения вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот, поскольку в настоящее время критерии, по которым можно определить возможность повторного использования отходов производства и потребления, не установлены.

Список литературы:

[1] Об утверждении Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

[2] Об отходах производства и потребления : федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ [Электронный ресурс]. – 1998. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

[4] Об утверждении Критериев отнесения отходов к I-V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду : приказ Минприроды России от 4 декабря 2014 г. № 536 [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

[5] Гордеева Е.М. Регулирование деятельности по обращению с отходами: мировые тренды и опыт Европейского Союза / Е.М. Гордеева // Теоретическая и прикладная экология. – 2020. – № 4. – С. 237-241.

[6] Савенков Н.С. О понятии и классификации отходов производства и потребления / Н.С. Савенков // Молодой ученый. 2022. № 12 (407). – С. 176-179.

[7] Макаренко Е.Н. Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства: российский и европейский опыт / Е.Н. Макаренко // Регионология . – 2023. – №2 (123). – С. 47-55.

[8] О порядке и условиях предоставления средств поступившего в федеральный бюджет экологического сбора : постановление Правительства Российской Федерации от 25 марта 2022 года № 467 [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

[9] Лунева Е.В. Правовые запреты и ограничения в обеспечении рационального природопользования / Е.В. Лунева // Lex Russica. – 2022. – №11 (192). – С. 11-17.

References:

[1] On approval of the Environmental Safety Strategy for the period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176 “On the Environmental Safety Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025” [Electronic resource]. – 2017. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 26.11.2024).

[2] On production and consumption waste: Federal Law No. 89-FZ of 24 June 1998 [Electronic Resource]. – 1998. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 26.11.2024).

[3] On amending certain legislative acts of the Russian Federation and invalidating certain provi-

sions of legislative acts of the Russian Federation on the protection of the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 317-FZ of November 25, 2013 [Electronic Resource]. – 2013. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 26.11.2024).

[4] On approval of the Criteria for classifying waste as hazard classes I-V according to the degree of negative impact on the environment: Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated December 4, 2014 No. 536 [Electronic resource]. – 2014. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 26.11.2024).

[5] E.M. Gordeeva. Regulation of waste management activities: global trends and experience of the European Union/E.M. Gordeeva//Theoretical and applied ecology. – 2020. – № 4. - S. 237-241.

[6] Savenkov N.S. On the concept and classification of production and consumption waste/N.S. Savenkov//Young scientist. 2022. № 12 (407). - S. 176-179.

[7] E.N. Makarenko. Involvement in the economic turnover of production waste: Russian and European experience/E.N. Makarenko//Regionology. – 2023. – №2 (123). - S. 47-55.

[8] On the procedure and conditions for the provision of funds from the environmental fee received in the federal budget: Decree of the Government of the Russian Federation of March 25, 2022 No. 467 [Electronic resource]. – 2014. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 26.11.2024).

[9] E.V. Luneva. Legal prohibitions and restrictions in ensuring rational use of natural resources/E.V. Luneva//Lex Russica. – 2022. – №11 (192). - S. 11-17.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-468-473
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail:olbyk75@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: alexeystepanow@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: eva.mats@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения
государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ГРУЗОВЫХ ПЕРЕВОЗОК НА СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА

Аннотация. *Сохранение качества атмосферного воздуха является одним из приоритетных направлений государственной экологической политики Российской Федерации. Ежегодные валовые выбросы загрязняющих веществ в крупнейших агломерациях Челябинской области превышают 50 тысяч тонн в год, существенная часть которых формируется за счёт транспортных средств. Для городов с развитой железнодорожной инфраструктурой характерна дополнительная нагрузка от маневровых и магистральных тепловозов, осуществляющих грузовые перевозки. Целью исследования являлась экологическая оценка деятельности предприятия железнодорожных грузовых перевозок и его влияния на воздушную среду г. Троицка. Установлено, что содержание взвешенных веществ, диоксида азота, диоксида серы, свинца находилось в пределах установленных ПДК. Максимальное приближение к нормативу зафиксировано для диоксида азота в жилой зоне.*

Ключевые слова*: железнодорожный транспорт, атмосфера, воздух населенных пунктов, экологический контроль, экотоксиканты.*

BYKOVA Olga A.,
doctor of agricultural sciences,
professor of the Department
of biotechnology and food products,
Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey V.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SMIRNOVA Ekaterina S.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva V.,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Theory,
Methodology and Legal Support
of Public and Municipal Administration,
Ural Federal University

ENVIRONMENTAL IMPACT OF RAILWAY FREIGHT TRANSPORTATION ENTERPRISES ON THE STATE OF THE ATMOSPHERIC AIR OF A SETTLEMENT

Annotation. *Maintaining air quality is a priority for the Russian Federation's national environmental policy. Annual gross pollutant emissions in the largest metropolitan areas of the Chelyabinsk region exceed 50,000 tons per year, a significant portion of which is generated by transport. Cities with developed rail infrastructure typically experience additional emissions from shunting and mainline diesel locomotives used for freight transportation. The aim of the study was to conduct an environmental assessment of the operations of a rail freight transportation company and its impact on the air in Troitsk. It was found that suspended solids, nitrogen dioxide, sulfur dioxide, and lead levels were within established maximum permissible concentrations (MPCs). Nitrogen dioxide levels were closest to the standard in residential areas.*

Key words: *railway transport, atmosphere, air of populated areas, environmental control, ecotoxicants.*

Введение

Сохранение качества атмосферного воздуха является одним из приоритетных направлений государственной экологической политики Российской Федерации. Право граждан на благоприятную окружающую среду закреплено статьей 42 Конституции РФ. Базовым законодательным актом в данной сфере выступает Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который устанавливает обязанности юридических лиц по соблюдению нормативов допустимого воздействия. Специализированное регулирование в области охраны атмосферного воздуха осуществляется Федеральным законом от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (в действующей редакции). В соответствии со статьей 14 данного закона, выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух стационарным источником допускается только на основании разрешения, в котором установлены предельно допустимые выбросы (ПДВ). Кроме того, обязательным является соблюдение санитарно-эпидемиологических требований (СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания»), а также выполнение мероприятий по сокращению выбросов в периоды неблагоприятных метеорологических условий (НМУ) согласно Административному регламенту Росприроднадзора [1,2,3,4,5,6].

В условиях усиления государственного надзора (включая систему автоматического контроля выбросов для объектов I категории) вопрос реального воздействия промышленных предприятий на атмосферный воздух малых и средних городов приобретает особую остроту. ОАО «РЕФСЕРВИС» (г. Троицк) является предприятием, осуществляющим ремонт и обслуживание подвижного состава, что связано с работой источников выделения загрязняющих веществ: оксидов азота, углерода, серы, летучих органических соединений и взвешенных частиц. Целью настоящей работы являлась экологическая оценка деятельности предприятия железнодорожных грузовых перевозок и его влияния на воздушную среду г. Троицка.

Материалы и методы

Материалом для исследования служили пробы атмосферного воздуха, отобранные согласно РД 52.04.186-89 «Руководство по контролю загрязнения атмосферы». Отбор проб атмосферного воздуха проводили в жилом секторе поселка Гончарка в 800 м от предприятия (проба 1) и на территории санитарно-защитной зоны (СЗЗ) предприятия (проба 2). На каждой площадке пробы отбирали на трёх высотах от поверхности земли: 0,5 м (зона дыхания детей), 1,5 м (зона дыхания взрослых), 3,0 м (верхний слой, для оценки вертикального градиента). Контролируемые показатели: взвешенные вещества (ВВ), диоксид азота (NO_2), диоксид серы (SO_2), свинец (Pb).

Оценку качества атмосферного воздуха проводили согласно СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий». Все концентрации сопоставлены с ПДКм.р. и фоновыми значениями.

Концентрацию диоксидов серы и азота устанавливали фотоколориметрическим методом с использованием пленочных хемосорбентов, свинца – с применением твердого сорбента по реакции с дитизоном. Взвешенные вещества улавливали при помощи фильров АФА-ВП. Полученные результаты исследований сравнивали с ПДК атмосферного воздуха для населенных пунктов.

Анализ проб проводили в трехкратной повторности. Статистическую обработку полученных результатов проводили с помощью компьютерной программы «Excel».

Результаты

Согласно официальным сводкам природоохранных ведомств, ежегодные валовые выбросы загрязняющих веществ в крупнейших агломерациях Челябинской области превышают 50 тысяч тонн в год. Существенная часть этих объёмов формируется за счёт передвижных источников, прежде всего транспортных средств. Для городов с развитой железнодорожной инфраструктурой характерна дополнительная нагрузка от маневровых и магистральных тепловозов, осуществляющих грузовые перевозки.

Продукты сгорания топлива (выхлопные газы) инициируют цепь окислительных реакций, что ведёт к снижению доли свободного кислорода в приземном слое атмосферы. Хроническое вдыхание таких смесей провоцирует нарушения в работе дыхательной, кровеносной и нервной систем, повышая риск профессиональных и общих заболеваний.

Поэтому систематическое наблюдение за качеством воздушной среды и соблюдение нормативов выбросов являются одними из главных условий экологической безопасности населения Челябинской области, включая территорию г. Троицка.

Процедура экологического мониторинга включает обязательное количественное определение ряда ингредиентов, накопление которых в атмосферном воздухе сверх допустимых пределов служит прямым следствием человеческой деятельности. На предприятиях железнодорожного грузового транспорта в процессе движения подвижного состава, а также при ремонтных и сервисных работах в атмосферу выделяются: диоксид азота (NO_2), диоксид серы (SO_2), твёрдые взвешенные частицы, а также соединения свинца (Pb). Именно эти вещества были выбраны в качестве контрольных показателей.

В исследовании сравнивали две точки отбора: граница санитарно-защитной зоны (СЗЗ) предприятия (проба № 2) и жилая застройка г. Троицка (проба № 1). Зафиксированные концентрации сопоставлены с предельно допустимыми значениями (ПДК, СанПиН 1.2.3685-21) и региональным фоновым уровнем. Для оценки вертикального градиента пробы отбирали на высотах 0,5м, 1,5м и 3,0м в зимний период, а также проводили сравнения с летними замерами на стандартной высоте 1,5м. Полученные результаты отражены в *таблице 1* (взяты базовые пробы на высоте 1,5 м в среднем по сезонам года).

Таблица 1. Содержание второстепенных компонентов в воздушной среде г. Троицка, мг/м³

Проба	Показатель			
	Взвешенные вещества	Диоксид азота	Диоксид серы	Свинец
Проба № 1	0,19 ±0,01	0,079 ±0,003	0,032 ±0,002	0,00036 ±0,00002
Проба № 2	0,45 ±0,03	0,027 ±0,001	0,033 ±0,002	0,00031 ±0,00002
ПДК	0,50	0,085	0,500	0,00050
Фоновое содержание	Менее 0,15	0,016	0,012	0,00010

Результаты исследований свидетельствуют о том, что концентрация взвешенных веществ на границе СЗЗ была ниже ПДК на 10%, однако превышала фоновое содержание в 3 раза. В жилой зоне содержание взвешенных веществ в воздушной среде составило 38% от норматива и было незначительно выше фона. Снижение концентрации от границы СЗЗ к жилой зоне составляет 58%, что свидетельствует о рассеивании выбросов.

Наибольшая концентрация диоксида азота зафиксирована в жилой зоне – 0,079 мг/м³, что составляет 93% от ПДК (0,085 мг/м³) и превышает фоновое значение (0,016 мг/м³) почти в 5 раз. На границе СЗЗ концентрация NO_2 (0,027 мг/м³) значительно ниже – лишь 32% от ПДК. Такое распределение может объясняться наложением потоков от предприятия и других источников (автотранспорт, отопление) в селитебной зоне, а также особенностями розы ветров.

Концентрации диоксида серы в обеих пробах близки: 0,032–0,033 мг/м³, что составляет всего 6–7% от ПДК (0,500 мг/м³). Фоновое содержание – 0,012 мг/м³. Уровни SO_2 находятся в пределах нормы и не создают угрозы для населения. Превышение над фоном примерно в 2,7 раза, однако абсолютные значения низки.

Содержание свинца в жилой зоне – 0,00036 мг/м³, на границе СЗЗ – 0,00031 мг/м³, что значительно ниже ПДК (0,0005 мг/м³): 72% и 62% от норматива соответственно. Фоновое содержание – 0,00010 мг/м³. Превышение над фоном в 3–3,6 раза указывает на техногенное происхождение свинца (вероятно, от выбросов при работе тепловозов или сварочных постов). Тем не менее, гигиенический норматив не нарушен. Уровень содержания свинца в воздухе жилой зоны был несколько выше этого показателя на границе СЗЗ, что объясняется способностью тяжелых металлов переноситься в виде мелкодисперсных

частиц на 300–500 м от источника выброса и дополнительным вкладом от автотранспорта в жилой зоне.

Распределение концентраций по высоте зависит от плотности газа и характера источника выбросов. Результаты исследований вертикального распределения загрязняющих веществ в зимний период свидетельствуют о том, что концентрация взвешенных веществ в воздушной среде на границе СЗЗ на высоте 0,5 м незначительно превышала ПДК (на 2%), на высоте 1,5 и 3 м – снижалась и составляла 90 и 76 % от ПДК, в жилой зоне – находилась в пределах допустимого значения и уменьшалась к 1,5 и 3 м на 14 и 32 % относительно нижней точки отбора. Возможной причиной такого вертикального распределения концентрации взвешенных веществ считаем низкую высоту организованных источников их поступления на предприятии, таких как открытые разгрузочно-погрузочные площадки, перемещение сыпучих грузов, проезд тепловозов по неасфальтированным путям. Частицы пыли поднимаются на небольшую высоту до 0,5–1 м и оседают в зоне дыхания. В результате работ, производимых на сварочных и заточных постах, мелкодисперсная пыль выбрасывается практически на уровне земли. Вторичное пылеобразование происходит зимой из-за малого количества осадков и становится источником ресуспензии. Концентрация взвешенных веществ уменьшается с увеличением высоты во всех зонах, по нашему мнению, в связи с тем, что крупные частицы под действием гравитации оседают быстрее, не достигая уровня взрослого человека.

Содержание NO_2 в воздухе жилой зоны на высоте 0,5 м достигало предельно допустимый уровень, на высоте 1,5 и 3 м – снижалось до 93 и 82 % от ПДК, на границе СЗЗ – было ниже предельно допустимого значения в 3-4 раза. Диоксид азота по большей части скапливается в приземном слое атмосферы вследствие более высокой плотности относительно воздуха, поэтому в безветренных условиях, особенно зимой, он «стелется» у земли. В жилой зоне его концентрация оказалась выше, чем на границе СЗЗ в связи с тем, что большинство выбросов NO_2 происходит на высоте выхлопной трубы тепловоза (примерно 2–3 м), и до уровня 0,5 м на территории предприятия газ не успевает опуститься из-за начальной турбулентности. В жилой зоне же к осевшим с предприятия собственным выбросам тепловозов при маневровых работах добавляется вклад автотранспорта (в жилой зоне проходит дорога с интенсивным движением).

Уровни содержания свинца и SO_2 в воздухе не превышали допустимых значений в обеих зонах и на всех высотах. При этом но на высоте 0,5 м их содержание оказалось максимальным, что возможно объяснить гравитационным оседанием аэрозолей: свинец содержится в выхлопах дизельных двигателей (присадки к топливу, смазочные материалы) и конденсируется на мелкодисперсных частицах, которые также опускаются вниз.

Анализ сезонной динамики показал, что в летний период в воздушной среде содержались более низкие концентрации для большинства компонентов за счёт усиленной вертикальной турбулентности и отсутствия отопительных систем. Концентрация диоксида азота в жилой зоне и на границе СЗЗ предприятия летом была ниже зимнего значения в 2 и 1,4 раза соответственно благодаря усилению вертикального перемешивания и снижению нагрузки от отопления. Кроме того, летом под действием солнечного света и повышенных температур NO_2 активно участвует в фотохимических реакциях (превращается в озон и другие оксиды). Период полужизни NO_2 летом – несколько часов, зимой – несколько суток. Это объясняет, почему летом даже при сохранении объёмов выбросов концентрация NO_2 падает. Содержание диоксида серы в воздухе обеих зон в течение года имело аналогичную динамику (в 1,8-1,6 раза ниже зимнего значения) несмотря на то, что диоксид серы инертен по отношению к фотохимии, его основной механизм удаления – сухое осаждение и дожди. Зима в Троицке сухая (осадки преимущественно в виде снега), поэтому накопление SO_2 менее зависит от сезона, чем у NO_2.

Воздух жилой зоны и на границе СЗЗ предприятия летом содержал взвешенных веществ в 1,2 и 1,7 раза меньше относительно зимнего периода, что объясняется уменьшением выбросов от котельных и меньшей ресуспензией.

Концентрация свинца в воздухе жилой зоны и на границе СЗЗ предприятия снижалась летом в 1,8 раза по сравнению с зимним значением, что характерно для металлов, оседающих преимущественно в холодный период из-за инверсий. Снижение концентраций свинца и взвешенных веществ в воздушной среде летом связано с лучшими условиями рассеивания (вертикальная конвекция), снижением вклада котельных и отопления, частыми дождями, вымывающими частицы.

Более высокие значения исследуемых показателей в зимний период можно объяснить образованием инверсионных слоев в равнинной части Челябинской области, включая Троицк, когда холодный воздух задерживает примеси в приземном слое, препятствуя вертикальному рассеиванию. При низких температурах выхлопные газы тепловозов хуже поднимаются, дольше остаются в зоне дыхания. Кроме того, зима это отопитель-

ный сезон и помимо технологических выбросов в воздушную среду добавляются выбросы от котельных. В жилой зоне – печное отопление частного сектора.

Заключение

При сравнении проб № 1 (жилая зона) и № 2 (граница СЗЗ) выявлены следующие закономерности. Уровень содержания взвешенных веществ выше на границе СЗЗ (0,45 мг/м^3 против 0,19 мг/м^3), что ожидаемо для зоны непосредственного влияния предприятия. Концентрация диоксида азота была выше в жилой зоне (0,079 против 0,027 мг/м^3), что может быть связано с дополнительным вкладом автотранспорта или отопительных систем. Количество диоксида серы было практически одинаковым в обеих точках (около 0,032–0,033 мг/м^3). Свинца содержалось несколько больше в атмосферном воздухе жилой зоны (0,00036 против 0,00031 мг/м^3), но разница незначительна.

Важно отметить, что ни одна из проб не превысила установленные ПДК. Максимальное приближение к нормативу зафиксировано для диоксида азота в жилой зоне (93% ПДК). По всем остальным показателям запасы безопасности составляют от 10% (взвешенные вещества на СЗЗ) до 94% (диоксид серы).

Сравнение с фоновыми концентрациями показывает, что деятельность предприятия вносит заметный вклад в загрязнение атмосферы по взвешенным веществам (превышение фона в 3 раза на СЗЗ), свинцу (превышение в 3 раза) и диоксиду серы (в 2,7 раза). Однако, поскольку абсолютные значения остаются в пределах санитарно-гигиенических норм, прямое негативное воздействие на здоровье населения в штатном режиме не подтверждается.

Предприятие железнодорожных грузовых перевозок в г. Троицке оказывает измеримое, но допустимое воздействие на атмосферный воздух. Наибольшую обеспокоенность вызывает накопление диоксида азота в жилой зоне, требующее дополнительного исследования с учетом других источников.

Список литературы:

[1] Пащенко Л. В., Потапенко В. И. Загрязнение атмосферы предприятиями железнодорожного транспорта // Сборник научных трудов ДОНИЖТ. 2017. №47. С. 48-50.

[2] Буянова К.А., Шляхова М.А. Влияние железнодорожного транспорта на окружающую среду // Молодой ученый. 2025. № 26 (577). С. 118-121.

[3] Практическая экология на железнодорожном транспорте: учебное пособие. М.: Учебно-методический центр по образованию на ж-д транспорте. 2013. 277 с.

[4] Железнодорожный транспорт: Научно-теоретический технико-экономический журнал/ Орган Министерства Путей Сообщения. М. : Транспорт. 2006. №2. С.60-65.

[5] Клочкова Е.А. Промышленная, пожарная и экологическая безопасность на железнодорожном транспорте. М.: УМЦ ЖДТ, 2008. С. 456.

[6] Малов Н. Н., Коробов Ю. И. Охрана окружающей среды на железнодорожном транспорте. М.: Транспорт, 2004. С. 238.

References:

[1] Pashchenko L. V., Potapenko V. I. Air pollution by railway transport enterprises//Collection of scientific works DONIZHT. 2017. №47. S. 48-50.

[2] Buyanova K.A., Shlyakhova M.A. Influence of railway transport on the environment//Young scientist. 2025. № 26 (577). S. 118-121.

[3] Practical Ecology in Rail Transport: A Study Guide. M.: Educational and methodological center for education on railway transport. 2013. 277 pp.

[4] Railway transport: Scientific and theoretical technical and economic journal/Body of the Ministry of Railways. M.: Transport. 2006. №2. S.60-65.

[5] E.A. Klochkova. Industrial, fire and environmental safety in railway transport. M.: UMC ZHDT, 2008. S. 456.

[6] Malov N. N., Korobov Yu. I. Environmental Protection in Railway Transport. M.: Transport, 2004. S. 238.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-474-476
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: eva.mats@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: olbyk75@mail.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,
кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: lopaeva77@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,
ассистент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ukrozhenkozoo@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

МОЛОЧНАЯ СЫВОРОТКА КАК ЦЕННЫЙ РЕСУРС В ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. *Молочная сыворотка – побочный продукт переработки молока. Отличается высокой питательной ценностью, в составе присутствуют витамины группы В, минералы, такие как, кальций и магний, отвечающие за поддержание здоровья. Однако проблема использования данного продукта на сегодняшний день является актуальной, так как большинство предприятий не использует сыворотку для дальнейшей ее переработки. Решить проблему переработки вторичного сырья можно за счет разработки рецептур новых видов продуктов на ее основе.*

Ключевые слова: *молочная промышленность, переработка, состав, витамины, полезные свойства, минералы, функциональные продукты.*

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

RAZHINA Eva Valerievna,
Candidate of Biological Sciences,
Ural State Agrarian University Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products

UKROZHENKO Daria Sergeevna,
Assistant of the Department of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

MILK WHEY AS A VALUABLE RESOURCE IN THE PROCESSING INDUSTRY

Annotation. *Milk whey is a by-product of milk processing. It has a high nutritional value and contains vitamins of group B, minerals such as calcium and magnesium, which are responsible for maintaining good health. However, the problem of using this product is currently relevant, as most enterprises do not use whey for further processing. The solution to the problem of processing secondary raw materials can be achieved by developing new types of products based on whey.*

Key words: *dairy industry, processing, composition, vitamins, beneficial properties, minerals, functional products.*

Наиболее популярными среди потребителей продуктами остаются молоко и его производные. Это связано с тем, что молоко содержит компоненты, играющие важную роль для здоровья человека, и они легко усваиваются организмом [1].

Молочная сыворотка, являясь побочным продуктом при производстве сыров и творога, выступает ценным источником биологически активных веществ. Ее потенциал в перерабатывающем секторе выходит за рамки традиционного использования, открывая новые возможности для научных исследований и инновационных технологий [2, 3].

Состав молочной сыворотки отличается высоким содержанием белков, аминокислот, витаминов (особенно группы В), минералов (кальций, фосфор, магний, цинк, селен и другие) и лактозы. Эти элементы придают сыворотке уникальные функциональные свойства, что делает ее привлекательной для биотехнологических исследований [4, 5].

По данным Р. С. Самадова, состав сыворотки изменяется в зависимости от типа исходного сырья и технологии производства. Исследователь отмечает, что в процессе переработки молока в сыворотку происходит переход всех компонентов: более 50% сухих веществ, 90% молочного сахара, 23% белка и 80% минеральных солей [6].

Области применения молочной сыворотки в перерабатывающей промышленности:

Молочные изделия. Внесение сыворотки при производстве кисломолочной продукции способствует улучшению их органолептических свойств и повышает их питательную ценность. Благодаря высокому содержанию белков и аминокислот является хорошей основой для формирования вкусовых и структурных характеристик продуктов [7, 8].

Кондитерская отрасль. Оптимизация рецептов, улучшение структуры теста, улучшает органолептические показатели готовых изделий.

Детское питание. Благодаря легкой усвояемости и уникальному составу (содержит большое количество макро- и микроэлементов) способствует обеспечению организма необходимыми компонентами, такими как, белки, витамины, минералы, что очень важно для полноценного роста и развития детей.

Пищевая добавка. Молочная сыворотка актуальна при производстве функциональных продуктов, нацеленных на улучшение обмена веществ, поддержку иммунной системы и повышение физических возможностей.

Спортивное питание. Белок, содержащийся в молочной сыворотке, имеет высокую биологическую ценность и легко усваивается. Его применение благоприятно отражается на восстановлении мышечной ткани [9].

К преимуществам использования молочной сыворотки можно отнести следующее:

– Сырьё на основе молочной сыворотки позволяет перерабатывающим компаниям оптимизировать производственные процессы, ужесточить расходы и повысить конкурентоспособность своей продукции на рынке.
– Внедрение молочной сыворотки улучшает органолептические свойства, текстуру и питательную ценность конечных изделий.
– Молочная сыворотка даёт производителям возможность расширения ассортимента, предлагая новые функциональные решения и инновационные продукты.

Таким образом, молочная сыворотка является стратегически важным ресурсом для перерабатывающей отрасли, обладая высоким потенциалом в области пищевых и биотехнологических исследований. Ее использование способствует созданию качественных, полезных и функциональных продуктов, улучшает производственные процессы и расширяет ассортимент. Будущие исследования и оптимизация применения молочной сыворотки открывают новые перспективы для разработки инновационных товаров и технологий, направленных на улучшение качества жизни и здоровья населения.

Список литературы:

[1] Ergasheva Z., Rasulov Ja. Determination of the Physico-chemical composition of whey // Universum: технические науки. 2023. No. 5-7(110). P. 64-66.\

[2] Бережная Е. А. Современное состояние и перспективы переработки молочной сыворотки // Вестник науки. 2021. Т. 3, № 1(34). С. 131-135.

[3] Топникова Е. В., Волкова Т. А. Вопросы переработки молочной сыворотки // Сыроделие и маслоделие. 2023. № 4. С. 76-80.

[4] Биотехнологическая переработка молочной сыворотки в функциональные продукты / М. А. Афанасенко, М. В. Бузуртанова, И. Б. Острецова, Г. А. Лоскутова // Студенческий. 2025. № 19-1(315). С. 62-64.

[5] Волкова Т. А. О способах переработки молочной сыворотки // Переработка молока. 2022. № 12(278). С. 16-19.

[6] Самадов Р. С. Перспектива производства функциональных продуктов питания на основе молочной сыворотки // Вестник Технологического университета Таджикистана. 2021. № 4(47). С. 99-105.

[7] Майоров А. А. Сыры из молочной сыворотки // Сыроделие и маслоделие. 2013. № 2. С. 20-23.

[8] Скорбящев В. Д., Логинова А. А. Производство мягких сыров на основе молочной сыворотки // Интеграция аграрной науки, практики и образования как условие продовольственной безопасности : сборник материалов международной научной конференции. – Смоленск: Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. С. 164-166.

[9] Шухалова О. М., Волкова Т. А. Способы переработки и последующего использования молочной сыворотки. Часть II // Пищевая промышленность. 2025. № 9. С. 24-27.

References:

[1] Ergasheva Z., Rasulov Ja. Determination of the Physico-chemical composition of whey // Universum: технические науки. 2023. No. 5-7(110). P. 64-66.\

[2] Berezhnaya E. A. The current state and prospects of whey processing//Bulletin of Science. 2021. T. 3, NO. 1 (34). S. 131-135.

[3] Topnikova E.V., Volkova T.A. Whey processing issues//Cheese making and butter making. 2023. № 4. S. 76-80.

[4] Biotechnological processing of milk whey into functional products/M. A. Afanasenko, M. V. Buzurtanova, I. B. Ostretsova, G. A. Loskutova//Student. 2025. № 19-1(315). S. 62-64.

[5] Volkova T. A. On methods of processing whey//Milk processing. 2022. № 12(278). S. 16-19.

[6] Samadov R. S. Perspective of production of functional food products based on milk whey//Bulletin of the Technological University of Tajikistan. 2021. № 4(47). S. 99-105.

[7] Mayorov A. A. Cheese from whey//Cheese making and butter making. 2013. № 2. S. 20-23.

[8] Sorrow V. D., Loginova A. A. Production of soft cheeses based on milk whey//Integration of agrarian science, practice and education as a condition for food security: a collection of materials from an international scientific conference. - Smolensk: Smolensk State Agricultural Academy, 2023. S. 164-166.

[9] Shukhalova O. M., Volkova T. A. Methods of processing and subsequent use of whey. Part II// Food industry. 2025. № 9. S. 24-27.

- ИСТОРИЯ ВОПРОСА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-477-480
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olbyk75@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»,
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ
УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА «КОМСОМОЛУ УРАЛА» (г. ЕКАТЕРИНБУРГ)

Аннотация. *В послевоенное время свердловские скульпторы создавали различные монументальные произведения, которые впоследствии стали исторической частью архитектуры города. Они настолько прочно вписались в городской ландшафт, что в настоящее время без них сложно представить современный г. Екатеринбург.*

В статье освещается история создания памятника «Комсомолу Урала» в г. Свердловске в 1959 г. Источниковой базой исследования являются материалы советской периодической печати, кинохроника, краеведческая и искусствоведческая литература.

Ключевые слова*: площадь, памятник, комсомол, история, память, периодическая печать, городская скульптура, монументальное искусство.*

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

BYKOVA Olga A.,
doctor of agricultural sciences,
professor of the Department of biotechnology and food products,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SMIRNOVA Ekaterina S.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department of
Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

ON THE HISTORY OF THE KOMSOMOL OF THE URALS MONUMENT (YEKATERINBURG)

Annotation*. In the post-war period, Sverdlovsk sculptors created various monumental works that later became an integral part of the city's historical architecture. These works have become so deeply integrated into the city's landscape that it is difficult to imagine modern-day Yekaterinburg without them. The article focuses on the history of the creation of the monument to the Komsomol of the Urals in Sverdlovsk in 1959. The research is based on materials from Soviet periodicals, film chronicles, local history books, and art criticism.*

Key words*: square, monument, Komsomol, history, memory, periodicals, urban sculpture, and monumental art.*

Неотъемлемой частью городского пространства являются всевозможные скульптурные композиции. Как визитная карточка сельского поселения, города или региона, обращает на себя внимание, прежде всего монументальная скульптура, посвященная выдающимся историческим событиям. Ими могут быть памятники воинской и трудовой славы, монументы, воздвигнутые в честь знаменательных эпох (революции, гражданской и Великой Отечественной войн, освоения космоса и т.п.) [1, с.749].

Город и монумент - понятия почти неразделимые. В послевоенное время свердловские скульпторы создавали различные монументальные произведения, без которых и в настоящее время сложно представить г. Екатеринбург. Среди них скульптурные композиции выдающимся деятелям науки и культуры, известным революцио-

нерам и героям войн, рабочим и передовикам производства, женщинам и детям, которые напоминают о характерах и судьбах, исторических драмах, тяготах и несбывшихся надеждах, подвигах и достижениях [2, с. 222].

Так, на небольшом расстоянии от центральной части г. Екатеринбурга перед Храмом Вознесения Господня находится площадь, сменившая за историю своего существования три названия - Вознесенская, площадь Народной мести и Комсомольская [3, с. 517].

Ярким архитектурным акцентом этой площади является памятник «Комсомолу Урала», давший ей новое наименование – Комсомольская. Как писала в 2014 г. «Областная газета»: «Расположение этого памятника между двумя храмами (Вознесения Господня и Храма-на-Крови) привлекает ошарашенных таким необычным «симбиозом» туристов. Острые языки утверждают, что «ребята шагают из одной церкви в другую». А между тем на момент открытия этот монумент играл совсем другую роль... [4].

Памятник на площади Народной мести появился не случайно: в расположенной рядом величественной усадьбе Расторгуева - Харитонова (в настоящее время здесь находится городской Дворец творчества детей и молодежи «Одаренность и технологии») в 1917 г. открыл свою работу I-й съезд социалистической молодежи Урала. Т.е. именно здесь начиналась история уральского комсомола.

До появления памятника «Комсомолу Урала» на этой площади располагались другие памятники и скульптурные композиции, которых впоследствии демонтировали по указанию городских властей. В частности - перенесенный в 1920 г. с Кафедральной площади города бюст К. Маркса работы скульптора Степана Эрьзи (в конце 1930-х гг. он бесследно исчез при очередной реконструкции) и комплекс объемных композиций агитационного характера «15 лет вооруженному комсомолу» (1932 г.).

В 1957 г. проводился открытый конкурс по проектированию памятника «Героическому комсомолу Урала». Перед участниками была поставлена задача художественно отразить величие трудовых и боевых подвигов, энергию и устремленность комсомола. Победили проекты Петра Сажина и Владимира Егорова. Фактически они поделили вторую и третью премии, тогда как первая не присуждалась. В. Егоров как заместитель старосты Международной студии скульптуры и рисунка и участник выставки художников Всемирного фестиваля молодежи и студентов вынужден был уехать в г. Москву, в то время как П. Сажин напряженно работал над эскизом и рабочей моделью вместе с архитектором Г. Белянкиным - будущим главным архитектором г. Свердловска с 1973 по 1996 гг. Впоследствии творческий союз этих двух авторов перерос в многолетнюю дружбу. Помимо памятника на Комсомольской площади они стали известны еще и как создатели памятника Уральскому добровольческому танковому корпусу, установленному в 1962 г. (в соавторстве с В. Друзиным) на Привокзальной площади города.

Как следует из описания этой скульптурной группы: «Памятник представляет собой двухфигурную композицию девушки и юноши со знаменем, смело идущих вперед. По замыслу авторов, идея марша должна олицетворять организованность передовой молодежи СССР. Постамент состоит из блоков, в основании переходящих в скалу. На фасаде установлены вертикальные элементы из стали. Бронзовые фигуры были отлиты на Мытищинском заводе художественного литья, а постамент был сделан из уральского серого гранита на Сибирском каменном карьере Свердловского городского управления благоустройства. Полосы из нержавеющей стали были изготовлены на заводе Уралмаш. Высота гранитного постамента – 6,5 м, а фигур – 4 м (со знаменем – 6 м)» [5]. Интересный факт - в качестве юноши-комсомольца П. Сажин изобразил самого себя. Открытие этого памятника стало запоминающимся событием, отразившимся в советской печати и кинохронике тех лет. Вот как об этом событии сообщала в то время популярная газета «На смену» 11 января 1959 г.: «На площади собрались рабочие Уралмашзавода, студенты политехнического университета, сталевары ВИЗа и артисты театров города, воины Советской Армии и учащиеся, представители всех фабрик, заводов, учреждений, вузов и школ города. На открытие памятника прибыли делегации молодежи Нижнего Тагила, Первоуральска, Каменска-Уральского, Полевского и районов области» [6]. На митинге также присутствовали представители старшего поколения уральского комсомола.

У памятника, покрытого белым полотнищем, была установлена трибуна, с которой выступали представители партийных, комсомольских и общественных организаций г. Свердловска. Почетное право открыть памятник было предоставлено первому представителю уральского комсомола и делегату комсомольских съездов Е. Кочкиной, бригадиру комсомольско-молодежной бригады прокатчиков ВИЗа Н. Тарасову и пионеру — отличнику свердловской школы № 18 В. Кононову.

После торжественного исполнения государственного гимна СССР делегации трудящихся возложили к подножию памятника цветы. Пионеры замерли в торжественном салюте. С памятника спало покрывало, и взору собравшихся открылась отлитая в бронзе двенадцатиметровая

величественная скульптура юноши и девушки, устремленных вперед к коммунизму. На постаменте из уральского гранита золотом начертаны слова — «Комсомолу Урала».

«После выступлений комсомольских организаторов, представителей рабочего класса, военнослужащих и школьников участники митинга приняли обращение ко всей молодежи Свердловской области. По окончанию этого мероприятия прозвучала величественная мелодия «Интернационала», - на такой торжественной ноте заканчивалась газетная статья [7].

Это событие было запечатлено в кинохронике, сохранив для потомков эмоции участников открытия мемориала, который позже станет одним из символов советской эпохи. «Героические традиции первых комсомольцев всегда будут жить в славных делах нашей молодежи», - говорилось тогда в одном из выпусков киножурнала «Советский Урал» [8].

Монументальная скульптура, воздвигнутая на Комсомольской площади, стала ее смысловым и композиционным центром. Для ее высокого художественного исполнения недостаточно было наличие только одного скульптора - требовался архитектор, который смог бы рассчитать размер и расположение памятника, его архитектурное обрамление и постамент [9]. Этими создателями стали П. Сажин и Г. Белянкин, чьи имена вписаны в историю городской скульптуры.

Несмотря на поступающие время от времени в городскую администрацию обращения сторонников переноса (или сноса) этого памятника большинство горожан все-таки придерживаются убеждения, что делать этого не стоит, поскольку комсомол – это героическая часть истории страны и края. Поэтому не случайно ежегодно 29 октября - в день рождения комсомола, к этому монументу приходят различные делегации, чтобы возложить к его подножию цветы в честь памяти уральским комсомольцам, отдававшим свои силы и энергию для решения важнейших государственных задач в строительстве социалистического общества.

Список литературы:

[1] Крюкова О. С. Городская скульптура в концептосфере региональной идентичности / О. С. Крюкова // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Курск, 04–05 июня 2021 года. Том Выпуск 16. Часть 2. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 749-750.

[2] Егоров - Гривский В. В. Скульптура и скульпторы Екатеринбурга и Свердловской области. Изд-во «Издательские решения», 2024. 228 с.

[3] См. Зорина Л. И. Улицы, площади, реки, пруды, подземелья и пригороды старого Екатеринбурга / Л. И. Зорина, В. М. Слукин. 2 –е изд. перераб. и доп. Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2025. 720 с.

[4] Шорин А. Г. Между двумя храмами // Областная газета. 2014. 9 января. [Электронный ресурс]. URL: https://old.oblgazeta.ru/society/15249/?ysclid=mo8ghekei4377610033

[5] По материалам книги «Свод памятников истории и культуры Свердловской области». Т. 1. «Сократ», 2007.

[6] На смену 1959 г. 11 января. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/95471

[7] Там же.

[8] См. Советский Урал №3-1959 (1959). Киножурнал № 2742. [Электронный ресурс]. URL: https://www.net-film.ru/film-2742/

[9] Вилькицкая В. Г. О роли городской скульптуры в архитектурно-пространственной среде Екатеринбурга XX-XXI вв. [Электронный ресурс]. URL:http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz14_pril/33/template_article-ar=K41-60-k46.htm

References:

[1] Kryukova, O. S. Urban Sculpture in the Conceptual Space of Regional Identity / O. S. Kryukova // Russia: Trends and Prospects of Development: Yearbook, Kursk, June 4-5, 2021. Volume 16. Part 2. Moscow: Institute of Scientific Information in the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2021. Pp. 749-750.

[2] Egorov-Grivsky, V. V. Sculpture and Sculptors of Yekaterinburg and the Sverdlovsk Region. Publishing House “Publishing Solutions”, 2024. 228 p.

[3] See. Zorina L. I. Streets, squares, rivers, ponds, undergrounds and suburbs of old Yekaterinburg / L.I. Zorina, V.M. Slukin. 2nd edition, revised and expanded. Yekaterinburg: Cabinet scientist. 2025. 720 p.

[4] Shorin, A. G. Between Two Temples // Oblastnaya Gazeta. 2014. January 9. [Electronic resource]. URL: https://old.oblgazeta.ru/society/15249/?ysclid=mo8ghekei4377610033

[5] Based on the book “Collection of Historical and Cultural Monuments of the Sverdlovsk Region.” Vol. 1. Sokrat, 2007.

[6] On January 11, 1959. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/95471

[7] Ibid.

[8] See. Sovetskiy Ural No. 3-1959 (1959). Film magazine No. 2742. [Electronic resource]. URL: https://www.net-film.ru/film-2742/

[9] Vilkitskaya V. G. On the Role of Urban Sculpture in the Architectural and Spatial Environment of Yekaterinburg in the 20th and 21st Centuries. [Electronic resource].URL:http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz14_pril/33/template_article-ar=K41-60-k46.htm

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-481-485
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ СФЕРЫ УСЛУГ ПАРИКМАХЕРОВ И ЦИРЮЛЬНИКОВ г. ЕКАТЕРИНБУРГА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. *Статья посвящена развитию сферы бытового обслуживания населения г. Екатеринбурга в конце XIX - XX вв., и, в частности такой ее отрасли, как услуги парикмахеров и цирюльников.*

Источниковой базой исследования послужили мемуары, краеведческая литература, материалы периодической дореволюционной печати, статистические данные и научные исследования по истории г. Екатеринбурга.

Ключевые слова*: город, парикмахер, цирюльник, история, городской быт, рекламное объявление, дом, мастер, прическа, стрижка.*

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

RAZHINA Eva V.,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ON THE ISSUE OF THE STATE OF THE HAIRDRESSING AND BARBERS' SERVICES IN YEKATERINBURG (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Annotation*. The article is devoted to the development of the sphere of consumer services for the population of Yekaterinburg in the late 19th - 20th centuries, and, in particular, its industry, such as hairdressers and barbers.*

The research was based on memoirs, local history literature, materials from the periodical pre-revolutionary press, statistical data and scientific research on the history of Yekaterinburg.

Key words*: city, hairdresser, barber, history, urban life, advertisement, house, master, hairstyle, haircut.*

Одним из популярных направлений исторической науки является изучение повседневной жизни городских и сельских жителей в различные исторические периоды. В центре внимания исследователей находится, как изучение особенностей жизненной реальности прошлых эпох, так и анализ человеческого поведения и эмоциональных реакций на происходившие события [1, с. 74].

Так, совместный труд историков В. П. Микитюка и О. Н. Яхно, выполненный в контексте исследования истории повседневности, позволяет реконструировать быт жителей г. Екатеринбурга в позднеимперскую эпоху [2].

Без изучения быта людей, их ценностных ориентаций и поведения в обычных жизненных ситуациях невозможно воссоздать полноценную историю того или иного исторического периода [3].

В конце XIX – начале XX вв. растущие и развивающиеся потребности российского городского населения была призвана удовлетворять сфера бытового обслуживания, в том числе и такие ее сегменты, как услуги парикмахеров и цирюльников. В XIX в. таких заведений в г. Екатеринбурге было крайне мало: на весь город приходилось всего четыре парикмахерских и три цирюльни.

Стоит заметить, что первые парикмахерские были доступны только зажиточным горожанам. Парикмахеры пользовались иностранными инструментами и средствами по уходу за волосами и кожей. Цена на услуги таких мастеров была крайне высока, и позволить себе посещать такие заведения мог далеко не каждый городской житель [4].

Как правило, парикмахерские располагались в центральной части города при известных

парфюмерных магазинах и предлагали максимальный для своего времени уровень сервиса.

По улице Отрясихинской (современная ул. Радищева) в полукаменном доме № 35 принимала клиентов Александра Егоровна Банникова, которая была большим экспертом в создании причесок для знатных дам. Особо ценились клиентками сделанные ее руками шиньоны. В книге Л. И. Зориной и В. М. Слукина «Улицы и площади старого Екатеринбурга» также упоминается жена телеграфиста Варвара Банникова, которая держала эту парикмахерскую [5, с. 361].

При парфюмерном магазине на Главном проспекте (современный проспект Ленина) известный парикмахер Павел Моисеевич Едигарев вместе со своей супругой Верой Евфимовной обслуживал состоятельных клиентов. Он стриг мужчин, а жена занималась созданием причесок для дам. Трудился П. М. Едигарев не только в г. Екатеринбурге, но и на знаменитой Ирбитской ярмарке, о чем можно узнать из опубликованного в газетах тех лет рекламного объявления: «Перчаточная мастерская, магазин и парикмахерская П. М. Едигарева объявляет, что по примеру прошлых лет в Ирбитской ярмарке с 18 января будет открыта парикмахерская, а также торговля галантерейным, косметическими и другими товарами» [6].

Профессия парикмахера, как и цирюльника, совершенно не считалась престижной. Занимались этим ремеслом обычно небогатые люди, часто не имевшие своего жилья и работавшие в арендованных помещениях, в которых, нередко, сами и жили. В то же время можно привести в пример одного из самых известных парикмахеров тех лет - Адриана Трифоновича Заварзина, который являлся купцом второй гильдии, т.е. слыл уважаемым в городе человеком. Собственный каменный двухэтажный дом с баней, парикмахерской и парфюмерным магазином выходил фасадом на улицу Разгуляевскую (ныне – ул. Гоголя), а со стороны Покровского проспекта к нему примыкали владения дворянина А. Ф. Поклевского - Козелл. Клиентов он принимал и обслуживал в своем доме, что было удивительно не только для г. Екатеринбурга, но и для других российских городов тех времен. Стоит заметить, что только у А. Т. Заварзина был собственный подмастерье - Феропонт Югов.

На улице Колобовской (ныне ул. Толмачева) располагалась парикмахерская Сергея Никитича Капитанова, помещение для которой в конце 1880-х гг. он арендовал у Василия Васильевича Бентхена - старшины Общественного собрания г. Екатеринбурга. Парикмахерская С. Н. Капитанова была очень востребована у состоятельных горожан.

Еще одним известным заведением города была парикмахерская Ипатовых на Уктусской (ныне ул. 8 марта). На месте, где в настоящее время располагается Екатеринбургский государственный цирк имени В. И. Филатова, стояли небольшие дома, за заборами которых весной буйно цвели сирень и черемуха. Здесь, в доме на два этажа, Яков Ипатов много лет держал свою парикмахерскую, функционировавшую даже после Октябрьской революции 1917 г. Имевшая два зала (мужской и женский), она пользовалась большой популярностью у горожан. «Стрижка, бритье, завивка волос. Здесь же - локоны, косы, накладки и прочее. Все на каприз барышень и дам любого сословия. Считалось, у Ипатовых самые модные прически и парики. Сам Яков Изосимович и жена его Екатерина Ивановна, считавшаяся классным дамским мастером, выезжали в театры, гримировали актеров на любительских спектаклях», - писал один из старейших свердловских журналистов А. А Пискарев, проработавший за свою трудовую жизнь в газетах «На смену!», «Вечерний Свердловск», «Уральский рабочий» [7]. Таким образом, Ипатовы тогда были известными в городе куаферами (от франц. coiffeur). Так называли стилистов, участвовавших в выставках и конкурсах.

В XIX в. в России была мода на все французское. Считалось, что все самое модное - наряды, прически, шляпы, парфюмерия – имело свои истоки в Париже. Чуть ли не в каждом состоятельном доме выписывали журнал «Французская мода». В г. Екатеринбурге был магазин и парикмахерская «Парижский шик» (на углу современных улиц Малышева и Вайнера) [8]. Праздная публика, любившая прогуливаться по Плотинке и набережной, была завсегдатаями данного магазина. Одевались и причесывались состоятельные горожане соразмерно достатку и моде.

Сын Я. И. Ипатова, Яков, вспоминал, что родители его всегда много работали: поднимались очень рано и начинали готовиться к трудовому дню. Четверо детей еще спали, а взрослые уже хлопотали в залах, успевая к приему ранних посетителей, которых было очень много. В числе клиентов были экономки, гувернантки, приказчики, лавочники. Что касалось состоятельных горожан, то они предпочитали уведомить хозяев о своем приходе заранее или же наоборот - приглашали их на дом. Известно, что один из братьев известной династии купцов Агафуровых числился здесь в качестве постоянного посетителя.

Клиенты парикмахерских тех лет отличались особой требовательностью. К примеру, дамы нередко настаивали на том, чтобы прическа получилась в точности как на картинке рекламного журнала. И мастера в свою очередь стара-

лись угождать этим просьбам, чтобы не потерять клиентов. В моде тогда были высокие прически - вьющиеся вокруг головы волосы, называемые «транформатионами». Были тогда прически для самых разных случаев: для визитов, для бальных и парадных событий. И, естественно, что все они требовали от исполнителей высочайшего мастерства и фантазии.

Такой труд имел соответствующе высокое вознаграждение. Так у Ипатовых в то время имелось два дома: один - на Арсентьевском проспекте (ул. Свердлова) - сдавался в аренду, другой - под постоялый двор.

После Октябрьской революции 1917 г. глава семьи Ипатовых сохранил финансовый достаток от занятий предпринимательской деятельностью, держа небольшой заводик по производству фруктовых вод. Однако после сворачивания НЭПа его имущество, включая два дома, было реквизировано. После этого Я. И. Ипатов вернулся к своей профессии: мастер причесок на французский манер, художник куаферных искусств, делавший из екатеринбургских купцов заграничных денди, какое-то время работал в кооперативе, а потом, когда построили завод «Уралмаш», стал парикмахером при заводской бане. В 1930-е гг. информация о прошлой предпринимательской деятельности Я. И. Ипатова могла негативно сказаться на его жизни и жизни близких. Однако ему повезло: дожил до 85 лет, работая всю жизнь, чтобы выучить детей и дать им хорошее образование [9, с. 93].

Несмотря на свою популярность среди отдельных категорий городских жителей, профессия парикмахера не была распространенной, и в архивах практически не осталось никаких сведений о людях, которые ей занимались.

Естественно, что не все слои городского населения могли позволить себе посещать парикмахерские в силу своего ограниченного материального положения. Для таких людей в конце XIX в. существовали представители схожей профессии - цирюльники. У каждого цирюльника имелся сундук или громоздкий ящик с необходимым инвентарем. У бродячих цирюльников в России всегда был при себе еще и стул, который они носили на спине или шее. Заметив потенциального клиента, его снимали, ставили на землю и начинали стричь желающему волосы.

В отличие от парикмахеров профессия цирюльника была уникальна, потому что, кроме владения парикмахерским искусством, включала в себе обязанности лекаря: он должен был уметь делать кровопусканье, удалять зубы и даже лечить раны. Например, издавна под окнами горожан нередко раздавались такие зазывные прибаутки бродячих цирюльников: «Бреем, стрижем бобриком-ежом, лечим паршивых, из лысых делаем плешивых, кудри завиваем, гофре направляем, парик промоем, кровь откроем, фризюр наколем, тайну любви скроем» [10, с. 84],

Согласно итогам однодневной переписи 26 марта 1887 г. в г. Екатеринбурге имелось три цирюльника. Первый - отставной солдат Афанасий Ильич Соловьев, работавший в деревянной постройке у Александровской богадельни. Второй - крестьянин Дмитрий Петрович Ханьков, который арендовал помещение у купца Ермолаева на Покровском проспекте в 2-этажном каменном доме, а также обслуживал клиентов возле храмов, базаров, бань.

Еще один цирюльник Михаил Митрофанович Ярославцев арендовал помещение в доме купца 1-й гильдии Арсения Михайловича Черемухина на Покровском проспекте [11, с. 657], где располагались еще пять лавок, чайный магазин и кондитерская. Месторасположение дома было удачным: напротив Главной торговой площади и Зеленого рынка, вблизи двух храмов. О благосостоянии М. М. Ярославцева говорит тот факт, что в 1878 г. он возвел полукаменный дом на четыре окна по главному фасаду вблизи Сенной площади, а затем выстроил надворные постройки и баню. Его наследники владели этой усадьбой вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

В народе цирюльники считались высококвалифицированными специалистами. Каждый из них, как и дорогой парикмахер, имел собственный круг постоянных клиентов. Однако в конце XIX в. эта профессия начала уже постепенно исчезать. Парикмахеров становилось все больше, их услуги - все дешевле и доступнее всем желающим, В начале XX в. в г. Екатеринбурге получили известность частные парикмахерские Боброва, Булкановского, Ожегова и др.

Таким образом, под воздействием различных факторов политического и экономического свойства менялась и сфера обслуживания жителей г. Екатеринбурга, включая сферу парикмахерских услуг. Архивные материалы, статистические данные, мемуары, материалы периодической печати и рекламные объявления, позволяют реконструировать основы повседневной жизни людей и обобщить опыт деятельности, накопленный в этой сфере.

Список литературы:

[1] Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожанок Восточной Сибири на страницах региональной периодической печати второй половины XIX в. // Исторический курьер. 2019. № 3. С. 178-189.

[2] Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX-XX веков. Очерки городского быта. Екатеринбург: АМБ, 2014. 447 с.

[3] Яхно О. Н. «Без изучения быта людей, их ценностных ориентаций, поведения в обычных жизненных ситуациях невозможно воссоздать полноценную историю» // Дискуссия. 2016. № 2 (65).

[4] Люди города: парикмахеры и цирюльники Екатеринбурга в XIX веке. [Электронный ресурс]. URL: https://м.екатеринбург.рф/news/1021-lyudi-goroda-parikmakhery-i-tsiryulniki-ekaterinburga-v-xix-veke

[5] Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого Екатеринбурга Екатеринбург: Баско, 2005. 288 с.

[6] Деловой корреспондент. 1897. № 035 (6 февраля). [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/111217

[7] Пискарев А. А. Екатеринбург на стыке столетий: прошлое, настоящее, будущее: записки старожила / А. Пискарев. Екатеринбург: Политех, 2008. 207 с.

[8] Дружинин И. «Парижский шик» на Покровском» // Былое» - приложение к журналу «Родина», № 77, 1998 г.

[9] Пискарев А. Записки обывателя // Образ Урала в документах и литературных произведениях (на материале XX века), учебное пособие хрестоматийного типа / [ред.-сост. Е.С. Зашихин]. Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 91-93.

[10] Бойко Ю. Бреем, стрижем бобриком-ежом / Ю. Бойко // Родина. 2005. № 2. С. 82-84.

[11] Город Екатеринбург: сборник историко-статистических сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду: с планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / [печатано по постановлению Пермского губернского статистического комитета]. Екатеринбург: издание Екатеринбургского городского головы И. И. Симанова, 1889. [6], 1051, [1], 184, XV, [1] с. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/85664

References:

[1] Kiskidosova T. A. Everyday Life of Eastern Siberian Women in the Regional Periodical Press of the Second Half of the 19th Century // Historical Courier. 2019. No. 3. Pp. 178-189.

[2] Mikityuk V. P., Yakhno O. N. Everyday Life of Yekaterinburg at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Essays on Urban Life. Yekaterinburg: AMB, 2014. 447 p.

[3] Yakhno O. N. “It is impossible to recreate a full-fledged history without studying people’s everyday life, their value orientations, and their behavior in ordinary life situations” // Diskussiya. 2016. No. 2 (65).

[4] People of the City: Hairdressers and Barbers of Yekaterinburg in the 19th Century. [Electronic resource]. URL: https://m.yekaterinburg.ru/news/1021-lyudi-goroda-parikmakhery-i-tsiryulniki-ekaterinburga-v-xix-veke.

[5] Zorina L. I., Slukin V. M. Streets and Squares of Old Yekaterinburg. Yekaterinburg: Basco, 2005. 288 p.

[6] Business Correspondent. 1897. No. 035 (February 6). [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/111217

[7] Piskarev, A. A. Yekaterinburg at the Turn of Centuries: Past, Present, and Future: Notes of an Old-Timer / A. Piskarev. Yekaterinburg: Politekh, 2008. 207 p.

[8] Druzhinin, I. “Parisian Chic” on Pokrovsky” // Byloe” - an appendix to the Rodina magazine, No. 77, 1998.

[9] Piskarev A. Notes of a layman // The image of the Urals in documents and literary works (based on the material of the XX century), textbook type / [ed.-comp. E.S. Zashikhin]. Yekaterinburg: Socrates, 2008. pp. 91-93.

[10] Boyko Yu. We shave, we cut our hair with a hedgehog / Yu. Boyko // Rodina. 2005. No. 2. Pp. 82-84.

[11] The City of Yekaterinburg: A Collection of Historical and Statistical Information on the City, with an Address Index and Some Information on the Yekaterinburg District: With Plans of Yekaterinburg and Its Outskirts and 10 Tables of Drawings / [printed by the Perm Provincial Statistical Committee]. Yekaterinburg: Publication of the Yekaterinburg City Head I. I. Simanov, 1889. [6], 1051, [1], 184, XV, [1] p. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/85664

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-486-491

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»,
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,
преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: kanevxok@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО СКВЕРА (г. ЕКАТЕРИНБУРГ)

Аннотация. *За свою трехсотлетнюю историю г. Екатеринбург прошел путь от завода-крепости до современного мегаполиса.*

В статье рассматривается история создания одной из узнаваемой достопримечательностей города - Исторического сквера. Освещаются проблемы сохранения памятников архитектуры в городе.

Источниковой базой исследования являются материалы советской периодической печати, краеведческая и искусствоведческая литература.

Ключевые слова*: история, сквер, плотина, память, первостроители, реконструкция, музейно-архитектурный комплекс.*

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina S.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department
of Technosphere and Environmental Safety, U
ral State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

KANEV Prokopy N.,
Lecturer Department of
Physical Education and Sports,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ON THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL PARK (YEKATERINBURG)

Annotation*. During its three-hundred-year history, Yekaterinburg has gone from a fortress factory to a modern metropolis.*

The article examines the history of the creation of one of the recognizable sights of the city - the Historical Square. The problems of preserving architectural monuments in the city are highlighted.

The research is based on materials from the Soviet periodical press, local history and art history literature.

Key words*: history, square, dam, memory, pioneer builders, reconstruction, museum and architectural complex.*

«Это есть самый живой город, где день и ночь в великом порядке все беспрерывно движется», - так писал в 1804 г. о г. Екатеринбурге А. С. Ярцев - государственный деятель, горный инженер и писатель, занимавшийся вопросами развития горного дела на Урале [1].

За свою трехсотлетнюю историю г. Екатеринбург прошел путь от завода-крепости до современного мегаполиса, при этом не раз меняя свое название. Каждый из исторических этапов его жизни имел свою специфику формирования меморативного ландшафта, структура которого в настоящее время представлена памятными местами – сохранившимися архитектурными комплексами исторического или индустриального наследия, памятниками, музеями, библиотеками и архивами [2].

«Сердце города» или «Плотинка» - так жители города называют плотину Городского пруда и ее окрестности, которая официально носит название «Исторический сквер» и является одной из ярких достопримечательностей современного г. Екатеринбурга. Поэтому вряд ли кто-нибудь из жителей или гостей города может

представить себе г. Екатеринбург без его Исторического сквера. Он неотделим от города, как его прошлое и настоящее.

В марте 1723 г. под руководством Главного начальника уральских заводов генерал-майора В. И. де Геннина и артиллерии капитан-поручика В. Н. Татищева началось строительство Екатеринбургского железоделательного завода. 18 ноября этого же года он заработал: было выковано первое полосовое железо. Именно этот день и стал отмечаться как день основания г. Екатеринбурга.

В 1726 г. на месте, о котором здесь идет речь, был построен монетный («Платный») двор, а уже к середине 1730-х гг. завод имел более тридцати различных цехов. В 1765 г. при заводе была открыта Гранильная фабрика, переданная в 1811 г. в ведение Кабинета императорского двора. Также в 1808-1874 гг. на базе завода действовала казенная механическая фабрика, преобразованная позже в железоделательные мастерские. В 1878 г. монетный двор был закрыт, а при советской власти в 1929 г. мастерские были преобразованы в вагоноремонтный завод (позже вынесенный за пределы города).

Центр города складывался и развивался вокруг бывшего завода. Многие годы полуразвалившиеся с течением времени стены и темные провалы окон бывшего завода привлекали внимание главным образом местных подростков. Но настал день, когда судьбой этих развалин всерьез занялись архитекторы. 250 лет спустя со дня основания завода на его месте был создан музейно-мемориальный комплекс «Исторический сквер», включающий образцы архитектуры классицизма. Он представляет большую архитектурную и историческую ценность как место зарождения г. Екатеринбурга, с которым связана деятельность многих выдающихся государственных деятелей [3].

В 1960 - х гг. территорию бывшего завода-крепости стали готовить к созданию здесь мемориального комплекса: была расширена проезжая часть, откосы плотины были облицованы гранитом.

Собственно строительство Исторического сквера началось 13 июня 1972 г. Местная периодическая печать регулярно освещала строительство этого музейно-архитектурного комплекса. К примеру, газета «Вечерний Свердловск» давала подробное описание этого проекта: «По решению исполкома городского Совета депутатов и трудящихся на территории бывшего Екатеринбургского завода в честь 250 – летия г. Свердловска, осуществляется сооружение Исторического сквера… Над проектированием комплекса Исторического сквера вот уже несколько лет работает авторский коллектив в составе архитекторов Н. С. Алферова, А. Э. Коротковского, А. В. Овечкина, Г. И. Дубровина, В. А. Пискунова, Л. В. Винокуровой. Активно участвует в этом институт «Свердловскгражданпроект» [4].

Композиционное решение генерального плана Исторического сквера было продиктовано особенностью ландшафта поймы реки Исеть. По проекту пространство сквера должно было «опускаться» постепенными уступами к реке, образуя вдоль нее протяженные террасы с аллеями и газонами. Стена плотины прорезана тремя арками, плоскости которых предполагалось заполнить накладным барельефами, повествующими об истории самого завода, а также г. Екатеринбурга и г. Свердловска. Предполагалось, что протяженные горизонтальные членения сквера будут подчеркнуты лаконичностью вертикалей пяти 23-метровых обелисков-монументов, увенчанных горельефами. Эти обелиски символикой своих скульптурных образов должны были воспроизвести ключевые моменты истории Уральского края и одного из его главных городов. Также должны были дополнить картину рельефы фронтальных плоскостей пяти гранитных ризалитов, расположенных у спуска противоположного берега, и скульптурные бюсты, установленные на территории сквера.

Заключительным акцентом должен был стать монумент Трудовой славы, воплощающий успехи уральцев в строительстве будущего коммунистического общества. Предполагалось соорудить его за мостом на улице Малышева по оси р. Исети на естественном возвышении, которое огибает ее русло. Однако в процессе работы над ним авторы отказались от скульптурного изображения. Было предложено два варианта: кующий молот и вечно горящий факел пламени кузнечного горна на фоне могучих крыльев Труда и здание - монумент Городского музея трудовой славы.

Комплекс музейно-выставочных помещений должен был располагаться в левой части сквера. Перед авторским коллективом, разработавшим проект реконструкции Исторического сквера, стояла исключительно сложная задача — разместить на открытом пространстве традиционной зоны отдыха горожан отдельные музейные экспонаты и закрытые выставочные залы.

Одной из интересных находок проекта стало создание «Геологической аллеи» на правом берегу р. Исеть: живописной композиции из груды уральских минералов. Символом «первого камня» города стал 17-тонный камень – родонит (орлец) на центральной площади сквера.

На территории сквера предполагалось также разместить декоративные фонтаны и бассейны, разбить цветочные клумбы, посадить липу, березу, иву, осину и другие деревья.

Торжественное открытие Исторического сквера стало центральным событием ноября 1973 г. В газете «На смену!» был опубликован репортаж о торжественном митинге, который открыл секретарь Свердловского горкома КПСС Г. Н. Князев. Отмечалось, что «именно сегодня, в день юбилея, когда Свердловск находится в расцвете сил, когда создается его большая история, мы отдаем дань первостроителям и одновременно обращаемся к потомкам» [5]. Действительно, к 1973 г. в г. Свердловске проживало уже более миллиона жителей, он стал крупным промышленным, научным и культурным центром. Поэтому и открытие Исторического сквера стало лучшим подарком городу.

В ходе торжественного мероприятия председатель горисполкома традиционно разрезал красную ленточку. Спало покрывало, и на каменной стене Исторического сквера предстали взору чеканные плиты со сжатыми фразами, запечатлевшими историю города, а также фигура мастерового - первостроителя.

Капсулу времени с письмом - обращением к свердловчанам 2023 г. и историческими документами был поручено заложить известным людям города – первому секретарю Свердловского горкома партии Л. Ф. Бобыкину, председателю горисполкома А. А. Пушкареву, ветерану партии А. И. Бычковой, первому секретарю горкома ВЛКСМ А. Хлопьеву, герою Социалистического труда рабочему И. В. Травникову и школьникам-пионерам. Оркестр играл торжественный марш, и контейнер медленно опустился в каменный колодец, где он должен был лежать пятьдесят лет в ожидании вскрытия.

На мероприятии присутствовали дети известных политических лидеров советской эпохи: дочь Я. М. Свердлова - Вера Яковлевна, дочь Н. И. Подвойского - Нина Николаевна Подвойская - Свердлова и внук Я. М. Свердлова - Яков.

В 1973 г. реконструкция сквера от проспекта Ленина до улицы Малышева была в основном закончена. Все строительные и реставрационные работы были выполнены промышленными предприятиями города, отделом благоустройства горисполкома и Пермскими реставрационными мастерскими.

Здания музея под открытым небом в Историческом сквере представляют собой промышленные строения: кузницу, контору главного механика, цех сушки, склады, водонапорную башню. На другом берегу р. Исеть находится корпус бывшего госпиталя. Каждое из этих строений и экспонатов типично для своего времени, каждое является фрагментом истории и частицей прошлого, которая может рассказать о том, как жили в то время предшественники.

«Вы видели когда-нибудь доменную печь или прокатный стан двухсотлетней давности? Загляните в огороженные ажурными решетками дворики музейного комплекса - увидите и печь, и стан, и кузнечные горны. Самая совершенная техника XVIII века. Теперь шагните внутрь, в один из залов, посвященных сегодняшней трудовой славе уральцев, из Екатеринбурга — в Свердловск. Экспозиции расскажут вам и о богатствах нашего края, и о его овеянном славой революционном прошлом, и о сегодняшнем дне. Сквер задуман и создан и как мудрый, ненавязчивый «учитель истории» города, и как место отдыха и развлечений. Соединить столь разнородные функции оказалось нелегко. Но точный учет основных пространственных направлений, привлечение крупномасштабной скульптуры и рельефов, частичное восстановление заводских стен и ворот, удачное использование декоративных элементов (светильники, решетки, малые формы) позволило создать единый неповторимый ансамбль», - так отзывались о музейном комплексе сквера в городской печати архитекторы Г. Дубровин, А. Овечкин в 1974 г. [6].

В 1970-е гг. работа свердловских архитекторов на этом месте продолжалась. Был разработан проект обрамления Исети за мостом по улице Малышева. Старые дома в этом районе предполагалось снести, за исключением тех, которые представляли архитектурную ценность. Река должна была быть «зашита» в гранит, чтобы ее берега стали строгими и одновременно нарядными. Исторический сквер должен был продолжиться целой системой парков и скверов, несущих в себе ту же основную идею, что и музей под открытым небом — связь веков. Одна из «жемчужин» города с каждым днем должна была становиться все совершеннее и лучше [7].

Однако не все разделяли радость по поводу кардинальной реконструкции этого исторического места. Краеведам, любителям истории и настоящим патриотам города оставалось только поддерживать горькие сожаления, высказанные по этому поводу историком уральской горнозаводской техники Б. Г. Рябовым в его известной книге «Уникальные «махины» горнозаводского Урала и Сибири (XVIII –середина XIX веков)».

Как отмечает известный краевед, к.и.н. Л. И. Зорина: «Автор данной книги определяет значение и место Екатеринбургского завода во всей системе горнозаводской промышленности Урало - Сибирского региона» [8, с. 290-297]. «Именно здесь, в Екатеринбурге, крепло и ковалось могущество Петровской эпохи, на этом гигантском горнометаллургическом комплексе, ставшем образцовым для всех казенных и партикулярных металлургических и перерабатывающих железо-

делательных мануфактур Урала и Сибири. Этим вододействующим комплексом восхищались и в Европе, аналога ему не было нигде», - отмечал Б. Г. Рябов [9, с. 132]. Он как исследователь и как историк уральской горнозаводской техники глубоко сожалел о навсегда утраченных историко-культурных ценностях: «Тихо несет река Исеть свои воды после водосброса на плотине по бетонному каналу, пролегающему по дню огромной впадины, называемой в наше время почему-то Исторический сквером. Пошумев и поворчав немного на водосбросе, вода засыпает через 30 метров, так ничего и не совершив. Непонятно, для чего все это было создано – и плотина с ее подпорной стенкой, и пруд, и сам водосброс, откуда пустое пространств за ее плотиной? … Уникальное творение тысяч людей из XVIII века утрачено навсегда. Разорвана не только связь времен, но и разрушена традиция культурного наследия поколений… А ведь было, что сохранять» [10, с. 131]. Историк считал, что «по злой иронии судьбы от былого горнопромышленного великолепия мало что осталось в наследство потомкам — изуродованная плотина без рабочих прорезов, гладь пруда да закатанное в асфальт полупустое пространство сквера. Время унесло все свидетельства славной российской истории…» [11, с. 132].

С его мнением согласны Л. И. Зорина и В. М. Слукин: «Во время расчистки места от старых заводских корпусов безжалостно расправились с подлинными историческими памятниками города. Осознание, к сожалению, пришло поздно. Хотя и тогда нашлись смельчаки, которые пытались противиться решению властей о сносе зданий бывшего Монетного двора, гранильной фабрики и др. Среди них был краевед и художник Ю. П. Сакнынь. Он даже пострадал за попытку отстоять знаменитую «Монетку» - его уволили с работы» [12, с. 237].

Исторический сквер не раз переживал реконструкцию за годы своего существования. И в настоящее время этот процесс также продолжается: городские власти вновь обсуждают планы музейной реформы в Историческом сквере.

Список литературы:

[1] Злоказов Л. Д. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев / Л. Д. Злоказов, В. Б. Семенов. Екатеринбург: Ист.-геммол. о-во (ИГЕММО) «Lithica»: Музей истории Екатеринбурга, 2000. 605 с.

[2] Мазур Л. Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта / Л. Н. Мазур // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : Сборник научных трудов / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Естественно-гуманитарный университет (г. Седльце, Польша). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 20-49.

[3] По материалам книги «Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург / Отв. ред. В.Е. Звагельская. Екатеринбург: «Издательский дом «СОКРАТ», 2007. 536 с.

[4] Колыбель нашего города // Вечерний Свердловск, 1973. № 065 (20 марта).

[5] На смену! 1973. № 227 (20 ноября)

[6] Дубровин Г., Овечкин А. Соединив век нынешний с минувшим // Вечерний Свердловск. 1974. № 298 (21 декабря)

[7] Там же.

[8] Зорина Л. И. Оценка деятельности Екатеринбургского завода в контексте мирового научно-технического прогресса в исследованиях Б. Г. Рябова // Четырнадцатые Татищевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 года. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2024. 320 с.

[9] Рябов Б. Г. Уникальные «махины» горнозаводского Урала и Сибири (XVIII –середина XIX веков). Екатеринбург: Демидов. ин-т, 2016, 416 с.

[10] Там же. С.131.

[11] Там же. С.132.

[12] См. Зорина Л. И. Улицы, площади, реки, пруды, подземелья и пригороды старого Екатеринбурга / Л.И. Зорина, В. М. Слукин. 2 –е изд. перераб. и доп. Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2025. 720 с.

References:

[1] Zlokazov L. D. Old Yekaterinburg: The city through the eyes of eyewitnesses / L. D. Zlokazov, V. B. Semenov. Yekaterinburg: Ist.-gemmol. island (IGEMMO) “Lithica”: Museum of the History of Yekaterinburg, 2000. 605 p.

[2] Mazur L. N. Small towns of Russia: features of the formation of the historical and cultural landscape / L. N. Mazur // Memorable landscapes of small towns of Russia and Poland : A collection of scientific papers / Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; University of Natural Sciences and Humanities (Siedlce, Poland). Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. pp. 20-49.

[3] Based on the materials of the book “A set of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Volume 1. Yekaterinburg / Ed. by V.E. Zvagelskaya. Yekaterinburg: SOCRATES Publishing House, 2007. 536 p.

[4] The cradle of our city // Evening Sverdlovsk, 1973. No. 065 (March 20).

[5] On shift! 1973. No. 227 (November 20)

[6] Dubrovin G., Ovechkin A. Connecting the present century with the past // Evening Sverdlovsk. 1974. No. 298 (December 21)

[7] In the same place.

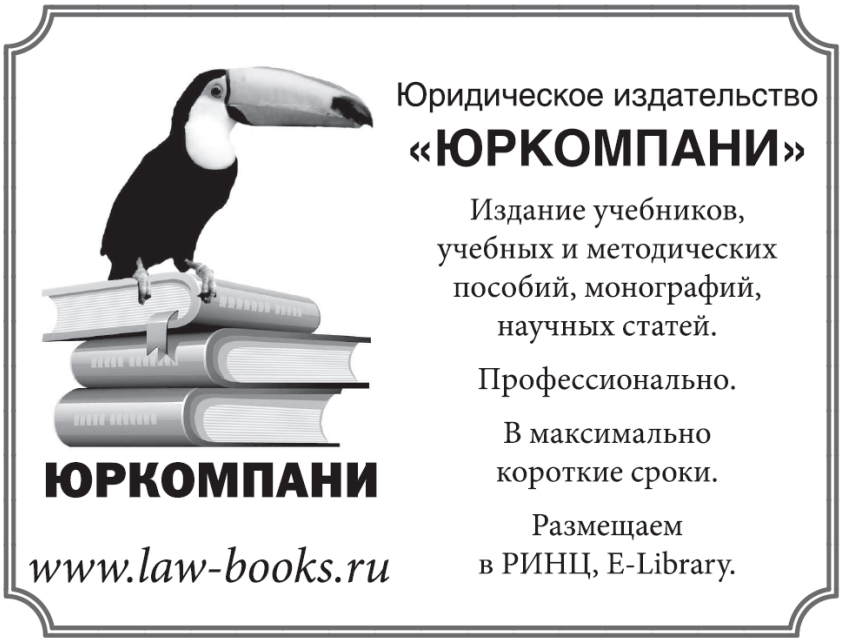
[8] Zorina L. I. Evaluation of the Yekaterinburg Plant's activities in the context of global scientific and technological progress in the research of B. G. Ryabov // The fourteenth Tatishchevsky readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Yekaterinburg, November 16-18, 2023. Yekaterinburg: KVADRAT Publishing House, LLC, 2024. 320 p.

[9] Ryabov B. G. Unique "machines" of the mining Urals and Siberia (XVIII –mid-XIX centuries). Yekaterinburg: Demidov. in-t, 2016, 416 p.

[10] Ibid., p.131.

[11] Ibid., p.132.

[12] See Zorina L. I. Streets, squares, rivers, ponds, dungeons and suburbs of old Yekaterinburg / L.I. Zorina, V. M. Slukin. 2nd ed. revision. and add. Yekaterinburg: Cabinet scientist. 2025. 720 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-6-492-496
Дата принятия рукописи в печать: 02.07.2026 г.

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

СВЕРДЛОВСКИЙ ПАРК - СТАДИОН «ХИММАШ»: К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Аннотация*. Статья посвящена истории зарождения и развития парка – стадиона в одном из микрорайонов г. Свердловска - Химмаша. Авторы рассматривают проблемы зарождения и функционирования парка, подведомственного Уральскому заводу химического машиностроения, освещавшиеся в советской периодической печати в 1950-1970-е гг.*

Ключевые слова*: озеленение, сад, парк - стадион, Великая Отечественная война, соцгородок, развитие, благоустройство.*

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,

Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva V.,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

SVERDLOVSKY PARK - KHMASH STADIUM: TO THE HISTORY OF ITS APPEARANCE AND DEVELOPMENT (BASED ON PERIODICAL PRESS MATERIALS)

Annotation*. The article is devoted to the history of the origin and development of the park-stadium in one of the microdistricts of Sverdlovsk-Khimmash. The authors consider the problems of the origin and functioning of the park, subordinated to the Ural Chemical Engineering Plant, which were covered in the Soviet periodical press in the 1950s-1970s.*

Key words*: landscaping, garden, park - stadium, Great Patriotic War, social town, development, improvement.*

Неотъемлемой частью территории городского пространства являются парки, скверы, бульвары, которые принимают участие в формировании архитектурно-планировочной структуры города и представляют собой важнейший компонент природной среды в современном урбанистическом комплексе. Именно в сохранении исчезнувшей на большей части территории города природной среды и заключается основное значение парков и скверов – так называемых «островков жизни» в г. Екатеринбурге (бывш. Свердловск) - крупнейшем промышленном центре Среднего Урала [1] .

В начале XIX в. г. Екатеринбурге начинала складываться система озеленения: появились объекты, предназначенные для широкого круга посетителей всех сословий, которые можно назвать первыми объектами озеленения «общего пользования». Именно немногочисленные на том момент бульвары и скверы, общественные и частные сады заложили основу городской системы озеленения [2].

Кайзер Н. В. выделяет несколько этапов в формировании городской системы озеленения г. Екатеринбурга, среди которых наиболее значимым является период преимущественно советского государственного строительства [3]. Одним из таких мест, заложенных в советскую эпоху, стал парк-стадион «Химмаш» в г. Свердловске, территориально располагавшийся в черте Чкаловского административного района.

История парка, окруженного улицами Дагестанская, Славянская и Нижнеисетским прудом в микрорайоне «Химмаш» началась с развитием знаменитого Уральского завода химического машиностроения, проект которого был задуман

еще в начале 1930-х гг. Однако в 1934 г. начавшееся строительство было законсервировано.

В начале Великой Отечественной войны в августе 1941 г. на территорию вблизи Нижне-Исетского поселка прибыл эвакуированный из Киева завод «Большевик». Уже 23 февраля 1942 г. созданный на его базе Уралхиммашзавод выпустил первую продукцию для фронта. В том же году в составе г. Свердловска был образован новый жилой район - Химмаш [4, с. 104].

Одновременно здесь началось активное жилищное строительство, пик которого пришелся на 1950 –е гг.

В послевоенное время в г. Свердловске уделялось большое внимание мероприятиям по озеленению, что являлось частью комплексной программы восстановления и развития города после Великой Отечественной войны. Во всех городах СССР появились парки культуры и отдыха, как обязательный элемент системы озеленения города. «Химмаш станет садом!», - так многообещающее выглядел заголовок статьи в газете «Вечерний Свердловск» за 21 сентября 1958 г., призывавшей украшать поселок зеленью [5].

Популярным местом отдыха заводской молодежи и местных жителей Химмаша стал парк-стадион, основа которого была заложена еще в военный период. «В суровые военные годы уралхиммашевцы работали в трудных условиях. Планы завода были очень напряженные. Завод строился, но давал продукцию для фронта. Взрослые и подростки работали, не считаясь со временем. Многие неделями не покидали своих рабочих мест. Было не до отдыха. Но рабочие, ИТР и служащие именно в это время начали разбивать свой парк. Никакой механизации у нас не было. Вручную выкорчевывали пни деревьев. Кирками и лопатами планировали футбольное поле. Делали дорожки в лесу, насыпь для пирса водной станции», - вспоминал ветеран Уралхиммашзавода, член Всероссийского общества охраны природы Н. Чаленко [6].

Силами работников завода был построен большой летний театр, в котором часто проводились лекции, организовывались выступления артистов свердловских театров из других городов, коллективов художественной самодеятельности, происходила демонстрация кинокартин. В центральной беседке парка была устроена «зеленая читальня», где в тени деревьев можно было познакомиться со свежими газетами и журналами. Работала танцевальная площадка, летний ресторан «Голубой Дунай». Появились большая цепочная карусель, детская площадка, тир, лодочная станция. На Нижне-Исетскому пруду был организован прокат яхт, что позволяло проводить городские соревнования.

Дни открытия парка всегда были настоящим праздничным событием. Летом и осенью он становился центром культурно-массовой работы.

Развивалось в новом районе и спортивное движение. Обширная территория лесных массивов, аллеи, спортивные объекты, которые с 1957 г. были закреплены за ДСО «Труд» обусловили возможности для не только для пеших прогулок, но и для занятиям спортом. Летом на стадионе занимались футболом, а в зимний сезон - конькобежным спортом и хоккеем с мячом.

Газета «Вечерний Свердловск» в 1958 г. писала: «Пришел ноябрь. Скоро на старт выйдут лыжники, конькобежцы, хоккеисты. Как их встретят на спортивных базах, какой предоставят инвентарь - эти вопросы сейчас волнуют заводских спортсменов. В совете ДСО «Труд» Уралхиммашзавода утвердили план-календарь зимних мероприятий… Спортсмены завода располагают хорошим стадионом, он уже готов к встрече своих хозяев. Футбольное поле подготовлено к поливу, пожарные шланги в порядке. Конькобежная дорожка доведена до 400 метров. На стадионе будут проходить игры по хоккею с мячом, массовое катание на коньках» [7].

Однако в 1970-е гг. парк стал переживать сложные времена. Из материалов газет за 1975 г. можно было узнать о неудовлетворительном состоянии благоустройства парка. Был снесен летний театр, перестала работать танцевальная площадка. Молодежь стала все чаще посещать пивной павильон. Эллинг для яхт также был разрушен, и множество лодок и яхт находились зимой без укрытия. Пирс находился в стадии затянувшейся реконструкции. Аттракционы требовали капитального ремонта. В лесопарковой зоне из-за огородников, которые расширяли свои участки, безжалостно уничтожались сотни деревьев и кустарников.

В 1976 г. в статье «Старые беды парка Химмаша» вновь поднимались вопросы его благоустройства. Но ситуация практически не менялась: наглядно проявлялось отсутствие должного внимания к парку со стороны администрации соцгородка, общественных организаций, руководства промышленных предприятий [8].

В 1980 – е гг. традицией редакции газеты «Вечерний Свердловск» стало проведение летних рейдов по паркам города. В одном из летних выпусков этого печатного издания за 1986 г. была опубликована статья, посвященная проверке зоны отдыха в парке Химмаша: «Одиннадцать часов утра. В парке «Уралхиммаша» щебет птиц перекликается гулкими ударами мяча: на обеих спортплощадках идут соревнования заводских команд. Здесь, пожалуй, единственное оживленное место парке. На аллейках, площадках — даже

детской — можно встретить только редких посетителей. Нет, мы вовсе не за то, чтобы парки по многолюдству напоминали остановки транспорта час «пик». Но то же время можем понять огорчение буфетчицы А. Мыльниковой, которая одна - единственная скучает под витриной, где чего только нет: бутерброды с ветчиной, сосиски, чебуреки, кексы, вода фруктовая, соки нескольких видов. Вспоминаем, как всего два года назад, чтобы зайти буфет (тогда он именовался пивбаром), требовалось определенное мужество: грязь на полу, объедки на столах, пьяные выкрики воздухе — пили тут, судя по всему, далеко не только пиво... Да заходить-то непьющему человеку было незачем: кроме окаменевших пирожков витрина ничего не предлагала... Теперь все изменилось — парк стал чистым, ухоженным, все починено, покрашено. Парку явно повезло с директором Иваном Илларионовичем Минаковым: заботливый, рачительный хозяин, да руки золотые. Сейчас главная забота директора - лодочная станция: лодки вот-вот «встанут на весла», тогда народу здесь, считает директор, сразу прибавится… Но тут скучновато — все аттракционы работают только вечером. Действительно, почему покататься на качелях, каруселях, поиграть на бильярде, посостязаться в городки можно только после 17 часов? Неужели эта «культурная точка» будет большую часть времени закрыта?» [9].

Но самыми сложными оказались 1990-е гг.: парк постепенно начал приходить в упадок, принимая вид заросшей неухоженной местности. Какое-то время его территория находилась в заброшенном состоянии, но с появлением собственника все изменилось. Был начат капитальный ремонт стадиона, сооружений, велись работы по облагораживанию парка. Расчищены от зарослей малины и крапивы, аллеи, убраны старые насаждения, восстанавливался прежний вид парка.

Накануне Чемпионата мира по футболу 2018 г. компания «Атомстройкомплекс» провела масштабные работы по реконструкции — был обновлен старый комплекс стадиона «Химмаш», под трибунами которого базируется детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва № 18 по хоккею с мячом, сооружены два новых поля для игры в футбол и хоккей на траве, восстановлена площадка для воркаута и т.д. Предлагалось даже дать стадиону новое имя — Арена «Ермак», однако это название не прижилось [10].

В настоящее время новейшие объекты спортивного назначения в сочетании с уникальным природным ландшафтом вновь превратили парк-стадион «Химмаш» в современный спортивно-культурно-досуговый кластер и популярное место отдыха среди местных жителей и гостей города на берегу Нижне-Исетского пруда.

Список литературы:

[1] Власенко В. Э. Дендропарк-выставка как рефугиум живой природы города Екатеринбурга / В. Э. Власенко, Л. М. Дорофеева, С. В. Яковлева // Аграрный вестник Урала. 2010. № 1(67). С. 66-69.

[2] Сродных Т. Б. Зеленый каркас города Екатеринбурга – проблемы и задачи / Т. Б. Сродных, С. В. Вишнякова, Н. Т. Кайзер. Текст: электронный // Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.). Екатеринбург: Издательство Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 481-483.

[3] Кайзер Н. В. Трансформация исторических общегородских объектов озеленения в городе Екатеринбурге: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук: 06.03.03 / Н. В. Кайзер; [Место защиты: Уральский государственный лесотехнический университет]. Екатеринбург, 2020. 20 с.

[4] Бердников Н. Н. Город в двух измерениях: Очерки журналиста Н.Н. Бердникова о старом Екатеринбурге и соврем. Свердловске, об изменениях, которые произошли в городе за годы Сов. власти / Обществ. редкол.: д-р ист. наук А.Г. Козлов и др. - 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. 112 с.

[5] Химмаш станет садом // Вечерний Свердловск. 21 сентября, 1959 г.

[6] Беды старого парка // На смену! 19 апреля, 1975 г.

[7] Зима постучалась к спортсменам // Вечерний Свердловск. 3 ноября 1958 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/101804

[8] См. Старые беды парка Химмаша // На смену! 9 июля, 1976 г.

[9] «Вечерний Свердловск» 24 июня, 1986 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/112198

[10] Мы с Урала. Парк-стадион «Химмаш». [Электронный ресурс]. URL: https://мы-с-урала.рф/places/detail/park-stadion-khimmash/?ysclid=mohgj0wfg2792770044

References:

[1] Vlasenko, V. E. Dendropark-Exhibition as a Refuge of the Living Nature of the City of Yekaterinburg / V. E. Vlasenko, L. M. Dorofeeva, and S. V. Yakovleva // Agrarian Bulletin of the Urals. 2010. No. 1(67). Pp. 66-69.

[2] Srodnykh, T. B. The Green Framework of the City of Yekaterinburg: Problems and Tasks / T. B. Srodnykh, S. V. Vishnyakova, and N. T. Kaiser. Text: electronic // Spring Days of Science: Collection of

Papers from the International Conference of Students and Young Scientists (Yekaterinburg, April 20–22, 2023). Yekaterinburg: Publishing House “Azur”, 2023. Pp. 481-483.

[3] Kaiser, N. V. Transformation of Historical Citywide Landscaping Objects in the City of Yekaterinburg: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Agricultural Sciences: 06.03.03 / N. V. Kaiser; [Place of Defense: Ural State Forestry University]. Yekaterinburg, 2020. 20 p.

[4] Berdnikov N. N. A city in two dimensions: Essays by journalist N.N. Berdnikov on old Yekaterinburg and modern times. Sverdlovsk, about the changes that have occurred in the city over the years of the Soviet Union. authorities/ Societies. Editorial board: Doctor of Historical Sciences A.G. Kozlov et al. - 2nd ed., revised. and add. Sverdlovsk : Wednesday.-Ural. publishing house, 1979. 112 p.

[5] Khimmash will become a garden // Evening Sverdlovsk. September 21, 1959.

[6] Troubles of the old park // On the change! April 19, 1975.

[7] Winter knocked on the athletes’ door // Evening Sverdlovsk. November 3, 1958. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/101804

[8] See. Old troubles of the Khimmash Park // To the change! July 9, 1976.

[9] “Evening Sverdlovsk” June 24, 1986. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/112198

[10] We are from the Urals. Park-stadium “Khimmash”. [Electronic resource]. URL: https://my-from-the-Urals.ru/places/detail/park-stadion-khimmash/?ysclid=mohgj0wfg2792770044

